E57
67

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ
НЕ ПОЗЖЕ ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

		5457		

KP
130
E57

[illegible]

А. ЕЛЬНИЦКИЙ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Е 57/67
947 р.о. / Е-57
КОММУН. УНИВЕРС. НАЦ. МЕН. ЗАП. КАБИНЕТ ЛЕНИНИЗМА
ПРОВ. 1935

„ПРОЛЕТАРИЙ"
1925

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
329402

I

„Насаждение" крупной промышленности в России.

Сравнительно недавно еще было распространено мнение, что крупную промышленность в России насадил Петр I, позаимствовав ее у западной Европы. До него же будто бы у нас не было ни крупных заводов и фабрик, ни крупных капиталов.

А отсюда делался вывод, что крупное капиталистическое производство, перенесенное к нам с Запада, является для русского народного хозяйства чем-то чуждым и не имеет глубоких корней.

Так смотрело на вещи целое поколение писателей-народников и потребовались специальные исторические исследования, чтобы доказать неправильность подобной точки зрения.

Одним из первых против этого заблуждения выступил Туган-Барановский, который в своем труде „Русская фабрика в прошлом и настоящем" показал, что крупная промышленность в России начала развиваться еще задолго до Петра I, что почву для нее постепенно подготовлял крупный торговый капитал, который появился в России с давних времен.

Неправильным оказалось также и представление, будто насаждение крупной промышленности в России почти целиком шло за счет средств государства.

Исторические исследования показали, что хотя Петр I действительно содействовал развитию и возникновению крупных фабрик и заводов, оказывая при этом капиталистам известную финансовую поддержку, но эта помощь, в особенности денежная, могла только ускорить естественный ход событий, который обозначился уже задолго до Петра I.

Денежные же средства, которые тогда государство вложило в фабрики и заводы, были так незначительны, что на них одних никакой крупной промышленности нельзя было бы создать.

Но такая же помощь и поддержка нарождавшейся крупной промышленности практиковалась не только у нас в России, но была в свое время распространена и в странах Западной Европы, так как повсюду правительственная власть оказывалась заинтересованной в скорейшем развитии целого ряда производств в собственной стране.

Поэтому с таким же правом можно было бы говорить об искусственности насаждения крупной промышленности повсюду, если бы только всеобщий характер этой „искусственности" не превращал ее во вполне естественное и закономерное явление.

Чтобы проследить естественный ход постепенного развития крупной промышленности в России, необходимо хотя бы бегло познакомиться с состоянием и развитием народного хозяйства в Московской до-петровской Руси.

Русское народное хозяйство той далекой эпохи отнюдь не было исключительно земледельческим.

На-ряду с земледелием значительные массы населения были заняты разного рода добывающей промышленностью, а бок-о-бок с последней и земледельческими занятиями широко и тогда уже процветала всякого рода кустарная обрабатывающая промышленность и, наконец, довольно широко была развита торговая деятельность.

В этом отношении Московская Русь XVII столетия довольно резко отличалась от остальной Европы и все западно-европейские путешеетвенники, оставившие свои записки о Московском государстве, в один голос указывали на то, что им прежде всего бросалось в глаза и чего они не наблюдали у себя на родине.

Такой особенностью тогдашней России было широко развитое мелкое производство самых разнообразных предметов домашнего обихода, одежды и даже предметов роскоши, с одной стороны, и не менее широкое развитие торговли в России—с другой.

В отличие от тогдашйей Западной Европы, где ремесленное производство работало, главным образом, на заказ,—в России работу на заказ можно было встретить почти исключительно в больших городах; вся же остальная масса мелких производителей все изготовляла для продажи, доставляла все изготовленное за определенную плату купцам, а уже последние продавали все эти предметы потребителю из своих лавок.

При относительной редкости населения в Московском государстве и ничтожном количестве городов роль торговца в хозяйственной жизни страны, когда он являлся необходимым посредником между производителями кустарных изделий и потребителями их, должна была стать весьма значительной.

И, действительно, исторические исследования, основанные на изучении источников того времени, показывают, что торговый капитал является крупным фактором общественной и экономической жизни России той эпохи.

Торговый капитал уже тогда почти целиком подчинил себе производителей кустарей, оказывал влияние на экономическую жизнь целых областей Московского государства и даже находил способы воздействовать на законодателную деятельность русских царей, стремясь выторговать у последних наиболее благоприятные условия для своего дальнейшего развития.

Так, еще при Алексее Михайловиче „по челобитью Московского государства гостей и гостиных сотен и черных слобод торговых людей" был издан „Новоторговый устав", значительно усиливший политическое значение представителей крупного торгового капитала.

„Гости" являлись для того времени очень крупными капиталистами, и обороты их торговли измерялись миллионами рублей в год, в переводе на современную ценность денег.

Они держали в своих руках не только всю внутреннюю торговлю Московской России, но руководили и внешней ее торговлей, которая также достигала значительных размеров.

Россия в это время вывозила за границу преимущественно промышленное сырье (лен, пеньку, кожи, шерсть), а ввозила промышленные изделия.

Вывоз сырья из России был настолько значителен, что такие крупные западно-европейские страны, как Англия и Франция, были существенно заинтересованы в сохранении за собой русского рынка, и, как известно, в конце XVIII и начале XIX столетия между этими странами сильно обострилась борьба из-за преобладания в торговле с Россией.

В английском парламенте в 1774 году указывалось, что мореходство Англии не может обойтись без русского полотна и что сырье, получаемое из России, существенно необходимо для английской промышленности.

Пока в стране преобладало натуральное хозяйство и каждая даже небольшая деревня удовлетворяла большинство своих жизненных потребностей трудами рук своих членов, приобретая лишь те предметы, которых она сама производить не могла,—такой хозяйственный уклад жизни с преобладанием мелкого производства мог существовать и даже развиваться. Но жизнь Московской Руси не стояла, ведь, на одном месте: хотя и медленно, но постепенно она изменялась.

Возрастало население страны; крупнее становились города и торговые центры; строилась и укреплялась государственная

власть, для обслуживания которой стали требоваться значительные кадры чиновников и войска.

Увеличение населения также вызывало не мало изменений в хозяйственном укладе страны. Прежние способы ведения хозяйства, доступные при малочисленности населения, теперь оказывались негодными, и требовался переход к более интенсивным формам труда.

На этой почве постепенно вырастало то мелкое кустарное производство, о котором мы говорили выше и которое, в свою очередь, вызывало увеличение обмена в стране и еще сильнее разрушало основы прежнего натурального хозяйства.

А с ростом менового хозяйства должен был неизбежно наступить момент, когда рамки мелкого производства должны были оказаться недостаточными для такого крупного хозяйственного организма, каким постепенно становилась Московская Русь.

Потребности, как самого населения, так и разраставшегося государственного аппарата начинали властно требовать перехода к крупному производству.

До поры до времени русский торговый капитал не обнаруживал особой склонности захватить в свои руки также и производственную деятельность.

Владея почти безраздельно внутренним рынком, русские купцы предпочитали скупать по дешевой цене продукты труда кустарного производства, держа мелкого производителя в постоянной зависимости от себя, вместо того, чтобы превращать его в наемного рабочего.

Русский торговый капитал в это время выступал ярым сторонником свободы торговли с заграницей и заботился лишь о том, чтобы все барыши от этой торговли доставались целиком ему, а не шли в карманы иностранных конкурентов. Но с течением времени эта же, все больше и больше развивавшаяся, торговля с заграницей стала толкать купцов и прочих владельцев капиталов перейти от торговли заграничными товарами к организации производства их в самой России.

С одной стороны, заграничные купцы, вместо того, чтобы из года в год ввозить в Россию свои товары, стали пробовать организовать производство этих же товаров внутри страны, рассчитывая использовать для этого дешевый труд русского рабочего и избежать двойных накладных расходов по перевозке сырья за границу и доставке готовых изделий в Россию.

А на-ряду с этим расширявшийся внутренний рынок толкал на такое же производство и русский торговый капитал, и первые

русские фабрики начинают появляться в России еще задолго до Петра I.

Даже само Московское правительство начало заводить собственные заводы до Петра I, стремясь этим путем, с одной стороны, получить необходимые для нужд государства продукты, а с другой, найти новый источник дохода.

Одними из первых появились в России писчебумажные фабрики, стеклянные и железоделательные заводы, затем—кожевенные, канатные, поташные, клеевые заводы, суконные, шерстяные, парусинные фабрики и фабрики шелковых, бархатных и парчевых изделий.

К концу XVII и началу XVIII века постепенно изменявшиеся условия хозяйственной жизни Московского государства уже вполне отчетливо выявили переход от мелкого кустарного производства к крупному производству.

Натуральное хозяйство предыдущей эпохи постепенно, но все больше и больше уступало место хозяйству меновому. Благодаря этому, общая потребность в товарах постепенно возрастала и уже не могла удовлетворяться одной домашней мелкой промышленностью и ввозом иностранных товаров.

Внутри страны создавался, таким образом, крупный рынок, насытить который могло только крупное массовое производство.

Новому крупному производству на первых порах сильно мешал только недостаток свободных рабочих рук. Но жизнь довольно быстро устранила это затруднение, предоставив фабрикантам и заводчикам возможность эксплоатировать крепостной труд.

Ниже мы подробнее познакомимся с процессом образования рабочего класса в России в крепостную эпоху, а пока вернемся к истории возникновения первых фабрик и заводов.

Первые писчебумажные фабрики и стеклянные заводы появились на Руси еще во второй половине XVI века; к концу этого же столетия были основаны парчевые и бархатные фабрики и кожевенные заводы

Для организации фабрики или завода уже и тогда требовался значительный капитал, исчисляемый на наши деньги в сотни тысяч и даже миллионы рублей. Но за деньгами особой остановки не было.

Русский торговый капитал к этому времени успел довольно сильно развиться и мог выделять для организации крупного производства значительные средства.

Заграничный торговый капитал также обладал необходимыми средствами и даже начинал искать их применения в такой богатой сырьем стране, как Россия.

Наконец, если для открытия крупной фабрики или завода не хватало средств одного купца, обычно образовывалась компания, и необходимые средства все-таки находились.

Денежная помощь, которую оказывало в некоторых случаях русское правительство первым фабрикантам, в особенности Петр I, в конце концов была довольно скромной.

При Петре I было роздано в качестве пособий и ссуд около 1.000.000 руб. на современные деньги. Если к этой цифре прибавить затраты казны на организацию собственных фабрик и заводов которые достигали значительно большей цифры, то и тогда эти средства окажутся очень ничтожными, чтобы иметь право делать вывод, будто крупная промышленность России теплично выросла на средства государства.

Как явствует из приведенных справок, на средства, отпущенные государством для этой цели, можно было бы соорудить только один более или менее приличный завод; прибавьте к этому десяток заводов и фабрик, сооруженных самим правительством,— вот и все, что могло дать крупной промышленности государство, а в то же время уже при Петре I крупные фабрично-заводские заведения насчитывались в России многими десятками, при его преемниках они стали возникать уже сотнями, а к концу царствования Екатерины II их было уже свыше 3000.

Таким образом, основанием для развития крупной промышленности в России, как и в остальной Европе, послужил торговый капитал, постепенно образовавшийся в процессе предыдущего экономического развития страны и на пространстве нескольких десятилетий Россия стала довольно быстро превращаться в страну с крупным промышленным производством.

Правда, основой этого производства служил, как мы указывали, крепостной труд, и это обстоятельство сильно тормозило развитие капиталистических отношений, но тем не менее крупная промышленность России продолжала развиваться и не только удовлетворяла потребности внутреннего рынка, но даже начала работать на вывоз.

Уже в XVIII веке за границу широко шли русские фабричные пеньковые и льняные изделия и, как мы видели, без них не мог обходиться английский флот; также хорошо шла заграницу и продукция русских железоделательных заводов.

В 1758 г. было вывезено за границу 77000 кусков полотна, а в 1795 г.—251.000 кусков; в 1760 г.—820.000 пуд. железа, а в 1795 г.—2.966 000 пуд Число фабрик и заводов, работавших на вывоз, также возрастало быстро, в особенности это было заметно на полотняных фабриках, количество которых со 135 в 1760 г. поднялось в 1800 г. до 285; но, правда, вскоре, вследствие перехода торгового флота на паровую тягу, эта промышленность приостановилась в своем развитии.

На почве значительного процветания крупной промышленности в крепостную эпоху, в особенности в первые десятилетия по ее возникновении, возникла даже определенная борьба между русским купечеством и поместным дворянством, в которой дворянство добивалось, чтобы право эксплоатировать на фабриках и заводах крепостной труд было оставлено исключительно за ним.

Как уже упоминалось выше, при Петре I (указом 1721 г.) было разрешено предпринимателям не дворянского происхождения приобретать к фабрикам и заводам населенные деревни. Но, под влиянием упорной борьбы поместного дворянства, русское правительство, всегда принимавшее близко к сердцу его интересы, в лице Петра III поспешило в 1762 г. отменить этот указ.

Однако, эта формальная отмена указа не уничтожила эксплоатации крепостного труда на фабриках и заводах.

Не говоря уже о том, что на фабриках и заводах, принадлежавших помещикам, работали исключительно их крепостные, продалжали работать на купеческих фабриках и те десятки тысяч крепостных, которые были прикреплены к фабрикам за годы действия Петровского указа.

Наконец, жизнь выдвинула еще один способ получения крепостного труда. Не имея возможности приобретать крестьян в собственность, владельцы фабрик и заводов могли нанимать их для работ на фабрике у тех же помещиков за определенную плату.

И этот способ эксплоатации крепостного населения одно время получил очень широкое распространение, так как представлял для поместного дворянства довольно простой и удобный путь извлечения прибыли из принадлежавших им крепостных.

В особенности он был распространен в нечерноземных губерниях, где земля приносила мало дохода, и помещику было выгоднее отпускать крестьянина на оброк или сдавать на фабрику, получая за это деньги, чем самому заботиться о повышении урожайности крестьянских полей.

На-ряду с этим, после запрещения приписывать к фабрикам и заводам крестьян, фабриканты купеческого сословия начинают привлекать рабочую силу и на основах добровольного соглашения, получая рабочих из среды городских мещан, беглых и оброчных крестьян и т. п. Явление это вначале существования крупной промышленности было мало заметно, но оказалось впоследствии, как увидим ниже, весьма жизненным.

Почти весь XVIII век помещичья крепостная фабрика довольно успешно конкурировала с фабрикой купеческой и если не вытесняла ее,—так как и купеческая фабрика, как мы только-что указывали, успела приспособиться к изменившимся условиям,—то все-таки сплошь и рядом обгоняла ее в росте.

Но дальнейший ход экономического развития России и в особенности развитие в стране крупной промышленности должны были рано или поздно открыть широкий простор чисто капиталистическим отношениям и тем самым положить конец существованию крепостнического хозяйства вообще и крепостной фабрики—в частности.

Первые намеки на эти изменения, вносимые самой жизнью, стали ощущаться уже с конца XVIII и начала XIX века.

Уже сама Екатерина II высказывалась в том смысле, что „невольные руки хуже работают, нежели вольные", но, правда, готова была распространять этот вывод исключительно только на фабрики и заводы, но отнюдь не на дворянские имения.

Точно также и другой защитник дворянских интересов, кн. Щербатов выступил активно за применение вольного труда на фабриках.

Возражая сторонникам крепостного фабричного труда, сиятельный публицист патетически восклицал: „Как возможно сказать, что без таковых невольных людей купцам невозможно обойтись, когда видим целую Европу, где никто невольных людей не имеет"...

К сожалению, почтенный князь признавал недопустимость крепостного труда только на купеческих фабриках; на фабриках же и заводах дворянских, по его убеждению, должен был оставаться крепостной труд, ибо, во-первых, „заведенные дворянами фабрики держат крестьян в беспрестанном трудолюбии", и, во-вторых, на этих фабриках рабочие, по мнению князя, „свое собственное благосостояние находят в прибыли своих господ".

Но подобная наивная защита всех прелестей крепостного права русского дворянства к концу екатерининской эпохи доживала уже свои последние дни.

Начиная с XIX столетия преимущества вольнонаемного труда перед крепостным постепенно проникают в самые упрямые и тупые головы, ибо в самой жизни, на фабриках и заводах, принадлежавших не-дворянским элементам, замена подневольного труда вольнонаемным шла вперед быстрыми шагами.

К 1812 г. число вольнонаемных мастеровых и рабочих на фабриках и заводах успело уже превысить число крепостных рабочих и продолжало неуклонно повышаться.

Об'яснялось это не только тем, что труд вольнонаемного фабричного был более продуктивен, но и тем, что обходился он для предпринимателя гораздо дешевле, чем содержание крепостного рабочего.

К средине 40-х годов XIX столетия даже само русское правительство, в лице министра Киселева, должно было согласиться, что „в отношении фабричного и заводского дела ныне признано уже за неоспоримую истину, что наемный труд несравненно выгоднее работ, производимых крепостными, тем более, что владелец для содержания одного крепостного работника должен кормить целую семью и уплачивает за нее подати и повинности".

Дворянская фабрика, работавшая в XVIII веке почти исключительно крепостным трудом, теперь оказалась в очень невыгодном положении: она, несмотря на обилие рабочих рук, оказалась не в состоянии конкурировать с фабрикой капиталистической, прибегавшей к более дешевому и продуктивному вольнонаемному труду.

Еще недавно игравшие очень крупную роль в промышленности России дворянские фабрики и заводы *) к началу XIX века начинают быстро сокращаться в числе: к 30-м годам этого столетия их оставалось уже не более 15% общего числа, а к концу 40-х годов это количество понизилось даже до 5%. Особенно быстро дворянская крепостная фабрика стала уступать место фабрике капиталистической с переходом последней от ручного производства к машинному, происходившему в начале того же XIX века.

*) На долю дворянских фабрик во второй половине XVIII в. приходилось более трети всего промышленного производства страны. В руках дворян находились преимущественно крупные фабрики. В тех отраслях производства, сбыт которых был обеспечен поставкой в казну, как, напр., в суконном, преобладание дворянского капитала чувствовалось еще сильнее: из 98 суконных фабрик, существовавших в 1809 г., только 12 принадлежали купцам.

Теперь уже и купеческий капитал начал определенно тяготиться невыгодным крепостным трудом и всячески искал способов, как бы от него избавиться.

„По совершенной невыгодности работы посредством посессионных фабричных, коих содержание сравнительно с вольнонаемными обходится слишком дорого и падает на цену изделий, желаем мы их уволить от фабрики",—писали купцы Ефимовы в своем прошении на имя министра финансов. И такого рода просьбы к 30-м годам XIX столетия приняли буквально массовый характер.

Купцы Хлебниковы, ходатайствуя об освобождении их от посессионных рабочих, заявляли в своем прошении: „Как духом времени изменилось фабричное производство, введен в оное механизм, заменяющий ручные работы, то и производство на фабриках работ посессионными людьми не только неудобно, но и наносит постоянно важные убытки, да и самые при них посессионные люди сделались уже излишними и обременительными для владельца".

Точно также владельцы крупной Фряновской мануфактуры находили слишком обременительным для себя содержание посессионных рабочих, которые обходились для них значительно дороже оплаты труда вольнонаемных.

Кроме того, большинство фабрикантов ссылалось на постоянные буйства и непокорность рабочих, которые только мешают работе и от которых они не могут отделаться, пока они считаются прикрепленными к фабрике.

Правительство, всегда прислушивавшееся к голосу предпринимателей, поспешило пойти им навстречу и в 1840 г. издало закон, открывший путь постепенной ликвидации крепостного труда на фабриках.

Приписных или купленных к фабрикам крестьян разрешено было увольнять от работ, обращая их в свободное состояние, с тем, чтобы семьи их при увольнении не раздроблялись. Казна даже уплачивала предпринимателю в таких случаях „по 35 рублей серебром за ревизскую душу мужского пола".

Заводчики и фабриканты поспешили широко воспользоваться этим законом, и в первые же годы после его издания было освобождено свыше 15.000 приписанных к фабрикам и заводам крепостных рабочих. Эта цифра была бы значительно выше, если бы не столь обычная у нас на Руси бюрократическая волокита: дела об освобождении многих фабрик и заводов от крепостных рук затянулись на целые десятилетия и некоторые из них преблагополучно дожили до общей крестьянской реформы 1861 г.

Эту непригодность подневольного крепостного труда для промышленного производства ясно сознавал в эту эпоху не только торговый капитал, поспешивший от него избавиться,— его постепенно начинало сознавать и дворянство, несмотря на всю косность этого сословия.

Жизнь начинала властно требовать и от него отказа от вековых привычек крепостного права и перестройки всего своего хозяйства на новых капиталистических началах.

К средине XIX века прежний крепостной порядок доживал свои последние дни, но так как его непригодность к изменявшемуся хозяйственному строю стала выявляться значительно раньше, уже с конца XVIII столетия, он несомненно должен был затормозить естественное развитие производительных сил России.

Сильнее всего эта отрицательная сторона крепостного уклада сказалась именно на крупном производстве.

Развитие его в России, благодаря этому, шло медленно, промышленная техника прогрессировала очень слабо, производительность труда была очень низка, продукты промышленного производства получались очень плохими по качеству и очень дорогими по цене.

При Анне Леопольдовне созданная специальная комиссия для расследования причин малопродуктивности русского фабричного производства должна была одной из основных причин плохого ведения дела признать „крайне неудовлетворительное" положение рабочих и совершенно невозможные условия, в которых им сплошь и рядом приходилось выполнять работу.

Согласно докладу этой комиссии, фабричные здания почти нигде не ремонтировались, потолки протекали, со стен и потолка на работу попадал песок и сор и пачкал работу; освещение было настолько плохое, что даже посреди дня можно было с большим трудом следить за работой; на фабриках отсутствовали полы, в стены дул ветер, и рабочие были так плохо обеспечены одеждой, что у большинства нельзя было встретить даже целой рубахи на плечах. Питание рабочих было совершенно не организовано, а продолжительность рабочего дня местами достигала таких чудовищных размеров, что комиссия в целях улучшения положения фабричных рабочих высказалась за необходимость ограничения рабочего дня 14 часами в сутки.

Но пока крупная промышленность работала, главным образом, на удовлетворение нужд казны, она, будучи обеспечена заказами,

мало была заинтересована в усовершенствовании техники производства и в удешевлении своих товаров, а тем более в улучшении положения рабочих.

Но к началу XIX столетия условия изменились и в этом отношении.

Внутренний рынок страны настолько вырос, что крупное производство не могло с ним не считаться. Конкуренция заводчиков друг с другом и в особенности с мелкой кустарной промышленностью, от которой по своей технике крупное производство первоначально мало чем отличалось, заставили их в конце концов перейти от ручного производства к машинному.

Тогда-то стал отмечаться быстрый рост тех отраслей промышленности, которые работали на удовлетворение потребностей населения.

В особенности ярко сказалось это на развитии хлопчатобумажного производства, которое за период с 1812 г. по 1860 г. успело увеличить свои размеры более чем в 50 раз.

К концу крепостного права крупная промышленность России все же значительно отстала от промышленности западно-европейской, которая давно уже успела сбросить с пути своего развития все тормозы и мощно двигалась вперед, повсюду заменяя ручной труд машиной, постепенно механизируя все стадии производства и из года в год совершенствуя технику.

Но и в России, несмотря на отсталость, крупная промышлен. ность неуклонно и даже довольно быстро продолжала развиваться

Если к концу царствования Екатерины II общее число фабрик исчислялось в 3129, то в 1815 г. их уже насчитывалось 4189; к концу царствования Александра I (1825 г.) их уже было 5261; в 1854 г. считалось уже 9944 фабрик и заводов и, наконец, на 1860 г. это число поднялось до 14135.

II

Появление рабочего класса в России.

Пролетариата в современном нам виде в Московской Руси еще совершенно не существовало.

Подавляющее большинство населения было формально прикреплено к земле, да и вообще весь общественный строй того времени был всецело проникнут началами крепостничества, признававшими лишь труд раба.

Но тем не менее рабочий труд находил себе применение в условиях существования тогдашнего хозяйства и вне рамок крепостного права.

В городах и посадах России XVIII века значительная часть населения состояла из разного рода ремесленников и чернорабочих, существовавших продажею своего труда. Работали, они главным образом, на купечество и находились в полной экономической зависимости от последнего.

Если бы Россия к моменту возникновения крупной промышленности успела изжить крепостное право, это посадское и городское население, пополняемое постоянным притоком пролетаризирующихся элементов деревни, послужило бы основанием для формирования русского рабочего класса.

Но, как мы указывали в предыдущей главе, крупное производство стало возникать в России в момент расцвета крепостного права, когда государственная власть стремилась окончательно оформить крепостной порядок и была склонна распространить основы его, по возможности, на весь общественный строй.

Поэтому формирование рабочего класса в России, который начал обслуживать зарождавшуюся крупную промышленность, пошло несколько иным путем.

Благодаря прикреплению подавляющей массы населения к земле и помещику, владельцам первых фабрик и заводов сразу же пришлось столкнуться с недостатком рабочих рук.

Сравнительно легко рабочий вопрос разрешался для помещика, если он желал открыть фабрику или завод.

Рабочие руки у него были налицо—в виде крепостных, и их оставалось только приучить к новым формам труда.

Но помещичий класс как-раз позднее других стал браться за крупное производство; он ухватился за этот новый способ эксплоатации народного труда только тогда, когда воочию убедился в экономической выгоде этого дела.

Для первых же русских фобрикантов, вербовавшихся из купцов, как русских, так и иноземных, доступ к крепостному труду был закрыт, так как право владеть и распоряжаться крепостными, составляло прерогативу русского поместного дворянства и последнее довольно ревниво охраняло свое право.

Когда Петр I, стремившийся всячески содействовать насаждению и развитию крупной промышленности в России, пошел в этом отношении на встречу русским предпринимателям не-дворянского происхождения и указом 1721 г. разрешил „купецким людям покупать к фабрикам и заводам населенные деревни, дабы те деревни должны быть при фабрике уже неотлучно", то дворянство в этом петровском указе увидело определеннос посягательство на свои права.

Точно так же оно истолковывало и другой приказ Петра I, по которому воспрещалось возвращать с фабрик беглых крепостных их прежним законным владельцам. На этой почве между дворянством и купечеством возгорелась определенная борьба, победителем в котором оказалось дворянство, добившееся в 1762 г. отмены петровского указа.

Но в таком случае спрашивается, откуда же мог получить предприниматель московского государства рабочих для своей фабрики или завода?

Вопрос действительно был не из легких, в особенности в первые десятилетия по зарождении крупной промышленности.

Первые русские фабриканты, поэтому, справедливо указывали, что для спокойного содержания и размножения фабрик они нуждаются не столько в денежной помощи со стороны правительства, сколько терпят нужду „в мастерах, подмастерьях, учениках и работных людях".

Тем не менее рабочие руки для первых русских заводов и фабрик нашлись.

Это были прежде всего разного рода беглые помещичьи и казенные крестьяне, которые в эту эпоху массами срывались с насиженных мест, уходя от непосильной работы или жестокости помещика, и направлялись в степи или на окраины России в поисках „вольной жизни".

Первые русские фабрики и заводы охотно принимали таких рабочих, хотя и знали, что они продолжают оставаться собственностью прежнего владельца и могут быть вытребованы последним в любой момент.

Сохранился в летописях петровской эпохи любопытный рассказ о некоем купце Походяшине, который, получив разрешение на постройку двух заводов, выбрал для них наиболее отдаленное место от близлежащих городов, намереваясь строить эти заводы руками беглых крепостных, и для того, чтобы начальству было невозможно добраться до его заводов, нарочно не расчищал дорог.

На-ряду с беглыми в число рабочего населения первых фабрик и заводов стали попадать бродяги, всякого рода беспризорные люди, в особенности дети, нищие, „не имущие пропитания и промыслов", „винные бабы и девки", солдатские дети, „бродящие солдатские, матросские и других служилых людей женки" и т. п. При ближайших преемниках Петра I вопрос о беглых был разрешен для фабрик и заводов окончательно.

Снисходя к просьбам фабрикантов и заботясь о том, чтобы фабрично-заводское производство не потерпело ущерба, указом 1736 года было разрешено таких беглых мастеровых, если они успели обучиться мастерству, оставить „вечно при фабриках".

И вот эти-то „вечноотданные" люди, на-ряду с беспризорными и бродячими элементами Петровской России положили начало рабочему классу.

Таким образом, в условиях развития русского крупного производства имел место тот же самый факт, который отмечен был Марксом при изучении им промышленной истории Западной Европы: „отцы современного рабочего класса с самого начала подвергались карам за то, что их превратили в бродяг и нищих".

Русское правительство, заботившееся всемерно о том, чтобы бороться с бродяжничеством, охотно пошло навстречу запросам первых русских фабрикантов и заводчиков и стало направлять к ним и прикреплять к фабрикам и заводам все элементы тогдашнего общества, которые, в силу разных причин, оказывались оторванными от установленных рамок существовавшего тогда уклада жизни.

Таким образом, к концу первой половины XVIII столетия подавляющее большинство рабочего населения в крупной промышленности составляли лица, прикрепленные к ней.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
129402

Но была существенная разница, по крайней мере, в юридическом положении отдельных групп крепостных рабочих первых русских фабрик и заводов.

Крепостные рабочие помещичьей фабрики продолжали оставаться полной собственностью своего помещика. Он волен был распоряжаться их судьбою почти всецело по своему усмотрению, полновластно творил над ними суд и расправу и не был совершенно ограничен правительственною властью при выработке условий эксплоатации труда своих рабов.

Рабочего помещик мог в любой момент продать, обменять, подарить кому угодно, и искусные рабочие, хорошо изучившие свое ремесло, всегда шли за хорошую цену, так как в обученных рабочих всегда чувствовался большой недостаток.

Помещик фактически имел право подвергать принадлежавших ему рабочих каким угодно наказаниям за малейшие проступки и провинности.

При Екатерине II власть помещиков в этом отношении стала еще безграничнее, так как им было предоставлено право ссылать непокорных даже в каторжные работы.

Закон, правда, пытался ограничить карательную власть помещика над крепостными, разрешая ему наказывать лишь до 15 ударов палками, до 40—розгами и арестом в тюрьме и арестантских ротах до 6 месяцев.

Но подобные ограничения оставались, разумеется, на бумаге и почти никогда не соблюдались.

В отношении же условий работы на фабриках, принадлежавших помещикам, законодательство не пыталось устанавливать даже и фиктивных ограничений

Когда, в начале 30-х годов XIX века, московский генерал-губернатор кн. Голицын по жалобе крестьян на помещика Груздева вздумал было выработать особые правила, которые должны были ограничить эксплоатацию труда его крепостных на фабрике, то против этой попытки вмешательства во власть помещика энергично запротестовал московский предводитель дворянства, заявивший, что помещикам предоставлена полная свобода пользоваться трудом своих крепостных.

Нет поэтому ничего удивительного, что более вдумчивые люди крепостной эпохи, которым приходилось сталкиваться с трудом и жизнью крепостных рабочих, находили ее „хуже каторжной".

Так, напр., декабрист М. А. Блестужев в своих записках писал: „Каторжный, осужденный на известное число лет работы,

ежели он вел себя добропорядочно, почти всегда имел возможность избежать работы, нанимаясь как мастеровой, или даже как простой работник у заводских чиновников.

„По истечении срока каторжной работы его приписывают, как поселенца к волости, и по прошествии пяти лет безукоризненной жизни он имеет право приписаться в город, как мещанин, и потом, получив гильдейский билет, торговать наравне со всеми купцами.

А отверженное племя крестьян и горно-заводских служителей обречено с колыбели до совершенного истощения сил оставаться или угольщиком, или дровосеком, или кузнецом, и участь его тем более горестна, чем он трудолюбивее и прилежнее на работе".*)

Распоряжаясь своими крепостными всецело по своему усмотрению, помещики применяли к ним при этом самые различные системы использования их труда

Чаще всего рабочие не отрывались совершенно от земли, а работа на фабрике приравнивалась помещиком к барщине и ее либо поочередно выполняла часть крепостных, в то время как остальные были заняты на полевых работах, либо же из каждой семьи крепостных брался на фабрику определенный работник.

При таком способе ведения фабрики помещик не нес никакого расхода на рабочую силу.

Но на-ряду с этим практиковались и другие способы использования труда крепостных.

Многие из помещиков предпочитали, заводя фабрику, выделить для нее специальный кадр рабочих, которые в таком случае совсем отнимались от земли целыми семьями и в следующих поколениях должны были составить особый класс фабричных.

При этом такие отнятые от земли рабочие получали от помещика необходимое содержание натурой, или же, что бывало гораздо реже, помещик назначал рабочим особую задельную плату.

В значительно худшем положении находились рабочие, которых помещики практиковали отдавать на работу на чужие фабрики. Они получили название „кабальных рабочих".

Фабриканты крепостной эпохи охотно прибегали к этому способу „найма" рабочих для своих фабрик и заводов, так как он представлял для них известные выгоды: избавлял их от известной волокиты, связанной с вольным наймом отдельных рабочих, и давал возможность получать достаточно дешевую и покорную рабочую силу. Хотя и противозаконно, к нанимателю таких

*) Записки М. Бестужева. „Русская Старина" 1881 г. стр. 597.

„кабальных“ рабочих переходило от помещика право наказывать непослушных и ленивых.

Никакой особой платы, кроме полуголодного пропитания и содержания их в ужасающих антисанитарных условиях, таким рабочим не производилось; эксплоатации же они подвергались самой свирепой, так как, разумеется, фабрикант стремился выжать из них возможно больше, чтобы с лихвой вернуть израсходованную на их наем сумму.

Такой наем „кабальных“ практиковался фабриками, как в близлежащих деревнях, так и в более отдаленных местах, и рабочие, часто в осеннюю стужу перегонялись за сотни верст от своей деревни, лишенные какой бы то ни было теплой одежды.

В 1825 г. правительство попыталось, было, запретить помещикам отдавать своих крепостных для работы на чужие фабрики и заводы, но запрещение это целиком осталось на бумаге и вплоть до отмены крепостного права в 1861 г. помещики продолжали широко применять торговлю трудом своих рабов в тех случаях, когда от этого рассчитывали получить больший барыш, чем от уплаты самими крепостными оброка.

Не менее безотрадно было положение вотчинных крепостных рабочих, если помещик вместо того, чтобы торговать их трудом, отсылая их на чужие фабрики, сдавал в аренду свою собственную вместе с занятыми на ней рабочими.

Содержание рабочих в таких случаях обыкновенно возлагалось на арендатора, но вместе с тем к нему же фактически переходила и вся полнота власти над занятыми на фабрике крепостными.

Никакой заработной платы, разумеется, рабочим не полагалось, а требования арендатора к ним обыкновенно были чрезмерны, так как в сохранении крепостных арендуемой фабрики он не был совершенно заинтересован.

Несколько в ином положении находились рабочие „приписные и купленные к фабрикам“.

Приписка к фабрикам и заводам государственных крестьян довольно широко практиковалась в первой половине XVIII века. Чаще всего она происходила при передаче частным лицам казенных заводов, которые передавались в таком случае вместе с находившимися при них мастеровыми и крестьянами.

Но сплошь и рядом казенные крестьяне приписывались к частновладельческим заводам и просто для „поощрения“ фабрикантов, в особенности, когда правительство было заинтересовано

в быстром расширении какой-либо отрасли промышленности, а заводчики жаловались на недостаток рабочих рук.

Наконец, на этой почве было сильно развито и откровенное попрошайничество тех из сановных фабрикантов и заводчиков, которые пользовались влиянием при дворе. Такие лица, как Демидовы, гр. Шереметьев и др., умудрялись приписать к своим заводам буквально десятки тысяч народа, причем в приписку к ним попадали не только соседние с заводом села и деревни, но сплошь и рядом и расположенные от них на 200—400 и более верст.

Новый подневольный труд, столь отличный от прежнего земледельческого, вызывал постоянно недовольство приписных рабочих, стремившихся всячески от него избавиться.

Рабочие без конца подавали просьбы и жалобы, обивали пороги всевозможных учреждений и, не добившись обычно нигде правды, начинали изыскивать собственные пути избавления.

Очень долгое время обычной формой протеста крепостных рабочих было просто покидать ненавистную им фабрику, и они,— то в одиночку, то даже целыми селениями,—поднимались с насиженных мест и пускались в неведомый путь, стараясь забраться в такие места, где бы их не отыскала карающая рука власти и прежнего владельца.

Так, напр., в 20-х годах XVIII столетия, когда усилиями Петра I стали закладываться первые Екатеринбургские заводы и фабрики, направленные туда в распоряжение ген.-майора Геннина рабочие вскоре почти все разбежались, оставив своего ген.-майора „почти одного на пустом и тогда еще необитаемом месте".

Тщетно власти пытались ловить беглецов, направлявшихся в Башкирию, тщетно соблазняли башкирцев возвращать рабочих, суля им за это всякие блага,—побеги рабочих не прекращались десятилетиями.

Как показало расследование, произведенное в 1762 году, по поручению сената, генерал-квартирмейстером кн. Вяземским, как для побегов приписанных к заводам крестьян, так и для всякого рода возмущений и волнений, вплоть до самого упорного сопротивления властям, было не мало причин.

В его докладах, представленных сенату, перечисляется более 40 только наиболее важных поводов таких волнений, рисующих всю безотрадную картину тогдашнего подневольного труда и бесшабашного произвола фабрикантов-крепостников. Не имея возможности привести здесь этот длинный список подтвержденных расследованием злоупотреблений и чрезмерной эксплоатации

рабочего труда, мы лишь укажем, что и кн. Вяземский одной из самых главных причин волнений считал то, что для рабочих „сии заводские работы, сделавшись им большою тягостью, оставили в них навсегда негодование, которое инако и отвратиться не может, как только тогда, когда положена будет за заводские работы плата, соравнительная с выгодами, от земли ими получаемая".

Покупка крестьян к фабрикам, разрешенная Петром I в 1721 году для лиц не-дворянского сословия, еще более расширила рамки прикрепления рабочего населения к крупной промышленности. Правда, указ этот, как уже говорилось в предыдущей главе, потерял силу в 1762 г., но тем не менее на основании его многие десятки тысяч рабочих оказались закрепленными за фабриками и заводами.

Впоследствии, как приписных рабочих, так и купленных к фабрикам, стали называть посессионными. Положение их формально должно было довольно сильно отличаться от положения вотчинных крепостных рабочих.

Рабочие считались прикрепленными не к личности данного фабриканта, но к определенной фабрике или определенному заводу.

С одной стороны, они должны были оставаться при данном заводе „неотлучно", но с другой—и владелец завода не имел права ни отдавать их на выкуп, ни продавать отдельно от завода. Запрещалось также употреблять таких рабочих не на заводские работы.

Правительство, кроме того, по отношению к посессионным рабочим пыталось регулировать их взаимоотношения к владельцам, устанавливая, какая часть приписных рабочих может употребляться на работу, какое количество рабочих вообще может быть приписано к данной фабрике, или заводу и т. д.

Но в действительности эти ограничения далеко не всегда соблюдались фабрикантами и заводчиками, которые стремились распоряжаться приписанными или купленными рабочими руками совершенно самостоятельно.

Бесправие этой категории крепостного пролетариата порою достигало чудовищных размеров.

Оренбургский гражданский губернатор уже в 1859 г. в письме к своему начальству такими яркими штрихами обрисовывал положение рабочих на заводе купца Под'ячева.

„Невероятно, чтобы под надзором двух начальств, губернского и горного, люди в течение нескольких десятилетий жили

разлученными со своими семьями почти целый год, питаясь одним хлебом с водой целый век, не имея горячей пищи, приварка мяса, круп, не получая одежды и обуви, не имея дров... чтобы, наконец, за тяжелую работу в подземельи, в течение 6, 7, 8 и 12 часов, по невозможным к исполнению урокам, кроме хлеба и воды, рабочие получали высшую плату менее 3 коп. серебром. Все это действительно невероятно; еще невероятнее то, что в рудничные работы посылались дети 8 лет и старики за 60, совершенно увечные, слепые, хромые; но все это так".

На этой почве возникали десятки случаев волнений посессионых рабочих, наполнивших всю историю существования крепостной промышленности в России и, тем не менее, попытки со стороны владельцев фабрик и заводов распоряжаться посессионными рабочими вполне бесконтрольно не прекращались.

Практика выработала даже особый способ полного закабаления приписных рабочих.

Для этого обычно им выдавались на условиях отработки пропитание, одежда, обувь, а условия оплаты назначались такие, что отработать выданное рабочий не мог уже при всем своем желании и, таким образом, попадал в неоплатную кабалу.

Эти же способы закабаления рабочего применялись часто фабрикантами и по отношению к вольнонаемным рабочим.

В одном из наказов, адресованных в екатерининскую комиссию, приводятся следующие условия найма на заводскую работу, заставлявшие крестьян надолго порывать со своим хозяйством, а зачастую и делавшие их вечными неоплатными должниками завода.

Обычно, для найма рабочих посылались приказчики завода, которые раздавали в задаток суммы, отработать которые оказывалось для рабочего почти невозможно.

„За двадцать рублей,—говорит этот документ,—принужден работать лет десять, или пятнадцать, да и в оные едва ли совсем расчесться там может. Понеже хотя на тех заводах годовая сумма к заплате от заводчиков положена и немалая, но оную всю оставляют в их же руках, потому, что харч, платье и обувь принуждены те же работные люди покупать у тех же хозяев за тройную и больше цену".

А в результате получалось так, что когда рабочий захотел уйти с завода, то оказывалось, что с него „причитается к возвращению не только та сумма, которую получил наперед, но вдвое и больше".

Эта система закабаливания была так широко распространена, вызывала столько недоразумений и волнений, что даже уже в 1807 г. правительство сочло вынужденным вмешаться во взаимоотношения между рабочими и предпринимателями и, став на сторону последних закрепило за ними под именем „непременных работников" всех таких кабальных людей, независимо от того, были ли они перед тем приписными или вольными и без рассмотрения условий, на которых они начали работать на фабриках и заводах.

Но зато одновременно же этот закон ограничил число прикрепленных к фабрике и, кроме того, установил срок, в течение которого „непременный" рабочий должен был оставаться на фабрике.

Но и здесь интересы заводчиков были охранены в достаточной степени: взрослые рабочие обязывались проработать на фабрике ни мало, ни много—30 лет, да кроме того, дети их также оставлялись на работу до 40 лет, после чего должны были отпускаться на волю.

На-ряду с трудом мужчин на посессионных, как равно и на вотчинных, фабриках и заводах широко эксплоатировался труд женщин, подростков и детей.

Женский труд в особенности практиковался в текстильной промышленности, на шелковых и бумажных фабриках.

Дети работали также в большом числе на шелковых, ситцевых, бумажных фабриках и в стеклянном производстве.

Труд детей не был ограничен во времени и они повсюду работали наравне со взрослыми. По сохранившимся сведениям, на некоторых текстильных фабриках число детей в возрасте от 9—12 лет достигало почти четверти общего количества занятых рабочих.

Среди приписных к фабрикам и заводам рабочих довольно резко различались следующие две группы.

Одной из них являлись приписные крестьяне, прикрепленные к предприятию для выполнения вспомогательных горнозаводских работ по рубке леса, возке руды, обжигу угля и т. п. Они составляли довольно значительную группу среди крепостного пролетариата России.

Их, собственно говоря, не имелось в виду лишать обычного земледельческого хозяйства, привлекая к некоторым работам на заводах, но в действительности новая форма промышленного труда, в которой они были принуждены участвовать, разбивала весь прежний уклад их жизни и в то же время не давала даже необходимого минимума для обеспечения их собственного существования, не говоря уже о семьях.

Эта причина чаще всего и толкала приписных рабочих, занятых вспомогательными работами, добиваться возврата к старому положению.

Другую группу приписных рабочих составляли мастеровые и рабочие, связанные с фабрикой и заводом постоянной работой, составлявшей основную функцию данного предприятия; они в гораздо большей степени, чем первая группа приписных рабочих, подходят под тип современного промышленного пролетариата.

Жизнь их подверглась гораздо более непосредственному и более длительному воздействию нового способа производства, а потому и начала заметно отличаться от уклада жизни приписных рабочих. Волнения среди этой группы рабочих начались значительно позднее (со средины XVIII века) и отличались более значительным разнообразием поводов, чем у приписных рабочих.

Статистика крепостного времени не сохранила нам точных цифр общего количества крепостных рабочих, но, сопоставляя имеющиеся разрозненные сведения, надо думать, что к 60-м годам XVIII столетия их число достигало 200.000 чел., из коих около 142.500 ч. числилось приписанными к одним только горным казенным и частным заводам. К концу же царствования Екатерины II, т. е. к концу XVIII века, одних горнозаводских посессионных рабочих насчитывалось свыше 312.000, да не менее 90.000 ч. крепостных рабочих надо положить на остальные фабрики и заводы.

Но хотя в XVIII веке крепостной труд и преобладал в крупном производстве, все же на-ряду с ним мы встречаем и вольнонаемных рабочих, число которых постепенно возрастало, хотя и медленно, пока экономика хозяйственной жизни не заставила, наконец, предпринимателя отдать предпочтение этой форме эксплоатации рабочей силы.

История вольнонаемного труда в эпоху существования крепостной фабрики не сложна, но достаточно поучительна.

В первые десятилетия по возникновении крупной промышленности фабриканты и заводчики не-дворянского происхождения, если они не получали приписных казенных рабочих, по необходимости должны были прибегать к найму вольных рабочих.

Таковых они могли получать прежде всего из числа городских и посадских мещан, ремесленников и чернорабочих, а также из всякого рода лиц, „неимущих пропитания и промысла“, куда попадали и обнищавшие купцы и разночинцы.

Кроме того, значительный приток вольнонаемных рабочих давали казенные крестьяне, которые хотя и числились закрепленными

за государством, но не были обязаны ему постоянной работой, а должны были только уплачивать государству оброк и подати. Они, благодаря этому, располагали относительно большей свободой, могли уходить на заработки и наниматься на фабрики и заводы.

Вольнонаемными, наконец, в этот период были и иностранные мастера и рабочие, которых московское государство охотно допускало в страну, так как в хорошо обученных рабочих всегда чувствовался большой недостаток. По просьбам фабрикантов, такие рабочие даже специально выписывались из-за границы для обучения русских рабочих.

Но в общей массе пролетариата крепостной России количество иностранных рабочих было очень ничтожно, чтобы на них следовало специально останавливаться.

Будучи заинтересованы в этот период в привлечении на фабрики и заводы рабочих рук, предприниматели, естественно, стремились предоставить им более или менее сносные условия существования и оплаты труда; труд вольнонаемного рабочего в это время расценивается значительно выше труда крепостного.

Но усиленный рост крупной промышленности при Петре I требовал такого количества рабочих, какого рынок труда в то время не мог предоставить.

Снисходя на усиленные просьбы фабрикантов, Петр I разрешил им приобретать к фабрикам крепостных, и хотя этот порядок действовал сравнительно недолго, всего около 40 лет, но он не только приостановил рост вольнонаемного пролетариата, но и вызвал у предпринимателей стремление тем или иным путем прикрепить к себе и остальных рабочих.

Положение вольнонаемных значительно ухудшилось: часть их попадала в кабалу или же оказывалась в конце концов прикрепленной к фабрикам тем или иным способом.

Со второй половины XVIII века, когда дворянство добилось отмены Петровского указа, разрешавшаго покупку крепостных к фабрикам, количество вольнонаемных снова начинает возрастать, но стремление предпринимателей постепенно их закабаливать и превращать в крепостных остается все же в силе и продолжает действовать даже в первые десятилетия XIX века.

Помимо городского мещанства и казенных крестьян, теперь вольнонаемные рабочие начинают вербоваться и из помещичьих крестьян, перешедших на оброк и охотно шедших на фабрики и заводы.

Эта последняя категория рабочих по сути дела продолжала оставаться крепостными и чувствовала свою зависимость от помещика, которому ежегодно выплачивала определенный оброк; но в своих отношениях к владельцу фабрики они являлись лицами свободными и работали на него уже на основах добровольного найма.

К концу XVIII века изменения в хозяйственном строе страны которые привели к падению прежнего натурального хозяйства и замене его хозяйством меновым, стали определенно толкать, и крупную промышленность окончательно расстаться с подневольным трудом крепостных и посессионных рабочих и заменить его исключительно трудом вольнонаемным, как экономически более выгодным.

В предыдущей главе мы достаточно подробно останавливались на мотивах, которые в то время выдвигались в защиту вольнонаемного производства.

К изложенному выше достаточно здесь будет добавить, что, напр., в 1840 г. свободный работник вместе с женой расценивался в 170 руб. в год, тогда как крепостной обходился помещику в 288 руб.

Одной этой иллюстрации достаточно, чтобы стало ясным, почему так усилились в тридцатых годах прошлого столетия домогательства владельцев фабрик и заводов избавиться от переставшего быть выгодным крепостного труда.

Вольнонаемный рабочий и в эту пору продолжал вербоваться из тех же групп населения, что и раньше; только теперь сама жизнь уже на глазах у всех ломала рамки крепостного права и все меньше заставляла с ними считаться как фабричного предпринимателя, так и самого помещика.

Для примера сошлемся на показания такого авторитетного свидетеля, как славянофил Ю. Ф. Самарин, наблюдения которого относятся к пятидесятым годам XIX столетия.

„Прежде нанять чужого беглаго крестьянина считалось делом бесчестным, теперь все делают это по необходимости и никто не жалуется. Помещики, возделывающие свекловицу, зазывают баб из соседних деревень; они приходят тысячами и договариваются о цене. Другие отбивают их обещаниями высшей платы, начинается торг, но о крепостном праве и помину нет. Потребность вольного труда так велика, стремление рабочих сил к нему так неудержимо, что притязания, основанные на букве устарелого закона, как бы умолкли"*).

*) Сочинения Самарина, Т. II, стр. 5.

Положение вольнонаемных рабочих и в этот период было лучше положения крепостных и посессионных, так как работать на каторжных и полуголодных условиях последних редко кто соглашался добровольно.

Что касается, в частности, размеров заработной платы, то последняя у вольнонаемного рабочего обычно в полтора—два раза превышала заработок крепостного.

В отдельных отраслях промышленности, в особенности когда рабочие руки требовались туда срочно и в большом количестве, условия найма могли временно и повышаться, и даже значительно.

Так было, напр., в текстильной промышленности в эпоху расцвета хлопчатобумажного производства, или, ссылаясь на другой только что приведенный выше пример обработки свекловичных плантаций,—при сезонных работах, но обычно они все же не выходили за средний размер, так как предложение вольных рабочих рук увеличивалось из года в год, и благодаря этому, конкуренция на рабочем рынке была довольно значительная.

Но даже и в тех случаях, когда обстоятельства вынуждали фабриканта и предпринимателя временно повышать плату, он довольно быстро находил способы реального снижения черезчур высокого заработка рабочих.

Для этого стала широко практиковаться система заводских харчевых лавок с обязательством забирать товар исключительно в них; для этого же не менее широко применялись всякого рода штрафы, вычеты, выдача заработной платы купонами и т. п.

В вольнонаемную армию труда, отчасти вследствие ее некоторой дороговизны, широко привлекался капиталистами и женский труд, так как плата женщине всегда была ниже платы взрослому мужчине, а также и труд детей, начиная чуть ли не с 7—8 лет.

В некоторых отраслях труда, и в том числе таких, напр., вредных для здоровья даже взрослых людей, как табачное производство, процент детей в производстве в возрасте от 8 до 12 лет доходил до 20% общего количества рабочих.

Также много детей попадало на текстильные фабрики, где опять-таки им приходилось работать в самых антигигиеничных условиях.

Детей и малолетних обыкновенно отдавали на фабрики их родители по контракту на несколько лет, а на фабрике они попадали как на дневную, так и на ночную работу и должны были работать наравне со взрослыми по 12 часов в сутки и более.

Такие порядки продолжали существовать не только до отмены крепостного права, но даже пережили его, ибо закон 1845 г., пытавшийся хотя немного ограничить эксплоатацию детей и запретивший ночную работу для них, хотя и был напечатан в Полном Собрании Узаконений, но в „Свод законов", обязательный к исполнению, по неведомым соображениям, не попал и преблагополучно был забыт, как фабрикантами и заводчиками, так равно и органами власти, которые должны были следить за его применением.

Общие размеры вольнонаемной армии труда в крепостную эпоху трудно поддаются учету; также трудно сравнивать их число с количеством крепостных и посессионных рабочих.

Более или менее определенно можно только установить, что уже к началу XIX столетия наметился довольно быстрый рост рабочих по вольному найму, и чем ближе к падению крепостного права, тем этот рост становился интенсивнее.

По большинству отраслей крупной промышленности (за исключением горнозаводской) вольнонаемные рабочие уже в 1812 году составляли в среднем 50,9% всего количества занятого в этих предприятиях пролетариата, а к 1825 году они составили уже 54,3%.

По отдельным же отраслям промышленности, как, напр., кожевенные заводы, мыловаренное и свечное производство, сахарные заводы, канатные фабрики, хлопчатобумажное и фарфоровое производство, участие вольнонаемных рабочих было значительно выше и доходило в среднем до 80% общего количества рабочих, а, напр., в кожевенном, мыловаренном, платочном производствах оно поднималось до 90% и даже 99%, т.-е., иными словами, уже к концу первой четверти XIX века существовали целые отрасли промышленности, обслуживаемые исключительно вольнонаемными рабочими.

Наиболее упорно крепостной труд продолжал держаться на суконных фабриках, на сталелитейных и железоделательных заводах и в писчебумажном производстве, не говоря уже о заводах горной промышленности. Это как раз все производства, возникавшие в свое время под непосредственным влиянием государства.

При возникновении их, стремясь оказать им поддержку, правительство широко наделяло такие фабрики и заводы крепостными работниками и продолжало оказывать всякого рода воспособления и впоследствии.

А эти воспособления и возможность сбывать всю продукцию фабрик и заводов,—несмотря на низкое качество товаров и низкую продуктивность крепостного труда, казне,—позволяли владельцам этих фабрик и заводов обходиться без привлечения вольнонаемных рабочих.

Наоборот, в производствах, работавших на широкий внутренний рынок, переход к вольнонаемному труду становился для предпринимателя обязательным, так как иначе он не в состоянии был выдержать конкуренцию, и армия волнонаемных рабочих неудержимо начинает расти вместе с ростом и самих производств.

К 1825 году из 210.000 рабочих, числившихся только на фабриках и мануфактурах, вольнонаемных было около 115.000 чел. К сожалению, за последующие десятилетия такого рода сведения пока остутствуют, но можно с уверенностью утверждать, что количество вольнонаемного пролетариата продолжало также неудержимо и даже еще более быстро возрастать вплоть до окончательной отмены крепостного права, так как этого властно требовал нарождавшийся новый капиталистический строй.

III

Рабочее движение в эпоху крепостного права.

С тех пор, как появились на Руси фабрики и заводы, началась и борьба рабочих с хозяевами. В то время в России существовало еще крепостное право; значительная часть фябрик принадлежала дворянам-помещикам; фабриканты заставляли работать на себя либо своих крепостных рабочих, либо нанимали чужих крепостных, отпущенных на оброк, либо, наконец, вольнонаемных рабочих, которые стали появляться в крупных промышленных центрах.

Эта же система применялась и на заводах, принадлежащих правительству, а равно и на заводах, устраиваемых русскими купцами и иностранными капиталистами.

Работа на этих фабриках и заводах производилась из-под палки; условия труда были тяжелы и постоянно вызывали протесты рабочих; последние устраивали стачки и беспорядки, добиваясь сокращения непомерно длинного рабочего дня, повышения заработной платы, отмены расплаты товарами и всех прочих приемов эксплоатации, к которым не стеснялись прибегать русские фабриканты-дворяне и фабрикант-правительство, как не стесняется прибегать к ним и современный капиталист, раз дело касается „священной“ прибыли.

Первые волнения рабочих на крепостных фабриках упоминаются уже в средине XVII столетия, но наибольшей силы они достигли в XVIII веке и начале XIX века. Чаще всего волнения происходили среди приписных рабочих. Эта группа крепостного пролетариата была наиболее многочисленной, а условия труда ее довольно долго оставались самыми неопределенными, допускавшими массу произвола со стороны фабрикантов и заводчиков.

Хотя приписные рабочие предоставлялись заводу для выполнения лишь некоторых работ и их не предполагалось лишать обычного земледельческого хозяйства, но в действительности владельцы заводов получали возможность эксплоатировать их без всяких стеснений и сплошь и рядом создавали для приписных рабочих поистине каторжные условия существования.

Им назначались непомерно большие уроки; для работ они очень часто перегонялись за сотни верст от места жительства;

их собственное хозяйство при этом приходило в упадок, но это не освобождало их от забот о собственном пропитании, одежде и жилище.

Доведенные до отчаяния безысходностью положения, приписные рабочие довольно рано массами начали подниматься на борьбу, не останавливаясь при этом даже перед открытым возмущением против властей и вооруженным сопротивлением попыткам усмирить их.

Не менее часты были волнения среди крепостных рабочих, принадлежавших фабрикантам на праве полной или ограниченной собственности и употребляемых для постоянной работы на фабриках и заводах.

Но среди них волнения начались значительно позднее. Об'ясняется это тем, что эти мастеровые и постоянные рабочие, по крайней мере, в первый период насаждения крупного производства получали от владельцев фабрик и заводов достаточные средства для существования. Только когда конкуренция стала заставлять предпринимателей сокращать расходы производства, их положение ухудшилось и они начали массами подниматься на борьбу, добиваясь более сносных условий оплаты своего труда.

Реже всего, наконец, волнения происходили среди рабочих казенных фабрик и заводов, условия труда которых регулировались с самого начала определенчыми положениями, но и им приходилось восставать против произвола местной администрации и борьба их порою была не менее упорной, чем борьба частновладельческих крепостных.

Нередко при этом рабочие требовали от правительства также и освобождения от крепостного гнета. Волнения среди вольнонаемных рабочих в крепостной России происходили довольно редко не потому, что у них не было поводов к недовольству, а потому, что на фоне подневольного крепостного труда их положение было все же неизмеримо лучше. Но попытки предпринимателей навязать и вольнонаемным рабочим кабальные условия заставляли порою и их подниматься на борьбу.

Особенно часты волнения вольнонаемных рабочих были в горнозаводской промышленности.

Эта борьба рабочих обыкновенно отличалась изумительным упорством: на отдельных фабриках и заводах она тянулась десятками лет, иногда до 30—50 лет, пока, наконец, справедливые требования рабочих не удовлетворялись.

Рабочие обыкновенно начинали свою борьбу с подачи прошения, причем старались, чтобы прошение достигло непосредственно царя,—отправляли к нему ходоков; когда же это средство не помогало, они нередко подкрепляли свои прошения массовым отказом от работы.

На помощь фабрикантам-дворянам, наделенным и без того почти неограниченной властью над жизнью крепостных рабочих, спешили придти правительственные власти, которые стремились розгами, плетьми, ссылкой в Сибирь и рекрутчиной восстановить нарушенное рабочими право капиталистов их эксплоатировать.

Не менее энергично действовало правительство в тех случаях, когда волнения происходили на его собственных заводах.

Но репрессии властей не всегда достигали желательных результатов: этим репрессиям рабочие очень часто противопоставляли свою непоколебимую солидарность и героическую самоотверженность. Их ходоки шли в Сибирь, умирали под плетью, но не выдавали участников и составителей прошений.

Желая дать ниже возможно более полный обзор борьбы крепостного пролетариата, мы, по возможности, будем придерживаться хронологического развития ее, отступая от этого лишь в тех случаях, когда борьба отдельных групп крепостных рабочих тянулась десятилетиями, переходя из одного столетия в другое.

Стремясь дать возможно более яркую картину этой борьбы, мы преднамеренно сгруппировали отдельные эпизоды разрозненной борьбы по районам и отраслям промышленности, выделив, кроме того, участие рабочих масс в Пугачевском бунте, а также все попытки создания организаций для руководства этой борьбой.

А. Борьба крепостного пролетариата в XVII и XVIII веках.

Еще в 1678 г. имеются упоминания о волнениях крепостных заводских рабочих. В ту пору только что зарождалась крупная промышленность, и правительство русское, заинтересованное в насаждении ее, оказывало всяческое покровительство первым предпринимателям, охотно приписывая к открываемым им заводам крепостных крестьян.

На Поратовских и Угодтских заводах Московской губ., принадлежавших иностранцам Морселиусу и Акему, приписанные к этим заводам крестьяне, „пришед в непослушание, просили об увольнении их от заводских работ, показывая свое разорение от того, что якобы на них от тех заводчиков была великая налога, накладывалась сверх указной лишняя работа".

Но просьба рабочих не была уважена, так как расследование не подтвердило заявленных ими жалоб, и им „указом велено было остаться по-прежнему при тех заводах в заводских работах".

Лет двести тому назад серьезные волнения происходли среди крестьян, приписанных к Олонецким казенным заводам.

Вот каковы условия были на этих заводах: рабочие дожны были отрабатывать на них всего по 1 р. 70 к. с души, но при этом правительство назначило заработную плату в несколько раз низшую, чем можно было получить по вольному найму.

Рабочим платили на этих заводах всего по 4—5 коп. в день, да притом еще попечительное заводское начальство допекало своими мудрыми правилами: по своему усмотрению штрафовало за лень, а за прогул одного дня вычитало за целую неделю работы. Немудрено поэтому, что рабочими долго-таки приходилось отрабатывать эти несчастные 1 р. 70 коп.

Когда в 1715 году к Олонецким заводам были приписаны крестьяне Ребольского погоста, отстоявшего от заводов почти на 600 верст, и их стали посылать на эти заводы, среди приписных рабочих начались серьезные волнения, которых не удалось усмирить даже посылкой воинской команды. В конце концов указ об их приписке к заводам пришлось отменить, и обременительное путешествие на завод было заменено для рабочих денежным налогом.

А когда, в 1761 г., вышел новый указ, которым на рабочих Олонецких заводов набавлялся новый рублевый налог, чаша терпения их окончательно переполнилась. Работы были приостановлены, а к императрице Екатерине II были посланы ходоки во главе с выдвинувшимся агитатором Емельяном Каллистратовым.

Своих ходоков рабочие обнадежили обещанием не оставить их в трудную минуту и свое обещание подкрепили общей присягой.

Власти поспешили арестовать наиболее видных из рабочих, но те держалмсь стойко и никого не выдавали.

„Я все сношу на себя,—писал один из арестованных своим товарищам на воле,—а на других ничего не показываю. За весь мир принимаю нужду к лучшему".

В 1771 году рабочие снова посылают в Петербург своих челобитчиков—Клима Соболева и Анцифера Трофимова, которым и удалось вручить челобитную самой императрице; однако, проку из этого вышло немного.

Самих челобитчиков правительство арестовывает, и только одному из них, Соболеву, удается бежать из-под ареста.

Он об'езжает все селения, всюду ведет деятельную агитацию, убеждая товарищей твердо стоять на своем.

Во время этих об'ездов его снова арестовывают, но тут на помощь ему приходят окрестные жители.

В лице Соболева власти арестовали „лучшего и надобного им человека", который крепко стоял за мир; и вот окрестные рабочие, вооружившись дубьем и рогатинами, решили его отбить; они разогнали часовых, разломали их ружья, а самого начальника стражи, арестовавшего Соболева, избили до полусмерти.

„Хотя бы и сам генерал приехал к нам в гости, то-б и ему то-ж было!"—кричали при этом некоторые.

Освободивши Соболева, рабочие выставили на границе своих селений стражу, по дорогам поставили заставы и стали ждать, что будет дальше.

Посылать новых челобитчиков они уже не решались, изведав на опыте, что ожидает последних; только одно селение послало в следственную комиссию, разбиравшую их дело, безрукого односельчанина Василия Хибарова, в надежде, что его-то уж никак не смогут обвинить в составлении их жалоб.

По донесению следственной комиссии, рабочие „днем и ночью собираются большими толпами и чинят какие-то особенные свои советы".

На этих собраниях рабочие, между прочим, обсуждали подробно, как им лучше вооружиться, чтобы оказать сопротивление направляемым против них карательным отрядам. С этой целью они решили организовать дозоры, всегда, даже ночью, иметь при себе оружие, чтобы немедленно оказать отпор, и заготовить лыжи, чтобы легче было скрыться от преследования; жен, детей и все более ценное имущество они развезли по более отдаленным селениям, не приписанным к заводам, а возле себя оставили одних стариков для присмотра за домами.

Правительство не замедлило, конечно, послать усмирителей: сперва было послано 100 человек Псковского пехотного полка, под начальством Ламздорфа, а когда этих сил оказалось мало, были посланы еще две роты гренадер и мушкатер под начальством Урусова.

Все попытки Ламздорфа убедить рабочих вернуться на заводы оказались напрасными. В ответ ему рабочие выдвинули требование, чтобы был прислан специальный именной, указ писанный обязательно „хоть в трех строчках золотыми буквами", а до присылки такого указа заявили, что не дадут на работу ни одного человека.

Как видит читатель, это все знакомые имена; потомки первых усмирителей рабочих оказались вполне достойными преемниками печальной славы своих прародителей; за их спиной стоит полуторавековой опыт угнетения рабочего класса.

Волнения были подавлены и рабочих ожидала жёстокая расправа. По приговору сената, трое рабочих – Соболев, Костин и Сальников—были приговорены к 100 ударам кнута; им вырезали ноздри, раскаленным железом поставили клейма: на лбу выжгли букву *В*, на правой щеке—*О* и на левой—*З*, что должно было означать „возмутитель", и сослали бессрочно на Нерчинские заводы 4-х рабочих, и в том числе Емельяна Каллистратова сослали в сибирские гарнизоны в вечную солдатчину, 2-х—на вечное поселение в Сибирь и 60 человек наказали плетьми и отдали в солдаты.

Так жестоко отплатило правительство рабочим, протестовавшим против непосильного гнета и кабалы.

В 1737 г. произошло столкновение мастеровых большого суконного двора в Москве с хозяином фабрики Болотиным, который, получив это предприятие из казны, поспешил снизить заработную плату.

В 1742 г. волнения на этой фабрике вновь повторились и опять причиной их явилось снижение заработка рабочих.

Прекратив работу, мастеровые подали челобитную государыне. Хотя жалоба их была признана сенатом правильной, тем не менее за самовольное прекращение работ зачинщиков стачки было приказано „бить плетьми нещадно".

В 1749 г. волнения повторились снова и из 1000 мастеровых осталось всего 120 чел.

Снова была произведена жестокая экзекуция, но без особых результатов, так как большинство рабочих разбежалось и не было намерено возвращаться на работу. Сенат приказал упорствующих бить кнутом и ссылать в каторжные работы, а менее виновных, по наказании плетьми, возвращать на фабрику силой.

На горных заводах и приисках, как в Европейской части России, так и в Сибири, рабочие волнения и стачки начались довольно рано, еще в первой половине XVIII столетия.

Волнения происходили, как на казенных, так и на частновладельческих заводах и вызывались тяжелыми условиями труда, непомерно низкой заработной платой и полным игнорированием личности рабочего. Крупные волнения разразились в 1758 г. среди рабочих с. Ильинского, только что перед тем приписанных к Шуваловским горным заводам.

Протестуя против этой приписки, рабочие выбрали из своей среды уполномоченных и отправили их добиваться отмены указа о приписке, а сами, вооружившись луками и стрелами, упорно отбивались от посылаемых против них воинских команд, заявляя, что они „к заводам Шувалова до возврата посланных от них челобитчиков никогда послушными быть не хотят".

В 1761 г. уже на других заводах того же Шувалова, на Воткинском и Ижовском, разыгрались еще более серьезные волнения, вызванные на этот раз подложным манифестом об уничтожении обязательных работ на заводах.

Как выяснило позднейшее следствие, манифест этот был составлен дьячком села Красной Горки, Свияжского Богородского монастыря, Иваном Козьминым, который сознался, что сочинил этот манифест, сидя под караулом в Казанской духовной консистории совместно с приписным рабочим заводов Шувалова Куликовым.

Манифест был ими написан от руки, но в конце его было обозначено, что подлинник подписан самой государыней.

Датирован он был 7-м июля 1762 г. и в самом начале его упоминалось о восшествии на престол императрицы.

Затем текст манифеста переходил непосредственно к нуждам крестьян и рабочих и излагал затаенные мечты всего горнозаводского населения северо-востока России следующими словами:

„Которые в прежних годах отданы были во владение собственные ее императорского величества крестьяне архиереям и по разным монастырям, и которые подписаны под заводы к разным компанейщикам для заводских работ, таковым отнюдь в оных заводах не работать, и от тех заводов отменить, как Осокина, так Демидова и Петра Шувалова, и быть по-прежнему ясачным". *)

Приписные к заводам рабочие тотчас же по получении этого манифеста стали оглашать его на сходах, рассылали по соседним селам и заводам своих посланцев для осведомления и прекращения работ на заводах.

От согласных на прекращение работ отбиралась подписка, а несогласных „били смертным боем", дабы вынудить согласие, и дело нередко доходило до убийств.

Больше всех в этом движении принимали участие приписные к заводам Шувалова.

*) Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. т. II, стр. 347.

Среди них даже образовались две партии: одна склонялась к покорности и выражала сомнение в подлинности манифеста; другая, более активная, настаивала на сопротивлении.

Когда сторонники первой партии пытались начинать работы на заводах, другая партия, проведав о подобном намерении, немедленно окружала их и заставляла силой расходиться по домам.

В 1760—62 г.г. волнения среди приписных к горным заводам рабочих вспыхивали почти повсюду, причем основной мотив волнений в сущности везде был один и тот же, что и изложенный в подложном манифесте.

Рабочим, как доносила местная администрация, „не только от партикулярных, но и от казенных заводов отбыть желается и жить по хотению своему, чем уже и похваляются".

Действительно, в отдельных случаях им удавалось по году и более уклоняться от работ, и так как волнения эти разлились довольно широко,—сама Екатерина II определяла, что в возмущениях участвовало около 50 тысяч приписных рабочих,—то правительственные власти оказывались бессильными, так как воинских отрядов не хватало.

Так, напр., рабочие Багарягской и других слобод, приписанных к заводам Турчанинова, заявляли, что они уже окончательно „от работ отбились и живут, как именинники".

В 1760 г. волнения начались в Соликамском и Чердынском уездах Пермской губ. среди рабочих, приписанных к Петропавловскому, Анненскому и Туринскому заводам *)

Приписные рабочие отказывались работать на заводах вообще, не заявляя особых жалоб.

В 1762 г. весьма крупные волнения разразились в Кунгурском уезде Пермской губ. среди рабочих, приписанных к заводам канцлера Воронцова, Чернышева, Александра Демидова и бр. Осокиных.

Волнения были вызваны тем, что Кунгурский воевода Кушников сообщил одному из рабочих, будто бы у него имеется указ, отрешающий рабочих от заводов, но соглашался об'явить его лишь при условии взноса 500 руб. Воевода, очевидно, рассчитывал сорвать эту взятку втихомолку, но рабочие немедленно собрали требуемую им сумму и явились толпой в город, настаивая на опубликовании указа.

Когда же Кушников, испугавшись вызванного им движения рабочих, стал отказываться от своих слов, заявляя, что подобного

*) Анненский завод принадлежал гр. П. Чернышеву, а Петропавловский и Туринский заводы—Походашину.

указа у него нет и быть не может, эти доводы уже не могли разубедить рабочих.

Все они остались при убеждении, что заводчики подкупили воеводу большей суммой, чтобы не об'являл указа.

В Петербург были немедленно отправлены челобитчини, а рабочие, раз'ехавшись по домам, прекратили до их возвращения работу.

В этом же году происходили рабочие беспорядки на Алапаевском заводе Гурьева, откуда они перекинулись на Гороблагодатские и Нижнетагильские заводы и на заводы гр. Ягужинского.

Челобитчики рабочих, несмотря на преследования и наказания, доходили со своими жалобами до сената и самой императрицы и в конце концов для расследования рабочих волнений, по поручению Екатерины II, был направлен на место волнений кн. Вяземский.

Хотя его расследование не было особенно милостивым для рабочих: (по приговорам его и Бибикова было подвергнуто наказанию плетьми и батогами до 500 чел. рабочих), но за то, с другой стороны, поплатилась также и администрация заводов: 80 чел. приказчиков и служащих были подвергнуты телесному наказанию.

Рабочим были выплачены недоданные за прежнее время заводчиками деньги. Были выработаны примерные правила для некоторых заводов; было ограничено право заводоуправлений самим наказывать крестьян.

Наконец, рабочим были предоставлены права некоторого самоуправления. Они могли выбирать старост и выборных, на обязанности которых лежало наряжать рабочих на заводскую работу, причем количество потребных заводу рабочих было регламентировано.

Эти же выборные должны были сами следить за поддержанием на заводах дисциплины, разбирали ссоры и недоразумения и могли налагать на рабочих наказания за маловажные проступки.

За заводоуправлением было оставлено право наказывать рабочих лишь за проступки чрезвычайной важности.

Эти же выборные должны были привлекаться и для расчета рабочих с заводской конторой и самолично раздавать заработанные деньги рабочим.

Все эти мероприятия вносили известный порядок в новые взаимоотношения рабочих с заводоуправлениями, устраняли многие поводы для злоупотреблений, и хотя они не были сделаны обязателными для всех заводов, но в значительной степени содействовали уменьшению рабочих волнений на горных заводах.

Только позднее, после уроков Пугачевского бунта, правительство решилось распространить инструкцию кн. Вяземского на все заводы Уральского округа.

Тем не менее на заводах отдельных владельцев почва для рабочих волнений возобновлялась систематически почти на всем протяжении существования крепостных фабрик и заводов.

Много волнений рабочих было связано также с Пугачевским бунтом, в котором, как читатель увидит ниже, рабочие уральских и других заводов приняли самое активное участие.

Особенным упорством, между прочим, отличалась борьба рабочих на Выровском, Нижне-Тагильском, Овзяно-Петровском, Ревдинском, Кислинском, Киштымском, Ильинском Острожке и Невьянском заводах Демидовых и на Липецком заводе камер-юнкера Репнина.

Рабочие этих заводов, принадлежавших раньше казне, с особой настойчивостью добивались сохранения за ними прежних льгот, протестовали против стремления владельцев заводов обратить их в крепостных и требовали, чтобы труд их оплачивался наравне с вольнонаемными рабочими.

В 1741 г. приписанные к заводам Демидова крестьяне Ильинского Острожка в жалобе, поданной на владельца завода, просили произвести расследование „об обидах и тяжких разорениях", чинимых им заводоуправлением, и ходатайствовали перед берг-коллегией освободить их от приписки к заводу на том основании, что Демидов имеет и без того „немалые купленные деревни".

Так как эта просьба рабочих осталась без разультата, они, прождав тщетно два года, в 1743 г. „упрямством своим в работу не вышли", за что и были подвергнуты наказанию плетьми и батогами, а также военным постоем.

На Выровском заводе (Калужского уезда) в 1752 г. рабочие Никиты Демидова задумали отложиться от своего владельца и добиться перечисления в казну.

Для этой цели они вошли в сношение с соседними железными заводами (Дугнинским и Брянским) и, собравшись огромной толпой, разгромили Выровский завод, выпустили из пруда воду, бросили на произвол судьбы обжигавшиеся для угля дровяные кучи и, угрожая смертью самим Демидовым и администрации завода, заставили последних бежать.

Тщетно администрация г. Калуги пыталась воздействовать на взбунтовавшихся рабочих, направляя к ним сперва чиновников, а затем и воинские отряды.

Чиновников рабочие просто прогоняли от себя, заявляя, что не подчинятся ни губернскому начальству, ни сенату, ни даже кабинету ее величества, а только собственноручно подписанному указу государыни.

Против же воинских частей они стали выставлять свои собственные отряды, вооруженные рогатинами и огнестрельным оружием; общая численность этих отрядов рабочих определяется документами того времени до 1000 чел.; они, очевидно, были недурно вооружены; готовясь к отпору, производили настоящие военные упражнения и имели недурных начальников; по крайней мере, рабочим удалось трижды одержать верх и обращать в бегство посланные против них военные силы; небольшие отряды они захватывали в плен, отнимали у них вооружение и деньги и даже доходили в своей дерзости до того, что не боялись сами небольшими вооруженными партиями проникать в Калугу, как бы издеваясь над бессилием местных властей.

Даже, когда против них был выслан отряд в 500 солдат, рабочие не испугались.

Они силой заставили своего старосту Бурлакова, который пытался отказаться от сопротивления, организовать оборону и под руководством жившего в их волости солдата Дмитриева, оказали решительное сопротивление воинской силе.

В ожесточенной схватке рабочие понесли большие потери: 59 человек было убито и 42 ранено, а с противоположной стороны пострадало 9 офицеров и 188 рядовых; воинский отряд был разбит, а командир его взят в плен.

И только в четвертый раз, когда против отложившихся рабочих были двинуты два полка под командой бригадира Хомякова, начавшего систематически предавать огню бунтующие села, сопротивление их было сломлено. Значительная часть рабочих разбежалась, а против 674 чел. было возбуждено следствие. По определению сената восемь зачинщиков были наказаны кнутом и в твердых кандалах отосланы в Сибирь на железные заводы того же Демидова для употребления в работы. Кроме того, наказанию кнутом были подвергнуты еще три человека из соседней Оболенской волости за то, что они подавали советы к возмущению.

В 1754 г. отказались продолжать работу приписанные к Овзяно-Петровскому заводу (Казанской губ.) Демидова крестьяне. Они жили от завода на расстоянии свыше 600 верст, и когда был получен сенатский указ о их приписке, они отказались подчиняться ему, считая его „фальшивым", и стали „чинить противности".

Против неподчинявшихся рабочих была применена вооруженная сила и после усмирения волнений 40 рабочих было публично высечено плетьми в самих селениях, а зачинщиков в количестве 30 человек после жестокой расправы вывезли на заводы с семьями и оставили их там навсегда.

Десять лет спустя, в самом конце 1764 г., снова начались самовольные оставления работ группами рабочих Овзяно-Петровского завода, причем они ссылались на указ, будто бы ограничивший их работу на заводе 36 днями в году.

Отсюда волнения распространились по Горноблагодатскому округу, а вслед затем перекинулись снова на Чердынский и Соликамский уезды. Волнения эти продолжались около трех лет и особенного упорства достигли на заводах Походятина, Чернышева и Воронцова, рабочие которых оказали вооруженное сопротивление воинским отрядам, встретив их „огненным ружьем, копьями, дрекольем и сенометными вилами". Рабочих и здесь ждало жестокое усмирение: у зачинщиков были выдраны ноздри и их сослали на каторгу, а рядовых участников бунта нещадно наказывали каждого десятого по жребию.

Рабочие волнения на том же Овзяно-Петровском заводе Демидова повторялись неоднократно и позднее по самым разнообразным поводам; так, в 1775 г. приписные рабочие отказались приступить к работам на том основании, что Демидов вместо одного завода выстроил целых четыре, заставляя их выполнять чрезмерную работу. Так как увещевания властей и посылки небольших воинских команд не достигали цели, против рабочих были выставлены войска с артиллерией. Рабочие смирились; девять человек из них, во главе с руководителем движения А. Крековым, после наказания плетьми были сосланы с семьями в Сибирь на поселение. Кроме рабочих, по этому делу был привлечен дьякон с. Болдыря Тимофеев, который, „видя их непослушание, вместо увещания, речьми своими более еще поощрял их к преступлению".

В 1763 году рабочие Нижне-Тагильского завода Демидова решили послать своих челобитчиков с жалобой на притеснения приказчиков; но челобитчики их были арестованы, закованы в кандалы, и среди рабочих распространился слух, что арестованных зашьют в сырые кожи.

Собралась огромная толпа рабочих, обступившая заводскую контору и требовавшая освобождения товарищей.

Заводская контора выставила против рабочих солдат и пушки; но это не испугало рабочих: вооруженные одними камнями, они

взяли приступом контору и освободили арестованных; пушки и ружья, захваченные при этом рабочими, были пущены в дело, а затем, как трофеи, были отнесены к их „мирской избе".

Рабочих постигла, разумеется, суровая кара. Два их челобитчика были наказаны кнутом и сосланы на вечную каторгу в Колыванско-Воскресенские заводы, а относительно 12 человек других было решено: „хотя и подлежали они наказанию кнутом, но для многолетнего ее императорского величества здравия оное наказание отменяется, но вместо кнута в страх другим... сечь плетьми по три дня".

В 1762 г. на Невьянском заводе Демидова мастеровые прекратили заводские работы, стали устраивать многолюдные сходки и, обсудив на них свое положение, заявили, что отказываются работать на прежних условиях, а впредь намерены только отрабатывать на заводе свой подушный оклад. С Невьянского завода эти волнения в следующем году распространились и по остальным заводам Демидова.

В 1760 году начались волнения среди крестьян, приписанных к Кислинскому и Киштымскому заводам Н. Демидова.

Недовольство крестьян было вызвано самым фактом приписки их к заводу. Они стали собираться большими толпами, поспешили вооружиться и не слушали ничьих увещеваний, требуя чтобы им был пред'явлен указ за подписью самой государыни.

Посланному против них отряду они оказали вооруженное сопротивление, но все же после свирепой расправы (около 300 ч. было отправлено в тюрьму) принуждены были покориться приписке и вышли на работу.

Эти же волнения распространились и на соседний завод Турчанинова, рабочие которого около двух лет упорно уклонялись от заводских работ.

Рабочие Демидова в своей челобитной в 1762 г. писали: „При заводской работе происходили нам самые мучительные ругательства... приказчики и подрядчики, не знаемо за что, немилостиво били батажьем и кнутьями, многих крестьян смертельно изувечили, от которых побой долговременно, недель по шести и по полугоду, не заростали с червием раны. От тех же побой из молодых на военную службу за увечьем в отдачу уже быть не способны, а заводских и домашних (работ) исправлять не могут, а иные померли. А за принесенную в обиде жалобу, дабы и впредь нигде не били челом, приказом приказчиков и нарядчиков, навязав, яко татю, на шею колодки и водя по дровосекам

шалашам, а в заводе по улицам, по плотинам и по фабрикам, ременными кнутьями немилосердно злодейски мучили".

Волнения рабочих на Липецком заводе Репнина (в нынешней Тамбовской губ.), в 1761 г. перешедшем к нему от казны, были вызваны уменьшением заработной платы с 5 до 2—3 коп. в день, выдачей этой платы товарами, запрещением работать в собственных кузницах и, наконец, „утеснением", которое чинила заводская контора при выдаче рабочими своих дочерей замуж, взыскивая с них „выводные деньги с великим насильством и боем".

Узнав о возникновении рабочих волнений, Воронежская контора направила туда поручика с воинской командой, предписав „нещадно" наказать зачинщиков и взять подписку в повиновении остальных.

Но когда присланный отряд приступил к наказанию главного организатора движения, рабочего Куприянова, последний закричал присутствующим товарищам, чтобы не выдавали его; мастеровые бросились на команду, отобрали у солдат плети и не только не позволили никого наказывать, но и заявили, что никакой подписки о согласии работать на прежних условиях не дадут.

Борьба рабочих продолжалась свыше двадцати лет. Начали они с подачи прошений во все инстанции.

Тщетно их выборный Куприянов обивал пороги Воронежской губернской канцелярии, берг-коллегии и сената, а другой челобитчик—молотобоец Давыдов—также тщетно „заявлял подозрение на берг-коллегию, что она во всем держит руку приказчиков, посланный же для следствия шихтмейстер имеет с приказчиками единое согласие, кампанию и похлебство".

Правительство арестовывало неугомонных челобитчиков, а для усмирения остальных посылало карательные отряды.

Наконец, выведенные из себя, рабочие в 1765 г. категорически отказались работать на Репнина до разбора их жалоб; когда же в ответ на этот отказ последовали новые кары, около 100 рабочих отправились в Воронеж и заявили губернской канцелярии, что работать на Репнина они все же не станут, а на угрозу новыми репрессиями отвечали, что „о том не спорят, но останутся при своем".

Сенат предполагал жестоко расправиться с непокорными и в этом духе составил доклад императрице, но Екатерина II взглянула на дело иначе и приказала вновь расследовать жалобы рабочих, справедливо решив, что „без крайности люди до крайности редко доходят".

Это расследование было произведено и, действительно, подтвердило всю основательность домогательства рабочих.

Князю Репнину было дано „секретно" знать из сената, „дабы он без нарушения собственных своих польз постарался принять благовременно такие меры, чтобы оные заводские мастеровые и работные люди не имели прямых причин к нареканиям и жалобам.

Б. Участие крепостных рабочих в Пугачевском бунте.

Довольно значительное участие приняло крепостное заводское население во вспыхнувшем Пугачевском бунте.

Отчаявшись после ряда безуспешных попыток добиться улучшения своего безотрадного положения от заступничества официальных властей, фабричные рабочие Поволжья и Урала одними из первых стали откликаться на призывы Пугачева и стекались толпами под его знамена, выдвигая из своей среды многих активных помощников ему.

Это участие заводского крепостного населения Урала в Пугачевщине было настолько значительно, крепостные и приписные рабочие в этом движении играли столь видную роль, зачастую являясь наиболее активным и устойчивым элементом Пугачевского бунта, что само выступление Пугачева только тогда пошло на убыль, когда правительство, сконцентрировав в Уральском округе войска, лишило пугачевскую армию возможности получать оттуда постоянную поддержку со стороны активно выступавшего крепостного пролетариата.

До этого же момента пугачевское движение как бы об'единило в одно целое все разрозненные протесты крепостных рабочих и, воодушевляя их надеждой вырваться из безотрадных условий своего подневольного существования, придало выступлениям крепостного пролетариата России такую необычайную мощь и силу, какой оно ни разу не получало ни раньше, ни позднее, так как протекало всегда разрозненно.

Пугачев же, с своей стороны, прекрасно зная через своих ближайших сподвижников, тяжелую долю и неизбывное недовольство горнозаводского населения, старался опереться на него, так как рассчитывал получить от заводских рабочих значительную поддержку не только живой военной силой, но и оружием, пушками и в особенности людьми, умеющими обращаться с артиллерией.

Поэтому Пугачев всячески стремился расположить горнозаводских рабочих Урала в свою пользу и неоднократно

обращался к ним с широковещательными манифестами и указами, обещая за содействие ему „великие и богатые милости".

Так в одном из подобных указов Пугачев писал:

„Как деды ваши и отцы служили предкам моим, так и вы послужите мне, великому государю, верно, неизменно до капли своей крови исполняйте моя повеления,—исправьте вы мне, великому государю, две мортиры и с бомбами и со скорым поспешанием ко мне представьте, за что будете жалованы крестом и бородою, рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованием, и хлебным провиантом и свинцом и порохом и вечною вольностью".

За ослушание же его распоряжениям Пугачев грозил рабочим „государевым гневом".

Но грозить уральским рабочим было даже не к чему: они все сразу же и охотно откликнулись на его зов, надеясь найти у „третьего императора", как называли рабочие Пугачева, заступничество против местных властей и избавление от ненавистного им заводского труда из-под палки.

Задача Пугачева облегчалась еще и тем, что с именем Петра III у крепостного пролетариата России был связан указ, изданный этим императором, которым была воспрещена дальнейшая покупка крепостных к фабрикам и заводам.

Указ этот, который во многих местах толковался рабочими, как освобождение от принудительного труда, должен был сохранить в их среде память о Петре III, как о государе, который заботился о них и тем самым известным образом подготовлял почву для успеха самозванства Пугачева.

Указы Пугачева исполнялись рабочими немедленно и беспрекословно. Посланцы его встречались заводским населением с хлебом и солью. Исполнив поручения Пугачева по снабжению его войска оружием, пушками и огнестрельными припасами, рабочие сплошь и рядом расправлялись сами с администрацией завода или же, арестовав ее, передавали на расправу Пугачеву, а сами, разгромив завод, часто даже предав огню заводские здания, спешили присоединиться к пугачевскому войску.

Вот в каких красках описывает один из документов того времени присоединение рабочих одного из Уральских заводов к Пугачеву.

Посланцы Пугачева, а вместе с ними и бывший выборный рабочих прибыли к заводской конторе Белорецкого завода Мясниковых в момент выплаты жалованья, когда во дворе завода было значительное количеетво рабочих.

Один из прибывших, подойдя к конторе закричал:,

„Слушайте императора третьего указ!"

И, прочтя самый указ, обращаясь к собравшимся, спросил, хотят ли они служить государю.

Заводские рабочие единогласно отвечали:

„Готовы служить головами".

Вслед затем, по распоряжению того же пугачевского посланца, рабочие арестовали заводского приказчика и конторщика, заковали их в кандалы и посадили под караул, а сами, порешив идти на службу к Пугачеву, подожгли завод.

Так же радостно встречали Пугачева и его посланных рабочие Ижорского, Воткинского, Овзяно-Петровского, Каштымского и целого ряда других заводов, а равно и Суконной слободы г. Казани, вышедшие к нему за город навстречу, в благодарность за что, между прочим, Пугачев пощадил эту слободу, предав остальную Казань огню.

Горнозаводские рабочие не только переходили на сторону Пугачева, но и активно боролись в рядах его войск.

Так, напр., при взятии Пугачевым Казани далеко не последнюю роль играл отряд Минеева, набранный исключительно из заводских рабочих; этот же отряд, усилившийся еще более от присоединения к нему казанских мастеровых и рабочих, охранял Пугачева при его отступлении от Казани к Саратову.

Другой, еще более видный сподвижник Пугачева, Белобородов, и сам принадлежал к приписным рабочим завода Осокина. Ему удалось об'единить вокруг себя значительное количество местных рабочих, а вслед затем, присоединив к себе рабочих большинства окружающих заводов, он обложил Екатеринбург и довольно долго держал этот город под угрозой разгрома.

С одного только Саткинского завода в армию Пугачева влилось до 5000 крепостных рабочих; рабочие Овзяно-Петровского завода также приняли участие в Пугачевском бунте и были направлены им для захвата Оренбурга.

После взятия войсками Пугачева Воткинского и Ижорского заводов к восставшим присоединилось большинство мастеровых этих заводов; они же помогли Пугачеву вооружить свои отряды артиллерией, снабдив его значительным количеством пушек. Точно также рабочие Твердышевского завода отпустили Пугачеву без всякого сопротивления свыше 3000 пушечных зарядов с ядрами и очень большое количество ружей; при этом значительная часть рабочих самолично примкнула к мятежным отрядам и выделила

из своей среды лиц, умевших хорошо руководить пушечной стрельбой.

Во время осады войсками Пугачева гор. Челябинска к ним примкнули рабочие большинства соседних заводов: Кислинского, Кыштымского и др.

Избивая или прогоняя начальников заводов, отряды Пугачева об'являли рабочих заводов свободными, и большинство последних спешило примкнуть к бунту против официальной власти.

Особенным успехом среди рабочих пользовался сподвижник Пугачева Хлопуша, побывавший перед тем на каторге, много бродивший по Уралу и, благодаря этому, прекрасно знакомый с жизнью горнозаводского населения. Он выступал повсюду, как незаменимый агитатор среди рабочих и приводил к Пугачеву толпами рабочих людей, „готовых к употреблению с кирками, лопатами и другими горными инструментами".

Любопытно здесь же отметить, что самая мысль о самозванстве, оказывается, была как бы предвосхищена крепостным пролетариатом России.

Так еще в 1765 г. во время волнений рабочих, приписанных к Кислинскому и Кыштымскому заводам Демидова, которые, как только что было указано, приняли участие и в Пугачевском бунте, во главе движения рабочей массы стал Федор Каменщиков, об'явивший себя сперва посланцем Екатерины II, присланным для рассмотрения жалоб рабочих, а вслед затем начавший утверждать, что у него на руках имеется печатный указ императора Петра III.

Несмотря на эту путаницу в заявлениях, заводские рабочие охотно верили словам Каменщикова, собирались на его призывы и выполняли его распоряжения.

Одно время Каменщиков был арестован, но ему скоро удалось бежать, и он направился в Петербург для подачи челобитной от имени демидовских приписных рабочих.

По дороге в Петербург он останавливался в волостях, где проживали приписанные к заводам Демидова крестьяне, подробно распрашивал их, какие обиды они терпят от приказчиков Демидова, и приказывал наказывать тех из крестьян, которые не принимали участия в прежних протестах, а в особенности тех, которые доносили властям на своих товарищей.

„Это демидовские наушники,—говорил он.—Надо их стегать смертельно".

К памяти же рабочих, павших жертвами при прежних волнениях, Каменщиков относился с особым уважением и при своем об'езде посещал их могилы, заявляя, что они погибли невинно.

Хотя Каменщиков закончил свою миссию трагически,—он был выдан в Петербурге другими ходоками демидовских рабочих, приговорен к наказанию кнутом и ссылке в Нерчинскую каторгу с вырезанием ноздрей,—но рабочие Кыштымского и Кислинского заводов отказывались верить этому и ждали его нового появления.

События же Пугачевского бунта показали, что далеко не одни рабочие заводов Демидова ждут избавления от тягот крепостных фабрик и заводов. Всюду, где только появлялся Пугачев, он находил среди крепостных и приписных рабочих самое широкое и активное сочувствие.

И сама Екатерина II опасалась, что если Пугачеву удастся добраться до Москвы, то он легко „в городе пакость какую ни на есть наделает... фабричными людьми", ибо даже в самой Москве, по свидетельству ген. Бибикова, „фабричные почти явно оказывали буйственное свое расположение и приверженность самозванцу, который несет им желаемую ими свободу".

Под влиянием этого широкого участия заводских рабочих в Пугачевском бунте и непрекращавшихся волнений их, правительство должно было в конце концов убедиться, что бороться с подобными настроениями довольно значительного класса заводских крепостных невозможно, и поспешило от голых репрессий перейти к мерам положительного характера, издав в 1779 г положение, которое до известной степени упорядочивало взаимоотношения горнозаводских приписных рабочих, определив более точно их обязанности.

Кроме того, заработная плата рабочим была также значительна увеличена.

Затем указом 1781 г. на имя Пермского генерал-губернатора Екатерина II решила покончить с прежней практикой оставления рабочих в полной власти заводоуправлений и требовала, чтобы заводские пристава на казенных промыслах, а равно и частные владельцы заводов прекратили самоличную расправу с рабочими, оставляя „маловажные дела разбору на словах выборных и других их сельских начальников, а в делах более важных отсылали их на суд в нижних расправах".

Таким образом, этим указом основные положения инструкции кн. Вяземского были распространены, как обязательные, на все казенные и крепостные промыслы и заводы.

Но эти ограничения власти заводского начальства, правда, распространялись лишь на рабочих, выполнявших всякого рода вспомогательные работы, протекавшие в большинстве случаев вдали от заводов.

Рабочие же, занятые в основном производстве, которое выполнялось под непосредственным надзором администрации, попрежнему оставались в полной власти заводского начальства и владельцев заводов.

Все эти мероприятия на время успокоили крепостную рабочую массу, и рабочие волнения в последнее десятилетие царствования Екатерины II заметно ослабели, возобновившись с новой силой лишь к концу XVIII столетия

В. Борьба крепостного пролетариата в XIX веке.

Рабочие волнения в XIX столетии продолжались с не меньшей силой и захватывали не только окраины России, но довольно часты были и в обеих столицах и их губерниях. В особенности часты были в эту эпоху случаи протеста рабочих против крепостного права.

Так на стекольном заводе Баташева в Петербурге в 1816 г. недовольные плохим содержанием мастеровые решили прекратить работу и разойтись по домам. Стачке предшествовали предварительные собрания, на которых рабочие „сделали между собой присягу друг друга не выдавать", Стачка прошла бурно; рабочие по сговору бросили заводские работы, потушили печи и тем нанесли заводу большие убытки.

В 1830 г. в Клинском уезде Московской губ. на фабрике помещицы Мертваго имел место следующий случай, показывающий, что у рабочих существовало своеобразное понимание собственного достоинства.

Несколько рабочих этой фабрики удрало с работ. Когда их поймали и стали наказывать, один из бежавших стал униженно просить о прощении, признавая свою вину. Тогда из толпы рабочих раздался возмущенный возглас рабочего Петрова:

„Коли виновен, так ложись!"

Эти слова простого рабочего показались черезчур дерзкими и „возмутительными" чиновнику, исполнявшему экзекуцию, он распорядился задержать немедленно Петрова, чтобы наказать его вместо бежавшего рабочего.

Но тут за Петрова внезапно заступилась вся масса присутствовавших при экзекуции рабочих, справедливо усмотревшая

в этих действиях чиновника ничем неоправдываемое самоуправство. Когда же Петров был все-таки арестован, рабочие толпой отправились в Клин, требуя его освобождения. Представители власти сперва арестовали протестантов, но затем, убедившись, что они не противятся власти помещицы, должны были их освободить.

На бумажной фабрике Груздева в Клинском у. в 1833 г. рабочие отказались продолжать работу, жалуясь на разного рода притеснения и отягчения, и, направившись большой толпой в г. Клин заявили требование точно указать им, какие работы они должны выполнять и какую сумму оброка им полагается отработать.

Уездное начальство, обеспокоенное упорством их домогательств, поспешило предать их военному суду, но с другой стороны делало „внушение без огласки" владельцу фабрики Груздеву о недопустимости чрезмерного обременения работой крепостных рабочих.

Рабочие, однако, не удовольствовались этим, стали подавать свои жалобы дальше по инстанциям и в конце-концов добились того, что было предписано местному начальству выработать точные правила, устанавливающие взаимоотношения между рабочими и владельцами фабрик.

В 1834 г. на посессионной Купавинской фабрике (в Богородском у. Московской г.) изготовлявшей суконные и шелковые материи, после перехода ее от кн. Юсуповых к купцам Бабкиным из-за низкой заработной платы, которая совершенно не соответствовала ценам на хлеб, и рабочие, благодаря этому, не могли заработать даже на пропитание семьи,—разразились волнения, закончившиеся экзекуцией зачинщиков стачки.

Бросив работу, рабочие первоначально толпой явились в контору, требуя отпуска хлеба, так как Бабкины прекратили его выдачу, ссылаясь на то, что рабочие и так уже забрали его вперед на 40.000 руб.

Толпа отбивала арестованных и была усмирена только после присылки воинской команды. Дело было направлено в суд, который вынес жестокий приговор, обрекавший на порку плетьми значительную часть рабочих вплоть до 70-летних стариков.

Свирепость приговора суд мотивировал тем, что рабочие решились жаловаться самому государю. Но ген.-губернатор кн. Голицын признал приговор суда слишком свирепым и смягчил его, оставив наказание плетьми только пять зачинщикам стачки.

На рабочих этот суровый приговор суда произвел ошеломляющее впечатление.

Особенно волновались женщины.

— Что же мы душегубы, что ли, чтобы нас кнутом стегать да в Сибирь ссылать! Царю жалились и еще будем жалиться,—вопили они, протестуя против жестокого приговора.

— Вот они где душегубы-то!—указывали женщины солдатам на дом купцов Бабкиных:—их надо стегать, а не нас".

В Московской губернии волнения рабочих были также еще в следующие годы: в 1797, 1806, 1823, 1834, 1844.

Особым упорством в борьбе за свои интересы отличались рабочие Фряновской шелковой фабрики (в Богородском уезде). Еще в 1800 году они подали жалобу на своего фабриканта императору Павлу, а сами в ожидании ответа прекратили работу.

За такое „непристойство" зачинщики беспорядков были примерно наказаны плетьми, но упорство рабочих этим сломить не удалось, и они продолжали стоять на своем. Даже местные власти должны были признать, что „фряновские мастеровые, закоснев в буйствах, к повиновению впредь владельцу признаются безнадежными".

И, действительно, рабочие продолжали в течение 30 лет вести упорную борьбу, пока, наконец, в конце 30-х годов прошлого столетия не были удовлетворены почти все их требования, в том числе и свободный выбор старост.

Борьба рабочих огромной Вознесенской бумагопрядильни (в Дмитровском уезде) в 1844 г. сопровождалась усмирением рабочих вооруженной силой и повлекла за собой издание первого закона, ограничивающего эксплоатацию труда детей на фабриках.

Еще более часты были волнения на частно-владельческих фабриках и заводах в губерниях: Рязанской, Тамбовской, Казанской, Ярославской, Владимирской и Тульской, где как раз было много фабрик.

В Тамбовской губ. волнения начались уже в XIX столетии, и наблюдались среди рабочих суконных фабрик и чугуноплавильных заводов.

В 1811 г. крупные беспорядки разразились в с. Бондарях Тамбовской губ. на суконной фабрике Гарденина, вызванные невыплатой заработной платы рабочим.

Владелец фабрики, с своей стороны, обвинял рабочих в том, что они „отреклись от работы", и поспешил вызвать войска.

Во время ареста руководителей стачки вдруг раздался набатный звон, собравший все фабричное население, которое моментально отбило арестованных и даже угрожало самосудом прибывшим полицейским чиновникам. Волнения были прекращены только по прибытии в с. Бондари сильного отряда войск.

В 1815 г. заволновались мастеровые на суконных фабриках Тулинова и Малина (в Тамбовской губ.) и стали проявлять, говоря словами жалобы на них, „дух своевольства и расположения к буйствам".

Но после ареста и наказания нескольких человек зачинщиков остальные быстро смирились, и спокойствие на заводах было восстановлено.

В феврале 1831 г рабочие Унженского чугунно-плавильного завода (Тамбовской губ.), после того как целый ряд их жалоб был оставлен без внимания, поднялись на борьбу и отказались повиноваться, как владельцу завода, так и местному начальству.

Против них были высланы три эскадрона гусарского полка, но рабочие заперлись в одном дворе и в течение двух дней оказывали сопротивление, не склоняясь на увещевания. Когда же под прикрытием воинского отряда был устроен пролом в стене сарая, на осаждавших полетели камни, поленья, дубины и заостренные палки.

Войска трижды стреляли дробью и легко ранили трех человек; когда же они с обнаженными саблями и штыками на перевес пошли в наступление один из руководителей движения, Яковлев, бросился, было, на офицера, но был остановлен выстрелом в лицо холостым зарядом и схвачен. Рабочие были преданы военному суду.

На заводах Рязанской губ. рабочие волнения зарегистрированы еще с конца XVIII века.

В 1797 г. прекратили работу мастеровые Кирицкого чугунно-плавильного завода.

На этом же заводе волнения повторились снова в 1824 г., когда рабочих стал притеснять новый владелец завода Генике, значительно понизивший заработную плату и лишивший их права пользоваться бесплатно лесом и кирпичем.

Волнения продолжались в течение нескольких лет, и хотя на рабочих все время сыпались как из рога изобилия, всякого рода кары, они продолжали упорно добиваться прежних условий найма.

Когда же Генике удалось добиться права сдавать непокорных рабочих в рекруты в зачет будущих призывов, рабочие снова заволновались, подали губернатору заявление, в котором писали, что не считают себя принадлежащими заводосодержателю Генике, но „вольными казенными мастерами, к заводу приписанными", а потому не должны подлежать его распоряжениям, а тем более никто не имеет права сдавать их в рекруты.

Когда же и это заявление не подействовало, то при отправке в город четверо рабочих, сданных в рекруты, их по дороге отбили товарищи и разыскать их не удалось.

В 1816 г. во время рабочих волнений на суконной фабрике Козлова (Рязанск. губ.) недовольство крепостных рабочих обрушилось на бурмистра, который особенно энергично приневоливал их к чрезмерной работе, заставляя, помимо выполнения непосильных уроков в основном производстве, выполнять еще и посторонние работы.

Выведенные из терпения его постоянными придирками, рабочие набросились на него, и бурмистр за свою ретивость поплатился жизнью.

В 1822 г. громадные рабочие волнения разразились на заводах Баташевых в Рязанской, Владимирской и Тамбовской губ. Причиной волнений явилось ничем неоправдываемое снижение заработной платы, которой и без того не хватало на самые неотложные нужды рабочих. К тому же и эта нищенская плата за труд постоянно задерживалась и убавлялась всякого рода штрафами, вычетами и т. п.

В волнениях и стачках на всех этих заводах принимало участие свыше 13.500 чел. рабочих.

В Казанской губернии волнения рабочих суконной фабрики Осокина происходили последовательно в 1796, 1800, 1817, 1819, 1834, 1836, г.г., и только в 1849 г. казанские рабочие добились свободы, за которую они так отчаянно боролись.

Жалоба, посланная ими еще императору Павлу, привела лишь к обратным результатам: правительство потребовало от них подписки в повиновении хозяину, а в противном случае угрожало ссылкой в Сибирь. Рабочие, однако, не только не дали требуемой подписки, но и воспрепятствовали ввести на фабрике наравне с мужским и женский труд.

В 1817 г. они снова отправили своих ходоков в Петербург, но последние были по дороге арестованы и в кандалах отправлены обратно в Казань. По дороге один из них, рабочий Ефремов, не смог снести всех мучений и умер, а другой, Соколов, был заключен в тюрьму.

В 1819 г. они снова подают жалобу и на этот раз для подкрепления ее устраивают стачку, отказываясь выполнять об'явленный им сенатский указ, а затем огромной толпой с женами и детьми направились в город к дому, где остановились присланные для ревизии сенаторы.

То же самое повторили они и в следующем году, подав на этот раз жалобу на владельца фабрики губернатору, в которой упорно заявляли, что отказываются впредь работать на Осокина, так как-де они ему „никогда не принадлежали".

Волнения прекратились лишь после того, как, с одной стороны, сенатом было утверждено особое положение для этой фабрики, а с другой — на фабрике была размещена воинская команда и с ее помощью были обнаружены вожаки рабочих, возбуждавшие в остальной массе „ложные мечтания о свободе", и сосланы навсегда на Иркутскую суконную фабрику, а все прочие подверглись полицейским наказаниям. Но рабочие не унимались и заключили между собой „тайное письменное соглашение": ни в коем случае не уступать требованиям начальства.

В 1824 году рабочих ожидали новые жестокости: десять из них были приговорены к наказанию плетьми, а один на глазах собственного сына был засечен до смерти. Однако, несмотря на эти истязания, никто из них не выдал своих товарищей.

Борьба рабочих Осокинской фабрики продолжалась еще в 30-х и 40-х годах прошлого века.

После неудач с депутациями рабочие пытались неоднократно подавать царю прошения через своих товарищей, отбывавших солдатчину во время смотров,*) и, наконец, явились большой толпой к Николаю I во время пребывания его в Казани в 1836 г. и снова подали ему жалобу на владельца фабрики.

В ответ на жалобу, по распоряжению Николая I, на фабрику была послана особая правительственная комиссия для приведения рабочих в повиновение. Комиссия старалась убедить рабочих, что они не свободные люди, а прикреплены к фабрике Осокина, но безрезультатно.

По донесениям этой комиссии, „таковое истолкование и вразумление фабричных мастеровых не только не имело желаемого успеха, но, по укоренившемуся у них духу своевольства, они решительно об'явили членам комиссии, что не перестанут отыскивать избавления от рабства г. Осокина до тех пор, пока не получат удовлетворения".

То же самое повторилось, когда казанский губернатор попытался лично воздействовать на рабочих: и он должен был признать, что „люди сии, закосневши в упорстве, оказали себя и против его убеждений непреклонными".

*) В 1835 г. такая жалоба была подана рядовым Сапожниковым.

В результате произведенного расследования 51 человек были отданы в солдаты, 177 подвергнуты наказанию при полиции и 144 сделано „внушение".

Такая борьба продолжалась в течение пятидесяти лет, пока, наконец, упорство рабочих не одержало верх над жестокостью властей.

В 1810 г. на Овзяно-Петровских железоделательных заводах отказались от работ присланные туда в качестве „непременных работников" рекруты.

Так как ни привезший их на работы офицер, ни сама контора завода не смогли им об'яснить, в каком положении они будут работать на заводе, присланные рекруты воспользовались этим и не приступали к работам, пока прибывший на место происшествия исправник не раз'яснил им их положения.

Рабочие тогда ограничились требованиеми отпуска продовольствия и жалованья и стали на работу по удовлетворении этих требований.

В Ярославле стачки и волнения рабочих происходили в 1806, 1816, 1817, 1818 и 1823 г.г.; в Воронежской губернии—в 1821 и в 1851 г.г.; в Калужской—в 1814 и 1821 г.г.; во Владимирской—в 1823 г.; в Тульской—в 1837 г., в Пермской губ.—в 1828—1829 г. на Нижнесергиевском и Атинском заводах и в 1838 г. на Верхотуринских золотых промыслах; в Оренбургской губернии в 1829 году на Юрезень-Ивановском заводе кн Белосельской и в 1856 г. на Мариинском прииске; в Нижегородской губ. в 1841 г. на Илевском заводе; в Симбирской губ. в 1845 г. на бумажной фабрике; в Вологодской губернии в 1830 г. на Шпрогорской писчебумажной фабрике; в Тамбовской губерний на Унженском чугунно-литейном заводе в 1831 г.; в Пензенской губ. в 1858 г. на заводе поручика Манухина в Краснослободском у. и в Сибири, как западной, так и восточной, на многих горных промыслах, в 1835—40 г.г., 1842, 1858 г.г.

В 1822 г на Кыштымском и Кислинском заводах Расторгуева в Пермской губ. рабочие волнения и стачки были вызваны низкой заработной платой и плохим продовольствием. Для принесения жалобы рабочие толпой ходили в Екатеринбург. Из берг-коллегии для выяснения причины волнений был направлен специальный инспектор, который подтвердил полную справедливость жалоб и нареканий рабочих, но тем не менее правительство решило примерно наказать рабочих за стачки и волнения.

Зачинщики были преданы суду, а 98 рабочих, опознанных в толпе, ходившей с жалобой в Екатеринбург, были подвергнуты телесному наказанию и назначены к переводу с семьями на Богословские казенные заводы.

Но подобная возмутительная расправа могла вызвать среди рабочих взрыв еще большего возмущения и в конце концов правительству пришлось восстанавливать порядок посредством присылки значительных вооруженных отрядов, а заводы были отобраны от Расторгуева и возвращены в казну.

На Ревдинском заводе Демидовой в Пермской губ. в 1841 г. происходили крупные волнения, вызванные распространившимися среди рабочих слухами о том, что для завода издан новый штат, который администрация скрывает от рабочих.

Все увещевания рабочих, что слух этот ложен и никаких новых штатов для Ревдинского завода не издавалось, ни к чему не приводили: рабочие упорно продолжали отказываться от работы и повиновения и даже оказали сопротивление присланному для усмирения их воинскому отряду. Последний, наконец, прибегнул к стрельбе картечью и в результате 35 рабочихбыло убито на месте. 114 чел. ранено, да сверх того 25 чел было отдано в солдаты и 27 рабочих подверглись наказанию розгами.

В 1825 г. рабочие Шпрогорской писчебумажной фабрики (Вологодской губ.) принесли губернатору жалобу на невыплату им причитающегося жалованья. На фабрику был командирован земский начальник с небольшой воинской командой, и рабочие вместо выплаты недоданного жалованья были подвергнуты телесному наказанию.

Когда несколько лет спустя эта фабрика была сдана в аренду некоему Эгансону волнения на ней повторились с еще большей силой. Рабочие в 1830 г. отказались повиноваться арендатору, жалуясь на его жестокое обращение.

Командированные на место чиновники стали на сторону арендатора и дали заключение в том смысле, что 8 человек зачинщиков должны быть преданы суду Дело случайно дошло до Николая I, и даже ему показалось странным беспричинное волнение рабочих, и он наложил резолюцию „Исследовать поведение арендатора".

Следствие не замедлило обнаружить чудовищную жестокость Эгансона с фабричнымм рабочими: между прочими его подвигами было установлено, что телесные наказания розгами, линьками и кулаками широко практикуются им на фабрике, что

рабочему Тройникову им проломлена голова камнем, а другой рабочий, Петров, не вынеся истязаний, умер.

И не смотря на эти факты, обнаруженные следствием, уголовная палата, составленная из потомственных представителей дворянства, стала опять на сторону арендатора и постановила 15 чел. раоочих наказать плетьми, а одного сослать в Сибирь на поселение.

Даже губернский прокурор и начальник корпуса жандармов были возмущены таким „правым судом"; последний в своем протесте писал, „что таковое действие Вологодской уголовной палаты противно всяческой справедливости и законности".

Сенат также разделил это мнение, и представители дворянства получили выговор „за невнимание" к делу.

В 1841 г. мастеровые и рабочие Илевского завода в Нижегородской г. прекратили работу из-за невыплаты заработка; кроме того, они жаловались на владельца завода Баташева, что он заставляет их брать вместо денег изделия завода, которые они принуждены потом сбывать с большим убытком для себя. Они толпой отправились в гор. Ардатов, требуя побудить владельца завода уплатить им следуемое

В 1845 г. в Симбирской губ. на Тальской бумажной фабрике, принадлежавшей владелицей на посессионном праве, мастеровые и рабочие возбудили жалобу на то, что заработная плата выплачивается им не полностью, что их употребляет владелица, кроме фабричного мастерства, на всякого рода другие работы и чинит им всякого рода притеснения. Против рабочих было возбуждено следствие, но рабочие отказывались давать показания, предварительно требуя, чтобы власти освободили их поверенного, „цывильного мещанина Кудрявцева".

Тогда против рабочих была двинута воинская часть, которая произвела жестокую экзекуцию, да, кроме того, по приговору военно-судной комиссии, девять главных ослушников были подвергнуты наказанию шпицрутенами.

В Пензенской губ. на заводе поручика Манухина (дер. Русская Маскина Краснослоб. у.) в начале 1858 г. начались волнения рабочих из-за низкой заработной платы; рабочие требовали повышения ее с 7¼ коп до 1 руб. ассигнациями в день. Прибывшим войскам рабочие оказали под предводительством И. Герасимова вооруженное сопротивление.

Осенью того-же года волнения вспыхнули снова и в третий раз повторились в следующем 1859 г. Каждый раз власти жестоко расправлялись с зачинщиками волнений, предавая суду

и ссылая в Сибирь, но это не останавливало рабочих. В конце концов заработная плата была им значительно повышена и для отдельных цехов поднялась до 72 к. ассигнациями.

Во время постройки С.-Петербурго-Московской жел. дор. происходившие случаи волнений рабочих вызывались непомерно тяжелыми „уроками", почти вдвое превышавшими нормы урочного положения, рассчитанного на нормальные физические силы человека.

Кроме того, подрядчики широко практиковали обмеры выполненных уроков, старались выгадать на качестве отпускаемой рабочим пищи, снабжали их непомерно дорогой обувью и одеждой и, наконец, бесконечно злоупотребляли задержками в выплате заработка рабочим.

Волнения, однако, протекали довольно мирно и ограничивались обычно пассивной формой протеста рабочих. Доведенные до полного отчаяния условиями труда, они начинали разбегаться, сговариваясь для этого целыми артелями.

В 1850 г., при постройке участка жел. дороги близ гор. Москвы, 198 ч., занятых земляными работами, об'явили стачку и направились в Москву с жалобой на непосильную работу. Они были встречены вблизи Москвы губернатором, который уговорил их вернуться обратно, обещая разобрать жалобу и облегчить работу.

„Русский человек,—доносил посланный правительством для обследования условий жизни рабочих на постройке Петербурго-Московской железной дороги начальник штаба корпуса путей сообщения Мясоедов,—по вере к богу и царю весьма терпелив, и надобно сделать ему через чур много жестокого, чтобы он подумал ослушаться хоть временной власти, над ним поставленной, а потому и в настоящем деле, мне порученном, я обвиню подрядчиков и те власти, кои безусловно из денег поручают им своих рабочих".

В 1858 г. при постройке Варшавской ж. д. также наблюдались случаи побега рабочих с работ, вызванные низкой заработной платой и распространившимися слухами об об'явлении воли. С одного только участка возле города Луги тогда бежало 324 человека.

В то время как в Европейской России к началу XIX века труд рабочих на казенных и даже на частных приписных заводах начал уже регулироваться разного рода инструкциями и положениями, более или менее ограждавшими личность и интересы рабочего, в Сибири, а равно и в примыкавших к ней горнозаводских

районах почти до самого падения крепостного права личность рабочего ничем не была фактически ограждена от разнузданного произвола местной администрации и владельцев заводов.

Правда, и на сибирских горных заводах вырабатывались инструкции, но они либо носили специфический характер карательных мер по отношению к труду каторжан и ссыльно-поселенцев, либо же вовсе не соблюдались администрацией.

Последняя же, зная, что до Москвы не скоро доскачешь, чувствовала себя полным господином положения.

И чем дальше от центра, тем, как общее правило, положение рабочих было безотраднее.

Согласно выработанной еще в 1724 году для сибирских казенных заводов инструкции, от рабочих требовался, например, абсолютно трезвый образ жизни и приказывалось „за один день пьянства вычитать за месяц жалованье". Разумеется, подобная инструкция могла соблюдаться лишь тогда, если администрации завода необходимо было расправиться с кем-либо из рабочих.

А так как затхлая атмосфера заводской жизни в глуши всегда давала бесконечное число поводов для недоразумений и недовольства, то и причин для рабочих волнений здесь всегда было более чем достаточно.

Мы уже имели случай познакомиться с волнениями горнозаводских рабочих на заводах Демидова, Шувалова, имевших место, главным образом, в XVIII столетии.

Та же картина бесправного положения всего рабочего населения этих заводов остается в силе и концу этого века и продолжается в XIX столетии.

Так, напр., на Алтайских заводах, принадлежавших дворцовому ведомству, даже в начале XIX столетия рабочие целиком находились во власти горной администрации.

Во-всю процветала палочна расправа за малейший недосмотр, предусмотренная самой инструкцией и широко практиковавшаяся низшей администрацией; высшее же начальство „било по зубам", а для более существенной расправы отсылало провинившихся в горную полицию.

400—500 розог считалось слабым наказанием, и нередко число ударов поднималось до 3000; плетьми наказывали „за сделание для себя в заводской кузнице ножичка", за оставление „высоких пней" при рубке леса и т. п Волнения рабочих поэтому также не прекращались и порою достигали крупных размеров.

В 1799 году на Березовском казенном золото-промывательном заводе рабочие отказались производить работу по праздничным дням, хотя за нее им была положена двойная плата, и необходимость этих работ при доменных печах и на водоотливных работах вызывалась крупными убытками для завода в случае их перерыва.

Для водворения порядка администрация завода была вынуждена прибегнуть к вызову батальона мушкатерского полка, при помощи которого зачинщики стачки были арестованы и понесли „примерное наказание".

В 1820 году волнения на приисках повторились снова и опять-таки были вызваны тем, что администрация заставила рабочих начать работу в средине пасхальной недели. На этот раз не подействовали и аресты зачинщиков; остальные рабочие упорно стояли на своем, продолжали „пребывать непреклонными в своем буйстве, об'являя с дерзостью, что в праздничные дни они повиноваться не будут, не взирая ни на какие принуждения".

На почве применения указа 1807 года о непременных работниках разразились в 1812 году серьезные волнения в Пермской губ., начавшиеся на Верх-Исетских заводах Яковлева. Оттуда они вскоре перекинулись на заводы Демидова и даже на казенные Гороблагодатские; всего охвачено было волнениями три горных округа с 12 волостями и почти 20.000 рабочим населением.

Перепугавшаяся местная администрация была бессильна даже воспрепятствовать быстрому распространению волнений и вызвала на помощь значительные военные отряды, но рабочие сами не пошли на вооруженное сопротивление и согласились приступить к работам; пострадали только руководители движения.

Приписанные к Алтайским казенным заводам крестьяне Чаусской волости в 1813 году прекратили работу, ссылаясь на то, что будто бы они отчислены от завода в губернское ведомство. Кроме того, они жаловались на канцелярию горного ведомства, которая, не взирая на крайнюю нужду их в хлебе, не разрешала выдачи зерна из своих запасных магазинов.

Для подачи жалобы и получения точной справки об их отчислении из горного ведомства, они направили в г. Томск своего ходока Мингалеева, который по дороге в губернский город посетил соседние села и склонил рабочих Ольшинской и Варюхинской волостей к совместным действиям.

Губернатор распорядился немедленно отпустить всем нуждающимся хлеб из запасных магазинов, но эта мера не прекратила волнений; рабочие продолжали упорно отказываться выходить

на работу, и успокоение наступило только после прибытия воинского отряда и ареста 29 зачинщиков.

В 1837 году на Алтайских горных заводах были волнения рабочих на приисках Мясникова и на промыслах купца Баскова. Рабочие отказались работать за 12 руб. в месяц и потребовали повышения заработной платы до 20 руб. в месяц и выдачи им некоторых продуктов и вещей. Жалование им было увеличено до 15 руб. без вычетов за праздничные и табельные дни.

Тогда же происходили волнения на приисках Попова и на промыслах Рязанова и Баландина, на которых рабочие отказались работать по праздничным дням.

Для усмирения волнений повсюду вызывались воинские отряды, руководители волнений и стачек арестовывались и предавались суду.

На промыслах Рязанова и Баландина у рабочих на этой почве произошло столкновение с казачьим отрядом, которому они так и не дали арестовать двух своих товарищей, обвинявшихся в агитации за стачку.

В 1842 году крупные рабочие волнения охватили почти весь Енисейский горный округ. Прекращались работы на большинстве приисков и почти всюду требовалось вмешательство военной силы для прекращения волнений рабочих.

На Сергинских заводах Губина рабочие, занятые на вспомогательных работах по рубке леса и колке дров, отказались в начале 1823 года выполнять слишком крупные уроки.

Волнения не успели широко разлиться, так как на место происшествия по распоряжению губернского начальства была послана вооруженная сила и рабочие подчинились распоряжению горного управления.

На Ревдинских заводах, принадлежавших Зеленцову, в 1825 г. волнения среди рабочих, занятых вспомогательными горнозаводскими работами, были вызваны наглым увеличением меры, по которой они должны были сдавать уголь.

Прекратив работу, они сперва послали в Екатеринбург своих выборных, а когда прошел слух, что их выборные там арестованы, двинулись на выручку им сами.

Волнения на этом заводе продолжались довольно долго и в конце концов рабочим удалось добиться возвращения завода в казну.

На Колывано-Воскресенском казенном горном заводе в 1826 г. начались массовые побеги рабочих, которые, покидая завод,

перебирались через русскую границу и там стали селиться между гор, на свободном, никем не обитаемом месте, чтобы пользоваться свободой, полной независимостью, не платя подушной подати и не отбывая заводских работ.

В 1831 году на этом же заводе вспыхнули более серьезные волнения, причиной которых послужил переход заводов в министерство финансов Рабочие стали толковать указ о переходе заводов в другое ведомство в том духе, что он освобождает их от работы на заводе.

Администрация завода поспешила арестовать главнейших подстрекателей движения и, благодаря этим мерам, в селениях, расположенных вблизи завода, волнения прекратились, но в остальных местах, в особенности в селах, лежащих ближе к Томску, рабочие продолжали упорно настаивать на своей правоте.

Они отклоняли все попытки склонить их к повиновению и оказывали явное сопротивление, хотя и пассивное, представителям власти. Так, напр, когда администрация арестовала волостных старшин, рабочне отказались выбрать новых старшин взамен арестованных, они упорно отказывались доставлять кого-либо к допросу из своей среды, а рабочие из деревни Ворюхиной и селений Заледеевского и Ярского, не ограничиваясь таким пассивным сопротивлением, стали рассылать своих ходоков в окрестные волости, подбивая и их примкнуть к движению.

Когда для усмирения непокорных прибыл крупный воинский отряд и арестовал около 200 чел рабочих из дер. Ворюхиной, для освобождения их стали стекаться толпами крестьяне соседних волостей, требуя немедленного освобождения арестованных или же предлагая арестовать и всех их

Арестованные в свою очередь, оказали упорное сопротивление, которое было сломлено после выделения из их среды главных руководителей, которых и постигла суровая кара.

Рабочие Нижне-Сергиевского и Атинского заводов Пермской губ., доведенные тягостью работ и непомерно низкой заработной платой „до крайности", в 1824 году решили покинуть завод и в колиечстве 150 человек направились в Екатеринбург. Тщетно начальство посылало к ним чиновников, пытавшихся раз'яснить им их права; работие выведенные из терпения тем, что их жалобы по несколько лет оставались без рассмотрения, отказывались верить присланным чиновникам и настойчиво требовали пред'явления „вновь утвержденных штатов за подписью его императорского величества".

Только с помощью воинской команды удалось в 23 верстах от Екатеринбурга остановить упорствовавших и силой принудить их вернуться обратно на завод.

Пять человек из них, являвшихся вожаками движения, были выделены и отправлены на казенные Березовские золотые промыслы: „сколько для того, чтобы впредь не могли расстраивать других к неповиновению, столько и на тот самый конец, чтобы после, по окончании исследования, предать их военному суду".

В 1829 г. большие волнения происходили среди заводских рабочих княгини Белосельской в Юрезень-Ивановском заводе Оренбургской губ. Недовольные низкой заработной платой, обременительными поборами, дороговизной хлеба, отпускавшегося им с завода, несвоевременной выдачей жалованья, тяжестью работ по рубке дров и исправлению дорог и чрезмерной эксплоатацией стариков и малолетних, рабочие, собравшись толпой, избили заводского мастера и посадили его под караул при заводской полиции.

Прибывшему на место волнений вице-губернатору рабочие, став на колени и прося войти в их положение, пред'явили прошение с изложением всех вышеперечисленных утеснений и просьбой об освобождении крестьянина Тараканова, содержавшегося в Уфе по их же делу.

При этом многие из рабочих заявляли, что без Тараканова они не могут быть покойны и никому другому не доверяют и что они „миром дали присягу стоять за Тараканова и друг за друга".

Вице-губернатор констатировал „грубость и неуважение к заводскому начальству", выразившиеся в том, что рабочие заставили исправника неправильно удалиться с завода, не исполняют приказаний и нарядов, самовольно собирают сборы и самовольно отлучаются, действуют самоуверенно, подвергая неугодных им лиц аресту, а других, арестованных по распоряжению заводского начальства, освобождают

Против рабочих была выслана воинская часть, которая окружила их во время собрания. Часть рабочих после этого сразу „обнаружила раскаяние", но 1100 чел. продолжали упорствовать и „раскаялись" только после применения телесного наказания, 30 же из них под предлогом, что не хотят изменить присяге, данной за Тараканова, не покорились и после наказания розгами и были взяты под стражу.

В конце концов сопротивление рабочих было сломлено, хотя ходили слухи, что между рабочими „еще скрываются тайные толки и совещания к новому возмущению".

На-ряду с рабочими-крепостными в эту эпоху начал появляться и рабочий вольнонаемный, собиравшийся постепенно в крупных тогдашних промышленных и административных центрах. В большинстве случаев эти вольнонаемные рабочие продолжали вербоватся из тех же помещичьих крепостных, отпущенных на оброк.

Число их беспрерывно возрастало от десятилетия к десятилетию и особенно увеличилось с 40-х годов XIX столетия, когда под влиянием развивавшегося денежного обмена, разлагавшего старые формы экономического быта, с одной стороны, и не прекращавшихся волнений посессионных рабочих—с другой, в 1835 году был издан закон, разрешавший фабрикантам переходить от кабального труда к вольнонаемному.

До издания этого закона такой вольнонаемный рабочий из помещичьих крепостных мог быть вытребован своим помещиком в любой момент с фабрики, несмотря на заключенный договор найма, и только законом, изданным в этом году и постепенно распространенным на всю страну, власть помещиков в этом отношении была ограничена.

В 1833 г. наблюдались довольно частые случаи самовольного ухода с работ вольнонаемных рабочих, занятых на золотых приисках в Томской губ. Так, например, с Ачинских приисков Баландина и Рязанова ушло 78 чел., с Воскресенских приисков тех же владельцев—56 чел., с приисков Поповых—до 500 чел.

Такие же крупные уходы рабочих наблюдались на промыслах Черепанова и Осипова.

По донесению Томского губернатора, основной причиной этих массовых оставлений работ являлось „своевольство и наклонность к бродяжничеству" самих рабочих, но, в действительности, как можно убедиться даже из самого губернаторского расследования, такой причиной следует считать стремления владельцев приисков и их приказчиков возможно сильнее прижать вольнонаемных рабочих, по возможности, приравнивая их к положению крепостных.

В 1838 году на золотых промыслах помещиков Всеволожских (в Верхотурском уезде, Пермской губ.) 300 чел. вольнонаемных рабочих, разбив контору промыслов и забрав запасы хлеба и мяса, покинули промыслы, направившись в Устьсысольский уезд. Часть из них вернулись сами с дороги, а 182 чел. были возвращены воинской командой.

Произведенное расследование установило, что неповиновение рабочих было вызвано тем, что им не выдавали полной порции

хлеба и получаемых двух пудов муки в месяц было недостаточно для выполнения тяжелых работ.

В Томской губ. во второй половине 30-х годов XIX столетия очень много волнений происходило среди рабочих частных золотых промыслов, вызванных самым возмутительным обиранием рабочих, которым не доплачивалась условленная заработная плата, заключением кабальных договоров, задержанием на работах сверх условленного срока и т. п.

Ближайшее горное начальство, а также и томский губернатор, корпуса горных инженеров ген.-майор Шленов доносили министру финансов о безусловной виновности рабочих и требовали, несмотря на маловажность проступков, применения к участникам волнений самых суровых кар и военного суда.

Николай I, к которому, по докладу министра финансов, поступило это дело, согласился с тем, чтобы судить „всех виновных из каторжных по полевому уголовному уложению, прочих—военным судом".

Но за обездоленных рабочих неожиданно вступился генерал-губернатор Западной Сибири кн. Горчаков, прекрасно знавший, что собой представляют местные горные власти и насколько можно доверять их донесениям.

Считая недопустимым, чтобы виновных в волнениях рабочих предавали военному суду, составленному из тех самых лиц, действия которых зачастую и вызывали недовольство и волнения рабочих, он донес об этом министру внутренних дел и распорядился проверить доклады томского губернатора Шленова о причинах рабочих волнений, через беспристрастных чиновников, не состоящих на службе в Томской губ.

Расследование это повлекло за собой предание суду хозяев приисков, их управляющих, а поведение начальника Алтайских горных заводов и томского губернатора было признано пристрастным и предосудительным.

В 1842 г. на золотых приисках в Восточной Сибири, хотя, по донесению ген.-губернатора, „смертоубийства и грабежей не происходило, но общественное спокойствие было нарушено"..., самовольным уходом рабочих из ряда частных приисков и „оказанием неповиновения хозяевам и местному начальству"; это и послужило основанием к столь свирепой расправе над провинившимися рабочими, что еще несколько лет спустя о ней вспоминали с ужасом и содроганием представители местной власти.

Виновные рабочие были преданы военному суду, вынесшему нещадные приговоры, и жандармский офицер, прибывший для усмирения, окружил рабочих военным отрядом, приказал солдатам держать ружья на прицел и об'являл, что, если кто-нибудь из рабочих пикнет, он велит стрелять....

На Крестовоздвиженских золотых промыслах, принадлежавших владелице Бутеро, в 1844 г. рабочие потребовали сокращения непосильных для них дневных уроков. Получив отказ, они увлекли за собою и всех вспомогательных рабочих промыслов и, запершись в казармах, упорно держались на выставленном требовании.

Волнения прекратились лишь после того, как владелица промыслов согласилась пойти на уступки рабочим, и работы стали производиться согласно утвержденному в 1841 г. положению.

Положение рабочих на золотых приисках зачастую было до того кошмарно, вследствие ничем не сдерживаемого самодурства властей и владельцев приисков, что рабочие предпочитали идти в тюрьму, чем продолжать сносить издевательства, и с этой целью решались на совершение ничем не вызывавшихся уголовных преступлений.

Далеко не самым возмутительным являлось, напр., требование приискового начальства, чтобы рабочие поочередно присылали к нему своих жен „мыть полы".

Тщетно рабочие пытались уклониться и спасти своих жен от позора, предлагая нанять за свой счет других женщин... На этой почве происходило также не мало кровавых развязок, причем рабочего всегда ждала суровая расправа.

Так в 1858 г. на Царево-Николаевском промысле рабочий Пальников застрелил на этой почве приискового пристава и был приговорен за это к наказанию шпицрутенами „через 100 человек 20 раз" и затем к ссылке на каторжные работы без срока.

В два приема Пальников вынес наказание „через 100 человек 16 раз" и должен был лечь в барнаульский госпиталь, т.-к. по свидетельству местных врачей, стал одержим „кровохарканием и органическим расстройством печени".

Александр II, которому было в 1863 г. доложено это дело, „смилостивился" над изувеченным человеком и высочайше повелел отменить оставшееся Пальникову наказание шпицрутенами, сослав его в каторжные работы.

В июне 1856 г. с Мариинского прииска Устинова (Оренбургской губ.) бежало 180 чел., а с Александровского прииска Боженовой—89 ч. рабочих-башкир.

Беглецов с помощью воинских команд вернули обратно, и они после некоторого сопротивления покорились своей участи Следствие выяснило, что причиной побега было злоупотребление заводоуправлений, заключавшееся в том, что башкир дурно и недостаточно кормили, заставляли работать в сырых и топких местах, не выплачивали заработанных денег, и в расчетных листах записывали более того, что выдавалось в действительности, пользуясь поголовной безграмотностью рабочих.

Местная полиция, разумеется, во всем мирволила владельцам приисков, что дало повод департаменту полиции, интересовавшемуся этим делом, высказать следующую нравоучительную сентенцию:

„Если бы полицейское начальство на промыслах обратило на эти причины должное внимание и во-время отклонило их, а башкиры видели бы себе справедливую защиту в местной полицейской власти, то не было бы надобности требовать воинской команды и наряжать следствие, а башкирам — повода покидать работы, на которые они нанимались добровольно".

В 1859 г. на Юрезанском заводе генерала Сухозанет (Оренбургской губ.) вспыхнули волнения, вызванные небывалой и для того времени эксплоатацией труда.

Как оказалось при расследовании, ген Сухозанет не признавал для рабочих никаких праздников, заставляя работать на себя все семь дней недели подряд.

Заработная плата была скудная, да и та системой штрафов, то за невыполненый урок, то за пережог угля, то за излишний угар чугуна,—уменьшалась еще более, а часто и целиком шла на покрытие штрафов.

Кроме того, на заводе в широком ходу были телесные наказания; так, напр., осенью 1858 г., когда „вследствие исключительного времени", т.-е. слухов о близком освобождении крестьян,— тяжесть наказаний была значительно уменьшена, ген. Сухозанет сумел за свое кратковременное пребывание на заводе наказать около 40 чел. рабочих, причем каждому досталось до 100 ударов розог, раньше же наказания были еще более жестоки и доходили до 700—800 ударов.

Выведенные окончательно из терпения всеми этими притеснениями, рабочие разбежались с работ в рудниках и направились в соседние уезды.

Ген. Сухозанет настаивал на предании бежавших военному суду, но даже администрация не решилась на это, считая что заводоуправление само повинно в создавшемся положении

а побеги рабочих вызваны нищенской заработной платой, которой не хватало даже на насущный хлеб, не говоря уже об одежде; недостаток пропитания вынуждал рабочих и раньше в льготное время расходиться по окрестным городам в надежде получить случайный заработок.

На Авгорском посессионном чугунно-плавильном заводе рабочие, получавшие в 1858 г. всего по 7,5 копеек ассигнациями, отказались продолжать работу за эту нищескную плату, которой им не хватало на пропитание, ип отребовали увеличения ее до 1 р.

Против стачечников была послана воинская команда, рабочие, в свою очередь, вооружились вилами, дубинами, топорами и ножами, но противостоять воинской силе не могли и были усмирены. 16 чел. вожаков были подвергнуты наказанию и ссылке в Сибирь.

Остальным заработная плата была немного повышена, но, очевидно, далеко недостаточно, так как волнения вскоре повторились дважды, и каждый раз рабочие завода упорно продолжали добиваться повышения заработка.

Характер рабочих волнений почти всюду один и тот же: рабочие подают жалобы и устраивают стачки; власти отвечают плетьми и Сибирью, и только непоколебимая солидарность и самоотверженность рабочих обеспечивают им более или менее полную победу.

Иногда этот героизм борьбы рабочих передавался и их палачам. Так было, например, в Богородском уезде в 1834 г. Рабочие забастовали, выставив требование повышения заработной платы, и отстояли от полиции своих вожаков, которых та хотела арестовать. Тогда явились войска, и началась обычная в таких случаях порка.

„Когда троих наказали, а потом хотели наказывать еще двоих, то заплечный мастер, видя, что все понятые и собравшийся народ единогласно кричали, что напрасно кровь проливают, и к тому же указа не читали, бросил плети и не стал наказывать, и прямо сказал капитан-исправнику: „сам наказывай", а солдаты также преклонили ружья; а капитан-исправник приказал наказывать сотскому сторонней деревни" *).

Г. Попытки создания организаций для руководства борьбой пролетариата в крепостной России.

Из общей однообразной картины разрозненной борьбы крепостных рабочих несколько выделяется лишь следующие случаи

*) В. А. Поссе. „Теория и практика пролетарского социализма", стр. 325.

попыток создания организаций для руководства борьбой крепостного пролетариата.

Еще в 1653 г. на самом севере России в Архангельской губ. сложилась своеобразная профессиональная организация квалифицированных водных рабочих (лоцманов и кормчих), занятых сопровождением правительственных и частных торговых судов по рекам Сухоне и Северной Двине.

Добиваясь, повидимому, изменения условий оплаты своего труда, архангельские водники для большей успешности своей борьбы заключили между собой своеобразный договор—„заодиночную запись", т.-е. другими словами, согласились действовать единодушно, а на случай измены кого-либо общему делу определили взимать с таких лиц штраф в размере 50 руб.

Договор этот был заключен для проведения стачки и предусматривал поддержку пострадавших в борьбе товарищей.

На тот случай если „от Тотемских и от Устюжских воевод какая обида будет не по делу, станут в тюрьму садить на Тотьме и на Устюге... нам носникам (т.-е. лоцманам) друг за друга стоять и стоять за един человек и в обиду не давать и государю бити челом и нам носникам докахмест не выпустят из тюрьмы на судах не ходить, не плавать".

Вероятно, подобные организации в то время существовали не только среди водников; по крайней мере, местные власти не усмотрели в составлении подобного договора никакого преступления со стороны рабочих, но, к сожалению, такого рода памятников совершенно не сохранилось.

Очень любопытна также борьба рабочих на Красносельской (Петербургской губернии) бумажной мельнице генерал-аудитора Хлебникова, тянувшаяся с 1777 г. по 1802 г.

Новый владелец, приобревший эту фабрику от гр. Сиверса, стал притеснять рабочих, не давая им положенного провианта и заставляя их работать после полудня по субботам, а также по праздникам и воскресным дням.

Рабочие жаловались на эти притеснения в мануфактур-коллегию, а когда это обращение не помогло,—самовольно стали прекращать работу по субботам ранее срока.

Из мануфактур-коллегии дело перешло в сенат. Рабочие упорно добивались своих прав, отказывались исполнять работу и требовали, чтобы при разборе всяких недоразумений в заводской конторе присутствовали их выборные.

Благодаря вмешательству Екатерины II, борьба рабочих с заводской конторой закончилась мировой, причем контора была вынуждена уплатить рабочим в удовлетворение пред'явленного ими иска 12.000 рублей и заключила с ними следующий коллективный договор.

За выделанную бумагу контора должна была выплачивать 20% с цены бумаги и, кроме того, отпускать рабочим на каждый двор по 4 сажени дров; прежняя выдача провианта отменялась.

Эта плата за выработанную бумагу выдавалась рабочим ежемесячно, по средним ценам на бумагу; плохо сработанная бумага принималась рабочими обратно для вторичной переработки. За эту плату рабочие брали на себя содержание формовщика, кузнецов, столяров и плотников и обязывались чинить за свой счет инструменты, машины, строения и плотину, а также нести караул около фабрики.

В случае приостановки работ на фабрике по недостатку материалов, рабочим за все время прогула обеспечивалось жалованье. Полученная за выделанную бумагу плата распределялась ими самими, соответственно трудам каждого.

Рабочим, наконец, было предоставлено выбирать самим мастера и подмастерьев, но с тем, однако, условием, чтобы они выбирали «достойных» и чтобы мастер имел над ними «полную власть».

Эти порядки просуществовали на Красносельской фабрике более 20 лет, причем эта артельная фабрика, обнимавшая более 200 человек рабочих, вела сложное фабричное дело с полным успехом.

Когда в 1811 г. владелица Полторацкая, к которой перешла эта фабрика, вздумала нарушить заключенный в 1803 г. договор, обвиняя рабочих, что они „отпали от всякого повиновения, составили между собою общество, которое ими управляет, отклоняя всякое над собою начальство и никому не давая отчета, как в прогулах, так и в хорошей отделке бумаги", рабочие сумели отстоять почти все основные пункты своего договора с прежним владельцем.

Командированный на место министерством внутренних дел ревизор мог поставить в вину рабочим только то, что они не допускают к работе детей моложе 15 лет, ограничили работу 10 часами в сутки и не допускают к работе женщин. По его докладу, сенат оставил в силе старый коллективный договор, внеся в него лишь следующие изменения: работа детей допускалась на фабрике

с 12-летнего возраста, длина рабочего дня была увеличена до 12 ч. в сутки и мастера и подмастерья должны утверждаться владелицей фабрики.

Попытки создания организаций крепостными рабочими в моменты обострения борьбы частично были отмечены уже выше при описании волнений рабочих на Олонецских казенных заводах, на заводах Демидова, Шувалова, Осокина и др. Все они возникали в недрах борющегося пролетариата и обычно не выходили за пределы данной фабрики или завода. Но на-ряду с этим следует отметить отдельные случаи создания тайных организаций, пытавшихся ставить себе более широкие задачи.

В 1823 г. на Верхне-Исетском заводе Яковлева крепостным Андреем Лоцмановым, занимавшимся на заводе по письменной части и бывшим учителем при заводской школе, была сделана попытка составить нечто вроде тайного общества.

Сын заводского приказчика, Лоцманов детские годы провел в Москве, где побывал в нескольких пансионах; там он пристрастился к чтению, увлекался массонскими романами и, между прочим, прочел записку о якобинцах и сочинение французского энциклопедиста Гельвеция „Дух разума".

Тщетно молодой Лоцманов пытался освободиться от тяготевшей на нем крепостной зависимости; добиться этого ему не удалось, и он вынужден был, по распоряжению Яковлева, отправиться на службу на завод. Там у него и зародилась мысль о создании тайного массонского общества, но осуществить ему ее не удалось, так как дело ограничилось привлечением в члены общества одного лишь сослуживца конторщика Махотина, который вскоре его и выдал, да составлением проекта обращения к предполагаемому „президенту тайного общества ревнителей свободы вице-адмиралу Мордвинову", в котором мечтавший о свободе Лоцманов писал, что „семена свободы сеются на хребтах Урала и бесплодные скалы превращаются в плодоносные нивы, представляющие приятное зрелище для сеятелей. Свободное, врожденное чувство человека здесь распространило ветви свои, под сенью коих после трудов ратных спокойно отдохнут сыны ее; свобода присоединила в число сподвижников своих... еще несколько человек, которые стараниями моими возненавидели династию, властвующую ныне над потомками древних славян, столько же, сколь питают усердие к новому монарху—свободе".

Лоцманов был арестован, заключен в Бобруйскую крепость и провел там в наказание за свои вольнолюбивые мечты около 9-ти лет.

Другая попытка организации тайного общества имела место на заводе Лазаревых в Пермской губ., где в 1836 г. возник небольшой кружок из служащих завода и учеников местной горнозаводской школы, всего около 12 человек.

Организатором кружка явился ученик школы Петр Поносов, у которого, как он показывал при допросах, под влиянием чтения книг, возникла мысль составить общество, которое старалось бы об'единить как можно больше лиц из различных мест „для ниспровержения власти, первоначально ближайших из среды начальников", и когда общество разростется до таких размеров, что станет возможно начать явно действовать, тогда предполагалось „распространить о всеобщей вольности и отторгнуться от власти помещиков".

У самого Поносова были найдены при обыске стихи декабриста Рылеева; всего ему удалось привлечь к обществу 11 человек, но часть из них активного участия в делах тайного кружка не принимала.

Был выработан устав организации и выпущено соответствующее воззвание, в котором говорилось: „Во всех известных странах света не видно таких законов, чтобы граждане государства даны были в неот'емлемое владение таковым же, как и они, людям. Но у нас в России, напротив, издревле дворянам и гражданам, имеющим капиталы, предоставлено российскими государями полное право иметь своих крепостных людей, с неограниченною властью не только от самих господ, но и от равных крепостных людей".

Нарисовав затем картину тяжелого подневольного положения крепостных, воззвание доказывало, что бог создал всех людей равными и что в других государствах иго невольничества давно уже сброшено.

„Из опытов видно,—говорилось в этом воззвании в заключительной части,—что причина величия государств есть свобода граждан, но в России иго рабства в большой силе; следственно, она никогда не взойдет на степень величия. Почему для блага России и потомства ничего больше не остается делать, как собрать благомыслящих граждан в одно общество, которое бы всячески старалось о ниспровержении власти, присвоившей ее несправедливо, и о ускорении свободы. Для сего-ж, благородные сограждане, ниспровергнем соединенными силами невольничество, восстановим свободу и через то заслужим благодарность потомства".

Воззвание это попало в руки начальства и против шести членов кружка было возбуждено дело.

Из Петербурга было предписано произвести тщательное расследование, нет ли в этом деле других тайных сообщников среди населения окрестных заводов и в особенности нет ли руководителей из „посторонних более дальновидных людей".

Правительство было, повидимому, не на шутку встревожено этой попыткой учащейся молодежи бороться против освященного законом крепостного права, так как в данном случае оно столкнулось с протестом, возникшим не на почве экономического гнета заводского нсселения, а зародившимся „от превратных мыслей".

Расследование не дало ничего нового. Юношей, мечтавших о свободе, поспешили сдать в солдаты, но всероссийский жандарм Николай I все же не мог на этом успокоиться и повелел составить особый комитет под председательством гр. Сперанского с участием министров народного просвещения и внутренних дел „для пересмотра существующих постановлений о приеме в учебные заведения людей не свободного состояния и их программ".

Петербургские события 1825 г. (восстание декабристов) породили массу слухов среди крестьянского и в особенности рабочего населения России. Во многих местах изнывавшие от тягот крепостной фабрики рабочие охотно готовы были верить слухам о скором изменении порядков, о близком наступлении вольностей.

В особенности сильно распространены были подобного рода слухи в тех губерниях, где были развиты отхожие промыслы и население коих, благодаря этому, часто соприкасалось со столицами.

Так, напр., в одной Ярославской губ. на почве распространения слухов о приближении вольности и прощении недоимок было пять случаев волнений, в том числе особенно продолжительные и упорные волнения разразились на фабрике кн. Гагарина, в Ярославском округе, в самом начале 1826 года, причем рабочие фабрики в количестве более 300 чел., прекратив работу, толпой явились в губернский город и принесли губернатору жалобу, в которой указывали, что на фарбике, во-1-ых, не соблюдается должной уравнительности в работах, во-2-х, задерживается выдача положенных с'естных припасов, в 3-х, их заставляют работать столь долго, что не остается времени для исправления собственных нужд и, в 4-х, их заставляют работать и в праздничные дни.

Произведенным дознанием было установлено, что в распространении ложных слухов среди рабочих гагаринской фабрики

больше всего повинен местный священник Михаил, который отслужил в церкви молебен „об избавлении от тягостных господских работ" и при крестном целовании увещевал рабочих стоять друг за друга.

Местный губернатор поспешил позаботиться о том, чтобы вольнодумный священник немедленно был удален из своего прихода, но так как то же расследование подтвердило тягостное положение рабочих, то владельцу фабрики было предложено умерить выжимание прибавочной стоимости из своих рабов и, в частности, не принуждать их работать на него в праздничные дни; впрочем, тут же делалась оговорка, что „по добровольному соглашению и за увеличенную плату разрешается „наряжать" рабочих и в праздник".

Рабочие не удовлетворились этим и стали добиваться дальнейшего удовлетворения своих требований путем посылки делегатов в Петербург. Но в Петербуге поверенных рабочих арестовали, а на место для содействия восстановлению порядка и „отыскания истинных причин неповиновения" был послан флигель-ад'ютант полковник Строганов; губернатору же последовало высочайшее повеление главнейших зачинщиков неповиновения примерно наказать и сослать в Сибирь, а священника Михаила сослать в отдаленный монастырь и предать суду.

Но тщетно губернатор и царский посланец Строганов стремились добиться повиновения рабочих фабрики. Последние во все время расследования сохраняли полную тишину и спокойствие, но на доводы представителей власти „обратиться к повиновению" упорно отвечали отказом, пока не будут возвращены их делегаты и не доставят ответа на посланное ими государю прошение.

Умозаключив из такого необычного поведения рабочих, что оно свидетельствует об их организованности и предварительном сговоре, как держать себя с начальством, ярославский губернатор, посоветовавшись с полковником Строгановым, не нашел ничего более верного для борьбы с этой сплоченностью рабочих, как прибегнуть к наказанию розгами тех из них, кои давали ответы на задаваемые вопросы.

Но результат этой меры получился для обоих администраторов неожиданный: после того, как семь человек из числа рабочих подверглись наказанию розгами, остальные стали требовать, чтобы их подвергли тому же наказанию, об'ясняя, что „действуют они все за одно, дали друг другу слово, а иные прибавляли, что

они крест целовали стоять твердо, доколе невозвратятся их ходоки из Петербурга, почему и наказание им должно быть равное".

Тогда выведенное окончательно из себя таким необычным упорством рабочих начальство арестовало 224 рабочих и предало их уголовному суду. Последний, хотя и не был так свиреп, как губернатор, все же решил для острастки прочим, 8 человек, наиболее упорных, наказать по 60 ударов плетьми и сослать на поселение в Сибирь, 20 рабочих присудил к 40 ударам плетьми и 55 человек к наказанию розгами.

Но и эта свирепая расправа не оказала должного воздействия на остальных рабочих кн. Гагарина, и губернатору вскоре снова пришлось посылать на фабрику военную силу и водворять порядок плетьми, кнутом, розгами и ссылкой на крепостные работы.

Ярославский губернатор, обследуя быт крестьян и рабочих своей губернии в 1826 году, пришел к выводу, что главная причина возмущения заключается не в отягощении их, а в том, что они „приобыкли к духу своевольства, столь в особенности свойственного людям, на фабриках употребленным, почему более других при первом распространении в народе слухов о вольности, слепо оным поверив, возродили непокорность".

Так боролись по всей России рабочие, закабаленные экономически и порабощенные, как крепостные.

Сугубый гнет родил в них могучее чувство протеста и толкал на борьбу; совместная работа сотен рабочих, поставленных в одинаково безотрадные условия существования, будила в них чувство товарищества, стремление действовать сообща и, по мере сил, служить общему делу.

У отдельных рабочих, наиболее чутких и преданных общему делу, эти стремления проявлялись наиболее ярко и выпукло, заставляя их отрешаться от собственной личности и отдавать себя целиком делу борьбы.

Но в общем мысль крепостного рабочего не могла подняться достаточно высоко над поверхностью тогдашней жизни, чтобы с высоты, окинув взором все свое подневольное положение, притти к ясному сознанию своих классовых интересов. Этому мешала прежде всего неразвитость самой фабрично-заводской промышленности.

Капитализм к этому времени еще не успел выделить рабочих в самостоятельный класс; для своих потребностей он вынужден был пользоваться эксплоатацией сил того же самого крепостного, который кормил и крепостника барина, и просвещенного

бюрократаи, на своих плечах выносил весь гнет тогдашнего государства.

Капиталист-фабрикант в представлении рабочих сливался со всей остальной массой привилегированных классов, которые, живя на счет трудового народа, в то же время являлись и его „попечительными" опекунами, так что в каждом отдельном случае трудно было разобраться, где кончается „опека" и начинается голая эксплоатация.

Все это способствовало известной патриархальности в отношениии фабриканта к рабочим и мешало последним сознать самих себя и обобщить отдельные случаи гнета и кабалы до положения всего рабочего класса, а отдельные эпизоды борьбы превратить в классовую борьбу пролетариата.

На этой ступени борьбы рабочих мы встречаем только зародыши классовых инстинктов, но уже и здесь можно заметить первые проблески могучей классовой психологии, которую в рабочих формирует и вырабатывает сама жизнь и, главным образом упорная борьба с капиталистами.

Попытки об'единять свою борьбу, чтобы сообща отстаивать свои интересы, как видел читатель, были довольно редки и случайны. Мысль рабочих еще не доросла до сознания общности интересов всего рабочего класса в целом.

Точно также единичны попытки создания в ту отдаленную эпоху прочных рабочих организаций, которые брали бы на себя руководство борьбой рабочих.

Но тем не менее такие попытки все же имели место, если даже отбросить те случаи создания тайных кружков, о которых говорилось выше, как возникшие, собственно говоря, вне недр рабочего класса.

В отдельных случаях рабочие заводили свои „мирские избы", избирали из своей среды группу лиц, на которых и возлагалось руководство развертывавшейся борьбой.

Но чаще всего дело ограничивалось только избранием челобитчиков и ходоков, а вся остальная рабочая масса оставалась во время борьбы распыленнной, что и облегчало администрации борьбу с рабочими волнениями.

И тем не менее, как помнит читатель, даже эта разрозненная, неорганизованная борьба крепостного пролетариата богата без конца примерами истинно пролетарской солидарности, проявляемой, как рабочей массой, готовой отстаивать своих выборных, так и этими выборными, идущими сплошь и рядом в тюрьму

Сибирь, под плети и розги, но стремившимися во что бы то ни стало выполнить возложенное на них поручение.

Они же, эти выборные, часто становились и во главе выступлений рабочих, заменяя собой отсутствовавшую организацию рабочих, и руководили их борьбой вплоть до оказания вооруженного сопротивления крупным воинским силам.

Так, напр., во время длительной и упорной борьбы рабочих суконной фабрики Осокина в Казани в начале XIX века во главе движения стал молодой суконщик Афанасий Морозов с несколькими товарищами, которые вели усиленную агитацию среди остальных рабочих, составляли жалобы, давали их подписывать другим и вообще проявили массу энергии и настойчивости в борьбе. Всех их постигла суровая кара: после продолжительной тюремной отсидки они были высланы в Восточную Сибирь, где А. Морозов пробыл около 40 лет.

В двадцатых годах на смену сосланным осокинские рабочие выделили из своей среды новых руководителей. Это были: ткач Мясников со своим сыном медником Михаилом и ткач Ожорин.

Эти три лица об'единили снова всех осокинских рабочих, принялись опять писать жалобы и на этот раз решили отправить не по почте, а подать лично царю в Петербурге. Особенно большой популярностью среди суконщиков пользовался Мясников—отец, которого рабочие уважали за его невозмутимый характер, нравственную стойкость и начитанность и называли „настоятелем всему делу".

Хотя агитация за подачу новых жалоб велась этими лицами тайно, но начальство как-то успело пронюхать о предположениях рабочих.

„Приходим мы однажды на фабрику,—говорится в воспоминаниях Посадского по этому делу:—каждый стал за свое ремесло. Глядь-поглядь, а к нам в светлицы и стали входить сначала одни будочники, а потом и начальство военное. Начали выкликать то одного, то другого и высылать на фабричный двор, а там и цепи на ноги".

Когда, наконец, в 1836 г. осокинские рабочие снова решили добиваться правды, воспользовавшись приездом в Казань Николая I, которому хотели лично подать жалобу, они для выполнения задуманного избрали из своей среды „двенадцать мужей", которые ночью обходили по домам всех суконщиков и отбирали подписи. „Трудов им было не мало, сообщает тот же автор: нужно было

пустить в оборот всю сумму человеческой хитрости и изворотливости. Днем приходилось быть за фабричным станком и ни одним мускулом не выражать тайн души".

В большинстве случаев такие выборные и руководители движения вербовались из среды самих рабочих, но порой в движение рабочих вовлекались и сторонние элементы, и в особенности часты были случаи, когда на сторону рабочих становились представители приходского духовенства, стоявшие в то время ближе к народным массам и разделявшие зачастую вместе с ними многие невзгоды.

Приниженность социального положения поэтому толкала некоторых из них не только на пассивное сочувствие борьбе рабочих за улучшение своего положения, но даже и на активное участие в рабочих волнениях.

Особенно часты случаи последнего рода были во время пугачевского бунта, когда отдельные священники, дьячки и пономари становились во главе рабочих отрядов, стекавшихся на помощь Пугачеву. Такие случаи имели место под г. Тюменью, Туринском, Курганом, Краснослободском, в с. Горах и в г.. Осе.

Но и это участие в рабочем движении того времени порою более развитых элементов не могло, разумеется, поднять это движение на высшую ступень. Должны были пройти еще многие десятилетия экономического развития страны и дальнейшей борьбы рабочих прежде, чем стало возможным пытаться об'единить борьбу рабочих отдельных фабрик в классовую борьбу всего пролетариата России.

Этим же путем шел когда-то в своей борьбе и рабочий класс Западной Европы, и подобно тому, как эта борьба из-за отдельных условий капиталистического гнета привела его к сознанию общих экономических условий, создающих нищету рабочих, и к борьбе против всего общественного уклада, при котором рабочий вынужден продавать свою рабочую силу капиталисту, уделяя ему при этом львиную долю своего труда,—подобно этому и русский рабочий в конце концов неминуемо должен был придти к борьбе за такой общественный порядок, при котором его рабочая сила перестала бы быть товаром, продаваемым на рынке, при котором он мог бы располагать всеми плодами своего труда,—т.-е. за социалистический строй общества.

Но пока что такая разрозненная борьба рабочих-крепостных по отдельным фабрикам приносила им мало существенных результатов; только в одном отношении результаты ее оказались

ценными для всего рабочего класса: сливаясь с разрозненными протестами всего закрепощенного крестьянства, эта борьба рабочих заложила не один новый камень в дело раскрепощения всего народа.

К моменту, когда решено было отменить крепостное право, самодержавное русское правительство сильно опасалось, что об'явление „воли“ будет встречено в столицах беспорядками со стороны пролетарских масс.

Эти опасения не оправдались, но они были вполне уместны, принимая во внимание всю изложенную выше историю борьбы крепостных рабочих.

IV

Развитие капитализма в России.

Скоро, однако, крепостная зависимость была уничтожена, и русская промышленность получила возможность, эксплоатируя отныне свободный труд, развиваться гигантскими шагами.

Почуяв богатую добычу, в Россию нахлынули заграничные капиталы и в самое короткое время покрыли ее сетью железных дорог, фабрик и заводов.

В 1860 г., по сведениям департамента торговли и мануфактур, во всей России (за исключением Финляндии и Польши) было 15.388 фабрик и заводов и 565.142 рабочих, т.-е. преобладало мелкое и среднее производство; в Польше же в 1857 г. насчитывалось 12.542 фабрики, с 56.364 рабочих.

Не следует, однако, думать, что приведенные цифры обнимают весь тогдашний пролетариат России.

Помимо рабочих, занятых на фабриках и заводах, уже и тогда десятки тысяч рабочих обслуживали начинавший развиваться железнодорожный, а также речной и морской транспорт, сотни тысяч народа находили себе пропитание на разного рода земляных, строительных работах, на работах по нагрузке и выгрузке транспорта, другие сотни тысяч рабочих были заняты на лесных промыслах.

Затем статистические данные в то время совершенно не учитывали рабоичх, занятых капиталистами на дому, в так называемой домашней промышленности, а равно и в мелкой обрабатывающей промышленности, не причисленной к фабрично-заводской, общая численность которых должна была достигать миллиона человек.

Наконец, сюда не вошла вся масса сельско-хозяйственных рабочих, которых помещик вынужден был привлекать на свои поля в помощь своим крепостным до окончательного падения крепостного права. На этих работах в особенности на юге, также были заняты сотни тысяч народа.

Таким образом, с грубым приближением общая численность пролетариата России к моменту падения крепостной зависимости, вероятно, была не меньше 3—4 миллионов человек; значительная

часть их, правда, продолжала оставаться крестьянами, вела с грехом пополам свое собственное хозяйство и уходила в наем на промышленные работы лишь на время, в поисках за добавочным заработком.

Но если даже и это принять во внимание, все же размеры промышленной армии в России к началу 60-х годов XIX века были довольно внушительны.

Дальнейшее же развитие промышленности пошло еще более ускоренными шагами.

Быстро возрастал торгово-промышленный капитал. Еще в 50-х годах прошлого столетия всех оа'явленных купеческих капиталов насчитывалось всего 134 миллиона рублей, а тридцать лет спустя один ежегодный прирост процентов на эти капиталы равнялся 145 мил. рублей.

Появился и стал быстро возрастать капитал разных акционерных обществ, а также капиталы разного рода банков и кредитных учреждений.

В первые же годы (за десятилетие с 1864 г. по 1873 г.) после освобождения крестьян было открыто 30 акционерных банков с 47 отделениями при них, 54 общества взаимного кредита и 112 городских общественных банков.

Все это свидетельствовало о широком распространении в стране денежного хозяйства, об образовании денежного рынка, в котором нуждалась развивающаяся промышленность и должно было, в свою очередь, ускорить дальнейшее развитие последней.

Росту промышленности сильно содействовало также постепенное расширение железнодорожного транспорта, так как каждая новая железнодорожная линия увеличивала обороты как внутренней, так и внешней торговли и оживляла промышленную жизнь областей, которые она прорезывала, приобщая и их к мировому рынку.

Первые же железнодорожные линии, осуществленные после падения крепостного права, как-раз отвечали запросам торгово-промышленного оборота России.

Так для нужд внутренней хлебной торговли и экспорта хлеба за границу были проложены железнодорожные пути, соединявшие внутренние области страны с Рыбинском, Саратовом, Самарою и Ревелем.

Москва и центральный промышленный район были соединены, как с районами сбыта продуктов крупной промышленности, так равно и с районами, поставлявшими хлеб, мясо, сырье и топливо.

Точно также были созданы специальные железнодорожные артерии для обслуживания нужд сахарно-заводской промышленности юга России, уральского горно-заводского района, донецкого каменноугольного и целого ряда других.

Связь с мировым рынком была установлена по восьми железнодорожным линиям: две имели выход к Черному морю (Одесса и Севастополь), две к портам Балтийского моря (Петербург и Ревель) и четыре вели к западной сухопутной границе.

Рост самой промышленности России обнаружился также в первые же десятилетия по освобождении крестьян.

Так, если сравнить лишь главнейшие отрасли крупной промышленности: хлопчатобумажной, каменноугольной и железоделательной за период в двадцать пять лет, с 1865 г. по конец 80-х годов истекшего столетия, то получится следующая картина

Количество переработанного на фабриках хлопка возросло с 3 миллионов пудов до 11,5 мил. пуд., чугуна было выплавлено вместо 17 мил. пуд.—55 мил. пуд. и каменного угля добыто вместо 22 мил. пуд.—367 мил. пуд.

Общее число фабрик и заводов увеличилось за тот же период почти до 20.000.

И при этом отмечался преимущественный рост именно крупных фабрично-заводских заведений.

Так число фабрик, имевших 100 и более рабочих каждая, к 1890 г. увеличилось более чем в полтора раза, тогда как общее количество фабрик за этот же период времени возросло всего в 1,25 раз.

Кроме того, увеличивались и самые размеры крупных фабрично-заводских заведений. На тех же фабриках, с количеством 100 и более рабочих на каждой, общая численность занятых на них рабочих за указанный период времени увеличилась не в полтора, а в два раза. Если в среднем на одну крупную фабрику приходилось в 1865 г.—359 чел., то в 1879 г. их уже насчитывалось 458 чел., а в 1890 г.—488 рабочих.

Но еще сильнее росли фабрики, сосредоточивавшие в себе по 1000 и более рабочих. На них в 1866 году было занято только 27 проц. всего числа рабочих, занятых в крупной промышленности.

К 1879 г. на них уже было сконцентрировано 40 проц. промышленного пролетариата, занятого вообще на крупных фабриках, а к 1890 г.—46 проц., т.-е. почти половина крупно-промышленного пролетариата оказалась собранной на этих фабриках и заводах гигантах.

Подобная концентрация промышленности наблюдалась по всем ее отраслям, но сильнее всего она сказалась в промышленности текстильной.

В последней общее число хлопчатобумажных фабрик даже уменьшилось: с 607 фабрик, начитывавшихся в 1866 г., это число сократилось до 577 фабрик в 1879 году и даже упало до 494 к 1894 году.

Но подобное сокращение числа фабрик отнюдь не означало сокращения самого производства.

Наоборот, если в 1866 г. количество рабочих, занятых в этой отрасли производства, составляло 94.500 чел., то к 1879 г. оно увеличилось до 162.500 чел., а в 1894 г. равнялось 242.000 рабочих.

В 1866 г. только на 20 крупных текстильных фабриках работало по 1000 и более человек и не было ни одной с количеством рабочих более 5000 чел.

В 1879 г. появляется первая такая гигантская мануфактура, а число фабрик с 1000 и более рабочих достигло 40.

И, наконец, в 1894 г. число рабочих превысило 1000 чел. на 60 фабриках, а из них 8 фабрик обслуживались каждая более чем 5000 рабочих.

Из общего же числа 494 текстильных фабрик с 242.000 рабочих, две трети занятого пролетариата оказалось сконцентрированным всего на 68 крупнейших фабриках.

На примере же текстильной промышленности легче всего иллюстрировать вытеснение фабрикой мелкой домашней и кустарной промышленности.

В эпоху крепостного права кустарная промышленность России хотя и испытывала на себе тяжелую лапу торгового капитала, но все же могла довольно успешно развиваться и даже порой не без успеха пыталась конкурировать с крупной промышленностью.

Так как последняя даже еще в начале XIX столетия была технически отставшей и почти совершенно не знала механического и машинного производства, то кустарю тогда было довольно легко выдерживать конкуренцию фабрики, ибо „техника“ и у него в светелке и на фабрике была почти одна и та же, а накладные расходы у кустаря могли быть даже меньше.

Но с дальнейшим развитием капитализма, с переходом фабрики к средине XIX столетия к машинному производству, картина сразу резко меняется.

Крупная промышленность переходит в наступление, начинает выбрасывать на рынок такую массу и такого дешевого товара

что конкуренция с ней для одиночки-кустаря, а равно и для маленького хозяйчика становится совершенно непосильной.

Население кустарных районов, благодаря этому, начинает быстро пролетаризироваться и в конце-концов попадает на ту же фабрику, но уже не в качестве самостоятельного производителя, а в роли простого пролетария.

Уцелела лишь незначительная часть кустарей, пытающихся всеми способами приспособиться к изменившемуся положению, но и они в большинстве случаев обречены на полуголодное существование, так как конкурировать с машиной они могут лишь за счет уменьшения оплаты своего труда рынком.

Еще в 1866 году на 94.500 чел. рабочих, занятых в хлопчатобумажной промышленности на крупных фабриках, приходилось свыше 66.000 чел., работавших у себя на дому.

К 1879 году число рабочих, занятых в крупной промышленности, увеличилось, как мы уже указывали выше, до 162.500 чел., а число кустарей и рабочих на дому за этот же период сократилось до 50.000 чел.

И, наконец, к 1894 году, при повышении числа рабочих на крупных фабриках до 242.000 чел., падение кустарей пошло еще быстрее и их, вместе с работавшими на ту же крупную фабрику у себя на дому, оставалось всего около 20.500 чел.

Такие же процессы разрушения мелкого производства и замены его крупной капиталистической фабрикой наблюдались и в других отраслях промышленности.

Развивавшийся капитализм разрушал окончательно остатки дореформенного быта, быстро пролетаризируя население не только промышленных районов, но и районов чисто земледельческих, так как и в эту область народного хозяйства стал быстро проникать капитал, следом за ним стала проникать туда же и машина, и мелкое крестьянское хозяйство начало также испытывать на себе его влияние.

Условия же, при которых произошло освобождение крестьян от крепостного права, лишь облегчали капитализму его задачи.

Крестьянское малоземелье большинства земледельческих районов, созданное для того, чтобы обеспечить помещику наличность дешевых рук, открывало для капитализма и в земледелии и в крупной обрабатывающей промышленности широкий простор, вербуя для него все увеличивающиеся кадры обезземелившегося пролетариата.

Хотя Россия, вступив на путь капиталистического развития хозяйства, тотчас же стала испытывать на себе действие железных законов, общих всему капиталистическому миру, хотя, уже спустя десятилетие по освобождении крестьян, после неслыханного прежде оживления промышленности, пронесся первый ураган промышленного кризиса, а позднее эти кризисы стали столь же обычными, как и в остальной капиталистической Европе, но, тем не менее, развитие страны продолжало идти вперед.

Кризисы сменялись периодами расцвета; во время кризисов гибли наиболее слабые промышленные и торговые капиталы; своей гибелью они расчищали место для более сильных и на место сравнительно мелких промышленных и торговых заведений вырастали все более и более крупные.

В периоды же расцвета промышленности уцелевшие предприятия собирали богатую жатву, еще более увеличивали свою мощь, и их прибыли порою достигали неслыханных размеров, поднимаясь до 50—60 и более процентов.

В первые десятилетия после освобождения крестьян нередко бывали случаи, когда десятки крупных заводов за один—два года удваивали свое производство, и многие заводчики и фабриканты в два—три года возвращали из чистых доходов все затраченные капиталы.

Разумеется, подобный расцвет крупной промышленности и подобные крупные дивиденды отдельных промышленников и капиталистов могли осуществляться только за чей-нибудь счет.

В данном случае они осуществлялись прежде всего за счет быстро пролетаризировавшихся крестьянских масс, а затем и за счет промышленного пролетариата, который, при наличности постоянной огромной резервной армии труда, был вынужден слишком низко продавать свою рабочую силу и, благодаря этому, обрекался на крайне низкий уровень жизни.

Но как ни быстро развивался промышленный капитализм в России в первые десятилетия после осуществления крестьянской реформы, используя для своего роста все выработанные европейской практикой „завоевания цивилизации" в виде банков, бирж, усовершенствованной техники и т. п., он все же отставал в своем развитии от капитализма западно-европейского, с одной стороны, и от более быстрой и глубокой общей капитализации всей страны—с другой.

Разложение старых экономических устоев в России шло быстрее образования новых экономических и политических форм бытия.

Страна, благодаря этому, не столько страдала от развития капитализма, сколько тяжело переживала недостатки развития промышленного капитализма.

Одним из последствий этого недостаточного развития промышленного капитализма, не поспевавшего за разложением старых экономических отношений и пролетаризацией широких народных масс, было довольно быстрое появление в России огромной резервной армии пролетариата и массовой безработицы, которые давили на жизненный уровень остального рабочего класса и тем самым замедляли процесс роста сознательности рабочих масс и об'единения их, как класса, способного выступить на борьбу за улучшение своего положения и противопоставить свои силы натиску капитала.

V

Появление современного пролетариата в России.

Народившаяся промышленность концентрировалась, главным образом, в городах, и последние стали быстро расти, привлекая к себе тысячи рабочих, занятых по постройке и на фабриках. Недостатка же в рабочих быть не могло: правительство само позаботилось об образовании многочисленного пролетариата, отрезав у крестьян, в награду за освобождение, миллионы десятин лучшей земли и принудив их, таким образом, жить продажей собственной рабочей силы. Гнет помещиков и кулаков и непосильные подати делали положение крестьянина еще более неустойчивым, и с каждым годом все новые тысячи крестьян должны были покидать свое хозяйство и в поисках за работой наполняли города. А здесь они попадали на огромные фабрики, где вместе с копотью и дымом они вдыхали в себя и сознание своей классовой силы, и под стуки молота и грохот машин в них начинала выковываться иная психология и складывались иные привычки и потребности,— словом, здесь, в городе, они быстро приобщались к пролетариату, этой грозной силе будущего.

Довольно долгое время в русской литературе господствовало убеждение, что в России нет и еще долго не будет настоящего фабричного пролетариата.

Это убеждение находило себе поддержку в основах тогдашнего народнического миросозерцания, видевшего спасение России от зол капитализма в крестьянской земельной общине. А так как русский рабочий в своем подавляющем большинстве был выходцем из деревни и часто подолгу не терял связи с ней, то народники охотно делали отсюда вывод, что русский рабочий, в сущности, тот же крестьянин, только временно покинувший землю и общину для пополнения средств существования.

„Пролетариата в западно европейском смысле слова в России нет и быть не может", говорили убежденно народники, доказывая это тем, что рабочие городов летом бросают фабрику и прилавок, чтобы заняться полевыми работами.

Но жизнь довольно быстро постаралась рассеять это заблуждение.

Уже в средине 70-х годов прошлого столетия проф. Янсон, познакомившись со сведениями. доставленными в Техническое О-во фабрикантами и заводчиками, пришел к выводу, что „общераспространенное мнение, будто мы не имеем класса фабричных рабочих, положительно неверно: из сведений, доставленных петербургскими фабрикантами, оказывается, что у нас имеются рабочие, живущие десятки лет при фабриках; они выписали с родины жен и семьи и тяготеют к селам только тем, что числятся членами сельских обществ и платят лежащие на них по раскладке общества повинности; кроме того, узнаем, что при наших петербургских фабриках выросло и пошло по дороге отцов не одно поколение фабричных рабочих" *).

То же самое вскоре было подтверждено и статистическими обследованиями ряда земств, которые показали, что вообще по России более половины крестьянского населения успело порвать свои отношения к земле и живет круглый год вне дома.

„Многие из молодых крестьян, писал д-р Жбанков в своем санитарном обследовании фабрик и заводов Смоленской губ., в настоящее время не умеют ни орать, ни косить, ни жать, ни молоть, а если исполняют эти работы, то без уменья и всегда тяготятся этим. Более половины крестьянского населения земледелие выделило для фабрики, и эти крестьяне—уже не полевые работники. Они с отвращением относятся к земледелию и не могут вести его; в инвентаре крестьянских дворов на их долю нет уже ни земледельческих орудий, ни скота.

„Крестьянские дети лет с десяти уходят на фабрики, следствием чего и отвычка от земледелия является полная".

Даже в такой глухой в промышленном отношении губернии, какой является Смоленская, на фабриках преобладали постоянные рабочие и $^3/_4$ их не покидали фабрик более пяти лет; по данным же статистического обследования Московской губ., этот процент был еще выше и поднимался до 86 проц.

А так как эти же обследования удостоверяли, что значительное количество рабочих было занято на фабриках десятилетиями, то было ясно, что процесс формирования настоящего фабрично-заводского пролетариата начался еще до падения крепостного порядка.

В предыдущей главе мы уже приводили приблизительные подсчеты общей численности рабочего класса в начале 60-х годов

*) Труды комиссии по технич. образованию при Русско-Технич. О-ве, стр. 15.

XIX столетия и более точную цифру одного только фабрично-заводского пролетариата.

Так как в ближайшие десятилетия вслед за крестьянской реформой развитие капиталистической промышленности в России шло довольно быстрыми шагами, то соответственно, так же быстро рос и промышленный пролетариат.

К сожалению, в этом отношении недостает более или менее точных цифр за последние десятилетия истекшего столетия, но все же, по достаточно точным подсчетам В. Ильина (В. И. Ленин), к 90-м годам общее число всех рабочих России должно было достигать 10.000.000 человек, распределяясь следующим образом по отдельным категориям: 1,5 мил. фабрично-заводского и транспортного пролетариата, 3,5 мил. сельско-хозяйственных рабочих, 1 мил. строительных рабочих, 2 мил. рабочих, занятых на земляных и лесных работах, по выгрузке транспорта и т. п. и около 2 мил., занятых капиталистами на дому, а также работающих в мелкой промышленности, не вошедшей в подсчеты фабрично-заводских рабочих.

Сбрасывая из этой общей суммы около четверти на женщин и детей, В. Ильин находил, что около 7,5 миллионов наемных рабочих из взрослых мужчин, т.-е. около половины всего взрослого мужского населения страны, участвует в производстве материальных ценностей и что значительная часть из этой громадной массы наемных рабочих успела уже совершенно порвать с землей и живет исключительно продажей рабочей силы.

Вся эта рабочая масса, разумеется, далеко не была однородна; в ней преобладал рабочий, сравнительно недавно порвавший с деревней, но известная часть пролетариата, в особенности в крупных промышленных центрах, давно уже успела превратиться в горожан, а среди последних должна была выделяться группа наиболее квалифицированных рабочих.

Впрочем, самый процесс превращения вчерашнего сына деревни в настоящего пролетария должен был происходить в России довольно быстро.

Этому особенно способствовало то, что России почти не пришлось переживать длительный и мучительный период выработки современного крупного производства, так как оно явилось к нам уже готовым. Иностранные капиталисты перенесли к нам промышленность в ее капиталистической форме. Огромные фабрики и заводы, снабженные всеми новейшими техническими усовершенствованиями, об'единяющие в себе нередко тысячи

рабочих, создавали благоприятные условия для их товарищеского соединения и просветления их классового самосознания. Самый труд рабочего на заводе и фабрике часто требовал, помимо навыка, известной интеллигентности, уменья быстро шевелить мозгами, быстро соображать и ориентироваться в окружающей обстановке.

Затем сама обстановка новой городской жизни должна была действовать революционизирующим образом на сына деревни, возбуждая в нем массу запросов, давая много новых понятий и разрушая старые предрассудки; у городского рабочего было гораздо больше, чем у деревенского, импульсов, побуждавших его браться за книжку и в ней искать ответа на свои вопросы.

Затем тут же, рядом с ним, часто в одной и той же мастерской, работали более опытные иностранные рабочие и мастера, которые принесли с собой не одну только техническую ловкость: они вместе с тем являлись и людьми с более высокими, чем у русских рабочих, потребностями, людьми с большею независимостью, с развитым всей предшествовавшей борьбой западноевропейского пролетариата чувством собственного достоинства.

На их примере и русский рабочий учился уважать свою собственную личность и противопоставлять себя и своих товарищей, как нечто целое, своим эксплоататорам.

Не следует, однако, преувеличивать значение приведенных выше факторов.

Только-что отмеченное влияние большого города, фабрики, общения с более развитыми товарищами не могло, конечно, в год—два и даже в целое десятилетие сколько-нибудь заметно поднять культурный уровень всей рабочей массы.

Более заметное влияние они могли оказывать, и, несомненно, оказывали уже и тогда, лишь на единичных рабочих, и без того выделявшихся из среды по своим запросам, умственному развитию и т. п. Вся же остальная масса рабочих довольно быстро усваивала лишь внешний лоск городской жизни, но новые культурные навыки приобретались ею с большим трудом, а о расширении умственных запросов и говорить не приходится: для подавляющего большинства они остаются чуждыми еще на многие десятилетия.

Все это станет вполне понятным, если припомнить, что русский рабочий, вербуемый по преимуществу из крестьянства, почти поголовно был тогда безграмотен, не знал ни клубов, ни театров, или каких-либо других культурных учреждений, а из развлечений знал лишь один кабак.

Только на собственном горьком опыте приходилось ему зачастую вырабатывать в себе те качества, которые так необходимы рабочему классу в борьбе: выдержанность, стойкость, сплоченность, уменье жертвовать самим собою ради общих интересов, стремление организовываться немедленно во время борьбы и т. п.

Зачатки некоторых из этих качеств, как мы видели на примерах борьбы крепостного пролетариата, в нем несомненно были, но их было далеко недостаточно, что и сказалось при первых же выступлениях рабочего класса в пореформенное время.

Неудивительно поэтому, что в своей массе русский рабочий в 70-ые годы истекшего столетия и даже позднее на многих не производил впечатления сознательного борца, способного к активному сопротивлению и организованной борьбе за улучшение своего положения.

В первых рабочих стачках 70-х и даже 80-х годов вместо этих качеств как-раз скорее проглядывала наклонность к буйству, насилиям, в которых полутемная рабочая масса, доведенная до точки кипения системой прижимок, издевательств и самой дикой эксплоатации, спешила вылить свой протест против безотрадной жизни.

Но на-ряду с этим, в особенности в крупных и старых промышленных центрах, уже к 70-м годам стали вырисовываться и иные качества русского рабочего. В особенности это было верно относительно пролетариата таких городов, как Одесса, Киев, Ростов-на-Дону и Петербург. Здесь уже нередко можно было встретить рабочего, знакомого с библиотекой и книгой и стремившегося в книге или в общении с товарищами найти ответ по многим мучившим его вопросам; в Петербурге рабочие довольно охотно посещали вечерние курсы, записывались в воскресные школы.

Все это пока также еще не было массовым явлением, но все это указывало, что приближается момент пробуждения и широких народных масс.

Культурный уровень петербургского рабочего также успел значительно повыситься, и он заметно выделялся на фоне провинциальной пролетарской массы.

К середине 70-х годов русский фабричный, и в особенности заводский рабочий, успел уже достаточно определиться. Ясного классового самосознания в нем, конечно, еще не было, но он уже выделялся из аморфной народной массы своею смышленностью, бойкостью и более широким кругозором.

Жажда знаний среди рабочих была велика. „Мы желали поделиться своими знаниями, рабочие жаждали их“, говорит в своих воспоминаниях Фроленко.

Другой видный революционер 70-х годов, Синегуб, делясь воспоминаниями о своей работе среди петербургских рабочих, говорит:

„Однажды ко мне на квартиру явилось трое незнакомых мне рабочих ткачей с суконной фабрики Торнтона. Они об'яснили мне свое посещение тем, что, узнав о моем даровом обученнии рабочих, они пришли просить меня обучать и их, и хотя они-де уже читать умеют и даже пишут, хотя и не бойко, но хотели бы поучиться еще науке „еографии“ и „еометрии“ *).

В числе этих трех человек, приходивших к Синегубу, был и ставший знаменитым впоследствии Петр Алексеев, особенно настойчиво добивавшийся возможности изучить геометрию.

Чтобы познакомиться с запросами и потребностями рабочих того времени, мы воспользуемся здесь отрывками из прекрасных воспоминаний о рабочем движении Г. В. Плеханова, который сам принимал участие в их борьбе. Мы должны только заранее оговориться, что эта характеристика будет справедлива лишь по отношению к верхушкам рабочего класса, к его сливкам, уже вовлеченным в сознательное революционное движение; по отношению же ко всей рабочей массе она может лишь быть показателем тенденции, но никак не показателем ее действительных запросов и ее сознательности. Этого последнего вопроса мы коснемся впоследствии, когда будем говорить об участии рабочей массы в непосредственной борьбе, а теперь вернемся к характеристике, даваемой Г. В. Плехановым.

Вот в каких чертах он описывает одного из первых своих знакомцев—раяочего Г—а.

„Г. был оригинальный человек... В нем не было и следа крестьянской непосредственности, крестьянской склонности жить и думать так, как жили и думали предки. При самых обыкновенных способностях он отличался редкой жаждой знания и поистине удивительной энергией в деле его приобретения... Чем только не интересовался этот человек, в детстве едва научившийся грамоте! Политическая экономия и химия, социальный вопрос и теория Дарвина одинаково привлекали к себе его внимание, возбуждали в нем одинаковый интерес, и, казалось, нужны были десятки лет,

*) „Былое“ 1906 г. IX стр. 110. Воспоминания чайковца.

чтобы при его положении хоть немного утолить его умственный голод" *).

Другой рабочий, Б-н, только-что выпущенный из тюрьмы после двухлетнего заключения, отправился на родину. „Тотчас по его приходе он был засажен в „холодную", а затем „старички" решили „постегать молодого" за недоимки. Ему сообщили об этом решении, как о чем-то весьма обыкновенном и совершенно неизбежном".

— „Да вы с ума сошли!"—возопил Б—н.—„Да попробуйте только тронуть меня, я и деревню-то всю сожгу, да и вы-то голов не снесете: сам пропаду, да уж и вы пожалеете, что связались со мною!"—„Старички" струсили... Я не раз замечал,—прибавляет при этом Г. В. Плеханов,—что на телесное наказание рабочие смотрят, как на крайнюю степень унижения человеческого достоинства. Иногда они с негодованием показывали мне газетные сообщения о порках крестьян, и я всегда затруднялся решить, что больше возмущает их: свирепость истязующих или безответная покорность истязуемых" **).

„В общем, вся эта среда (т.-е. среда наиболее сознательных рабочих, с которыми Плеханову пришлось познакомиться на первых порах своей деятельности),—говорит он в другом месте,—отличалась значительной умственной развитостью и высоким уровнем своих житейских потребностей. Бойкие и речистые, умеющие постоять за себя и критически отнестись к окружающему, они „были горожанами в лучшем смысле этого слова".

Знакомство с жизнью революционеров-интеллигентов на рабочих производило следующее впечатление: „Хорошо, если бы всем так жить: учатся, соберутся, есть о чем поговорить. Не то, что наш брат,—неделю работает, в воскресенье пьяный напьется, а в понедельник опять начинает с того же" ***).

Потребность в чтении также была широко распространена между ними, но читали они не те революционные брошюры, которые были написаны специально для народа. „Это для серых",—говорили рабочие, когда им революционеры-интеллигенты преподносили „Сказку о четырех братьях", „Мудрице Наумовне" и т. п. „Что это,—вы думаете, что уж мы, рабочие, совсем дураки?"—говорил Плеханову молотобоец, просиживавший вечера над „Основами биологии" Спенсера, когда тот ему советовал взять что-нибудь полегче.

*) Г. В. Плеханов. „Русский рабочий в революционном движ.", стр. 4.
**) Там же, стр. 7.
***) М. Попов. „К истории рабочего движения в 70-х годах".

Не удовлетворяясь чтением революционных брошюр, такие рабочие „охотно читали все, что печаталось революционерами для интеллигенции: „Государственность и Анархию“ Бакунина, „Вперед“, „Общину“, „Землю и Волю“, переизданную в Петербурге брошюру Драгоманова: „До чего довоевались“ и т. п.

Некоторые из них не прочь были и сами взяться за перо, и одно время на василеостровском патронном заводе самими рабочими издавался рукописный журнал—род резкой сатиры на недостатки заводской жизни и прижимки заводского начальства.

Если такая характеристика верна лишь относительно передовых рабочих, то все же она говорит также и о довольно высоком уровне остальной рабочей среды, из которой выходили передовые рабочие.

В этой среде пропагандисты-народники находили благодарный материал для своей пропаганды: рабочие оказывались чуткими к идеям социализма, как вследствие своей большой интеллигентности, так и по своему социальному положению.

VI

Рабочее движение в 60—70 годы.

Развитие промышленности, последовавшее за освобождением крестьян, неминуемо должно было дать могучий толчок стачечному движению среди рабочих масс.

Но результаты этого развития стали сказываться не сразу и по разному в различных районах России.

Среди бывшего крепостного пролетариата, только-что освободившегося от крепостной зависимости, первые годы после освобождения все интересы рабочих продолжали сосредоточиваться не на условиях фабричной работы и эксплоатации их, как продавцов рабочей силы, а на условиях наделения их землей.

А так как при освобождении этой группы пролетариата дворянство сознательно стремилось обойти ее жизненные интересы, чтобы иметь постоянно у себя под руками необходимую рабочую силу, то на этой почве в течение 60-х годов возникало не мало недоразумений и волнений.

Но все эти волнения носили особый, специфический характер, напоминавший больше волнения прежних крепостных рабов, и сливались с общей массой крестьянских волнений, вызванных осуществлением реформы.

На будущую стачечную борьбу пролетариата эти волнения совершенно не походили ни по содержанию выставляемых рабочими требований, ни по своим внешним проявлениям.

В таком положении оказались рабочие горнозаводского района. Полурабочие-полукрестьяне, они не могли, разумеется, сразу осознать в себе исключительно продавцов рабочей силы. На каждом шагу они чувствовали свою зависимость от владельца завода не только как от работодателя, но и как от собственника земли, без которой они не могли вести свое собственное хозяйство.

Эта двойственность их положения сплошь и рядом спутывала в борьбе их карты, и часто случалось так, что, когда они начинали очень сильно чувствовать на себе гнет заводской эксплоатации, они боялись выступать активно против владельца завода, опасаясь, что этой борьбой они восстановят его против себя и ухудшат свое положение, как арендаторов его земли

Поэтому вместо активной борьбы они предпочитали „просить" своего барина-заводчика об изменении условий труда и эксплоатации.

И хотя уступки со стороны заводоуправления были весьма редки, горнорабочее население Урала и соседних к нему районов в первые два десятилетия по освобождении не прибегало почти ни разу к активной борьбе за улучшение условий труда на заводах.

Волнения же и недоразумения из-за земельных наделов были там довольно часты, и рабочие годами добивались изменений при наделении их землей.

Такие волнения происходили в 1863 г. на заводе Лазарева, 1865 г. на Суксунских и Демидовских заводах и т. д.; рабочие этих заводов добивались наделения их лугами, которыми они пользовались ранее и без которых были не в состоянии поддерживать свое хозяйство. Известен только один случай за эти годы волнений на Холуницких заводах в 1865 г., когда рабочие, добиваясь своевременной уплаты заработка, решились выступить более активно и задержали отправку с завода железа, пока не будет произведен с ними расчет. Когда же присланным для усмирения их чиновником были арестованы руководители движения, рабочие немедленно освободили последних.

В центральной России процесс оформления борьбы рабочего класса пошел значительно быстрее, так как здесь быстрее шла и пролетаризация крестьянства и более выпукло выявлялись новые капиталистические отношения классов.

В крупных же промышленных центрах уже с середины 60-х гг. прошлого столетия стали слышаться первые, еще довольно слабые, раскаты грома новой пролетарской борьбы.

К сожалению, о первых стачках в пореформенной России до сих пор собрано слишком мало сведений, чтобы можно было нарисовать достаточно полную картину этой борьбы.

Имеющиеся сведения слишком кратки и отрывочны, но даже и согласно им эта борьба началась прежде всего в местах наибольшего скопления пролетариата, а именно: в Иваново-Вознесенском районе и среди петербургского пролетариата.

Уже с середины 60-х годов на некоторых петербургских и крупных провинциальных заводах и фабриках спорадически возникали рабочие волнения, зачастую оканчивавшиеся стачками. Так, в 1865 г. какие-то волнения рабочих происходили в Орехово-Зуеве. На одной только Невской мануфактуре в Петербурге таких

стачек за 60-ые годы произошло до шести, но о большинстве из них не сохранилось никаких следов, только о стачке 1870 года, закончившейся судебным разбирательством, имеется кое-какой скудный материал.

22 мая 1870 года 62 прядильщика Невской мануфактуры пред'явили мастеру Беку требование повысить сдельную заработную плату; но мастер счел ниже своего достоинства входить в положение рабочих, он приказал сторожу открыть двери фабрики и заявил, что те из рабочих, которые не желают работать на прежних условиях, могут идти домой.

Рабочие так и поступили как только дверь была открыта, они спокойно вышли с фабрики и разошлись по домам. Но на следующий день к ним присоединились их товарищи; все 240 прядильщиков не явились на работу, а вследствие забастовки прядильного отделения прекратилась работа и на всей фабрике.

Прогнанные мастером Беком рабочие обратились со своими требованиями в контору фабрики, а когда и там оставили их жалобы без внимания,—в полицию, направив туда трех своих выборных, дабы не ходить в участок всей толпой и не нарушать „общественного покоя".

Когда же и это не принесло удовлетворения, от имени 800 рабочих Невской мануфактуры было подано петербургскому обер-полицеймейстеру прошение разобрать их тяжбу с администрацией фабрики Но результат этой мирной борьбы рабочих был совершенно неожиданный.

Дело их было направлено в окружный суд, а последний, не разбираясь в справедливости их жалоб на низкую заработную плату, обрекавшую рабочих на голодное существование, признал незаконной самую стачку и приговорил 53 участников стачки к аресту на 3 дня, а 4 выборных и депутатов, выдвинутых рабочими для об'яснений с директором фабрики и полицией,—к 7 дням ареста, как зачинщиков и подстрекателей. По протесту прокурора, недовольного столь мягким приговором, дело перешло в судебную палату, но последняя не нашла в действиях обвиняемых преступления и оправдала всех Помимо судебного преследования стачечников не миновала и административная расправа четверо из них подверглись высылке из Петербурга на родину и в другие губернии.

В том же году стачки рабочих происходили: на суконной фабрике в с. Сетунь, Московской губ., на корабельных доках в г. Кронштадте, где рабочие добивались уплаты им за дождливые дни, на ткацких фабриках в Белостоке и Варшаве и среди

петербургских портных. Почти во всех случаях причиной стачек являлось стремление рабочих добиться увеличения заработной платы.

В г. Вологде в этом же году была небольшая стачка среди рабочих по выделке меха из-за плохой пищи. Эти столь многочисленные стачки заставили заговорить о „рабочем вопросе" периодическую печать, а встревожившееся правительство для охраны общественной безопасности и предпринимательских интересов поспешило издать циркуляр, которым губернаторам предоставлялось право высылать участников забастовки за пределы губернии без всякого судебного разбирательства*). Для периодической печати

*) Вот этот любопытный документ, свидетельствующий, какое огромное значение придавало правительство первой петербургской стачке,—в подлиннике:

«В начале текущего года вольнонаемные фабричные люди, занимающиеся работами на одной из самых обширных фабрик близ Петербурга, устроили между собой стачку для того, чтобы понудить хозяев фабрики увеличить заработную плату».

«По этому поводу назначено было следствие и затем дело обращено было к судебному разбирательству, исход коего в свое время был опубликован в столичных газетах. Стачка рабочих Невской бумаго-прядильной фабрики, как явление совершенно новое, до сего времени еще не проявлявшееся в среде нашего рабочего населения, обратила на себя высочайшее внимание и государю императору благоугодно было повелеть мне поручить г. г. губернаторам, чтобы они имели самое строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением и в особенности за всеми теми неблагонадежными личностями, которые могут иметь вредное влияние на толпу, так как, без сомнения, возникновение стачек между рабочими должно быть положительно приписано влиянию лиц, стремящихся перенести эту, чуждую русскому народу, форму выражения неудовольствия на нашу почву, с целью поселять смуты и производить беспорядки и волнения».

«Но независимо от этого общего наблюдения государю императору благоугодно было также повелеть, чтобы при первом полученном вами известии о стачке рабочих на каком-нибудь заводе и фабрике вверенной вам губернии ваше превосходительство, не допуская дела до судебного разбирательства, **немедленно по обнаружении полицией главных зачинщиков между фабричными людьми, высылали таковых не спрашивая на то предварительно разрешения министра внутренних дел в одну из нижеследующих губерний: Архангельскую, Астраханскую, Вологодскую, Костромскую, Новгородскую, Олонецкую и Симбирскую.**

«О таковой высочайшей воле сообщая вашему превосходительству к руководству и исполнению, имею честь просить вас, милостивого государя, в случае, если бы вы вынуждены были прибегнуть к применению предоставленного вам ныне полномочия, уведомлять меня о сем по телеграфу, а вслед за сим с первой же почтой направлять подробные сведения о ходе дела».

Так с самого начала возникновения стачек русское правительство цинично и откровенно стало на путь административной высылки рабочих, совершенно не желая даже разбираться в причинах, вызывавших ту или другую стачку.

было также издано распоряжение, запретившее обсуждение вопроса о стачках в прессе.

В следующем году вновь волновались фабричные рабочие в Орехово-Зуевском районе, и разразилась забастовка 4.000 извозчиков в Одессе, вызванная введением новой таксы за проезд, установленной Городской Думой без участия извозчиков и обрекавшей их на голодное существование.

Когда на следующий день около 200 извозчиков собрались к городской думе для переговоров, они немедленно были разогнаны полицией, а обнаруженные полицией «зачинщики» подверглись высылке в Олонецкую губернию.

В этом же году были стачки на лесопильных заводах в Лифляндской губ., на Холуницких заводах Вятской губ. и на тулупной фабрике купца Фаддеева в Одессе. Во всех этих стачках администрация ретиво спешила применить высылку рабочих, хотя прекращение работ на фабрике Фаддеева, по об'яснениям местной полиции, произошло из-за пьянства рабочих и вряд ли поэтому могло быть названо стачкой.

Забастовка на Холуницких заводах была вызвана неаккуратной расплатой и в ней приняло участие до 1.500 рабочих.

Местный губернатор, перепуганный внезапно вспыхнувшей стачкой, несмотря на вполне мирное настроение рабочих, поспешил телеграфировать в министерство внутренних дел в таких энергичных выражениях, как будто дело шло о настоящем восстании.

В качестве «успокоительных» мер он просил разрешения закрыть кабаки и „употребить более полезную и безвредную для народа, еще мало развитого, меру наказания розгами".

В 1872 году серьезная стачка произошла на крупной Кренгольмской мануфактуре, возле г. Нарвы Забастовавшие рабочие требовали отмены штрафов, сокращения рабочего дня для взрослых и в особенности вечерней работы для детей, чтобы последние имели возможность посещать школу; установления более точных расценок при поштучной работе, перевыборов фабричного старосты и удаления из больницы одного фельдшера. По поводу последнего выставленного требования рабочие заявляли, что они имеют право вмешиваться в больничные распорядки, так как с них удерживают 2 % из заработной платы на больницу.

Кренгольмская мануфактура являлась в то время одной из крупнейших текстильных фабрик России; на ней было установлено

свыше 1600 механических и ткацких станков и около 240.000 ватерных и мюльных веретен. Число рабочих доходило до 6000 чел.

На фабрике процветала самая откровенная эксплоатация рабочего и сохранил силу введенной еще в 1857 г. полицейский устав, согласно которому администрация могла подвергать рабочих штрафу в размере заработной платы от 1 до 10 дней, могла приговаривать рабочих за провинности к аресту до 2-х суток и даже к наказанию розгами до 50 ударов.

Рабочий день продолжался 14 часов, а перерывы во время работы были так малы, что не давали возможности рабочим сходить домой на обед и обрекали большинство их довольствоваться сухой и холодной пищей.

Одно время администрация разрешила было удлинить обеденный перерыв до 1½ часов и, кроме того, предоставила рабочим ½ часа на завтрак; но вскоре эти льготы были отменены, что и послужило одним из непосредственных толчков к стачке.

Другим таким толчком были постоянные и тяжелые штрафы, широко практиковавшиеся фабрикой, и вообще дореформенные полицейские порядки на фабрике. Попадавшие на фабрику из внутренних губерний рабочие сравнивали эти порядки с новым гласным судом и справедливо возмущались царившим на фабрике бесправием.

Волнения рабочих на Кренгольмской мануфактуре начались в июле среди ткачей, которые выделялись среди остальной массы рабочих своим умственным развитием и всегда оказывали влияние на остальных рабочих.

Собравшись в конторе в количестве около 500 человек, они избрали из своей среды 10 уполномоченных, которые и составили записку с изложением требований рабочих.

Управляющий фабрикой заявил, что не может сам удовлетворить большинство требований и вызовет для этого директоров фабрики.

Рабочие согласились на это, стали терпеливо ожидать приезда директоров, продолжая работу, и только когда этот приезд высшей фабричной администрации затянулся до второй половины августа, снова стали волноваться и даже решили прекратить работу.

Тогда только, под непосредственной угрозой стачки, на фабрику явился директор Кольбе в сопровождении начальника жандармского управления, а вслед за ними и эстляндский губернатор.

Первоначально, благодаря вмешательству губернатора, большинство законных требований рабочих было удовлетворено, и рабочие успокоились.

Но зато не успокоилась администрация фабрики.

Недовольная тем, что ей пришлось сделать рабочим значительные уступки, она, спустя недели две после описанных событий, повела среди рабочих агитацию за составление петиции о восстановлении прежних порядков, причем прибегала к спаиванию рабочих водкой и таким путем собрала не мало подписей.

Тогда часть сознательных рабочих фабрики, справедливо видя в этой агитации желание администрации отменить новые льготы, выбрала из своей среды шесть человек и направила их к губернатору с ходатайством о защите.

Но администрация мануфактуры успела предупредить рабочих: она поспешила сообщить полиции, что на фабрике бунт, а та поспешила арестовать зачинщиков и депутатов по указанию конторы.

Но за арестованных немедленно же вступились остальные рабочие. Толпа их, человек в двести, ворвалась в контору, требуя освобождения арестованных, а когда в этом получила отказ, забастовала вся фабрика в количестве до 5000 человек.

В то же время толпа рабочих числом около 1000 человек двинулась к г. Нарве освобождать арестованных, но по дороге ее встретили городские власти и убедили разойтись.

На следующий день беспорядки на фабрике повторились. Бастующие воспрепятствовали части рабочих стать на работу. Администрация поспешила вызвать на фабрику войска. Рабочие встретили их враждебно, бросали в них камни и грязь, но все же были вынуждены подчиниться вооруженной силе и были разогнаны.

Стачка окончилась арестами; фабрика простояла закрытой пять дней, а затем снова была пущена.

Спустя некоторое время, по настоянию правительства, рабочим были сделаны некоторые льготы и был отменен прежний полицейский режим на фабрике.

Кроме того, правление фабрики милостиво согласилось уплатить рабочим за „прогул“ тех пять дней, в течение которых фабрика была закрыта из-за безпорядков.... с тем, чтобы рабочие отработали за это в течение 3-х месяцев по получасу в день (!)

Правительство в лице Александра II придало и этой стачке рабочих большое значение. Ему неоднократно докладывал о ходе событий на фабрике министр внутренних дел. В одном из докладов сохранилась следующая резолюция этого монарха: „Надеюсь, что беспорядки не возобновятся и что зачинщики подвергнутся

законному взысканию". Когда же после окончания стачки министр внутренних дел выразил надежду, что беспорядки не повторятся, Александр II на полях этого доклада написал: „Дай бог!"

Так полицейски-узко взглянул этот царь-освободитель на одно из крупнейших выступлений рабочих в период его царствования, в котором правота рабочей массы и виновность администрации фабрики прямо бросались в глаза.

Такой же резкий характер приняла и вспыхнувшая в этом же году стачка строительных рабочих в Кронштадте, вызванная непосильными штрафами и понижением расценок за работу.

Арест одного из руководителей этой забастовки вызвал энергичное сопротивление бастовавших рабочих и столкновение их с воинской командой.

В январе 1872 г. рабочие волнения происходили среди щетинщиков г Устюга, работавших на местных купцов.

Условия работы у щетинщиков были весьма тяжелые: работать приходилось в спертой атмосфере, в пыли, без свежего воздуха; рабочий день был очень длинен.

Стачка рабочих была вызвана тем, что при найме рабочих предприниматели не стали договариваться с ними окончательно о цене, а заявляли, что будут платить так, как и другие.

Когда же среди сезона часть купцов стала платить рабочим по 1 руб. 20 коп., а у некоторых купцов рабочие получали по 1 руб. 50 коп., щетинщики бросили работу и стали добиваться повышения заработной платы.

В стачку немедленно вмешалась администрация и хотя для нее было ясно, что в забастовке виноваты сами купцы, нарушившие условия найма, все же поспешила арестовать руководителей рабочих. Тем не менее стачка была выиграна рабочими, и они добились повышения заработной платы.

В январе 1873 г. была забастовка на фабрике Михина в Костроме из-за принуждения к работе в день нового года.

В этом же году на солеварнях Баскунчакского озера разразилась стачка, вызванная неаккуратными расчетами с рабочими. Вызванные для усмирения рабочих об'ездчики, по приказанию управляющего промыслами, замучили на смерть одного из активных участников стачки, а когда, благодаря настояниям рабочих, возникло уголовное дело, последнее было затушено вмешательством жандармских властей

В декабре этого же года вспыхнула стачка на ситценабивной фабрике Третьяковых в Серпуховском у. Московской губернии.

На фабрике была установлена работа посменно, что повлекло за собой уменьшение заработка рабочих.

Тогда 700 человек рабочих прекратили работу, заявив, что они наняты на других условиях и потребовали повышения платы.

Стачка протекала мирно и окончилась частичной победой рабочих.

В этом же году рабочие волнения происходили на далеких Нерчинских приисках Сабашникова.

Администрация этих приисков восстановила против себя рабочих своими неправильными действиями в отношении распределения работ, выплаты заработной платы и выдачи продовольствия.

Когда накоплявшееся в течение ряда лет недовольство рабочих этими порядками вылилось, наконец, наружу, рабочие сперва решили добиваться правды вполне законным и мирным путем.

Они избрали из своей среды наиболее толковых и послали в качестве выборных с жалобой на администрацию приисков.

Но в г. Чите этих выборных местная администрация арестовала, засадила в тюрьму и, незаконно продержав в ней некоторое время, заявила, что вышлет их обратно к месту работы.

Выборные отказались исполнить это распоряжение начальства, и когда за ними был прислан конвой, они забаррикадировали двери своей камеры и оказали сопротивление, отбиваясь от конвоя кирпичами и досками.

Когда же их все-таки доставили на завод, там началась забастовка остальных рабочих, которая протекала довольно бурно.

Ожесточенные рабочие, видя, что все местное начальство становится сразу на сторону владельца приисков и приисковой администрации, не желая даже выслушивать их жалоб, в свою очередь, стали проявлять упорство и враждебность, отказывались выслушивать представителей власти и следователей, приезжавших на завод, избили исправника и т. п.

В 1874 г. более или менее крупные стачки были отмечены в м. Ландварове Виленской губ. на проволочн. гвоздильном заводе, на московской суконной фабрике Лазарева и на богородской текстильной фабрике купцов Шибаевых.

Волнения на суконной фабрике Лазарева могут служить прекрасной иллюстрацией, до каких пределов произвола и эксплоатации позволял себе доходить в эти годы частный капитал, довольно редко встречавший сопротивление рабочих.

Волнение на фабрике было вызвано тем, что Лазарев путем штрафа за усушку самовольно изменил условия оплаты труда рабочим.

В то время как на усушку (угар) полагалось 3—4 золотника на фунт, при введении нового способа сушки товара угар стал достигать 12—13 золотников на фунт, но эта фактическая усушка не принималась фабрикой во внимание и за каждый недостающий золотник был положен штраф в 50 коп.

Создалось такое положение, что рабочий, получив за работу целого куска сукна всего лишь 5 р., должен был уплачивать при этом до 6 руб. штрафа, т.-е. не только ничего не зарабатывал, а еще оставался должен фабрике.

Рабочие, есстественно, заволновались, но бросить сразу работу все же не решились, а дождались срока прекращения их найма, наступавшего через несколько дней, и заявили требование изменить систему усушки и вернуться к старым условиями расплаты.

Но от владельца фабрики последовал отказ и, чтобы сломить сопротивление рабочих, он распорядился прекратить им выдачу продовольствия из заводских лавок.

Когда же и эта мера не оказала на рабочих должного воздействия и они продолжали бастовать, упорно отказываясь работать на старых условиях, изобретательный фабрикант пошел в своем самодурстве еще дальше и распорядился не выпускать рабочих вообще из фабрики.

Целых четыре дня продолжалось это сидение рабочих на фабрике, как в тюрьме, и только на пятый день, воспользовавшись тем, что фабричные ворота раскрылись для проезда самого владельца фабрики, Лазарева, рабочие толпой покинули фабричный двор.

Но тогда Лазарев немедленно обвинил их в бунте, призвал полицию, которая составила соответствующий протокол и направила дело в суд.

В суде дело кончилось полнейшим оправданием рабочих, так как никакой вины с их стороны обнаружено не было, а злоупотребления фабриканта были так беззастенчивы и очевидны, что для суда не было другого выхода, кроме оправдания рабочих.

В апреле этого же года разразилась стачка 800 ч. рабочих на богородской фабрике Шибаевых. Стачка была вызвана неправильными расчетами приказчиков фабрики с рабочими.

Прекратив работу и оставив фабрику, рабочие собрались близ города и решили принести жалобу на действия приказчиков

местному полицейскому надзирателю. Но последний не решился самолично вмешаться в стачку рабочих, а вызвал немедленно жандармского офицера.

Стачка все время протекала мирно и закончилась через три дня, когда Шибаевы согласились несколько повысить плату за работу и отказались взыскивать с рабочих за три дня стачки.

Но за это по окончании стачки за нее было уволено с фабрики до 50 рабочих, которые, по мнению администрации, являлись „самыми упорными бунтовщиками".

Как ни незначительна была эта забастовка рабочих, на нее поспешило обратить свое высокое внимание знаменитое „третье отделение", которое писало по поводу нее министру внутренних дел, что, „несмотря на мирный характер этой стачки, все подобные явления настолько важны сами по себе, что требовали бы особенного внимания со стороны местных полицейских органов".

Министерству внутренних дел ставилась при этом на вид деятельность полицейского надзирателя г. Богородска, который отнесся совершено равнодушно к заявлению толпы рабочих и стал поджидать прибытия жандармского офицера.

В 1875 г. беспорядки происходили дважды на заводе Юза в Донецком бассейне из-за несвоевременной выдачи конторой заработной платы. Недовольство рабочих сразу же проявилось весьма бурно: ими были разгромлены лавки и ближайшие трактиры, и дело кончилось вмешательством военной команды.

На постройке Оренбургской жел. д. начались волнения 800 рабочих из-за изменения условий найма: их нанимали по 120 руб. за лето, а когда пришло время уплаты, им заплатили из расчета по 70 руб. да еще вычли за дорогу Стачка носила мирный характер, что не помешало администрации свирепо расправиться с недовольными рабочими: все они были подвергнуты телесному наказанию, а 15 человек в качестве зачинщиков, были высланы в Архангельскую губ.

В г. Вильне рабочие табачной фабрики Дурунча потребовали повышения заработной платы и „участия выборных от рабочих в управлении фабричной рабочей кассой". Рабочие трех других табачных фабрик обещали стачечникам свою поддержку, но осуществить ее не могли благодаря вмешательству полиции; стачка была проиграна, и рабочие Дурунча получили полный расчет.

Зато победой окончилась крупная стачка 4000 рабочих Коншинской мануфактуры в г. Серпухове, вызванная непомерными штрафами и произвольными вычетами. Фабрика, между прочим,

практиковала следующую систему расчета: платила рабочим за 50 аршин в куске, а кусок принимался только тогда, когда в нем было не меньше 60 аршин. Рабочие держались стойко и добились удовлетворения выставленных требований: штрафы были „прощены", излишнее количество аршин оплачено и отменена ночная работа накануне праздников.

Как видит читатель из вышеизложенного, почти все отмеченные нами стачки 60-х и первой половины 70-х годов прошлого столетия носят исключительно оборонительный характер.

Большинство стачек протекает очень мирно; рабочие начинают борьбу исключительно легальными способами, апеллируя каждый раз к власти и питая тщетные надежды, что последняя станет на их сторону.

Но порою распоясавшееся самодурство владельцев фабрик и заводов и неприкрытое пристрастие административных властей вынуждают и в эти уже годы рабочих становиться на путь более активной борьбы.

Причиной подавляющего большинства стачек являлось снижение заработной платы, непомерно высокие штрафы, чрезмерная продолжительность рабочего дня и неудовлетворяющие рабочих распорядки на самой фабрике.

Во всех этих проявлениях рабочего протеста чувствуется масса накопившейся годами человеческой боли, страданий и лишений, и надо было обладать удивительной близорукостью, чтобы увидеть в них хотя бы слабые намеки на „бунт".

И тем не менее администрация повсюду, с благословения самодержавного венценосца, уже в те годы начинавшего дрожать за свою судьбу, спешит чуть ли не каждую мирную стачку рабочих превратить в своих донесениях в ужасное происшествие, требующее самой суровой расправы с его участниками.

Подобная тактика могла в действительности достигнуть только следующей цели: в участниках даже мирной стачки она подрывала веру в заступничество власти, а высылаемые по разным концам России зачинщики стачки заносили ч в новые места испытанные ими способы стачечной борьбы.

VII

Начало социалистической пропаганды среди рабочих масс.

Пропаганда среди рабочих началась довольно рано,—повидимому, еще в конце 50-х годов прошлого столетия, если только не раньше.

По крайней мере, в материалах одного из участников тайного кружка Петрашевцев, действовавшего еще в конце 40-х годов, находим следующие строки:

„Мне кажется даже, что теперь с нашим народом можно уже говорить так *); в нем есть уже люди, которые поймут свою пользу.

Эти люди заметны в большом числе между горожанами, между работниками, приходящими в разные города, особенно в столицы".

Насколько известно, даже самые левые из петрашевцев не вели систематической пропаганды в народе, но случайные разговоры на темы о крепостном праве, несправедливости общественного строя вообще и необходимости изменения его могли иметь место уже и тогда.

Еще больше вероятия, что революционная пропаганда среди рабочих велась если не целыми организациями, то революционерами-одиночками уже накануне падения крепостного права, когда в Россию доносился громкий зов Герценовского „Колокола" и когда на авансцену русской жизни стал выходить новый общественный слой—русский разночинец.

Но, к сожалению, об этих первых шагах революционной пропаганды среди рабочих не сохранилось ни воспоминаний, ни официальных документов.

Поэтому историю ее приходится излагать с начала 60-х годов.

В 1862 г. в официальном органе „Северная Почта" **) было напечатано: „Показаниями фабричных работников на Петербургской стороне обнаружено, что в двух воскресных школах (Самсониевской на Выборгской стороне и Введенской на Петербургской)

*) Эти слова принадлежат Ахшарумову. („Минувш. годы" 1916 г. III стр. 65)

**) „Северная Почта" за 1862 г. № 119.

преподается учение, направленное к потрясению религиозных воззрений, к распространению социалистических понятий о праве собственности и к возмущению против правительства. По докладу о сем министра внутренних дел, высочайше разрешено: учредить особую следственную комиссию для подробного исследования, при депутате от министерства народного просвещения, действий распорядителей Самсониевской и Введенской школ и преподаваемого в них обучения, и вместе с тем закрыть обе школы, впредь до окончания и определения следствия".

В результате этих расследований возникло два политических процесса. По первому—в феврале 1863 г. В. Хохряков был приговорен к 9 годам каторжных работ, студент Беневоленский сослан на поселение, а рабочие В. Трифонов, Е. Коченков и М. Федоров подверглись за революционную пропаганду телесному наказанию, получив по 15 розог.

По второму процессу в том же 1863 г. правительство обнаружило ее следы и приговорило одного из первых таких пропагандистов, офицера Ушакова, к расстрелу „за распространение вредных идей между фабричными рабочими посредством чтения и передачи им сочинений возмутительного содержания с преступной целью возмущения их против правительства". Смертная казнь Ушакову была заменена каторгой.

В приговоре верховного уголовного суда по делу Каракозовцев судебное следствие обнаружило, что еще в 1863 году в Москве составился кружок „молодых людей, зараженных социалистическими идеями", которые стремились организовать в Жиздринском уезде рабочих Мальцевских заводов.

Вели социалистическую пропаганду среди рабочих и члены тайного общества, организованного С. Нечаевым (1869 г.)

Позднее, к началу 70-х годов, стали возникать целые кружки пропагандистов, которые, наряду с работой в деревне, уделяли силы и время для пропаганды среди городских рабочих. Самым влиятельным из таких кружков был кружок «чайковцев»; его члены, в числе которых были такие выдающиеся революционеры, как Софья Перовская, Крапоткин, Кравчинский (Степняк) и др., не мало потрудились над созданием прочных связей в рабочей среде и над выработкой из самих рабочих сознательных революционеров.

Из их кружков вышли многие из выдвинувшихся впоследствии революционных деятелей—рабочих

Пропаганда среди рабочих велась в разных направлениях. Одни из членов кружка для этой цели поступали на фабрики и заводы; другие открывали собственные мастерские—слесарные, сапожные и т. п.; третьи завязывали с рабочими случайные знакомства на улице или в трактире и, сойдясь немного, начинали с ними заниматься, подбирая у себя целые группы таких желающих.

Эта „пропаганда" обычно начиналась с обучения элементарной грамоте; когда же почва оказывалась подготовленной, а ученики — подходящими, быстро переходили к знакомству с нелегальной литературой.

Для грамотных рабочих создавались особые группы с более серьезным курсом занятий.

Организация рабочей пропаганды раскинулась довольно широко по всему Петербургу: на Выборгской стороне, за Невской и Московской заставами и на Васильевском острове находились штаб квартиры пропагандистов.

Позднее их сменили новые кружки народников, но преемственная связь почти не прерывалась: зароненное семя пропаганды дало такие прочные ростки, что вырвать их без следа правительство оказалось не в состоянии, несмотря на все свои усилия.

Первоначальная пропаганда таких народнических кружков велась следующим образом. Чтобы завязать прочные связи с рабочими, молодые девушки и юноши надевали на себя крестьянское платье и отправлялись наниматься на фабрики заурядными рабочими.

Им приходилось спать на грязных нарах, дышать промозглым казарменным воздухом, питаться впроголодь, страдать от насекомых и работать по 15—17 часов в сутки, чтобы после тяжелого трудового дня иметь возможность поделиться со своими изнуренными товарищами по работе крупицами своих знаний, пробудить в них стремление к свету, знанию и борьбе за улучшение своего подневольного положения. Первые годы этой мирной пропагандистской работы среди рабочих были очень далеки от революционности; их скорее следует отнести к области чисто культурной работы, так как зачастую пропагандистам приходилось начинать с азбуки в буквальном смысле слова. Но правительство боялось допустить даже и это; оно понимало, что за просвещением рабочих неизбежно наступит сплочение их для борьбы за улучшение своего положения, а за сплочением последует и революционная борьба во имя осуществления

социалистического идеала; и оно свирепо обрушилось на первые же пропагандистские кружки народников, стремясь с корнем вырвать крамолу.

Вот как рисует одно из распространенных в то время стихотворений, посвященное В. Фигнер, настроения первых пропагандистов:

Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский
Суди, судья, попроще, поскорей,—
Без мишуры, без маски фарисейской,
Без защитительных речей...
Крестьянские вериги вместо платья
Надев и сняв „преступно" башмаки,
Я шла туда, где стонут наши братья,
Где вечный труд, где бедняки.
Застигнута на месте преступленья,
С поличным я на суд приведена...
Зачем же тут свидетели и пренья?
Ведь я кругом уличена!
Оставь, судья, ненужные вопросы,
Взгляни—я вся в уликах: на плечах
Мужицкая одежда, ноги босы,
Мозоли видны на руках;
Тяжелою работой я разбита...
Но знаешь ли?—в душе моей, на дне
Тягчайшая из всех улик сокрыта:
Любовь к родимой стороне!..

В короткое время народникам, работавшим среди петербургских рабочих, удалось завести широкие связи, и число рабочих, спропагандированных ими к середине 70-х годов, достигло довольно крупной цифры—несколько сот человек.

„Подготовляя себе среди рабочего класса агентов и помощников и, в свою очередь, пропагандистов,—писал в своей секретной записке тогдашний министр юстиции гр. Пален,—вожаки этого дела распространяли свои мысли и взгляды путем устной пропаганды, а также посредством огромного количества книг и брошюр, написанных в форме общедоступных рассказов. Таковы „Дедушка Егор", „Митюха", „Степные очерки" Левитова, „Очерки фабричной жизни" Голицынского, „Сила солому ломит" и т. д.

В Москве революционная работа велась кружками Долгушина и Джабадари, в которые входили: С. Бардина, Фигнер, Каминская

и др. В Одессе действовал кружок Ф. Волховского, в Киеве и Харькове—кружки „бунтарей". На пропаганду же среди городского и сельского пролетариата рассчитывала и заграничная группа анархистов, начавшая в 1875 г. издавать в Женеве газету „Работники".

Во время „процесса 50" на суде было обнаружено, что, помимо Москвы, социалистическая пропаганда велась также в Иваново-Вознесенске и Туле.

Но в пропаганде народников было много существенных недостатков.

В Петербурге в это время действовали, главным образом, две революционные группы народников: бунтари-землевольцы и лавристы. Обе эти группы расходились между собой, главным образом, по вопросам тактики. в то время, как землевольцы шли в „народ" с проповедью бунтов, которые, по их мнению, одни могли воспитать народную массу и подготовить ее к социальному перевороту, — лавристы к подобной тактике относились отрицательно; в отдельных случаях, как, например, во время петербургских стачек в 1878 году, они считали ее даже реакционной и склонялись к мирной пропагандистской тактике, подобной той, какую около этого времени применяли германские социал-демократы у себя на родине. Но собственно только этим и ограничивались разногласия лавристов с землевольцами-бунтарями и их сходство с немецкими социал-демократами. Что же касается программы, то здесь и те и другие сходились в большинстве пунктов. Во главу угла их миросозерцания было положено народническое представление о русской деревенской общине, как наиболее совершенной общественной форме, способной привести народ к социализму. Они считали поэтому Россию стоящей гораздо ближе к социальной революции, чем все западноевропейские страны, где успел уже развиться капитализм, разложивший общинные устои жизни. России,—говорили они,—достаточно свергнуть гнет государства и организовать взамен его вполне свободную федерацию общин, чтобы создать все предпосылки для социализма. Главной революционной силой, способной уничтожить современное государство, они считали крестьянство, на него они возлагали все свои надежды и ему уделяли большинство своих сил.

Отношение же их к городским рабочим было каким-то двойственным и непоследовательным. В своих программах они не отводили пролетариату никакой самостоятельной политической

роли. Но, возлагая все свои надежды на пропаганду среди крестьян и на крестьянские „бунты", они все-таки считали нужным заниматься с рабочими; они шли к ним, так сказать, вопреки своей теории, так как не могли не видеть, что на этой почве их семена дают лучшие плоды, чем „поселения" в народе.

Но вследствие этих же причин их пропаганда должна была давать очень мало положительного рабочим. Прежде всего сами народники, смотревшие на все окружающее глазами своего учителя Бакунина, в торжестве капитализма и в развитии пролетариата видели лишь величайшее зло России. Эти взгляды народников не могли не передаваться и рабочим, и среди последних можно было в то время встретить не мало последовательных сторонников народнической программы, громивших с чужого голоса „развращенность и буржуазность" городских рабочих и мечтавших итти в деревню, где только и можно найти „настоящий народ". Но такое самооплевание было уделом далеко не всех рабочих. Более чуткие и самостоятельные из них должны были чувствовать внутреннюю фальшь подобного взгляда; эти-то рабочие, не находя для себя места в программах народников, должны были в лице Степана Халтурина, Виктора Обнорского и др., придти, в конце-концов, к идее самостоятельного рабочего движения, которому они и отдались со всей энергией. Но даже и те из рабочих, которые не умели противопоставить аргументации народников-интеллигентов своих собственных доводов, должны были на практике убедиться, что они сами уже стали неспособными удовлетворяться всеми прелестями „народной" жизни. За время жизни в городе у них уже успели выработаться новые привычки и потребности, отрешиться от которых им было не так-то легко. В большинстве случаев они оказывались еще более непригодными для работы в деревне, чем народники-интеллигенты. Побродив по деревням и не сумев нигде пристроиться, они обыкновенно кончали тем, что возвращались в города и принимались за агитацию среди своего же брата.

Что же могла дать такая пропаганда рабочим? Она, конечно, поднимала общий уровень рабочего, но была совершенно неспособна будить в нем классовое самосознание; если же в отдельных случаях и получался подобный результат, то происходило это помимо воли народников, сознательно они никогда не ставили себе целью выяснять и развивать перед рабочими „идею четвертого сословия".

„Мы проповедывали им не социализм и даже не либерализм, а именно тот переделанный на русский лад бакунизм, который учил рабочих презирать „буржуазные" политические права и „буржуазную" политическую свободу и ставил перед ними, в виде соблазнительного идеала, допотопные крестьянские учреждения. Слушая нас, рабочий мог проникнуться ненавистью к правительству и бунтарским духом мог научиться сочувствовать „серому" мужику и желать ему всего лучшего, но ни в каком случае не мог он понять, в чем заключается его собственная задача, социально-политическая задача пролетария. До этого ему приходилось додумываться собственным умом" *).

Задуматься над всем этим пришлось довольно скоро. В воздухе уже пахло приближающимся периодом упорной стачечной борьбы. Эта борьба не замедлила разразиться и привела в движение широкие рабочие массы; тут-то и должны были обнаружиться все недочеты прежних приемов деятельности. Но эта борьба рабочих содействовала не только уяснению ошибок тогдашней революционной интеллигенции—она пробудила мысль и в рабочей массе, содействуя нарастанию классового самосознания. Перед более же развитыми рабочими эта борьба поставила ребром вопрос о необходимости создать самостоятельную рабочую партию, которая была бы выразительницей классовых стремлений пролетариата и руководительницей в его классовой борьбе. Из числа рабочих, входивших в организацию „Земля и Воля", следует отметить: Степана Халтурина, Виктора Обнорского,—некоторые биографические данные о которых читатель найдет ниже,—и Петерсона, оставшегося активным деятелем рабочего движения до последних лет. Кроме того, целый ряд рядовых рабочих, попавших на скамью подсудимых во время политических процессов 70-х годов, выступали на суде, как убежденные социалисты, и были присуждены к каторге, в том числе ткачи П. Алексеев, Агапов, Александров, Герасимов, Крылов, умерший в тюрьме Малиновский, Союзов, Тефтул и многие другие.

*) Г. В. Плеханов. „Русский рабочий в революционном движении", стр, 11

VIII

Стачечная борьба рабочих в конце 70-х годов.

Знакомясь с борьбой рабочего класса в 60-ые и 70-ые годы, мы уже видели, что не успел еще капитализм как следует пустить корни в русскую почву, как в разных местах начали вспыхивать крупные и серьезные стачки, заставлявшие русское правительство серьезно опасаться быстрого пробуждения рабочего класса и пытаться подавить это движение рабочих самыми суровыми мерами административного воздействия.

Первые рабочие стачки в пореформенной России были еще очень робки, настроение рабочих в большинстве случаев было очень мирное. Но чем дальше развивался в стране капитализм, чем большие народные массы приводил он в движение, тем сильнее должна была разгораться и борьба рабочих.

Особенно усилились стачки со второй половины 70-х годов и вместе с тем они постепенно начинают менять и свой характер.

На этот раз причина рабочих волнений коренилась в том, что в то время наша промышленность переживала период застоя. Капиталистическое производство не может развиваться иначе, как путем периодических кризисов. В то время как труд каждого отдельного работника становится все более трудом общественным и тесно связан тысячами невидимых нитей с трудом других рабочих, распоряжение этим трудом находится в руках отдельных капиталистов, которые прежде всего считаются с интересами собственного кармана Производство на отдельных фабриках ведется без общего плана и рано или поздно неминуемо приводит к перепроизводству, которое всей своей тяжестью ложится на рабочий класс Так было и на этот раз. Начиная с конца 60-ых годов, по всей России появлялись новые фабрики, расширялись старые; одних железных дорог было построено несколько тысяч верст. Новые фабрики и железнодорожные постройки привлекли к себе новые массы рабочего люда; стали быстро расти города и возникать новые поселения; это, в свою очередь, вызвало усиленную строительную деятельность В связи с железнодорожным строительством должно было сильно возрасти производство рельс, вагонов, а также и добывание руды.

Рост рабочего населения, в свою очередь, вызвал усиленный спрос на предметы потребления,—словом, самые разнообразные отрасли труда испытывали в этот период времени оживление. Мы нарочно остановились на этой переплетающейся зависимости одной отрасли производства от других, чтобы потом легче было понять, как легко заминка в одном из них должна была отразиться и на остальных. Действительно, стоило только в 1875 г. значительно сократиться постройке железных дорог, как это обстоятельство тотчас же отразилось ухудшением положения рабочих в самых разнообразных производствах Тотчас же сократилась работа на железоделательных заводах, а это, в свою очередь, сократило спрос на руду, и масса рабочих была выброшена на улицу и должна была испытывать все ужасы безработицы. Нужда же безработных неминуемо должна была вызвать сокращение спроса на предметы потребления рабочих и. стало быть, сокращение производства на тех заводах и фабриках, которые выделывали эти продукты. Все это еще более усиливало кризис и еще более ухудшало положение рабочих, не только тех, которые были выброшены фабрикантами на улицу, но и положение всего рабочего класса. Тысячи безработных обреченных на голодную смерть, или, в самом лучшем случае, на продожительное голодание, были принуждены толпиться перед дверями фабрик, вымаливая себе работу и готовые стать на работу на самых тяжелых условиях. Можно было бы поэтому заранее предсказать, что капиталисты не упустят такого удобного случая, чтобы лишний раз принажать на рабочих и принудить их под угрозой голодной смерти работать на более тяжелых для себя, но более прибыльных для капиталиста условиях. И, действительно, благодаря кризису, положение рабочих на большинстве фабрик и заводов со средины 70-х годов значительно ухудшилось Но прижимки со стороны капиталистов не могли пройти бесследно: они обостряли взаимные отношения между рабочими и капиталистами, накопляли в первых чувство протеста против безотрадных условий своего существования и будили в них стремление сообща бороться за улучшение своего положения. Со второй половины 70-х годов эта борьба начинает выливаться наружу, проявляясь то спорадически, то, подобно эпидемии, распространяясь на широкие массы рабочих. Некоторые условия, которых мы касались уже выше а именно: зачатки классового самосознания, воспитанные предшествовавшей борьбой, развитие капитализма, которое постепенно выделяло фабричных рабочих

в особый класс, повышая в то же время их интеллигентность, и, наконец, участие передовых рабочих в революционной борьбе,— все эти условия способствовали тому, чтобы на этот раз борьба рабочих отдельных фабрик стала принимать характер борьбы классовой между пролетариатом и буржуазией. И, что всего важнее, этот характер борьбы сознавался не только передовыми рабочими; в дальнейшем мы попытаемся указать, каким путем борющаяся рабочая масса в самом процессе борьбы постепенно приходила к сознанию солидарности своих интересов с интересами всех вообще рабочих и противоположности их стремлениям всех эксплоатирующих классов. Рабочие волнения и стачки из-за заработной платы и штрафов в этот период происходили во многих промышленных центрах: в Орехове-Зуеве на Морозовской фабрике, на табачной фабрике Дурунча в Вильне, на Мышкинском чугунно-литейном заводе в Калужской губ., на Юзовских заводах, на Белостокских ткацких фабриках и т. д.

В 1876 г. прекратили работу 500 чел. прядильщиков на Орехово-Зуевской фабрике Морозова. Причиной стачки послужила новая система штрафов за остающиеся мягкие початки, совершенно не предусмотренная первоначальным договором найма. К тому же об этих штрафах было об'явлено рабочим перед окончанием их срока найма, но было заявлено, что штрафовать будут за все время работы, и действительно, на некоторых рабочих было наложено до 300 руб. штрафа, который, таким образом, не только с'едал весь заработок рабочего, но и превращал его в неоплатного должника фабрики.

Прибывший на фабрику губернатор пытался было стать на сторону рабочих, убеждая Морозова сложить с рабочих незаконные штрафы, но не мог добиться его согласия. Крупный предприниматель ни за что не хотел поступиться интересами своего кармана и предпочел выбросить за ворота фабрики 170 чел рабочих Остальные же согласились работать на старых условиях, и стачка, таким образом, была проиграна рабочими.

На Мышкинском чугунно-плавильном заводе Огаревой-Хрущевой в том же году волнения были вызваны введением новых стеснительных для рабочих правил и введением ярлыков, без которых рабочих не допускали на завод.

Отклонив предложенные фабрикой новые правила, рабочие постановили не начинать работ до их отмены, а на лиц, которые не подчинятся этому постановлению и пойдут в одиночку наниматься вновь на фабрику, решили налагать штраф. Точно также

было решено, что если кто пострадает за участие в стачке, все остальные участники должны оказывать помощь пострадавшему и его семье.

Благодаря вмешательству калужского губернатора, введение новых правил было отсрочено владелицей фабрики, и стачка закончилась мирно.

В 1877 г. поднялись на борьбу рабочие ткацких фабрик г. Белостока, упорно добиваясь повышения расценок за работу. Стачка сразу охватила рабочих нескольких фабрик и обнаружила сильное возбуждение рабочих.

Постепенно нарастал в рабочих массах протест против безудержной эксплоатации их фабрикантами и в других местах и кое-где, как, напр., в Юзовке, начинал выливаться в форму активных, хотя еще и мало сознательных выступлений.

Сильнее всего, конечно, возбужденное настроение проявилось среди наиболее сознательных петербургских рабочих, уже затронутых революционной пропагандой народников. Еще в конце 1876 года они задумали устроить свою рабочую демонстрацию, и притом такую, которая бы своим резко-революционным характером дала простор и выход для нараставшего в их груди чувства протеста против капиталистического гнета. Устроители демонстрации рассчитывали, что на нее может притти до 2.000 рабочих, но, как потом оказалось, эти предположения не оправдались. Организаторам демонстрации на этот раз не удалось привлечь к своему делу более широкий контингент участников, и на демонстрацию явились почти исключительно одни сознательные рабочие, человек 200—250. Рабочая же масса не пошла на нее просто потому, что для нее оставались все время неясными смысл и значение самой демонстрации, а организаторы демонстрации ограничивались одним призывом, не попытавшись,—или, вернее, не сумев,—соединить идею демонстрации с нараставшим уже чувством протеста.

Но как бы там ни было, а демонстрация была устроена.

— И вот на площади соборной
В столице русского царя
„Земли и Воли" флаг народный
Взвился шестого декабря...

6-го декабря 1876 года перед Казанским собором собралось несколько сот человек рабочих и учащейся молодежи. Было поднято красное знамя с надписью „Земля и Воля", которое подхватил молодой рабочий Потапов, и, поднятый на руки товарищами, он некоторое время держал его над головами присутствующих.

Одним из участников демонстрации, Г. В. Плехановым, была произнесена революционная речь, законченная и подхваченная возгласами: „Да здравствует социальная революция! Да здравствует „Земля и Воля!" *).

При первых же словах речи полиция и жандармы, присутствовавшие на Казанской площади и поджидавшие только повода, чтобы накинуться на демонстрантов, бросились протискиваться к оратору, но их сейчас же оттеснили назад.

„Ребята, держись тесней, не выдавай, не подпускай полиции!"—командовал один из рабочих, а остальные поспешили тесным кольцом окружить говорившего.

Когда речь была окончена, демонстранты, чтобы избежать арестов, решили всей толпой двинуться по направлению к Невскому, Но не успели они пройти и нескольких шагов, как последовало новое нападение полиции, которая стала арестовывать шедших в задних рядах.

„Тут общее возбуждение дошло до последний степени. Кто-то скомандовал. „Стой! наших берут!", и толпа бросилась отбивать арестованных. Полицейские были смяты и побежали за собор, в Казанскую улицу. Если бы, отразив этот первый неприятельский натиск, революционеры выказали больше самообладания, то они, вероятно, смогли бы отступить без потерь и в полном порядке... Но кому из принимавших когда-нибудь участие в подобных столкновениях неизвестно, как трудно ввести в надлежащие границы раз прорвавшиеся наружу страсти. Публика продолжала преследовать обращенную в бегство полицию" **).

Это была непростительная ошибка, отдавшая в руки полиции около трех десятков участников демонстрации. С одними из них, а именно с представителями революционной интеллигенции, правительство поспешило свирепо расправиться, осудив их в Сибирь на каторгу и притом на значительные сроки; но зато с рабочими оно решило пока обойтись милостиво, как бы боясь, чтобы суровым осуждением одних не озлобить остальных представителей рабочего класса Так, например, рабочего Потапова, который нес красное знамя и с ним был потом арестован, суд приговорил всего лишь к заключению в монастырь „на покаяние". Так же мягки были приговоры и остальным попавшимся рабочим.

Правительство своими репрессиями придало этой демонстрации более громкий характер, чем каковой она была на самом деле.

*) В. Базилевский. «Государ преступления в России», т. II, стр 4.

**) Г. В. Плеханов „Русский рабочий в революционном движении" стр. 21.

Сами же устроители демонстрации не могли считать ее вполне удавшейся и волей-неволей должны были задуматься над причинами этой неудачи. Чтобы на будущее время не повторять старых ошибок, они должны были подумать о том, какими способами удобнее всего приобщать широкую пролетарскую массу к своим протестам.

Когда через год после казанской демонстрации им пришлось снова „действовать", они оказались уже гораздо более на высоте своего призвания, чем прежде.

За этот год многое успело измениться в настроении самой рабочей массы Продолжавшийся кризис не мог не обострять ее отношений к своим хозяевам. Прижимки капиталистов, стремившихся беззастенчиво на каждом шагу урезать рабочий заработок, удлинить рабочий день, не проходили, конечно, бесследно, но накопляли много горючего материала и будили чувство протеста; борьба могла вспыхнуть каждую минуту, и притом по самому незначительному поводу.

Как-раз в это время на Василеостровском патронном заводе были убиты взрывом пороха шесть человек рабочих *). В их смерти было виновато само начальство, которое не принимало никаких предосторожностей, несмотря на неоднократные предупреждения со стороны самих рабочих. Последние были очень возмущены этим взрывом, и когда по этому поводу был выпущен листок, в котором происшествие на заводе ставилось в связь с общим положением рабочего класса, то это воззвание попало на благоприятную почву. Листок произвел хорошее впечатление и еще более повысил настроение рабочих.

Передовые рабочие, входившие в заводской революционный кружок, решили поэтому действовать и, намереваясь придать предстоящим похоронам характер демонстрации, пригласили на нее своих знакомых интеллигентов-бунтарей. Характерна при этом следующая подробность. У этого кружка, кроме бунтарей, были также знакомые среди лавристов, но их они не решались приглашать, зная враждебное отношение тех к подобным протестам.

„Бог с ними совсем,—говорили они.—Лавристы—люди хорошие, но пойдут спорить, доказывать, что мы затеяли пустое, а нам послушаться их нельзя: очень уж возбуждены все рабочие".

Революционный инстинкт подсказывал им верную тактику—использовать это озлобленное настроение рабочих и превратить бессознательное пока чувство злобы в сознательный протест против гнета экономических условий.

*) „Община". 1878 г., № 2, стр. 20.

Но на деле вышло несколько иначе, чем предполагали инициаторы демонстрации. Когда в день похорон они подошли к заводу, то вид одетой по-праздничному толпы произвел на них расхолаживающее впечатление: толпа показалась им слишком „буржуазной", и они решили не выступать с речью.

Вся процедура похорон прошла мирно, хотя полиция в значительном количестве все время была настороже, готовая придраться к малейшему поводу, но толпа оставалась все время спокойной.

„Но когда было все кончено, и настало время расходиться, в ней началось какое-то движение. Незнакомый нам полный рыжий рабочий протискивался к одной из крайних могил.

— Господа,—воскликнул он дрожащим от волнения голосом,—мы хороним сегодня шесть жертв, убитых не турками *), а попечительным начальством. Наше началь...

Его прервали.

Раздались полицейские свистки, и околоточный надзиратель положил ему руку на плечо со словами:

— Я вас арестую.

Но едва успел он выговорить это, как произошло нечто совершенно неожиданное. Со всех сторон раздались негодующие крики, и толпа,—та самая толпа, которая произвела на нас безнадежное впечатление своею будто бы буржуазною прилизанностью,—дружно кинулась на оторопевших полицейских. В одно мгновение арестованный был куда-то далеко унесен нахлынувшей рабочей волной, а пытавшийся взять его околоточный не совсем твердым голосом извинялся перед публикой:

— Ведь, я же не могу иначе, господа: я сам отвечаю за беспорядки перед начальством.

— Рассказывай! Вот мы тебя вздуем, так ты вперед не будешь соваться, куда не следует!—отвечали ему из толпы.

— Бей его!—кричали наиболее ожесточенные.

Положение полиции становилось критическим. Здесь, на далеком Смоленском кладбище, она была совершенно бессильна перед этой тысячью раз'яренных рабочих. Но ее спасло именно ее очевидное для всех бессилие.

— Братцы, что-ж мы их будем бить?—сказал чей-то голос.—Нас много, их мало,—стыдно нам с ними связываться. Пускай себе идут по домам, никого из нас они тронуть не посмеют.

*) Дело было во время русско-турецкой войны.

Эта, не то дипломатическая, не то действительно великодушная речь несколько успокоила рабочих. Крики поутихли; публика перестала угрожать полиции побоями, но, с другой стороны, не хотела и отпустить ее с миром, так как боялась, что она проследит и арестует оратора. Толпа разделилась на две части: одна окружила полицейских, другая сплотилась вокруг оратора и торжественно повела его к воротам. Он, повидимому, никак не ожидал такой чести и сконфуженно посматривал на товарищей, шумно выражавших ему свое сочувствие Все окружавшие громко ругали начальство и полицию. Мне особенно бросилась в глаза худая, маленькая старушка, которая, ни к кому не обращаясь в частности и как будто разговаривая сама с собой, с жаром повторяла, что „надо постоять за своего человека" *).

Этот дружный отпор, которым рабочие патронного завода ответили на попытку полиции арестовать одного из их товарищей, ясно показывал, что при случае они сумеют постоять за свои интересы, не побоятся пойти против начальства и действовать скопом,—нужно только, чтобы были затронуты действительно их жизненные интересы.

Если похороны и не вылились в демонстрацию против правительства, то они достаточно хорошо демонстрировали тогдашним революционерам грозную силу рабочего класса, выросшие в его недрах солидарность и уменье действовать сообща. Не менее хорошее впечатление произвели похороны и на самих рабочих: они закрепили в них то братское чувство солидарности, которое вырабатывала в них вся предшествующая, полная тяжелых лишений, жизнь под стук фабричного молота. Революционерам же эти похороны, кроме того, показали, что рабочие в решительную минуту не испугаются союза с ними и будут видеть в них своих действительных друзей

И, действительно, новые боевые стычки были уже не за горами. Не успели петербургские рабочие забыть про демонстрацию на похоронах, как в феврале 1878 года неожиданно вспыхнула стачка на Новой бумагопрядильне, а за ней начался довольно продолжительный период самой упорной стачечной борьбы, то вспыхивавшей сразу на нескольких фабриках, то прорывавшейся спорадически.

Новая бумагопрядильня была одной из самых крупных фабрик на Обводном канале; на ней работало более 2.000 рабочих

*) Г. В. Плеханов. „Русский рабочий в революц. движении", стр. 24—25.

по большей части людей довольно серых, лишь недавно покинувших обстановку деревенской жизни и не успевших еще как следует свариться в фабричном котле. Существовал на этой фабрике, правда, и революционный кружок, в который входило человек 10—12 рабочих, но это была большею частью зеленая фабричная молодежь, в революционных делах малоопытная и не пользовавшаяся особенным влиянием в кругу своих товарищей.

Стачка началась из-за сокращения заработной платы и введения новых фабричных правил, сущность которых самым недвусмысленным образом сводилась также к удешевлению рабочей силы. Хозяйская алчность и наглость так резко били в глаза, что рабочие дружно забастовали, но эти же качества новой хозяйской прижимки породили в них иллюзию, что само начальство должно вступиться за них, раз только ему станут известны новые правила. Напрасно более сознательные из них—члены революционного кружка и другие какие-то незнакомые люди, которых раньше не было видно, одетые как будто не совсем по фабричному, но тянувшие их же руку—советовали с самого начала плюнуть на начальство и надеяться только на самих себя,—полусерая, политически неразвитая масса продолжала стоять на своем, не слушаясь никаких доводов.

Видя, как трудно разубедить рабочих в начальнической заботливости, революционеры решили уступить им и предоставить на собственном опыте убедиться, как велика забота правительства о нуждах рабочего класса. Они, конечно, наперед знали, что все эти надежды должны в конце-концов рухнуть, разбившись при столкновении с суровою действительностью, принеся рабочим лишь одно разочарование, но они правильно поняли, что такое разочарование лучше всяких слов убьет в них прежнюю веру в начальство, отучит во второй раз обращаться за помощью к волкам и на место прежней веры заложит прочное убеждение, что в своей борьбе они могут полагаться только на свои силы.

Прежде всего рабочие обратились за помощью к приставу, который принял сперва их ходоков очень любезно, обещал даже переговорить с управляющим фабрикой, но затем, снесясь с высшим начальством, резко изменил свое отношение к стачечникам, и когда рабочие, наскучив ожиданием ответа от него, послали к нему вторично ходоков, встретил последних уже по иному: обозвал бунтовщиками, пригрозил строгим наказанием и стал требовать, чтобы рабочие немедленно принялись за работу, подчинившись новым правилам.

Измена пристава и его нравоучение не убедили, однако, рабочих: они увидели в этом подвох. „Снюхался с управляющим“,— говорили они про пристава и решили итти к градоначальнику.

Когда же и здесь их постигла неудача, стали раздаваться голоса, что надо подать прошение самому наследнику: он уж не станет тянуть руку управляющего.

За составлением прошения рабочие обратились к самим революционерам. Как ни открещивались те от такого поручения, как ни морщились, но все-таки им пришлось его составить. Зато и само прошение, вышедшее из-под их пера, очень мало напоминало обычные слезные моления, а скорее было гордым требованием, обращенным к власти. Одобренное сначала заводским революционным кружком, оно было представлено на рассмотрение остальных рабочих бумагопрядильни и очень им понравилось.

Кто-то из рабочих взобрался на кучу каменного угля и оттуда громогласно начал читать „прошение“.

— „Вашему императорскому высочеству,—говорилось в нем,— небезызвестно, какие плохие были отведены нам наделы и как сильно страдаем мы от малоземелья“...

— Верно, верно,—гремела толпа:—только звание, что земля, а пользы от нее никакой!

— „Вашему императорс кому высочеству небезызвестно также, что за эти плохие наделы мы платим тяжелые подати“...— продолжал чтец.

— И это так, и это верно!—одобряли слушатели:—вздохнуть не дают с податями!

— „Вашему императорскому высочеству небезызвестно, наконец, с какою жестокостью взыскиваются с нас эти тяжелые подати,—раздавалось с высокой каменноугольной трибуны,—нужда гонит нас на заработки в город, а здесь на каждом шагу притесняют фабриканты и полиция“.

Далее следовал разбор вызвавших стачку новых правил, а в заключение говорилось, что, не видя ниоткуда защиты, рабочие ждут ее от наследника престола, но если и он не обратит внимания на их просьбу. то ясно будет, что им остается надеяться только на самих себя.

Заключение также найдено было очень рассудительным.

— Если и от наследника ничего не добьемся, то уж надо будет, как-никак, поправляться самим,—решили слушатели *).

*) Г. В. Плеханов. «Русский рабочий в рев. движении». стр. 30.

Но у рабочих, повидимому, уже при составлении прошения не было прежней непоколебимой уверенности в том, что наследник должен непременно уважить их просьбу. Прежний горький опыт с приставом и градоначальником успел поколебать их наивную веру в заступничество власти, и теперь не находилось никого, кто бы соглашался идти ходоком к Аничкову дворцу. Решили поэтому нести прошение всей толпой. В назначенный день прошение было отнесено, и его принял от рабочих градоначальник и понес во дворец для передачи самому наследнику. Из окна дворца кто то наблюдал за церемонией передачи прошения, и рабочие потом уверяли, что это был сам наследник. Всего вероятнее, что им это только показалось, но тем не менее никто уж потом не стал говорить, что их прошение скрыли от наследника. А когда и это прошение осталось без ответа, тогда и самые маловерные должны были согласиться, что незачем было апеллировать к власти

„Нечего было и ходить к нему, только сапоги трепали",— говорили теперь все, кто прежде энергичнее других настаивал на подаче прошения

Стачка, между тем, затянулась; среди интеллигенции и студенчества в пользу стачечников были организованы денежные сборы и было собрано около 1 000 руб, но рабочие были уже истощены и скоро сдались, после кое-каких уступок со стороны капиталиста Но сдались они уже не как рабы, а с затаенным чувством протеста, с надеждой победить в другой раз, собравшись с силами, и просветленные сознанием, что в будущей борьбе они могут надеяться только на самих себя; наивной веры в заступничество власти не осталось и следа· она стала уступать место трезвому взгляду на вещи. Оппозиционное настроение рабочих не только не убавилось, но, наоборот, еще возросло и не замедлило проявиться по самому незначительному поводу. 8-го ноября рабочие этой фабрики, находя, что их достаточно эксплоатируют, согласно новым правилам, решили устроить себе праздник и отказались работать, мотивируя свое отсутствие тем, что в Михайлов-день работать—грех Начальство, конечно, озлилось, но поделать ничего не могло—день был упущен, а с ним вместе пропадала и вся довольно внушительная сумма прибавочной стоимости, которую оно привыкло ежедневно выжимать из 2.000 рабочих. Чтобы хоть как нибудь наверстать упущенное, оно решило увеличить работу на фабрике на ¼ часа до тех пор, пока из этих кусочков времени не составится лишний рабочий день. Но осуществить это ему не удалось: два дня рабочие, хотя

с неудовольствием, мирились с новым порядком, но на третий день кто-то придумал завернуть ровно в 8 часов главный газопроводный кран, и рабочие с криками густой толпой повалили из фабрики, испортив на ходу несколько основ и выбив несколько оконных стекол. Несмотря на все старания фабричного начальства и самой полиции, не замедлившей наводнить всю фабрику, найти виновных не удалось. Напрасно пристав таскал рабочих к себе в участок, то угощая водкой и апельсинами, то грозя высылкой в Архангельскую губернию,—рабочие никого не выдали; только одна женщина, работавшая вблизи газопроводного крана, показала, что потушил газ какой-то то человек с лицом, обвязанным передником. Так и пришлось ограничиться лишь одной острасткой.

В то время как все описанное происходило среди рабочих Новой бумагопрядильни, не было спокойно и на остальных фабриках.

Еще в августе того же года вспыхнула стачка на фортепианной фабрике Беккера, хозяин которой решил согнать рабочих одной мастерской с занимаемой ими у него квартиры, чтобы заодно сократить свои расходы по отоплению и освещению этого помещения. Половина согнанных таким образом рабочих были немцы, привыкшие у себя на родине к стойкой борьбе за свои интересы. Они и здесь возмутились грубой прижимкой хозяина и потребовали соответственного повышения заработной платы. К ним примкнули, конечно, и русские рабочие, и на третий день хозяин принужден был уступить и согласиться на повышение заработной платы.

В конце сентября этого же года задумали понизить заработную плату хозяева табачных фабрик Мирчи и Шапшал. На той и на другой фабрике работали исключительно женщины, но и их задела за живое новая прижимка. Заработок их, и без того низкий, при новой сбавке грозил им новыми тяжелыми лишениями; они отказались работать на новых условиях и заявили об этом приказчику; когда же тот вздумал ответить бранью, то палочки и машинки для папирос полетели за окно Перепуганный приказчик поспешил послать за хозяином фабрики, и тот был принужден обещать оставить прежнюю плату. Так же неудачна была попытка понизить плату и на второй фабрике.

26-го сентября на этой фабрике появилось следующее об'явление:

Мастерицам табачной фабрики Шапшал!

Сим об'являю что, по случаю остановки товара, я сбавляю с каждой тысячи папирос 10 коп

Шапшал

Но это об'явление было моментально сорвано, и на его место появилось другое:

Хозяину табачной фабрики Шапшал!

Мы, мастерицы вашей фабрики, сим об'являем, что не согласны на сбавку, потому что и так от нашего заработка не можем порядочно одеться.

Мастерицы вашей фабрики *).

И здесь мастерицы держались удивительно дружно и не только не согласились работать на новых условиях, но и не выдали писавшей об'явление Администрации и здесь пришлось уступить, и плата осталась прежняя.

То обстоятельство, что понижение платы на обеих табачных фабриках произошло одновременно и было одинаково, позволяет предположить, что оба фабриканта действовали со взаимного согласия, чтобы тем вернее обеспечить себе успех; но их предпринимательские аппетиты разбились об удивительную стойкость работниц.

Не успел рабочий Петербург забыть обо всех этих стачках, как в конце ноября забастовали рабочие на фабрике Кенига, что за Нарвской заставой. Эксплоатация рабочих на этой фабрике была самая вопиющая: при 14-ти часовом рабочем дне и поштучной работе рабочий вырабатывал не более 17—20 руб. Но и этого фабриканту было мало, хотя работа, по условию, должна была начинаться в 5 часов утра и кончаться в 8 часов вечера, с перерывом в 1 час на обед, фабрикант пускал машины в ход за четверть часа до условленного времени и штрафовал всех, кто опаздывал

„Если при расчете, происходящем 15-го и 30-го числа каждого месяца, рабочий позволит себе спросить, на каком основании сделан тот или другой вычет из следуемых ему денег, его штрафуют снова. Если хозяин не приезжал ко дню расчета, и рабочие осведомлялись, когда же они получат „жалованье",—они подвергались новому штрафу Штрафовали за нечистоту машины, за местоимение „ты", употребленное в разговоре с мастером, и т. д. и т. д. О прогульных днях нечего и говорить; несмотря на то, что плата была поштучная, за каждый прогульный день рабочий должен был проработать 2 дня бесплатно" **).

Словом, хозяйская рука разгуливала во-всю по горбу рабочего, позволяя себе нагло издеваться над его личностью; тем большею неожиданностью для нее было, когда в один прекрасный

*) „Земля и Воля", № 3. 1879 г. стр. 15.

**) „Земля и Воля", № 3 1879 г., стр 13.

ноябрьский день все рабочие руки, до того времени раболепно созидавшие ему порядочную прибыль и покорно сносившие его самодурство, вдруг заявили, что они тоже люди и хотят более сносных условий работы.

Началась стачка у Кенига по следующему поводу. При производстве работы на бумагопрядильных фабриках всегда остаются отбросы, которые образуют целые кучи так-называемой „пыли". До самого последнего времени сортировкой этой „пыли" у Кенига занимались особые работницы. Но в ноябре хозяин фабрики, придумывая новые способы для увеличения милой его предпринимательскому сердцу прибыли, решил, что эту работу можно с успехом возложить на детей.

Предпринимательское око Кенига видело, что при умении из мальчиков можно выжать много больше того, что он выжимал раньше, но мальчики заупрямились и отказались вообще работать, если с них не будет снята новая обуза Сам Кениг, не привыкший вообще церемониться со своими рабочими, хотел прогнать строптивых и заменить их новыми, но последние вдруг получили неожиданную поддержку со стороны старших рабочих, которые отказались работать, если не будут удовлетворены требования их подручных.

На фабрике Кенига в то время революционная пропаганда совершенно не велась, но слухи о том что существуют какие-то люди, помогающие рабочим, дошли и до них, и потому, начав стачку, они в тот же день отправили несколько человек на Обводный канал, чтобы разузнать там, „как найти этих людей, помогающих рабочим"

Не отбило охоты сойтись ближе с революционерами и запугивание полиции, которая неоднократно грозила рабочим Сибирью за сношения с бунтовщиками. Умудренные опытом рабочих на Новой бумагопрядильне и своим собственным, рабочие Кенига шли более или менее сознательно на знакомство с революционерами, научаясь понемногу политической мудрости отличать врагов от друзей

Во время стачки на Новой бумагопрядильне жизнь в первый раз поставила рабочую массу лицом к лицу с революционерами Революционеры знали, конечно, зачем они идут к рабочим, хотя и не совсем верно учитывали роль рабочего класса в разгоравшейся борьбе с деспотизмом Но политически неопытная еще рабочая масса никак не могла взять в толк, что за люди революционеры и из каких побуждений они помогают рабочим

На этот счет среди рабочих существовали самые дикие представления. Одни их смешивали с „фискалами", т.-е. попросту со шпионами, другие же считали их тайными агентами самого царя, который сам хочет помочь рабочим, но ему мешают придворные и чиновники, и вот он подсылает этих людей, чтобы они донесли ему всю правду.

Только в процессе самой борьбы научились рабочие отличать революционера от „фискала" и стали понимать, что эти люди не только не имеют ничего общего с предержащею властью, но и являются самыми заклятыми ее врагами.

Вместе с тем они научились ценить знание и опыт этих людей и внимательнее относиться к их советам. Все это стало ясным для рабочих, конечно, не сразу, но во время стачки у Кенига уже сказались результаты этого опыта Теперь уже никакие полицейские строгости и запугивания не действовали на рабочих; они продолжали свои сношения с революционерами и, опираясь на их поддержку, продолжали твердо стоять на своем.

Стачка окончилась поражением рабочих: Кениг расчитал их всех и набрал себе новых. Но у рабочих такой исход их борьбы не убил веры в правоту дела, за которое они так энергично боролись,—наоборот, приучил их к стойкости, к умению не бояться лишений и разрушил много старых предрассудков. Революционеры же приложили все усилия, чтобы притти на помощь стачечникам, и постарались пристроить их на других фабриках.

Новые стачки в следующем—1879—году еще нагляднее показали, что вся предшествующая борьба не прошла даром для рабочего класса, но многому научила его.

15-го января на Новой бумагопрядильне было вывешено об'явление, по которому 44 ткача приглашались взять расчет, а мастер дал и комментарии к этому факту, пояснив, что выгоняют их за „бунтовство" и так будут поступать со всеми, кого начальство сочтет неблагонадежным

Общий взрыв негодования прервал эту нахальную речь мастера; об'явление было изорвано, и ткачи, прекратив работу, разбрелись по домам.

Слухи о стачке с быстротой молнии распространились по всему Петербургу. На фабрике Шау за Нарвской заставой, где эксплоатация рабочей силы давно уже давала себя чувствовать, эти слухи вызвали всеобщее сочувствие, и рабочие сами решили забастовать. На следующий же день человек 30—40 ткачей с этой фабрики явились на Обводный канал, чтобы сообща с рабочими

Новой бумагопрядильни обсудить положение и выработать общие требования. Общих требований выработать, однако, не удалось, так как условия работы на обеих фабриках несколько разнились, и у рабочих с фабрики Шау дело осложнялось тем, что хозяин эксплоатировал их не только как рабочую силу, но и как потребителей, заставляя закупать все продукты у себя в лавочке.

Поэтому требования вышли несколько разные. Общими были пункты об отмене штрафов за поломку инструментов, о наблюдении выборных от самих рабочих при браковке работы, об уплате за время стачки.

На общем собрании было также решено обратиться с воззванием ко всем петербургским рабочим за помощью, а также, что первые сборы должны достаться рабочим Шау, так как их хозяин мог сильнее принажать, перестав отпускать продукты из своей лавки. В случае победы на одной из фабрик, эти рабочие обязывались уделять бастующим часть своего заработка.

Чрезвычайно любопытны те воззвания, с которыми обратились рабочие обеих фабрик ко всем петербургским товарищам. Оба воззвания были написаны самими рабочими и выпукло характеризуют настроение рабочих в то время.

«Братья!—писали рабочие с Новой бумагопрядильни.—У нас, на Новой канаве *), стачка уже не в первый раз.

Недавно также была стачка у Кенига за Нарвской заставой,—каждый раз мы писали просьбы, обивали пороги у всякого начальства; теперь мы видим, что начальство стоит за хозяев, а не за рабочих и никогда хозяина на рабочих не сменят! **).

Что же нам делать? Неужели же позволять хозяевам мудрить над нами, как им вздумается?

Оттого над нами и брали верх, что недружно мы стояли. Не только с разных мастерских, и с разных фабрик должны помогать друг другу... Поддержите нас—соберите у себя сбор, кто что может; мы назначим у себя выборных и дадим кому победнее».

Та же мысль проводится и в воззвании рабочих с фабрики Шау:

«У каждого много неудовольствий на хозяина; много раз пытались мы действовать по-одиночке. Редко когда выходило на нашу сторону, а чаще мы кланялись хозяевам, чтобы опять приняли к себе.

*) Этим именем рабочие окрестили Обводный канал.

**) Когда на этот раз сами революционеры напомнили рабочим о подаче прошения, те только смеялись в ответ: „Вот дураки-то были“,—говорили они.

Да врозь нам и тягаться нечего. У них деньги, за них начальство; каждый раз, чуть что заговорят рабочие,—сейчас: «вы—бунтовщики; вас за это туда, сюда!»

Теперь надо попробовать действовать дружно, вместе!

Верьте, братья, так лучше будет. Ведь, нас здесь одних фабричных—сила; пусть-ка они попробуют одолеть нас всех.

Теперь мы так и будем делать. Как где бросили работу, другие—чтобы помогать: самим нельзя пристать, так хоть деньгами помочь».

Оба воззвания кончались возгласом: «Все за одного, один за всех!».

Этот призыв к солидарности был брошен в рабочую массу тогдашними революционерами, которые поместили его в одной из своих прокламаций, выпущенной незадолго до последней стачки.

Но этот призыв тотчас был подхвачен самими рабочими; их привела к этому же выводу сама борьба, но сами они не сумели выразить это так кратко и ясно.

«Все за одного, один за всех!» С этого момента этот клич заканчивает все воззвания, написанные самими рабочими.

С особенной непосредственностью и боевым энтузиазмом вырвался он из груди рабочих у Максвеля.

Г. В. Плеханов в своих воспоминаниях *) рассказывает, что однажды ему, как редактору издававшейся в то время в Петербурге революционной газеты «Земля и Воля», подали запечатанный конверт, в котором он нашел два листка, которые были исписаны каракулями, удостоверявшими, что писавшая их рука привыкла более обходиться с веретеном, чем пером, и которые были озаглавлены: «Голос рабочего народа, живущего и работающего у подлеца Максвеля».

Помимо обычных способов эксплоатации рабочих, на фабрике Максвеля доходной статьей для ее хозяина были выстроенные им казармы, жить в которых он приневоливал своих рабочих.

Наболевшее чувство рабочего человека, видевшего ясно все хозяйские прижимки и чувствовавшего свое собственное бессилие, пока он один, сказалось удивительно ясно и сильно в следующих строках, заимствуемых нами из этой прокламации.

«Обещал нам хозяин всяких милостей, да не дождаться нам от него ничего, как от козла ни шерсти, ни молока.

Вогнали нас жить в дом Максвеля, да заставили платить за угол по 2 р. 25 к. в месяц с каждого человека. Теперь, братцы, нас

*) Г. В. Плеханов. „Русский рабочий в рев движении".

живет тут более 900 человек—значит, за четыре-то с лишним года мы заплатили хозяину за одну квартиру более 85 тысяч. А он свинья, недоволен нами, и если кто захочет по своей надобности выехать из этого проклятого гнезда, так сейчас дает расчет и говорит: «А! Так ты хочешь получать жалованье, а не хочешь, у хозяина в доме жить! Хозяин тебя кормит,—значит, ты ему и свой заработок отдай; а не хочешь—ступай на все четыре стороны!».

А нешто, братцы, кормит нас он? Вишь, бедный, сам голоден сидит! Видно, оттого у него и пузо-то лопнуть хочет! Нет, братцы, он от нас только и кормится! Мы ему каждый день зарабатываем не одну тысячу!..

Так будем, друзья, поумнее!.. А то скоро хозяин совсем разжиреет,—сядет на нас, да и поедет... Встанем же подружней, надавим хозяина, подлеца, посильней, да будем говорить посмелей:

Братцы, все за одного, один за всех"!

Между тем, стачка продолжала разрастаться. К ткачам на Новой бумагопрядильне через несколько дней присоединились прядильщики.

Воззвания рабочих, попадая на другие фабрики, всюду вызывали сочувствие и стремление так или иначе помочь товарищам в нужде.

Во многих местах производились в пользу стачечников сборы, а кое-где дело дошло и до стачек. Так, на Выборгской стороне чуть было не вспыхнула стачка из-за ареста одного рабочего, заподозренного в разбрасывании прокламаций. На ткацкой же фабрике Чешера рабочим удалось, при помощи одной угрозы стачкой, добиться повышения платы.

Волнения рабочих происходили также на Охте и в других местах,—всюду чувствовалось пробуждение от сна грозного великана, чья мускулистая рука, по пророческому предсказанию Петра Алексеева, должна была в конце концов разрушить до основания „царство гнета, насилия и тьмы".

Но это пробуждение чувствовали не только сами рабочие,—его тотчас же почуствовала и русская полиция, агенты которой принялись шнырять по рабочим кварталам, намечая главарей и тотчас же их арестовывая.

Всего больше свирепствовала полиция в районе забастовавших фабрик, но и в других местах она не переставала арестовывать и высылать из столицы отдельных рабочих, раз слышала

с их стороны резкое суждение или явное недовольство своим положением.

По отношению же к несовершеннолетним стачечникам полиция решила применить и новое средство борьбы — наказание розгами.

Эти полицейские неистовства действовали на рабочую массу двояким образом: одних они запугивали, как бы временно оглушали, на других же, уже приученных предшествовавшей борьбой, они оказывали лишь ожесточающее влияние, но и в тех, и в других все больше и больше, под влиянием этого полицейского воздействия, открывались глаза на самую сущность общественных отношений, на роль власти в их борьбе и на собственную роль — роль рабочего класса в современном обществе.

Конечно, и теперь еще рабочий не отмежевался окончательно от других классов общества и не научился противопоставлять себя самого, как целое, классу капиталистов; он не научился еще видеть в правительстве лишь организацию классового господства над ним самим и над остальными угнетаемыми слоями народа, но вся история его борьбы ясно говорит, что русский пролетариат шел прямой дорогой в деле выработки основных элементов революционно-марксистского миросозерцания.

Указывая выше на роль революционной пропаганды в рабочей среде, мы говорили о некоторых недостатках этой пропаганды, именно об отсутствии в ней элементов, которые помогали бы рабочим вырабатывать свое собственное классовое миросозерцание.

Эти замечания касались, однако, одной лишь пропаганды; дело агитации у тогдашних революционеров, надо им отдать справедливость, стояло гораздо выше по той простой причине, что здесь революционеры должны были плыть за общей волной стихийного движения, подчиняясь его неумолимой логике.

Их роль при этом, как людей с большими знаниями, с большим опытом, сводилась к тому, чтобы, насколько возможно, координировать борьбу и ясно и понятно формулировать те выводы, к которым приводила эта борьба и которые смутно сознавались и самими рабочими.

То, что эту роль тогдашняя революционная интеллигенция исполняла относительно хорошо, доказывает, как доверие к ней рабочей массы, постепенно возраставшее, так и быстрое восприимание ею выставляемых лозунгов.

Правда, в одном отношении недостаток сказывался и в области агитации: революционеры не стремились использовать все факты вмешательства власти в борьбу рабочих в смысле политической агитации и пропаганды определенных политических требований, но эта ошибка революционеров была в то время неизбежна, так как целиком покоилась на их собственном народническом мировоззрении, которое клеймило изменой народному делу всякое выставление требований политической свободы.

К тому же то, что забывалось или не понималось самими руководителями борьбы, доделывала сама жизнь.

Скоро сказались и результаты этого воздействия самой жизни: рабочее движение в лице „Северного Союза русских рабочих" отмежевалось от движения народнической интеллигенции, а рабочая мысль далеко опередила мысль народническую, которая продолжала еще топтаться на одном месте.

Вернемся, однако, к стачке.

Неистовства полиции, как мы уже указывали, коснулись, главным образом, рабочих Новой бумагопрядильни и Шау. Но в то время, как последних они запугали и довольно быстро принудили сдаться, на рабочих первой фабрики они не произвели другого действия, кроме озлобления.

Собравшись на другой день после одного из первых набегов полицейских опричников, рабочие этой фабрики приняли единогласно следующее заявление: *)

„Мы, рабочие с Новой бумагопрядильни, сим заявляем, что не пойдем на работу, пока не будут уважены все наши заявленные хозяину требования.

Что же касается полиции, то мы отказываемся от всякого вмешательства с ее стороны для примирения нас с хозяином, пока не будут освобождены наши товарищи,—люди, за которыми мы не знаем ничего худого.

Если их обвиняют в чем-либо, пусть судят их у мирового, причем мы все будем свидетелями их невинности.

Теперь же их арестовали и держат без суда и следствия, что противно даже существующим законам"

Это свое заявление они намеревались представить градоначальнику уже как требование, но не успели рабочие пройти и половины пути к дому градоначальника, как на них набросилась конная жандармская свора и изрядно побила и измяла, показав наглядно, как отвечает правительство на требования рабочих.

*) „Земля и Воля". № 4, 1879 г стр 8.

Между тем, аресты и высылки продолжались своим чередом, а в ночь после побоища полиция особенно поусердствовала.

„Печально встретили утро следующего дня рабочие Новой бумагопрядильни.

В некоторых квартирах не осталось ни одного жильца, и они были заколочены, точно после чумы. В других из 15 жильцов осталось всего 4—5 человек. Не было почти ни одной квартиры, где бы не был арестован хоть один жилец.

К этому прямому насилию присоединилось, так сказать, косвенное. Полиция ходила по мелочным лавкам и запрещала купцам выдавать рабочим в долг провизию... Квартирных хозяев, у которых рабочие снимали свои артельные помещения, понуждали требовать уплаты старых долгов, чтобы этим принудить рабочих выйти на работу" *).

Словом, все пружины полицейского воздействия были пущены в ход, чтобы сломить упорство рабочих; но добиться этого было не так-то легко: они продолжали стоять на своем, героически перенося все лишения. В минуты наивысшего напряжения этой борьбы вся среда бастующих представляла собой действительно братьев, готовых делиться последней копейкой, последним куском хлеба.

Вот, например, одна из многих картин, рисующих отношение рабочих к нужде товарища.

„Стоит толпа рабочих, человек 80—90. Толкуют о положении дел; сообщают о новых подвигах полиции; принимают те или другие решения.

— Послушайте, братья,—раздается из толпы голос,— я сегодня видал старика (называет имя); у него жена, ребятишки; верите ли, купил он давеча утром на гривенник харча, а завтра, что будет есть—и сам не знает. Надо бы помочь!

— Надо, надо!—соглашается толпа.

— Эй, Ванюха! обходи народ с шапкой!

Ванюха снимает картуз и обходит присутствующих. И тянется загрубевшая, мозолистая рука фабричного, и кидает он в шапку серебряные и медные монеты, причем положивший мало считает долгом извиниться собственным стесненным положением.

— Вот что, братья, я только 3 копейки кладу,—ну, ей-богу самому есть нечего.

— Знаем, знаем,—отвечают ему:—ты об этом не говори, а кто что может, то и клади!

*) Г. В. Плеханов. „Русский рабочий в револ. движении", стр. 49

В шапке оказывается несколько рублей, которые и вручаются кому-нибудь из присутствующих для передачи по назначению.

Иногда тот, для кого делаются такие сборы, оказывается присутствующим в толпе, и тогда деньги передаются ему непосредственно.

— Спасибо вам, братцы!—кланяется тронутый рабочий.— Дай вам бог...

— Не на чем, не на чем! Мы должны помогать друг дружке; дело общее; мы тебе собрали от всего общества,—возражают ему.

— Пауки *) через забор глядят,—раздаются тоненькие голоса подручных, выставленных на разведки,—и толпа начинает расходиться" **).

Рабочие продержались еще около двух недель, но затем принуждены были сдаться, получив лишь самые незначительные уступки.

И, однако, несмотря на поражение, эта стачка имела огромное значение в смысле развития рабочей солидарности и сознания.

Закаленный совместной борьбой, приучившись сообща сносить страдания и лишения, русский пролетариат проникался сознанием необходимости твердо стоять „каждый за всех и все за каждого" и становился грозным для своих врагов даже в дни своего поражения.

Рабочее движение не ограничивалось, конечно, одним Петербургом; но сведения о нем по остальной России еще слишком неполны и отрывочны.

Помимо описанных выше стачек конца 70-х годов, самыми выдающимися фактами из этой области были: стачки рабочих железнодорожных мастерских на Большом вокзале в Одессе в 1877 году и рабочие волнения в Ростове-на-Дону в 1879 году.

Кроме того, более или менее значительные волнения рабочих происходили на Московско-Курской жел. дор. в Москве в 1877 г., в Киевских железнодорожных мастерских в 1879 г., на фабрике Зубкова в Иваново-Вознесенске в 1879 г., в Серпухове на фабрике Коншина, на фабрике Третьяковых и Ильиной в 1879 г., на фабрике Шипова в Москве в 1878 г., на фабрике Диля в Московской губ. в 1879 г., на Долматовской мануфактуре Миндовского и Кокорева в Кинешемском у. Костромской губ. и в целом ряде других мест, о которых, к сожалению, не сохранилось сколько-нибудь точных сведений

*) Так прозвали рабочие шпионов.

**) „Земля и Воля", № 4, 1879 г., стр. 9.

В Киевских железнодорожных мастерских рабочие об'явили забастовку вследствие удлинения рабочего дня вместо 10 до 11 часов. В числе требований они выставили также и требование обратного приема на службу 17 товарищей, не подчинившихся этому удлинению рабочего дня и за это уволенных. В стачке приняло участие свыше 2000 рабочих, и после непродолжительной борьбы выставленные ими требования были удовлетворены.

На фабрике Коншина в Серпухове 4000 чел. рабочих поднялись на борьбу из-за снижения заработной платы администрацией фабрики и добились восстановления прежних условий, а на фабриках Третьяковой и Ильиной, на которых в общей сложности также бастовало около 4000 рабочих, им удалось даже добиться повышения заработной платы.

На фабрике Зубкова в Иваново Вознесенске в июле 1879 г. рабочие также стали требовать повышения заработка. Когда одной смене рабочих заработная плата была поднята на 8%, другая смена потребовала себе прибавки в 10%.

Владелец фабрики готов был уступить и этой смене, но во время переговоров с рабочими, будучи в нетрезвом виде, неосторожно проговорился, что эту надбавку в сезон летних работ фабрика постарается с лихвой вернуть в зимние месяцы — „за сделанную прибавку мы на вас зимой наездимся“,—откровенно грубо заявил он рабочим.

Это подлило масла в огонь: и без того возбужденные борьбой рабочие потребовали тогда, чтобы вырванная им надбавка была сохранена не до 1-го октября, как они требовали раньше, а до пасхи.

Фабрикант послал за полицией, но вместо нее прибыл начальник жандармского управления.

Рабочие стойко стояли на выставленном ими требовании и не поддавались никаким уговорам. Уступка рабочим в конце-концов была сделана в виде надбавки к получаемой заработной плате 12%, но только до Покрова

На фабрике Диля в Московской губ. активно выступили всего пять рабочих, но устроили настоящий „бунт“.

Дело было в следующем При выдаче новых расчетных книжек эти пять человек потребовали, чтобы в них была обозначена плата за работу по расценочным таблицам; когда же им в этом было отказано, они демонстративно потребовали расчет.

Как ни законно было подобное требование этих пятерых смельчаков, но администрация поспешила об'явить их „бунтовщиками", их протест был приравнен к стачке: на основании циркуляра 1870 г. двое из них были высланы по этапу в Архангельскую губ., а три чел. попали в Вологодскую губ.

В Москве на фабрике Шипова рабочие, выставив администрации завода новые требования, для поддержания их собрались большой толпой перед заводской конторой, причем над толпой развевалось несколько рогож, высоко надетых на палки.

Стачка в Одессе была начата литейщиками из-за понижения заработной платы. Она замечательна как своим упорством, так и солидарностью всех остальных литейщиков Одессы со стачечниками. Администрация мастерских пыталась заменить забастовавших рабочих другими с частного завода, но туда „пришли литейщики-стачечники; вышли тамошние и побратались со стачечниками" *).

Так же неудачна была и вторая попытка администрации прекратить стачку, выписав рабочих из Херсона. Стачечники убедили приехавших отказаться от работы на вокзале и постарались их пристроить на других заводах. Стачка продолжалась 3½ недели, и за все это время ни один одесский литейщик не захотел пойти против своего-же брата рабочего и ни один не стал штрейкбрехером.

В следующем же 1878 году одесские рабочие приняли живое участие в бурной уличной демонстрации, организованной в связи с политическим процессом Ковальского и др.

Волнения в Ростове-на-Дону вылились в форму бунта против полиции. Накоплявшееся чувство протеста в рабочих массах прорвалось по поводу ареста одного рабочего, которого по дороге в участок полицейские немилосердно избивали. Но стоило только избиваемому крикнуть: „братцы, заступитесь, изувечат меня в части!" И толпа рабочих, на глазах которой происходило это избиение, дрогнула и, как один человек, бросилась отбивать у полиции арестованного. Годы гнета и бесправия успели накопить много горючего материала, а чувство протеста против своего подневольного положения, раз проснувшись, разлилось широкой волной по всему Ростову. Отбив арестованного, толпа, состоявшая почти исключительно из рабочих и продолжавшая все время прибывать, принялась штурмовать участки, эти современные российские Бастилии в миниатюре, и к концу дня разгромила их все.

*) «Община», 1878 г. №№ 3—4, стр. 27.

Власти в ужасе попрятались и бежали из города, и два дня весь Ростов находился в руках рабочих.

Город представлял странное зрелище: все улицы, примыкавшие к полицейским участкам, были завалены разломанной мебелью, канцелярскими книгами, папками и обрывками бумаг, устилавшими, как снег, мостовую, и нигде во всем городе ни одного городового.

Но рабочая масса, разгромив участки, не знала, что ей делать дальше. Революционный порыв, не находя себе дальнейшего применения, тотчас же упал, а к вечеру на сцену выступили ростовские босяки, которых там, как в портовом городе, всегда было весьма много, и бросились громить публичные дома и трактиры.

Только на третий день прибывшие войска прекратили этот разгром и водворили законный порядок, а вслед за войсками поспешила вернуться в свои разгромленные участки и ростовская полиция.

Это ростовское выступление рабочих масс явилось стихийным проявлением того недовольства, которое годами накоплялось под влиянием гнета и произвола со стороны администрации и фабрикантов, которыми была окружена повседневная жизнь рабочего.

Совершенно неорганизованное, оно мгновенно выросло до грандиозных размеров из сравнительно ординарного факта административной расправы, но так же быстро оно и погасло, не принеся, конечно, рабочим никакой реальной пользы,—она только показала им их собственную грозную силу.

По сообщению Г. В. Плеханова, прибывшего в Ростов на-Дону на другой же день после успокоения, к городу уже было двинулись несколько сот шахтеров из района Донецкого бассейна, но, узнав о прибытии войск, вернулись обратно.

Подводя итоги стачечному движению конца 70-х годов, приходится отметить прежде всего, что, несмотря на возраставшую интенсивность этого движения, оно еще мало чем отличается от предыдущего периода рабочей борьбы.

Выросшая интенсивность движения об'яснялась тем под'емом промышленности, который наступил в России по окончании русско-турецкой войны, который сулил грандиозные барыши русским предпринимателям и который поэтому должен был пробудить и в рабочем классе России смутные надежды на успех совместных выступлений для улучшения своего положения

Если в предыдущую полосу движения преобладала оборонительная борьба рабочих, начинавших довольно энергично протестовать против снижения заработной платы, увеличения длины

рабочего дня и всяких других прижимок, то теперь, как видел читатель, рабочие начинают переходить и к борьбе наступательной, чтобы попытаться вырвать у отдельных капиталистов те или другие уступки.

Но в движении рабочих масс еще очень мало сознательности и организованности; наоборот, в нем преобладает стихийность, еще сильна вера в заступничество власти, еще нет четкого противопоставления себя классу эксплоататоров.

Причиной всему этому являлась прежде всего недостаточная развитость экономических отношений в стране, недостаточная зрелость и оформленность самого рабочего класса, значительная часть которого одной ногой еще продолжала стоять при земле и сохраняла, благодаря этому, патриархально-кабальную психологию и в отношении фабрики и фабриканта.

Поэтому, в тех местах, где, как в Петербурге и в промышленных центрах юга, экономическое развитие успело уйти значительно вперед, где сам рабочий класс постепенно становился все более оформленным и приобретал известную зрелость, там рабочее движение успевает сделать несколько шагов вперед и начинает выливаться в формах, дотоле невиданных в России, но которые уже тогда свидетельствовали, что пролетариату России предстоит в будущем играть роль решающего фактора в общественной жизни страны.

IX.

„Южно-русские союзы рабочих"

Первая попытка организовать рабочих в союзы была произведена на юге России

Первый такой союз—„Южно-русский рабочий союз"—возник уже в конце 1873 г. или в самом начале 1874 г. в Одессе, затем распространился на Ростов на-Дону и некоторые другие южные города.

Организатором союза явился Е. О. Заславский, который еще в 1872 г. начал пропаганду среди одесских рабочих и организовал там кружок на заводе Беллино-Фендериха.

Кроме него, более близкое участие в союзе принимали: итальянский подданный М. П. Сквери, рабочий литейщик чугунно-литейного завода Гулье-Бланшард—Ян Рыбицкий, Ф. И. Кравченко, В. Я. Мрачковский, бывший матрос Степан Лущенко и ряд других лиц.

К сожалению, эта страница истории нашего рабочего движения еще недостаточно освещена, а, между тем, она является особенно интересной, так как представляет первую по времени попытку создания самостоятельной рабочей организации, выработавшей свою программу и успевшей пустить корни в ряде южных городов.

Сама программа союза нам до сих пор неизвестна и лишь в обвинительном акте по его делу приводится отрывок устава ее, по которому эта рабочая организация, „сознавая, что установившийся экономический и политический порядок не соответствует истинным требованиям справедливости, что этот порядок может быть изменен только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основою личного и общественного благосостояния, что этот переворот может осуществиться только после сознания рабочими их безвыходного положения и после их полного об'единения",—ставила своею целью:

а) пропаганду идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов;

б) об'единение рабочих Южно-Российского края;

и в) будущую борьбу с установившимся экономическим и политическим порядком *).

На суде, разбиравшем дело „Южно-Русского союза", было прочитано письмо „Союза" к северным товарищам, в котором авторы его подчеркивали, что они считают своей ближайшей задачей борьбу за политическую свободу:

„Не подумайте,—писали они,— что мы отказываемся от великой конечной цели—переустройства всего общественного строя и перехода орудий труда в руки трудящихся. Мы только считаем, что этой цели всего легче добиться уже по завоевании политической свободы".

Евгений Осипович Заславский—главный организатор „Южно-Русского союза"—рисуется в воспоминаниях участников этого движения далеко незаурядной личностью.

Дворянин по своему происхождению, Е. О. Заславский, прибыв в Одессу, открыл там собственную типографию и занялся отысканием связей в рабочей среде г. Одессы.

В организованных им кружках он самолично вел пропаганду, стремясь, по возможности, не допускать в среду распропагандированных им рабочих других интеллигентов.

Работа его характеризовалась двумя чертами: она довольно сильно отличалась от обычной бунтарской пропаганды того времени, а создаваемые им организации мало походили на заговорщические кружки обычного народнического типа.

Помимо популярно-агитационных брошюр вроде „Хитрой механики", „Сказки о четырех братьях" и т. п., Заславский старался распространять среди рабочих, главным образом, книги и газеты, посвященные задачам рабочего движения.

Так, например, он раздавал лондонское издание „Работника", знакомил с историей Интернационала, рекомендовал такие сочинения, как „Очерки фабричной жизни", „Артели рабочих", „Паровая машина" и ряд других.

Существовавших в то время в Одессе народнических революционных кружков Заславский сознательно сторонился и принимал все меры, чтобы не допустить их к создаваемой им рабочей организации.

„Если кто-либо из интеллигентов,—вспоминает М. П. Сквери о Заславском,—случайно попадал к нам на сходки, он начинал волноваться, утрачивал свое обычное спокойствие, и сходка каким-то непонятным, неожиданным образом наполнялась шумным

*) В. Базилевский «Госуд. преступления в России», т II, стр. 421.

и горячим спором. Он обвинял интеллигентную молодежь в ребяческой склонности к ненужной конспирации и таинственности.

„Они своими переряживаниями только обращают на себя внимание,"—говорил он смущенно.

„Снуют без надобности с квартиры на квартиру, с явки на явку, и всегда не просто, а с предосторожностями, с оглядкой, переряживаясь несколько раз в день, и тем только выдают себя и других".

В своей организационной работе Е. О. Заславский был также своеобразен.

Он начал с организации среди распропагандированных им рабочих библиотеки.

Такая библиотека составлялась из легальных книг, управлялась самими рабочими и пополнялась на взносы, собираемые с членов.

Помимо библиотеки он же положил начало организации среди одесских рабочих кассы взаимопомощи, кооперативной лавки, даже кооперативной бани и типографии.

При этом Заславский обычно бросал лишь самую идею той или иной организации, которая быстро подхватывалась и осуществлялась самими рабочими.

Таким путем возникла первая одесская библиотечка рабочих, а вслед затем такие же библиотечные кружки стали возникать и по другим южным городам

Заславский вел свою революционную работу очень осторожно и в течение 2—3 лет успел воспитать и подготовить к революционной деятельности несколько десятков рабочих. В мае 1875 года несколько рабочиxx чугунно-литейного и механического завода Гулье-Бланшара, уже затронутые его пропагандой, задумали устроить ссудо-сберегательную кассу Эта мысль встретила сочувствие среди рабочих других заводов, но сами рабочие не могли справиться с делом и обратились за помощью к тому же Заславскому. Организованная им касса быстро разрослась, а затем была преобразована в рабочий союз. Союз постепенно стал переходить от чисто пропагандистской работы в кружках к агитационной деятельности, устраивая за городом небольшие массовки, на которые собиралось по 40—50 чел.; но агитация эта носила своеобразный характер: руководители „Союза" сознательно воздерживались от призыва рабочих к активной борьбе за улучшение своего положения, ограничиваясь лишь „выяснением рабочим их законных прав", „воспитанием в них чувства солидарности"

и стремились лишь „способствовать об'единению рабочих". На этой почве у руководителей „Союза" происходили стычки с тогдашними „бунтарями", которые стремились проникнуть в „Союз", чтобы побудить его к активным выступлениям. Достигнуть этого бунтарям не удалось, но под влиянием их агитации часть членов от „Союза" откололась, так как и в недрах его самого, по мере роста организации, отдельные рабочие начинали протестовать против сужения задач „Союза" и требовали более активной деятельности. Своим девизом „Союз" выставил лозунг „Все за одного и один за всех". Террористическая деятельность „Союзом" решительно отвергалась.

По некоторым данным можно предполагать, что Е. О. Заславский являлся сам сторонником учения Лаврова и эти же взгляды стремился привить и организованным им кружкам.

Но на-ряду с этим в его пропаганде было и что-то новое, отличавшее и ее, и программу Союза от господствовавших в революционном народничестве направлений.

Этим новым являлась мысль о самостоятельном об'единении рабочих для осуществления намеченной им программы.

Во всем остальном содержании программы „Южно-Русского союза", поскольку она нам известна, много еще утопичного, отдававшего дань распространенным народническим предрассудкам, но тем не менее подобная попытка создания рабочей организации была очень ценна прежде всего для дальнейшего развития форм рабочего движения.

Южно-русскому союзу не удалось закалить созданную им организацию в огне непосредственной борьбы рабочих. Быстро расширившаяся организация, ограничившая свою деятельность пропагандой, только начинала подходить к вопросам практической борьбы рабочих, когда ее в конце 1875 г. постиг провал.

Но ее опыт не пропал бесследно для русского рабочего движения.

В качестве одного из ближайших учеников Заславского в ней принимал одно время активное участие и Виктор Обнорский. В Одессу он попал в конце 1873 г., пройдя предварительно через ряд петербургских кружков чайковцев, и здесь, довольно быстро сойдясь с членами „Южно русского Союза" Я. Рыбицким, Кравченко и самим Заславским, Обнорский приложил свои руки к организации Одесских железнодорожников и рабочих завода Фалька.

Таким образом, опыт создания рабочей организации на Юге России в лице Обнорского был сохранен и помог последнему несколькими годами позднее более уверенно приступить вместе со Степаном Халтуриным к организации рабочего союза в тогдашнем центре рабочего движения—Петербурге.

„Южно-русский" Союз успел сгруппировать вокруг себя до 200 чел. рабочих, главным образом, в г. Одессе, но небольшие ответвления его стали образовываться и по соседним городам: в том числе и в Ростове-на-Дону рабочими Н Наудачиным и И. Дорошенко, приехавшими туда из Одессы в средине 1875 г., было положено начало отделению „Союза", раскрытому только в 1879 году.

Одесская организация „Союза", в свою очередь, была разбита на ряд районных групп по месту концентрации рабочих; в уцелевших жандармских дознаниях из таких групп упоминаются: городская, в которую входили рабочие разных фабрик, расположенных в центре города, Вокзальная—из рабочих одесских жел.-дор. мастерских и Бланшаровская—по фачрике Бланшара. Всего же их было по Одессе до семи и в каждой группе в центре был кружок из 5—6 наиболее преданных делу рабочих. Надо, впрочем, добавить, что далеко не все члены союза были одинаково активны. Большинство ограничивалось только чтением литературы, да нерегулярным посещением собраний, более же активное ядро состояло из 50—60 чел., и это действительно были все люди, целиком преданные рабочему делу.

Когда организацию постиг провал и большинство из них попало в лапы жандармов, последним не удалось ни от кого из них добиться признаний и откровенных показаний; и в этом была заслуга самого Заславского, который сумел из своих ближайших учеников создать стойких и сильных борцов за рабочее дело.

Вот в каких ярких образах обрисовывает М. П. Сквери отдельных рабочих,—участников „Южно-русского Союза".

„Степан Лущено, степенный пожилой рабочий, работавший по очистке чугунного литья. Он был матросом на военной службе и побывал в плавании на Дальнем Востоке, в Китае и Японии.

«Среднего роста, костистый, сухой и закаленный, с широкой светлой бородой лопатой, с мягким взглядом маленьких впалых глаз из-под широкого выпуклого лба и строго сдвинутых бровей, он был несловоохотлив и пользовался среди рабочих большим авторитетом и уважением за свою сдержанную рассудительность, прямоту и неподкупную честность".

„Это был сильный и стойкий человек, способный и на костре не изменить на йоту своему слову».

„Глубоко вросший в рабочую среду, заботливо и трогательно любящий семьянин, он осмотрительно и туго воспринимал все новое, не умея увлекаться, но то, что было им воспринято, срасталось с ним, входило в плоть и кровь навсегда".

В ином роде был Ян Рыбицкий, также рабочий литейщик.

„Чрезвычайно общительный и живой, находчивый, радостно приветливый, несколько тщеславный и экспансивный, он умел заинтересовать, с каждым поговорить и всегда сводил разговор к протесту и осуждению существующих порядков".

„Все, что он умел и знал, немедленно пускалось в оборот; он сразу поражал и заинтересовывал, но при ближайшем знакомстве наступало разочарование".

„Казалось, что он не оправдал ожиданий, что он поверхностен и не глубок, что в нем нет внутренней силы и содержания".

„Происходило это оттого, что всю свою силу и горячее убеждение, все, что он знал и мог, он выявлял сразу... и в этом было его достоинство, как агитатора".

Таковы характеристики ближайших сподвижников Заславского по организации союза

В конце декабря 1875 года, по доносу мастерового на пассажирской станции „Куликово" — Толстоносова, существование союза было открыто, и он был ликвидирован жандармами

Последние сразу же прекрасно поняли, какую опасность, как для русского самодержавия, так и для буржуазного строя вообще, представляла эта организация рабочих

Донося в министерство внутренних дел о раскрытии союза, одесская жандармерия подчеркивала то обстоятельство, что эта организация почти исключительно состояла из рабочих и обнаружила необычную для того времени стройность и разветвленность.

Указывая, что это сообщество проповедывало „уничтожение всякого правительства, собственности, капитала и всех существующих социальных порядков", жандармы советовали министерству сделать процесс показательным, чтобы восстановить все буржуазное общество против рабочих-социалистов.

Но петербургское правительство не разделило взгляда одесской жандармерии, что подобный процесс „сможет иметь отрезвляющее на общество влияние"; оно, наоборот, постаралось провести его незаметно, но зато, разделив взгляд на чрезвычайную

опасность подобных организаций, постаралось расправиться с «Союзом» с возможной жестокостью.

Дело о нем закончилось приговором особого присутствия сената в 1877 г., по которому Заславский был приговорен к 10 годам каторги, Кравченко и Рыбицкий—к 5 годам каторги, Мрачковский, Сквери и еще трое—к ссылке в Сибирь на поселение; несколько человек, и в том числе Лущенко, попало в арестантские роты и несколько—в тюрьму.

В 1879 г. под тем же названием в Одессе возник новый „Союз", программу для которого составил П. Б. Аксельрод, а устав был выработан Стефановичем.

С прежним „Южно-русским союзом" Заславского эта новая организация не имела преемственной связи.

Сам П. Аксельрод сообщает о возникновении этого союза и выработанной им программе следующие данные:

„В начале лета 1879 г. я очутился в Одессе. Здесь я решил направить свое главное внимание и силы на пропаганду среди рабочих и на организацию кружков из наиболее развитых и активных их представителей.

Время было страшно тяжелое: сильнейшие репрессии, чрезвычайное истощение революционных сил и предстоявшие вскоре приговоры и казни,—все это создавало атмосферу, в лучшем случае питавшую террористические симпатии и настроения, но отнюдь не благоприятную пропагандистской и организационной деятельности среди рабочих. Некоторые, наиболее сознательные из них, тяготели к террору. Однако, когда я, обложив себя со всех сторон брошюрами, явился однажды в условленное место к ожидавшим меня нескольким рабочим, то они, как пряники, расхватали их. То же самое было и во всех других случаях, когда я сходился с рабочими и предлагал им брошюры или даже „Общину", которую тогда могли кое-как понимать очень немногие из наиболее развитых рабочих. Постепенно я все чаще и чаще начал встречаться с наиболее интеллигентными из них; бывал иногда и на небольших сходках, где собиралось максимум 15 человек. Затем я начал пропагандировать среди них мысль о необходимости им сорганизоваться и выступить со своей программой и, действуя не против, а сообща с интеллигентными организациями, принести общему революционному движению максимальный успех, в интересах крестьянства и городских рабочих.

Программа, насколько помню, состояла из трех частей: принципиальной, формулировавшей основные цели и задачи, во второй

заключалось требование перехода всей земли во владение крестьян на общинных началах, в третьей находились требования частных реформ под общим заглавием: „Поводы для агитации".

Эти ближайшие требования я мотивировал указанием на то, что освобождение рабочих масс может быть только их собственным делом, т.-е. результатом собственных их организационных усилий и борьбы за свои интересы; что организоваться и бороться массы способны только во имя таких требований, которые непосредственно и самым осязательным образом диктуются их настоятельными и повседневными нуждами и потребностями. К ним Союз должен был апеллировать в своей агитации. А обобщая все такого рода поводы, мы получаем ряд ближайших требований...

Таким образом, я построил своего рода логический мост, эклектически связывавший мои бакунинские принципы с практической программой, в сильной степени пропитанной социал-демократическими тенденциями". *)

В 1880 г. под этим же именем в Киеве возник новый союз, главными организаторами которого были Е. Ковальская и Щедрин.

Программа союза, известная нам по выдержкам обвинительного акта, не представляла ничего оригинального, а тактика отличалась резко от всех других организаций этого рода.

Союз отрицал целесообразность агитации и пропаганды, а равно и массовую борьбу рабочих посредством стачек и протестов и вместо них рекомендовал фабричный террор, т.-е. поджоги фабрик и мастерских, убийства владельцев заводов и наиболее ретивых лиц из фабричной администрации. Впрочем, отрицание стачек осталось в теории, и союз принял деятельное участие в стачке рабочих арсенала в 1880 г.

Но на-ряду с программой, приведенной в обвинительном акте по делу киевского союза, известен и другой ее вариант, который допускал борьбу за политическую свободу и даже признавал возможным заключение союза с либеральными организациями, причем указывал рабочим, что они не должны, заключая такой временный союз, забывать, что их собственные задачи гораздо шире; рабочим раз'яснялось, что подобная совместная борьба с либералами должна облегчить завоевание политических прав рабочим классом и последний, воспользовавшись добытыми правами, должен будет продолжать борьбу и дальше.

*) „Современный Мир" 1914 г. № 2. Л. Дейч. „От народничества к марксизму".

Главные руководители и организаторы союза примыкали к тому крылу народничества, которое к концу 70-х годов образовало организацию „Черный Передел", а экономический террор был заимствован ими из программы этой организации. Щедрин же, кроме того, принимал участие и в Северном союзе русских рабочих, правда, в период упадка этой организации, когда ее силы были уже надломлены разгромом.

Признание же ими желательности союза с либералами говорит за то, что они не были чужды и того уклона в народничестве, который нашел себе наиболее яркое выражение в „Народной Воле"; которая, как известно, первая выдвинула линию соглашения с либерализмом.

Уцелели две прокламации „Союза", изданные им по поводу событий 1-го марта 1881 г. В первой из них, помеченной 2 марта, т.-е. на следующий же день после убийства Александра II, говорилось:

„Мы, рабочие, „Южного Союза", думаем, что и десяток убитых царей не поможет народному горю, если этот самый народ не поднимется дружно, как один человек, и не выскажет свою волю.

„Если новый царь будет даже и лучше старого,—все-таки ему не понять нужды и горя народного; одному человеку не снять того гнета помещиков, фабрикантов и чиновников, который тяжким бременем лежит уже много веков на плечах рабочего люда".

Далее содержался призыв ко всем рабочим перестать надеяться на чужую помощь и к членам „Союза"—удесятерить работу по организации рабочих масс для борьбы за осуществление требований, которые „послужат первой ступенью заветных дум".

В качестве требований было выставлено:

„1) Законодательство фабричное, ограждающее рабочего от произвола капиталиста.

2) Свобода слова, сходок и рабочей печати.

3) Свобода союзов и ассоциаций.

4) Прекращение личных казенных платежей и увеличение рабочей платы.

5) Уменьшение рабочих часов, даровое обучение".

Вторая прокламация „Южно-Русского Союза", датированная 14 марта, детализировала те же самые требования, обращенные к новому самодержцу и посланные ему, как говорилось в самой прокламации, через гр. Лорис-Меликова. Она назначала месячный срок, в течение которого „Союз" обещал спокойно ожидать царского ответа.

Рабочие довольно охотно шли в „Союз", особенно после того, как угрозы его стали оказывать воздействие на фабрикантов и заставляли их идти на уступки.

Пропаганда велась исключительно двумя названными выше лицами и характером своим напоминала времена апостольской проповеди.

Обыкновенно поздно ночью где-нибудь в окрестностях Киева собирались рабочие; к ним приходили Ковальская или Щедрин и вели беседы на разные темы.

Число затронутых этой пропагандой рабочих было довольно значительно—достигало нескольких сот человек, но слабой стороной организации было то, что в ней не было других активных членов, кроме самих Ковальской и Щедрина, а они находили почему-то нужным держать свои связи с рабочими в строгом секрете от остальных революционеров; поэтому, когда оба они были арестованы, „Союз", лишенный руководителей и не успевший выделить на эту роль никого из своей среды, тотчас же распался.

Трудно сказать, бто давала киевским рабочим эта пропаганда в смысле их классового воспитания.

Отрицая, хотя бы только в теории, массовую борьбу пролетариата и заменяя индивидуальной террористической деятельностью, она должна была принижать активность рабочих.

Но, к счастью, в данном вопросе не руководители Союза привили членам его свои взгляды, но, наоборот; вступившие в Союз рабочие заставили руководителей взяться за организацию рабочих стачек вопреки их программе.

Проведенная этим союзом стачка в Киевском арсенале была вызвана следующими причинами.

Еще во время русско-турецкой войны рабочий день был увеличен на 2 часа, но тогда же начальство пообещало, что, как только война окончится, рабочий день снова будет сокращен до 10 часов.

Но обещание это не только не было исполнено, а при окончании войны рабочим еще сбавили заработную плату и ввели очень высокие штрафы. Так, напр., за опоздание хотя бы на пять минут штрафовали до 3 руб., такой же штраф был установлен и за жалобу рабочих на чинов администрации.

На заводе, кроме того, царили грубость, всякого рода издевательства над рабочими, а мастера практиковали даже и прямые поборы, удерживая в свою пользу определенный процент с жалования рабочих.

По настоянию кружка рабочих арсенала, входивших в Союз, последний выпустил специальную прокламацию, разоблачавшую все эти безобразия заводской администрации и требовавшую их немедленного прекращения.

„Если требование не будет исполнено в двухнедельный срок, гласила прокламация Союза, то Союз „предаст начальство арсенала суду, и наказание не замедлит постичь виновных".

Эта прокламация возымела действие.

Рабочий день был немедленно сокращен, штрафы несколько ослаблены и отстранен от выдачи жалованья мастер, которого Союз изобличал во взятках Все остальные требования были отклонены.

Тогда появилась вторая прокламация с 10 новыми требованиями, оканчивавшаяся более решительными угрозами.

Так как начальство на дальнейшие уступки не пошло, Союз привел свою угрозу в исполнение, убив помощника начальника арсенала Коробкова, о чем также об'явил специальной прокламацией.

Широкого распространения, однако, этот способ борьбы путем угроз и террористических актов не получил, и даже в Киеве массовая борьба рабочих продолжала развиваться своим обычным путем.

Такие же революционные кружки рабочих, более или менее значительные, существовали во многих промышленных городах, где только революционная интеллигенция пыталась заводить связи с рабочей средой. Последняя всегда оказывалась отзывчивой к пропаганде социалистических идей и достаточно революционно настроенной.

И как ни незначительны были результаты этой пропаганды вследствие ее внутренних недостатков, мы не можем все-таки отрицать за нею той заслуги, что она первая будила мысль рабочего и толкала его на борьбу и протест против непосредственного гнета.

А в борьбе чувства и мысль рабочего должны были еще более закаляться, и жизнь доделывала то, от чего уклонялась рука революционера,—в рабочем стихийно пробуждался пролетарий, сознающий свою кровную связь со своими братьями и готовый переносить страдания и лишения ради общей пользы.

Особенно сильным должно было быть воздействие жизни там, где сама борьба была всего сильнее, т.-е. на севере,—и, действительно, там она привела рабочих к идее самостоятельного рабочего движения и к выработке самостоятельной рабочей программы.

X.

„Северный союз русских рабочих."

Если мысль рабочей массы, усваивавшей первые уроки классовой борьбы, шла прямым путем к выработке ясного классового самосознания, то на более развитой, передовой слой петербургского пролетариата эта борьба должна была производить еще более могучее воздействие.

Напомним здесь, что классовая борьба западно-европейского пролетариата в тридцатых и сороковых годах прошлого столетия была тем непосредственным толчком, который заставил представителей тогдашней революционной мысли подвергнуть новому пересмотру всю прежнюю историю человечества и, в результате этого пересмотра, привел эту мысль, в лице Маркса и Энгельса, к формулированию основных начал научного социализма.

Таким же революционизирующим образом должна была действовать эта борьба и на передовой слой русского пролетариата. У представителей его существовало уже определенное миропонимание, выработанное отчасти благодаря собственным усилиям, отчасти же благодаря воздействию революционной интеллигенции, и оно в общем мало чем отличалось от миропонимания этой последней, т.-е. было в большинстве случаев народническим.

Народническое же миросозерцание складывалось в эпоху, непосредственно предшествовавшую и следовавшую за отменой крепостного права, когда общественные отношения были до невозможности перепутаны, а хозяйственный быт страны только-что начинал складываться на капиталистический образец.

Поэтому революционная мысль того времени невольно должна была платить дань царившей путанице и так же невольно отражала ее в программах.

Но капитализм в России, по сравнению с другими странами, шел вперед гигантскими шагами. Мы уже указывали на роль иностранного капитала, который переносил к нам промышленность в ее наиболее совершенной форме, со всеми новейшими усовершенствованиями и приспособлениями, с тысячами рабочих, сосредоточенными на одной фабрике, с персоналом обученных рабочих и мастеров.

На ряду с другими факторами, этот расцвет промышленности вел непосредственно все к большему расслоению пореформенного общества на классы и создавал на глазах у всех новый класс фабричных рабочих. К средине семидесятых годов этот новый общественный класс уже в достаточной степени выкристаллизовался из остальной аморфной массы, а еще через несколько лет он почувствовал в себе силы, чтобы выступить на борьбу и попытаться добиться для себя сколько-нибудь сносных условий для существования.

Этот новый факт не был, однако, учтен тогдашними революционными программами; попытки учесть его, правда, были, но они почти не коснулись программ, а видоизменяли лишь тактику, т.-е. способ воздействия на рабочих.

В программах же народников городской рабочий по-прежнему не получал самостоятельной роли. А в общественной жизни он начал приобретать с каждым годом все большее значение, как самостоятельная грозная сила.

Это несоответствие между программой и жизнью не бросалось, конечно, резко в глаза, но оно нарастало уже и тогда. Человеческая мысль на этот раз, как это всегда бывало и прежде, несколько отстала от развития самой жизни.

Но, тем не менее, это противоречие, продолжая существовать, смутно давало себя чувствовать. Программа говорила одно, а жизнь диктовала другое.

Особенно фальшиво должно было быть положение сознательных рабочих.

Народническая программа рисовала перед ними широкие перспективы крестьянской социальной революции и звала их „в народ", т.-е. в деревню; но крестьянский народ спал и оставался по большей части глух к их призывам. Среди него городские рабочие чувствовали себя чужими; они уже успели уйти далеко вперед и им порой было труднее подойти к крестьянину и сблизиться с ним, чем даже интеллигенту-революционеру.

Они как-то инстинктивно держались за свою почву, так как успели уже сродниться с жизнью города и его обстановкой. Да и „дела" для себя они видели больше здесь, чем в деревне; не могли не видеть и того, что „работа" в городе продуктивнее работы в деревне.

А, между тем, вершителем судеб родины был признан не город, а деревня; по программе народников только деревня с ее общинным устройством была готова к социалистическому строю,

город же с развивавшимся капиталистическим производством и его продуктом—фабричным пролетариатом, т.-е. в том числе и ими самими, являлся лишь отрицательной величиной.

Но на их глазах пролетариат, которому не было места в программе, начинал пробуждаться и научался говорить определенным языком классовых требований

По мере разрастания этой борьбы должна была давать им чувствовать себя вся фальшь программы, и более чуткие и одаренные из них не могли в душе не протестовать против такого самооплевания Сами рабочие, принимая самое энергичное участие в разгоравшейся борьбе своего класса, вкладывая в нее всю душу, инстинктивно чувствовали всю важность этой борьбы и не могли мириться с отводимой им ролью

Эти причины мы считаем главными и основными в деле создания первой самостоятельной рабочей организации—„Северного Союза русских рабочих"

Все остальное могло играть лишь побочную роль, могло несколько ускорить возникновение „Союза", помочь, так сказать, родам рабочей мысли, но не могло самостоятельно создать эту организацию, если бы отсутствовала основная причина, т.-е. несоответствие между революционной программой и практикой революционной борьбы.

К этим побочным причинам мы должны отнести знакомство отдельных рабочих, успевших побывать за границей, с формами борьбы западно-европейского пролетариата, затем пропаганду „лавристов", которые знакомили рабочих с деятельностью немецкой социал-демократии, и др.

Организация „Союза" началась, повидимому, еще в 1877 г., после двух описанных нами выше рабочих демонстраций, но окончательно сложился он только к концу 1878 г., в период наивысшего напряжения стачечной борьбы, когда только-что закончилась стачка у Кенига и близились стачки на Новой бумагопрядильне и у Шау.

Главными организаторами и руководителями его являлись слесарь Виктор Обнорский и столяр Степан Халтурин.

По возвращении из вторичной поездки за границу, где он успел побывать в Париже, Лондоне и Берлине, стараясь ближе познакомиться с западно-европейским движением, В. Обнорский вернулся в Петербург уже с готовым планом самостоятельной рабочей организации в голове и со шрифтом и прочими принадлежностями тайной типографии в походном чемодане. И тотчас же вместе с С. Халтуриным принялся за создание Союза.

В организации Союза, кроме Обнорского и Халтурина, близкое участие приняли следующие выдающиеся рабочие: Бачин, Бамбин, Виноградов, Волков, Гаврилов, Игнатий Гусев, Мясников, П. А. Моисеенок, Налетушкин, Павлов, А. Н. Петерсон, Д. Н. Смирнов, Чуркин и ряд других.

На генеральных собраниях „Союза" 23 и 30 декабря 1878 г. был окончательно принят устав „Союза" и выработана его программа, ясно и категорически заявлявшая, что „Союз" по своим задачам „тесно примыкает к социал-демократической партии Запада".

Эта программа выставляла ряд социалистических требований, и в этом отношении она мало чем отличалась от программы народников Но вслед за этими требованиями было и нечто, отличающее ее от последней, а именно—выставление определенных политических требований.

В то время, как народники отрицали политическую борьбу, клеймили политическую свободу „буржуазной" свободой, находя, что ею русский народ не сумеет воспользоваться, а воспользуется лишь одна буржуазия, чтобы еще более закабалить экономически неимущие классы,—рабочие открыто заявили, что считают политическую свободу одним из самых необходимых средств для осуществления социальной эмансипации.

Ввиду важности этого документа, составленного самими передовыми рабочими Петербурга, мы позволяем себе привести его целиком.

„Сознавая крайне вредную сторону политического и экономического гнета, обрушивающегося на наши головы со всей силою своего неумолимого каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего социального положения, лишающего нас всякой возможности и надежды на сколько-нибудь сносное существование, сознавая, наконец, более невозможным сносить этот порядок вещей, грозящий нам полнейшим материальным лишением и парализацией духовных сил,—мы, рабочие Петербурга, на общем собрании от 23 и 30 декабря 1878 года пришли к мысли об организации обще-русского союза рабочих, который, сплачивая разрозненные силы городского и сельского рабочего населения и выясняя ему его собственные интересы, цели и стремления, служил бы ему достаточным оплотом в борьбе с социальным бесправием и давал бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успешного ведения борьбы.

Организация Северного Союза Русских Рабочих должна иметь строго определенный характер и преследовать именно те цели, какие поставлены в ее программе.

В члены этого Союза избираются исключительно только рабочие и через лиц более или менее известных, числом не менее двух.

Всякий рабочий, желающий сделаться членом Союза, обязан предварительно ознакомиться с нижеследующей программой и сущностью социального учения.

Все члены Союза должны сохранять между собой полную солидарность, и нарушивший ее подвергается немедленному исключению. Член же, навлекший на себя подозрение, изобличающее его в измене Союзу, подвергается особому суду выборных. Каждый член обязан вносить в общую кассу Союза известную сумму, определяемую на общем собрании членов.

Делами Союза заведует комитет выборных, состоящий из 10 членов, на попечении которого лежат также обязанности по кассе и библиотеке. Общие собрания членов происходят раз в месяц, где контролируется деятельность комитета и обсуждаются вопросы Союза.

Собрание уполномачивает комитет только в действиях, являющихся непосредственно в интересах всего Союза.

На обязанности комитета лежит также право сношения с представителями провинциальных кружков и фракций рабочих России, принявших программу Северного Союза.

Провинциальные фракции Союза удерживают за собою автономное значение в сфере деятельности, определяемой общей программой, и подчиняются только решениям общих представительных собраний.

Центральная касса предназначается исключительно на расходы, необходимые для выполнения планов Союза, и на поддержку рабочих во время стачек.

Библиотека имеет целью бесплатно удовлетворять потребностям столичных рабочих, даже и не принадлежащих к Союзу.

Расходы на ее содержание и на выписку книг идут из кассы Союза и из сумм, жертвуемых рабочими.

Северный Союз Русских Рабочих, тесно примыкая по своим задачам к социал-демократической партии Запада, ставит своей программой:

1. Ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого.

2 Учреждение свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права.

3. Уничтожение поземельной собственности и замену ее общинным землевладением.

4. Правильную ассоциационную организацию труда, предоставляющую в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства.

„Так как политическая свобода,—заявляли рабочие,—обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий, так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями „Союза" должны быть:

1) Свобода слова, печати, право собраний и сходок.

2) Уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям.

3) Уничтожение сословных прав и преимуществ.

4) Обязательное и бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях.

5) Уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением.

6) Право сельской общины на решение дел, касающихся ее, как-то: размера податей, надела земли и внутреннего самоуправления.

7) Уничтожение паспортной системы и свобода передвижения.

8) Отмена косвенных налогов и установление прямого, сообразно доходу и наследству

9) Ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда.

10) Учреждение производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам

Вот в главных чертах та программа, руководиться которою поставило себе задачей общее собрание петербургских рабочих от 23 и 30 декабря.

Путем неутомимой и деятельной пропаганды в среде своих собратьев Северный Союз надеется достичь тех результатов, которые выдвинут и у нас рабочее сословие и заставят заговорить о себе, о своих правах; посему на обязанности каждого члена этого Союза лежит священный долг вести посильную агитацию в угнетаемой и отзывчивой на требования справедливости рабочей

массе. Услуга эта не останется забытой потомством, и славное имя его, как апостола евангельской истины, занесется в летописи истории.

Рабочие! Вас мы зовем теперь, к вашему голосу совести и сознанию обращаемся мы.

Великая социальная борьба уже началась, и нам нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобождения миллионов, и нам остается только примкнуть к ним. Рука об руку с ними пойдем мы вперед и в братском единении сольемся в одну грозную боевую силу.

На нас, рабочие, лежит великое дело—дело освобождения себя и своих братьев, на нас лежит обязанность обновления мира, утопающего в роскоши и истощающего наши силы, и мы должны дать его.

Вспомните, кто первый откликнулся на великие слова Христа, кто первый был носителем его учения о любви и братстве, перевернувшего весь старый мир,—простые поселяне...

„Мы тоже зовемся к проповеди, мы тоже призываемся быть апостолами нового, в сущности только непонятого и позабытого учения Христа. Нас будут гнать, как гнали первых христиан, нас будут бить и издеваться над нами, но будем неустрашимыми и не постыдимся их поруганий, так как одно это озлобление против нас покажет нам их бессилие в борьбе с нравственным величием идей, в борьбе с той силой, какую мы представим собою.

„Вы развращаете мир, скажут нам, вы разрушаете семью, вы пожираете собственность и оскверняете религию".

Нет, будем отвечать им, не мы развращаем мир, а вы, не мы причиною зла, а вы Напротив, мы идем обновить мир, возродить семью, установить собственность, как она должна быть, и воскресить великое учение Христа о братстве и равенстве.

Рабочие! Становитесь смело под наше знамя социального переворота, сомкнитесь в дружную братскую семью и, опоясавшись духовным мечом истины, идите проповедывать свое учение по городам и селам.

Ваше будущее лежит в этой спасительной пропаганде, и ваш успех зависит от нравственной силы вашей: с нею мощны вы, с нею вы покорите мир.

Знайте, что в вас заключается вся сила и значение страны, вы—плоть и кровь государства, и без вас не существовало бы других классов, сосущих теперь вашу кровь. Вы смутно сознаете это, но у вас нет организации, нет идеи, которой бы вы

руководились, нет, наконец, нравственной поддержки, столь необходимой для дружного отпора врагу.

Но мы, рабочие, организаторы Северного Союза, даем вам эту руководящую идею, даем вам нравственную поддержку в сплочении интересов и, наконец, даем ту организацию, в какой нуждаетесь вы.

Итак, за вами, рабочие, последнее слово, от вас зависит участь великого Союза и успех социальной революции в России!"

Так уверенно и бодро зазвучал еще в конце 70-х годов голос передовых петербургских рабочих. Много было наивного энтузиазма в этих апостольских призывах руководителей союза, много утопических надежд еще содержала в себе эта первая рабочая программа, но все это искупалось тем непосредственным чувством, с каким заговорил пробудившийся к самостоятельной политической мысли русский рабочий, и теми политическими выводами, к каким он пришел, сознательно порывая с основным заблуждением тогдашней народнической мысли о вреде политической борьбы и единственно возможным спасением от всех социальных бед исключительно через крестьянскую общину.

Отсутствие в этой программе аграрных требований позднее было дополнено пунктами „об увеличении наделов сообразно потребности семьи за счет незанятых и помещичьих земель".

Выставляя эти политические требования, организаторы „Северного Союза" порывали с программой народников и сознательно ставили крест над их утопическими надеждами на социальную крестьянскую революцию.

Много недодуманного и еще незрелого можно было бы найти в этой первой рабочей программе: от нее еще далеко до научного понимания проблем социализма, но не надо забывать, что это была первая попытка русской рабочей мысли определить самое себя, и надо помнить, какой огромный шаг вперед представляла она в сравнении с программами тогдашней революционной интеллигенции.

„Союзом" не была еще, как следует, усвоена идея классовой борьбы и поэтому в воззвании, приложенном к программе, говорилось, что своей задачей он считает „обновить мир, возродить семью, установить собственность, как она должна быть", и „воскресить великое учение Христа о братстве и равенстве".

Эта программа делает первую попытку соединить борьбу за социалистическое будущее с борьбой за политическую эмансипацию.

Необходимость такого соединения рабочие чувствовали всеми фибрами своей души, так как понимали, что только при политической свободе они смогут из разрозненных и бессильных стать могучей организованной силой; только пользуясь правом собраний и сходок, они смогут создать настоящие союзы; только при свободе слова и печати могут они повести, как следует, агитацию.

Для них необходимость борьбы за политическую свободу вытекала из их собственного положения в современном обществе и уровня сознательности рабочего класса, которую они правильно считали достаточной, чтобы воспользоваться плодами своей победы.

Могли ли заимствовать рабочие эти требования у революционной интеллигенции? Конечно, могли, но только раньше они должны были сами придти к сознанию их необходимости. Затем, у кого они могли их заимствовать?

Один из основателей „Союза"—Виктор Обнорский—довольно долго жил за границей и был близок к группе, издававшей революционную газету „Набат".

Сторонники этой газеты также настаивали на необходимости политической борьбы, но только понимали они ее несколько своеобразно. Говоря о политической борьбе, они имели в виду захват заговорщиками политической власти и в доказательство возможности и успеха такого заговора указывали на бессилие русского правительства.

А рабочие „Северного Союза", выставляя в своем воззвании-программе политические требования, обращались к своим товарищам, т.-е. к рабочему классу, с призывом направить свою борьбу, т.-е. борьбу классовую, на осуществление этих требований, указывая, что достижение их послужит могучим толчком и для полной экономической эмансипации, т.-е. для торжества социализма.

Нет, очевидно, не в газете „Набат" могли вычитать рабочие смысл политических требований. Еще менее могли помочь им в этом ортодоксальные народники того времени, которые чурались, как чорта, политической борьбы и готовы были ненавидеть политическую свободу, так как она могла, по их мнению, расстроить их планы на народное восстание.

Гораздо более вероятным могло быть влияние на основателей „Северного Союза" программ западно-европейских рабочих партий, но нам кажется, что сама программа этого „Союза" не подтверждает такого предположения.

При более близком знакомстве с политическими программами Запада, программа „Союза“ должна была бы быть более детализированной, между тем как она сохранила на себе отпечаток не вполне созревшей политической мысли: в ней, на-ряду с требованием политических прав для народа, свалены в одну кучу и меры по охране труда; сама политическая свобода, т.-е. право на свободу слова и печати, собраний и сходок, признается чем-то самодовлеющим, а не вытекающим из идеи народовластия.

Словом, в эту программу попало только то, до чего в данный момент доросла мысль рабочего и необходимость чего она сама научилась понимать.

На эту мнимую зависимость программы „Союза“ от западноевропейских программ указывали многие, и первыми поспешили сделать это сами народники.

Им, как учителям, должно было быть особенно обидным такое отношение „учеников“ к их собственной программе, которое ставило их в смешное положение курицы, высидевшей утят.

Отпечатав, по просьбе рабочих, их новую программу, они тотчас же поспешили предостеречь их от опасного „смешения программ разных социалистических партий“.

„Отрицание государства и требование коммунальной автономии,—говорится в статье, специально посвященной „Союзу“,—зачисляет наших товарищей в лагерь социалистов-революционеров, каковыми мы и желали бы видеть членов „Северного Союза“,—а последующие параграфы программы прямо взяты из катехизиса немецких социал-демократов“ *).

На этот упрек „Союз“ ответил письмом в редакцию «Земли и Воли“, в котором, не касаясь вопроса, откуда была заимствована политическая часть программы, отстаивал всю необходимость этих требований для рабочего класса в борьбе за свое освобождение; он указывал своим оппонентам-народникам, что как ни близко и дорого ему самому скорейшее освобождение от гнета социального, но он принужден считаться с опытом истории человечества, который ясно указывает, что всюду политическая свобода предшествует установлению социального равенства.

„Главное обвинение,—заявляли организаторы „Союза“ в своем ответе на статьи „Земли и Воли“,—сводилось к тому, что в нашей программе замечается путаница понятий и воззрений на различные оттенки революционной партии на Западе и в особенности (что-де

*) «Земля и Воля», 1879 г. № 4.

очень странно) замечается смешение социалистических требований с конституционными.

„Мы верим, что наша программа, действительно, должна была вызвать порицание именно этой стороной, но только мы, с своей стороны, ничего в ней нелогичного не видим. Ведь, собственно говоря, если мы разбираем какое-нибудь суждение, то нам нужно обратить внимание на то, есть ли в нем логика, а не на то, из чьих мыслей и слов это суждение.

„Между тем, многие, как видно, именно и обращают свое внимание только на последнее, и посему в своих замечаниях доходили до того, что требование политической свободы нами, рабочими, считали просто нелепым и невяжущимся с вопросом об удовлетворении желудка.

„Вот здесь-то, признаться, мы и не видим никакой логики, ничего, кроме недомыслия.

„Ведь, высказать подобные соображения—значит прямо отказывать нам даже в малейшем понимании окружающих явлений, значит прямо глумиться над нашими мозгами и приписывать разрешение социального вопроса одним только желудкам.

„Боимся, чтобы при таком узком разрешении, мы не поняли друг друга... Разве мы сами не знаем, что лучше быть сытым и мечтать о свободе, чем, сидя на пище святого Антония, добиваться свободы?

„Но что же делать, если логика желаний и помыслов уступает перед нелогичностью истории, и если политическая свобода является прежде социального удовлетворения?

„Нас можно было бы еще упрекать, если бы мы составили свою программу где-нибудь в Подлипной, обитатели которой дальше своей деревни да назойливого попа соседнего села ничего не видят. В этом случае наша программа, конечно, кроме усмешки, ничего бы не вызвала, так как представления о Сысойке, умеющем хорошо лущить древесную кору для своего желудка, и о политической свободе как-то не вяжутся. Но в том-то и сила, что мы уже вышли из условий этой жизни, начинаем сознавать происходящее вокруг нас, а главное, что и заставило нас выставить, повидимому, чуждые нам требования, мы составляем организацию не ради ее самой, а ради дальнейшей пропаганды и активной борьбы. Наша логика в данном случае коротка и проста. Нам нечего есть, негде жить,—и мы требуем себе пищи и жилища; нас ничему не учат, кроме ругательств и подпалочного

подчинения, и мы требуем изменения этой первобытной системы воспитания. Но мы знаем, что требования наши так и останутся требованиями, если мы, сложа руки, будем взирать с умилением, как наши хозяева... распоряжаются нашими животами...

„И вот мы сплачиваемся, организуемся, берем близкое нашему сердцу знамя социального переворота и вступаем на путь борьбы,—писали рабочие.—Но мы знаем также, что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, дозволить нам правильнее развить свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды,—и вот мы, ради сбережения своих сил и скорейшего успеха, требуем этой свободы, требуем отмены разных стеснительных „положений" и „уложений".

„Такое требование тем более удобовыполнимо, что оно по вкусу говорунам, этим деятелям будущей всероссийской говорилки, следовательно, на осуществление его рассчитывать не так трудно... Мы только говорим, что... политическая свобода все-таки очень важное условие для скорейшего переворота или более или менее осмысленного решения социального вопроса" *).

Стремясь отстоять свою программу от нападок интеллигенции, рабочие в то же время старались вообще обособить свою организацию от интеллигентных групп.

По уставу „Союза", членом его мог быть только рабочий; они хотели иметь свою программу, свою газету, свою типографию, свою, наконец, библиотеку. Что касается газеты, то такое желание об'яснялось прежде всего тем, что их не могли удовлетворять существовавшие в то время революционные издания, и им, естественно, хотелось создать такой орган, который стал бы могучим агитационным средством воздействия на рабочие массы.

Но помимо этого вполне естественного желания, рабочими, несомненно, руководило здесь и другое чувство. Указывая несколько раньше, каким путем должны были они придти к выработке самостоятельной программы, мы говорили, что первым толчком в этом направлении должно было служить то смутное обидчивое чувство протеста, которое вызывал в них конфликт между программой и жизнью.

Позднее, разобравшись в себе самих, рабочие ясно формулировали свое расхождение с тогдашней интеллигенцией, но прежнее смутное чувство, из которого возникло это расхождение, должно было остаться и сказывалось в их отношении к интеллигенции, порождая стремление быть во всем самостоятельными.

*) „Земля и Воля", 1879 г., № 5, стр. 10.

На практике „Союзу“ было трудно обойтись без помощи интеллигенции, и все-таки приходилось к ней прибегать, и надо сказать, к чести тогдашней интеллигенции, что она никогда не отказывала ему в своей помощи.

Планы участников „Северного Союза“ были самые обширные. „Союз“ предполагал раскинуть сеть своей организации по всей России, об'единив всех сознательных рабочих в самостоятельную рабочую партию, на подобие таковых в Западной Европе; предполагалось, как мы уже упоминали, иметь свою тайную типографию, в которой печаталась бы рабочая газета, редактируемая и составляемая самими рабочими. Предполагалось также завести библиотеку и развить усиленную агитацию и пропаганду в рабочей среде. Наконец, „Союз“ не думал уклоняться и от организации политических выступлений. Отдельные члены его носились даже с мыслями о подготовлении единовременной всеобщей стачки, о возможной поддержке борющемуся студенчеству. Но на первое время приходилось ограничиваться более скромными задачами. При слабой еще организации и недостатке боевых сил „Союз“ предполагал свою деятельность ограничить пропагандой и мирной агитацией, не исключающей, однако, руководства стачками. Была собрана недурная библиотека, книги из которой широко расходились по всему рабочему Петербургу. Много сил отнимала стачечная борьба, в которой все члены «Союза“ принимали самое энергичное участие.

Во время стачки на Новой Бумагопрядильне и на фабрике Шау „Союз“ особенно энергично проявил себя в руководстве этим движением рабочих и к моменту окончания стачки выпустил следующее воззвание:

„Рабочим от Центрального Комитета „Северного Союза русских рабочих“.

Братья!

Вам уже известно, что на-днях в Петербурге были две стачки рабочих: на фабрике Шау и на Новой Бумагопрядильне. Эти стачки были вызваны тем бедственным положением, которое испытывают рабочие при ничтожном вознаграждении за труд.

Но одна стачка скоро должна была прекратиться, потому что все рабочие были об'явлены бунтовщиками и расчитаны. 250 человек оказались совсем без работы, пищи и крова.

Стачка на Новой Бумагопрядильне продолжает держаться, но неизвестно, как долго продлится, если мы не употребим со своей стороны всех усилий.

Рабочие ходили к башибузуку Зурову заявить о своих требованиях, но по дороге были разогнаны жандармами и жестоко избиты: 11 человек отправлено в больницу; десятки наших товарищей сидят по разным частям и в пересыльной тюрьме. Остается только надеяться на себя и на своих братьев-рабочих.

Рабочие! Наше одинаковое бедственное положение требует, чтобы мы стояли и, насколько можно, помогали друг другу.

Вы знаете, что у нас, рабочих Северного Союза, существует касса, деньги из которой идут, главным образом, на поддержку стачечников.

Наша цель—помогать всем без исключения рабочим во время тяжелых невзгод. Наши интересы есть ваши, и наш успех в борьбе с кровопийцами-хозяевами зависит от дружного действия.

Окажем же посильную поддержку своим братьям и будем жертвовать всем, чем только можем, для правого дела.

Поэтому мы приглашаем всех сочувствующих доставлять пожертвования в нашу кассу, откуда они пойдут немедленно по назначению.

Еще остается сказать нам дружеское слово к бывшим рабочим Шау и рабочим Новой Бумагопрядильни.

Братья, боритесь и стойте за свое дело, насколько хватит ваших и наших сил. Этим вы покажете свою силу, и наши притеснители побоятся потом поступать с рабочими, как с собаками.

Знайте, что мы, рабочие Союза, готовы помочь вам всем, чем можем, и до последней крайности.

Вы не одни—мы с вами и всегда за вас, а нас здесь теперь целые сотни. Кликните только клич, и мы всегда первые отзовемся на ваши слова и первые встанем на вашу защиту.

Полного успеха желаем вам от всех наших братских сердец".

„Союзу" удалось также поставить свою собственную типографию и даже приступить к изданию газеты „Заря Рабочего", но первый номер ее был арестован вместе с типографией „Союза" тотчас по отпечатании, в конце февраля 1880 г., и почти целиком попал в лапы жандармов.

Во главе „Союза" стоял „центральный комитет", выбираемый самими рабочими; число членов его было довольно велико, и это обстоятельство делало его тяжеловесной организацией, мало приспособленной к русским политическим условиям. Практика скоро указала на эти недостатки, и тогда, помимо „центрального комитета", за которым по-прежнему было оставлено общее руководящее значение, был организован еще особый „распорядительный

комитет", которому разрешалось действовать самостоятельно в случаях, не терпящих промедления.

Деятельность „Союза" тормозилась еще и тем, что ему никак не удавалось прочно укрепиться. Усиливавшееся революционное движение, учащавшиеся террористические акты приводили, в свою очередь, к усиленному белому террору правительства, и это обстоятельство отражалось очень печально на деятельности „Союза". Хватая повсюду всякого подозрительного человека, полиция не церемонилась, конечно, и с рабочими, входящими в состав „Союза". Ряды его членов редели, и ему снова и снова приходилось тратить много энергии, чтобы залечить полученные раны. А эти раны были особенно чувствительны благодаря тому, что агентам полиции удалось проникнуть в состав членов „Союза". Это были супруги Рейнштейн. Им удалось узнать и выдать полиции многих членов „Союза", в том числе и Виктора Обнорского, одного из главных организаторов его, и эта потеря была тем чувствительнее, что другой его организатор и „душа" „Союза"—Степан Халтурин, прежде относившийся отрицательно к террористической борьбе интеллигенции и считавший этот способ борьбы несвойственным рабочему классу, теперь сам ушел в террор, надеясь одним могучим ударом свалить деспотизм и добиться политической свободы, а с ней вместе и простора для пролетарской борьбы.

Благодаря этому, деятельность „Союза" должна была сузиться,—он захирел и скоро совсем погиб. В рядах интеллигенции он почти не нашел поддержки, а рабочий класс, хотя и встретил сочувственно его появление, но не был еще достаточно сознательным, чтобы продолжать это дело, когда пали его передовые бойцы.

Вскоре распалась и революционная организация народников —„Земля и Воля" на самостоятельных группы: „Народную Волю" и „Черный Передел". Обе они продолжали пропаганду среди рабочих, издавая для этой цели специальные газеты (народовольцы— „Рабочую Газету", чернопередельцы — „Зерно"). Из народовольцев пропаганде среди рабочих уделял много внимания Желябов и особенно Тимофей Михайлов, о котором прокурор Муравьев, во время процесса 1 марта, отозвался, как об „апостоле петербургских рабочих". Но пропагандистская работа и народовольцев, и чернопередельцев среди рабочих, хотя она не ограничивалась одним Петербургом, а захватывала и провинцию, и кружки их существовали в Москве, Харькове, Одессе, Киеве, Саратове,

Ростове-на-Дону, Таганроге, Новочеркасске, Елисаветграде, Полтаве, Николаеве,—охватывала все же очень небольшой слой рабочих и не смогла пробудить широкой самодеятельности рабочих, а потому и серьезного влияния на общественную жизнь не оказала.

Знамя самостоятельного рабочего движения, поднятое „Северным Союзом", было подхвачено уже после его фактической смерти кружком заграничной интеллигенции — „Группой Освобождения Труда". Усилиями этой группы был совершон дальнейший, в высшей степени важный шаг в деле выработки и обоснования социал-демократической программы. Эта программа стала научной, опирающейся на основные положения научного социализма.

„Северный Союз" погиб, но отдельные его члены, разбросанные по всему пространству России, продолжали его дело; им не удалось, правда, создать прочных рабочих организаций, но их пропаганда продолжала будить мысль рабочего; то же делало и экономическое развитие России, которое скоро привело ее к новому кризису, снова обострило отношение рабочих к классу предпринимателей и снова толкнуло на борьбу. Тогда сказались результаты всей прежней работы, и в том числе „Союза" и его отдельных членов. Рабочий класс поднялся на борьбу более сознательным, повел эту борьбу по-прежнему энергично и солидарно и уже в 80-х годах заставил правительство пойти на уступки и законодательным путем удовлетворить по крайней мере часть выставленных им требований.

XI

Борцы за социализм из рабочей среды в 70-х годах.

Среди рабочих, принимавших участие в революционной борьбе в 70-х годах, центральными фигурами являются столяр Степан Халтурин и Виктор Обнорский, организаторы „Северного Союза русских рабочих", и Петр Алексеев, участник „процесса 50".

Всю свою неутомимую энергию и недюжинный ум отдал Степан Халтурин делу освобождения рабочего класса, стремясь придать борьбе рабочих самостоятельный характер. Он много сделал для русского рабочего класса, и его имя по праву занимает одно из самых почетных мест в истории русского революционного движения.

Родился Степан в Вятской губ., в дер. Хилевинской, Орловского уезда, в семье богатого крестьянина. Отец его вел широкую торговлю, обладал значительным для деревни капиталом. В 1868 г. С. Халтурин поступил в уездное училище и окончил его в 1871 г., когда ему исполнилось 15 лет. Думал он продолжать учение в земском техническом училище, но, пробыв в нем всего год, бросил, не окончив ученья.

Одно время, не находя удовлетворения в окружавшей его обстановке, Степан задумал было с несколькими товарищами уехать в Америку, но вместо этого неожиданно очутился в Москве, где и стал работать в железнодорожных мастерских в качестве столяра.

Попав вслед затем в Петербург, он здесь очень скоро столкнулся с революционерами и уже в 1875 году вел деятельную агитацию в рабочей среде, принимая энергичное участие во всех выступлениях рабочих.

Вот какими чертами обрисовывает один из биографов внешний и духовный облик Халтурина *).

„Молодой, высокий и стройный, с хорошим цветом лица и выразительными глазами, он производил впечатление очень красивого парня, но этим дело и ограничивалось.

Ни о силе характера, ни о выдающемся уме не говорила эта привлекательная, но довольно заурядная наружность. В его

*) Стеклов, «Борцы за социализм».

манерах прежде всего бросалась в глаза какая-то застенчивая и почти женственная мягкость.

Говоря с вами, он как будто и конфузился и боялся обидеть вас некстати сказанным словом, резко выраженным мнением.

С его губ не сходила несколько смущенная улыбка, которою он как бы заранее хотел сказать вам:

„Я так думаю, но если вам это не нравится, то прошу извинить"...

Рабочее движение поглощало его целиком. Результатом его деятельности был „Северный Союз русских рабочих", имевший такой успех среди рабочих Петербурга и Москвы. Ревниво оберегая рабочих от „попечительности" интеллигенции, Халтурин настоял, чтобы в этот союз могли входить только рабочие.

Также ревниво защищал он и программу „Союза" от нападок интеллигенции, которая упрекала организаторов „Союза" за их пристрастие к политической борьбе и забвение интересов крестьянства. В приводимых ниже строках ответа рабочих на эти упреки живо чувствуется рука Халтурина:

„Мы верим, что наша программа действительно должна была вызвать порицания именно этой стороной, но только мы, с своей стороны, ничего в ней нелогичного не видим. Ведь, собственно говоря, если мы разбираем какое-либо суждение, то нам нужно обратить внимание только на то, есть ли в нем логика, а не на то, из чьих мыслей и слов это суждение. Между тем, многие, как видно, именно и обращают свое внимание только на последнее и посему в своих замечаниях доходили до того, что требование политической свободы нами, рабочими, считали просто нелепым и невяжущимся с вопросом об удовлетворении желудка" *).

Упрекнув своих идейных противников в поверхностности их критики, автор ответа не прочь и сам прочитать им нотацию: „Вот здесь-то,—продолжает он,—признаться, мы и не видим никакой логики, ничего, кроме недомыслия. Ведь высказать подобные соображения—значит, прямо отказывать нам даже в малейшем понимании окружающих явлений, значит, прямо глумиться над нашими мозгами и приписывать разрешение социального вопроса одним только желудкам. Боимся, чтобы при таком узком разрешении мы не пожрали друг друга... Разве мы сами не знаем, что лучше быть сытым и мечтать о свободе, чем, сидя на пище св. Антония, добиваться свободы. Но что же делать, если логика желаний и помыслов уступает перед нелогичностью

*) „Земля и Воля", № 5, 1879 г., стр. 10.

истории и если политическая свобода является прежде социального удовлетворения" *).

Мы не знаем доподлинно, кто был автором приведенных строк: Халтурин или кто другой, или автор их был коллективный—весь центральный комитет „Союза",—но рука Халтурина, как сказали мы, чувствуется в этом ответе сильно. Это ему принадлежит негодование на стремление сузить знамя рабочей борьбы до одних велений желудка и представить рабочих в образе „Сысоек", умеющих хорошо лущить древесную кору, но отрицающих необходимость политической свободы. Ему же принадлежат и те места ответа, в которых авторы его отказываются спорить о том, собственная ли у них программа, или у кого-нибудь заимствованная, так как такой спор—„дело пустое", а приглашают народников перейти на почву „логики" окружающих их явлений рабочей жизни. Здесь они чувствуют себя неуязвимыми, как был неуязвим и сам Халтурин.

Когда в практике „Союза» чувствовались какие-либо прорехи, первым на них обращал внимание и стремился их исправить сам Халтурин. Так, например, ему принадлежит мысль создать в „Союзе", помимо центрального комитета, который по своему устройству был учреждением малоподвижным при тогдашних полицейских условиях и не мог часто собираться,—еще особый распорядительный комитет, в состав которого входило-бы всего несколько человек, и их в случае нужды всегда легко было бы собрать. На необходимость такого нововведения Степана натолкнули те препятствия, которые он сам встретил, когда началась стачка на Новой Бумагопрядильне: необходимо было тотчас-же принять необходимые решения, а до очередного собрания „центрального комитета" оставалось еще два дня; нельзя было и оповестить всех членов комитета о перемене дня собрания, так как жили они по разным концам Петербурга, многие даже за городом, и на такое оповещение ушло бы также не менее двух дней. Тут-то и зародилась у Халтурина мысль создать более приспособленный распорядительный орган.

Насчет самого „Союза" у Халтурина были самые широкие планы. Не думая ограничиваться Петербургом и Москвой, он мечтал раскинуть сеть своей организации по всей России и создать таким образом „единую и стройную всероссийскую рабочую организацию". Кое-какие шаги в этом направлении делал и сам Халтурин.

*) „Земля и Воля", № 5, 1879 г, стр.. 10.

Так, например, еще летом 1878 г. он направился в Поволжье, переходя там с завода на завод и стремясь завязать тесные сношения с поволжскими рабочими. Но многого ему не удалось сделать во время этого путешествия, так как скоро товарищи убедили его вернуться в Петербург. Он не переставал, однако, надеяться, что осуществить эти мечты можно будет довольно скоро, и в разговорах на эту тему всегда спокойный Халтурин вдруг прорывался и умел говорить горячо и увлекательно, заражая своим пылом и других.

Но осуществить эту идею ему все-таки не удалось, как не удалось осуществить и многих других планов,—он всегда в своих мечтах далеко опережал развитие русского рабочего движения. Одно время он упорно носился с мыслью подготовить в Петербурге всеобщую стачку. Его не смутило ни то, что у „Союза" все-таки было мало для этого связей в рабочей среде, ни то, что не было даже порядочных сведений о численности петербургского пролетариата и условиях его жизни.

Со своей обычной энергией принялся он заводить новые знакомства в рабочей среде, собирая по пути нужные сведения. Кроме того, он сам составил опросные листки, требуя от своих знакомых рабочих точных ответов на все вопросные пункты. Благодаря этому, в его руках скоро собралось множество данных, и он даже хвалился, что «ему удастся точно высчитать все расходы и доходы хозяев и таким образом определить степень эксплоатации работников».

Всеобщей стачки создать ему, конечно, не удалось, так как рабочий класс в то время не дорос еще до таких приемов борьбы, и в его недрах такие „Степаны" были лишь единичными исключениями, но своей деятельностью он во многих местах действовал возбуждающе и расшевеливал рабочих.

Другой заветной мечтой его было с[illegible]дание популярного, чисто агитационного органа для рабочей массы. Умея самостоятельно разбираться в запутанных программных вопросах, он в то же время не забывал, что рабочей массе нужна иная литература. Литература же, издававшаяся в то время революционной интеллигенцией для народа, казалась ему мало подходящей. Еще менее удовлетворяла его периодическая революционная печать.

„Нет, не для нас этот журнал,—наш журнал должен вестись совсем, совсем иначе",—часто говаривал он, обращаясь к редактору издававшейся тогда в Петербурге „Земли и Воли" Г. В. Плеханову.

Когда „Северный Союз“, наконец, сложился, эта мечта приняла более практическое направление. „Союзу“ удалось поставить свою собственную типографию и приступить к изданию журнала.

Редактором единогласно был выбран Степан Халтурин. Провал типографии, последовавший почти тотчас же по отпечатании первого номера, погубил все дело, на которое Степаном было потрачено столько энергии и в которое он вкладывал столько самых радужных надежд.

Такие провалы в „Союзе“ были довольно часты, и так как они обыкновенно случались после каждого удачно выполненного террористического покушения на кого-либо из правительственных агентов, то Халтурин и был склонен винить за такие неудачи интеллигенцию.

„Чистая беда, — говорил он обыкновенно в таких случаях:— только-только наладится у нас дело,—хлоп!— шарахнула кого-нибудь интеллигенция — и опять провалы. Хоть немного бы дали вы нам укрепиться!“

А, между тем, „интеллигенция“ вовсе не думала ждать. Ее борьба с каждым днем принимала все более и более определенный характер систематических нападений на царизм, которые, в свою очередь, усиливали и белый террор жандармерии. Вместе с этим, эта же борьба родила мысль, что с падением царя рухнет и весь приказный строй и наступит эра свободы. Так начал думать и Халтурин и вскоре принял сам участие в подготовке одного из покушений на жизнь Александра II—во взрыве Зимнего дворца, куда он для этой цели поступил столяром.

Погиб Халтурин на юге России, в Одессе, будучи казнен за участие в организации другого террористического акта—убийства прокурора Стрельникова.

Другой крупной фигурой рабочего движения в 70 х годах был рабочий Петр Алексеев, участник знаменитого народнического „процесса пятидесяти“.

П. Алексеев родился в 1849 году в деревне Новинской, Сычевского уезда, Смоленской губернии. Нищенский надел, полученный его отцом при освобождении крестьян не в силах был прокормить всю семью, и его подростком должны были отправить в Москву на ткацкую фабрику, чтобы избавиться от „лишнего рта“

В ужасные условия попал Петруха на фабрике: 17—18 часовой рабочий день, низкая заработная плата, едва хватавшая на пропитание, отчаянные санитарные условия... но организм у него был крепкий и он не только выдержал легко все испытания, но

еще 17-летним парнем самоучкой выучился грамоте, увлекся чтением, а когда вскоре на той же фабрике ему пришлось случайно познакомиться с народниками-пропагандистами, поступившими на фабрику для революционной работы,—у П. Алексеева сразу открылись глаза; он быстро понял, в чем коренится рабство рабочего класса и каков должен быть путь его освобождения.

Он понял, что рабство рабочего класса создано не законами природы, а людьми, что тяжелое положение рабочих происходит от эксплоатации их хозяевами, которых в этом поддерживает само правительство, он понял, что существующий порядок будет царить на земле до тех пор, пока в руках капиталистов будут находитьсявсе фабрики, заводы и вообще все средства производства, что для уничтожения его необходимо, чтобы вся земля, все шахты, рудники, заводы, фабрики, железные дороги перестали быть частной собственностью, позволяющей одному человеку эксплоатировать сотни и тысячи других, не имеющих средств производства; необходимо, чтобы эти средства производства стали достоянием всего народа, которого тогда никто не станет эксплоатировать.

Узнал он также, что борьба за осуществление такого общественного порядка, называемого социалистическим строем, уже ведется почти во всех странах и что повсюду сознательные рабочие стремятся пробудить к этой борьбе всех своих товарищей, чтобы ускорить наступление социализма.

Молодой П. Алексеев вскоре целиком отдается сам революционной работе, сближается с кружком С. Бардиной, Зданович, Фигнер и др., сам начинает переходить с фабрики на фабрику, чтобы завязывать новые связи в рабочей среде. Обычно он поступал на фабрику, где у революционеров не было почему-либо связей с рабочими, и, умея просто подходить к человеку своей среды, быстро сближался с товарищами, подававшими надежду на успех пропаганды, а когда убеждался, что на данной фабрике революционное семя посеяно прочно, тотчас же переходил на другую и начинал работу сначала.

Так за короткое время обошел он ряд фабрик и всюду завязывал ценные связи для революционеров-народников. Из него выработался прекрасный пропагандист, умевший толково подойти к самому серому рабочему и заставить его шевелить мозгами.

Пропагандистская деятельность П. Алексеева очень ценилась народниками и действительно была очень успешна и в то же время мало заметна для посторонних и особенно для полиции, которой

так и не удалось раздобыть против него сильных улик. Но его революционная работа была непродолжительна.

Полиция вскоре проведала о революционной работе среди московских ткачей и в феврале 1875 г. арестовала революционный кружок из 8 человек, в том числе и П. Алексеева. Два слишком года пришлось ему ожидать суда в тюрьме. Но эти годы не пропали для него даром: он усиленно пополнял свои знания чтением и перед судом палаты предстал уже закаленным борцом за рабочее дело. Отказавшись от защиты, так как понимал, что приговор суда по такому делу предрешен, П. Алексеев в своем последнем слове произнес громовую обвинительную речь против правительства и правящих классов.

В своей речи он следующим образом обрисовал тогдашнее положение рабочего класса и отношение свое и своих сознательных товарищей к политическому и экономическому гнету:

„Мы, миллионы людей рабочего населения, чуть только станем ступать на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого воспитания, за неимением школ и времени от непосильного труда и скудного за это вознаграждения. Десяти лет—мальчишками—нас стараются спровадить с хлеба долой на заработки.

Что же нас там ожидает? Понятно, продаемся капиталисту на сдельную работу из-за куска черного хлеба, поступаем под присмотр взрослым, которые розгами и пинками приучают нас к непосильному труду, питаемся кое-чем, задыхаемся от пыли и испорченного, зараженного разными нечистотами воздуха. Спим, где попало, на полу, без постели и подушки в головах, завернутые в какое-нибудь лохмотье и окруженные со всех сторон бесчисленным множеством разных паразитов.

В таком положении некоторые навсегда затупляют свои умственные способности и не развивают нравственные понятия, усвоенные еще в детстве; остается все то, что только может выразить одна грубо воспитанная, забитая, от всякой цивилизации изолированная, мускульным трудом зарабатывающая хлеб рабочая среда.

Вот что нам, рабочим, приходится выстрадать под ярмом капиталиста в детский период! И какое мы можем усвоить понятие по отношению к капиталисту, кроме ненависти!..

Неужели мы не видим, как вокруг нас все богатеют и веселятся за нашей спиной? Неужели мы не можем понять и сообразить, почему это мы так дешево ценимся и куда девается наш

невыносимый труд? Отчего это другие роскошествуют, не трудясь, и откуда берется ихнее богатство?..

Мы, рабочие, желали и ждали от правительства, что оно не станет поддерживать рутины и обеспечит крестьянина, выведет его из первобытного положения и пойдет скорыми шагами вперед"...

„Русскому рабочему народу,—пророчески закончил П. Алексеев свою громовую речь при испуганных возгласах председателя и всего суда,—остается только надеяться самим на себя и не от кого ожидать помощи, кроме одной нашей интеллигентной молодежи,—она одна неразлучно пойдет с нами до тех пор, пока подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!" *).

Потрясающее впечатление произвела эта речь рабочего. Не только публика и судьи-сенаторы, но даже часовые и жандармы точно окаменели.

„Я уверен,—говорил один из адвокатов, участников процесса,—что если бы Алексеев после речи повернулся и вышел, его в первую минуту никто бы не остановил: до того все растерялись".

Но не только в самом зале суда, а и далеко за его пределами речь П. Алексеева пронеслась громовым раскатом. Она убедительно показала всем, какая огромная сила таится в том новом народившемся классе населения, который многими до того не принимался вовсе в расчет. Речь эта была немедленно отпечатана в тайных типографиях и десятками тысяч экземпляров стала распространяться среди рабочих и крестьян.

Самодержавное правительство не простило этой дерзкой речи какому-то ткачу. П. Алексеев поплатился за нее 10 годами каторжных работ в рудниках.

Отбыв каторгу на Каре и переведенный на поселение в Якутскую область, он провел в мерзлой тайге еще 7 лет и скоро должен был вернуться на родину, но в 1891 г. неожиданно трагически погиб, убитый якутами с целью грабежа.

Менее драматична биография второго из организаторов „Северного Союза", В. Обнорского.

Сын бедных кронштадтских мещан, Виктор Обнорский, едва успел окончить уездное училище, как его отдали на выучку слесарю. Позднее, уже работая на одном из петербургских заводов, Обнорский попадает в одну из нелегальных школ, устраиваемых в то

*) „Государств. преступления в России", Stuttgart, 1904, т. II вып. I, стр. 407—410.

время кружком чайковцев для рабочих, и здесь из него начал вырабатываться стойкий борец за рабочее дело

Еще несколько лет спустя, он уже активно проявил себя во время крупных петербургских стачек, стремясь создать среди забастовавших рабочих прочную организацию.

Обнорский не только не пошел слепо за своими учителями-народниками, но, будучи не удовлетворен их учением, повел в рабочей среде против них горячую кампанию, доказывая, что рабочие должны сами создавать прочную революционную организацию. Чувствуя пробелы в своем теоретическом образовании, В. Обнорский пробрался в конце 70-х годов за-границу, побывал в Англии, Франции, Германии, всюду стараясь возможно ближе познакомиться с существовавшими рабочими партиями и их программами; в особенности он заинтересовался деятельностью и программой соц.-демократической партии в Германии и по возвращении на родину использовал свой опыт при создании „Северного Союза русских рабочих".

Работать, однако, ему пришлось не долго: арестованный вскоре в связи с убийством провокатора, затесавшегося в „Союз", Обнорский, после года отсидки в Петропавловской крепости, был приговорен к 10 годам каторги и сослан в Сибирь. Каторга, правда, ему была сокращена, но она успела надломить его силы, и позднее он к революционной работе не возвращался, доживая свою ссылку в Чите и производя впечатление человека надломленного.

XII

Рабочее движение в начале 80-х годов прошлого столетия.

В мире есть царь, этот царь беспощаден:
Голод—названье ему.
Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.
Он-то согнал сюда массы народные.
Многие, в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.
Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты,
А по бокам-то все косточки русские...
Сколько их...

Некрасов.

Промышленное развитие России в 80-х годах продолжало неуклонно идти прежним путем.

Из года в год прокладывались тысячи верст новых железных дорог, сотнями и тысячами возникали новые капиталистические предприятия, десятками и сотнями тысяч возрастало количество занятых в промышленных предприятиях рабочих.

Так, русская железнодорожная сеть увеличилась с 3.800 километров в 1865 г. до 29 000—в 1890 г.; число фабрично-заводских рабочих за это же время возросло с 706 000 до 1.432.000 человек. Общее же количество пролетариата, как мы указывали, достигало приблизительно 7,5 мил. человек

При этом наблюдалось то же самое явление, которое успело стать законом для всего капиталистического мира: на-ряду с расширением производства и ростом рабочей армии, крупные фабрики и заводы возрастали гораздо быстрее средних и мелких предприятий.

Уже в 1879 г. крупные фабрики, составляя менее 5% общего числа фабричных заведений России, сосредоточивали у себя около 67% всех рабочих и 54% всего производства страны.

Правда, в развитии крупного капиталистического производства в России в эти годы далеко не все было нормально. Оно работало в значительной степени для выполнения правительственных заказов,

оплачивавшихся всегда очень щедро и дававших русским капиталистам весьма высокий процент прибыли.

Стоило хотя бы немного сократиться этим заказам, и промышленность начинала чувствовать заминку, спешила тотчас же сократить производство, выбрасывая на улицу десятки тысяч рабочих и ухудшая условия труда для остальных.

Внутренний рынок в России в это время был развит очень слабо, так как огромная масса населения — крестьянство — была обременена непосильными налогами, сама едва сводила концы с концами и не в состоянии была потреблять в больших количествах продукты фабричной промышленности.

Но до поры до времени эти недостатки не давали себя остро чувствовать; внутренний рынок даже расширялся, так как с проведением новых железных дорог товары постепенно проникали во все уголки нашего обширного отечества, вытесняя домашнее производство крестьян, а высокие таможенные пошлины ограждали русского фабриканта от конкуренции заграничных капиталистов и позволяли ему сбывать свои товары с большой прибылью.

Одним словом, промышленность в России в 80-х годах успешно развивалась, не взирая на временные кризисы, но все выгоды целиком доставались классу капиталистов, рабочий же класс, численность которого к этому времени значительно возрасла и непрерывно продолжала увеличиваться, продолжал испытывать на себе все тяготы политического и экономического гнета.

Правительство по-прежнему преследовало все попытки рабочих создать организации для борьбы за улучшение своего положения; достаточно было рабочим только заикнуться об улучшении условий труда, как на них сыпались всякого рода преследования: десятками и сотнями арестовывали, сажали в тюрьмы и высылали по этапу; когда же рабочие решались об'явить стачку, для усмирения их к услугам капиталистов были полиция и вооруженная сила войска.

История борьбы рабочих за эти годы знает не мало случаев, когда их настойчивость в отстаивании выставленных требований обагрялась кровью участников.

Но ничто не могло сломить упорства рабочих. На борьбу их толкали безотрадные условия жизни. Высылки и аресты заставляли их только еще теснее сплачиваться в борьбе, крепче держаться друг за друга, открывали глаза рабочей массе на несправедливое отношение к ней правительства и заставляли многих задуматься над своим положением.

Высылки рабочих, принимавших более видное участие в борьбе, только содействовали развитию и распространению рабочего движения, так как высланные, попадая в новые места, приносили с собой туда семена протеста против гнета капиталистов и делились с товарищами своим опытом в борьбе.

Чтобы охарактеризовать положение рабочих в это время, достаточно сообщить следующие данные.

Рабочий день тянулся 12 и более часов, доходя в некоторых случаях до 18 часов в сутки. В значительном количестве фабричных заведений существовал ночной труд, а в некоторых отраслях производства совершенно отсутствовал воскресный отдых.

Заработная плата стояла на очень низком уровне: в среднем, взрослый рабочий мужчина зарабатывал в год 150—190 руб., а иногда его заработок понижался и до 90 руб. в год; женщина зарабатывала половину этой суммы, а подростки — третью часть. Из этого нищенского заработка рабочим приходилось ежемесячно уплачивать по несколько рублей всякого рода штрафов, а затем шли вычеты за баню, за лекарство, за челноки и другие инструменты, на лампадное масло, на архиерейские молебны и т. д., и т. п.

Фабриканты почти не обращали внимания на ограждение опасных механизмов, благодаря чему число несчастных случаев с рабочими и особенно с малолетними было очень велико; отсутствовала почти совершенно на фабриках врачебная помощь.

Санитарное состояние фабрик представляло картину довольно безотрадную, а квартиры, которые предоставлялись фабрикантами рабочим или нанимались рабочими на стороне, являлись самым вопиющим нарушением требований гигиены.

Но еще тяжелее отзывался на положении рабочих безграничный произвол предпринимателей и фабричной администрации, который продолжал господствовать на фабриках и заводах.

Борьба рабочих в 80-х годах продолжает протекать разрозненно; рабочие отдельной фабрики, доведенные до отчаяния новыми прижимками, обыкновенно поднимались на борьбу самостоятельно, не задумываясь о том, чтобы перед борьбой подумать о создании организации и добиваться улучшения своего положения совместно с рабочими других заводов той же отрасли производства.

В этом отношении дело обстояло даже хуже, чем в предыдущее десятилетие, так как революционные кружки „Земли и Воли“ и „Народной Воли“, помогавшие рабочим в их борьбе, в самом начале 80-х годов были почти целиком уничтожены правительством,

а вместе с ними погибло и большинство из сознательных рабочих, которые принимали в них участие.

Но все же в немногих уцелевших или возникавших вновь кружках народовольцев связи с рабочими не прерывались и во второй половине 80-х годов, а кое-где стали возникать и новые с.-демократические кружки; такие кружки продолжали вести пропаганду среди рабочих Петербурга, Москвы, Вильны, Киева, Костромы, Минска, Одессы, Ростова-на-Дону, Смоленска и Харькова.

Но эта деятельность была очень скромной по размерам, часто прерывалась и даже вовсе замирала местами, и только в Петербурге, да еще в Царстве-Польском в эти годы глухой общественной реакции были предприняты попытки более широкой революционной деятельности среди рабочих масс.

В Петербурге в средине 80-х годов за эту работу взялась „группа Благоева", а в Польше в 80-х годах были заложены первые прочные камни сознательной классовой борьбы польских рабочих революционной деятельностью первых социалистических кружков, слившихся вскоре в партию „Пролетариат".

К деятельности обеих этих организаций и ряда других мы подробнее вернемся в следующей главе.

Оценивая же результаты всей народнической социалистической пропаганды среди рабочих, приходится придти к выводу, что воздействие социалистической интеллигенции на пролетариат в период 70 и 80 годов имело значение лишь подготовительных шагов того широкого массового рабочего движения, которое проявилось в последнее десятилетие XIX столетия

Пропаганда интеллигенции того времени среди рабочих мало отражалась на положении миллионов рабочих и лишь приводила к увеличению числа сознательных одиночек, рассеянных среди рабочего класса, повышая уровень культурного слоя рабочих, постепенно выделявшегося из их общей массы в процессе длительного общественного развития.

Но как ни ничтожны были эти результаты более чем двадцатилетней работы народнической интеллигенции, за которую она заплатила тысячами жизней и десятками лет заключения и каторги, они все же содействовали тому, что к моменту окончания общественной реакции среди рабочего класса крупных промышленных центров оказалось налицо достаточное количество лиц, выделявшихся своим умственным и моральным уровнем, которые явились цементом, прочно связавшим вновь возникшие социалистические

организации со всем рабочим классом, и взяли на себя инициативу организованной классовой борьбы пролетариата.

В 1888 году группой рабочих был послан известному писателю беллетристу Глебу Успенскому, в день юбилея его литературной деятельности, адрес, в котором заключались, между прочим, следующие строки, характеризующие общий уровень и жизнь передового слоя рабочих в годы общественной реакции:

„Сколько прошло времени, сколько пролетело голых годов бесплодно, пока мы сами, своим умом и желанием к развитию, а иногда и с помощью добрых людей, добрались до хороших книг, которые открыли нам глаза, показали свет и правду.

„Мы сумели сами для себя из этих хороших книг извлечь пользу. Мы научились о своей жизни, о своих товарищах, о жизни разных людей, научились различать добро от зла, правду от лжи...

„В праздничные дни и по вечерам мы полюбили читать хорошие книги, и вечер проходил незаметно. Довольные чтением, мы расходились с волнением в душе, и забывалась на время тяжелая доля рабочего, жизнь на заводах и фабриках, тяжелая, обидная, бесправная, полная бранью и унижением.

„Мы чахли в ней и чахли наши дети по фабрикам и мастерским, но вера в добро и правду не покидала нас, облегчала измученное сердце, и надежда в душе загорается".

Это письмо рабочих, полное наивной непосредственности, дало возможность Г. Успенскому отметить нарождение на Руси „нового читателя" из рядов городского пролетариата.

Было бы долго подробно перечислять все стачки и волнения рабочих, вспыхивавшие в 80-х годах то там, то здесь на всем пространстве тогдашней „Российской империи".

Мы остановимся поэтому в дальнейшем только на наиболее крупных из них, отметив лишь, что рабочие волнения в эти годы возникали все чаще и чаще и все больше заставляли русское правительство считаться с пробуждавшимся рабочим классом.

В самом начале 1880 гг. в Москве происходили волнения рабочих на фабриках Бровкина и Каверина.

На первой из них рабочих вывело из себя наглое обирательство, какое практиковал владелец фабрики, заставляя рабочих забирать товар исключительно в его лавочке; а цены в ней на товар были не только выше рыночных, но даже значительно выше цен в лавках других фабрик в этой же местности.

Возмущение рабочих этим явным грабежом было настолько справедливо, что на их сторону стала даже полиция, к содействию которой поспешил прибегнуть фабрикант, и последнему волей-неволей пришлось уступить рабочим и понизить цены на товары.

На фабрике Каверина волнения начались в феврале 1880 г. из-за понижения заработной платы на 1 коп. на каждый аршин шерстяной ткани.

Эта сбавка платы переполнила чашу терпения рабочих: 15-го февраля на фабрике началась забастовка, причем рабочие заодно вспомнили все прежние прижимки фабриканта, который, например, отпуская рабочим дрова для кипячения воды к чаю, облагал их особой платой за каждое полено, а равным образом также не упускал случая нажиться на счет рабочих, отпуская им товар из фабричной лавочки; с тех же, кто не желал брать товар в лавке и требовал выдачи заработка наличными деньгами, он удерживал в свою пользу 10% заработка.

Стачка продолжалась пять дней; рабочие держались дружно и заставили Каверина пойти на уступки.

В Киеве приблизительно в то же время разразились крупные рабочие волнения в железнодорожных мастерских, вызванные столкновением рабочих вагонного цеха с мастером; в возникшей на этой почве забастовке приняли участие до 1.500 рабочих.

В сентябре месяце забастовали 2.600 рабочих Хлудовской мануфактуры, расположенной при ст. Ярцево, Моск.-Брестской железной дороги.

Это была одна из крупнейших фабрик того времени. Стоит поближе познакомиться с положением рабочих на этой мануфактуре, как его изобразила в своем докладе земская санитарная комиссия:

„Служа гнездом всякой заразы, миллионная фабрика (Хлудова) является в то же время образцом беспощадной эксплоатации народного труда капиталом.

Работа на фабрике обставлена крайне неблагоприятными условиями: рабочим приходится вдыхать хлопчато-бумажную пыль, находиться под действием удушливой жары — до 28,2° R и переносить удушливый запах, распространяющийся из дурно устроенных ретирадов.

Фабричная администрация об'ясняла, что потому не принимает мер к улучшению этих ретирадов, что в противном случае, с уничтожением миазмов, эти места превратились бы в места отдохновения для рабочих и их пришлось бы выгонять оттуда силой."

Каковы же должны быть удобства жизни и работы на фабрике Хлудова, если ретирады могут сделаться местами отдохновения!

Работа идет и днем и ночью; каждому приходится работать две смены в сутки, через 6 часов делая перерыв, так что в конце-концов рабочий никогда не может выспаться вполне.

При фабрике рабочие помещаются в громадном сыром корпусе, в 3 этажа, разделенном, как гигантский зверинец, на клетки или каморки, грязные, смрадные, пропитанные вонью отхожих мест. Жильцы набиты в этих каморках, как сельди в бочке".

Каморка в 13 кубич. сажен служит помещением во время работ для 17 человек, а в праздники или во время чистки машин должна вмещать 35—40 человек.

Рабочие нанимались на год; в рабочих книжках, которые, однако, на руки им не выдавались, точно обозначалась обязанность рабочих не покидать фабрики до истечения года; что-же касается фабричной администрации, то последняя была вольна всегда прогнать рабочего, коль-скоро она, как говорилось в книжке, недовольна им.

Жалованье рабочие получали не деньгами, а с'естными припасами и одеждой из хозяйской лавочки.

Эксплоатация детского труда практиковалась в широких размерах: около четверти всех рабочих составляли дети до 14 лет, а другую четверть—подростки до 18 лет.

Утомление, вызываемое продолжительным трудом на фабрике, было так велико, что, по свидетельству земского врача, дети, подвергавшиеся какому-нибудь увечью, засыпали во время операции таким сном, что не было нужды их хлороформировать.

Штрафы были так велики и многообразны, что положительно отравляли всю жизнь рабочего: на некоторых насчитывалось по 10—15 рублей в месяц штрафов и вычетов разного рода.

Рабочие жаловались по поводу непосильных штрафов:

„Иной раз работаешь-работаешь, ан тебя в одной рубашке выпустят".

Своему владельцу это предприятие приносило 45 процентов чистого дохода в год.

Когда же владелец фабрики, не довольствуясь этой прибылью, вывесил об'явление в сентябре 1880 г. о новом понижении платы на 10 %, среди рабочих начался ропот, закончившийся стачкой.

Основываясь на том, что они наняты на годичный срок (от пасхи до пасхи) на определенных условиях, рабочие потребовали

отмены понижения расценок, уничтожения произвольных штрафов, вычетов за поломку челноков и т. п.

В стачку немедленно вмешалась полиция, но безрезультатно, а одному из полицейских урядников, пытавшемуся разгонять рабочих нагайкой, даже досталось самому.

На следующий день на фабрику прибыл губернатор; ознакомившись с причинами, вызвавшими волнения рабочих, он уговорил владельца фабрики отменить десятипроцентное понижение заработной платы.

Рабочие, однако, не удовлетворились одним словесным обещанием этой отмены и потребовали, чтобы об'явление о восстановлении прежних расценок было вывешено на фабрике. Требование это было немедленно исполнено, но, как оказалось, не надолго.

Вслед за от'ездом губернатора Хлудов вытребовал на фабрику войска; об'явление о восстановлении прежних расценок было немедленно снято; затем были арестованы 11 человек в качестве зачинщиков, а остальные упорствовавшие, в количестве 800 человек, были высланы этапным порядком по месту жительства.

Местные же рабочие, напуганные этой суровой расправой и постоем войска, подчинились сбавке и стали возвращаться к работе.

Год спустя у мирового судьи судились 11 человек зачинщиков этой стачки.

Они просидели перед этим 4 с половиной месяца в тюрьме, остальное время пробыли под полицейским надзором. Троих из них суд оправдал, а остальных приговорил к аресту на 2 недели—1 месяц...

Наступивший в 1881 г. застой в промышленности, усилившийся еще более в связи с общеевропейским кризисом, продолжался вплоть до 1887 года и наложил свою печать на характер рабочих стачек в эти годы.

Под влиянием заминки в сбыте товаров большинство фабрик и заводов стало усиленно сокращать производство, выбрасывая рабочих десятками тысяч на улицу и обрекая их на неизвестные до того в России бедствия.

Мы не располагаем полными сведениями о размерах безработицы в эти годы, но их достаточно иллюстрируют следующие отдельные цифры: в гор. Варшаве летом 1882 г. число безработных достигало 20.000 чел., в г. Ржеве, Тверской губернии, и его окрестностях осталось без работы до 12.000 прядильщиков пеньки;

в м. Клинцах, Черниговской губ., рассчитано было 40 процентов рабочих; в Александровском уезде, Владимирской губернии, одних рабочих, занятых размоткой шелка, без работы было до 9.000 ч.; в Петербурге только на четырех фабриках из 6.700 рабочих было уволено 5.400 чел. да ожидался расчет еще 700 ч.

К концу кризиса безработица в самом Петербурге была так велика, что, по свидетельству одного из деятелей того времени, „с утра до вечера громадные толпы народа стояли у ворот заводов, где еще не рассчитывали... Едва показывался в воротах мастер, механик, или управляющий, как его осаждали со всех сторон: нет ли места для токаря, не нужен ли столяр, слесарь, кузнец, литейщик.

На все вопросы раздавался один ответ:

„Своих увольнять будем" *).

В Костромской губернии число рабочих сократилось на $^1/_3$. Одновременно с ростом безработицы, которая, судя уже по этим данным, должна была охватить не менее 25 проц. всех рабочих, шло такое же интенсивное сокращение заработной платы, падающей почти повсеместно от 20 до 30 проц.; местами же это понижение достигало 40 и 50 проц., а в районе с. Павлова заработок кустарей упал с 2 р. 50 к. до 80 коп. в неделю, т.-е. понизился более чем на $^2/_3$.

Да, кроме того, помимо открытого понижения платы, широко практиковалось предпринимателями и скрытое сокращение заработка путем систематического увеличения штрафов и всякого рода вычетов.

В Петербург и Москву стекались массы рабочих, не находивших работы в провинции. Фабрики выбрасывали тысячами рабочих на улицу, и безработица продолжала принимать все большие размеры.

Положение рабочих, не находивших по целым месяцам нигде заработка, не поддается описанию. На этой почве нищенство достигло чудовищных размеров, и не только по вечерам, но даже днем на каждой многолюдной улице сотни безработных осаждали прохожих мольбой о подаянии.

Если и до этого кризиса положение рабочих в 80-х годах было достаточно безотрадно, то можно себе представить, до каких пределов оно доходило в период застоя промышленности.

Поэтому и борьба рабочих в эти годы почти исключительно направлена против штрафов и понижения расценок; стачки

*) „Былое", 1906 г. № 3, Воспом. Панкратьева, стр. 230.

отличаются крупными размерами, многочисленностью участников и остротой формы; во многих случаях они сопровождались фабричными погромами.

Уже 1881 год был отмечен массой стихийно возникших забастовок буквально во всех концах России. Начавшееся наступление капитала, стремившегося при первых признаках кризиса снижать рабочим плату и ухудшать условия труда, заставляло рабочих пытаться отстаивать свои права.

Но отсутствие организации и классового сознания с одной стороны, а обрушивавшиеся репрессии, нужда, запуганность и забитость рабочей массы — с другой обрекали их в большинстве случаев на поражение и принуждали бросать начатую борьбу, не доведя ее до конца.

Более или менее крупные стачки в этом году происходили на ткацкой фабрике Тяпкина в Нижегородской губернии, на торфяных разработках Кузнецова во Владимирской губернии, среди рабочих Ряжско-Вяземской жел. дороги, которым заработная плата была задержана на несколько месяцев; на Миусских горных промыслах, на Свирском канале, среди грузчиков Рыбинской пристани и на ткацкой фабрике наследников Зубкова в Иваново-Вознесенске.

Из всех этих стачек успешно окончилась только забастовка рыбинских грузчиков, которым удалось добиться повышения платы. Все же остальные стачки кончались суровыми репрессиями и не приносили облегчения рабочим.

На фабрике же наследников Зубкова рабочие за подачу жалобы полицеймейстеру на владельца фабрики очутились на скамье подсудимых и 348 чел. из них были приговорены к семидневному аресту.

В 1882 году крупные стачки происходили: на Пермском пушечном заводе из-за непомерных штрафов, сбавок заработной платы и грубости вновь назначенного мастера; на фабрике Дербенева, в Иваново-Вознесенске,—из-за больших штрафов и плохой основы: фабрикант приобрел плохую основу, которая постоянно рвалась; необходимо было все время останавливать машину, терять время и заработок.

Стоит только не доглядеть, как оборвавшаяся нитка дает „блин", за который полагался штраф в 20 копеек, а при двух блинах рабочий лишался всего своего дневного заработка.

В Иваново-Вознесенске, кроме того, забастовки происходили на фабриках Грезон, Гречина и Небурчилова.

В Петербурге этот год ознаменовался крупными стачками на Новой Бумагопрядильне, на гвоздильном заводе, на Александровском сталелитейном, на бумагопрядильне Кнопа под Петербургом и на пристани Николаевской железной дороги.

Все эти стачки окончились поражением рабочих, за исключением только стачки литейщиков на Александровском заводе, которые добивались уплаты за 7 дней простоя завода по вине администрации и, ввиду явной вины последней, получили удовлетворение.

В г. Нарве на Кренгольмской мануфактуре крупные волнения закончились усмирением, арестом и высылкой 284 чел. рабочих. Во время стачки рабочими распространялись воззвания с угрозами штрейкбрехерам.

В июле крупная забастовка вспыхнула на ревельских фабриках, охватив несколько тысяч рабочих.

Вызвана она обычным по России в этом году снижением заработной платы; забастовавшие же рабочие указывали на то, что за последние 10 лет заработок не повышался, а жизненные припасы все время дорожали.

С появлением войск стачка мирно прекратилась.

В гор. Баку на нефтяных промыслах Нобеля волнения были вызваны несвоевременным расчетом с рабочими; часть рабочих соглашалась ждать, другая же настаивала на немедленной уплате заработка, и между обеими группами рабочих произошло даже столкновение; администрация же промыслов поспешила уплатить задолженное.

В гор. Варшаве в железнодорожных мастерских Варшаво-Венской железной дороги волнения происходили не на экономической почве, а были вызваны тем, что администрация вздумала заставлять рабочих расписываться в прочтении какого-то циркуляра о распространении ложных слухов.

Полуграмотная масса рабочих, не разбираясь в пред'явленной им бумаге и заподозрив подвох, не желают ли ей этим путем навязать нелюбимого мастера-немца, не только отказалась давать подпись, но и сожгла самую бумагу.

Крупные волнения также происходили среди железнодорожных рабочих в Брест-Литовске (Юго-Зап. жел. дор.) и в Борисоглебских мастерских (Грязе-Царицынск. жел. дор.), причем брест-литовские железнодорожники добились частичного удовлетворения выставленных требований.

Кроме того, стачки и волнения в этом году были отмечены на Илекском заводе, на постройке Сибирского университета в гор. Томске, на солеварнях Эльтонскаго озера, на золотых приисках Базунова, на Третьяковской Горинской мануфактуре, на резиновой фабрике Гайзера в Лодзи, на фабрике Баранова по Моск.-Ярославск. ж. д. и на фабрике Госпара в Белостокском у. Гродненской г.

Многие из этих волнений и стачек сопровождались уже буйством рабочих и разгромами фабрик, но быстро подавлялись администрацией; последняя же десятками и сотнями вылавливала „зачинщиков" стачки, и среди остальной забитой массы наступило успокоение.

Наиболее крупный разгром был учинен рабочими Третьяковской Горинской мануфактуры, на которой рабочие во время волнений выбили почти все стекла и поломали оконные рамы, но стоило администрации арестовать 13 ч. руководителей, и стачка тотчас же прекратилась

В Рузском уезде во время волнений на спичечной фабрике Гелес рабочие сожгли самую фабрику.

Наиболее длительный и упорный характер носила борьба рабочих на золотых приисках Базунова.

Рабочие приисков забастовали, добиваясь освобождения арестованного товарища и смещения ненавистного им урядника.

Администрация пошла на уступки, сместила приискового урядника, но новый оказался не лучше старого и с места в карьер сразу арестовал 4 ч. рабочих.

Волнения рабочих вспыхнули с новой силой, и собравшаяся возбужденная толпа отбила арестованных у казаков. Через некоторое время двое из освобожденных снова были арестованы и закованы в кандалы

Рабочие снова выступили и, несмотря на угрозы казаков стрелять, снова освободили арестованных и стали угрожать расправой самому управляющему прииском.

Но и в данном случае волнения прекратились после нового ареста 10 ч. „зачинщиков". Правда, администрация также пошла на уступки и частично удовлетворила требования рабочих.

Интересна стачка евреев-ткачей на ткацкой фабрике Суражских в Белостоке, вспыхнувшая в декабре 1882 г. из-за понижения заработной платы. Участие в ней приняло всего 70 еврейских семей, работавших на этой фабрике, но ее следует отметить, как пример стойкой солидарности и поддержки, нарождавшихся в рабочей среде.

Рабочие-евреи всех других фабрик Белостока решили поддержать стачечников, отчисляя в их пользу по 50 коп. в неделю.

Немцы-ткачи отказывались наниматься на места уволенных стачечников, а затем, когда стачка затянулась, также стали уделять часть своего заработка для поддержки забастовавших. Благодаря этой организованной поддержке, хозяева принуждены были уступить, и стачка привела к полной победе рабочих.

В 1883 и 1884 г.г. крупные рабочие волнения и стачки происходили на паровозостроительном заводе Николаевской жел. дор. в Москве, а также на заводах Бромлея и Давидсона в полтавских железнодорожных мастерских, на табачной фабрике Бостанжогло, на механическом заводе Малкиеля в Москве, на Жирардовской мануфактуре в Царстве-Польском, на фабрике Брянкина в Нижегородской губернии, на фабрике Кноп и К⁰ в Петербурге, на фабрике бр. Горелиных в Иваново-Вознесенске, на мануфактуре Шарыгина в Ковровском у., фабрике бр. Каретниковых, Владимирской губ., на механическом заводе Маневеля в Петербурге.

Причины рабочих волнений были все те же: грубость администрации, произвольные штрафы, понижение заработной платы.

На Вознесенской мануфактуре рабочие прекращали работу дважды: первый раз в феврале 1883 г., - вторично — в ноябре 1884 г.,—оба раза вследствие сокращения работ.

В 1883 г. администрация фабрики из-за застоя в делах сократила рабочий день на несколько часов. Так как заработная плата была сдельная и сокращение рабочего дня отразилось на размерах заработка, рабочие усмотрели в этом нарушение условий найма и забастовали в количестве 3.000 человек.

В 1884 году администрация фабрики по тем же причинам решила сократить число рабочих дней в неделю сперва до 5, а потом и до 4-х. Рабочие снова заволновались, предварительные переговоры ни к чему не привели, и 11 декабря на мануфактуре вспыхнула стачка, сопровождавшаяся буйством рабочих, порчей фабричного имущества и оскорблениями администрации фабрики.

Местные рабочие, составлявшие большинство на фабрике, вели себя во время стачки более мирно, пришлые же рабочие оказались наиболее несговорчивыми; 115 чел. из них были арестованы и отправлены в Москву, в пересыльную тюрьму Стачка все-таки окончилась уступками администрации фабрики, благодаря вмешательству Московского генерал-губернатора Долгорукова, который настоял на удовлетворении „законных“ требований рабочих.

Не мало волновались за эти годы и железнодорожники. На Варшаво Венской жел. дор. дело не ограничилось стачкой, и рабочие железнодорожных мастерских произвели уличные беспорядки. Такие же беспорядки происходили в Брестских жел.-дорожных мастерских, в Николаевских мастерских в Москве, в жел.-дорожных мастерских Борисоглебска и Полтавы. Крупные волнения происходили также на Жирардовской фабрике, закончившиеся кровавым столкновением рабочих с войсками.

В марте 1883 г. на фабрике был введен упрощенный способ наматывания пряжи на катушки, чем воспользовалась администрация фабрики, поспешившая сбавить плату на 1/2—1 коп. с мотка.

Работницы-катушечницы, в числе 60 человек, ответили на это понижение платы стачкой. К ним вскоре присоединились рабочие других отделений мануфактуры, выставив требования повышения заработной платы, отмены штрафов, сокращения рабочего дня на 1 час и т. д.

Среди рабочих были произведены аресты; вечером того же дня рабочие собрались большой толпой у гминного управления, где содержалось 10 человек арестованных их товарищей, требуя их освобождения. В охранявших арестантскую солдат полетели камни; солдаты сперва ответили холостым залпом, а затем стали стрелять боевыми патронами. В результате 3 рабочих было убито и 5 человек ранено.

Эти жертвы всколыхнули всю рабочую массу, большая часть коей до того момента не принимала участия в забастовке. На следующий же день прекратили работу все 8.000 рабочих, занятых на мануфактуре.

Стачка прошла очень бурно, рабочие выпустили из чанов воду, приводившую в движение машины, чем нанесли фабрике убыток в 60.000 руб.

В следующем году волнения на Жирардовской мануфактуре повторились снова.

В 1885 г. крупные волнения рабочих разразились в Иваново-Вознесенске из-за введения двух смен, по 9 час. каждая, вызванного законом о запрещении ночных работ для женщин и подростков. При существовавшей на Иваново-Вознесенских фабриках сдельной заработной плате сокращение рабочего дня повлекло за собой уменьшение заработка.

24 сентября сразу забастовали рабочие пяти фабрик общим числом до 8 000 чел., добиваясь повышения расценок. Администрация быстро пошла на уступки, повысив на 15 проц. расценки,

да, кроме того, повысилась интенсивность труда рабочих вследствие сокращения рабочего дня. Из Иваново-Вознесенска стачка перекинулась и в г. Шую.

В этом же году на Путиловском заводе в Петербурге рабочие приостановили работу вследствие введения сдельной расплаты за работу вместо прежней месячной и поденной.

Собравшись на заводском дворе огромной толпой, они первоначально отказались вообще работать на новых условиях, но затем, под угрозами полиции, решили возобновить работу, потребовав от заводоуправления выполнения требований отдельных цехов рабочих. Переговоры тянулись две недели и закончились взаимными уступками.

Уже одно голое перечисление рабочих волнений и стачек, имевших место в течение первой половины 80-х годов, показывает, каких огромных размеров достигло рабочее движение в этот период.

Правда, это было время тягчайшего кризиса, охватившего всю промышленность.

Под влиянием этого кризиса капиталисты стремились ухудшить положение рабочих, и без того безотрадное, до крайности, и это обстоятельство и вызывало такое обилие стачек по всей России.

Но и сам промышленный кризис 80-х годов не был случайным явлением, а вытекал с неотвратимой неизбежностью из общих законов капиталистического развития страны.

С такой же неизбежностью должна была повышаться и возрастать борьба рабочего класса России.

В подавляющем большинстве случаев она выливалась в стихийных протестах и взрывах накапливавшегося годами глубокого недовольства рабочих масс; борьба рабочих почти повсюду оставалась неорганизованной и, благодаря этому, только в отдельных случаях давала рабочим непосредственные результаты.

Но во всей этой массе рабочих забастовок, охватывавших в 80-х годах значительную часть заводов и фабрик России, уже начинало чувствоваться неотвратимое никакими полицейскими рогатками выступление новой общественной силы, выступление нового класса, начинавшего пред'являть свои законные права на жизнь и существование

Если в 70-х годах подобные выступления наблюдались только в Петербурге, то теперь, 10 лет спустя, к Петербургу примыкала уже вся страна.

XIII

Морозовская стачка

Когда, наконец, среди глухого рокота стихийного рабочего протеста стали намечаться первые ростки и попытки придать движению организованный характер классового выступления,—это событие приобрело огромное значение. Оно знаменовало собою нарождение не только в столице, но и в недрах России, сознательного авангарда, поднимающегося на борьбу класса, и наступление „исходного пункта нового фазиса рабочего движения" *) в России.

Такое именно значение приобрели еще более крупные волнения, приблизительно в то же время разразившиеся на Никольской Морозовской мануфактуре в Орехово-Зуеве.

Рабочие этой фабрики поднимались на борьбу уже не впервые: на мануфактуре уже стачки были в 1865 и 1871 г.г.

Стачке предшествовал ряд совещаний рабочих в ренсковых погребах и трактирах; на одном из таких совещаний, на котором присутствовало до 50 человек наиболее сознательных рабочих, решено было об'явить забастовку и выставить определенные требования.

Тут же среди рабочих выделились из их среды двое, уже имевшие опыт в ведении стачки, которые и стали руководить движением. Эти рабочие были П. А. Моисеенко и В. С. Волков.

П. А. Моисеенко (Мосеенок) уже участвовал в стачке на Новой бумагопрядильне в Петербурге в 1878 году, был за эту стачку арестован, просидел 17 месяцев в тюрьме, затем был выслан на 1½ года в Енисейскую губ., рабочие окрестили его „студентом", подчеркивая этой кличкой его начитанность.

Второго своего руководителя, В. С. Волкова, рабочие прозвали „адвокатом" за его осведомленность в законах, регулировавших фабрично-заводский труд. Ближайшими помощниками их были рабочие Л. Иванов и Шелухин, также принимавшие раньше участие в рабочем движении.

*) Этими словами оценил Г. В. Плеханов значение борьбы рабочих масс в 80-ых годах, и в особенности значение Морозовской стачки.

Требования, выставленные рабочими при начале стачки 7-го января, были многочисленны и охватывали все стороны положения рабочих на фабрике.

Первоначально выборные от рабочих изложили эти требования прибывшему Владимирскому губернатору устно в следующем виде:

1) „К расценкам прибавок иметь не желают, а желают иметь цены те, которые были до пасхи 1884 года, последние должны быть повышены;

2) вместо штрафов, просят сделать скидку 5% заработной платы с пасхи 1884 года;

3) просят выдавать им хлеб, так как пекарне листы ими оплачены за месяц;

4) убавить работу малолетних, увеличенную втрое;

5) ткачи обижаются на то, что бывает большой прогул при остановке машин по причинам, от них не зависящим, например, при новых заправках;

6) смотрители заявили жалобу на слишком большие вычеты за ткачей, превышающие вчетверо штраф последних;

7) приводили, как пример малых своих заработков, работу молескина, не помещенного в первоначальные расценки, за которую получали 1 руб. 25 коп. за 15 дней, и из этой платы половину вычитали с них в штраф;

8) тем, кого в настоящее время пожелает хозяин расчесть, должен сделать расчет по пасху 1885 года, а не так, как был разочтен смазчик Дмитрий Павл. Гомалеев, 30 лет работавший на фабрике и оставшийся с семейством без хлеба".

Вслед затем, не довольствуясь устным заявлением перечисленных требований, они изложили их в особой бумаге, которую Волков и подал на следующий день губернатору.

Бумага эта, составленная Волковым и Моисеенко, состояла из небольшой вводной части, в которой указывалось, что требования пред'являются „по общему согласию рабочих" и что рабочие добиваются возврата чрезмерных штрафов и оставления ранее существовавшей заработной платы.

Затем следовало:

Требование рабочих.

Во-первых:

1. По изданному государственному закону, хозяин не должен производить чрезмерных штрафов, которыми обременяет своих рабочих. Мы, рабочие, требуем и просим, чтобы

штрафы не превышали 5% заработанного рубля и чтобы рабочий был предупрежден о его плохой работе и вызывался не более двух раз в течение месяца.

2. Вычет за прогул чтобы не превышал более одного рубля, но с тем, чтобы и хозяин также был бы обязан уплатить рабочему за прогул, происходящий по вине хозяйской, как-то: за простой из-за основ, поломки машины и переделку оных на другие работы и пр. и пр.; чтобы каждый прогульный час записывался в тетрадь расчетную или заработную, считая по выработке, но не менее сорока копеек в день (40) или двадцать копеек в смену (20).

3. Полное изменение условий найма между хозяином и рабочим по изданному государственному закону. Чтобы каждый рабочий мог получить полный расчет без всякого вычета и задержки по заявлению рабочих за 15 дней о нежелании продолжать работу. Также и хозяин обязан об'явить рабочему за 15 дней о его расчете, и все это записывалось бы в расчетные тетради. Буде же будет не исполнено с какой-либо стороны, то чтобы удовлетворялось двухнедельной заработной платой, как с рабочего, так и с хозяина.

4. Доброкачественный материал, соответствующий спросу о работе, и заявление о сем проходило бы с свидетелями тех рабочих, которые работают поблизости, и записывалось бы в товарно-приемную книгу.

Запись в книжку излишней меры в аршинах. Не учащать расчет бердов и плотность товара. До сего времени от нас не принималось никакое заявление. Вновь назначенные работы, не об'явленные в расценках, производились бы поденной платой до тех пор, пока рабочие окончательно усвоят работу и об'явят, за сколько можно работать такой-то товар. Без общего соглашения на расценки, выставленные конторой, учредить государственный контроль, который уравнял бы заработную плату. Полное удовлетворение рабочих за прогул со дня нашей остановки, происшедшей по вине хозяина. Прогульный день считать, по просьбе рабочих, не менее 40 копеек в день.

Беспрепятственная выдача харчей до тех пор, пока рабочие будут удовлетворены в своих требованиях, без всякой расписки, потому что у нас за них уже вычтено и на каждом счету положено клеймо, что „деньги получены сполна". Также и на будущее время не задерживать, потому что у нас за хозяином за декабрь месяц удержан заработок. Выдачи жалованья не задерживались-бы долее 15 или в первую субботу после 15.

Свободный выбор старосты в артелях и чтобы староста не мог служить более трех месяцев; ввиду того, чтобы не усвоить для хищения сбыта, производить ежемесячный учет. Уволить от должности тех служащих и мастеров, которых найдут нужным рабочие и покажут отдельной запиской".

Следует признать, что все эти требования были очень продуманы, отнюдь не чрезмерны. Так, например, рабочие добивались только восстановления заработной платы, существовавшей в 1884 году, т.-е. 56 коп. в день, которая к 1885 году была понижена фабрикой до голодного уровня—42 коп. в день.

Также справедливо было возмущение рабочих произвольными штрафами и требование ограничить их 5% заработка: по свидетельству одного из мастеров, удаления коего рабочие добивались, штрафы с'едали до 30 и даже 50% заработка рабочего; кроме того, обычно они накладывались без об'яснения причин и, как общее правило, в отсутствие штрафуемого рабочего.

Значительная часть этих требований меньше чем через год была признана правительством и распубликована в законе 3 июня 1886 г., как обязательная для всех фабрик и заводов России. Так, законом было установлено, как и требовали морозовские рабочие, чтобы вычет за прогул не превышал одного рубля, чтобы при увольнении рабочего его предупреждали за две недели вперед или же выдавали двухнедельное жалованье при найме на неопределенный срок и двухмесячное при срочном договоре.

Первые дни стачка на Никольской мануфактуре протекала довольно организованно, так как Волкову и Моисеенко, руководившим забастовкой, удалось удерживать рабочих от эксцессов; рабочая масса слепо им верила и повиновалась, и только фабричные мальчишки да подонки фабричного пролетариата воспользовались стачкой, чтобы произвести разгром ненавистных мастеров и фабричной конторы. Моисеенко при этом всячески убеждал рабочих „не делать безобразий и над начальством не смеяться".

Волков же стал во главе толпы забастовавших, вооружился красным флагом и, снимая остальных рабочих, командовал:

— Товару—не брать, стекла—не бить, а народ—гнать!

Только, когда красильщики отказались примкнуть к забастовке, Волкову и Моисеенке не удалось сдержать негодования забастовавших—и красильное отделение было разгромлено.

Всего в забастовке приняло участие до 8.000 рабочих. Администрация немедленно вытребовала войска, а вслед затем на место стачки прибыл губернатор в сопровождении казачьей сотни.

От имени рабочих выступил С. В. Волков и передал губернатору тетрадь с перечисленными выше требованиями рабочих.

Его тотчас же окружили казаки и арестовали; арестованы были также и другие выборные. На рабочих, спокойно ожидавших разрешения конфликта, эти аресты подействовали, как электрическая искра на бочку пороха.

Когда Волков, окруженный уже казаками, крикнул:

„Что же, господа, один за всех, или все за одного?“ Рабочие единодушно ответили:

— Все, все! Всех берите!

Толпа тотчас же бросилась отбивать арестованных, разнесла помещение, в котором их заперли; часть арестованных удалось тотчас же освободить, а освобождения остальных, в особенности же Волкова, которого рабочие называли „нашим человеком“, они упорно добивались.

На фабрику были вызваны новые войска, и начались массовые высылки рабочих на родину через московскую пересыльную тюрьму.

К 13 января стачка пошла на убыль и совершенно прекратилась 20 января.

Всего было выслано до 800 чел. рабочих. Кроме того, 33 чел. были посажены во Владимирскую губернскую тюрьму и преданы суду; суд над арестованными происходил даже дважды: по обвинению в стачке 17 человек из них были приговорены к аресту от 10 дней до 3 месяцев, а по обвинению в грабеже, сопротивлении властям и нападении на воинский караул—все обвиняемые были оправданы.

Волков и Моисеенко по отбытии тюремного заключения были сосланы в административном порядке: первый—в Вологодскую губ., а второй—в г. Шенкурск на 5 лет.

Оправдательный приговор, вынесенный орехово-зуевским рабочим присяжными заседателями, реакционный публицист „Московских Ведомостей“ назвал „салютом рабочему вопросу в России“.

„Вчера в старом богоспасаемом граде Владимире раздался 101 салютационный выстрел в честь показавшегося в России рабочего вопроса“—так начиналась статья, посвященная в этой газете морозовской стачке. Она принадлежала перу самого Каткова, одного из руководителей реакционной политики 80-х годов, и намекала на то, что присяжным заседателям, разбиравшим дело о стачке, пришлось давать ответы по 101 вопросу.

На все эти вопросы, говорившие о виновности рабочих и руководителей движения, присяжные заседатели, перед глазами которых прошла яркая картина чудовищной и беззастенчивой эксплоатации рабов капитала на Морозовской фабрике, единодушно ответили:

„Нет, не виновны!".

Рабочие же в результате стачки добились многих уступок, в том числе удаления наиболее ненавистного мастера, и возврата штрафных денег.

Значение Морозовской стачки было огромное.

Не говоря уже о том, что она непосредственно заставила правительство поспешить с изданием закона 3 июня 1886 г., который спустя всего несколько месяцев целиком подтвердил правильность домогательства морозовских ткачей и выставленные ими требования о законодательных условиях найма, расплаты, штрафов и надзора за работой на фабриках сделал обязятельными для всех предпринимателей, — слухи о ней разнеслись широко по России, местами толкая рабочие массы также подниматься на борьбу и повсюду вселяя в них уверенность, что только дружная и организованная борьба рабочих способна принести им улучшение безотрадного положения. Но этим далеко не исчерпывалось это знаменитое выступление орехово-зуевских ткачей.

Едва-ли не большее значение этой стачки заключалось в том, что во время нее рабочая масса выдвинула из своей среды руководителей движения, которые сумели быстро сорганизовать рабочих и придали их выступлению удивительную для того времени стройность, выдержанность, настойчивость и сознательность.

Хотя главные руководители движения оказались людьми с известным революционным опытом в прошлом, но, во-первых, и они сами вышли из рабочей среды, а, во-вторых, организаторами стачки наряду с ними выступали уже десятки новых борцов, только теперь выдвинутых рабочей массой. Еще более характерно и знаменательно было поведение самой рабочей массы в этой стачке.

Если отбросить случаи эксцессов, выразившиеся в разгроме квартир ненавистной рабочим администрации фабрики и заводских лавок, беззастенчиво грабивших их последние, кровью выстраданные, гроши, во всем остальном ходе стачки проявилась удивительная организованность и товарищеская сплоченность рабочих.

Твердо отстаивая выдвинутые требования, рабочие еще энергичнее выступали в защиту выдвинутых ими уполномоченных, вплоть до готовности отбить их силой. Им не страшны были

репрессии: в ответ на арест руководителей многотысячная толпа рабочих требовала ареста их всех, и когда власти, в надежде сломить сопротивление, стали арестовывать сотнями и рядовых рабочих, каждая новая партия арестованных уходила с песнями, а остальная масса продолжала также твердо стоять на своем, как и раньше.

Затем—сами требования, выставленные рабочими. Рабочие требовали изменения условий найма не только для своей фабрики, но выставили требование, чтобы эти условия были установлены общегосударственным законом для всего рабочего класса. Такой же закон должен быть издан для уничтожения чрезмерных штрафов, от которых рабочим приходилось страдать повсеместно, и, наконец, законом же должен быть учрежден особый государственный контроль для наблюдения за справедливостью расценок, если заработная плата не устанавливается по общему согласию рабочих.

Таким образом Морозовская стачка как бы обобщила разрозненные требования рабочих отдельных фабрик и заводов и, на-ряду с требованиями, касавшимися их лично, выдвинула общие пункты, заявив впервые о необходимости государственного вмешательства в отношения между трудом и капиталом.

Рабочее движение в лице морозовских ткачей этим самым сделало крупный шаг вперед по пути превращения разрозненной борьбы рабочих отдельных фабрик и заводов в об'единенную и сознательную борьбу всего пролетариата России.

XIV

Рабочее движение во вторую половину 80-х годов

Морозовская стачка оказала и непосредственное влияние на борьбу рабочих отдельных фабрик и заводов.

Слух о ней, о стойкой и упорной борьбе морозовских ткачей, широко разнесся по всей центральной России и во многих местах он послужил непосредственным призывом к выступлению отдельных групп рабочих. Местами слухи о морозовской стачке действовали и на предпринимателей, которых начинали серьезно пугать все усиливавшиеся бунты рабочих, и они волей-неволей становились сговорчивее и шли быстрее на удовлетворение мелких требований рабочих.

Так, напр., под непосредственным влиянием слухов о Морозовской стачке в ноябре 1885 г. прекратили работы рабочие фаянсовой фабрики Кузнецова, в Тверской губ. Поводом к стачке послужило следующее обстоятельство: при увольнении двух рабочих с них было взыскано за прогульные дни в три раза больше обычного.

Общий уровень рабочих, занятых на этой фабрике, был довольно низок, но описанный случай произвола произвел на них сильное впечатление. Под влиянием слухов о борьбе рабочих в других местах начались разговоры о забастовке. На следующий же день в одном из трактиров состоялось собрание рабочих, на котором присутствовало до 100 человек. Решено было об'явить стачку, причем в знак присоединения к забастовке участники собрания складывали свои полушубки в общую кучу.

Стачка началась на следующий день и протекала стихийно и бурно. Рабочие разгромили фабричную лавку, перебили стекла и посуду на фабрике. Когда полиция арестовала 3 рабочих, собралась толпа в 500 человек и освободила арестованных. Дело закончилось судом и арестами. Суду были преданы 41 человек; 27 человек из них суд оправдал, а 14 человек приговорил к тюрьме на разные сроки—от 2 до 8 месяцев.

Стачечное движение во второй половине 80-х годов довольно резко распадается на два периода. Конец 1885 г., весь следующий год, а отчасти и 1887 г. борьба рабочих не только не ослабевает,

но порою начинает принимать все более и более бурные формы. Продолжавшийся промышленный кризис, ухудшая и без того безотрадное положение рабов капитала, толкал их на борьбу и протесты, даже когда не было никакой надежды на успех борьбы.

Но вслед затем временно наступило заметное успокоение рабочих масс, связанное с прекращением промышленного кризиса.

В 1885 г., кроме уже описанных нами, происходили забастовки и волнения рабочих, среди рабочих, занятых в железнодорожном и водном транспорте, среди чернорабочих на юге России и среди безработных Царства-Польского.

Довольно значительная забастовка разразилась среди железнодорожных рабочих г. Александровска.

В Севастополе в железнодорожных мастерских волнения рабочих приняли настолько бурный характер, что рабочие произвели самосуд и подвергли телесному наказанию администрацию мастерских: высекли начальника тяги, начальника мастерских и главного мастера.

В г. г. Твери и Рыбинске прекращали работу судорабочие; в г. Таганроге стачка разразилась среди рабочих пристани. Повсюду причиной волнений были пониженные расценки. Эта же причина вызвала стачки чернорабочих в Херсоне и Таганроге.

Наконец, в Варшаве усилившаяся безработица вызвала серьезное движение безработных. Толпы голодных рабочих собрались на площади перед домом генерал-губернатора, требуя работы или общественной помощи. Для разгона их администрация принуждена была двинуть сильные полицейские отряды.

В 1887 г. крупные и бурные события разыгрались на юге России, в Бахмутском уезде, на шахтах Юзовского района. Волнения начались сперва на одной шахте из-за низкой заработной платы и придирчивости рудничной администрации. Забастовали все 400 человек шахтеров и сразу же двинулись на соседние шахты, призывая товарищей примкнуть к забастовке и сообща добиваться изменения условий найма и удаления ненавистных штейгеров и конторщиков. Движение быстро разрослось; в нем приняли участие рабочие всех соседних шахт и огромной толпой направились к управляющему рудниками для пред'явления своих требований.

Требования рабочих были отклонены администрацией рудников, которая поспешила вызвать для усмирения рабочих полицию. Это еще больше озлобило рабочую массу; беспорядки усилились, и начался разгром трактиров, пивных, а затем перепившаяся

толпа рабочих подожгла пивной завод Новороссийского общества и направилась громить металлический завод Юза, но здесь встретила сопротивление самих рабочих завода и быстро рассеялась.

Для прекращения беспорядков на место происшествия были вытребованы два баталиона пехоты, прибыл вице-губернатор, и началось жестокое усмирение с многочисленными арестами и высылками.

Иначе, однако, чем Екатеринославск. администрация, отнеслось к буйному выступлению юзовских горнорабочих центральное правительство.

Оно правильно оценило причины недовольства рабочей массы, которые вызывались тем, что наем горнорабочих не регулировался никакими правилами, и поспешило приступить к выработке правил о надзоре за благоустройством и порядком на частных горных заводах и о найме горнорабочих, каковые и были изданы 9 марта 1892 года.

Еще более поучительна, как пример сознательности и организованности рабочих, стачка белостокских ткачей летом 1887 г; стачка носила перемежающийся характер: пока одни мастерские бастовали, другие работали, поддерживая своим заработком бастующих; таким путем ткачам действительно удалось добиться повышения заработка.

Начиная с 1887 года, когда промышленный кризис был изжит, число стачек сразу упало; отчасти на уменьшение стачек повлияло издание правительством ряда фабричных законов, запретивших наиболее грубые виды эксплоатации и введение фабричной инспекции.

Кроме упомянутых выше стачек, за эти годы наиболее крупные волнения были на фабрике Максвеля в Петербурге, окончившиеся поражением рабочих, на костромской фабрике Зотова из-за понижения расценок, и в Иваново-Вознесенске, направленные против ночных работ.

Размеры, какие в 80-х годах приняло рабочее движение в России заставили правительство серьезно задуматься над необходимостью приступить к урегулированию рабочего вопроса. Правда, правительственная реакционная печать стремилась отрицать серьезное значение за всеми выступлениями рабочих, вроде описанных выше. „Московские Ведомости", например, писали по поводу стачек 1884—1885 годов:

„Никакого рабочего вопроса у нас, слава богу, нет, но, если такое положение дел, такая слабость и безответственность будут

продолжаться, то явится, пожалуй, и рабочий вопрос, но только в иной форме, нежели на Западе. Нельзя же не видеть, что население развращается вследствие слабого действия власти. Своеволие начинает входить в права и обычаи".

Более же вдумчивые представители правительственной власти и тогда уже поняли, что одними голыми репрессиями рабочего вопроса разрешить не удастся. В бурном прибое поднимавшихся со всех концов России волн пролетарской борьбы они правильно почуяли опасные ноты протеста против всего общественного уклада русской жизни и поспешили осуществить целый ряд мероприятий, направленных к улучшению положения рабочих на фабриках и заводах.

Ниже, в главе, специально посвященной влиянию рабочего движения на развитие фабрично-заводского законодательства в России, мы более подробно остановимся на оценке всех улучшений, завоеванных рабочими в 80-х годах; здесь же только отметим, что в результате описанной нами борьбы рабочие добились издания целого ряда законов, которыми были сильно ограничены работы в ночное время, была упорядочена работа на фабриках женщин, детей и подростков, были, наконец, установлены регулярные сроки выдачи заработной платы, отменен произво. фабриканта в назначении штрафов, запрещена расплата товарами и купонами и установлен надзор за соблюдением новых законов в лице фабричных инспекторов. Для того времени — все это были крупные завоевания, значительно улучшившие прежнее бесправное положении рабочих.

Последние же, как ни низок был в то время общий уровень рабочей массы, правильно оценили значение этих завоеваний и все последующие усилия в ближайшие годы сосредоточили на проведение в жизнь этих законов.

Происходившие во вторую половину 80-х годов рабочие волнения и стачки поэтому, в большинстве случаев, были вызваны или неправильным применением новых законов, или попытками со стороны капиталистов как-либо их обойти.

Новая волна стачечного движения, снова охватившего, подобно эпидемии, всю Россию, начинается с 1893 года.

Основной причиной этих рабочих волнений был новый кризис русской промышленности, явившийся результатом страшного неурожая, постигшего Россию в 1891—1892 г.г.

Благодаря этому бедствию, покупательная способность русского крестьянства, и без того, как выше было указано, очень

невысокая, упала совершенно и заставила капиталистов значительно сократить производство, выбрасывая на улицу десятки тысяч рабочих.

Эта голодная резервная армия пролетариата, в значительной части уже совершенно порвавшая связь с деревней, тщетно искала приложения своих сил на других фабриках и заводах и тем самым содействовала ухудшению условий труда остального рабочего класса.

Владельцы предприятий, у ворот которых с утра до вечера толпились сотни безработных, готовых взяться за работу на каких угодно условиях, только бы не умереть с голоду, конечно, воспользовались этим обстоятельством, чтобы ухудшить положение рабочих, оставшихся в производстве.

На этой почве борьбы за сохранение прежнего положения и возникла новая волна рабочего движения. Это движение протекало уже в иной обстановке; к этому времени в среде рабочего класса зародились первые кружки сознательных борцов за светлое будущее; они постарались придать этому движению организованный характер и многого в этом отношении достигли. Благодаря этому и результаты рабочего движения в 90-е годы получились иные.

Ниже мы более подробно остановимся на описании этой борьбы рабочих, теперь же предварительно познакомимся с возникновением первых соц.-демократических кружков среди рабочих России.

XV

Возникновение первых соц.-демократических кружков среди рабочих

Мы уже упоминали, что, в противоположность рабочему движению в 70-х годах, в 80-х годах русские рабочие в своей борьбе не встречали прежней поддержки со стороны революционных организаций.

Самая могущественная из этих организаций — „Народная Воля", мечтавшая осуществить социалистический переворот в России посредством захвата политической власти заговорщицким путем, сама оказалась разгромленной правительством в самом начале 80-х годов. Убийство Александра II, на организацию которого эта партия истратила свои лучшие силы, не принесло ожидавшихся результатов.

Тогдашнее образованное общество оказалось далеко не революционным и не поддержало народовольцев; широкие же народные массы отнеслись совершенно безразлично к героической борьбе горсти революционеров с самодержавием.

Правительство же, убедившись, что революционеры оторваны от массы народа, стало без труда справляться с их тайными организациями. Все попытки возродить „Народную Волю" одна за другой оканчивались неудачами и ни к чему не привели.

Народовольческим организациям нельзя отказать в заслуге создания довольно широкой пропаганды в рабочей среде.

Почти в каждом крупном промышленном центре, где этой партии приходилось вести свою революционную работу, она старалась завести возможно более прочные связи с рабочими, организуя их в кружки; иногда даже, об'единяя последние, она издавала для рабочих специальный орган „Рабочую Газету". Но, к сожалению, вся деятельность „Народной Воли" среди пролетариата была подчинена основной ее задаче — осуществлению заговора и захвата власти силами „социально-революционной партии".

В одном из документов, обрисовывавших деятельность партии, за городским рабочим населением признавалось „особенно важное значение для революции".

„Успех первого нападения, говорилось в нем, *) всецело зависит от поведения рабочих и войска. Если партия заранее заручится такими связями в рабочей среде, чтобы в момент восстания иметь возможность закрыть фабрики и заводы, взволновать массы и двинуть их на улицу (с сочувственным, конечно, отношением к восстанию), — это уже на-половину обеспечит успех дела".

Уже из этой выдержки достаточно ясно отношение народовольцев к рабочему классу; последний рассматривается лишь как пригодный для революционного выступления элемент, который партия считала нужным использовать в подходящий момент. Поэтому и в своих программных построениях народовольцы исходили не из интересов рабочего класса и не вырабатывали своей „рабочей" программы, а ограничивались „программой рабочих членов партии". Эта же программа не рассматривала революцию, как дело самой рабочей массы, но лишь предлагала рабочим составлять небольшие кружки и готовиться к тому времени, когда общими усилиями необходимо будет приступить к выполнению переворота. Этот документ заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробнее.

Дело в том, что народовольцы посылали свою „программу рабочих членов партии Народной Воли" для отзыва К. Марксу, который внимательно изучил ее, подчеркнул отдельные места и внес кое-какие свои поправки.

„Для того, чтобы добиться чего-бы то ни было, говорилось в той части этой программы, которая трактовала о формах рабочей организации и задачах рабочих кружков, — рабочие должны составлять силу, способную напирать на правительство и при надобности готовую поддержать свои требования с оружием в руках. Напасть на врагов с надеждой на победу может только вся социально-революционная партия, в которую рабочая организация входит, как часть"... „Пользуясь уважением и любовью рабочих, члены кружка поддерживают бунтовской дух в рабочей среде, устраивают, где нужно, стачки против фабрикантов и готовятся к борьбе с полицейскими и правительственными властями, всегда стоящими за фабриканта". Набранное в этом отрывке курсивом было подчеркнуто самим К. Марксом.

*) Литература партии „Н. В." „Подготовит. работа партии", стр. 434.

Еще более характерна следующая поправка, внесенная К. Марксом в эту народовольческую программу для рабочих.

В программе народовольцев указывалось, что „кружки должны быть тайными, недоступными для правительственных ударов". О необходимости об'единения рабочих кружков программа не упоминала вовсе.

К. Маркс счел это серьезным упущением и исправил это место следующим образом:

„Кружки должны быть связаны между собой, но в то же время тайными, недоступными для правительственных ударов".

Программа признавала агитацию на фабриках и заводах, поддержку революционного духа среди рабочих, устройство стачек, но все это с одной и той же целью подготовки к перевороту, который должна совершить революционная партия, обнимавшая рабочую организацию, как свою частицу.

При такой постановке вопроса об участии рабочих масс в революционном движении нельзя было, разумеется, рассчитывать на дальнейшее развитие самодеятельности и классовой сознательности пролетариата, так ярко вспыхнувших было в организации „Северного Союза Русских Рабочих". Последний погиб, не успев пустить прочных корней даже среди петербургских рабочих и на смену ему некому было придти, так как практика народовольцев сводилась к отрыву отдельных распропагандированных рабочих от масс и подчинению их выполнению задач партии.

В этом смысле, с точки зрения развития классового самосознания русского пролетариата, период „Народной Воли" являлся шагом назад по сравнению с предыдущим периодом, когда петербургские передовые рабочие попытались заложить основание самостоятельной рабочей партии.

И поэтому-то, хотя начало 80-х годов, как мы знаем, сопровождалось значительным ростом стачечного движения, последнее не привлекло к себе внимания народовольцев по крайней мере в такой степени, как это наблюдалось в конце 70-х годов. Революционное движение в эпоху народовольчества не только не попыталось слиться с бурно рокотавшим прибоем пролетарской борьбы, но отошло от него, пожалуй, даже дальше, чем это было при деятельности „Земли и Воли".

Революционная интеллигенция, напрягавшая все свои силы в неравной борьбе с самодержавием, не сумела соединить эту борьбу со стихийно разгоравшейся борьбой рабочего класса. Тем

самым она с одной стороны обрекла на гибель свою героическую борьбу, а с другой—заставляла и рабочие массы собственными усилиями выбиваться на дорогу классовой борьбы, вместо того, чтобы облегчить ее внедрением сознательности и организованности. Но отсюда все же не следует делать выводы, что работа революционного народничества прошла совершенно бесследно для судеб рабочего класса.

Организация революционных кружков по фабрикам и заводам, занятия с отдельными рабочими и в кружках, участие в стачечном движении,—все это хотя и не двигало вперед всей рабочей массы, как это неизбежно было бы, если-бы народовольцы взяли на себя руководство массовой борьбой рабочих, но определенно все же содействовала выработке того передового слоя рабочих, все значение которого сказалось уже гораздо позднее—в начале 90-х годов.

Другая революционная организация народников, относившаяся отрицательно к политической борьбе—„Партия Черного Передела", также пришла в упадок, так как потеряла веру в возможность вызвать широкое народное восстание для осуществления социалистических идеалов. Попытка чернопередельцев связаться с остатками „Северного Союза Русских Рабочих" также окончилась крахом.

Вот как повествует об этой попытке один из видных чернопередельцев *).

По возвращении с Воронежского с'езда, на котором произошел раскол между землевольцами и народовольцами, Г. В. Плеханову было поручено наладить вновь связи с рабочими кружками.

„В живой, яркой и сильной речи обрисовал Плеханов наше тогдашнее положение. Мы — народники, но в народе у нас теперь точек опоры нет, фактически нет. Деревня—вне нашего революционного воздействия. Мы в этом не виноваты. Нас так мало, а новые силы не приливают к нам... Настроение наличных революционных сил молодежи не в пользу систематической работы в деревне. Настроение толкает молодежь на другой путь,—на путь террористической деятельности.

„Но мы не должны падать духом. Есть работа и для нас, работа народническая. Нас зовут городские рабочие. Разве они не те же крестьяне? Пойдем же в их среду! Для этой работы у нас хватит своих сил, а за нами в этой работе пойдет и молодежь".

*) Аптекман. „Земля и Воля" стр. 207.

Но... „когда чернопередельцы стали заводить сношения с „Северным" союзом, и через союз с прочим рабочим населением, союз, как рабочая организация, висел уже на волоске, гибель его уже была близка, а с его гибелью рушились и все наши начинания среди петербургских рабочих. Наше собственное крушение только ускорило этот неизбежный при создавшихся обстоятельствах крах нашего рабочего дела".

Правда, и организация „Черного Передела" не сразу исчезла с революционного фронта. Она еще в течение ряда лет продолжала попытки наладить революционную работу среди рабочих Петербурга и юга России; с этой целью ею начал издаваться даже специальный орган для рабочих „Зерно", но серьезных результатов в смысле создания мощных рабочих организаций ей также не удалось добиться.

Стихийная борьба рабочих масс проходила и мимо них, и только позднее, когда многие из членов этой организации, спасаясь от преследования правительства, перебрались за границу, там более вдумчивые из них, познакомившись ближе с борьбой западно-европейского пролетариата и задумываясь над причинами неуспеха революционного движения в России, вскоре пришли к убеждению, что все прежние их представления о возможности быстрого перехода крестьянской России непосредственно к социализму — в корне ошибочны.

В 1883 году за границей образовалась новая революционная группа — „Освобождение Труда", в состав которой вошли: Г. В. Плеханов, В. Засулич, П. Аксельрод, Л. Дейч и Игнатов. Эта группа резко порвала с прежним народническим учением и выступила с открытым заявлением, что Россию не минует чаша капитализма, что она развивается и должна развиваться по тем же самым законам, по каким идут и все остальные страны всего мира, и что путь к социализму в России проложит не кто иной, как рабочий класс.

Основные пункты разногласий новой группы с прежними народническими воззрениями и в частности с народовольцами были изложены Г. В. Плехановым в его выдающейся работе „Социализм и политическая борьба", которая справедливо считается до сих пор блестящим изложением взглядов К. Маркса, в особенности в применении их к русской действительности.

Резко критикуя все существовавшие в то время направления русской революционной мысли—„набатовцев", „чернопередельцев" и „народовольцев", Плеханов в особенности яростно нападал

на последних, бичуя их утопическую и заговорщическую программу и противопоставляя ей основные тезисы марксизма.

„Мы не принадлежим, заявлял Плеханов, к числу принципиальных противников такого акта, как захват власти революционной партией.

„По нашему мнению, он представляет собою последний, и притом совершенно неизбежный, вывод из той политической борьбы, которую, на известной ступени общественного развития, должен начать всякий класс, стремящийся к своему освобождению.

„Достигший политического господства, революционный класс только тогда и сохранит за собой это господство, только тогда и будет в сравнительной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти.

„Но диктатура класса, как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев. Это, в особенности, можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является, в настоящее время, не только прекращение политического господства непроизводительных классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни.

„Одно понимание этой задачи предполагает развитой рабочий класс, обладающий политическим опытом и воспитанием, освободившийся от буржуазных предрассудков и умеющий самостоятельно обсуждать свое положение.

„Решение же ее предполагает, кроме всего сказанного, еще и распространение социалистических идей в среде пролетариата, сознание им своей силы и уверенность в победе. Но такой пролетариат и не позволит захватить власть даже самым искренним благожелателям".

Когда народовольцы попытались выступить с защитой своей позиции и во втором номере „Вестника Народной Воли" поместили статью Л. Тихомирова, посвященную развитию вопроса о захвате власти, группа „Освобождение Труда" ответила на нее новой работой Плеханова под заглавием „Наши разногласия" и опубликованием своей программы.

„Наши разногласия" представляли еще более солидный труд, в котором теоретик только-что народившегося русского марксизма подвергал еще более основательной критике утопизм народнического мировоззрения, его веру в коммунистические идеалы русского крестьянства и давал, исходя из основных принципов учения Маркса, блестящий анализ современной русской действительности.

В 1885 г группой „Освобождение Труда" была издана первая соц.-демократическая программа, в которой намечались задачи деятельности будущей рабочей партии и были формулированы основные требования рабочего класса в России.

Конечной целью борьбы рабочего класса было выдвинуто стремление „к полному освобождению труда от гнета капитала... путем перехода в общественную собственность всех средств и предметов производства".

При современном развитии международного товарного обмена осуществление такой экономической революции неизбежно предполагает наличность солидарности интересов рабочих всех стран; в каждой же отдельной стране необходимым условием достижения этой цели является упорная политическая борьба самого рабочего класса со всеми высшими классами за завоевание политической власти.

„Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих", гласила эта программа „Группы Освобождения Труда".

Для руководства же этой борьбой за освобождение, прежде всего, необходимо образование революционной рабочей партии, а так как образование такой партии должно было встретить в русском абсолютизме очень сильное препятствие, то группа „Освобождение Труда" считала борьбу против русского самодержавия обязательной для всех тех рабочих кружков, которые представляли зачатки будущей рабочей партии.

„Низвержение абсолютизма должно быть их первой политической задачей", а главным средством политической борьбы должна стать „агитация в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в ней социалистических и революционных организаций".

Группа „Освобождение Труда" предполагала все свои силы направить главным образом на создание обширной рабочей литературы, чтобы таким образом облегчить деятельность первых соц.-демократических кружков, начавших уже тогда зарождаться в России. Но планам этим не суждено было осуществиться сразу.

С усилением правительственной реакции в 80-х годах, непосредственные связи группы „Освобождение Труда" с революционными деятелями в России все более и более затруднялись и, наконец, совершенно оборвались после ареста Дейча. При таких условиях создание рабочей литературы, требующее постоянного общения с рабочей массой, оказалось практически невозможным.

Из готовившихся к печати брошюр для рабочих тогда была издана только книжка П. Аксельрода—„Рабочее движение и социальная демократия". От издания же остальных задуманных работ пришлось отказаться.

Поэтому группа „Освобождение Труда" всю энергию направила на создание за границей среди учащейся молодежи кадров соц.-демократической революционной интеллигенции, которая понесла бы по возвращении в Россию идеи соц.-демократии в рабочую массу.

Эту задачу группа „Освобождение Труда" выполнила блестяще: она упорно вела в течение десятилетий борьбу с народническими направлениями революционной мысли, сумела привлечь на свою сторону широкие симпатии русской учащейся молодежи и, благодаря этому, сыграла крупную роль в деле будущего развития социал-демократии в России.

Выступая в 1889 году на Парижском Международном С'езде, Г. В. Плеханов, исходя из об'ективно-научного анализа общественных условий России, пророчески пришел к выводу, что „революционное движение в России победит, как движение рабочих, или никогда не победит".

На-ряду с этим группа продолжала усиленно работать и над созданием с.-демократической литературы. С этой целью были переведены на русский язык и изданы многие из сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса и его учеников *), а также был выпущен, помимо указанных выше, ряд самостоятельных работ, как популярного, так и научного характера **).

*) Начиная с 1889 года по 1890 г. появились след. переводные работы в издании группы «Освобождение Труда»: К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест коммунистической партии», пер. Плеханова; Ф. Энгельс. «Развитие научного социализма» в переводе В. Засулич; К. Маркс. «Наемный труд и капитал», пер. Л. Дейча; С. Дикштейн. «Кто чем живет». К. Маркс, «Речь о свободе торговли, пер. Г. Плеханова; К. Маркс. «Нищета философии» пер. В. Засулич.

**) Г. Плеханов. „Программа с.-демократич. группы „Освобождение Труда"; П. Аксельрод. „Рабочее движение и социальная демократия"; Г. Плеханов. „Ф. Лассаль, его жизнь и деятельность"; П. Аксельрод. „Ответ товарищу"; В. Засулич. „Очерк истории международного о-ва рабочих" Г. Плеханов. „Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова", П. Аксельрод. „Отношение революц. интеллигенции в России и борьба за политич. свободу"; П. Аксельрод. „Письма к русским рабочим об освободительном движении пролетариата"; В. Засулич. „Варлен перед судом исправительной полиции"; несколько выпусков сборника „Социал-демократ" и ряд отдельных статей, разбросанных в журналах.

Почти целое десятилетие должно было пройти с момента первого выступления группы „Освобождение Труда“ прежде, чем выброшенное ею знамя соц.-демократического учения стало широко восприниматься рабочими кружками внутри России. Только с начала 90-х годов такие кружки стали зарождаться в широких размерах, до этого же времени были лишь единичные попытки их организации. При этом важно отметить, что в целом ряде отдельных случаев такие с.-демократические кружки и организации внутри России стали возникать и независимо от пропаганды группы „Освобождения труда“.

Об'яснялось это тем, что с одной стороны труды К. Маркса в это время были уже известны в России, частью даже, как, напр., первый том его „Капитала“, были переведены на русский язык, а с другой стороны определенно уже наметившийся крах всего народнического революционного движения заставлял более вдумчивых из революционеров тщательно проверять все основные предпосылки прежних миросозерцаний и искать иных обоснований революционной деятельности.

При этом, разумеется, первоначально только отдельные лица усваивали революционный метод марксистского анализа общественных отношений и только через них уже новое учение стало проникать в революционные кружки и организации.

Русская же действительность, в которой энергично развивавшийся капитализм начинал бить в глаза, облегчала как отдельным исследователям усвоение этих новых методов, так равно и обеспечивала быстрое их распространение среди возникавших революционных кружков, в особенности же среди рабочих, для которых новое учение радикально и в то-же время удивительно ясно и просто формулировало их основные революционные задачи.

На некоторых из таких попыток мы остановимся ниже подробнее.

В середине 80-х годов в Петрограде образовалась первая соц.-демократическая группа, во главе которой стоял болгарин Д. Н. Благоев. По его имени эта группа и известна в истории соц.-демократического движения в России. Первоначально эта группа состояла исключительно из интеллигентов *), но довольно скоро завязала связи с рабочими кругами, преимущественно на Васильевском острове, на Петроградском сталелитейном заводе, на Выборгской и Петербургской стороне.

*) В эту группу входили: Андреев, В. Благославов, П. Аршаулов, кн. В. Кугушов, Бородин, П. Латышев, В. Харитонов, П. Шатько и др.

В 1885 году группа Благоева стала выпускать свой орган „Рабочий", предназначенный для широкой агитации в рабочей среде. К этому времени группа Благоева завязала тесные связи с заграничной группой „Освобождение Труда", и уже во втором номере „Рабочего" было напечатано интересное письмо Г. В. Плеханова к петербургским рабочим, озаглавленное „Современные задачи русских рабочих".

„Я потому обращаюсь с письмом именно к вам—к кружкам рабочих,—писал Плеханов,—что у нас в России, как везде и всюду, социал-демократическая партия должна быть партией по преимуществу рабочей. Это не значит, что социал-демократическая партия должна отталкивать от себя людей из других классов общества. Такая исключительность была бы совершенно несправедливой, создала бы ей целый ряд неудобств и даже поставила бы ее в почти безвыходное положение. Называя ее партией рабочей по преимуществу, я хочу только сказать, что наша революционная интеллигенция должна идти с рабочими, а наше крестьянство должно идти за ними. При такой постановке вопроса наша социал-демократическая партия может сохранить свой рабочий характер, вовсе не впадая во вредную исключительность" *).

Переходя затем к обоснованию задач русских рабочих, Плеханов указывал, что задачи эти вытекают из двойственного положения рабочего класса—как рабочих и как бесправных граждан Российского государства.

„Вы должны бороться,—говорил он,—во-первых, ради своего освобождения от гнета хозяев, от экономической эксплоатации, а во-вторых, ради приобретения тех прав, которые положат конец полицейскому произволу и сделают из вас—пока еще бесправных обывателей—свободных граждан свободной страны. Другими словами, вы должны бороться во имя политической свободы.

„И не думайте, что эти две задачи могут быть отделены одна от другой, что они могут быть решены порознь и независимо друг от друга.

„Каждый из вас одновременно является и эксплоатируемым рабочим, и бесправным обывателем. Поэтому и все вы в совокупности,—весь русский рабочий класс,—должны одновременно преследовать как политическую, так и экономическую цель. Вы должны одновременно стремиться низвергнуть как тех, которые являются господами на фабрике, так и тех, которые полновластно распоряжаются теперь в русском государстве.

*) „Рабочий", № 2.

„Одно немыслимо без другого. Без экономической независимости вы никогда не будете в состоянии воспользоваться во всей полноте вашими политическими правами, без политических прав вы никогда не добьетесь экономической независимости. И если бы даже нашлось такое правительство, которое захотело бы и могло бы,—не давая вам политических прав, — обеспечить ваше материальное положение, то вы все-таки были бы не более, как сытыми рабами, хорошо откормленным рабочим скотом. Ваше умственное развитие, ваше нравственное достоинство пострадали бы от этого даже более, чем теперь, когда правительственный гнет толкает вас на борьбу и наполняет негодованием ваши сердца" *).

Выяснив затем так же выпукло и популярно, что ни правительство, ни имущие классы не уступят рабочему классу необходимых ему благ, и что поэтому добиваться своего освобождения рабочие могут только силой, т.-е., во-первых, сплоченностью, затем уменьем во-время нападать на своих врагов и пользоваться каждой, даже и самой ничтожной победой для облегчения своих дальнейших действий (т.-е. правильной тактикой) и, наконец, сознательностью, т.-е. ясным пониманием того, к чему надо стремиться,—Плеханов далее подчеркивал, насколько повысятся шансы рабочей партии для ведения пропаганды социалистических идей и агитации против существующего экономического строя, когда рабочие добьются свободы слова, печати, сходок и остальных политических прав.

Завоевание политической свободы,—говорил он,—не принесет рабочим полного освобождения от гнета капитала, но оно даст рабочему классу возможность, во-первых, значительно улучшить свое собственное материальное положение, а, во-вторых, благодаря упорству высших классов, толкнет в ряды борцов за социалистическое будущее всех тех, которые по своей нерешительности надеялись на милосердие царя и благоразумие высших классов: „оно послужит новым самым убедительным доводом в пользу ваших идей, в подтверждение той истине, что полное освобождение трудящегося класса возможно будет лишь тогда, когда класс этот захватит всю государственную власть в свои руки и провозгласит республику социальную и демократическую".

«Итак, что же вам предстоит теперь делать?

„1) Развивать сознательность в среде ваших товарищей; 2) организовать и сплачивать их силы; 3) направлять эти силы на

*) „Рабочий", № 2.

завоевание тех политических прав, которые дали бы вам возможность добиться некоторых экономических реформ уже в настоящее время, а главное—облегчили бы вам вашу окончательную победу в будущем".

Если читатель помнит, в истории русского рабочего движения мы уже встречали однажды такое разграничение задач рабочей партии: выделение окончательного разрешения социального вопроса из круга очередных вопросов или, как принято выражаться в настоящее время, отделение программы maximum от программы minimum.

Такое разграничение в свое время выдвинул в 1879 г. „Северный союз русских рабочих". Г. В. Плеханов в своей статье только более подробно и отчетливо подчеркнул необходимость такого разграничения и доказал всю важность борьбы за осуществление минимальной программы рабочей партии для окончательного торжества исповедуемого ею учения.

К сожалению, эта попытка группы Благоева издавать для рабочих популярный орган с участием в нем таких крупных литературных сил, какими была богата заграничная группа „Освобождение Труда", вскоре потерпела крушение. Сама эта группа очень скоро была разгромлена правительственными преследованиями, и газета „Рабочий" прекратила свое существование на втором же номере.

В течение ближайших лет так же печально кончились и все другие попытки первых соц.-демократических кружков в России пустить прочные корни в рабочей среде.

Приблизительно в это же время в Петербурге действовала самостоятельно и другая с.-демократическая группа—кружок П. Л. Точисского.

Этот кружок был организован с осени 1885 г. и продержался до конца 1888 г. В него входило около десятка интеллигентов—все больше студенческая молодежь, энергично работавших среди рабочих за Невской Заставой, в артиллерийском арсенале, на фабриках Лаферми, Штритера, Берда и др.

Кружок Точисского, хотя и поддерживал связи с существовавшими в то время в Петербурге народовольческими кружками, а также и с группой Благоева, но в то-же время стремился обособить создаваемую им рабочую организацию.

Сам Павел Точисский, сын начальника Екатеринбургской тюрьмы и матери, француженки, еще в юношеские годы резко порвал с окружавшей его буржуазной обстановкой, ушел из-дому,

не окончив гимназического образования, работал сперва простым чернорабочим на одном из заводов вблизи Екатеринбурга, а затем, перебравшись в 1884 г. в Петербург, прошел здесь ремесленные слесарные курсы и с тех пор существовал как рабочий-техник.

По этому же пути „опрощения" он убедил пойти и своих двух ближайших товарищей Лазарева и Шалаевского, которые также стали рядовыми рабочими.

Кружок Точисского выступал резко враждебно против народовольцев, противопоставляя их пропаганде террора и захвата власти партией—идею гегемонии рабочего класса в предстоящей революции.

Хотя основной кадр активных работников кружка состоял почти исключительно из интеллигентов, деятельности последних кружок отводил лишь служебное значение, считая единственным революционным классом только пролетариат, в недра которого должны быть направлены все революционные силы страны, чтобы ускорить процесс его самоопределения, воспитать и подготовить его на почве повседневной экономической борьбы к борьбе политической.

Деятельность кружка не оставила после себя ярких результатов, так как довольно скоро была прекращена арестами главных работников: самого П. Точисского, его сестры М. Точисской, Д. Лазарева, В. Лазаревой, братьев Брейтфусов, И. Шилаевского, Л. Аркадакской и Е. Даниловой. Но результаты его работы среди петербургских рабочих сказались в создании кадра сознательных борцов, которые, благодаря тому, что совершенно не были затронуты арестами этой организации, сумели принять активное участие в последующей борьбе петербургск. пролетариата. Двум участникам рабочих кружков, организован. группой Точисского,— Е. А. Климанову и В. А. Шелгунову довелось позднее много и плодотворно поработать в русском рабочем революционном движении.

Кружок Точисского первоначально носил название „Общества содействия поднятию материального, интеллектуального и морального уровня рабочего класса в России", а затем был переименован в „Общество С.-Петербурских мастеровых".

При этом обществе была организована библиотека из прекрасно подобранных легальных книг и ссудо-сберегательная касса, в которую члены общества вносили по 25 коп. ежемесячно.

И хотя при разгроме этой организации полицией не удалось даже раскрыть связи ее с рабочими кружками, а арестованные

члены группы стремились на допросах изобразить дело так, что задачи общества сводились лишь к чисто культурной и материальной взаимопомощи, жандармское начальство не могло, разумеется, поверить такому об'яснению и рассматривало группу Точисского, как противоправительственное сообщество, поставившее себе целью „развитие и поддержание в среде рабочих противоправительственных идей в интересах революционной партии".

Наконец, на-ряду с группами Благоева и Точисского к концу 80-х годов в Петербурге все чаще и чаще начинают возникать и самостоятельные рабочие кружки, организуемые и руководимые самими рабочими, чаще всего прошедшими ту или иную революционную школу или же сумевшими пополнить свои знания путем самообразования.

Такие кружки были, между прочим, организованы рабочим Николаем Богдановым среди жаждущей знаний рабочей молодежи Варшавских ж.-дорожных мастерских; этот кружок сам подобрал для себя недурную библиотеку, скупая для нее на толкучих рынках старые русские журналы: „Современник", „Отечественные записки", „Русское Слово", „Дело" и др., в которых печатались в свое время статьи Добролюбова, Чернышевского, Писарева, Шелгунова, Михайловского, Успенского, Скабичевского и др.

Такие же кружки самостоятельно были организованы Егором Афанасьевым-Климановым и рабочим Балтийск. завода Норинским.

Все эти кружки просуществовали по несколько лет, не будучи связаны с революционными организациями, и только позднее вошли в общее русло более мощных рабочих организаций.

Возникновение их является лишним доказательством того, что к концу 80-х годов в Петербурге в рабочей среде уже достаточно была взрыхлена почва, как всей прежней революционной работой, так еще более естественным ростом сознательности и культурного под'ема, постепенно накапливавшегося в недрах самого рабочего класса. Недоставало немногого, чтобы от этих, пока еще разрозненных, кружков перейти, наконец, к созданию более мощных рабочих организаций. И это было уже не за горами. Как-раз первая такая организация в лице группы Бруснева (или иначе технологов) возникла в Петербурге на переломе 80-х и 90-х годов. Подробности о ее работе читатель найдет в следующей главе.

На юге России первые с.-демократические кружки появились во второй половине 80-х годов. Так в Киеве еще в 1888 г., под влиянием агитации д-ра Абрамовича, поступившего слесарем

на завод, сорганизовался первый соц.-демократический кружок, об'единивший около 30 чел. рабочих, по преимуществу слесарей железнодорожных мастерских, типографских рабочих и ремесленников. Кружок создал тайную библиотеку, но просуществовал недолго. Арестованный уже в следующем 1889 г. д-р Абрамович был заключен на два года в петербургскую тюрьму „Кресты", где встретился и сразу привлек на сторону нового ученья другого замечательного революционера 80-х годов. Ювеналия Мельникова, работавшего в Харькове и Ростове на-Дону и еще до своего знакомства с Абрамовивичем Крестах тщетно пытавшегося противопоставить народовольческим теориям и организациям вполне самостоятельную рабочую организацию с новой самостоятельной программой, более отвечавшей как экономическому развитию России, так и нароставшему рабочему движению.

По выходе из „Крестов" Ю. Мельников продолжал свою революционную деятельность в Киеве, где вскоре стал во главе возникшей в начале 90-х годов с.-демократической организации, которой суждено было сыграть такую важную роль в деле строительства с.-демократической партии.

В г. Одессе первые шаги с.-демократической пропаганды среди рабочих также относятся ко второй половине 80-годов и связаны с именем Д. Б. Рязанова, который еще молодым юношей принялся за серьезное изучение„ Капитала" К. Маркса, а после кратковременного пребывания за границей стал вполне самостоятельным марксистом и сумел оставить заметный след в деле пропаганды нового учения на юге России. Для целей пропаганды им подбиралась подходящая легальная литература, составлялись программы и каталоги книг для чтения о рабочих кружках, популяризировались основные положения теории К. Маркса и т. п. Из его кружков вышло несколько человек рабочих, облегчивших позднее возможность развить более значительную работу на юге России.

Выданный уже в 1891 г. столяром Федуловым, Рязанов постарался взвалить на себя большую часть ответственности за революционную деятельность всей организации, стремясь выгородить остальных ее участников, в особенности рабочих, за что и заплатил сам 4 годами одиночного заключения в Крестах, соединенного с принудительной работой.

В Екатеринославе первый с.-демократический кружок был организован врачем Тейтельбаумом, который во время пребывания за границей сблизился с группой „Освобождение Труда" и привез в Россию ее издания.

После Петербурга и юга России третьим центром, где со второй половины 80-х годов стало зарождаться и крепнуть новое с.-демократическое течение революционной мысли, было Поволжье.

Здесь оно тесно связано с именем одного из первых русских марксистов—П. Н. Скворцова, который оказал в свое время большое влияние на подростающее поколение не только своими литературными статьями, появлявшимися с начала 90-х г. на страницах „Юридического вестника", но и своим личным воздействием на учащуюся молодежь значительно раньше, еще со средины 80-х годов. Им было положено начало с.-демократической работы в Нижнем Новгороде, где к началу 90-х годов организовался ряд кружков, из которых вышло не мало партийных работников.

Одним из талантливых учеников П. Н. Скворцова был Н. Е. Федосеев, организовавший уже в 1888 году в г. Казани первый с.-демократический кружок.

Самому Н. Е. Федосееву почти не пришлось вести практической революционной работы. Вся его недолгая жизнь постоянно нелепо прерывалась тюрьмами и ссылками, но тем не менее он оставил после себя заметный след своими самостоятельными поисками новых революционных путей и закладкой и выработкой того научного фундамента, на котором спустя всего несколько лет так быстро и пышно разрослось массовое с.-демократическое движение.

Использовав удачно время тюремных отсидок и ссылок на изучение К. Маркса и анализ русских экономических отношений, Федосеев уже к самому началу 90-х годов выработал себе весьма стройное миросозерцание, во многом не полагаясь даже на авторитет и эрудицию Г. В. Плеханова, а предпочитая прокладывать дорогу самостоятельно.

Такой обычно осторожный в оценках общественной деятельности человек, каким был всегда В. И. Ленин, в высшей степени тепло вспоминает Н. Е. Федосеева, с кружком которого он был связан еще в Казани.

„Федосеев, говорит он, пользовался необыкновенной симпатией всех его знавших, как тип революционера старых времен, всецело преданного своему делу... Для Поволжья и для некоторых местностей центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень

больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера" *)

Перу Н. Е. Федосеева принадлежал ряд серьезных экономических исследований и публицистических работ, но, к сожалению, самые ценные из его трудов, вероятно, навсегда потеряны, в том числе и его работа о падении крепостного права, написанная с большим мастерством на основании изучения первоисточников.

Но и то немногое, в виде отдельных писем и статеек, что уцелело, рисует Н. Е. как человека, ясно и четко формулировавшего основные задачи рабочего движения в России и убежденного сторонника учения научного социализма.

Вот, между прочим, какими мазками определял он в одном из своих писем значение научного социализма для современного общественного деятеля.

„Научный социализм служит для своего последователя весьма надежным руководителем. Он дает ему возможность составить ясное представление о человеческой деятельности в минувшие исторические моменты. Он раскрывает перед своим последователем „тайну", почему известная деятельность была великою и почему другая не оставила по себе ни следа.

С ясным представлением о человеческой деятельности во всех предыдущих эпохах мы вступаем в современные общественные отношения, в водоворот общественной борьбы. Мы твердо займем наше общественное место и, руководимые ясным представлением о результатах нашей деятельности, неуклонно пойдем к цели.—Научный материализм—идеологическая категория новейшего времени; он создан, выращен и одухотворен идеей рабочего класса, пролетариата. Дать представление русскому пролетариату о его исторической роли, указать путь, по которому он должен идти, чтобы выполнить свою историческую миссию—это ближайшее дело русских идеологов — „марксистов", т.-е. тех немногих личностей из господствующих классов, которые могли понять сущность исторического момента и сделать своими интересами, смыслом своей жизни — интересы пролетариата. Это — великая задача, выполнение ее быстро поставит их во главе сильнейшей прогрессивной партии, выведет борьбу пролетариата в открытое поле, на позицию, которая обеспечит верную победу, выведет борющихся за свои интересы пролетариев с неудобной позиции, где масса бойцов гибнет в трясине и от вражеского огня гибнет бесполезно, прежде чем сообразит, что пункт выбран неудачно.

*) Н. Е. Федосеев, 1923 г. стр. 6.

Великое значение научного социализма, повторяю, заключается в том, что он ставит своих последователей на твердую почву практической деятельности, дает в их руки общественное знамя, которое не будет запачкано грязью реакции, вожделениями классового господства и ребяческими фантазиями" *).

В другом письме он следующим образом выпукло формулировал и обосновывал необходимость для рабочего класса самой настойчивой борьбы для завоевания политической свободы:

„Рабочий класс должен заявить требование политической свободы, т.-е. признание законности его стремления защищать свои интересы, столь противоположные интересам господствующих классов. По отношению к господствующим классам положение всех рабочих, без различия формы труда, одинаково; следовательно, борьба за рабочие интересы должна быть общим делом всех рабочих. Стало быть, политическая свобода, которой требуют для себя рабочие, должна распространяться на весь трудовой класс и состоять в признании законности об'единения всех рабочих во имя борьбы за свои интересы.

„Признание законности такого об'единения должно выразиться, во-1-х, в полной свободе обсуждения интересов рабочего класса, в печати и в общественных собраниях; во-2-х, в полной свободе всякого рода организаций рабочих, в том числе и стачек, для защиты их интересов, и, в-3-х, в распространении на рабочих права участвовать через своих выборных представителей в высшем государственном управлении. Участие рабочих представителей в государственном (законодательном) управлении крайне важно для рабочего класса, так как только этим путем он может стать сильной политической партией и бороться за свои интересы с враждебными партиями при решении в законодательном порядке всех вопросов общественного устройства, наконец, прочность самого законодательного признания за рабочими свободы защищать свои интересы в значительной степени зависит от участия рабочих в государственном управлении.

Только такая политическая свобода даст рабочему классу возможность с успехом отстаивать свои интересы.

С упрочением ее, разумеется, исчезнет нынешняя беспорядочная взаимно насильственная борьба рабочих с хозяевами, и рабочие прямым путем пойдут к осуществлению своих целей.

Каким именно путем рабочий класс сможет добиться для себя политической свободы — предугадать трудно.

*) Н. Е. Федосеев. 1923 г. стр. 155—156. (Письмо к Н. Л. Сергиевскому).

Безусловно необходимо для этого только возможно широкое распространение в среде рабочих ясного понимания необходимости этой политической свободы; раз это понимание сделается распространенным в массе рабочих, — успех достижения свободы вполне обеспечен" *).

Еще более крупной фигурой, чем Н. Е. Федосеев для Казани и Центральной России, стал сперва для Поволжья, а затем и для всей остальной России В. И. Ульянов (Ленин).

Как мы уже указывали, ему еще в Казани пришлось соприкоснуться с кружками Федосеева, но он начал прокладывать путь к усвоению марксизма вполне самостоятельно и завершил эту работу уже в Самаре в период 1889—93 г. г.

Вокруг В. И. Ленина в Самаре быстро об'единился кружок молодежи, жадно прислушивавшейся к каждому новому слову марксизма.

Не ограничиваясь работой среди молодежи, В. И. большую часть своего времени употреблял на разработку экономических проблем, тщательно изучал уже тогда состояние народного хозяйства России и не раз скрещивал уже тогда свою заостренную марксистским методом шпагу с теоретиками и представителями народничества.

Так, в эти годы им были написана статья под заглавием: „Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни", дававшая достаточно яркий анализ капиталистической эволюции крестьянского хозяйства на юге России на основании только-что вышедшей тогда книги В. Постникова „Южно-русское крестьянское хозяйство".

Самара, в годы пребывания там В. И. Ленина, постепенно становилась одним из центров марксизма, куда с'езжались люди, чтобы послушать диспуты с народниками и в общении с видным теоретиком нового учения быстрее усвоить революционно-научный метод марксизма.

Но и Самарскому кружку с.-демократов не суждено было сколько-нибудь долго просуществовать.

Почти тотчас же после переезда В. И. Ленина в Петербург в конце 1893 г. он был почти начисто разгромлен жандармами и большинство его участников заплатило продолжительной ссылкой за свои с.-демократические убеждения.

Таков был общий характер первых соц.-демократических нелегальных организаций в России.

*) Н. Е. Федосеев. 1923 г. стр. 142—143. (Письмо к Андреевскому).

Как видит читатель, это еще далеко не боевые организации рабочего класса, стремящиеся руководить его борьбой и более или менее широко охватывающие рабочие массы.

Наоборот, это большею частью только первоначальные кружки, группирующие сторонников нового мировоззрения, которые еще только начинали прокладывать себе дорогу в среду рабочей массы и ограничивали поэтому свою деятельность почти исключительно задачами пропагандистского характера.

Но даже и такая работа в условиях жандармской русской действительности должна была протекать с постоянными перебоями и сопровождалась то и дело провалами целых кружков или гибелью отдельных участников их.

Но, не взирая на эти неудачи, революционная с.-демократическая интеллигенция неустанно продолжала свою работу; на место одних погибших в неравной борьбе кружков возникали другие, движение постепенно ширилось и вскоре стало определенно принимать массовый характер, так что для него уже были не страшны полицейские гонения. К средине 90-х годов, когда, после перенесенного страной голода и связанного с ним застоя в промышленности, стихийное рабочее движение значительно усилилось, соц.-демократические кружки нашли в нем, наконец, ту почву, которая обеспечила им дальнейший рост: от прежней, чисто пропагандистской кружковой работы они стали переходить к широкой агитационной деятельности, вовлекая в свои ряды уже не десятки, а сотни и тысячи наиболее активных и сознательных рабочих и вырабатывая в них, путем участия в практической работе организации, будущих активных членов с.-д. партии.

XVI

Первые с.-демократические организации и рабочее движение начала 90-х годов

Вызванное промышленным кризисом и широко развернувшееся рабочее движение начала 90-х годов не могло не привлечь внимания передовой русской интеллигенции, заставляя ее порывать с былыми традициями народничества, которое было совершенно бессильно об'яснить и осмыслить новые явления русской экономической жизни, согласуя с ними свои прогрессивные стремления.

К этому моменту, т.-е. к началу 90-х годов, успехи капитализма в России могли остаться незамеченными только для слепцов, а усилившееся рабочее движение побуждало передовой слой русской интеллигенции быстро усваивать те мысли, с пропагандой которых еще в 80-х годах выступила группа „Освобождение Труда".

Начавшая разгораться борьба рабочего класса являла собой блестящее подтверждение тем доводам за необходимость пересмотра прежнего народнического символа веры подавляющего большинства русской интеллигенции, которые были так ясно формулированы Г. В. Плехановым еще в „Наших Разногласиях".

Те мысли и положения научного социализма, которые тогда усваивались лишь единичными сторонниками, теперь начали разделяться широкими кругами интеллигенции, так как находили блестящее оправдание в очевидных для всех фактах русской общественной и экономической жизни.

Таким образом, семена, брошенные в русскую рабочую ниву группой „Освобождение Труда", не заглохли, но дали к средине 90-х годов блестящие всходы. Уже к началу этого десятилетия социал-демократическая пропаганда начинает вестись во всех пропромышленных центрах России: Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Ростове-на-Дону, Туле и мн. др.

Раньше всего соц.-демократическое движение среди рабочих стало принимать массовый характер в Северо-Западном крае, среди еврейского пролетариата и в Царстве-Польском.

Первые рабочие соц.-демократические кружки появились в гор. Вильне в 1887 году.

Здесь, среди загнанной и бесправной рабочей массы, социал-демократическая пропаганда сразу же завоевала себе много сторонников, жадно набрасывавшихся на новое учение, которое обещало им избавление от невыносимого гнета, и становившихся убежденными и ревностными агитаторами идей научного социализма.

Положение еврейского пролетариата в эти годы было воистину ужасно. Правительственная политика, загнавшая евреев в „черту оседлости", насильно скучила в местечках и городах Северо-Западного края тысячи еврейских ремесленников, которые до того находили себе заработок в деревнях. Сразу, таким образом, была создана огромная резервная армия безработных, готовых под угрозой голодной смерти работать на самых кабальных условиях.

Ремесленное же производство в Северо-Западном крае в это время начало капитализироваться: работа по заказу стала уступать место работе на магазины. Последние же стали захватывать не только местные, но, благодаря развитию путей сообщения, отдаленные рынки. При таких условиях большинство ремесл быстро попало в полную зависимость от капиталистов, которые снабжали ремесленников сырым материалом, нередко и инструментами. Благодаря же наличности огромной резервной армии ремесленников, конкуренция среди них привела к чудовищному понижению заработной платы и чрезмерному удлинению рабочего дня. Во многих ремеслах работа продолжалась по 14—16 и даже 18 часов в сутки, заработная же плата опускалась до 2—3 рублей в неделю.

На почве этой эксплоатации, обогащавшей еврейскую буржуазию, уже в 1892 г. вспыхнуло стачечное движение. Непосредственным поводом для его проявления, как часто бывает в подобных случаях, послужило следующее незначительное событие:

„Виленский городской голова, в пику ремесленной управе, приказал расклеить по городу об'явление, что по закону Екатерины II рабочий день должен продолжаться в ремесленных заведениях не более 12 часов. Ремесленники повсюду заговорили о сокращении рабочего дня до законных пределов, обсуждали вопрос, как бы воспользоваться этим забытым законом" *).

Виленские ремесленные подмастерья стали обращаться с просьбами об этом к местной администрации; рабочие же города Минска написали коллективное заявление губернатору. А так как подобного рода ходатайства не всегда имели успех, начались стачки рабочих.

*) Акимов. „Очерк разв. соц.-демокр. в России", стр. 13.

Существовавшие в это время соц.-демократические кружки в Вильне и Минске приняли деятельное участие во вспыхнувшей борьбе, руководя стихийно вспыхнувшими стачками, ведя широкую агитацию за присоединение к стачке всех рабочих данного производства и материальной поддержке забастовавших и придавая разраставшимся стачкам характер сознательного классового движения еврейского пролетариата.

Уже начиная с 1892 года в Вильне начали происходить тайные майские собрания рабочих, на которых произносились агитационные речи о международной солидарности рабочих, раз'яснялась идея классовой борьбы пролетариата и необходимость создания мощной классовой организации.

К борьбе за сокращение рабочего дня присоединилась также борьба за повышение нищенской заработной платы, борьба с так называемой потогонной системой производства, широко распространенной в ремесленных производствах.

Эти стачки сразу же привели к значительным результатам—сокращению рабочего дня и повышению заработной платы. Успеху борьбы много содействовало также и то, что среди еврейских ремесленников уже с давних времен существовали разного рода кассы взаимопомощи, так называемые „хевры", в которые одинаково входили как хозяева, так и подмастерья.

Эта привычка к организованной взаимопомощи облегчала организацию революционных касс борьбы, в которые привлекались уже одни только рабочие. Сперва такие кассы об'единяли только одних передовых рабочих, но вскоре стали охватывать от 20 до 40 и даже до 60% всех занятых в профессии рабочих. Рост и развитие стачечных касс несомненно содействовал и успехам борьбы, позволяя рабочим терпеливо ожидать, пока хозяева не согласятся на уступки. Участие же и руководство этой борьбой соц.-демократических организаций способствовали распространению влияния последних и расширению социалистической пропаганды и агитации.

Через каких-нибудь пять лет еврейский пролетариат стал заметно перерождаться: из забитого полицейским гнетом и экономическим рабством пария современного общества, умевшего лишь проливать слезы да издавать стоны, и покорно ожидавшего, что Иегова жестоко накажет обидчиков своего избранного народа, что придет „мессия" и выведет его из нового пленения вавилонского,—неожиданно вдруг выросли целые кадры сознательных борцов, звавших товарищей на борьбу за осуществление

социалистических идеалов, за организацию отпора насильникам и эксплоататорам и за улучшение экономического положения рабочего класса.

Насколько интенсивна была эта борьба, можно судить по следующим данным:

За двухлетие 1894—1896 г.г. в одном г. Минске было проведено 45 стачек, правда, довольно мелких, а в г. Вильне за это же время протекло 56 стачек, охвативших 27 различных профессий. В 1897—1899 г.г. в Западном крае были зарегистрированы 153 стачки, из коих в 102 случаях рабочим удалось добиться полной победы. Каждая новая стачка вызывала к жизни и новую боевую кассу. В 1895 г. в Вильне насчитывалось уже 850 сорганизованных вокруг 23 касс рабочих, а в гор. Минске—870,—цифры для того времени очень крупные. В 1894 г. крупные стачки, превратившиеся во всеобщую стачку ткачей, разразились в г. Белостоке и его окрестностях; в этой стачке приняло участие до 26.000 польских, еврейских и немецких рабочих.

Стачка длилась более двух недель и окончилась частичными победами рабочих.

Вслед затем волна рабочего движения разлилась еще шире, захватывая все новые города и районы, началось широкое стачечное движение в Белостоке, Брест-Литовске, проснулся щетинный район. Там, где движение только что начиналось, стачки носили по преимуществу наступательный характер, а в районах, где рабочее движение уже успело пустить прочные корни, преобладала оборонительная тактика.

В 1896 г. в Сморгони из-за повышения заработной платы боролись чулочницы (свыше 2000 чел.); в 1897 г. в Витебске, Белостоке, Брест-Литовске и Минске—сапожники и столяры из-за сокращения рабочего дня и повышения заработка.

В 1898—99 г.г. большая стачечная волна захватила рабочих Белостока, Вильны, Бобруйска, Витебска, Вольковышек, Гомеля, Гродно, Двинска, Ковны, Минска и Орши и повсюду носила организованный характер и явные следы руководства социал-демократических организаций.

Постепенно отдельные кассы начали об'единяться между собой, создавая организации рабочих целого производства. Так, например, из таких касс быстро вырос „Всеобщий союз рабочих щетинщиков в Польше и Литве", созданный для более успешного проведения борьбы за сокращение рабочего дня.

Когда в щетинном районе (Волковышки, Вестинец, Креславка) началось движение за 12-часовой рабочий день, агитаторы-щетинщики собрались для обсуждения вопроса о значении этой борьбы и об отмене посредничества для щетинщиков всего края. На этом с'езде были выработаны общие положения, которые и легли в основание брошюры, специально написанной на вышеозначенную тему; они же об'единили и борьбу всего щетинного района и послужили основанием для организованного вскоре „Союза".

„Союз еврейских рабочих-кожевников" также явился следствием поголовной стачки кожевников в м. Сморгони и окрестностях, продолжавшейся около двух месяцев. Оба эти союза сыграли немаловажную роль в классовой борьбе еврейского пролетариата в Западном крае.

А наряду с ростом чисто экономических организаций—профессиональных союзов и стачечных касс—стали развиваться и крепнуть среди еврейских рабочих и чисто политические организации, вскоре возникшие во всех крупных городах Северо-Западного края и в Царстве Польском.

Эти организации также имели прочные корни в рабочей среде; так, на Интернациональном Социалистическом Конгрессе в Лондоне еврейские организованные рабочие были представлены четырьмя делегатами—от Варшавы, Вильны, Минска и Сморгони, где вместе было организовано более 3.000 рабочих.

В 1895 г. русское правительство обратило серьезное внимание на широко развившееся соц.-демократическое движение среди еврейского пролетариата. Начались массовые аресты и ссылки в Белостоке, Вильне, Варшаве, Лодзи, но все эти репрессии уже были не в силах искоренить и задавить массовое движение пролетариата. Места арестованных и брошенных в ссылку борцов быстро замещали новые и неуклонно продолжали начатое дело.

В 1897 г. состоялся с'езд представителей всех существовавших в то время организаций еврейского пролетариата и положил основание „Всеобщему еврейскому рабочему союзу" (Бунду), в который вошло и большинство стачечных касс.

„Бунд" явился, таким образом, первой крупной политической организацией рабочего класса в России, об'единившей десятки тысяч организованных рабочих; с момента своего возникновения он стал во главе рабочего движения в Северо-Западном крае и Польше, постепенно распространяя свое влияние среди еврейского пролетариата в Прибалтийском крае, на юге и юго-западе России, отпраздновав в 1917 г. двадцатую годовщину своего

существования. Бундом издавалось несколько партийных газет и журналов, получивших широкое распространение среди еврейского пролетариата: „Голос Рабочего“, „Еврейский Работник“, „Будильник“ и др.

Так же рано, как и еврейский пролетариат, пробудился к сознательной политической жизни и польский рабочий класс. Еще с конца 70-х годов среди польских рабочих было не мало сознательных социалистов, группировавшихся в кружки и союзы, организованные польской революционной интелигенцией.

Польский рабочий в этом отношении очень выгодно отличался от своих русских и еврейских товарищей. Он был значительно культурнее рабочего коренной России, жил в лучших условиях и работал при лучшей обстановке, чем рабочий еврейский, да кроме того, имел кое-какой простор для своей самодеятельности, главным образом, в больничных кассах, издавна существовавших для горнозаводских рабочих, и в обществах взаимопомощи на случай болезни, существовавших почти при каждом ремесленном цехе.

Кроме того, вся предыдущая история Польши наложила также свой отпечаток на общественные отношения. Русское правительство, по крайней мере на первых порах, относилось снисходительно к социалистической пропаганде среди польских рабочих, видя в ней известное противоядие против увлечения национализмом, в котором оно усматривало более непосредственную и более близкую опасность, чем в социализме.

Но зато к экономической борьбе рабочего класса с капиталистами то же самое правительство отнеслось совершенно по иному. Оно сразу же стало на защиту интересов предпринимателей, которые являлись единственным элементом в крае, тяготевшим к России, как к обеспеченному рынку для сбыта продуктов польского производства. Поэтому на стачки польских рабочих русское правительство стало обрушиваться всею силою своего полицейского, жандармского аппарата, не останавливаясь даже перед кровавыми репрессиями против забастовавших рабочих.

Капиталистическая промышленность в Польше в это время была уже сильно развита; преобладали крупные фабрики и заводы, привлекавшие к себе тысячи рабочих. Класс предпринимателей, пользовавшийся благосклонным расположением правительственной власти, был лучше организован и более подготовлен к стачкам, чем предприниматели центральной России. Это обстоятельство также не мало содействовало обострению борьбы польского

пролетариата, тому, что эта борьба здесь сразу приняла бурный характер и толкнула польский рабочий класс ранее, чем всюду подумать о создании собственной политической организации. Еще в 1877—1879 г. г. появляются в Польше первые социалистические кружки среди рабочих, причем, хотя эти кружки отражали влияние русского народничества, благодаря большему развитию промышленности, большей культурности польского рабочего и, наконец, непосредственному соседству с западно-европейскими странами, результат этой революционной деятельности оставил более заметные следы, чем работа русских революционеров того времени.

Между 1877—1882 г. г. в движение было вовлечено несколько тысяч рабочих. Хотя к началу 80-х годов большинство этих кружков было разгромлено, но на их развалинах стала складываться настоящая классовая социалистическая партия — „Пролетариат".

Выставив на своем знамени принципы классовой борьбы, она повела широкую агитацию среди рабочих во всех крупных промышленных центрах Польши, создавая повсюду довольно прочные организации рабочих, руководя стачечной борьбой польского пролетариата и побуждая рабочих становиться на путь активного протеста при попытках администрации и предпринимателей посягнуть на права рабочих.

Так, напр., в 1883 г. „Пролетариатом" были организованы массовые протесты рабочих по поводу распоряжения Варшавского обер-полицеймейстера о подчинении работниц врачебно-полицейскому надзору.

Агитация эта имела широкий успех и под влиянием рабочих протестов администрации пришлось отказаться от своего распоряжения.

Но ведя широкую агитацию в рабочей среде, указывая рабочим массам пути к борьбе за улучшение своего положения, стоя при этом на строго классовой точке зрения и на почве международной солидарности рабочих, „Пролетариат", в силу тогдашних политических условий, остался скорее заговорщицкой организацией, опиравшейся только на сочувствие широких рабочих масс, чем настоящей классовой партией польского пролетариата.

Находясь под идейным влиянием „Народной Воли", „Пролетариат" разделял, по крайней мере, на словах, террористическую деятельность, хотя и не применял ее на практике и высказывался за захват власти посредством политического заговора. Но одновременно с этим он вносил и многие существенные

поправки в эту часть народовольческой программы. Так, признавая террор, как одно из средств борьбы, „Пролетариат" не противопоставлял его массовому движению, от которого одного только и ожидал значительных практических результатов.

„Пролетариатом" издавался периодический орган под этим же названием. С партией „Народной Воли" у „Пролетариата" был заключен формальный договор, опубликованный в изданиях обоих партий.

Признание террора заставило часть членов организации отколоться от „Пролетариата" и образовать самостоятельную группу „Солидарность", но последняя, хотя еще более, чем „Пролетариат" по своим программным взглядам примыкала к с.-демократическим рабочим партиям Запада, не сумела приспособиться к тогдашним политическим условиям и почти не оставила после себя следа.

Деятельность же „Пролетариата", хотя она и была вскоре прервана крупными арестами 1883 — 1884 г. г., выхватившими из рядов организации более 200 человек наиболее активных ее членов, останется навсегда одной из наиболее ярких страниц польского революционного рабочего движения.

Русское правительство долго колебалось, как поступить с такой массой „преступников" и только к концу 1885 г. последовало распоряжение: большинство разослать по тюрьмам или сослать в отдаленные места Сибири, а 29 человек наиболее виновных предать военному суду.

Последний происходил в крепости и продолжался целый месяц, начиная с 23 ноября 1885 г. Суд приговорил 6 человек к смертной казни, 18 человек к каторжным работам на 16 лет, двух чел. — на 10 лет, одного на 8 лет и двух на поселение.

Александр III кое-кому смягчил наказания, но четырем участникам процесса: Куницкому, Бардовскому, Петрусинскому и Оссовскому смертная казнь была оставлена и они приняли ее с полным сознанием правоты дела, которому отдавали свою жизнь, с высоко поднятой головой всходили на эшафот и последним их словом было: Да здравствует „Пролетариат", „Да здравствует социальная революция".

Кроме четырех человек, погибших на висилице, наиболее крупными деятелями партии были: Л. Варынский, Янович, Кон. Пухевич, Маньковский и др.

Л. Варынский на суде произнес крупную политическую речь, которую нельзя обойти молчанием. Он говорил:

„На вопрос, признаю ли я себя виновным, я уже заявил, что о вине моей и всех нас не может быть и речи... Мы боролись во имя наших идей, мы правы перед своей совестью и перед народом, делу которого мы служили. Для меня безразличны подробности тяготеющих на мне обвинений и я не буду тратить времени на опровержение их. Моя задача состоит в том, чтобы нарисовать правдивую картину наших стремлений и деятельности, которым обвинение придало совершенно неверное освещение.

„Мы не сектанты и не отрешившиеся от действительной жизни мечтатели, какими нас считают обвинение и даже защита. Теория социализма завоевала права гражданства в науке и в ее пользу беспрестанно говорят совершающиеся факты современной жизни. Могучими мыслителями создана всеуничтожающая критика современного строя, они же указывают зародыши лучшего строя, которые быстро растут на почве современных условий. Парламенты и даже самодержавные правительства проводят законодательным путем реформы, которые находятся в вопиющем противоречии с господствующими понятиями о собственности. Концентрация государственных земель, которая происходит во многих странах Европы, переход железнодорожного хозяйства в руки государства, всеобщее введение фабричного законодательства — все это кладет неизгладимую печать на наше время и приближает день триумфа нового общественного устройства. Мы не игнорируем этих фактов, наоборот, мы ясно видим их значение и пользу нашему делу. Но мы в то же время убеждены, что „освобождение рабочего класса может быть делом только самих рабочих". Даже те паллиативные меры, которыми современные правительства стараются предотвратить социальную бурю, — и они вызваны напором рабочего движения.

„В подтверждение этого я позволю себе сослаться на проф. Вагнера, советника Бисмарка, авторитет которого не покажется, надеюсь, подозрительным г. прокурору. В одном из своих сочинений Вагнер говорит о значении современного социалистического движения и указывает, что под влиянием последнего правительства были вынуждены вступить на путь социальных реформ. Нет такого правительства, которое было бы совершенно независимо от входящих в состав данного государства общественных классов. Их влияние на государственный строй находится в прямом отношении к степени их политической зрелости и организации. До сих пор преимущество в этом отношении было на стороне привилегированных классов — буржуазии и дворянства. Вступая на политическую арену, рабочий класс должен организации

противопоставить организацию же и вести во имя определенного идеала борьбу с существующим общественным строем. Такова задача рабочей партии, ведущей борьбу под знаменем социализма. Она создает противовес другим общественным классам и ставит преграду реакционным вожделениям. Стремясь сама к радикальному изменению общественного строя, рабочая партия в настоящий момент ведет подготовительную работу. Ее задача состоит в том, чтобы заставить рабочих сознательно отнестись к своим интересам и вызвать их на стойкую защиту своих прав.

„Рабочая партия дисциплинирует и организует рабочий класс и ведет его на борьбу с правительством и господствующими классами.

„Мы стремились вызвать рабочее движение и организовать рабочую партию в Польше. Насколько наши усилия увенчались успехом, вы, господа, можете решить на основании тех данных, которые дало судебное следствие. Перед вами прошел длинный ряд свидетелей из рабочего класса.

„Вы помните, г. г. судьи, как их допрашивало обвинение, как оно добивалось желательных ему показаний. Вы помните также, что отвечали эти свидетели на задававшийся им вопрос, что они знают о стремлениях партии „Пролетариат".

„Их ответы можно заключить в одну общую формулу: партия стремилась улучшить положение рабочих и указывала пути, какими можно добиться этого. Симпатии рабочих на нашей стороне. Мы гордимся сознанием, что брошенное нами зерно глубоко запало и пустило сильные корни. Среди рабочих много было слабых, которые опустили перед силой свои головы и изменили своему делу, но будьте уверены, г. г. судьи, что в решительные минуты даже и эти слабые и запуганные люди станут на нашу сторону!..

„Мы организовывали рабочий класс для борьбы с современным строем. Мы не организовывали переворота, но организовывали для переворота. Мы знаем, что возрастающие классовые противоречия и нагнивающие на общественном теле раны неизбежно приведут к взрыву. Мы знаем также, какое страшное опустошение наступает тогда, когда нужда доводит народные массы до крайних пределов отчаяния и взволнованная стихия бросается на существующий строй. Именно поэтому нашей задачей было приготовить рабочий класс к революции, внести сознательность в его движение и самое это движение ввести в рамки организационной дисциплины, выставить определенную программу, наметить цели, указать средства... Мы не стоим над историей, мы подчиняемся ее законам.

Мы смотрим на переворот, к которому стремимся, как на результат исторического развития и общественных условий,—мы предвидим его и стараемся, чтобы он не застал нас врасплох".

Л. Варынский был заточен в Шлиссельбургскую крепость, где и умер 12 февраля 1889 г.

Партия „Пролетариат" не была уничтожена этими репрессиями правительства. Она вскоре восстановила свою организацию и несколько сузив свою деятельность, продолжала руководить борьбой польских рабочих вплоть до конца десятилетия и даже несколько далее.

В 1889 г. в Польше возник ряд новых рабочих кружков, не сочувствовавших резко политическому и террористическому направлению „Пролетариата". Эти кружки, во главе которых стал рабочий Я. Танский, выдвигали на первый план руководство экономической борьбой рабочих и организацию рабочих для этой борьбы. Они положили начало „Союзу польских рабочих", который хотя и исповедывал принципы международной с.-демократии, но на практике стремился не вносить в свою деятельность и агитацию элементов политической борьбы, ограничиваясь, главным образом, организацией стачечных боевых касс. Руководили „Союзом" по преимуществу рабочие, которым удалось об'единить в 1892 г. в своих нелегальных кассах до 6000 человек.

Но недостаток руководящих интеллигентных сил и последовавшие вскоре аресты сильно отразились на деятельности „Союза", и он вскоре сошел со сцены в качестве самостоятельной политической организации.

В следующем году началось об'единение различных уцелевших социалистических групп Польши в одну политическую партию, которое и завершилось в 1893 г. образованием „Польской Социалистической Партии" (П. П. С.).

При этом наличность крупной и все возраставшей революционной борьбы в Царстве Польском, при глухой и беспросветной реакции, продолжавшейся в остальной России, стремление координировать свою борьбу с деятельностью оппозиционных и революционных мелко-буржуазных партий Польши, пытавшихся воскресить традиции прежних польских национальных восстаний, и наличие целого ряда особых исторических условий развития края, толкнули вновь образовавшуюся партию на путь эклектического построения своей программы; восприняв идеи научного социализма и классовой борьбы пролетариата, она соединила их с программным требованием борьбы за образование самостоятельной польской

республики, стремясь доказать, что принадлежность к России, государству отсталому, тормозит развитие польской культуры и классовой борьбы польских рабочих.

Но разгоравшаяся в это время ярким пламенем классовая борьба польского пролетариата, в которую рабочие социалистические кружки ушли целиком, должна была вскоре показать неправильность таких построений.

Весь экономический строй Польши, промышленность которой почти целиком работала на русский рынок, являлся вопиющим противоречием подобной программы борьбы.

Для более сознательных борцов из среды польского рабочего класса это противоречие стало непримиримым; они не могли соглашаться своими собственными руками разрушать основания, на которых зиждилось существование самого рабочего класса, рубить, так сказать, тот сук, на котором они сами сидели.

Поэтому уже в 1894 г. главное ядро рабочей организации „Польской Социалистической Партии" откололось от нее и образовало свою самостоятельную партию под названием „Социал-демократии Польши и Литвы", руководимую группой марксистов во главе с известной писательницей и политической деятельницей Розой Люксембург.

Правительственные репрессии, вызванные разраставшимся рабочим движением в Царстве Польском, не замедлили отразиться, и на вновь образованной рабочей партии, быстро ослабив ее и даже временно сведя со сцены, но окончательно задушить сознательное движение польского пролетариата русскому правительству, конечно, не удалось.

Уже к концу XIX столетия „Социал-демократия Польши и Литвы" снова начала воскресать, постепенно приобретая все большее и большее влияние на рабочий класс.

Чтобы закончить обзор рабочего движения в 90-е годы в Польше, остановимся вкратце на более выдающихся событиях того времени.

Стачечное движение в Царстве Польском началось с самого начала десятилетия, и постепенно стачечная волна охватила всю страну.

Промышленный под'ем, начавшийся как раз в это время, облегчал польским рабочим ведение этой борьбы и внес сильное оживление в их среду. Всюду на фабриках и заводах стали организовываться кассы сопротивления, члены которых и становились вожаками начавшейся стачечной борьбы.

Уже в 1891 г. возникла довольно крупная стачка в Домброве, в которой приняло участие до 2.000 горнорабочих; в мае того же года стачечное движение в г. Лодзи охватило более 5.000 польских рабочих, главным образом, ткачей; в Жирардове, где рабочие поднимались за отстаивание своих прав уже в 1883—1884 г.г., забастовки распространились теперь на все фабрики, продолжались целую неделю и снова сопровождались кровавыми столкновениями забастовавших рабочих с казаками; несколько рабочих при этих столкновениях было убито, а свыше 900 человек были высланы на родину этапным порядком. В самой Варшаве стачечная волна охватила целый ряд производств, в которых рабочие добивались повышения заработной платы и сокращения рабочего дня, и также отличалась упорством.

Так волнения, охватившие рабочих Варшавско-Венских ж.-д. мастерских, принудили администрацию повысить заработную плату на 10 процентов.

Такого же увеличения заработной платы добились строительные рабочие г. Варшавы, и, кроме того, рабочий день у них был сокращен с 14 до 12 часов.

Целого ряда уступок после стачек или даже одних только угроз ими добились рабочие городов Лодзи, Згержа, Томашева, Побианиц.

Во всех этих выступлениях рабочих руководящая роль принадлежала социалистическим организациям; общее же количество польского пролетариата, вовлеченного в эту борьбу, превышало 100.000 человек.

Под влиянием такого широкого распространения рабочего движения, сильно всколыхнувшего рабочие массы Царства Польского, передовые рабочие кружки в 1890 г. рискнули на смотр своим силам в день международного пролетарского праздника первого мая.

Уже на Парижском Международном Конгрессе 1889 г., установившем празднование этого дня, в качестве делегата польских рабочих присутствовал варшавский каменщик Владислав Ангельский, позднее сосланный русским правительством в Сибирь и там покончивший жизнь самоубийством (1899 г.).

В 1890 г. на призыв социалистических организаций откликнулось более 10.000 варшавских рабочих. В 1891 и 1892 г. г. майские празденства и связанные с ними забастовки имели место в Жирардове и Лодзи, а затем постепенно стали распространяться по всему Царству Польскому, проникая в самые глухие углы.

В связи с этим праздником, в г. Лодзи в 1892 г. 5 мая снова вспыхнула грандиозная стачка, скоро принявшая характер всеобщей и превратившаяся, вследствие целого ряда кровавых столкновений рабочих с полицией и войсками, в форменное восстание.

При попытке рабочих забастовавших фабрик останавливать соседние фабрики, в ход были пущены войска, арестовавшие нескольких агитаторов.

Рабочие фабрики Познанского бросились отбивать арестованных, но войска дали залп, и 5 чел. рабочих, в том числе двое детей и 1 женщина были убиты.

Эти события подняли на ноги не только все население гор. Лодзи, доходившее в то время до 100.000 чел., остановились фабрики в Згерже, Здунской Воле, Пабианцах и Томашеве.

Рабочее население Лодзи устроило грандиозную демонстрацию двинувшись по улицам города с песнями и красными знаменами, на которых были выставлены требования политической свободы и 8-часового рабочего дня.

Стачечники разгромили полицейские участки, освободили арестованных.

Полиция, власти и фабриканты поспешили скрыться из города, который в течение некоторого времени перешел в руки поднявшегося на борьбу лодзинского пролетариата.

Разумеется, эта неожиданная победа рабочих не могла быть ими использована во всем об'еме, так как для самих рабочих она оказалась неожиданной, да и правительство очень быстро оправилось от испуга.

Из Варшавы были вызваны новые военные части; ген.-губернатор Гурко телеграфировал: „стрелять, патронов не жалеть!"

Войска снова стреляли, и этот протест обошелся лодзинским рабочим не дешево,—46 человек было убито и много тяжело ранено. Еще больше было арестовано и выслано.

Между прочим, во время этой стачки, в предместьи Балуты, повидимому, не без участия агентов полиции, хулиганами был начат еврейский погром, давший повод реакционной печати изобразить все движение лодзинского пролетариата чисто стихийным взрывом.

На эту стачку откликнулась вся Польша, и по стране снова разлилась волна забастовок, посредством которых рабочий класс Польши стремился выразить свое сочувствие жертвам лодзинской стачки.

После стачки лодзинские фабриканты, напуганные ее размерами, обратились к русскому правительству с ходатайством о законодательном сокращении рабочего дня во всей империи, но правительство Александра III, соблюдая интересы русских капиталистов, отклонило это ходатайство; и это обстоятельство для сторонников самостоятельной социалистической борьбы в Польше (П. П. С.) служило доводом в пользу правильности их программы.

В 1893 г., после незначительного волнения рабочих на фабрике Куницера, последним были вызваны казаки, пустившие в ход нагайки. Рабочие ответили на это террористическим актом, бросив бомбу в дом Куницера, причем часть здания была разрушена, но человеческих жерт не было. Жандармское дознание, отличавшееся крайней свирепостью, обнаружило существование значительной рабочей организации, пять членов коей военным судом были приговорены к смертной казни, но затем помилованы, а несколько десятков человек подверглись административной ссылке в северные губ. и Сибирь.

Особым упорством отличалась в Царстве Польском также борьба горнозаводских рабочих.

Как уже упоминалось выше, среди этих рабочих уже издавна существовали больничные кассы и товарищества, установленные законом еще в начале XIX столетия.

Первоначально эти горнозаводские товарищества были созданы специально для рабочих, занятых постоянно в предприятиях, принадлежавших правительству, но позднее они стали распространяться и на частных заводах.

Средства касс составлялись из обязательных вычетов из заработной платы, в размере от $1^1/_2$ до $3^1/_2\%$, и из взносов заводского управления.

Такая касса оказывала врачебную помощь семьям рабочих, выдавала пособие инвалидам, вдовам, сиротам и т. п.

Сами кассы, обыкновенно, попадали в руки заводской администрации, и на этой почве недовольство рабочих и волнения не прекращались, пока правительство не решилось изъять их из рук горнозаводской администрации и передать в ведение фабричной и горной инспекции.

Одна из стачек рабочих, возникших на этой почве, закончилась весьма трагически: в сентябре 1897 г. рабочие завода „Гута Банкова“ в Домброве, в количестве 4.000 человек, прекратили работы, добиваясь преобразования своей больничной кассы, которая существовала на их средства, но не подлежала их контролю.

Администрация завода не намеревалась делать рабочим уступок и поспешила вызвать войска.

18 сентября рабочие были вызваны к заводу, где им об'явили об их увольнении, и прежде чем рабочие успели разойтись, войскам был дан приказ стрелять; в результате—11 человек рабочих было убито.

В итоге описанной нами борьбы польского пролетариата, ему удалось уже в средине 90-х годов значительно улучшить свое положение в смысле поднятия заработной платы и сокращения рабочего дня в большинстве производств до $10^1/_2$ часов.

Когда же в 1897 г., законом от 2 июня, был установлен $11^1/_2$-часовой рабочий день, и польские фабриканты поспешили воспользоваться этим законом, чтобы и у себя удлинить эксплоатацию рабочего на лишний час,—польские рабочие снова поднялись на борьбу и энергично стали отстаивать свои прежние завоевания.

Этой борьбой полны последние годы истекшего XIX столетия,—и в огромном большинстве случаев победа и на этот раз осталась за рабочими.

Особенно крупные забастовки на этой почве разразились в Варшаве, где в 1899 г. бастовало свыше 30.000 рабочих типографий, механических и кожевенных заводов. Рабочие типографий в результате этой стачки добились повышения платы сразу на 30%. Такие-же крупные стачки разразились осенью 1899 г. среди строительных рабочих и рудокопов Домбровского района.

Рабочее движение литовского пролетариата не было таким интенсивным как польского, прежде всего потому, что он был малочисленнее и был разбросан преимущественно в мелком производстве. Но стремление к улучшению своего подневольного положения среди рабочих-литовцев проснулось также довольно рано.

Уже первая половина 90-х годов почти сплошь наполнена эпизодами его упорной борьбы с предпринимателями.

Среди литовцев довольно рано пробуждается стремление к организованному об'единению; начинают возникать в отдельных ремеслах кассы взаимопомощи и борьбы, а также рабочие социал-демократические кружки.

К средине этого десятилетия возникшие в довольно большом числе рабочие организации начинают серьезно думать об об'единении, и им действительно удается добиться такого об'единения в 1895—96 г.г.

Перейдем теперь от описания рабочего движения в Северо-Западном крае и Царстве Польском к остальным районам.

Здесь прежде всего приходится отметить, что в остальной России рабочее соц.-демократическое движение шло более медленным темпом.

Влияло на это, прежде всего то, что рабочий класс в коренной России был, так сказать, более исторически молод, появившись на историческую сцену сравнительно очень недавно: всего каких-нибудь два-три десятилетия.

Мы имеем в виду, конечно, всю массу рабочего класса, непрерывно и быстро возраставшую из года в год, постоянно пополнявшуюся десятками и сотнями тысяч обнищавшего крестьянства, которых капитал сгонял к своим станкам добывать для него прибавочную стоимость; разумеется, часть рабочих и здесь уже в течение нескольких поколений жила наемным трудом, но эта часть была слишком незначительна и тонула в остальной миллионной армии пролетариата.

Затем влияло также и то, что русский рабочий в своей массе приходил на фабрику не от ручного станка в ремесленном или мануфактурном предприятии, а прямо от сохи, приходил чаще всего малограмотным, если не вовсе безграмотным, с малой политической сознательностью, с низким культурным уровнем и, разумеется, не имел никакого опыта ни в политической, ни в экономической борьбе.

Правда, попадая из своей деревни сразу в крупный промышленный центр, такой рабочий довольно быстро революционизировался всей окружающей его обстановкой, обнаруживал готовность примыкать к борьбе своих товарищей за улучшение экономического положения, но эти качества не могли собою заменить ни политической опытности, ни сознательности, ни культурности, которые даются только путем довольно долгого исторического развития.

Должны были поэтому пройти еще новые десятилетия, прежде чем эти условия существенно изменились. В описываемое же нами время—эпоху 90-х годов—они оказали сильное влияние на развитие соц.-демократического движения среди русских рабочих.

В остальной России в эти годы далеко не наблюдалось такого массового распространения ни социалистических рабочих кружков, ни экономических касс борьбы, с каким мы познакомились при описании борьбы польского и еврейского пролетариата.

Здесь в русло сознательного рабочего движения втягивался только наиболее передовой слой рабочих, только сливки рабочего класса.

Общая же экономическая обстановка начала 90-х годов несомненно содействовала пробуждению рабочих масс.

Неурожай 1891—92 г.г., ослабив покупательную способность крестьянства, сильно отразился на развитии фабрично-заводской промышленности, вызвав промышленный застой, который неизбежно повел за собою понижение заработной платы и массовую безработицу.

А то и другое, в свою очередь, вызвало повсеместное волнение рабочих. Последним почти повсюду приходилось отстаивать старые расценки, так как, пользуясь наплывом из деревень ищущих работы крестьян, предприниматели повсюду стали понижать заработную плату.

При этом стремление фабрикантов использовать в своих выгодах тяжелое положение, в котором оказались рабочие, вызывало в среде последних страшное озлобление, и в ряде забастовок происходил разгром фабрик.

Еще недостаточно сознательная рабочая масса не могла, разумеется, правильно учесть неблагоприятную для нее экономическую кон'юнктуру и часто поднималась на борьбу без всякой надежды на успех.

Предприниматели же, будучи мало заинтересованы, вследствие застоя в промышленности, в увеличении выработки, легко переносили эти стачки, и последние обычно оканчивались поражением рабочих, которых голод, в конце концов, заставлял соглашаться на все условия.

И только там, где налицо оказывалась рабочая организация рабочим удавалось добиться победы и уступок. Полного промышленного кризиса, однако, в эти годы русская промышленность не переживала, и наряду с застоем в отдельных отраслях промышленности, общее производство страны, хотя и замедленно, но продолжало возрастать: общее число рабочих за эти годы даже повысилось,*) но так как с одной стороны промышленность была не в состоянии поглотить все кадры безработных, выброшенных голодом из деревни, а с другой, благодаря неурожаям, сильно

*) На фабриках и заводах, число рабочих с 1.425 тыс. ч. в 1890 г. повысилось в 1893 г. до 1.583 тыс. Производство чугуна за то же время возросло на 36 проц.; потребление хлопка поднялось на 11 проц., производство каменного угля увеличилось на 40 проц.; число же фабрик и заводов, сократившееся немного в 1891—92 г.г., начиная с 1893 г., опять начало возрастать.

возросли цены на хлеб и другие продукты потребления, то рабочее население городов испытывало острое состояние недовольства и беспокойства, которое в некоторых городах, помимо какого бы то ни было воздействия стало выливаться в уличные беспорядки Так было, напр., в Витебске, где волнения разразились на почве вздорожания хлеба; в м. Заверце, Петроковской губ., осенью 1891 г. такие же волнения закончились серьезным столкновением с полицией и избиением демонстрантов, а в Поволожьи, где, благодаря неурожаю и упадку хлебной торговли, скопилась масса безработных портовых рабочих, это же недовольство начало принимать форму „холерных бунтов" и в ряде городов (Астрахань, Царицын, Саратов, Покровская Слобода, Хвалынск) достигло таких грозных размеров, что правительство для борьбы с ним прибегло к военным судам и смертным казням.

Во всех этих случаях темная рабочая масса, под влиянием безотрадного экономического положения, быстро воспламенялась по случайному поводу, и, вместо того, чтобы обдуманно и организованно начать борьбу за улучшение своего положения, готова была искать виновника в первом встречном, громя лавки, повысившие цены на хлеб или направляя свой гнев против больниц и докторов, боровшихся с распространением холерной эпидемии. Все эти формы стихийного и бессознательного протеста, разумеется, не могли дать никаких положительных результатов рабочему классу; в них принимала участие исключительно наиболее темная и забитая рабочая масса, которая не находила выхода из своего безотрадного положения и даже не знала, где его искать. Наряду с постоянными рабочими в этих стихийных бунтах приняли участие и те крестьянские массы, которые, покинув, под влиянием голода, деревню, пришли в город в поисках за заработком и, не находя его для себя, дешевым предложением своих рук только сбивали заработную плату постоянным рабочим.

На общем фоне развернувшейся в 90-е годы борьбы русского пролетариата, эти стихийные вспышки бессознательного протеста звучат, как последние раскаты предреволюционного грома, возвещавшего самодержавной бюрократии России о народжении в недрах промышленных городов новой крупной общественной силы, которой недостает еще только света сознания.

Более частые еще в предшествующее десятилетие, столь богатое стихийной борьбой рабочих масс, эти раскаты теперь как бы замирают, чтобы уступить место сознательной и организованной борьбе широких рабочих масс, достаточно ясно уже обозначавшейся к концу 90-х годов.

В Москве сигнал к стачечному движению дали машиностроительные заводы Бромлей, Вейхельта, Гужона, Доброва и другие, рабочие которых стали добиваться сокращения рабочего дня.

К этому времени в Москве из действовавших раньше отдельных с.-демократических кружков успел уже в 1894 г. сорганизоваться „Московский Рабочий Союз", о широкой агитационной работе которого мы будем говорить более подробно в следующей главе.

На всех этих заводах у Союза были прочные связи; рабочие этих заводов были наиболее сознательными и оказались стойкими в борьбе; последняя поэтому обычно довольно быстро приводила к удовлетворению выставленных требований и этим самым поднимала авторитет организации в глазах рабочих.

После целого ряда стачек рабочие этих заводов добились сокращения рабочего дня до 10½ и даже 10 часов.

Зато в других отраслях производства, где состав рабочих был менее культурен и сознателен, рабочее движение проходило менее стройно; идея организации прививалась там с большим трудом, число членов боевых стачечных касс было очень ничтожно. Влияние Союза также было недостаточно прочно.

Так, когда в 1896 г. „Московский Рабочий Союз" призвал московских рабочих поддержать стачкой борьбу петербургских рабочих, боровшихся в это время за сокращение рабочего дня, то на его призыв откликнулись лишь очень немногие заводы, главным образом, жел.-дорожные мастерские Курской и Брестской жел. дорог; рабочие же остальных фабрик и заводов остались глухи к призыву.

Отдельные стачки, проходившие более или менее удачно, были в это время на шелковой фабрике Грессера, на чугунно-литейном заводе Перунда; стачка же на Прохоровской мануфактуре, рабочие которой добивались повышения заработной платы, окончилась довольно печально: 40 человек из толпы забастовщиков были арестованы, а остальные, напуганные присутствием нагнанных на фабрику казаков, полиции, пожарных и жандармского дивизиона, возобновили работу на прежних условиях.

Приблизительно так же, как и в Москве, развивалось рабочее движение в остальном районе Центральной России.

Рабочее население этого района до средины 90-х годов мирилось с чрезмерно низкой заработной платой, спускавшейся до 7—9 рублей в месяц, длинным рабочим днем, придирчивостью

администрации при браковке товаров, частыми штрафами и с нежеланием фабрикантов ни в чем идти навстречу в деле улучшения условий существования рабочих.

Работа на ткацких и бумаго-прядильных фабриках продолжалась по 12—14 часов при высокой температуре до 35° R и при отсутствии вентиляции; она действовала изнуряюще на организм рабочих, и последние, действительно, поражали своим болезненным видом, изможденностью, впалой грудью.

Особенно утомляло рабочих однообразие работы—ходить взад и вперед за кареткой мюль-машины, делая в общем 12—15 верст. Сами рабочие про себя говорили горькую правду:

— Мы—не то, что слесаря и токаря: те после работы придут домой, горшок каши сразу с'едят, а мы приходим домой, протолкавшись на фабрике день-деньской, совсем от еды отбились, нет аппетита!

К этим условиям изнуряющего тело рабочего труда присоединялась самая беззастенчивая система эксплоатации со стороны фабрикантов, не брезговавших для повышения своих прибылей прибегать к систематическому обмериванию рабочих.

Когда же выведенные из терпения рабочие стали протестовать против подобной эксплоатации, им часто без особого труда удавалось добиваться значительного улучшения условий труда.

Стачки рабочих в этом районе имели место в Ярославской Корзинкинской мануфактуре в 1892 г., на ткацкой фабрике в Вышнем-Волочке в 1894 г.

В Иваново-Вознесенске, центре русской текстильной промышленности, к средине 90-х годов возникла рабочая соц.-демократическая организация, назвавшая себя „Иваново-Вознесенским Рабочим Союзом".

Под влиянием одного из передовых рабочих Союз стал расширять свою деятельность путем привлечения более широкого круга рабочих.

Но все-таки эта организация не имела вполне прочных корней в рабочей массе; число членов ее было очень ограничено, и всегда существовала опасность, как бы полицейский разгром не прервал наладившуюся работу.

Поэтому, когда в начале 1895 г. разразилась стачка на Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуре, члены рабочего соц.-демократического кружка, взявшие на себя руководство стачкой, не решились выступить от имени организации, а делали это от своего собственного имени.

Тем не менее, как эта стачка, так и ряд других, протекли очень удачно, и иваново-вознесенские ткачи и прядильщики, еще до издания закона 2 июня 1897 г., добились у себя введения двух 9-часовых смен и значительного увеличения заработной платы.

Рабочие, желая предупредить вмешательство полиции, позаботились, чтобы во время стачки не нарушался порядок и даже, по общему соглашению, воспретили употребление водки; но столкновения с войсками им все-таки не удалось избежать.

Общая забастовка ткацких фабрик в г. Шуе в 1893 г. прошла также весьма организованно. Она являлась как бы продолжением борьбы 1888 г. и началась под лозунгом сокращения рабочего дня, как только наметившееся промышленное оживление позволило рабочим надеяться на успех их выступления. Стачка длилась неделю и закончилась установлением на всех фабриках г. Шуи 12-часового рабочего дня (вместо 13 ч.).

Рабочие ситце-набивных фабрик Иваново-Вознесенского района, почти не принимавшие участия в предыдущем стачечном движении, выступили на борьбу позднее и, благодаря влиянию Рабочего Союза, также провели борьбу успешно.

Поводом к их стачке, охватившей до 30.000 рабочих, послужило то обстоятельство, что, когда новый закон уменьшил рабочий день на этих фабриках с 13—14 часов до 11½ часов, фабриканты сделали было попытку уменьшить число праздничных дней.

Вспыхнувшая стачка продолжалась с 23 декабря 1897 г. по 13 января 1898 г., и рабочие добились не только сохранения числа праздничных дней, но и сокращения рабочих часов накануне праздников.

В результате этой борьбы, которой также руководил Союз влияние его значительно окрепло и продолжало увеличиваться. Собрания, устраиваемые им, стали более многолюдными и оживленными; появилась стачечная касса, библиотека, был выработан устав Союза.

В остальных местах Владимирской губ., а равно и в соседних с ней, стачечное движение во вторую половину 90-х годов вызывалось, главным образом, стремлением рабочих провести в жизнь закон 2 июня 1897 г.

При этом, так как в этом районе, наряду с небольшими сравнительно группами профессиональных рабочих, наиболее заинтересованных в борьбе за лучшие условия труда, главный кадр рабочих комплектовался из местных полурабочих-полукрестьян; профессиональным группам рабочих сплошь и рядом

приходилось, начиная стачку, насильно втягивать в нее крестьянские и мещанские элементы местных рабочих, не останавливаясь даже перед мерами физического воздействия.

Но так как стачки эти в большинстве случаев оканчивались победой, то это мирило малосознательные элементы пролетариата с самой стачкой и приучало их к сознанию смысла совместной дружной борьбы.

Стачка в Егорьевске в 1894 г., на Хлудовской мануфактуре,— начавшаяся было, как и предыдущие движения рабочих на этой фабрике, с разгрома, причем директор этой фабрики всеми мерами стремился провоцировать беспорядки, чтобы иметь повод вызвать войска и с этой целью выдал группе рабочих 100 руб. на водку, — благодаря вмешательству более сознательных рабочих, протекала вполне организованно, протянулась больше недели, распространившись на все остальные фабрики, расположенные в Егорьевске, и закончилась частичной победой рабочих.

Она также показала рабочим, что только в интересах фабрикантов превращать мирную стачку в буйный погром, чтобы затем легче справиться с рабочими при помощи вооруженной силы, которую правительство всегда весьма охотно предоставляло к услугам предпринимателей.

В Нижнем-Новгороде рабочие механического производства в 1896 г., отвоевали себе стачкой 10½ ч. рабочий день. В Нижнем еще раньше, а именно к 1893—94 г.г. существовало крупное с.-демократичеекое ядро, выделившее впоследствии целый ряд ответственных партийных работников (И. С. Мицкевич, И. П. Гольденберг, Н. А. Вигдорчик, З. П. Кржижановская и др.; к 1896 г. разрозненные рабочие кружки стали об'единяться и стачки рабочих прошли при участии местных с.-демократов, начавших применять методы широкой агитации.

Крупное агитационное значение для всего рабочего класса в России имела стачка рабочих Большой Корзинкинской мануфактуры в Ярославле, начавшаяся в 1895 г.

Стачка была вызвана голодными заработками, непомерными штрафами и целой системой самой грубой эксплоатации. На фабрике преобладали пожилые уже рабочие, настроенные очень патриотично, но и они были выведены из себя системой прижимок.

После ряда неудачных переговоров с представителями местной власти, было решено обратиться с жалобой и мольбой о защите к московскому ген.-губернатору.

Была составлена в самых лойяльных выражениях верноподданническая петиция, и для вручения ее губернатору отправилась многочисленная депутация, состоявшая преимущественно из стариков и женщин.

В эту покорно настроенную толпу просителей батальон Фана, горийского гренадерского полка, по распоряжению губернатора, дал без всякого предупреждения три залпа, уложив на месте около 15 человек.

Кроме того, среди рабочих были произведены аресты, и значительная часть их была в административном порядке выслана на родину.

Уже самый факт ничем не вызванного расстрела безоружной толпы рабочих, разнесенный по лицу всей России административно-высланными забастовщиками, был широко использован соц.-демократическими организациями в качестве яркой иллюстрации классового характера нашего правительства; но еще большее агитационное значение приобрело это событие, когда вскоре в газетах было об'явлено „царское спасибо молодцам-фанагорийцам".

На юге России, за исключением Екатеринославской губ., развитие крупной промышленности совершалось довольно медленно, зато в ремесленном производстве со второй половины 90-х годов начался тот же ускоренный процесс капитализации, какой произошел немного ранее в Северо-Западном крае.

На юге в первой половине 90-х годов почти во всех крупных центрах существовали уже зачатки с.-демократических организаций: в Одессе, Екатеринославе, Ростове на-Дону, Киеве, Николаеве, но большинство из них еще недостаточно к этому времени оформилось и окрепло и не могло поэтому оказывать крупного влияния на развивавшееся рабочее движение. Частые провалы также постоянно мешали работе, и к участию в массовой агитации в это время начали переходить только с.-демократические группы в Киеве, Ростове на Дону и Одессе.

Первые революционные соц.-демократические кружки, возникшие в начале этого десятилетия в Одессе и Киеве, приняли самое деятельное участе в стачечном движении рабочих, охватившем почти все отрасли ремесла как в крупных, так и в малых городах юга; одесский соц.-демократический кружок, кроме того, вел пропаганду среди матросов и кочегаров.

В 1892 г. произошла стачка рабочих в железнодорожных мастерских Курско-Харьково-Севастопольской ж. д. из-за введения расчетных книжек, так как при этом администрация дороги стремилась ухудшить условия труда рабочих.

В Киеве уже в 1894 г. началась борьба за сокращение рабочего дня до 12 час. в сутки; в Одессе в 1896 г., кроме того, разразились стачки на табачных фабриках; в Херсонской губ., происходили волнения на кирпичных заводах из-за плохих харчей и низкой заработной платы. В огромном большинстве случаев все это были довольно мелкие стачки, не захватывавшие всех рабочих данного производства.

В Киеве к 1895 г. связи с рабочими настолько расширились, что возникла необходимость создания „Рабочего Комитета", который стал постепенно руководить повседневной борьбой киевских рабочих. Кроме Рабочего Комитета существовала еще центральная руководящая группа, оказавшая огромное влияние на все южнорусское с.-демократическое движение.

В Ростове на Дону в 1894 г. сложилась довольно крупная рабочая с.-демократическая организация, обнимавшая до 150 чел. рабочих главнейших предприятий города, разбитых по кружкам; большинство этих кружков возникло еще под влиянием пропаганды народников в самом начале 90-х годов, но постепенно перешло на сторону пропагандистов с.-демократов.

Деятельное участие в работе организации принял попавший в это время в Ростов П. А. Моисеенок, руководитель Морозовской стачки 1885 г.; он и здесь принял участие в организации большой железнодорожной забастовки в мастерских Владикавказской ж. д. разразившейся в ноябре 1894 г.

Вся эта стачка прошла под руководством с.-демократической организации и окончилась победой рабочих, но обошлась рабочим не дешево: организация была разгромлена и около 200 чел. подвергались аресту. Возобновить организацию ростовцам удалось только год спустя.

В г. Николаеве во второй половине 90 х годов местными соц.-демократическими кружками была основана рабочая организация, принявшая название „Южно-русского Рабочего Союза"; в 1897 году эта организация устроила центральную кассу, половина дохода которой предназначалась для стачечного фонда, одна треть для взаимопомощи, а шестая часть шла на организацию рабочей библиотеки.

Одним из главных руководителей этой организации был Л. Троцкий, начавший в г. Николаеве свою революционную карьеру. Организация издала ряд экономических листков, выпустила три номера журнала „Наше Дело". В 1898 г. работа Союза была прервана массовыми арестами.

Зато в г. Екатеринославе и Екатеринославской губернии, где изумительно-быстрый рост промышленности сразу стянул массу рабочих со всех концов России, рабочее движение довольно быстро приняло массовый и резко-революционный характер.

Уже в 1892 г. в Юзовке, Бахмутского уезда, были крупные рабочие беспорядки, окончившиеся военным усмирением, судом и смертными приговорами.

Революционные соц.-демократические кружки, существовавшие среди екатеринославских рабочих, скоро об'единившиеся в одну общую организацию, выступившую под именем „Екатеринославского Рабочего Союза", пытались с самого начала руководить начавшимся во второй половине 90-х годов стачечным движением, но далеко не всегда успевали совладать с буйным характером стачек и направить их в более мирное русло.

С лета 1897 г. начались в Екатеринославе стачки ремесленников, среди которых действовало несколько стачечных касс; в следующем году волнения начались среди заводских рабочих.

В марте забастовали рабочие Франко-Русского завода; в мае 1898 г. стачка на этом заводе повторилась; рабочие добивались повышения заработка, сокращения рабочего дня и принятия мер безопасности при работах возле машин.

Почти одновременно же разразился бунт на Брянском заводе, вызванный теми же условиями труда; на этом заводе работало от 5—7 тысяч рабочих и размеры его увеличивались из года в год; завод приносил крупную прибыль, не брезгая никакими способами эксплоатации рабочих: заработная плата была самая нищенская, составляя для взрослого рабочего 70 коп. в день, а для молодых, опускаясь до 40—50 коп.

Администрация завода не соблюдала закона о предельности рабочего дня, вступая в „добровольные" соглашения с рабочими по этому поводу.

Об ограждении опасных механизмов никто не заботился, и число несчастных случаев доходило до ужасающих размеров: за 15 лет таких случаев на заводе насчитывалось до 10.000.

Наконец, заработок рабочего сокращался еще и благодаря заводской „потребительской лавке", цены в которой на товары были значительно выше, чем в соседних мелочных лавках, а забирать в ней рабочие были вынуждены, так как уплата заработка систематически задерживалась.

Во время волнений, вспыхнувших в мае 1898 г. на этом заводе рабочие разнесли и сожгли заводскую контору, разгромили

казенный винный склад и „потребительскую лавочку". Дело окончилось арестами, высылками и судом, которому было предано 73 человека.

В 1899 г. во время волнений рабочих железнодорожных мастерских были попытки устройства еврейского погрома. Часть забастовавших рабочих, под влиянием агитации темных элементов, уже двинулась было громить еврейские лавки, но были удержаны от этого вмешательством соц.-демократической организации.

В г. Николаеве же, где приблизительно в это же время началось забастовочное движение среди строительных рабочих, которых обсчитывал подрядчик еврей, социалистам не удалось предотвратить погрома.

На другом конце России—в Прибалтийском крае, где наблюдался такой же быстрый рост промышленности, привлекший в такие крупные центры, как Рига, Либава, Митава, массу разорившихся крестьян, интенсивное рабочее движение также началось со второй половины 90-х годов, когда, вслед за расцветом промышленности, началась заминка, повлекшая за собою уменьшение заработной платы и ухудшение всех остальных условий труда.

Во главе движения здесь стала соц.-демократическая организация латышского края, об'единившая большинство социалистических рабочих кружков.

Начиная с 1895 г., здесь разразился ряд крупных стачек; особенно же острый характер борьба латышских рабочих приняла с весны 1899 г. когда, начатая 1 мая в Риге мирная стачка рабочих на джутовой фабрике превратилась, благодаря вмешательству полиции, в бурную всеобщую забастовку 40.000 рабочих, закончившуюся разгромом фабричных зданий, поджогами и столкновением с войсками.

Точно также и стачка в Либаве, начавшись с волнений на экономической почве, быстро превратилась в массовую рабочую демонстрацию и почти всеобщую стачку, причем большинство забастовавших в Либаве рабочих даже не выставляло своих требований, а скорее демонстрировало солидарность всего рабочего класса.

На Кавказе в 1894—1895 г. г. начались крупные волнения на табачной фабрике в Тифлисе, вызванные, помимо обычных приемов эксплоатации и бесчеловечного обращения, которым подвергались рабочие, еще и наглым обманом со стороны владельцев фабрики. Можно считать, что именно эта стачка положила начало рабочему движению на Кавказе.

Дело заключалось в том, что с рабочих в течение нескольких лет удерживали из жалованья 4—5 проц. для устройства кассы взаимопомощи на случай болезни или смерти.

Когда же однажды рабочие обратились за выдачей пособия на похороны умершего товарища, администрация фабрики нагло отказала им, заявив, что никакой кассы не существует и отрицая удержание денег с рабочих.

Рабочие, возмущенные таким наглым обманом, стали демонстративно заявлять свой протест, добиваясь расследования.

Но поверили все же не им, несмотря на единодушные показания сотен рабочих, а „честному слову“ капиталиста, отрицавшего существование кассы; записей же ни в рассчетных книжках рабочих, ни в книгах конторы не оказалось.

Между тем, по самым умеренным подсчетам, путем этих удержаний должны были составиться суммы не менее 30.000 руб.

Фабрика рассчитала всех рабочих, и спустя некоторое время выписала новые усовершенствованные машины, купленные на присвоенные сбережения рабочих и позволившие ей обходиться только женским трудом, как более послушным и безропотным.

В 1899 г. вскоре после маевки, отпразднованной в этом году только в тесном кругу организованных тифлисских рабочих, началась забастовка рабочих тифлисской конно-железной дороги: в ней приняли участие кучера и кондуктора конки, выставившие требования сокращения рабочего дня, повышения заработной платы и изменения суровых правил и распорядков их службы.

В стачку немедленно вмешалась полиция, арестовавшая 150 чел. участников; рабочие хотя и оказали сопротивление вмешательству полиции, но должны были уступить. Тем не менее глухое недовольство, оставшееся после этого поражения, заставило администрацию посчитаться с рабочими требованиями и, она месяца через три после стачки поспешила выполнить почти все, заявленные рабочими требования.

Менее крупные по размерам, но, пожалуй, более упорные по характеру, забастовки происходили среди типографских рабочих, добивавшихся более сносных условий своего существования; в особенности упорно боролись наборщики газеты „Иверия“, которые, несмотря, на поголовные аресты полиции, все же при полной поддержке остальных типографских рабочих сумел и добиться удовлетворения выставленных требований.

На далеком Урале, с его особыми условиями старинной крупной промышленности, которая не только не развивалась, а скорее даже увядала, рабочие были поставлены несколько в особые условия по сравнению с остальной Россией; они были наделены здесь небольшими земельными участками и пользовались, подобно горнозаводским рабочим в Польше, по закону правом организации заводских товариществ.

Участие в этих горнозаводских товариществах, по „Положению о горнозаводском населении" 8 марта 1861 г., было сделано даже обязательным для каждого постоянного рабочего казенного завода или рудника, достигшего 18-летнего возраста.

С рабочих производился вычет из жалованья в размере 2—3 проц., и такую же сумму вносило заводоуправление; кроме того, в кассу товарищества поступали штрафы с рабочих за разные провинности, проценты на ссуды и на капитал кассы, пожертвования и т. п.

Из этих касс производились выплаты пожизненных пенсий членам товарищества и их семьям, оказывались временные вспомоществования, денежные пособия, выдавались бесплатно лекарства, содержались больные рабочие и т. п.

В 1893 г. министром государственных имуществ было издано „постоянное положение" об этих товариществах, которое отдало эти товарищества под постоянную опеку заводоуправления, но так как к этому времени много товариществ уже существовало и успело привыкнуть к иному порядку ведения дел, предоставлявшему рабочим большой простор самодеятельности, то на почве этой опеки заводской администрации вскоре начались столкновения последней с рабочими.

А так как высшая администрация, в случае столкновения и жалоб, всегда становилась на сторону заводоуправления, рабочим, настроенным в начале довольно мирно, пришлось прибегнуть к более активной борьбе.

Один из таких конфликтов, весьма поучительный, разыгрался в 1896 г. на казенном заводе в Златоусте.

Управление завода сделало распоряжение об удлинении на 1 час рабочего времени и перенесении часа обеда.

Так как в уставе товарищества говорилось о том, что его ведению подлежит, между прочим, обсуждение могущих возникнуть споров относительно исполнения работ и найма и „соблюдение общепринятого по заводу порядка", то представители, товарищества опротестовали это распоряжение администрациии оно было отменено.

Несколько месяцев спустя заводоуправление предложило рабочим новые расчетные книжки, в которых был опущен пункт о том, что „недоразумения по вопросам исполнения работ и найма" должны разбираться при участии горнозаводского товарищества.

Рабочие запротестовали и стали требовать включения этого пункта. Заводская администрация упорствовала и заявила, что до тех пор не выдаст рабочим уже заработанных ими денег, пока они не согласятся принять новые расчетные книжки.

— Дело рабочих не рассуждать, а исполнять то, что велит начальство! — было сказано депутатам рабочих, которые вели переговоры с администрацией.

Рабочие решили тогда отправить телеграмму министру земледелия и государственных имуществ с жалобой на заводоуправление. Телеграмма подействовала, и заработная плата была уплачена заводоуправлением.

Следующее общее собрание товарищества, благодаря этим обострениям взаимоотношений, прошло очень бурно. На нем присутствовало около 1.000 членов товарищества, горный начальник, управляющий заводом и другие инженеры.

Началось с того, что председатель товарищества, назначенный, согласно уставу, заводоуправлением, вычеркнул самовольно ряд вопросов из программы собрания, внесенных рабочими.

Рабочие запротестовали и добились внесения этих вопросов повестку

Затем рабочими была также опротестована правильность расходов из кассы товарищества по единоличному распоряжению председателя.

После долгих дебатов, во время которых начальство давало уклончивые ответы, рабочие поставили вопрос ребром: „могут-ли они пользоваться всеми правами, предоставленными „Положением о горнозаводском населении" 1861 г., а если не могут, то почему?"

И на этот вопрос заводоуправление не дало прямого ответа.

Тогда рабочие отправили на имя главного начальника уральских горных заводов следующую телеграмму:

„Общее собрание членов Златоустовского товарищества покорнейше просит ваше превосходительство раз'яснить, могут ли они пользоваться правами, предоставленными положением 8 марта 1861 года".

Ответ главного начальника, получившийся на это настойчивое искание рабочими законности, был таков:

„Такие вопросы неуместны, противозаконны. Если выходки продолжатся, закрою товарищество".

Вскоре приехал на завод сам главный начальник уральских горных заводов и по спорному вопросу, должны ли возникающие недоразумения между рабочими и заводоуправлением разрешаться товариществом, стал на сторону заводоуправления, раз'яснив, что эта статья закона должна применяться только в тех случаях, когда заводоуправление по собственному почину предложит товариществу рассмотреть какое-либо отдельное недоразумение.

Чтобы избавить на будущее время заводоуправление от повторения таких столкновений, в 1897 г. „Положение о горнозаводских товариществах" было изменено министерством и права общих собраний значительно урезаны.

Так печально закончились поиски златоустовских горнозаводских рабочих законности. Но этот же печальный конец их поисков открыл рабочим глаза на многое, а проникновение в их среду социалистически настроенных рабочих довершило их воспитание, и несколько лет спустя, уже в новом столетии, при повторении столкновения златоустовских рабочих с администрацией завода, правительству для умиротворения их пришлось прибегать к содействию вооруженной силы.

Уже эта легальная борьба златоустовских рабочих была использована уральскими соц.-демократами, которые подробно описали ее на страницах местной газеты „Степного Края".

К 1897 г. были предприняты попытки об'единить работу с.-демократических кружков по всему Уралу. На двух небольших местных с'ездах был выработан план дальнейшей совместной работы и организовано получение нелегальной литературы из-за границы. В этом же году начались стачки златоустовских рабочих и забастовали рабочие Н.-Тагильского завода.

Такова в общих чертах картина роста рабочего движения в России в 90-е годы и возникновения и влияния на это движение первых соц.-демократических организаций.

Уже начиная с 1897 г. и в особенности с 1898 г., когда в промышленности снова почувствовалась заминка, рабочий класс сразу же ощутил это на себе самом, так как на большинстве фабрик и заводов начался довольно энергичный нажим предпринимателей с целью понизить расценки, сократить число праздников и, если возможно, удлинить рабочий день.

Рабочий класс почти повсеместно отвечал энергичным протестом на все эти попытки, и такие защитные стачки в 1898—99 г.г. имели место в Петербурге: на фабриках Воронина, Макевеля, Кожевникова, Печаткина, Гука, Чешера, Паля, на металлургических заводах, в адмиралтействе, на газовом заводе и т. д.; в Москве: на мануфактурах Прохорова и Побнера; в центральном районе: в Вышнем Волочке, на Нарской мануфактуре близ Ярославля, Наволоках, Костромской губ., в Твери на Морозовской мануфактуре, в Серпухове, Кинешме; а также в Екатеринославе на Франко-русских вагонных мастерских, в Нижнеднепровске на вагоностроительном заводе, в Харькове на заводах Тренке, Бельке Бельгийского О-ва, в Мариуполе и Николаеве; на Западе— в Ковне на механическом заводе, в Риге на ряде фабрик, в Лифляндской губ. и в Царстве Польском.

Первоначально, пока еще новый промышленный кризис не успел окончательно выявиться, рабочим в большинстве случаев удавалось отстаивать свои прежние позиции, но чем дальше, тем сопротивление предпринимателей приобретало все более упорный характер и борьба рабочих все чаще оканчивалась поражением, причем в трех местах, где рабочие организации отсутствовали вовсе или же были еще очень слабы, возмущение рабочих масс новыми нажимами капиталистов выливалось в разгромы заводов, фабричных лавок, избиение администрации и т. п.

Общее число стачек и принимавших в них участие рабочих по годам выражается в следующих цифрах:

Годы	Число стачек	Число рабочих
1895	68	31.195
1896	118	29.527
1897	145	59.870
1898	215	43.150
1899	189	97.498 *)

Эти официальные данные гораздо ниже действительных, так как они относятся только к фабрикам и заводам, подчиненным фабричной инспекции. По более полным сведениям, число бастовавших рабочих в 1897 г. равнялось 102.000 чел., в 1899 г.—130.000, а за все пятилетие 1895—99 г.г. достигло почти—450.000 человек.

Чаще всего стачки возникали в наиболее крупных предприятиях, об'единявших 1.000 и более рабочих. Почти в 90% таких

*) Число рабочих, участвовавших в стачках за первое пятилетие 90-х годов определяется по подсчетам Ю. Мартова и В. Невского в 200.000 чел.

промышленных заведений были стачки за последнее десятилетие. В предприятиях с количеством рабочих от 500 до 1.000 стачки были в 50%, а на предприятиях с числом рабочих более 1.000 чел. в 90%. Чем меньше размер предприятия, тем стачки в них случались реже, иначе говоря, рабочие, занятые в крупной промышленности, являлись наиболее сознательным авангардом русского пролетариата.

Около 70% всех стачек носили явно наступательный характер со стороны рабочих.

28% стачек окончились полной победой рабочих; в 22% случаев рабочие добились частичных уступок и в 45% борьба привела к поражению рабочих.

Почти в четверти случаев стачки протекали бурно и потребовали призыва вооруженной силы; также часты были случаи административного и судебного воздействия власти на рабочих.

Во главе рабочего движения шли металлисты и текстильные рабочие, составлявшие до 60% всех участников стачек. Размеры, каких достигло в 90-е годы рабочее движение в России, прежде всего, конечно, зависели от непрекращавшегося роста промышленности.

Но, помимо этой чисто материальной основы, на рост рабочего движения в эти годы уже определенно начинают оказывать влияние новые революционные рабочие организации, появляющиеся к средине 90-х годов во всех промышленных центрах. Появившись сами, как результат всего предшествовавшего развития рабочего класса, они, в свою очередь, становятся крупным фактором в деле пробуждения широких рабочих масс к активным выступлениям и борьбе за улучшение своего положения.

При этом, однако, не только рабочие организации оказали влияние на расширение классовой борьбы русского пролетариата, но и сама стихийно возраставшая борьба рабочих масс стала толкать рабочие организации возможно быстрее перейти к усвоению новой тактики, и от создания небольших пропагандистских кружков, занимавшихся воспитанием отдельных рабочих, пойти по пути широкой агитации среди рабочей массы, поднимая последнюю в процессе борьбы от узких интересов данного цеха к усвоению революционных задач рабочего класса во всем их об'еме.

XVII

От кружковой работы к массовой агитации

Революционные социалистические кружки среди рабочих в начале 90 годов были относительно малочисленны, и русскому самодержавному правительству было поэтому с ними легко бороться; но в силу указанных выше причин это не помешало рабочему движению развиться довольно широко и при малочисленности революционных организаций.

Широкие рабочие массы, революционизированные всей окружающей их обстановкой крупных промышленных центров, которая на каждом шагу кричала им о социальном неравенстве классов в современном обществе, которая била в нос ничем неприкрытой и подчас грубой эксплоатацией их рабочей силы,—рабочие массы при всей их малой политической сознательности тем не менее чрезвычайно дружно выступали на борьбу под руководством существовавших социал-демократических кружков; они даже с жадностью хватались за те лозунги, которые давались им социалистами для борьбы за улучшение своего положения.

Этим об'ясняется то огромное влияние и успех, какое в это время обыкновенно имели социал-демократические прокламации на фабриках: часто одного их появления было достаточно для того, чтобы фабриканты шли на уступки рабочим.

Пустить прочные корни долго мешало первым соц.-демократическим кружкам и то обстоятельство, что они далеко не сразу стали на путь массовой агитационной работы среди рабочих масс. Составленные первоначально из учащейся молодежи, эти кружки первое время ограничивали свою революционную деятельность пропагандой, т.-е. в конце-концов самообразованием отдельных наиболее передовых рабочих.

С этой целью участники кружков, подобно прежним народникам, стремились заводить знакомство и связи среди рабочих, чтобы намечать из них наиболее подходящих кандидатов в члены кружка.

Дальнейший рост социал-демократического движения при этом часто рассматривался, как постепенное увеличение числа рабочих

кружков и постепенное перевоспитание их членов в социалистическом духе.

При этом часто случалось, что наиболее сознательные рабочие, прошедшие через такие кружки, и зачастую по начитанности и уровню развития не уступавшие широким массам студенчества, отрывались сами от рабочей массы.

От вмешательства в стачки эти кружки часто воздерживались, как по соображениям конспиративным, чтобы дать возможность организации окрепнуть, так и потому, что в большинстве случаев они стояли еще очень далеко от жизни и борьбы рабочих масс.

Но такая оторванность от практической деятельности могла продолжаться более или менее длительное время лишь в тех местах, где не было на лицо сильного стихийного рабочего движения.

А так как стихийное стачечное движение после пережитого кризиса пробудилось вновь к средине 90 годов, то этот момент и должен был явиться переломом в деятельности первых социал-демократических кружков в России.

При наличии вспыхивавших кругом стачек и создаваемой ими атмосферы упорной и настойчивой борьбы рабочих масс за улучшение своего положения, соц.-демократическим кружкам вообще трудно было остаться на занятой ими первоначально позиции — медленно накапливать силы путем кружковой пропаганды и поднятием уровня развития отдельных рабочих.

Прежде всего эти последние должны были почувствовать неудовлетворенность такого рода работой. На-ряду с потребностью в научных знаниях, они искали в кружках ответа на проклятые вопросы, связанные с повседневным существованием. В кружок они стали теперь приносить животрепещущие вопросы улицы и фабрики, вопросы стихийно возникавшей борьбы и требовали от пропагандиста-руководителя прямых ответов на эти вопросы.

Удовлетворяться прежним рецептом — терпеливо ожидать накопления сознательных сторонников соц.-демократической организации они, разумеется, не могли, так как для них стачечная борьба и условия жизни на фабриках не были чем-то отвлеченным, а, наоборот, являлись своим, близким делом; перенося на своих плечах эксплоатацию предпринимателей, они, естественно, требовали, чтобы организация давала им не только ответ, как смягчить и уменьшить эту эксплоатацию, но и брала на себя руководство борьбой с ней.

Зачастую прежние руководители кружков пробовали упираться против такого изменения характера их деятельности, но, под напором все усиливавшихся требований окружающей жизни, все они должны были скоро пойти на уступки.

Переход этот совершался сперва неуверенно или, вернее, осторожно, но уже первые шаги соц.-демократических кружков на новом поприще должны были показать всю целесообразность новой тактики и ее колоссальное значение в деле дальнейшего развития рабочего движения.

Широкие рабочие массы, предоставленные до того самим себе, стали чутко прислушиваться к каждому слову организации, и ряды последней стали быстро пополняться новыми приверженцами.

С этого момента соц.-демократическое движение в России получает, наконец, ту прочную основу для своего дальнейшего развития, которой ему так недоставало до сих пор: теория научного социализма, бывшая до этого момента достоянием узкого круга лиц, постепенно становится достоянием широких рабочих масс; в этом учении рабочие массы находят правильное обоснование своих классовых стремлений, которые до того скорее угадывались ими, чем отчетливо сознавались; вместе с тем соц.-демократия становится мало уязвимой для полицейских преследований: если раньше с арестом соц.-демократического кружка в каком-либо городе на долгие месяцы, а то и годы прерывалась революционная работа, то теперь даже более значительные аресты бессильны остановить поступательный ход пробуждения рабочего класса; на смену брошенным в тюрьму и ссылку борцам не медленно же появляются сотни новых и раз поднятое знамя борьбы продолжает гордо развиваться повсюду, где высятся фабричные трубы и раздаются паровые гудки, не взирая на все усиливающиеся полицейские репрессии.

Просветительная деятельность кружков осталась и при новом методе работы, но теперь она служила лишь средством для подготовки сознательных и достаточно развитых агитаторов.

Главное же внимание стало обращаться на то, чтобы возможно ближе подойти к широким рабочим массам, стремясь вовлечь их в борьбу за наиболее понятные и доступные им экономические требования; главной работой организации становится подготовка стачек и руководство рабочими в их повседневных конфликтах с предпринимателями, возникающих на почве размеров заработной платы, продолжительности рабочего дня, условий труда и т. д.

Раз начатая такая борьба должна была очень скоро привести рабочие массы к сознанию противоположности классовых интересов, а также на опыте показывала им, что главнейшим препятствием в этой борьбе за улучшение условий существования является современный политический строй, т.-е., иными словами, на почве повседневной экономической борьбы рабочие массы должны были наглядно убедиться в необходимости и неизбежности самой упорной политической борьбы за свое освобождение.

Такой переход к широкой агитационной деятельности среди соц.-демократических кружков выявился в 1894—95 г.г. сперва в Вильне, Киеве и Москве, затем в Петербурге и др. городах.

Первыми инициаторами этого поистине „нового слова" в соц.-демократической деятельности явились выдающиеся виленские соц.-демократы Ю. О. Мартов и Кремер, которые еще в 1893 г. стали требовать, чтобы центр деятельности виленской организации был перенесен в сферу агитации.

Правда, это „новое слово" в то время, можно сказать, уже носилось в воздухе. Вся обстановка стихийно ширившегося рабочего движения настоятельно требовала изменения прежних методов кружковой работы. И необходимость перехода от узких пропагандистских кружков к агитации в широких массах пролетариата приблизительно в это же время сознавалась более вдумчивыми социал-демократами и в Киеве, и в Петербурге.

Так, в Петербурге она зародилась в среде наиболее развитых рабочих, которые формулировали свое отрицательное отношение к работе в пропагандистских кружках следующими словами: „Нет, говорили они, успех дела лежит в рабочем движении".

Сторонником агитационной деятельности в г. Киеве выступил Ювеналий Мельников, заявлявший

„Лучше поднять массу на один дюйм, чем одного человека на второй этаж!"

Поэтому в заслугу Ю. Мартову и Кремеру приходится поставить лишь то, что они во-время и особенно выпукло и удачно сумели формулировать это общее настроение наиболее чутких участников движения, рвавшихся к более широкой массовой работе.

Сделали они это в специальной брошюре „Об агитации", широко разошедшейся по рабочей России.

Но, к сожалению, на-ряду с правильной формулировкой очередных новых задач соц.-демократических организаций, авторы этой брошюры допустили и ряд таких выводов, которые в дальнейшем

повели к внедрению в идеологию части русских соц.-демократов совершенно ошибочных положений.

„Задачей соц.-демократов, говорили, между прочим, авторы этой брошюры, является постоянная агитация среди фабричных рабочих на почве существующих мелких нужд и требований.

„Вызванная такой агитацией борьба приучит рабочих отста ивать свои интересы, поднимет их мужество, даст им уверенность в своих силах, сознание необходимости единения и, в конце-концов, поставит перед ними более важные вопросы, требующие разрешения.

„Подготовленный, таким образом, к более серьезной борьбе рабочий класс приступит к решению своих насущных вопросов, и агитация на почве этих вопросов должна иметь целью выработку классового самосознания.

„Классовая борьба в этом более сознательном виде создаст почву для политической агитации, целью которой будет изменение существующих политических условий..."

Как известно, впоследствии из таких именно рассуждений выросла „теория стадий" экономистов.

Благодаря быстрому усвоению этой новой тактики, социалистические кружки, как ни малочисленны они были, в полной мере использовали настроение рабочих масс в 90 годах; они постарались прежде всего придать широкий размах рабочему движению; они стремились затем вносить сознательность в каждое выступление рабочих, раз'ясняя им в многочисленных листках их положение и смысл борьбы.

Но эти же кружки, и, прежде всего, вследствие их малочисленности, не всегда оказывались достаточно сильными, чтобы удержать в своих руках руководство борьбой до конца.

Поэтому, на-ряду с сознательной борьбой рабочего класса,—борьбой за ясно поставленные цели, выгодно отличающей эту эпоху от эпохи 80 годов, когда преобладало, главным образом, стихийное движение,—и теперь происходило не мало стачек и выступлений рабочих, сопровождавшихся разгромом фабричных зданий и станков, бессмысленными эксцессами и ненужными жестокостями.

Так, например, во время стачки на табачной фабрике Лаферма, в Петрограде, вызванной введением новых машинок, с которыми работницы не умели обращаться, вследствие чего получалось много браку, и сбавкой заработной платы без предупреждения, волнения рабочих сопровождались битьем стекол и выбрасыванием на улицу гильз, причем работницы заявляли:

— Не хотим машинок, не допустим их, они оставят половину нас без хлеба!

На другой фабрике—Каретникова,—где стачка была вызвана возмутительно-грубым обращением управляющего-иностранца, смотревшего на рабочих, как на грубую механическую силу,—во время волнений рабочие убили управляющего Крошэ и над телом убитого устроили дикую тризну: били в тазы, сковороды, кастрюли...

Во время беспорядков на фабрике Вакулы Морозова в 1897 г., вызванных понижением расценок и строгой браковкой, рабочие выбили стекла в фабричном здании, затем ворвались в дом директора фабрики, разграбили его и подожгли, предварительно осушив имевшийся при доме ренсковый погреб; товары из складов выбрасывались на двор, рвались, расстилались по улице. Только вмешательство более сознательных рабочих остановило дальнейшее развитие беспорядков.

На-ряду с подобными стихийными взрывами озлобления и непонимания, что такими способами борьбы нельзя достигнуть улучшения своего положения, среди наиболее отсталых и темных слоев пролетариата еще не умерла окончательно вера в попечительную заботливость начальства и сильных мира сего, к содействию которых рабочие пытались прибегать, надеясь на их заступничество, еще встречаются случаи рабского угодничества, крепостнического холопства и той беспросветной темноты, в которой пытался держать крестьян русский абсолютизм.

Так, на одной из фабрик директор ее, занимавший квартиру вблизи фабричного здания, в грязную погоду, чтобы не запрягать лошадей, приказывал рабочим впрягаться в дышло и так ездил на фабрику.

И рабочие долго покорно сносили это издевательство над их личностью; и только когда однажды разошедшийся самодур, не довольный тем, что рабочие везли его слишком медленно, вздумал погонять их палкой с окриком:

„Пошел скорее!“—

Рабочие, наконец, возмутились и бросили его посреди грязи на полдороге.

На фабрике Нечаева-Мальцева, в Гусе, еще в 1898 г. существовали чисто крепостнические отношения: обращаясь к управляющему с какой-либо просьбой, рабочие становились на колени.

Порядки, царившие на этой фабрике, также вполне соответствовали низкому уровню рабочих. За проступки рабочих

не штрафовали, а удаляли с работы на время, что было, конечно, тяжелее штрафа; расценка была чрезмерно низка и притом неравномерна, так что переход с одной расценки на другую часто был для рабочего наказанием, которое, однако, терпеливо сносилось.

Когда же, наконец, выведенные из себя всеми такими порядками, при явном попустительстве фабричной инспекции интересам фабриканта, рабочие решили забастовать, то первой мыслью их было обратиться за содействием к великому князю Сергею Александровичу в Москву. Рабочими была составлена и послана следующая телеграмма:

„Покорнейше просим защитить нас, рабочих на Гусевской фабрике. Фабричная инспекция не может разобрать наше дело и оставила без последствий. Работы прекращены с 23 числа; просим немедленно ответа".

Так как ответ долго не получался, рабочие заподозрили в этом смотрителя телеграфной станции, ходили туда толпами и угрожали ему насилием.

И только когда, наконец, пришла ответная телеграмма с резолюцией великого князя: „Это меня мало касается"—надеждам рабочих на высокое заступничество был положен конец.

Во время этой же стачки был и такой случай.

Перед стачкой рабочие собрались в церковь отслужить молебен и просили священника привести их к присяге, чтобы крепко стоять друг за друга.

Когда же священник отказал им в этом, они решили присягу заменить целованием креста.

Когда, вслед за об'явлением стачки, на фабрику были вызваны войска, рабочие, собравшись на площади и обернувшись лицом к церкви, подняв правые руки, подтвердили клятву стоять друг за друга. И когда стачка, под влиянием репрессий власти, наконец, стала прекращаться, большинство рабочих, прежде чем вернуться на фабрику, просило, чтобы их „разрешили от присяги", так как боялись „принять грех на душу, изменив крестному целованию".

Настояния рабочих были так упорны, что прибывшему на место стачки вице-губернатору волей-неволей пришлось пригласить священника, предложив ему отправиться в казармы и раз'яснить рабочим, что никакой присяги они не принимали и поэтому разрешать их не от чего, что греха в возобновлении работ никакого не будет.

Перед этим на работу стало 230 человек, а после посещения священника — более 2.000 рабочих...

Такую же веру в чудодейственную силу молебна сохранили и рабочие фабрики Чернышева, в Московской губ., когда там в 1895 г. возникли волнения из-за обнаруженной в капустной кадке дохлой мыши: вместо того, чтобы добиться уничтожения испорченного продукта, рабочие потребовали приглашения священника для освящения кадки.

В 1899 г. в России вышла в свет брошюра: „Конец света 13 ноября 1899 г. по профессору Фальку". В Каменец-Подольской г., куда попала эта брошюра, она произвела сильное впечатление на малокультурных рабочих, занятых на сахарных заводах.

Не разбираясь критически, рабочие поверили автору брошюры в приближение светопреставления и на этой почве среди них начались волнения.

Многие, не дожидаясь расчета, побросали работу и потянулись к себе на родину, в далекую Смоленскую губернию, пешком, чтобы попасть туда к 13 ноября.

Подобные же волнения, вызванные этой брошюрой, происходили и на кирпичных заводах в Харьковской губ. и в других местах, где среди рабочих еще сильна была темнота и невежество.

Эти факты политической незрелости и малой культурности отдельных групп рабочего класса необходимо иметь в виду при знакомстве со всей последующей историей рабочего движения в России, дабы избежать чрезмерной переоценки сил рабочего класса и его сознательности.

Но, разумеется, в общем и целом движение рабочих в 90 г. г. характеризуется не этими стихийными вспышками и не проявлениями темноты и невежества.

Его отличительными чертами, напротив, являются стремления наиболее сознательных рабочих создать прочные организации, которые руководили бы всей борьбой рабочего класса, и стремление самих рабочих масс использовать для улучшения своего положения благоприятные условия промышленности.

Как упоминалось уже выше, отдельные социалистические кружки среди рабочих не переставали возникать в России со времени первой попытки организации их соц.-демократической группой Благоева, но ни один из них до начала 90 годов не успел пустить сколько-нибудь глубоких корней в рабочей массе.

С этого же времени начинают возникать социал-демократические рабочие организации и кружки во всех сколько-нибудь

крупных промышленных центрах: Петрограде, Москве, Иваново-Вознесенске, Нижнем, Екатеринославе, Баку и т д.

Сама промышленность в это время, после временного застоя и кризиса 1892—1893 г.г., начала испытывать новый лихорадочный под'ем, который возникшие к тому моменту соц.-демократические кружки и постарались использовать в интересах успеха борьбы рабочего класса.

Так, например, в Москве соц.-демократические кружки на первых же шагах своей деятельности столкнулись с практическими задачами начинавшегося рабочего движения.

При каждом новом столкновении рабочих, происходившем обыкновенно стихийно, участники первых рабочих соц.-демократических кружков пытались взять начавшееся движение в свои руки и направить его по руслу организованной стачечной борьбы.

Они шли к рабочим забастовавшей фабрики, старались завязать с ними более прочные связи, доказывали необходимость создания организации, которая руководила бы борьбой и широко вела агитацию, раз'ясняя, как именно должна протекать эта борьба в интересах рабочего класса.

Если движение готово было вылиться в форме стихийного бунта с разгромом фабричных помещений и станков, рабочие соц.-демократы предупреждали своих менее сознательных товарищей, что такого рода борьба нежелательна и даже вредна, что борьба должна быть организованной и стойкой; они далее доказывали всю трудность рабочим какой-либо одной фабрики добиться существенного улучшения своего положения и давали лозунг, чтобы вступивших в стачку поддерживали и все рабочие других фабрик данной отрасли промышленности.

Наконец, на почве этой же агитации рабочие соц.-демократы развивали перед поднимавшейся на борьбу рабочей массой свою политическую программу и указывали на необходимость для рабочих самой энергичной борьбы за политическую свободу.

Яркими фактами из этой повседневной борьбы они иллюстрировали, что всякое современное государство является организацией господства всех буржуазных классов общества над неимущими классами и что прочное улучшение экономического положения рабочего класса совершенно немыслимо без завоевания политической свободы, так как только приобретение гражданских и политических прав даст пролетариату возможность добиваться перехода власти в его руки, без чего невозможен и переход к социалистическому строю.

К апрелю 1894 г. в результате такой систематической агитации в Москве была создана довольно стройная соц.-демократическая организация, выступавшая под именем „Московского союза рабочих". Она состояла из центральной группы, которая руководила всем движением, писала, редактировала и издавала листки и другую необходимую литературу.

К этой группе, в которую входили как интеллигенты, так и рабочие, примыкали уже чисто рабочие кружки двоякого рода.

Кружки № 1 состояли из более или менее распропагандированных рабочих, с которыми велись систематические занятия; из них вырабатывались вполне сознательные соц.-демократы, подготовлялись агитаторы, которые должны были широко влиять на рабочую массу. В кружки же № 2 входили рабочие, с которыми только-что завязывались связи; состав этих последних кружков менялся довольно часто.

Обычно руководитель такого кружка вел занятия по выработанному плану и при помощи 8 — 10 лекций подготовлял слушателей к чтению популярной литературы, после чего в кружок привлекался новый состав слушаталей, что давало возможность пройти через такие кружки довольно большому количеству рабочих.

Сплошь и рядом работой таких первичных кружков руководили уже сами рабочие, выдвинувшиеся за предыдущий подготовительный период. Благодаря обилию этих кружков в Москве, пропагандистская деятельность стала незаметно переходить в массовую агитацию.

Облегчил также этот переход к новым методам работы и опыт агитационной деятельности, привезенный некоторыми социал-демократами из Западного края.

Благодаря проявленной ими инициативе, в Москве стали часто устраиваться небольшие летучие собрания, на которые привлекалось человек 20 — 25 рабочих, прочитавших 2 — 3 популярных брошюры, или даже вовсе еще ничего не читавших.

Такие массовки организовывались где-либо на артельной рабочей квартире, туда приходил интеллигент-социал-демократ, 1 — 2 более сознательных рабочих, устроивших такое собрание, и начиналась беседа на злободневные темы современной рабочей жизни; из среды таких посетителей массовок отбирались рабочие для более систематических занятий.

Наконец, для подготовки к борьбе и политического воспитания более широких рабочих масс „Московский рабочий союз"

стал выпускать популярные листки, рассчитанные на совершенно мало подготовленного читателя.

В одном из таких листков, озаглавленном „Много ли мы зарабатываем", трактовался вопрос о размерах заработной платы, в другом — о санитарных и гигиенических условиях труда на фабриках и заводах и о влиянии их на организм рабочего, в третьем — о действующем фабричном законодательстве и необходимости издания новых законов, ограждающих интересы рабочих, и т. д.

Такие листки пользовались обычно широким интересом; будучи вывешены на фабрике где-либо в укромном месте, они быстро собирали вокруг себя группу рабочих, оживленно обсуждавших содержание листка и делавших соответствующие выводы относительно условий их собственного существования.

Кроме листков по таким более или менее общим вопросам, обязательно выпускались и листки по поводу того или иного происшествия на данной фабрике, которые также всегда пользовались успехом и стремились раз'яснить рабочим смысл происшествия и указать, как нужно поступать в данном случае.

При центральной группе „Союза" существовала в качестве совещательного органа рабочая организация, которая собирала сведения о положении на отдельных фабриках и заводах, организовывала рабочие кружки, обсуждала проекты революционных листков и т. п.

К средине 1894 г., когда организация уже вполне оформилась, в эту рабочую группу входили представители рабочих от заводов и фабрик: Гужона, Вейхельта, Листа, Бромлея, Грачева, Гоппера, Цинделя, Михайлова, Филиппова, Добровых и Набгольц, из железно-дорожных мастерских Московско-Брестской и Казанской жел. дорог, Прохоровской мануфактуры и ряда других.

К 1895 г. организационная работа еще более расширилась, и охватила уже свыше 30 различных фабрик и заводов.

В 1895 г. московские рабочие кружки решили, наконец, произвести смотр своим силам—впервые сообща отпраздновать 1 мая.

На эту маевку собралось свыше 250 человек организованных рабочих, на ней произносились речи резко политического характера и было решено приняться за осуществление самой широкой рабочей организации.

В январе 1896 г., к празднованию двадцатипятилетия Парижской Коммуны, „Союз" послал адрес французским социалистам с 605 подписями московских рабочих, а на происходившем в том же

году Лондонском Социалистическом Конгрессе Московский союз был представлен Верой Засулич.

„Русские рабочие, поднявшие старое революционное знамя, обагренное кровью стольких мучеников из их среды и среды интеллигенции, — говорили представители московских рабочих в адресе своим французским товарищам,—вооружившись идеями научного социализма, стали под общее красное знамя пролетариата всего мира.

„Они горды сознанием, что передовой бастион европейской реакции, который предстоит взять пролетариату всех стран — царизм — должен быть ими разрушен, что последний оплот буржуазного господства, без уничтожения которого немыслима победа всего пролетариата, должен быть ими свергнут.

„Пусть рабочие Франции будут уверены, что в тот момент, когда призыв революции раздастся со стороны рабочих Запада, русские рабочие откликнутся, чтобы принести им посильную помощь".

„Московский рабочий союз" оказался, однако, недолговечным. Усилиями охранного отделения, которое стало широко практиковать провокацию, он был почти целиком уничтожен уже к концу 1896 г., и затем в течение нескольких лет московским рабочим никак не удавалось создать сколько-нибудь прочную организацию.

Почти все их попытки кончались печально и редкий рабочий кружок успевал просуществовать более полугода.

Эти провалы страшно тормозили дело организации московского пролетариата, но задушить стремление к организованности среди рабочих Московскому охранному отделению все же не удалось.

В 1898 г. московские рабочие, или, вернее, созданная ими организация—„Союз борьбы за освобождение рабочего класса"—приняла участие в работе по об'единению рабочего движения всей России—в создании социал-демократической партии.

Мы нарочно подробнее остановились на способах работы „Московского рабочего союза", чтобы дать читателю более полное представление о том, как социал-демократические кружки распространяли свое влияние в рабочей среде.

Это влияние не было так велико, как в Царстве-Польском и Северо-Западном крае влияние польской и еврейской соц.-демократии, но оно было все-таки значительным и не прошло, разумеется, бесследно для дальнейшего развития борьбы рабочего класса.

Такие же рабочие кружки и организации возникли и развились в это время не в одной только Москве, но во всех крупных центрах промышленности.

И подавляющее большинство из них уже к средине 90 годов вынуждено было перейти от скромной кружковой работы к широкой агитации, как письменной, так и устной, в рабочих массах.

Повсюду на-ряду с кружками начинают завоевывать себе право гражданства массовки, устраиваемые либо на артельных квартирах рабочих, либо же просто под открытым небом.

Начало постепенно прививаться издание рабочими организациями популярных листков, обращенных к рабочей массе с раз'яснением ее положения и с призывами к борьбе за более лучшее будущее.

В предыдущей главе, касаясь борьбы рабочего класса в 90 гг., мы попутно отметили уже, что на этот путь помимо Москвы стали социал-демократические организации Иваново-Вознесенска, Нижнего-Новгорода, Ростова на-Дону, Киева, Николаева, Екатеринослава и ряда других городов.

Перечень этот можно теперь пополнить еще ссылками на Кострому, где небольшая социал-демократическая организация уже в 1896 г. очень удачно руководила вспыхнувшей в 1896 г. стачкой на фабрике Зотовых.

Не взирая на скромные силы организации, к тому же пострадавшие уже во время самой стачки, она сумела оказать большое влияние на дальнейшее развитие рабочего движения в Костроме.

Поддерживая энергию среди рабочих фабрики Зотовых, которых администрация сразу же принялась арестовывать и высылать, костромские соц.-демократы добились для них присылки денежной помощи из других городов *), организовали сборы среди рабочих других фабрик и благодаря этому помогли рабочим продержаться, несмотря на нажим фабриканта, до удовлетворения выставленных ими требований.

И хотя сама организация в г. Костроме вскоре распалась благодаря полицейским преследованиям, но среди рабочей массы тотчас же стали самостоятельно зарождаться новые кружки, стремившиеся наладить дело вновь так как значение организованности для успешности борьбы было уже усвоено многочисленным слоем рабочих.

В Туле переход к массовой агитации осуществился только к 1897 г., когда пустившая прочные корни соц.-демократическая организация, в состав которой входили многие из видных соц.-демократических деятелей последующего периода: А. Богданов,

*) „Московский рабочий союз" прислал стачечникам 200 руб., С.-Петербургский Союз Борьбы — 200 руб.

В. А. Руднев (Базаров), И. И. Скворцов и др., решила испробовать свои силы и распространить среди рабочих патронного завода первый рукописный листок с требованиями.

Одно распространение листка по заводу так сильно напугало администрацию, и требования, пред'явленные в нем, были настолько законны и обоснованы, что заводское начальство тотчас же уступило, не допустив дела до стачки.

В Самаре отсутствие крупной промышленности в 90 годах лишало возможности возникшую там во второй половине этого десятилетия соц.-демократическую организацию, представленную такими крупными силами, как М. Григорьев, П. П. Маслов, П. П. Румянцев, Ионов А. Санин и др., проявить себя непосредственной работой среди рабочих. Но зато они постарались использовать свои силы иначе—на пользу общерусскому рабочему движению.

Им удалось получить в свои руки местную газету „Самарский Вестник", которую они и постарались превратить в легальный орган народившегося рабочего движения, привлекая к участию в нем крупнейшие тогда марксистские силы, помещая в ней руководящие статьи по теории рабочего движения и освещая в хронике и корреспонденциях с мест положение рабочих, высоту заработной платы, условия труда и т. п.

Эта газета пользовалась широкой популярностью далеко за пределами Самары и помогла во многих местах наладить, как следует, агитационную работу соц.-демократических организаций, пока, наконец, в средине 1897 г. правительство не спохватилось, поспешив закрыть газету.

Такая же попытка была предпринята и социал-демократами Прибалтийского края, в руки которых в 90 годах перешла газета „Deenas Lapa". Здесь, благодаря чисто местным условиям, это обстоятельство удалось использовать еще шире, и на страницах газеты стали свободно печататься переводы статей из журнала К. Каутского „Neue Zeit", программа германской социал-демократии и т. п.

Влияние этой газеты на быстро развивавшееся рабочее движение таких крупных торгово-промышленных центров, как Рига, Либава, Митава и Ревель, было огромно и способствовало необычайно быстрому переходу его от стихийных форм борьбы к сознательному и планомерному выявлению мощности пролетарских выступлений.

Было бы утомительно продолжать дальнейшее перечисление отдельных пунктов необ'ятной территории России, где постепенно

с.-демократические организации под напором самой жизни, рано или поздно, начинали порывать со скромной кружковой работой и переходили к новой тактике в своей революционной работе.

Ограничимся поэтому только короткой справкой, что к концу 90 годов этот переход стал уже повсеместным и агитационная работа с.-демократических организаций стала проникать в самые захолустные и медвежьи углы России, всюду пробуждая к жизни рабочие массы.

Мы уже указывали выше, что переход этот к новой революционной тактике далеко не всюду осуществился легко.

В ряде мест, и прежде всего в самом Западном крае, где эта тактика впервые широко была применена и получила свое теоретическое обоснование в брошюре Ю. Мартова и Кремера, против нее пробовали выступать даже сами рабочие, участники социал-демократических кружков.

В Вильне, напр., сопротивление распропагандированных рабочих новым агитационным методам было так велико, что первоначальное предложение Мартова было даже отклонено рабочими кружками. И только позднее и постепенно новое течение получило общее признание.

Точно также, когда в 1893 г. С. И. Мицкевич попытался применить новый метод работы в Н.-Новгороде, остальные члены с.-демократической организации, во главе с П. Н. Скворцовым, отнеслись к этой попытке совершенно отрицательно, и она осуществилась только позднее.

Но результаты, которые давала новая тактика, были так убедительны, что все возражения против нее быстро исчезали, и она постепенно, но неудержимо, стала охватывать всю Россию. Разумеется, этому столь быстрому распространению агитационных методов работы прежде всего содействовало то, что и рабочее движение ко второй половине 90 годов распространялось неудержимо повсеместно, где только капитализм успел заложить для него сколько-нибудь прочное основание.

Чтобы покончить с этой эпохой рабочего движения, нам остается теперь познакомить читателя с борьбой наиболее передового слоя русского пролетариата, с борьбой петербургских рабочих за законодательное сокращение рабочего дня.

XVIII

Борьба петербургского пролетариата за сокращение рабочего дня

Социал-демократические кружки среди петербургских рабочих продолжали возникать и развиваться и после прекращения деятельности группы Благоева.

Мы уже упоминали выше о кружке П. Л. Точисского, возникшем почти одновременно с группой Благоева, и об организации Бруснева (кружке технологов), сложившейся на переломе 80 и 90-х годов. Эта последняя организация, создавшаяся усилиями, с одной стороны, студентов-с.-демократов, а с другой—опиравшаяся на целый ряд выдающихся петербургских рабочих, которые уцелели еще от предыдущего периода революционной работы,—заслуживает особого внимания при изучении петербургского рабочего движения.

Главными организаторами ее являлись студенты-технологи М. И. Бруснев и Цивинский, студент-универсант В. С. Голубев и рабочие: Ф. Афанасьев, П. Евграфов, Е. Афанасьев и Н. Богданов.

Помимо перечисленных лиц, являвшихся душой всей организации, активную роль в ней играли еще около десятка интеллигентов и значительно большее число выдающихся рабочих и работниц г. Петербурга.

Чтобы не загромождать наше изложение подробным перечнем всех активных членов организации, достаточно будет назвать таких лиц из интеллигентного центра, как бр. Л. Б. и Б. Б. Красины, В. В. Святловский, Д. В. Страндер и из рабочей организации Бабушкина, Н. Полетаева, В. А. Шелгунова, чтобы было ясно, что эта организация вобрала в себя все выдающееся, что было подготовлено предшествующими годами революционного развития Петербурга.

В особенности выделялась группа рабочих организаторов, большинство которых вполне самостоятельно вели работу в рабочих районах, организуя кружки, подыскивая для них пропагандистов из числа знакомых студентов-соц.-демократов, собирая сведения о положении рабочих на отдельных фабриках и заводах и т. д.

Организация развивалась довольно быстро и меньше, чем через год, в нее уже входило до 20 кружков, разбросанных по всем рабочим кварталам Петербурга. Кружки были организованы по всем крупнейшим заводам и фабрикам: на Обуховском, Путиловском и Балтийском заводах, на картонной фабрике в экспедиции заготовления государственных бумаг, среди рабочих крупных типографий и т. д.

Зимой 1890—91 г. рабочая организация приняла участие в руководстве стачками, вспыхнувшими у Торнтона и в порту; были выпущены листки к рабочим, организованы денежные сборы.

В. С. Голубевым была создана рукописная газета, пользовавшаяся большим успехом среди рабочих. Существовала также библиотека, пополнявшаяся на средства, поступавшие от членов организации в виде более или менее регулярных взносов.

Когда начались высылки отдельных членов организации в другие города, в центральной группе Брусневской организации был поставлен вопрос о том, как использовать эти высылки для успехов общего дела.

Решено было не порывать связи с высылаемыми, снабжать их литературой, направлять им в помощь других товарищей и стремиться на местах высылки заводить связи и организовывать ячейки рабочей организации.

И, действительно, такие ячейки были созданы в г. Туле, в Москве, поддерживались связи с Ригой, Ревелем, Харьковом, Киевом и Варшавой.

У Брусневской организации, правда, не было точно выработанной программы и внутри нее наблюдались известные теоретические шатания, но в общем и целом она определенно тяготела к марксизму и, как вспоминает один из участников, „самостоятельность рабочего движения... была как бы символом веры“ всей организации.

Даже отдельные народовольцы, примыкавшие к ней, начинали уже сильно грешить насчет марксизма и вносили существенные поправки в свою прежнюю программу. Относительно же членов организации рабочих не приходится и говорить.

Они определенно стояли на классовой точке зрения и достаточно ярко выразили это в своих речах, когда 1 мая 1891 года существовавшие тогда в Петербурге рабочие кружки сообща решили даже отпраздновать этот день; на этом собрании, устроенном строго конспиративно, собралось до 200 чел. рабочих; были произнесены речи, в которых более сознательные из участников намечали ближайшие задачи своей деятельности.

„Нашим оружием,—говорил один из ораторов на этом празднестве,—является знание исторических законов развития человечества; нам стоит только этим вооружить себя, тогда мы всюду победим врага: никакие его притеснения и высылки на родину заточения нас в тюрьмы и даже высылки в Сибирь не отнимут у нас этого оружия. Мы всюду найдем поле победы, всюду будем передавать свое знание".

Другой оратор-рабочий добавлял, что успех развития организации рабочих „зависит исключительно от наших знаний и энергии".

Эти отрывки речей рабочих, участников первомайского собрания, ярко подчеркивают характер соц.-демократического движения в то время. Это движение не выходило за границы тесных соц.-демократических кружков, занятых самообразованием и подготовкой будущих сознательных борцов за рабочее дело.

Но эти же речи участников майского собрания 1891 года содержали в себе указания и на то, что рабочие тогда уже сознавали, что скоро должно наступить время, когда им придется претворить свои знания в дело и принять участие в активной борьбе „за замену существующего экономического строя, дающего широкий простор для произвольной кулацкой эксплоатации, на более лучший и справедливый строй".

Весной этого же года петербургские рабочие приняли участие и в другой демонстрации, присоединившись к учащейся молодежи, посылавшей приветственные адреса и депутации к заболевшему писателю Н. В. Шелгунову, которого они знали и ценили за его популярные сочинения по рабочему вопросу.

„Вы первый, — говорили рабочие в своем адресе,—признали жалкое положение рабочего класса в России. Вы всегда старались и стараетесь до сих пор об'яснить нам причины, которые отодвигают нас назад и держат нас в том угнетенном состоянии, в котором мы закованы, словно в железные цепи, нашими правителями и капиталистами...

„Только благодаря людям, которые... имеют счастье смотреть выше общего уровня или выше классовых интересов, научились мы понимать ваши сочинения и узнали, как наши товарищи рабочие в Западной Европе добились прав, борясь за них и соединяясь вместе.

„Мы поняли, что нам, русским рабочим, подобно рабочим Западной Европы, нечего рассчитывать на какую-нибудь внешнюю помощь, помимо самих себя, чтобы улучшить свое положение и достигнуть свободы".

Когда же вскоре после этого Шелгунов умер, несколько десятков рабочих, уже тогда находившихся под влиянием социал-демократических идей, возложили на его могилу венок с надписью: „Указателю пути к свободе и братству".

Этим как бы подчеркивалось, что они уже усвоили его призывы, как надо вести борьбу, и отдадут этой борьбе свои силы в ближайшем будущем.

Время это, действительно, наступило для петроградских соц.-демократических рабочих кружков очень быстро.

Правда, Брусневская организация просуществовала не долго и уже в 1892 г. подверглась основательному разгрому, причем сильнее всех пострадал М. И. Бруснев, получивший 4 года одиночного заключения и 10 лет ссылки в Восточную Сибирь.

Но большинство рабочих кружков все же уцелело, и через год-два в Петербурге снова начались попытки создания об'единенной и еще более мощной соц.-демократической организации.

И на этот раз, благодаря тому, что в работе стали применяться новые методы широкой агитации, рабочее движение разраслось так сильно, что его уже больше не в состоянии были убить никакие полицейские преследования.

В Петербурге и его окрестностях в это время существовало несколько революционных организаций.

Во-первых, возродилась одна из народовольческих групп, которая главное внимание обращала на пропаганду среди рабочих и для этой цели организовала хорошо оборудованную тайную типографию.

Во-вторых существовало несколько самостоятельных организаций соц.-демократов, расходившихся между собой во взглядах, как надо ставить практическую революционную работу среди рабочих.

Одна из них, которую окрестили „группой стариков" или „литераторов", настаивала на необходимости перехода от кружковой пропагандистской работы к агитации среди широких рабочих масс, тогда как другая—„группа молодых" отстаивала необходимость продолжать чисто кружковую работу для выработки этим способом из рабочих вполне сознательных бойцов за рабочее дело.

В группе „стариков", сложившейся уже в 1892 г., участвовали: С. И. Радченко, его жена Л. Н. Радченко (Барановская), Г. М. Кржижановский, В. И. Старков, П. К. Запорожец, З. П. Невзорова, Н. К. Крупская. К этой же группе несколько позже присоединился прибывший в 1894 году в Петербург В. И. Ленин (Ульянов), а еще позднее, в 1895 году — Ю. О. Цедербаум (Мартов), привлекший

за собой еще целый ряд лиц—Ф. И. Дана, М. Наделя, С. А. Гофмана, Я. М. Ляховского, А. П. Лурье, Н. Д. Соколова, Е. П. Радина и др.

Во главе „молодых" стоял Н. В. Чернышев, под руководством которого работала группа студентов социал-демократов, по преимуществу технологов.

Существовал также кружок студентов-медиков во главе с К. М. Тахтаревым, завязавший связи с рабочими частью через В. А. Шелгунова, частью через кружки народовольцев; они также являлись противниками чисто кружковой работы.

Наконец, под руководством одного из рабочих Обуховского завода, В. А. Шелгунова, за Невской заставой существовала чисто рабочая соц.-демократическая группа, державшаяся несколько особняком, хотя она и поддерживала связи со всеми остальными революционными организациями.

Одно время Шелгунову и его товарищам удалось наладить связи почти со всеми рабочими районами Петербурга и этим положить начало „Об'единенной кассе петербургских рабочих".

К описываемому моменту „группа народовольцев" все больше и больше становилась на почву признания идеи классовой борьбы пролетариата, так что соц.-демократические организации охотно распространяли ее литературу, а она, в свою очередь, разрешала социал-демократам пользоваться своей типографией.

Соц.-демократические же организации вскоре столковались между собой на том, что кружковую работу надо продолжать, вырабатывая при помощи кружков из наиболее активных рабочих агитаторов,но, на-ряду с кружками, надо приступить к широкой агитации в рабочих массах, как посредством листков, так и устройством небольших собраний.

Переживаемый же петербургским рабочим движением момент нового обострения борьбы обеспечил этой новой тактике социал-демократов полный успех.

Уже в 1894 году начала подниматься в Петербурге волна стихийного движения рабочих масс, носившего вначале по преимуществу оборонительный характер против мелочных придирок, систематического нарушения закона и невыполнения собственных обещаний со стороны предпринимателей.

Так, в декабре 1894 г. на Семянниковском заводе вспыхнули рабочие волнения из-за отказа администрации в своевременной выдаче заработка рабочим. Волнения эти сразу вылились в бурную форму и сопровождались разгромом фабричной конторы.

В январе следующего года попытка отнять у рабочих установленные обычаем четверть часа на опоздание, при каждом начале работ, вызвала стачку в порту. Зимой 1894—95 г. были волнения рабочих на бумаго-прядильне Воронина. В ноябре того же 1895 г. вспыхнула стачка на заводе Торнтона.

К этому времени рабочие соц.-демократические кружки уже ясно сознали недостаточность прежних форм кружковой работы и прониклись необходимостью стать ближе к жизни и принять в ней активное участие.

Под влиянием начавшейся стихийно экономической борьбы, это участие сразу же вылилось в руководство борьбой пробуждавшихся рабочих масс.

Во время забастовки у Торнтона требования, выставленные рабочими, были формулированы в листках, выпущенных социал-демократической организацией.

Эти листки составлялись под диктовку самих рабочих и тысячами распространялись по всем фабрикам и заводам.

Каждый из таких листков касался обыкновенно положения дел на какой-нибудь определенной фабрике, указывал на определенные злоупотребления или произвол администрации и содержал конкретные указания, как необходимо добиваться их устранения.

Как на пример требований, какие в то время выставлялись в этих листках, укажем на следующее: „чтобы рабочему перед началом работы об'являлась величина заработка, на который он идет", „чтобы фабричный инспектор не допускал обмана в расценках", „чтобы при найме на неопределенный срок выдача заработной платы производилась не реже двух раз в месяц", „чтобы точно исполнялся закон" и т. п.

Сплошь и рядом случалось, что одно уже появление таких листков с конкретным указанием на то или другое злоупотребление производило магическое действие и заставляло администрацию немедленно соглашаться на уступки.

Так было, напр., во время стачки у Торнтона: перепуганный фабрикант поспешил удовлетворить требования рабочих. А такое чудодейственное влияние листков, в свою очередь, укрепляло в глазах рабочей массы значение организации в борьбе, поднимало в них энергию, порождало веру в силу массового натиска.

При этом следует отметить, что до забастовки на фабрике Торнтона у соц.-демократов совершенно не было связей с рабочими и только во время самой стачки рабочим других текстильных фабрик удалось завязать с ними сношения.

Почти одновременно с торнтоновской забастовкой начались волнения на табачной фабрике Лаферм, о которых мы упоминали уже в предыдущей главе.

Здесь также у с.-демократических организаций не имелось никаких связей с рабочими и чтобы завести таковые спешно во время самой стачки, сам В. И. Ленин и др. ответственные члены организации должны были знакомиться с работницами Лаферма на улице, заходили в трактиры, чтобы там из разговоров посетителей узнать положение дел на фабрике и требования работниц.

Еще хуже обстояло дело на этой фабрике с распространением листков; темная масса забитых работниц боялась их, как огня, и распространять их опять-таки должны были посторонние лица, разносившие их по квартирам работниц.

Стачка у Лаферма закончилась уступками администрации фабрики, отказавшейся от произвольной браковки товара и давшей обязательство употреблять штрафные деньги исключительно на нужды рабочих.

Вскоре же после ликвидации стачки на фабрике Лаферм началась забастовка рабочих на фабрике механического производства обуви за Московской заставой; здесь у с.-демократической организации были уже связи; стачка началась дружно и уже через три дня администрация фабрики согласилась удовлетворить требования рабочих.

Все эти стачки значительно приподняли настроение среди петербургского пролетариата. Особенно революционизирующее настроение на рабочую массу оказывали листки, выпускаемые организацией в связи со стачкой. Связи с.-демократической организации с рабочей массой значительно расширились, а внутри самой организации совершенно замолкли прежние горячие споры относительно предпочтительности того или иного образа действий.

Если до этого многие из стариков-рабочих, принимавших участие в движении чуть ли не со времени „Земли и Воли“, являлись противниками метода широкой агитации в рабочих массах, за что они и получили прозвище „книжников“, то теперь, под влиянием наглядных уроков блестящих результатов применения новой тактики, они должны были замолкнуть и признать, что прежний кружковой период работы уже отжил свой век и настало время широкой массовой агитации.

И к чести этих „стариков“-рабочих, этих „книжников“, еще так недавно с пеной у рта протестовавших против методов работы, надо констатировать, что они теперь первыми брались за массовую

агитацию, используя с успехом как накопленный ими за долгие годы кружкового развития собственный умственный капитал, так и свое крупное влияние на окружающую рабочую массу.

Окончательно сорганизовавшийся около этого времени петроградский „Союз борьбы за освобождение рабочего класса" широко использовал эти настроения рабочей массы.

Постепенно расширяя свою организацию среди рабочих и при помощи последней перейдя к широкой агитации путем конкретных и общих злободневных листков и небольших массовок, он вскоре стал во главе движения всего петербургского пролетариата.

В организации петербургского „Союза борьбы" деятельное участие принимали: В. И. Ульянов (Ленин), Мартов, Дан, Потресов, рабочий Путиловского завода Б. Зиновьев, рабочий Обуховского завода Шелгунов, рабочий Александровского чугунно-литейного завода Бабушкин, впоследствии, в 1905 г., поднявший рабочих на восстание в Красноярске и трагически там погибший при усмирении революционных сибирских выступлений карательным отрядом Ренненкампфа.

Включая в свои ряды целый ряд крупных лиц, успевших уже и до того составить себе определенное имя, как выдающиеся теоретики или организаторы с.-демократического движения, — „Союз борьбы" оказался в состоянии блестяще выполнить те задачи, которые возлагало на него широко развивавшееся рабочее движение.

Достаточно назвать В. И. Ленина, который уже тогда являлся автором таких крупных работ, как „Новые хозяйственные течения в крестьянской жизни" и „Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве"; его жеперу принадлежала и изданная нелегально брошюра: „Кто такие друзья народа и как они воюют с социал-демократами?"

Ю. О. Мартов и тогда уже успел выделиться своим блестящим публицистическим талантом, серьезной марксистской подготовкой, богатой школой практической работы и формулировкой новых задач расширявшегося рабочего движения в брошюре „Об агитации". Б. Горев, Н. К. Крупская, Запорожец, Кржижановский, Ляховский, Потресов, С. Радченко и др. из числа интеллигенции, отдавшей все свои силы делу служения интересам рабочего класса, и Б. Зиновьев, Карамышев, Бабушкин, Полетаев, Шелгунов и др., выдвинутые самим рабочим классом, — вот очень краткий перечень лиц, которым пришлось на своих плечах выносить трудную и ответственную работу по руководству начинавшей разгораться борьбой петербургского пролетариата.

Весь рабочий Петербург был разделен на три района.

В первый входила вся заречная сторона—Васильевский остров, Петербургская и Выборгская сторона с Охтой. Пропаганда здесь велась на заводах: Балтийском, Розенкранца, Арсенале, Феникс, Металлическом, Новом Адмиралтействе, Франко-русском и на текстильных фабриках.

Во второй район — Шлиссельбургский — входили заводы: Александровский, Обуховский, Семянниковский и фабрики Варгунина, Макевеля, Паля.

Наконец, третий район—Нарвско-Московский—включал в себя заводы: Путиловский, Резиновую мануфактуру, завод Речкина, Новую бумагопрядильню и ряд заводов по Обводному каналу.

Во главе каждого района стоял особый районный комитет; работа же всей организации об'единялась центром, в который первоначально вошли только представители группы „стариков" во главе с Лениным, Мартовым и Радченко, а затем, благодаря непрекращавшимся провалам, постепенно стали привлекаться и члены всех остальных групп.

Окончательно организация сложилась и оформилась к осени 1895 года, свое же название, под которым она приобрела свое историческое имя — „С.-Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса", она получила только в конце 1895 года, после первого крупного провала, из'явшего из среды активных работников В. И. Ленина, Г. М. Кржижановского, В. Старкова, И. Г. Запорожца, А. Ванеева, рабочих Кайзера, Яковлева, Б. Зиновьева, П. Карамышева, В. Шелгунова и целый ряд других лиц.

Как ни чувствительны были для молодой организации аресты, произведенные в ночь с 8 на 9 декабря, лишившие ее таких крупных работников, как В. И. Ленин, В. Старков, А. Ванеев, В. А. Шелгунов и Г. М. Кржижановский, она быстро успела оправиться от них и уже 15 декабря в специальной прокламации по поводу этих арестов заявляла:

„Полиция ошиблась в адресе. Арестами и высылками не подавят рабочего движения: стачки и борьба не прекратятся до тех пор, пока не будет достигнуто полное освобождение рабочего класса из-под гнета капитала".

И, действительно, движения рабочих остановить уже было нельзя.

К средине 1896 года, под влиянием агитации „Союза борьбы" создалась атмосфера, насыщенная духом недовольства и протеста

Отдельные мелкие уступки фабрикантов, при той массе беззакония, которая годами накопилась в нашем фабрично-заводском быту, уже не успокаивали, а еще больше раздражали рабочих.

Вся весна 1896 г. прошла также в стачках крупных петербургских фабрик, причем на каждую из них „Союз" спешил отозваться специальным листком. Бастуют фабрики Лебедева, Кенига, Самсониевская мануфактура, Александровский завод, Калинкинская мануфактура, Сестрорецкий оружейный завод, Балтийские мастерские Варшавской железной дороги. Каждый раз при стачке рабочие находили у себя по станкам, или в укромных местах на фабрике листки, в которых говорилось об их тяжелом положении, о необходимости упорной борьбы с капиталистами и о том, что рабочим нечего рассчитывать на помощь правительства которое всегда становится на сторону их врагов.

„Союзу борьбы" приходилось считаться с низким уровнем рабочей массы и поэтому в своих призывах к политической борьбе он всегда проявлял сугубую осторожность, стремясь связать чисто политические лозунги с повседневной борьбой рабочей массы за удовлетворение чисто экономических нужд ее.

Особенно приподнятое настроение было у рабочих ткацких и бумаго-прядильных фабрик, которые продолжали получать нищенскую заработную плату при продолжительном рабочем дне; рабочие этих фабрик сравнивали свое положение с положением лучше оплачиваемых и меньше работающих рабочих механических заводов и стали открыто поговаривать о необходимости дружно подняться на борьбу.

Листки „Союза борьбы" не замедлили придти на помощь рабочим, помогли им формулировать их настроение и раз'яснили недостаточность разрозненной борьбы за улучшение собственного положения и необходимость совместного выступления всего петербургского пролетариата за улучшение положения всего рабочего класса.

Особенно сильное впечатление произвел на рабочих первомайский листок, призывавший русских рабочих к выражению солидарности с пролетариатом всего мира. Этот листок был составлен В. И. Лениным уже в тюрьме и переправлен на волю для напечатания.

В нем уже довольно отчетливо слышались призывы к борьбе политической, к борьбе с русским самодержавным правительством, но и здесь эта борьба ставилась в связь с повседневной борьбой массы.

Рисуя картину свободного празднования пролетарского праздника за границей, В. И. Ленин в этом листке говорил, обращаясь к петербургскому пролетариату:

„Союз распространяет листки, при виде которых трепещут сердца хозяев и их прислужников—властей.

„Не листки им страшны, а возможность нашего дружного сопротивления, проявления нашей могучей силы, которую мы им не раз показали.

„Мы, петербургские рабочие, члены Союза, приглашаем всех остальных наших товарищей присоединиться к нашему Союзу и способствовать великому делу об'единения рабочих для борьбы за свои интересы.

„Пора и нам, русским рабочим, разорвать цепи, которыми спутали нас капиталисты и правительство, чтобы держать в угнетении, пора и нам присоединиться к борьбе наших братьев—рабочих других государств, стать с ними под общее знамя, на котором написано: „Рабочие всех стран, соединяйтесь"!

Заканчивалась эта первомайская прокламация следующим пророческим призывом:

„И подымется наша мускулистая рука и падут позорные цепи неволи; подымется на Руси рабочий народ и затрепещут сердца капиталистов и всех врагов рабочего класса".

Отпечатанный в довольно большом по тому времени количестве этот листок был широко распространен по всему Петербургу и всюду будил своими призывами в рабочей массе новые настроения и готовность к борьбе.

В течение всего мая возбужденное настроение среди рабочих бумагопрядилен все нарастало, и недоставало только толчка, чтобы оно вылилось в грандиозную стачку, сразу охватившую от 30 до 40.000 рабочих.

Таким толчком послужил отказ большинства фабрикантов уплатить своим рабочим плату за коронационные дни, во время которых рабочие не работали не по своей воле, а по воле фабрикантов, пожелавших демонстрировать верноподданнические чувства.

Такой отказ получили, между прочим, и рабочие так называемой Екатерингофской мануфактуры, расположенной на одной из окраин Петербурга.

Рабочие этой фабрики тотчас же обратились за помощью к рабочим других бумагопрядилен, послав к ним своих делегатов. Этот призыв нашел горячий отклик: решено было представителям

всех фабрик собраться вместе и выработать общие для всех бумагопрядилен требования.

Такое собрание состоялось в конце мая в Екатерингофском парке; на нем присутствовало около 100 человек делегатов. Там сообща были выработаны общие для всех занятых в бумагопрядильнях рабочих требования, которые затем были переданы „Союзу борьбы", а им изданы в виде особой прокламации, озаглавленной: „Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен", и в огромном количестве распространены по всему Петербургу.

Требования эти гласили:

„Мы хотим:

1) чтобы рабочий день у нас везде продолжался от 7 часов утра до 7 часов вечера, вместо теперешних от 6 часов утра до 8 часов вечера;

2) чтобы обеденное время длилось полтора часа и, таким образом, весь рабочий день продолжался бы $10^1/_2$ час. вместо 12;

3) чтобы расценки везде были повышены на одну копейку и, где можно, на две копейки против нынешних;

4) чтобы шабашили по субботам везде одновременно в 2 часа;

5) чтобы хозяева самовольно не останавливали машин и не пускали их в ход раньше времени;

6) чтобы заработок за первую половину месяца выдавали правильно и во-время, а не оттягивали;

7) чтобы было сполна заплачено за коронационные дни".

Началась стачка. Первой остановилась 23 мая „Российская мануфактура" на Обводном канале. 27 мая забастовала „Екатерингофская мануфактура"; затем к ним присоединились „Митрофаниевская", „Триумфальная", две „Кениговских", „Кожевниковская", „Новая мануфактура" и целый ряд других фабрик Выборгской и Петербургской стороны и Васильевского острова.

В течение нескольких дней забастовки распространились на 17 бумагопрядилен; затем к ним примкнули еще 4, и, таким образом, почти все петербургские бумагопрядильни, за ничтожными исключениями, прекратили работу.

Рабочие забастовавших фабрик стали открыто устраивать собрания и сходки под открытым небом для обсуждения своих дел.

Рабочие остальных фабрик и заводов Петербурга, в особенности на больших механических заводах, поддерживали забастовавших материально, начав отчислять в их пользу часть своего заработка, и стали поговаривать о том, чтобы поддержать морально, примкнув из сочувствия к стачке.

Ходили упорные слухи, что рабочие огромного Путиловского завода и целого ряда других не сегодня-завтра прекратят работу.

На Александровском чугунном заводе рабочие также забастовали, но администрация поспешила их успокоить, пообещав выполнить требования.

Неспокойно было на писчебумажной фабрике Варгунина; появились листки на огромной Резиновой мануфактуре; волновались рабочие на многих других заводах. Словом, весь рабочий Петербург всколыхнулся до-низу, и можно было ждать, что к забастовавшим 40.000 рабочих бумагопрядилен присоединятся новые десятки тысяч рабочих.

„Союз борьбы" все время руководил стачкой, выпуская целый ряд листков, как к рабочим отдельных фабрик, так и общих, и удерживая рабочих в рамках мирной борьбы.

Впечатление от этой стачки, по своим размерам еще невиданной в России, получилось ошеломляющее.

Особенно поражали петербургского обывателя необычайное спокойствие и дисциплина рабочей массы.

Единичные призывы к насилию тотчас же встречали отпор со стороны сознательных рабочих, и вся огромная стачка прошла почти без всяких эксцессов.

Удивительное зрелище представляли в эти дни стачки улицы окраин Петербурга: молча и угрюмо возвышались громадные фабричные корпуса, покинутые рабочими, не дымили высокие трубы, замолкли гудки; по пустынным улицам, на которых не было слышно обычного шума и гама, медленно передвигались усиленные наряды городовых и казачьи патрули, а рабочие на-зло и удивление полиции продолжали сохранять спокойствие.

На стенах улиц стали появляться печатные воззвания петербургского градоначальника, сперва угрожающие, но, по мере того, как стачка затягивалась, тон этих об'явлений постепенно понижался.

Весь Петербург в эти дни не имел иной темы для разговора, кроме стачки.

Одни стачку защищали, другие нападали на рабочих, в особенности полиция стремилась восхвалять заслуги фабрикантов и укоряла рабочих в неблагодарности; о стачке толковали все, она была у всех на устах, даже у тех, кому впервые приходилось задумываться над подобного рода вопросами.

Рабочие удивительно стойко и упорно держались за свои требования. Стачка затягивалась.

Между тем, администрация, которая вначале совершенно растерялась, вскоре опомнилась.

Рабочие кварталы были наводнены жандармами и казаками; среди бастовавших рабочих начались аресты. Были приняты меры разного рода увещеваний, но, так как меры эти не действовали, администрация снова стала переходить к запугиванию рабочих.

Стачка уже тянулась около двух недель; рабочие успели истощить свои сбережения и стали испытывать серьезные лишения, но все же не сдавались.

Тогда 10 июня появилось на стенах фабрик об'явление градоначальника, извещавшее рабочих, что их претензии будут рассмотрены чинами фабричной инспекции лишь тогда, когда будут начаты работы.

Это обращение также не подействовало, и, напротив, волнение рабочих грозило перекинуться на новые заводы и фабрики.

Тогда 15 июня выступил с обращением к рабочим сам министр финансов, также приглашавший рабочих приступить к работам, обещая рассмотреть их требования, и заявивший, что „правительству одинаково дороги как дела фабрикантов, так и рабочих".

Большинство петербургских рабочих отнеслось скептически и к этим обещаниям, но стачку все-таки пришлось прекратить, так как начинала действовать крайняя нужда: кое-где подействовало неопределенное обещание правительства сократить законодательным путем длину рабочего дня, кое-где фабриканты, со своей стороны, обещали кое-какие улучшения и уступки.

Стачка стала постепенно замирать и 18 июня прекратилась повсюду.

Газетам было строжайше воспрещено сообщать о стачке какие бы то ни было сведения; правительственное сообщение о ней появилось лишь после ее окончания; но тем не менее известия о забастовке 40.000 петербургских рабочих, о том, что они поднялись на борьбу за улучшение всего рабочего класса, быстро облетели всю Россию и во многих местах побудили рабочих придти на помощь борющимся товарищам.

Как мы уже упоминали, „Московский рабочий союз" призывал московских рабочих оказать товарищескую поддержку своим петербургским братьям, и рабочие отдельных заводов откликнулись на этот призыв.

Один из активных участников этой стачки в своих воспоминаниях о ней передает, что „когда несколько высланных в провинцию петербургских ткачей попали на Хлудовскую

мануфактуру, местные рабочие, узнав, что они из Питера, как мухи, стали липнуть к ним:

— Расскажи, да расскажи о стачке.—Ну, и рассказываешь. Слушают, да удивляются.

— Вот так молодцы, говорят.

— И нам бы, ребята, так надо; долго-ли мы будем терпеть?

И пошли ходить истории про нашу славную стачку, про Союз, про листки и про наши требования".

Прекратив забастовку, рабочие петербургских бумагопрядилен стали ждать обещанного сокращения рабочего дня, готовясь в то же время к продолжению начатой борьбы, к более решительному выступлению, если бы обещание не было выполнено.

Правительство, действительно, решило пойти на уступки рабочим, чтобы устранить в будущем „поводы к недоразумениям между рабочими и фабрикантами".

Многие из фабрикантов также соглашались с необходимостью уступок рабочим, чтобы избежать в будущем новых заминок в производстве, и считали возмущения рабочих чрезмерно длинным рабочим днем — справедливыми.

Но дело о законодательном сокращении рабочего дня было передано в комиссию из представителей разных ведомств и там рассмотрение его затянулось. Рабочие же ждали обнародования закона к новому году. Когда же пришло 1 января и никаких изменений не было сделано, начался снова ряд стачек.

Первыми на этот раз забастовали рабочие двух фабрик Максвеля, которые еще во время летних стачек предупреждали фабричного инспектора, что, если правительство не выполнит своих обещаний, они устроят стачку в январе.

Затем стачка стала быстро распространяться и на другие фабрики и заводы и грозила стать всеобщей, охватив все бумаго-прядильни Петербурга.

Настроение рабочих на всех фабриках было настолько возбужденное, что одного появления делегатов от стачечников было достаточно, чтобы рабочие новой фабрики примыкали к стачке.

К 10 января число забастовавших ткачей достигло 18.000; кроме того, к стачке примкнул и чугунный Александровский завод.

Правительство, поставленное перед угрозой новой забастовки, убедилось, что дело издания закона о сокращении рабочего дня не терпит отлагательств.

Фабричным инспекторам было предписано самолично посетить еще незабастовавшие фабрики, убеждать рабочих не

устраивать всеобщей стачки, обещая, что закон будет издан не позже весны. Но обещания не вносили успокоения, и даже на самых спокойных фабриках рабочие готовились примкнуть к забастовке.

Тогда, наконец, было об'явлено министром финансов, что вопрос о нормировке рабочего дня скоро поступит на рассмотрение Государственного Совета, что с апреля будет введен сокращенный рабочий день для всей России, а петербургским фабрикантам было разрешено сделать уступку немедленно.

Большинство фабрикантов действительно немедленно пошло на частичные уступки, и стачка, продлившись около недели, прекратилась.

Через 5 месяцев после начала этой стачки был опубликован, наконец, закон 2 июня 1897 года, нормировавший работу взрослых рабочих.

Рабочее время рабочих, занятых днем, было ограничено этим законом 11½ час. в сутки, а по субботам и накануне праздников—10 часами; для рабочих же, хотя бы отчасти занятых и в ночное время, продолжительность рабочего дня не должна была превышать 10 час. в сутки.

Кроме того, этот закон ограничил права фабрикантов принуждать рабочих к производству сверхурочных работ и установил число обязательных праздников, с полным прекращением в эти дни работ; таких дней обязательного отдыха законом было установлено 66, а вскоре в (1900 г.) было прибавлено еще 3 дня сюда вошли все воскресные дни и двунадесятые праздники.

Этот крупный результат, достигнутый двумя только - что описанными стачками петербургских рабочих, положил прочную основу сознанию единства рабочего движения.

Отныне чувство солидарности, сознание силы совместного выступления для петербургского, да и не для одного петербургского, пролетариата перестали быть только фразами в устах пропагандиста, но получили определенный реальный смысл.

Теперь, начиная стачку, рабочие отдельной фабрики, сознавая бессилие своей неорганизованности, стремятся втянуть в свою борьбу по возможности всех рабочих данного города или района и уж во всяком случае всех занятых в данном производстве, чтобы обеспечить себе победу единовременным выступлением всей рабочей массы.

Как увидим впоследствии, в начале XX столетия это стремление русского пролетариата—вследствие трудности стоящих перед ним задач постоянно расширять рамки своей борьбы—позднее, когда эти задачи стали еще труднее, заставило рабочий класс

России выйти из рамок одного города или района и стремиться к всероссийскому об'единению борьбы.

Главное же значение этой победоносной борьбы петербургских рабочих заключалось в том, что она установила, наконец, прочную связь между массовым рабочим движением и деятельностью социал-демократических организаций.

Последние нашли, наконец, тот народ, который отныне становится общепризнанным и реальным носителем революционной энергии. Они нашли в нем ту силу и мощь, которых им так недоставало во всю предшествующую эпоху развития соц.-демократии. Отныне, опираясь на возрастающее рабочее движение, соц.-демократические организации перестают бояться самых ужасных провалов, так как никакими полицейскими мероприятиями нельзя уже вытравить революционное воспитание широких рабочих масс, начавших выделять из своей собственной среды все большее и большее число самоотверженных борцов за рабочее дело.

В то же время и рабочая масса на собственном опыте изведала все преимущества организованной борьбы и все значение организации для успеха этой борьбы.

Организации сумели завоевать ее доверие, и эта масса сама начинает стремиться вести свою борьбу организованно, стремиться при всяком удобном случае связаться с действующей организацией, подчас молчаливо признавая ее руководство, а подчас и сама подталкивая организацию к более активным формам борьбы и протеста.

Если нельзя говорить о том, что соц.-демократическое учение, в этот период уже прочно усваивается широкими кругами рабочих, то соц.-демократические лозунги определенно начинают уже проникать в толщу рабочих масс, прочно сплетаясь в их представлении с сознанием их повседневных нужд и становясь вскоре неот'емлемой частью дальнейшего развития движения.

В этих стачках 1896 — 97 г. произошло, наконец, в крупных размерах слияние двух факторов, которое и определило собой окончательную победу рабочего движения в России спустя два десятилетия. Опиравшаяся на почву капиталистического развития страны строго-научная формулировка революционных задач, выдвинутая русской с.-демократией, воплотилась в борьбе десятков тысяч петербургских рабочих, придав последней характер настоящего классового организованного рабочего движения, для которого уже не были страшны полицейские рогаткии, от нажима которого скоро должно было начать дрожать самодержавие.

XIX

Первые попытки об'единения рабочих организаций.

Для более сознательных рабочих, для соц.-демократических рабочих кружков и организаций, стремление к об'единению и слиянию проявилось довольно рано.

Если читатель помнит, еще даже в период народнического рабочего движения можно было наблюдать эти попытки в деятельности „Северного" и „Южно-русского" союзов рабочих. О создании такой об'единенной организации, охватывающей все рабочие центры мечтал еще Степан Халтурин.

На юге, в Одессе, рабочая организация, созданная Е. Заславским, старалась практически об'единить рабочее движение южных промышленных центров, связав их единой сетью рабочего союза.

Все это свидетельствует, что стремление к об'единению сил было присуще уже даже первым рабочим организациям.

В 90-е годы, когда организованное рабочее движение опять начало прокладывать себе дорогу, это стремление проявляется с особенной силой.

Еще и до петербургских стачек большинство действовавших по разным концам России соц.-демократических групп, союзов и организаций стремилось поддерживать сношения между собою, делясь средствами, литературой, накопленным опытом и работниками, если последним приходилось менять место под влиянием полицейских преследований.

Мы опускаем при этом самую идею создания единой рабочей партии, с которой выступила уже в самом начале 80-х годов заграничная группа „Освобождение труда", а позднее выступали ряд отдельных кружков и отдельных теоретиков в самой России *).

*) Наиболее конкретно вопрос о неотложной организации с.-демократической партии был поставлен в самой России В. И. Лениным, который, будучи в ссылке в Сибири, развил эти взгляды в своей работе „Задачи русских с.-демократов", написанной в 1897 г.

„Русским социал-демократам, говорил он в ней, предстоит масса дела по удовлетворению запросов пробуждающегося пролетариата, по организации рабочего движения, по укрепление революционных групп и их взаимной связи, по снабжению рабочих пропагандистской и агитационной литературой, по об'единению разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую социал-демократическую рабочую партию.

Во всех таких программных построениях, разумеется, созданию рабочей партии отводилось центральное место, но само создание такой партии мыслилось, как результат длительной и упорной работы на местах. Рабочая партия должна была, по мысли руководителей и теоретиков тогдашняго соц.-демократического движения в России, завершить собою подготовительный организационный период рабочего движения. В данной же главе нас интересует проследить те отдельные попытки и стремления к об'единению на местах, в результате которых в конце концов эта идея создания рабочей партии получила свое осуществление. Путь этот был довольно длительным и начался, как мы только что указали, с попыток отдельных организаций завязывать друг с другом связи и всячески их поддерживать.

Первоначально это стремление к поддержанию старых и завязыванию новых связей ограничивалось случайными рамками.

Каждая из первых соц.-демократических организаций первоначально вела работу за свой страх, сама накапливала организационный опыт, сама должна была заботиться об удовлетворении своих потребностей в нелегальной литературе, в устройстве собственной техники, в налаживании связи с заграницей и т. п.

И пока возникновение соц.-демократических кружков носило случайный характер, как это имело место в конце 80-х годов, об об'единении их не приходилось серьезно задумываться. Стихийно развивавшееся рабочее движение, прорываясь в отдельных промышленных центрах, также еще не ставило на очередь неотложной необходимости об'единения. Но уже вначале 90-х годов картина довольно резко меняется.

Соц.-демократические кружки и организации начинают возникать все чаще. Еще не приходится говорить о том, что вся Россия покрыта густой сетью их, но в промышленных районах и промышленных центрах они постепенно завоевыва ют себе почву и уже не исчезают так бесследно, как раньше, при полицейских налетах.

В отдельных пунктах, где рабочим организациям удается сравнительно долго уберечься от провалов, начинает накапливаться революционный опыт, накапливаются революционные силы и благодаря им организация расширяется, открывая свои отделения в соседних городах.

Этот же результат получался при случайных высылках отдельных работников. Организации старались не порывать связи о высланными, оказывая им посильную помощь, а сами высланные ще более были заинтересованы в этой помощи.

Часто высланные сами обращались к организации с просьбой прислать им в помощь нескольких товарищей для начала работы.

Когда к средине 90-х годов рабочее движение стало заметно расширяться и в него вовлекались все большие и большие массы, вопрос о создании прочной связи между отдельными городами становится еще острее.

Усилившаяся слежка со стороны полиции настоятельно требовала, во имя сохранения революционных сил, чтобы лица, подвергающиеся слежке, немедленно же оставляли город и перебирались куда нибудь в другое место. Но осуществить это не всегда удавалось, часто из-за нехватки работников.

Само собой при этом напрашивалась мысль о возможности в таких случаях обмена людьми между организациями отдельных городов.

Обмен революционным опытом, накопленным отдельными организациями, нелегальной литературой, передача связей и целый ряд других мотивов еще более настоятельно выдвигал перед первыми соц.-демократическими организациями необходимость такого об'единения, но первые годы этот вопрос об об'единении всех соц.-демократических организаций в единую партию практически еще нигде не ставился.

И дело обычно ограничивалось лишь более или менее случайными связями, основанными в большинстве случаев на личных знакомствах.

Но тем не менее такая связь между отдельными организациями, раз возникнув, поддерживалась и даже расширялась.

Напомним в двух словах, как обстояло дело в таких центрах рабочего движения, как Петербург, Москва, Одесса и др.

Уже „Брусневская организация" сумела связаться с Москвой, где начал работать сам Бруснев, вызвав туда себе в помощь рабочего Ф. Афанасьева; такая же связь существовала с Н.-Новгородом, Тулой, Ревелем, Череповцом, куда были высланы отдельные члены организации.

„У нас наметились связи с другими городами, вспоминает сам М. Бруснев, и в нашем комитете был поставлен вопрос о расширении нашей организации на другие города и об организации рабочих кружков в тех местах, где у нас есть связи с рабочими".

„Московский Союз" стремился об'единить вокруг себя весь прилегающий к нему промышленный район и, кроме того, поддерживал живую связь с Иваново-Вознесенском, Рязанью, Тулой, Саратовом, Ярославлем, Вильной, Киевом и Харьковом.

Одесская соц.-демократическая организация ставила своей задачей об'единить рабочее движение всего юга России, распространив свое влияние, в первую очередь, на Екатеринослав, Елисаветград, Кременчуг.

Нижегородский соц.-демократический кружок заводит к 1895 г. довольно живые связи с Москвой, Казанью, Самарой и Рыбинском.

Этот список можно было бы значительно продолжить, так как каждый без исключения крупный центр рабочего движения стремился уже тогда связаться с соседними городами. Но достаточно и этих примеров.

Все эти связи, однако, продолжают носить случайный, большей частью личный характер. Об организационном об'единении хотя бы отдельных районов в первой половине 90-х годов внутри России еще не слышно.

Но идея о таком об'единении, даже всероссийском, уже начинает носиться в воздухе.

Так, та же организация Бруснева задумывается об этом и даже обращается к отдельным организациям со специальным письмом, призывая рабочих об'единиться, но это был еще призыв общего характера, без конкретно разработанной программы об'единени

В Киевской организации еще вначале 90-х годов также ставится уже вопрос о с'езде, но для созыва его нет еще необходимых сил и средств, и осуществление его приходится отложить.

„Московский Союз" в 1894 г. поставил, было, вопрос об общероссийском об'единении работы путем издания манифеста, в котором было бы высказано отношение Московской организации к наиболее важным вопросам современности и очередным задачам рабочего движения.

По мысли инициаторов такого обращения Москвы к остальным соц.-демократическим организациям России, само географическое положение Москвы должно было обеспечить ей роль естественного центра рабочего движения и накладывало на нее обязанность взять в свои руки снабжение всей остальной России нелегальной литературой и распространение сведений о развитии и ходе рабочего движения в отдельных пунктах.

Осуществления эта мысль тогда не получила, но в следующем году „Московский Союз" снова возвращается к ней, предполагая на этот раз для выработки такого манифеста созвать с'езд делегатов наиболее серьезных организаций России; на этом же с'езде должен был быть намечен и естественный центр будущей партии.

В 1895 и 1896 г.г. с этой же мыслью о с'езде носятся петербургские организации. „Союз Борьбы" с этой целью в 1896 г. даже командирует одного из своих членов для об'езда ряда городов, чтобы практически столковаться с местными организациями о созыве с'езда.

Но все перечисленные попытки так и не были доведены до конца, частью будучи отодвинуты на задний план более непосредственно жгучими нуждами развивавшегося рабочего движения, частью благодаря непрекращавшимся полицейским преследованиям.

Но зато на окраинах России уже к средине 90-х годов начинает осуществляться национально-районное об'единение существующих там с.-демократических организаций.

В 1895 г. состоялся первый с'езд литовских с.-демократов, об'единивший около 80 рабочих касс и кружков гор. Вильны и Сувалкской губ., а в следующем году второй с'езд литовских с.-демократов окончательно завершил это об'единение.

Как мы упоминали уже раньше, приблизительно в это же время началось об'единение еврейских соц.-демократических рабочих организаций в Западном крае.

Начавшись с организации районных профессиональных союзов оно в 1897 г. завершилось об'единением всех без исключения с.-демократических организаций края во „Всеобщий еврейский рабочий союз" („Бунд").

Наконец, на противоположном конце России — на Урале в том же 1897 г. состоялось два с'езда северных и южных уральских соц.-демократических кружков, на которых было положено начало об'единению организаций этого района, причем Челябинская соц.-демократическая группа взяла на себя доставку нелегальной литературы для всего района, должна была озаботиться устройством нелегальной типографии, снабжать остальные города необходимыми революционными силами и приступить к изданию прокламаций для всего этого района.

Все эти попытки национальных и районных об'единений рабочих организаций указывали, что почва для всероссийского об'единения уже назрела.

Сознание необходимости и неотложности такого об'единения начинает все сильнее и сильнее пробиваться среди отдельных организаций.

Насколько настоятельной становится потребность в таком об'единении, лучше всего свидетельствует деятельность Витебской соц.-демократической организации.

Последняя в 1896 г. решила предпринять об'езд ряда городов с целью ознакомиться с постановкой там с.-демократической работы.

Отдельные члены организации побывали в Киеве, Екатеринославе, Вильне, Минске, Гомеле, Кременчуге, Полтаве и др городах, и затем в 1897 г. снова с'ехались в Витебск, чтобы поделиться своими наблюдениями и внести поправки в свою собственную работу. Эта попытка витеблян, собственно говоря, и не имела в виду общерусского об'единения: она была вызвана оторванностью отдельных городов от общерусского рабочего движения и может служить лишь иллюстрацией, насколько такое об'единение было необходимо, и как остро эта потребность ощущалась уже тогда отдельными организациями России.

К этому времени, как мы уже указывали, вопрос об общероссийском об'единении настолько назрел, что за разрешение его решили взяться несколько организаций.

Петербургский „Союз Борьбы" организовал об'езд провинциальных соц.-демократических оргинизаций. „Московский Союз" еще за несколько месяцев перед тем высказался за необходимость созыва с'езда и с этой целью также командировал двух своих членов для предварительного об'езда России и ознакомления с деятельностью других организаций. Наконец, в Киевской соц.-демократической организации к 1896 г. вопрос о созыве с'езда также снова был поставлен на очередь и для осуществления этого решено было выделить особую группу и приступить к изданию общерусской партийной газеты, главной задачей которой должна была стать та же подготовка почвы для созыва с'езда.

Казалось бы, достаточно об'единить силы этих трех наиболее крупных в то время центров рабочего движения, чтобы обеспечить делу полный успех.

Но этому помешали невыносимые полицейские условия соц.-демократической работы в то время.

„Московский Союз" вскоре был настолько основательно разгромлен, что даже наладить чисто местную работу мог с большим трудом; мечтать о работе в общерусском масштабе при таких условиях не приходилось. Та же участь постигла и Петербург. Хотя разгром „Союза Борьбы" и не принял таких размеров, как в Москве, но силы организации были надорваны и наиболее крупные работники после 2—3 провалов оказались надолго оторванными от руководства рабочим движением.

Осталась, таким образом, только Киевская организация, которой и пришлось выполнить целиком всю работу по созыву первого с'езда Российской соц.-демократической рабочей партии.

Работавшая в это время в Киеве соц.-демократическая группа, выступавшая под именем „Рабочего Дела", включала в свой состав довольно много людей с крупным организаторским талантом, солидной теоретической подготовкой и долголетней революционной практикой.

Полицейские условия в Киеве сложились в это время более благоприятно, чем в других крупных центрах рабочего движения и позволили многим из местных активных работников накопить достаточно опыта и конспиративных навыков, чтобы благополучно довести до конца осуществление задуманного предприятия.

Наконец, прочные связи, существовавшие у Киевской организации, почти со всеми крупными центрами рабочего движения— Москвой, Петербургом, Екатеринославом, Иваново-Вознесенском, Харьковом, Одессой, Вильной, Самарой, Н.-Новгородом и рядом других городов — также значительно облегчили им осуществить предпринятую попытку об'единения.

В этом отношении особенно полезными оказались связи киевлян с центром еврейского рабочего движения — г. Вильной, в котором уже была проделана подготовительная работа по об'единению с.-демократических еврейских и литовских кружков западного края в мощные рабочие союзы. Благодаря тесным связям, им удалось весь опыт Виленской организации использовать для своих целей и преодолеть все полицейские препятствия, тормозившие дело об'единения борьбы всего русского пролетариата.

Разгоравшаяся же борьба последнего теперь уже настоятельно требовала такого об'единения и после петербургских стачек 1896 — 1897 года, нашедших отклик и пробудивших живой интерес во всей стране, создание единой рабочей партии, которая могла бы взять в свои руки руководство дальнейшей борьбой рабочего класса, становилось неотложным и настоятельным делом.

Грандиозная борьба петербургского пролетариата за сокращение рабочего дня, переплетавшаяся с борьбой остального пролетариата России, явилась, таким образом, тем основанием, на котором руководителям с.-демократического движения в России приходилось строить первую обще-русскую организацию.

И так как основание это было достаточно мощным, а потребность в об'единении достаточно жизненной, то, несмотря на полицейские преследования, которые, как читатель увидит

ниже, не замедлили обрушиться на участников и организаторов первого всероссийского соц.-демократического с'езда, полиции не удалось помешать об'единению соц.-демократических организаций даже массовыми арестами.

Раз осуществившись, идея единства рабочей партии продолжала прокладывать себе путь сквозь все полицейские рогатки и даже, когда созданные на первом с'езде партийные учреждения оказались вскоре же разрушенными, идейного единства рабочего движения самодержавию не удавалось разрушить, несмотря ни на какие ухищрения.

Вернемся, однако, к истории самого об'единения. Уже к весне 1897 г. работа киевской с.-демократической группы, взявшей на себя окончательно инициативу по созыву с'езда, развернулась достаточно широко.

Издание общерусской революционной газеты, правда, затормозилось, так как долго не удавалось наладить для нее хорошо оборудованную типографию, но вся остальная подготовительная работа была осуществлена, и в марте 1897 г., наконец, решено было созвать в Киеве с'езд.

На этот с'езд были приглашены: „Бунд", „Польская с.-демократия", Москва, Петербург, „Литовская с.-демократия" и Иваново-Вознесенск. Только эти организации считались достаточно окрепшими и сер'езными для выполнения намеченной задачи.

С'езда, однако, в 1897 г. создать не удалось: часть организаций не получила своевременно приглашений, часть не могла послать делегатов по полицейским причинам.

17—18 марта в Киеве с'ехались лишь представители польских с.-д., Петербурга и Москвы, не считая представителей киевской группы. Кроме того, Московский делегат произвел на организаторов с'езда неблагоприятное впечатление и его отослали обратно в Москву.

Было решено поэтому вместо с'езда устроить предварительное совещание—конференцию. На этой конференции, таким образом, участвовали: представители киевской группы „Рабочее Дело", представитель польской с.-демократии и представитель петербургского „Союза Борьбы за освобождение рабочего класса".

На самой конференции были вынесены следующие решения: продолжить работу по подготовке с.-демократического с'езда, приступить к изданию для этой цели общерусской газеты, разослать предварительно всем организациям, которые примут участие в с'езде, перечень вопросов, подлежащих разрешению на с'езде,

и переименовать все действующие в России организации в „Союзы Борьбы за освобождение рабочего класса" по примеру Петербургской организации.

Дальнейшая подготовительная работа выразилась в том, что киевская организация выделила для созыва с'езда особую группу, которая вскоре и приступила к изданию общерусской „Рабочей Газеты".

В первом номере этой газеты, вышедшем летом 1897 г., говорилось:

„Русское рабочее движение теперь так выросло, что нужно подумать о постоянном общении русских рабочих между собою, о взаимной их поддержке в борьбе, о их тесном братском союзе.

„Ведь, только соединившись в один братский союз, в одну могучую рабочую партию, русские рабочие победят фабрикантов и правительство. Эта рабочая партия представит такую силу, бороться с которой никто не будет в состоянии, сопротивляться которой никто не посмеет".

В ноябре 1897 г. был выпущен второй номер „Рабочей Газеты", составленный еще более ярко и говоривший еще более определенным языком. Он почти целиком был посвящен пропаганде идеи немедленного об'единения всех рабочих кружков и организаций в единую партию:

„Образование русской с.-демократической партии,—говорилось в передовой статье этого номера,—даст сильный толчок развитию русского рабочего движения. Окрепшее и усилившееся русское рабочее движение свергнет иго самодержавия и добьется политической свободы".

Та же статья задавала вопрос: „Какое же знамя будет развиваться над русским рабочим движением"?

И отвечала на него вполне определенно:

„Конечно, то самое... на котором великие учителя рабочих, Маркс и Энгельс, начертали слова: „пролетарии всех стран, соединяйтесь!", то, знамя, под которым борются передовые рабочие всех стран земного шара, к которому и в России примыкают почти все рабочие кружки, кассы и союзы. Это—красное знамя международной социал-демократии. Русская рабочая партия будет партией социал-демократической".

Не ограничиваясь изданием „Рабочей Газеты", организаторы с'езда вновь предприняли об'езд всех русских с.-демократических организаций, а равным образом постарались завязать связи и с заграничной группой „Освобождение труда".

Последняя пошла тем более охотно навстречу начинанию киевлян, что сама считала организацию партии самым неотложным делом. Плеханов, Аксельрод, Засулич и Кольцов тотчас же откликнулись на призыв редакции „Рабочей Газеты", направив для нее ряд своих статей; но этим статьям долго не пришлось увидеть свет, так как ко второму номеру газеты они не поспели, а перед выходом третьего типография „Рабочей Газеты" оказалась разгромленной полицейским налетом, и сама газета прекратила свое существование.

К началу 1898 г. вся подготовительная работа по созыву с'езда всех наиболее мощных с.-демократических организаций России была закончена, и в конце февраля 1898 г. в гор. Минске, в маленьком деревянном домике Румянцева, в конце Захарьевской улицы, состоялся с'езд этих организаций, об'явивший об образовании „Российской соц.-демократической Рабочей партии".

В нем приняли участие следующие организации: южная группа „Рабочей Газеты", центральные группы „Союзов Борьбы" в Петербурге и Киеве и только что возникшего „Всеобщего еврейского рабочего союза в России и Польше" (Бунда), выступившие инициаторами этого с'езда, и соц.-демократические организации Москвы и Екатеринослава.

Заграничные организации на с'езд было решено не приглашать, так как имелось в виду на с'езде главное внимание уделить практическим задачам построения общерусской организации.

На этом с'езде перечисленные выше организации были представлены следующими лицами: от группы „Рабочей Газеты"—Б. Л. Эйдельман и Н. А. Вигдорчик, от „Петербургского Союза Борьбы"—С. И. Радченко", от „Московского Союза"—А. А. Ванновский, от Екатеринославской организации—К. А. Петрусевич,—от Киевского Союза Борьбы—П. Л. Тучанский и от „Бунда"—А. Кремер, Мутник и Ш. Кац *(.

Участниками с'езда было послано следующее приветствие немецкой социал-демократии, напечатанное в № 65 „Vorwärts" от 18 марта 1898 г. по поводу пятидесятилетия германской революции 1848 г.

„Мы чествуем память борцов 1848 года,—говорилось в нем,—как наших учителей в борьбе за политическую свободу. Память о их геройской гибели в борьбе за свободу будет вечно жить в наших сердцах".

*) Литовская с.-демократия не могла принять участия в с'езде, так как этому помешали крупные аресты.

С'езд продолжался три дня (с 1 по 3 марта ст. ст.), имел 6 заседаний и разрешил все намеченные вопросы, перечень которых предварительно был разослан по организациям для обсуждения.

Первым был поставлен вопрос о названии партии. Существовало несколько проектов названия ее: „русская с.-демократическая партия", „русская рабочая партия", „русский рабочий союз", но в конце концов было решено назвать ее „Российской с.-демократической рабочей партией", подчеркнув этим названием, что партия должна об'единять рабочих всех национальностей, населяющих Россию, что она должна быть рабочей по своему составу и исповедывать принципы научного социализма в своей программе.

Затем с'ездом были разрешены вопросы об отношении к П П. С. (Польской Социалистической Партии) и „Бунду".

По первому из них с'езд ограничился признанием за каждой национальностью права на самоопределение, отклонив тем самым ультимативное требование П. П. С. высказаться за независимость Польши, и предоставил Центральному Комитету право вступать в необходимые взаимоотношения с другими революционными организациями, поскольку это не будет нарушать принципов программы партии и приемов ее тактики.

По отношению же „Бунда" („Всеобщий Еврейский рабочий Союз") было принято, что он входит в партию, „как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата".

Довольно широкая автономия была предоставлена и местным комитетам партии, которые при выполнении постановлений Центрального Комитета могли делать это в той форме, какую найдут более подходящей по местным условиям, а при наличности исключительных условий могли и вовсе отказаться от выполнения требований Ц. К., лишь известив последний о причинах отказа.

Во всей остальной своей деятельности местные комитеты партии могли поступать вполне самостоятельно, руководствуясь лишь программой партии.

Такая широкая самостоятельность каждого отдельного партийного комитета была несомненно продиктована боязнью местных организаций поступиться интересами своей колокольни во имя интересов общерусского движения, вытекала из прежней разобщенности организаций, отражала тогдашнюю неразвитость революционного с.-демократического движения и была неизбежной в качестве переходной меры к построению более централизованной партии в будущем.

Представительство с.-д. партии за границей было поручено „Союзу русских социал-демократов".

С'езд избрал Центральный Комитет, признал „Рабочую Газету" органом партии и постановил выпустить манифест об образовании партии.

На обязанности Центрального Комитета с'езд возложил;

а) заботу о планомерной деятельности партии (распределение сил и средств, выставление и проведение однообразных требований и т. д.);

б) создание и доставку местным комитетам литературы;

в) организацию таких предприятий, которые имеют общее для всей России значение (празднование 1-го мая, издание листков по поводу выдающихся событий, помощь жертвам экономической и политической борьбы и т. д.).

Материальные средства партии должны были создаться из:

а) единовременных взносов местных комитетов в момент образования партии;

б) из добровольных периодических отчислений тех же комитетов;

и в) из специальных сборов на партию.

Центральному Комитету было предоставлено право пополнять свой состав новыми членами.

В случаях, не допускающих отсрочки, он мог принимать ответственные решения, если только таковые принимались единогласно; во всех остальных случаях при разрешении особо важных вопросов он был обязан обращаться за указаниями к С'езду Партии.

С'езд поручил Центральному Комитету, в состав которого были избраны Б. Эйдельман, А. Кремер и С. Радченко, срочно приступить к организации с.-демократических комитетов в Поволжье и об'единиться с остальными с.-д. организациями, действовавшими в то время в России*).

К моменту созыва с'езда эта группа успела создать свои организации, помимо Белостока, в Петербурге, Харькове и Киеве, выступила с программой „Русской с.-демократической партии" и выпустила свой собственный манифест. С местными с.-д. организациями, об'единившимися на первом с'езде, она вела борьбу, отстаивая более революционную тактику и восставая против увлечения экономической борьбой пролетариата.

*) Самой крупной из таких организаций была группа „Рабочего Знамени", зародившаяся в г. Белостоке и пытавшаяся также взять на себя задачи об'единения с.-демократического движения в России.

Програмных вопросов с'езд почти не касался, за исключением вопроса национального, разрешенного попутно при обсуждениии отношения к Польской Социалистической партии (П. П. С.). Предполагалось, что проект программы, составленный Г. В. Плехановым, будет доставлен на с'езд, но осуществить это не удалось.

Новый с'езд было решено созвать через 6 месяцев, и за это время Центральный Комитет должен был прочно связаться с местами и наладить общепартийную работу.

Но созданные этим с'ездом центральные организации партии оказались, однако, весьма недолговечными.

Вскоре они были почти начисто сметены полицейскими преследованиями, и потребовались долгие годы, чтобы вновь воссоздать организационное единство российской соц.-демократической рабочей партии, но идейного единства соц.-демократических организаций, как продолжавших работу среди пролетариата, так и вновь возникавших для этой же цели, русскому правительству искоренить не удалось, несмотря ни на какие преследования.

Самодержавное правительство стремилось всячески помешать созыву первого с'езда, так как имело серьезные основания опасаться об'единения с.-демократической работы и образования партии, которая должна была начать руководить широко разраставшимся рабочим движением.

Оно поэтому чуть ли не по пятам следило за организаторами первого с'езда, и только выработанная долголетней практикой киевлян конспиративная выдержка помогла им избегнуть преждевременных арестов и довести с'езд до конца.

Но как бы в отместку за эту неудачу царская жандармерия тотчас же после с'езда жестоко обрушилась на все существовавшие с.-демократические организации.

В ночь с 11 на 12 марта 1898 г., т.-е. через неделю после окончания с'езда, был произведен настоящий разгром этих организаций.

Во всех крупных центрах—Киеве, Москве, Петербурге, Харькове, Екатеринославе, Одессе, Елисаветграде, Белостоке сотнями происходили обыски; арестовано было свыше 500 чел. с.-демократов, в том числе попали в тюрму и двое из только что избранного Центрального Комитета партии Б. Эйдельман и А. Кремер; погибло четыре нелегальных с.-демократических типографии, в том числе и типография „Рабочей Газеты", а вместе с типографией погибла и сама газета.

Из состава Ц. К. уцелел только С. Радченко, который и сумел выпустить Манифест партии, поручив составить его П. Б. Струве, в то время разделявшему основные положения революционной с.-демократии.

Ввиду важности этого документа мы позволяем себе привести его целиком:

„50 лет тому назад над Европой пронеслась живительная буря революции. Впервые на сцену выступил, как крупная историческая сила, современный рабочий класс. Его силами буржуазии удалось смести много устарелых феодально-монархических порядков. Но буржуазия быстро рассмотрела в новом союзнике своего злейшего врага и предала и себя, и его, и дело свободы в руки реакции. Однако, было уже поздно: рабочий класс, на время усмиренный, через 10—15 лет снова появился на исторической сцене с удвоенными силами, с возросшим самосознанием, как вполне зрелый боец за свое конечное освобождение.

„Россия, все это время оставалась, повидимому, в стороне от столбовой дороги исторического движеня. Борьбы классов в ней не было видно, но она была и, главное, все зрела и росла. Русское правительство с похвальным усердием само насаждало семена классовой борьбы, обездоливая крестьян, покровительствуя помещикам, выкармливая и откармливая на счет трудящегося населения крупных капиталистов. Но буржуазно-капиталистический строй немыслим без пролетариата или рабочего класса. Последний родится вместе с капитализмом, растет вместе, крепнет, и по мере своего роста, все больше и больше наталкивается на борьбу с буржуазией. Русский фабричный рабочий, крепостной и свободный, всегда вел скрытую и явную борьбу со своими эксплоататорами. По мере развития капитализма, размеры этой борьбы росли, они захватывали все большие и большие слои рабочего населения.

„Пробуждение классового самосознания русского пролетариата и рост стихийного рабочего движения совпали с окончательным развитием международной социал-демократии, как носительницы классовой борьбы и классового идеала сознательных рабочих всего мира. Все новейшие русские организации всегда в своей деятельности сознательно или бессознательно действовали в духе социал-демократических идей. Силу и значение рабочего движения и опирающейся на него социал-демократии всего ярче обнаружил целый ряд стачек за последнее время в России и Польше, в особенности знаменитые стачки петербургских

ткачей и прядильщиков в 1896 и 1897 г.г. Стачки эти вынудили правительство издать закон 2 июня 1897 г. о продолжительности рабочего времени. Этот закон, как бы ни были велики его недостатки, останется навсегда достопамятным доказательством того могущественного давления, которое оказывают на законодательную и иную деятельность правительства соединенные усилия рабочих.

Напрасно только правительство мнит, что уступками оно может успокоить рабочих. Везде рабочий класс становится тем требовательнее, чем больше ему дают. То же будет и с русским пролетариатом. Ему давали до сих пор тогда, когда он требовал и впредь будут давать лишь то, чего он потребует. А чего только не нужно русскому рабочему классу? Он совершенно лишен того, чем свободно и спокойно пользуются его заграничные товарищи: участия в управлении государством, свободы устного и печатного слова, свободы союзов и собраний—словом, всех тех орудий и средств, которыми западно-европейский и американский пролетариат улучшает свое положение—и вместе с тем борется за свое конечное освобождение—против частной собственности, за социализм.

„Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она—основное условие его собственного развития и успешной борьбы за частичные улучшения и конечное освобождение. Но нужную ему политическую свободу русский пролетариат сможет завоевать себе только сам.

„Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем большие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы. Это необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата, к созданию такого общественного строя, в котором не будет места эксплоатации человека человеком.

„Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма. Первые шаги русского рабочего движения и русской социал-демократии не могли не быть разрозненными, в известном смысле случайными, лишенными единства и плана. Теперь настала пора об'единить местные силы, кружки и организации русской социал-демократии в единую „Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию“.

„В сознании этого, представители: „Союзов Борьбы за Освобождение Рабочего Класса“, группы, издающей „Рабочую Газету“ и „Общееврейского Рабочего Союза в России и Польше“ устроили с'езд, решения которого приводятся ниже. Местные группы, соединяясь с Партиею, сознают всю важность этого шага и все значение вытекающей из него ответственности. Им они окончательно закрепляют переход русского революционного движения в новую эпоху сознательной классовой борьбы.

„Как движение и направление социалистическое, Российская социал-демократическая Партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшею из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой „Народной Воли“. Но средства и пути, которые выбирает социал-демократия, иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс. Она твердо убеждена, что „освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом“ и будет неуклонно сообразовывать все свои действия с этим основным началом международной социал-демократии.

„Да здравствует русская, да здравствует международная социал-демократия!“.

Издание манифеста партии явилось последним отголоском первого с'езда.

Новые аресты, последовавшие в течение весны и лета 1898 г. казалось, совершенно разрушили большинство с.-демократических организаций.

Казалось, все погибло и предстоит заново проделывать работу по воссозданию и об'единению соц.-демократических организаций России.

Но тем не менее, как мы уже указали, идейное единство соц.-демократических организаций, возникавших вместо разрушенных полицейскими налетами, все же сохранилось.

И в этом огромное значение первого с'езда партии, несмотря на недолговечность созданных им центральных учреждений.

Хотя в течение ближайших лет не было никакого органа об'единявшего работу разрозненных по-прежнему местных организаций партии, но и сами организации, и об'единяемые ими рабочие массы несли в своих сердцах и головах это идейное единство. Формальным выражением этого единства являлось издание

всеми организациями листков и прокламаций под заголовком „Российской соц.-демократической рабочей партии“; большинство организаций выступало под именем „комитетов партии“.

И рабочая масса, читая призывы этих организаций, знала теперь, что она не одинока в борьбе, что повсюду и в других городах, где только дымят фабричные трубы, существуют такие же об‘единения сознательных рабочих и идет непрекращающаяся борьба рабочего класса России за свое освобождение.

XX

Первое мая в России.

Над Уралом и Кавказом
Над Невой и над Днепром
Пусть наш голос грянет разом,
Как весенний первый гром.
(Из майской песни рабочих).

В условиях русской жизни, при господстве самодержавного режима, беспощадно подавлявшего всякое проявление общественности и жестоко каравшего за одну попытку создания рабочих организаций, участию рабочих масс в праздновании Первого Мая, установленного на Парижском социалистическом конгрессе в 1889 г. в качестве праздника пролетарской солидарности и дня протеста всего мирового пролетариата против всех видов гнета и эксплоатации, — суждено было сыграть очень большое значение.

Условия самодержавного режима чуть ли не с первых же шагов и попыток русского пролетариата присоединиться к празднованию 1-го мая, стали превращать этот день в акт серьезной политической борьбы. Правительство каждый год усиленно готовилось к этому дню, отмечая его массовым количеством обысков и арестов по всей стране.

Но стремление русского класса проявить свою солидарность с пролетариатом всего мира было настолько сильно, что его не могли приостановить никакие преследования.

Празднование 1 го мая в России началось уже со следующего года после его установления Парижским международным конгрессом.

Первым откликнулся на призыв конгресса пролетариат Польши, посылавший на этот конгресс своего представителя-каменщика Владислава Ангельского и отпраздновавший этот день забастовкой в Варшаве, Лодзи и в ряде других городов. Уже за несколько недель до 1-го мая революционная польская организация „Пролетариат“ начала агитацию среди рабочих масс за участие в международном празднике рабочих.

По фабрикам и мастерским начались оживленные разговоры на эту тему, и рабочие с интересом следили за всеми газетными известиями о подготовке к этому дню на Западе.

Около 10.000 рабочих Царства Польского приняло участие в праздновании первого мая в 1890 г. Местами бастовали целые фабрики; в остальных работу прекратила только часть рабочих. Были, наконец, случаи, когда рабочие требовали, чтобы работа была прекращена всей фабрикой, и только вмешательство полиции помешало им привести это в исполнение.

Организацией „Пролетариата", в связи с 1 мая, были изданы две прокламации — одна на польском языке в Варшаве и вторая — на немецком языке в Лодзи.

„Стыдно тем, кто замедлит протянуть руку для общего братского пожатия рабочих всего мира. Выступайте дружно! Смело, братья, все разом!"—заканчивалась одна из этих прокламаций.

Еще больших размеров достигло празднование первого мая рабочими Царства Польского в следующем году.

В одной Варшаве в этот день прекратили работу от 10 до 20.000 ч. рабочих. Рабочие собирались группами на улицах и оживленно обсуждали результаты забастовки. Полиция неистовствовала во всю, выхватывая отдельных вожаков движения и стремясь разбить остальных рабочих по фабрикам.

Точно так же и в г. Лодзи забастовка рабочих в этот день прошла довольно внушительно, и на одной только фабрике Познанского прекратило работу до 3.000 чел. Рабочие этой фабрики подверглись избиению нагайками.

Революционными оргинизациями Царства Польского к 1 мая был издан ряд листовок и брошюр и в том числе была переиздана статья Г. В. Плеханова: „Международный праздник рабочих 1-го мая".

Приняли участие в праздновании и остальные промышленные центры Польши, а в Жирардове это празднование ознаменовалось даже кровавым столкновением с войсками и казаками.

Подготовка к 1 мая в Жирардове в этом году велась очень интенсивно. Весь город буквально был засыпан листками, как местными, так и варшавскими, с призывами к борьбе за 8-ми час. рабочий день и к празднованию 1-го мая.

Сперва работу бросили только постоянные рабочие фабрик, но затем к ним присоединились и все остальные.

Администрация попыталась прекратить стачку, загнав рабочих по фабрикам, но эта мера оказалась безрезультатной. Рабочие упорно продолжали настаивать на выставленных требованиях и даже начали местами оказывать сопротивление полиции и войскам.

В ответ на разгон нагайками из толпы рабочих полетели камни и раздались отдельные револьверные выстрелы.

Войска ответили на них уже залпами, в результате которых несколько человек рабочих остались на месте, а десятки их были тяжело ранены. Вслед затем на место происшествия прибыл варшавский губернатор и началась дикая расправа с забастовщиками.

Рабочих сотнями арестовывали, подвергали диким избиениям, прогоняя сквозь строй казаков, которые, будучи подпоены администрацией фабрик, нещадно избивали их нагайками. Многие из рабочих не могли вынести этой дикой расправы и заболевали психически.

Около 300 чел. подверглись аресту и затем были высланы на родину.

В остальной России раньше других праздновать 1-е мая начали Петербургские рабочие. Уже в 1891 г., т.-е. всего два года спустя после Парижского конгресса, на котором был установлен этот праздник, удалось устроить тайное собрание, на котором присутствовало до 300 рабочих.

Четырьмя из них *) были произнесены речи, выяснявшие важность и значение этого праздника, те требования, которые должны в этот день выставлять рабочие России, и намечавшие те практические шаги, которые, по их мнению, диктовались дальнейшим поступательным ходом движения.

Это было время кружковщины и печать ее сильно отразилась на речах ораторов.

Так, напр., один из них призывал товарищей „по мере сил и способностей развивать окружающих".

Еще более определенно говорил другой оратор:

„... Чтобы наша деятельность была как можно плодотворнее, нам необходимо, как можно более стараться умственно и нравственно развивать себя и других и более энергично действовать для того, чтобы окружающие нас люди смотрели на нас, как на людей умных, честных и сильных и потому с большим доверием относились бы к нам и ставили бы нас в пример себе и другим.

„Следовательно, успех развития и организации рабочих зависит исключительно от наших знаний и нашей энергии; и потому, товарищи, наш долг, как честных и развитых людей, приготовить из себя и из подходящих для того людей опытных

*) Эти рабочие были: Н. Д. Богданов, В. Прошин, Е. Афанасьев и Диннер.

пропагандистов и организаторов в социально-революционном деле и энергичных борцов за право человека и светлое будущее" *).

Из приведенных отрывков ясно видно, как медленно развивалось в то время рабочее движение, но вера в его окончательную победу и тогда уже одушевляла его участников:

„Нам стоит только,—говорил на том же самом собрании другой оратор, рабочий Н. Богданов,—вооружить себя сильным оружием, а это оружие есть знание исторических законов развития человечества,—нам стоит только этим вооружить себя, тогда мы всюду победим врага: никакие его притеснения и высылка на родину, заточение нас в тюрьмы и даже высылка в Сибирь не отнимут у нас этого оружия. Мы всюду найдем поле победы всюду будем передавать свое знание: на родине своим крестьянам, а в тюрьмах будем об'яснять арестантам, что они тоже люди и имеют все человеческие права; чтобы они сознавали эти права, передавали свои знания другим и организовали их в группы.

В этом залог нашего успеха!" **).

„Братья! говорил рабочий Афанасьев: хорошо, что мы тоже начинаем пробуждаться от векового сна под гнетом барского, поповского и царского рабства, и это уже есть доля, внесенная русскими работниками в общий прогресс. Да, ведь, товарищи сразу ничего не делается в мире, а все совершается по определенным законом природы".

„Нам будет не легко улучшить свое положение под разгулом деспотической реакции, которая будет нас преследовать на каждом шагу.

„Товарищи! Трудно нам будет, но наука освободила западных рабочих, она поможет и нам просветить умы наши и наполнить души наши светлой истинной любовью друг к другу!

„Будем, друзья, бороться за истину, не отступим шага назад до самой своей смертной агонии, за правду, за равенство, братство, свободу.

„Будем учиться об'единяться сами и, товарищи, будем организовываться в сильную партию!... Будем, братья, сеять это великое семя с восхода до захода солнца во всех уголках нашей Русской земли".

Ясно и определенно умели рабочие формулировать свои политические требования и понимали их связь с борьбой за социализм.

*) Первое мая 1891 г. Четыре речи рабочих. Ж. 1892 г., стр. 12—13.
**) Ibid. стр. 1-2.

„...Чтобы улучшить наше положение, мы должны стремиться к замене существующего экономического строя, дающего широкий простор для произвольной кулаческой эксплоатации, на более лучший и справедливый социалистический строй.

„Но для того, чтобы осуществить на деле такой экономический порядок, нам необходимо приобрести политические права, которых в настоящее время мы не имеем. Приобрести же политические права мы будем иметь возможность лишь только тогда, когда на нашей стороне будет такая организованная сила, которой правительство не решилось бы отказать в ее требованиях и которая бы настойчиво требовала от него следующих уступок:

Во 1-х, учреждения конституции, основанной на общем и прямомиз бирательном праве, т.-е. чтобы все законы страны утверждались бы и отменялись не по дикому произволу... а по обсуждении их высшим законодательным собранием, в котором заседали бы избранные народом депутаты...

„Во 2-х, нужно, чтобы число войск определялось собранием депутатов, и чтобы, по их постановлению, войска во всякое время могли быть распущенными, А для того, чтобы солдаты не забывали, что они тот же народ, и что интересы народа солидарны с их интересами, нужно сократить, насколько возможно, срок военной службы и сделать так, чтобы граждане отбывали ее на родине и во время отбывания ее имели бы возможность вести тесные сношения с семьей... Это необходимо для того, чтобы правительство не имело бы возможности принуждать граждан силою войск исполнять законы, не утвержденные или отмененные собранием депутатов. Для того же, чтобы все постановления законодательного собрания исполнялись в точности, необходимо, чтобы лица на все высшие государственные должности назначались бы и смещались только собранием депутатов.

„В 3-х, свободу избирательной агитации, свободу слова и] свободу печати, т.-е. совершенное отсутствие всякой цензуры, чтобы всякий мог безнаказанно выражать на словах и в печати какие бы то ни было убеждения, а также чтобы не существовало никаких залогов при издании книг и журналов; это необходимо, чтобы издавать их имели возможность и рабочие.

„В 4-х, свободу сходок и организаций.

„В 5-х, свободу религий.

„В 6-х, бесплатное широкое образование для народа.

„В 7-х, чтобы всякого рода преступления разбирались судом присяжных.

„Не забудьте, товарищи, эти требования, потому что это первые и главнейшие, которые мы должны будем пред'явить правительству при первой возможности...“ *).

Конечно, эта ясность требований была в то время у очень немногих рабочих: на весь Петербург нашлось всего 200—300 человек, которых об'единило сознание мертвящего гнета окружающих условий и стремление так или иначе проявить свою солидарность с борющимся пролетариатом всего мира. Пролетариат в своей массе еще политически спал в столице России и оставался равнодушен к демонстрации своих товарищей. Но зато на окраинах России уже загоралась борьба и в нее вовлекались все большие и большие массы рабочих.

В следующем году к празднованию 1 мая примкнул еврейский пролетариат. В одном из крупных центров Западного Края этот день был отпразднован небольшим собранием в 100 человек. Здесь также рабочими произносились речи, из которых ясно видно, что в ту пору и движение еврейского пролетариата, подобно пролетариату петербургскому, продолжало носить характер кружковой пропаганды идей социализма.

„Мы не можем сидеть сложа руки,—говорил на этом собрании один из ораторов, выяснив слушателям всю беспросветность своего положения и нарисовав перед ними яркую картину, царящего над еврейским пролетариатом гнета,—мы не можем сидеть сложа руки, и ждать помощи сверху: только от нас самих зависит наше освобождение и спасение. По мере возможности, каждый должен стараться учить и себя, и других, и, таким образом, способствовать образованию на первых порах хоть маленьких кружков“ **).

Но наряду с этим перед еврейскими рабочими вырисовывались и другие более широкие горизонты. Их революционная мысль уже рвалась из душной атмосферы кружков на простор агитационной деятельности. Это ясно видно из следующего отрывка речи одного из ораторов, пытавшегося наметить первые еще робкие шаги в новом направлении работы.

„Чаша переполнилась—дальше продолжаться так не может. Наша покорность и безропотность ни к чему не поведут,—мирным путем мы ничего не сделаем. Мы должны бороться с нашими врагами. Но, конечно, каждый человек должен измерять свои силы, он не должен браться за то, чего он не в состоянии делать...

*) Первое мая 1891 г. стр. 8—10.

**) 1 мая 1892 г. Четыре речи еврейских рабочих. Ж. 1893 г., стр. 26.

поэтому мы должны бороться с нашими ближайшими врагами, с которыми нам приходится сталкиваться каждый день, а именно с нашими хозяевами.

„Первым условием для успешной борьбы должна быть полнейшая солидарность между всеми рабочими: интересы одного должны быть интересами всех, и наоборот. Чтобы не было между нами такой разрозненности, чтобы об'единиться — мы должны устраивать частые сходки, собрания рабочих. Все должны стараться основать кассы и заботиться о их расширении. Мы должны устраивать стачки. Для стачек-то нам и необходимы кассы, которые в это время являются единственной поддержкой" *).

Эти новые методы работы вскоре завоевали всеобщие симпатии, а завоевав, они придали начинавшейся борьбе еврейского пролетариата широкий размах. Добавим здесь кстати, что этим оратором, настаивавшим на необходимости перейти от кружковой пропаганды к широкой агитации, была еврейская работница.

Празднование 1-го мая в Царстве Польском и в Западном крае продолжалось из года в год. В г. Варшаве, правда, оно в 1892 г. выразилось лишь в устройстве загородных маевок, на которых присутствовало несколько сот рабочих. Организовать более внушительные протесты и забастовки в этом году польским рабочим г. Варшавы помешали серьезные аресты, произведенные среди них полицией.

Но зато в г. Лодзи майские дни 1892 г. ознаменовались внушительнейшим выступлением.

Развившееся вширь стачечное движение прорвалось в Лодзи с особенной силой и вылилось в грандиозное майское восстание. Началось оно незначительной стачкой на одной из мелких фабрик из-за сокращения дня и повышения заработной платы.

Стачечники с песнями прекратили работу и двинулись по другим фабрикам, провозглашая всеобщую забастовку. Число их быстро возрастало и скоро разраслось в огромную толпу, разлившуюся грозными волнами по улицам Лодзи.

Полиция и вызванные ей на помощь войска оказались совершенно бессильными парализовать разросшееся движение. На первую же попытку полиции арестовать отдельных участников, толпа ответила взрывом негодования и бросилась отбивать арестованных; в солдат и полицию полетели камни, а с их стороны раздались залпы, уложившие на месте 5 человек и многих ранившие Однако, выстрелы и первые жертвы ни мало не запугали рабочих; дружным

*) 1 мая 1892 г. Четыре речи еврейских рабочих Ж. 1893 г, 2—3.

натиском они обратили в бегство и полицию, и солдат. Последних в городе было всего до 4.000, и они, конечно, не смогли выдержать напора всего лодзинского пролетариата.

Победа стала склоняться на сторону рабочих; они повсюду перешли в наступление; теперь уж не рабочие, а войска принуждены были для собственной защиты строить барикады и в конце концов очистили город. Следом за ними в паническом ужасе бежали власти и хозяева фабрик, а власть над всем городом перешла в руки рабочих. Но, став господами положения, рабочие не знали, как им использовать свою победу.

Возбуждение стало быстро падать; стачечники розошлись по домам; в городе начали хозяйничать подонки общества и выпущенные из тюрем арестанты; опомнившиеся власти быстро стянули войска и вновь водворились на своих местах. Через 1—2 недели жизнь города вошла в свою обычную колею и, казалось, ничто не напоминало, что так недавно еще на этих улицах лодзинский пролетариат проявил свою могучую силу.

Но если эта стачка и не дала непосредственных результатов для принимавших в ней участие рабочих, то воспитательное ее значение для всего польского пролетариата было огромное. Он быстро вырос политически и сложился в грозную силу, о которую, как мы уже указывали, разбивались все усилия его врагов, воспрепятствовать майским выступлениям.

В остальной России слухи о Лодзинской стачке также распространились очень широко и служили наглядной иллюстрацией той силы, которую таит в себе промышленный пролетариат. На нее откликнулись, между прочим, организованные рабочие Петербурга, прислав шие своим польским товарищам следующее „открытое письмо".

„Друзья и братья! писали петербургские рабочие: с биением сердца мы, ваши товарищи с далекой Невы, из этой столицы мрака, рабства и угнетения, из этого логовища царя-деспота, страшного врага всего того, что добро, правда, прогресс, того царя, который вместе с барами, попами и полицией сотни лет держал нас в рабстве, который вот уже сто лет сдерживает прогресс вашей бедной родины и освободил вас от ваших панов только затем, чтобы отдать вас в руки капиталистов и фабрикантов, по требованию которых высылают проти вас целые полки солдат и казаков; из этой столицы царя-изверга шлем вам, братья польские рабочие Лодзи и других городов, свой горячий привет от глубины души и сочувствие в вашей борьбе с этим подлым капиталистическим строем".

Под влиянием борьбы польского и еврейского пролетариата, к первомайскому празднику в 1893 г. примкнул и литовский пролетариат, и это праздненство быстро приняло массовый характер. В 1895 г. было уже третье по счету майское празднество, а в следующем году конституировалась „Литовская рабочая партия", ставшая под знамя социал-демократии, и 1 мая было отпраздновано многолюдными собраниями и манифестациями сотен рабочих, открыто заявлявших свои политические требования.

Постепенно из года в год к празднованию 1-го мая начинают примыкать рабочие в разных концах России.

Разгоравшаяся борьба отражалась и на праздновании 1 мая и последнее стало быстро распространяться. Уже в 1895 г. этот праздник устраивается в Вильне, Варшаве, Минске и Сморгони. На нем присутствуют сотни организованных рабочих; на красных знаменах, под которыми они собираются, выставлены их требования.

В следующем году первомайское торжество прошло еще более дружно и оживленно. Этот день был отпразднован во всех городах, где только успело зародиться еврейское рабочее движение.

В Минске на нем присутствуют 300 из 1.000 организованных рабочих; в Вильне празднуют этот день 540 человек, разбившись на три отдельных собрания, по 180 чел. каждое. На знаменах — политические требования, а речи ораторов, раз'ясняющие их, горячо приветствуются всеми присутствующими.

В 1897 г. майские празднества прошли еще более революционно. Тысячами разбрасывались прокламации и листовки, раз'яснявшие значение первомайского праздника и призывавшие принять в нем участие; всюду, где можно, были устроены собрания; все это страшно наэлектризовало еврейских пролетариев, и они всюду волновались. Особенно сильно сказывалось это возбужденное настроение в Вильне, где вся полиция и жандармерия в день 1 мая была на ногах, а власти так перепугались, что поспешили даже стянуть войска. Тогдашний виленский губернатор так растерялся, что, не зная, что предпринять, стал угрожать еврейским рабочим погромом в случае, если они будут продолжать свою преступную деятельность.

Начиная с 1898 г. в северо-западном крае начались первомайские демонстрации и частичные забастовки. Так, в 1898 г. была устроена первая демонстрация, число участников которой не превышало 300 чел.; в 1899 г. 2 демонстрации с общим числом участников 1800 чел.; в 1900 г. — 4, и в них приняло участие до 4,000 рабочих; в 1901 г. отметим 2 демонстрации в Вильне: первая

устроена была исключительно еврейскими рабочими, число ее участников достигало 600 чел., а вторая — сообща польскими и еврейскими рабочими; в этом же году демонстрации еврейских рабочих были в Вильковышках, Креславке (Витеб. губ.) и Гомеле, а в Варшаве, Ковне и Сморгони еврейские рабочие манифестировали совместно с польскими товарищами.

Так же быстро распространялась и идея первомайской забастовки. В 1899 г. 1 мая не работали только в некоторых местах и по преимуществу рабочие щетинного производства, как наиболее сплоченные и солидарные. Большинству же сознательных рабочих бросить работу в этот день не удалось, так как вся остальная масса не прекращала работ, и они сами, поэтому, оставляя работу, рисковали подвергнуться сильным преследованиям со стороны хозяев и полиции, но постепенно количество рабочих, прекращавших работу в этот день, возрасло; в 1900 г. в г. Витебске 1 мая ознаменовалось всеобщей стачкой, а в следующем 1901 г. по всему северо-западному краю уже не работало значительное количество рабочих.

Еще более дружно проходило празднование 1 мая в губерниях царства Польского, где еврейский пролетариат встречал такого союзника, как закаленные продолжительной борьбой польские рабочие. Здесь выступления рабочих часто принимали прямо грандиозный характер. Так, например, в варшавской демонстрации 1 мая 1900 г. приняло участие до 20.000 рабочих.

Стройными рядами под звуки „Красного Знамени“ и „Варшавянки“ прошлись они по улицам города, несмотря на неистовства полиции и казаков. Такая же внушительная манифестация произошла и в Домброве.

Но чем больше ширилось рабочее движение, тем все труднее обставлялось празднование 1 мая. Администрация, понявшая не хуже самих социалистов, каким прекрасным агитационным средством является это праздненство в душной атмосфере гнета и бесправия, напрягала все силы, чтобы тем или иным способом помешать его осуществлению. Но зато и призывы с.-демократических организаций из года в год приобретали все более боевой тон.

Так в прокламации к 1 мая 1902 г., выпущенной по постановлению созванной в марте этого года общерусской конференции, говорилось:

„Покажем же всем желающим свободы, что мы готовы добывать ее с бою, что мы намерены бороться за нее до последней капли крови.

„Помните, что от числа участников зависит успех демонстрации. Сотни лиц разгонит полиция, с тысячами справится вооруженная сила, но против десятков тысяч бессильно царское воинство.

„Самодержавие идет к своей гибели. Близок час расплаты за все его вековые грехи против народа, против России... Да здравствует Российская социал-демократия! Да здравствует 8 часовой рабочий день! Да здравствует политическая свобода! Долой самодержавие!".

Не говоря уже о бесчисленных массовых арестах и облавах, которые всегда предшествовали этому дню, в самые майские дни (т. е. с 18 апреля по 1 мая), каждый сколько-нибудь значительный промышленный центр представлял вид осажденного города: по улицам сновали патрули, чуть ли не из каждой подворотни выглядывали городовые и казаки, шныряли агенты охранных отделений; при первой же попытке манифистации все это с гиканьем и свистом набрасывалось на „крамолу"; в дело пускались нагайки, шашки, штыки и пули.

Но и этого всего оказалось недостаточно, чтобы остановить поступательний ход рабочего движения, и в 1902 г. в г. Вильне и некоторых других местах был применен новый способ расправы с демонстрантами—розги.

В Вильне эта дикая экзекуция была произведена над несколькими десятками демонстрантов, захваченных полицией. Собственно говоря, настоящей уличной демонстрации в этот день рабочим устроить не удалось, так как весь город был буквально наводнен войсками, казаками и полицией; дворники с утра дежурили у ворот, готовые в решительную минуту оказать помощь полиции.

Под вечер губернатор фон-Валь самолично об'ехал улицы города под охраной полусотни казаков, чтобы убедиться, что все меры приняты. На каждом углу, помимо городовых, стояли околодочные, дефилировали конные патрули, пехота и казаки были собраны возле самых людных улиц.

Казалось, никакой демонстрации не будет; но вот несколько смельчаков с красными флагами в руках отскочили на средину улицы, один из них успел крикнуть: „Долой самодержавие! Да здравствует свобода!" Не успели к ним на помощь подоспеть товарищи с тротуаров, как они были сбиты с ног и почти растерзаны; один даже был убит на месте.

Продолжение демонстрации происходило в театре, где были разбросаны листки. 35 чел. были арестованы и подвергнуты порке.

Герой ея фон-Валь сам присутствовал при порке; засучив рукава рубахи, он ходил между избиваемыми, издевался над их мучениями и цинично поздравлял каждую жертву „с 1 мая".

А доктор одного из учебных заведений г. Вильны своим присутствием освящал эту зверскую расправу над человеком и с хладнокровием, достойным лучшей участи, ставил диагноз, какую порцию мучений сможет вынести тот или иной демонстрант, без опасности тут же, под ударами палачей, испустить дух.

Но еврейское рабочее движение было уже достаточно зрело, чтобы его можно было запугать угрозой розги. Грозным негодованием ответил пролетариат на эти попытки принизить рабочее движение; и вдохновителям русской внутренней политики пришлось изыскивать новые, более верные средства борьбы.

С легкой руки фон-Плеве, начавшего свою служебную карьеру в эпоху разгрома „Народной Воли" и погромов 80-х годов, такое средство решено было взять из старого арсенала борьбы с крамолой—затопить рабочее движение в крови еврейских погромов.

Первой такой попыткой был Кишинев, в котором почва была уже достаточно подготовлена предшествующей человеконенавистнической деятельностью известного черносотенца Крушевана и К° в тесном единении с тамошним охранным отделением.

Кровавая кишиневская баня была устроена как раз перед майскими празднествами и ей действительно удалось на время парализовать размах рабочего движения.

Но даже и помимо таких экстраординарных средств, как погромы, в руках администрации был слишком достаточный арсенал нагаек, шашек и штыков, чтобы мешать попыткам проявления пролетарской солидарности.

Уже в 1902 г. подготовка администрации к 1 мая достигла таких размеров, что собственно говоря, была не демонстрация рабочих, а демонстрация казаков и полиции, сопровождавшаяся самой бессмысленной бойней.

Только в таких промышленных центрах, как Варшава или Лодзь, где рабочее население достигает десятков и даже сотен тысяч человек, все эти меры должны были разбиваться о стойкость и сплоченность пролетарской толпы. Здесь 1 мая вполне напоминало „заграницу".

Под красное знамя социализма собирались десятки тысяч рабочих и стройными рядами под звуки рабочего гимна, проходили по улицам города, посылая проклятья царящему гнету и своей кровью отвоевывая себе право на первомайский праздник.

Еще более быстрый рост празднование 1-го мая обнаружило на Кавказе и в Прибалтийском крае.

Уже 1898 г. ознаменовался в Риге частичной забастовкой на 1 мая и одна угроза ее дальнейшего распространения заставила фабричную инспекцию поспешить с заявлением, что с 1 мая старого стиля рабочий день будет сокращен.

Еще более грандиозные формы приняло майское движение в 1899 г. Оно ознаменовалось громадной стачкой в Либаве, а в Риге привело к вооруженным столкновениям. Начавшись стачкой на джутовой фабрике, оно быстро распространилось на весь город. Улицы его были залиты рабочей кровью: было много убито, еще больше ранено.

„...Вокруг наших домов,—писал один очевидец этой борьбы,—шумят, буйствуют, жгут, стреляют... казаки с нагайками бьют и неистовствуют" *). Сообщение с центром города было прекращено, даже мосты были разведены; в саду „Аркадия" собирались семитысячные митинги, на которых рабочие обсуждали планы дальнейшей борьбы".

Дорого обошлись эти стачки латышским рабочим, но зато они быстро пробудили к сознательной политической жизни широкую рабочую массу; в несколько дней было достигнуто то, что при других условиях достается лишь усилиями многолетней мирной работы.

Благодаря этому, рабочее движение в Прибалтийском крае стало прочно на ноги и его проявления принимают с этих пор все более и более угрожающий характер.

Май 1904 года ознаменовался внушительными демонстрациями в Риге и Митаве; в обоих городах рабочие снова понесли жертвы—в Риге стреляли прямо в упор, а в Митаве полиция действовала холодным оружием,—но на этот раз рабочие дали дружный отпор, и число жертв со стороны полиции было значительно.

Также быстро развивалось первомайское празденство и на Кавказе. Сюда, в погоне за быстрой капиталистической наживой, толпой нахлынули капиталисты всех стран, и в самое короткое время, главные города края превратились в крупные промышленные центры. Социал-демократическая работа началась лишь в конце прошлого столетия, но первый же промышленный кризис 1901 г. придал небывалый размах социалистической агитации и массовому рабочему движению. Капитализм создал здесь обширные кадры фабричных, портовых и железнодорожных рабочих,

*) „Раб. Дело", № 2—3, стр. 65.

и эта рабочая масса, собранная зачастую в огромных предприятиях, об'единенная общими классовыми требованиями (несмотря на удивительную смесь племен и национальностей: напр., в Баку насчитывали в среде пролетариата представителей 24 национальностей), эта масса показала, как настойчиво умеет русский рабочий бороться за достижение своих требований.

Уже 1 мая 1901 г. в Тифлисе была устроена значительная демонстрация, сразу в двух концах города. На красных знаменах демонстрантов были выставлены портреты К. Маркса, Ф. Энгельса, Либкнехта; общее число участников достигло 3,000 человек.

В следующем году еще более внушительная демонстрация была устроена в Баку. По данному сигналу,—был пущен шар,—вся наполнявшая в этот день улицы толпа устремилась к условленному месту. Были развернуты знамена, раздались крики, посыпались листки. При общих ликованиях и сочувствии посторонней публики, которая махала демонстрантам из окон домов, балконов и портиков крыш, и несмотря на неистовства налетевшей полиции, бакинские рабочие торжественно заявили о своей солидарности с пролетариатом всего мира. Полиции так и не удалось их разогнать, и демонстрация окончилась только тогда, когда сами рабочие стали расходиться.

Следующий майский праздник 1903 г. показал, как выросли за год силы сознательного кавказского пролетариата. Если в прошлом году на улицах Баку собралось до 5,000 рабочего люда, то в 1903 г. число демонстрантов удвоилось. С знаменами, под звуки рабочего гимна, ходили тысячные толпы по улицам города, всюду разгоняя полицию; только появление казаков и предупредительные холостые залпы заставили их разойтись; но окончившись здесь, демонстрация повторилась в другом конце города; здесь уж перевес всецело остался на стороне рабочих: городовые и шпионы были основательно помяты, несмотря на содействие казаков.

Перейдем теперь к обзору первомайских празднеств, как наиболее ярких показателей роста всего рабочого движения, внутри России. Будет удобнее сделать такой обзор, остановившись отдельно на жизни следующих промышленных районов: петербургском, центральном, южно-русском, Поволжье, Урале и, наконец, Сибири.

К майскому празднику 1897 г. „Петербургским Союзом Борьбы" были выпущены две прокламации, раз'яснявшие широкой массе

смысл и значение этого праздника, и закреплявшие, в сознании рабочих результаты борьбы.

„Это не такой праздник, товарищи, о которых говорят нам в церкви попы,—гордо звучало со страниц призывного листка: это не праздник смирения, покорности и молитвы: это праздник борьбы, который рано или поздно станет праздником победы".

„Оглянемся, товарищи,—говорится в одной из этих прокламаций, на протекший год. Мы с гордостью можем сказать, что нам стыдиться его нечего: этим годом начинается новая пора в жизни русского рабочего класса. Этот год борьбы есть первый блеснувший луч утренней зари после долгих мрачных лет каторжного труда и скотской рабской жизни. Целый ряд волнений и стачек, а главное две огромные стачки ткачей и прядильщиков, следовавших одна за другой, распространили славу о петербургских рабочих далеко за пределы России...

„Эти стачки закалили нас в борьбе, доказали нам, что освобождение рабочих есть дело самих рабочих и что нам не на кого надеяться, кроме как на самих себя, мы убедились, что... правительство защищает всегда лишь интересы богатых классов и только под давлением нашей упорной борьбы соглашается на уступки".

Прокламация заканчивалась призывом об'единяться и организовываться, чтобы, запасшись силами, потребовать себе первых политических прав: права устраивать стачки, собрания, союзы, а также свободы слова и печати*).

Здесь будет кстати сделать небольшое отступление и отметить одну черту, характерную не для одного только петербургского, но и вообще для всего русского социал-демократического движения.

Первые шаги его на пути массовой агитации обнаруживают робость самих руководителей движения, робость, казалось бы, неуместную для социалиста и еще менее оправдываемую всем дальнейшим ходом рабочего движения.

Выше мы перечислили требования петербургских социал-демократов, приуроченные к 1 мая 1897 г. Это, действительно, требования только первых политических прав, и у них не хватает самого важного, без чего и сами выставленные требования должны были терять свой смысл,—требования конституции, как гарантия гражданских прав народа от посягательства власти.

*) Из прокламации „Всемирный рабочий праздник 1 мая" (по старому стилю 18 апреля).

Какими бы благими намерениями ни оправдывались эти урезывания политических требований, которые социалисты обязаны нести в ряды пролетариата, как лозунг его борьбы за освобождение, они не достигали своей цели и являлись совершенно неосновательными.

Стихийный рост рабочего движения, как это, впрочем, не раз случалось впоследствии, опередил ожидания его руководителей: петербургские рабочие стали бороться за полную политическую свободу раньше, чем раздались призывы социал-демократических организаций. Но эти промахи были свойственны не одному только Петербургу; в разные годы и с несколько иной вариацией их проделали и социал-демократы других городов. Характерным в этом отношении является признание еврейских социал-демократов. Из надписей на знаменах во время майского празднества 1895 г. („Мы боремся за 10-часовой рабочий день, за повышение платы, за лучшее обращение") видно, что руководители еще не решались выставить политические требования. Но робость их, как оказалось, была совершенно неосновательна. Политическая речь была приветствована всеобщим восторгом и, благодаря ей, праздник оказал огромное влияние на рабочих, всюду возбуждая толки.

Вернемся, однако, к Петербургу.

Уже одна угроза, ввиде призыва к первомайскому празднеству, заставила правительство и капиталистов поспешить с уступками и, как раз накануне 1 мая, на фабриках был введен сокращенный рабочий день и несколько повышена заработная плата.

В следующем году майский листок уже призывал рабочих бороться за „созыв парламента, куда народ будет посылать своих выборных людей путем общего, тайного, прямого и равного для всех выбора". Майские волнения распространяются и на Колпино, где в этом году было арестовано до 400 чел. В отдельных мастерских и даже заводах работы в этот день не производились.

Такой же характер частичного прекращения работ носило 1 мая и в следующие два года и только в 1901 г. оно вступило на путь демонстрации.

Последняя была назначена на Невском проспекте, но не удалась, хотя на нее и явилось свыше 3.000 рабочих: помешали огромные аресты, произведенные как раз накануне ее и несколько неудачный план самой демонстрации. Но, несмотря на эту неудачу, майским дням этого года суждено было ознаменоваться

бурными вспышками, показавшими настоящую революционную мощь петербургского пролетариата.

Уже 1 мая начались волнения на Выборгской стороне. Первыми заволновались рабочие с бумагопрядильной фабрики Чешера. К ним вскоре примкнуло до 10 других фабрик, выставив наряду с общими майскими требованиями свои частные. Появившаяся полиция вздумала, было, силой тащить рабочих на работу, врываясь даже в их квартиры. Но это вызвало лишь соответствующий отпор. В двух переулках было устроено нечто вроде баррикад рабочие засели в домах и за заборами и отовсюду осыпали полицию и появившуюся ей на помощь пехоту градом камней и кирпичей. Последним пришлось не мало потрудиться, чтобы завоевать „неприятельские позиции", и „полонить" упорных защитников.

В этом упорстве рабочих сказалось все затаенное недовольство и возбуждение, накопленное в течение последних лет. И несмотря на то, что стачка была сломана вмешательством полиции, а силы рабочих временно разбиты, благодаря бесчисленным арестам, революционное настроение рабочей среды не только не ослабло, но, казалось, окрепло в этой стычке и перед отдельными участниками ее рисовались самые широкие горизонты.

„Я, как услышала, что на Выборгской битва, – писала об этих событиях одна работница *), — бросила работу, побежала туда, к мосту пройти нельзя было: женщин сами рабочие не пускали, я стала ждать В. на квартире, а он больше не приходил. Я уже справлялась в казарме о нем, ничего не говорят, в охранке тоже... или убили его, или ранили до смерти... Другие говорили, что видели, как он был впереди, это он крикнул: „Да здравствует революция!" и как потом упал... Вы не знаете, как мне обидно, и это одинаково всем нам, всем очень хотелось пройтись на Невский или в город, уж очень горько умирать, как собакам, в угле, чтобы никто не видал даже, это, верно, такая доля у рабочих, чтобы умирать не на людях: верно и красной смерти для них жалко... Вот что еще хотела сказать вам, хоть и очень многих у нас взяли, может их нет больше совсем, а все таки мы твердо стоять будем. Вы не смотрите, что за работу взялись, теперь такое время, что на бросании работы никто стоять не будет: теперь всем нужно больше, всем на улицу хочется. В. говорит, что жаль, что знамени у них не было. Другой раз и знамя будет и пистолетов достанут, на камнях да на ножах далеко не уедешь,

*) „Искра", № 5.

как начнут штыками колоть... Я хорошо понимаю, что это все к лучшему, и другим говорю, и многие у нас думают, что это уж к концу идет, только мне не верится: уж очень скоро...“

Так ли были настроены и остальные петербургские рабочие в этом году, показали обуховские дни.

1 мая на Обуховском заводе не работала значительная часть рабочих; в отдельных мастерских на работу вышли всего по несколько человек, остальные же предпочитали этот день праздновать дружной семьей.

В отместку за такую солидарность администрация завода распорядилась уволить до 26 человек, вымещая на них свою злобу. В особенности неистовствовал по этому поводу помощник начальника Иванов. Прибежав в одну из мастерских и увидев, что она пуста, он прямо взбесился.

— А, гулять, 1 мая праздновать!—закричал он,—рассчет, всем рассчет!

Но рассчитать всех неявившихся (до 2.000 чел.) администрация, конечно, не решилась.

На рабочих рассчет их товарищей произвел сильное впечатление. К общему недовольству своим безотрадным положением присоединилось еще новое издевательство начальства: за однодневный прогул рабочий безжалостно выбрасывался на мостовую.

И это было той каплей, которая переполнила чашу терпения обуховцев. Долго сдерживаемое возбуждение прорвалось наружу с особенной силой и резкостью.

Рабочие заволновались.

— Братцы!—говорили они,—что-ж это делает Иванов? За один день прогула десяти человекам рассчет дает; если ему так спустить, он еще не того захочет. Несправедливо это, братцы, гуляли, ведь, все, так пусть всех рассчитывает, или тех обратно примет.

— Пойдем, товарищи, идем брать все рассчет, идем!—слышались всюду негодующие голоса.

Этот товарищеский порыв был настолько единодушен, что к нему примкнули даже старики, прослужившие по 20—25 лет на заводе.

— Что-ж, коли брать рассчет, так надо, братцы, всем; на миру и смерть красна,—говорили они и присоединялись к своим молодым товарищам.

Вся восьмитысячная толпа собралась на фабричном дворе и стала требовать к себе Иванова. Последний вскоре показался и попробовал начальническим тоном прикрикнуть на рабочих:

— По местам! Разойдись!

— Иванов—подлец, мерзавец, долой Иванова!—было ему ответом.

— Ребятки, Обуховский завод...—заговорил Иванов, быстро меняя начальствующий тон на заискивающий.

— Подлец, долой Иванова!

— Ребятки, обуховцы! Обуховский завод работает не на продажу, а для государства, для защиты отечества.

— Подлец ты, мерзавец!—обступая его и перед самым его носом показывая кулаки, кричали рабочие.

Со двора вся толпа двинулась к выходу и высыпала на шлиссельбургский проспект, где ее уже поджидал полицеймейстер во главе конных и пеших городовых и жандармов. С полицией тотчас же начались стычки, а к вечеру, когда к обуховцам присоединилась и часть рабочих с Александровского казенного завода, и когда толпа стачечников совершенно остановила уличное движение, эти стычки перешли в кровавую битву.

Жандармы и конная стража с обнаженными шашками врезывались в толпу, но каждый раз град камней и кирпичей обращал их в бегство. Рабочие заняли двор карточной фабрики, двухэтажные флигели и оттуда продолжали бомбардировать полицию. Женщины, подростки и дети под выстрелами вырывали камни из мостовой и передавали взрослым рабочим.

9 часов продолжалось это сражение. Шлиссельбургский проспект представлял собой нечто ужасное: выстрелы, стоны, крики, убитые, раненые, мостовая, залитая кровью.

Число убитых и раненых было значительно, но далеко не так велико, как можно было ожидать по числу залпов (всего было дано 10—12 залпов); стреляли, по приказу начальства, матросы и, очевидно, многие из них метили через головы: героизм рабочих и их солидарность давали себя чувствовать и этим невольным палачам.

А сцены во время этой уличной бойни были, действительно, ужасные, леденящие кровь и способные навести ужас. Мы не можем удержаться, чтобы не привести одну из них, заимствованную нами, как и кое-что другое в описании обуховской истории, из корреспонденции № 10 „Рабочего Дела“.

„...Бежит раскрасневшийся, с горящими глазами и с каменьями в руках, уже многим известный Панко (рабочий), а за ним бледная, растрепанная, рыдающая жена.

— Вернись, ради бога, вернись, наш ребенок! — со стоном кричала она.

Он нагибается, берет мелкого щебня, кидает в женусо словами:

— Там товарищи погибают! и бросается в самую ожесточенную схватку, а через 5 минут он уже был убит: пуля попала п рямо в горло. Четверо товарищей отнесли его окровавленного в больницу".

В конце концов силы рабочих был сломлены, и началась еще более дикая расправа и избиение.

Кроме того, 37 человек были преданы суду и приговорены: Гаврилов и Ермаков—к каторжным работам, первый на 6, второй на 5 лет; 20 человек получили арестантские роты от 4—5 л.; 7 были приговорены к тюремному заключению и только 8 человек оправданы. Затем многие еще до суда были высланы административным порядком.

Но все эти жертвы не пропали даром. Большинство требований, выставленных обуховцами, было удовлетворено. Помощник начальника Иванов поспешил сам уйти с завода; но главное, что дали обуховские дни, это влияние их на дальнейший рост рабочего движения. В забитом рабочем проснулся герой, умеющий стойко умирать за своих товарищей.

„Просто диву даешься,—пишет по этому поводу один из очевидцев:—откуда все это только взялось! Где крылась такая сила, солидарность, самоотверженность! Люди, которых считали так себе, ни рыбой, ни мясом,—они вдруг становятся чуть ли не во главе движения, воодушевляли толпу, ставили втупик начальство. А подростки, это будущее поколение! Боже мой, что они делали?! Как они бомбардировали полицию и жандармов, с каким остервенением они бросались на них! Так, например, когда ехали жандармы около бертовского завода, они подняли шлагбаум и изо всей силы опустили его им на головы, несмотря на удары нагаек".

Борьба обуховцев всколыхнула и остальных петербургских рабочих. Когда до путиловских рабочих дошел слух о том, что творится за Невской заставой, они, зная, что полиция не пропустит их городом, бросились полями, вступая в отчаянные схватки с полицией. Рабочие семянниковского завода также пытались прорвать цепь и притти на помощь.

Такими грозными событиями ознаменовался май 1901 года в столице России. Они ясно показывали отчаянную готовность рабочих бороться грудью „за свободу". В этом году и призывы организаций носят определенный характер.

„Товарищи!—говорится в майском листке этого года, выпущенном Петербургским „Союзом Борьбы“:—кто молчит и терпит,—тот всегда останется рабом. Пусть трусы прячутся в свои норы,—мы сумеем отвоевать себе человеческие права. Мы будем требовать у правительства: свободы собраний, свободы стачек, свободы слова и печати, неприкосновенности личности. Мы потребуем политической свободы“.

Две другие, действовавшие в то время в Петербурге, организации — группа „Рабочего Знамени“ и рабочая организация „Социалист“, в своем общем листке звали рабочих на улицу заявить перед окнами „забывшихся богачей и их чиновников“ так, чтобы все слышали: „Конец бесправию и грубой силе!“

„Нам нужна новая жизнь,—говорилось в этой же прокламации,—и мы знаем, что только на началах самоуправления, полной гражданской свободы... может быть прочно основана наша жизнь и наше счастье“.

Еще более определенно, за что должны бороться рабочие, раз'ясняло общепартийное с.-демократическое воззвание этого же года.

„Если мы, действительно, хотим отдохнуть от наших страданий, мы должны начать решительную борьбу за наше освобождение от... самовластия, за освобождение русского народа.

„Мы должны добиваться, чтобы государство управлялось, законы издавались, налоги взимались и расходовались... по решению народных представителей, избранных всеми гражданами.

„Мы должны добиваться политических и гражданских прав: равенства всех перед законом, свободы и неприкосновенности личности, свободы слова и печати, собраний, союзов и стачек, совести и убеждений...

„Этих прав нам не даст правительство дворян, жандармов и капиталистов... Эти права мы лишь получим от правительства, выбранного всем народом, от открыто и свободно выбранных всей Россией представителей народа.

„До сих пор вы боролись под знаменем российской социал-демократической рабочей партии против хозяйского гнета на фабрике. Теперь рабочая партия зовет вас в день 1 мая, наряду с требованием восьмичасового рабочего дня провозгласить требование политической свободы, созыва выборных от народа для управления государством и контроля над министрами.

С этого года рабочее движение не только в Петербурге, но и по всей России носит ярко политический характер, а его проявления принимают всюду вид предреволюционных взрывов.

Но майский праздник, по крайней мере, в Петербурге, благодаря усиленным подготовкам администрации, чуявшей в нем угрозу своему существованию, перестает, конечно, на время, быть верным показателем роста движения. Рабочее движение ищет новых путей и вскоре находит их в массовых политических стачках.

Перейдем теперь к центральному району России. 1-е мая 1895 года было отпраздновано в Москве на тайном собрании, в присутствии около 200 организованных рабочих.

В речах, произнесенных на этой сходке, была высказана уверенность, что русские рабочие, выступив позднее рабочих других стран на борьбу с капиталом, воспользуются примером своих заграничных собратий, преодолеют все препятствия на своем пути и скоро займут подобающее место во всемирной армии пролетариата.

Эта маевка прошла с большим успехом и закончилась пением революционных песен. Между прочим на ней была принята резолюция о необходимости немедленно приступить к широкой массовой организации и завязки прочных связей с другими городами.

Впечатление, произведенное ею на рабочих было также огромно: повсюду в рабочей массе оживленно обсуждались все поднятые на местном празднике вопросы.

„Один старик рабочий из мастерских Московско-Курской ж. д.—вспоминает один из участников этого периода работы в Москве*), вернувшись с праздника, созвал у себя соседей и свою многочисленную семью, велел одному из своих внуков прочесть листок—сам он был неграмотный, а затем со слезами на глазах стал сравнивать этот листок с манифестом 19 февраля 1861 года, „когда царь дал волю крестьянам, но та воля только называлась волей. Ничего мы не получили: землю нашу отняли, а сами мы из крепостных помещика стали крепостными хозяина.

„Вот сегодня нас зовут самих воевать за волю, и она будет уж покрепче той; сами мы добудем ее.

„Я хорошо помню, как читали нам царский манифест. Порадовались мы тогда—не понимали; только такой радости, как сегодня, я не упомню. Великое дело, когда понимаешь. что тебе делать нужно, чего добиваться. А мы сегодня все поняли.

*) Лядов, „Исторня Рос. с.-дем. рабочей партии6, ч. I.

„Наше это дело, будем стойко бороться. Пусть каждый, кто понял скажет всем... пояснит, и другие поймут. Наше кровное это дело".

В 1896 г. было положено основание „Московскому Рабочему Союзу", число членов которого стало быстро возрастать и вскоре достигло 1.000 человек. Этот союз уполномочил тов. Веру Засулич быть его представителем на одном из интернациональных конгрессов. В том же году 605 московских рабочих послали свой приветственный адрес французскому пролетариату по случаю двадцатипятилетия парижской коммуны. Но долго еще рабочим организациям Москвы пришлось праздновать день 1-го мая в подполье.

Как раз в Москве, благодаря широко развитой провокационной деятельности охранного отделения, в особенности знаменитого Зубатова, рабочие организации долго не могли пустить прочных корней, а это отражалось и на праздновании 1-го мая и только в годы первой революции московский пролетариат получил, наконец, возможность принять широкое участие в майском празднестве.

Другим крупным промышленным центром, рассматриваемого нами района является Иваново-Вознесенск Первый майский праздник был устроен в 1897 г. В 1901 г. рабочая организация решила устроить демонстрацию, но этому помешала усиленная охрана города.

Рабочее движение и здесь быстро шло вперед. Из Москвы и Иваново-Вознесенска оно уже перекинулось и в другие города центрального промышленного района и во многих из них успело окрепнуть и усвоило революционные методы борьбы.

Празднование 1-го мая на юге России началось также довольно рано.

Крупными промышленными центрами являются здесь города: Киев, Одесса, Харьков, Николаев, Екатеринослав, Ростов-на-Дону. В первых двух городах деятельность социал-демократических организаций началась ранее, чем в других и в Киеве 1 мая празднуется в тайных собраниях уже в 1894 г.

В 1897 г. в Киеве 1-го мая по новому стилю прекратили работу 530 железнодорожных рабочих. Праздновали этот день и рабочие других фабрик и заводов, но не так единодушно.

В выпущенном с.-демократической организацией листке по поводу первого мая говорилось:

„Товарищи, завтра по заграничному календарю первое мая, завтра миллионы рабочих всего света будут праздновать великий

майский праздник рабочих. Завтра, вероятно, не одна тысяча русских рабочих будет праздновать этот день.

„Присоединимся же и мы, киевские рабочие, ко всемирному рабочему празднику первого мая .. Пусть каждый из нас забудет свои частные мелкие дела и проникнется мыслью, что он член общей рабочей семьи, борец за общее рабочее дело"

В Николаеве же, Екатеринославе и Ростове-на-Дону первые организации возникли только в конце прошлого столетия. Но, несмотря на такое позднее возникновение этих организационных ячеек, рабочее движение развивается быстрыми шагами и в некоторых отношениях даже перегоняет более раннее движение других промышленных районов.

Так, например, оно уже в 1899 г. в некоторых городах вступило на путь открытых протестов. Довольно внушительная демонстрация была устроена в этом году харьковскими рабочими, которые в количестве 1.500 человек собрались 1 мая перед казармами, где сидели арестованные студенты и приветствовали их криками „ура".

В Екатеринославе в этом году и в первомайских листках, и на собраниях были впервые выставлены политические требования, и екатеринославские рабочие выразили готовность бороться за политическую свободу.

Еще более блестящим проявлением молодого харьковского движения был майский праздник 1900 г. и связанное с ним широкое стачечное движение.

Еще с апреля месяца организация стала деятельно готовиться к предстоящему празднеству: были выпущены специальные майские брошюры и листки, призывавшие к забастовке и выставлению следующих требований: свободы слова и печати, участия народа в управлении страной, свободы стачек и союзов, 8-часовой рабочий день и повышение платы. Этот призыв воспламенил рабочую массу; к забастовке примкнули почти все рабочие механических заводов и часть ремесленников.

Около 2000 заводских рабочих приняли участие в демонстрации, а около железно дорожных мастерских под открытым небом состоялся митинг, в котором приняло участие до 3.000 человек.

Администрация ответила многочисленными арестами, но рабочие отказались приступать к работам, пока не будут освобождены все арестованные, и это требование было тотчас же исполнено.

Майские стачки этого года на отдельных заводах тянулись еще некоторое время и окончились частичной победой рабочих—

одержать полную победу рабочим помешало страшное давление со стороны властей.

Так же быстро, как и в Харькове, идея первомайского праздника завоевывает себе симпатии рабочих в Ростове на-Дону, в Екатеринославе, Николаеве и др. городах южной России. В г. Николаеве в 1899 г. местная полиция, чтобы помешать рабочим праздновать 1-ое мая, вызвала еврейский погром и приурочила его к 1 мая по новому стилю, не дав тем самым рабочим возможности создать задуманную ими первомайскую демонстрацию.

Начиная с 1901 г. и в особенности с 1902 г., это празднество начинает носить массовой характер; рабочие, обыкновенно, ограничиваются прекращением работ и тайными собраниями, но местами, несмотря на бдительность полиции, революционное настроение рабочих выливается и в открытые формы протеста.

Наконец, в конце XIX и в начале XX столетия празднование 1-го мая широкой волной разлилось по всему Поволжью, начавшись с Саратова и распространившись вверх до Рыбинска и Твери и вниз сплошь до Астрахани. Вслед за Поволжьем заговорил пролетариат Урала от Перми до Златоуста, а за Уралом поднялась и необ'ятная Сибирь.

В 1902 г. очень многолюдная первомайская демонстрация состоялась в Сормове.

Огромная толпа рабочих направилась по большой дороге от завода к Н.-Новгороду и шла все время с пением революционных песен. На полпути ей преградили дорогу войска, но внушительный вид демонстрантов заставил солдат как бы оторопеть и молча пропустить манифестацию. Рабочие, однако, не дошли до Нижняго, а также стройно повернули обратно и, вернувшись к заводу, разошлись по домам. Только один знаменосец не хотел уходить домой и оставался со знаменем, пока его не окружили и не арестовали.

Пламя социализма быстро разлилось по всему лицу земли русской и успело проникнуть за последние годы перед революцией 1905 г. во все углы и дыры, где только капитализм подготовил ему почву своей алчной эксплоатацией.

Особенно наглядной иллюстрацией этому может служить рабочее движение в Сибири.

Благодаря проведению железной дороги, капитализм стал быстро развиваться в этой области: разрослись города, в особенности лежащие при железнодорожной линии, стали строиться заводы и фабрики, сконцентрировавшие вокруг себя промышленный пролетариат, который и не замедлил подняться на борьбу за свое освобождение.

Если проследить по годам эту историю рабочего движения, то, напр., для Красноярска получатся следующие красноречивые цифры:

в 1897 г. была проведена железная дорога;

в 1899 г. были первые стачки рабочих;

в 1901 г. 18 апреля удачно прошла первомайская демонстрация.

Также быстро развилось рабочее движение в Томске и Иркутске: но оно не ограничилось этими крупными центрами Сибири и уже в 1904 г. 1 мая праздновалось в Чите и Верхнеудинске.

В Томске же уже в 1903 г. удачно прошла демонстрация, в которой приняло участие до 5000 ч. рабочих, обративших в бегство полицию и принявшихся даже осаждать участки, требуя освобождения арестованных товарищей. Вечером, кроме того, под открытым небом состоялся грандиозный митинг, который, однако, был разогнан войсками. 36 человек рабочих было арестовано и двое ранено, но и сама полиция понесла потери: до десятка городовых и околодочных пострадали в свалке.

Еще более окрепло рабочее движение на Урале и в Поволжье. Первомайский праздник и здесь завоевал широкие симпатии в рядах пролетариата, а в таких городах, как Саратов, Самара, Нижний-Новгород его празднование уже несколько лет тому назад было соединено с открытыми выступлениями.

Чем ближе к године революции 1905 г., тем выше поднимались волны первомайских забастовок и всякого рода протестов, тем громче и энергичнее звучал призывный голос с.-демократии, в сотнях тысяч и миллионах листков призывавшей пролетариат России протестовать против эксплоатации и рабства.

„Как?—спрашивала первомайская прокламация, выпущенная организационным комитетом с.-демократической партии в 1903 г.: „И сегодня также, товарищи?

„Сегодня, в день Первого Мая, также стоите вы у станка, вы, живые слуги мертвых слуг хозяина, машин?

„И в этот день пришли вы, измученные люди, еще не отдохнув после вчерашнего трудового дня, после многих тяжелых трудовых дней!

„Пришли закаливать сталь для ружей, из которых в вас станут стрелять, отделывать колеса машин, которым будут служить ваши дети; пришли, чтобы и сегодня, как и во многие дни вашей жизни, работать для тех, кто гнетет и порабощает вас!

„И вот вы стоите за работой, бледные, вялые от полуголодной жизни, истомленные от непосильной работы.

„На улицу! На улицу зовем, товарищи!

„Остановите вертящиеся колеса! Тушите огонь в печах! Давайте тревожный сигнальный гудок!

„Но вы сурово склоняете свои лица над станками и уходите мыслями в работу и наполняете весенний воздух шумом хлопотливого труда.—„Уйдите, уйдите!" говорите вы нам... „мы работаем, мы работаем! Оставьте нас, мы добываем себе хлеб. Уйдите! оставьте нас!".

„Нет, мы не уйдем от вас, товарищи!"... Разве вы не чувствуете, как крепнут ваши силы от того, что за сотни и тысячи верст борются неведомые вам братья. Они родились под чужим небом, они говорят чужим вам языком, они живут по своим, не похожим на ваши обычаям. Но они рабочие. Они чувствуют, как и вы, тяготу своей жизни.

„И вот исчезают эти сотни и тысячи верст, как будто падают перегородки разных стран, и вы, рабочие всех стран, мыслите одни мысли, живете одним чувством, одним могучим криком требуете лучшей жизни!

„Сегодня наш рабочий праздник, праздник борьбы...

„Кто не выходит сегодня бороться, тот изменяет делу борьбы. Каждая страна выступает на перекличке и говорит:—„я здесь!"

„И разве, когда назовут имя России, она ответит молчанием? Так станем же в ряды!.. На улицу, товарищи!"

И из года в год все шире и шире по России разливался этот призывный первомайский клич и все из большего числа мест он находил бодрый отлик борющегося пролетариата необ'ятной страны.

В 1900 г. демонстрации и маевки насчитывались по России только единицами. В 1901 г. уже одних только наиболее крупных демонстраций и празднований 1-го мая в промышленных центрах было 18. В 1902 г. первое мая праздновалось уже в 36 городах; листки и прокламации одними центральными органами с.-д. партии издавались в сотнях тысяч. В 1903 г.—празднество происходило в 63 пунктах; листки и брошюры были распространены уже в миллионах экземпляров.

1904 год несколько понизил темп развития рабочего движения в России и отразился и на праздновании первого мая, но все же оно происходило в 77 городах и местечках, проникая в самые захолустные места.

Зато тем дружнее волна политических стачек и демонстраций поднялась в революционный 1905 год, охватив, по меньшей мере, 136 пунктов, о которых сохранились описания в легальной и нелегальной печати того времени.

Могучими волнами разлилось тогда впервые это празднование по всей стране, не взирая на то, что самодержавие мобилизовало все свои силы, так как понимало, что решается вопрос о его собственной жизни и смерти.

Свирепее всего оно расправилось в этот день с демонстрантами на окраинах России, в особенности в Варшаве.

Первомайская стачка в Варшаве в этом году прошла изумительно дружно: „Не было буквально ни одного работающего человека, не было ни извозчиков, ни трамваев, даже носильщики, мелкие разносчики отдыхали, дворники сняли свои бляхи. На улицах чувствовалось, что это был наш праздник"—так описывал варшавские настроения в день 1-го мая 1905 г. корреспондент „Последних известий".

Когда же на Иерусалимской аллее появилась десятитысячная толпа демонстрантов, шедших с красными знаменами и революционными песнями, на них налетели казаки и без всяких предупреждений дали ряд залпов, а затем принялись стрелять и рубить без разбора всех, кто попадался под руку, давя лошадьми лежащих и раненых. Общеее количество жертв было огромно и исчислялось сотнями.

Такими же крупными демонстрациями и столкновениями с полицией, хотя и с меньшим количеством жертв ознаменовались первомайские дни 1905 г. во Владивостоке, Батуме, Гродне, Екатеринославе, Згерже, Казани, Калише, Лодзи, Ломже, Минске, Могилеве, Митаве, Елизаветграде, Ревеле, Ростове-на-Дону и в Уфе.

Во многих местах, чтобы не дать администрации подготовиться к избиению демонстрантов, социал-дем. организации переносили это праздненство либо на последние числа апреля, либо на первые числа мая. В Москве, Петербурге и Харькове демонстраций организовать не удалось и пришлось ограничиться лишь устройством рабочих митингов в разных частях города. Всеобщего прекращения работ 1 мая также удалось достигнуть лишь в немногих городах, но общая масса пролетариата, принимавшая участие в первомайских забастовках по всей России, все же была внушительна. Показательным также было и то, что в этих выступлениях начали принимать участие самые отсталые слои рабочего класса и не только в крупных городах, но даже

в деревенской глуши. Так было, напр., в Тверской губ., где фабричное население, разбросанное по мелким деревенским фабрикам, откликнулось на призывы организаций и не только прекращало в назначенный день работу, но и организовало демонстративное шествие.

Но мы, однако, и так, описывая празднование 1-го мая в России, ушли значительно вперед. Поэтому описание этого празднования в последующие годы читатель найдет попутно в соответствующих главах рабочего движения.

XXI

„Экономизм" и борьба за единство партии.

Первый всероссийский с'езд с.-демократических рабочих организаций, как мы уже говорили, не создал организационного единства партии.

Последовавшие почти непосредственно за ним провалы не только уничтожили только что избранные центральные ячейки партии, но и значительно обессилили большинство местных организаций.

Положительным результатом этой попытки об'единить разрозненную работу местных с.-демократических кружков в течение ряда лет оставалось лишь сознание идейного единства рабочего движения, которое поддерживалось уцелевшими организациями, воспринималось вновь возникавшими организациями и путем агитации передавалось вовлекаемым в движение рабочим массам.

Но при таком состоянии рабочих организаций, по-прежнему разрозненных, принужденных каждая действовать за свой собственный страх, самостоятельно разрешая все очередные задачи движения,—естественно должна была сказываться незрелость, как организационных форм, так и самого содержания революционной работы.

Как общее правило, в подавляющем большинстве с.-демократических организаций революционная работа велась кустарнически: одни и те же лица принимали участие в разных отраслях революционной деятельности - в пропаганде и распространении литературы, в сборе средств и в организации техники и т. п.

Результатом такой работы являлись частые провалы, так как, чем с большим кругом лиц приходилось иметь дело революционеру, тем больше увеличивались шансы быть выслеженным агентами полиции.

Частые же провалы, в свою очередь, не давали возможности членам организаций накопить достаточно революционного опыта, чтобы использовать его и самим и передать по наследству более молодым революционным силам. Средней продолжительностью жизни революционного с.-демократического кружка было 8—12 месяцев; очень немногим удавалось дотянуть до 2—3 лет; более же

продолжительное существование организации являлось редким исключением.

Кратковременная продолжительность работы с.-демократических организаций неизбежно отражалась и на содержании революционной работы.

Сплошь и рядом случалось, что опыт нескольких месяцев революционной работы среди рабочих масс ставил перед организацией ребром вопрос о необходимости расширить и углубить свою деятельность, но для этого или не хватало сил, или же подобные попытки прерывались в самом начале неожиданным провалом, и новой смене с.-демократов приходилось начинать все сызнова, снова повторять старые ошибки, самостоятельно искать новые пути, чтобы затем снова подходить к неразрешенной задаче.

Работа русских нелегальных с.-демократических организаций не могла базироваться на опыте заграничной с.-демократии. Даже опыт германской с.-демократии, прошедшей через эпоху каторжного закона против социалистов не мог дать руководящих указаний, так как там организация, ушедшая в подполье, опиралась на сотни тысяч членов партии, сознательно ее поддерживавших; в условиях же русской действительности небольшим революционным кружкам и организациям приходилось еще только пробуждать рабочие массы к сознательной политической жизни и внедрять в них необходимость создания партийной организации.

При таких условиях каждый шаг практического успеха покупался очень дорогой ценой и сплошь и рядом сопровождался целым рядом ошибок.

Говоря выше о переходе от чисто кружковой пропагандистской работы к агитации, мы уже указывали, что этот переход далеко не всюду произошел быстро и без трений.

Во многих местах даже среди самих рабочих новый метод агитационной деятельности встречал недоверчивое отношение и часто только удачное применение его на практике клало конец бесконечным спорам о преимуществах того или другого способа работы. Когда же этот агитационный метод революционной деятельности с.-демократии почти повсюду получил права гражданства, во многих организациях стал обнаруживаться тот уклон, который позднее получил название „экономизма“.

Дело заключалось в следующем. Продолжая по-прежнему в кружках и в пропагандистской литературе распространение основных целей социализма, в своей агитационной деятельности среди широких рабочих масс многие русские с.-демократические

организации того времени считали возможным касаться исключительно только профессиональных нужд рабочего класса.

Такая постановка агитации несомненно была неправильна, так как она суживала значение всей борьбы пролетариата, заменяя борьбу за основные интересы рабочего класса более узкой задачей улучшения условий труда рабочей массы.

Основные, правильно понятые интересы рабочего класса требовали борьбы за политическое освобождение, за уничтожение самодержавия и завоевание политической свободы, которая, в свою очередь, облегчила бы и дальнейшую борьбу за завоевание политической власти.

Но эти классовые интересы в то время для широких рабочих масс были еще совершенно непонятны. Поднять во имя них рабочий класс на борьбу для с.-демократических организаций было невозможно.

А в то же время эти же массы сравнительно легко откликались на призывы к экономической борьбе, усваивая первые азбучные истины противоположности их собственных интересов с интересами капиталистов и необходимости упорной и сознательной борьбы за улучшение своего экономического положения.

Казалось бы, при таком положении дела первейшей обязанностью с.-демократических организаций является сосредоточить все внимание и отдать все свои силы на усиление именно политической агитации в рабочих массах, используя для этой цели прежде всего каждый факт экономической борьбы. Беря на себя защиту классовых интересов русского пролетариата и стремясь вооружить рабочий класс ясными выводами научной теории марксизма, которая должна была предохранить его в этой борьбе от неверных шагов, с.-демократические организации, казалось, не могут сами никоим образом затемнять сознание рабочих масс, направляя их борьбу исключительно в экономическое русло, наоборот, они должны на примерах экономической борьбы учить рабочих осуществлять свою классовую политику.

Но для того, чтобы в расширявшейся экономической борьбе русского пролетариата социал-демократические организации сохранили эту единственно верную линию поведения, необходимо было, чтобы они сами обладали достаточной политической зрелостью, чего совершенно не было.

Отсутствие опыта политической борьбы и неумение использовать каждый шаг экономической борьбы рабочих масс для политической агитации, часто толкало их по линии наименьшего

сопротивления и заставляло сосредоточивать все свое внимание исключительно на приемах экономической агитации.

Как мы указывали уже выше, знакомя читателя в одной из предыдущих глав с распространением агитационной тактики, в самой брошюре „Об агитации" содержались положения, послужившие позднее основанием для сужения пролетарской борьбы и развития дальнейших ошибочных выводов экономизма.

„Задачей социал-демократов,-настойчиво твердили авторы этой брошюры своим противникам,-является постоянная агитация среди фабричных рабочих на почве существующих мелких нужд и требований".

В момент борьбы с прежней кружковой работой, это и другие подобные положения играли роль доводов в преимуществе новой тактики, и так как эта тактика несомненно была крупным шагом вперед, то с ее победой получили широкое распространение и эти ошибочные положения, и многие из тогдашних с.-демократов склонны даже были считать эти ошибки чуть ли не самым существенным в новой тактике.

Когда же вслед за распространением одностороннего увлечения экономической борьбой в рядах русской с.-демократии стали раздаваться протестующие голоса, указывавшие на допущенные ошибки, на принижение роли с.-демократии в рабочем движении, сторонники „экономизма" стали пытаться обосновать правильность занятой ими позиции и теоретически.

В ответ на требование немедленного перехода к политической агитации ими были выдвинуты соображения, что рабочий класс еще не дорос до сознания необходимости и неизбежности политической борьбы, что к более серьезной борьбе его необходимо подготовлять постепенно, что, наконец, политическая агитация, ставящая своей целью радикальное изменение существующих политических условий, будет возможна только в результате предварительного завоевания пролетариатом отдельных политических прав.

На критику этих положений сторонниками политической агитации экономисты отвечали указанием на достижения экономической борьбы и, перегибая в спорах палку, склонны были свои собственные ошибки считать тем именно новым словом, которое должно обеспечить окончательный успех рабочему движению.

Стремлениям поскорее возсоздать прочную партийную организацию, которая бы взяла на себя руководство политической борьбой рабочего класса России, они противопоставляли необходимость приближения организации к рабочим массам, а это

на практике сплошь и рядом выражалось в стремлении подменить партийно-политическую организацию профессиональной.

Наконец, на этой же почве стали возникать настроения против руководящей роли революционной интеллигенции в рабочих организациях; стало выдвигаться требование, чтобы активное участие при решении всех вопросов имели все низовые ячейки организации, а роль прежних руководителей организации была бы сведена к выполнению чисто технических работ. Стремление революционной с.-демократической интеллигенции, вооруженной накопленным опытом западно европейского рабочего движения, удержать в своих руках руководство движением, бралось часто под подозрение и ему противопоставлялся опыт непосредственной экономической борьбы рабочего класса.

Точно также под подозрение попадало и стремление социал-демократов—интеллигентов привносить в экономическую борьбу рабочих масс элементы политической агитации.

Правоверные „экономисты" склонны были видеть в этом стремление посторонней рабочему классу социальной среды использовать рабочее движение в свох собственных интересах.

Наиболее последовательно и настойчиво эту точку зрения в России стала проводить петербургская организация с.-демократов, а внутри ее первыми застрельщиками нового направления явились социал-демократы, об'единившиеся вокруг издания газеты „Рабочая Мысль", имевшей подзаголовок, „газета петербургских рабочих".

Она не только отстаивала необходимость сосредоточить все силы организации на профессионально-экономической борьбе, но и противопоставляла ее борьбе политической, направленной непосредственно к свержению самодержавия.

Она заявляла, что только экономическая борьба является движением классовым, чисто рабочим; политическая же борьба как движение исключительно революционно-демократическое, не должна входить в задачи рабочей партии.

Так как одно время влияние „Рабочей Мысли" довольно сильно чувствовалось в рабочей среде, а также и среди других с.-демократических организаций России, следует познакомиться с характером этого издания более подробно.

Да не посетует поэтому читатель на приводимую ниже целиком передовую из № 1 „Рабочей Мысли".

„Рабочее движение в России теперь,—заявляют авторы этой передовой,—может считаться приобщенным к общеевропейскому

рабочему движению. Теперь, конечно, никто не станет сомневаться, что руке в синем обшлаге не удержать его постепенного, неуклонного развития. То погасая до едва тлеющей искры, то разрастаясь в море огня, оно все шире и глубже захватывает рабочие массы и, хотя медленно, но прочно, дисциплинирует их, научая борьбе с врагом. Такой живучестью рабочее движение обязано тому, что рабочий сам берется за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей. Это вполне понятно. До тех пор, пока движение было лишь средством для успокоения больной совести кающегося интеллигента, оно было чуждо самому рабочему. Масса была холодна и безучастна к делу; убежденные рабочие—бойцы за свое собственное дело являлись в виде исключений и во всяком случае не могли дать по количеству заметной окраски движению. Средства доставлял тощий студенческий кошелек. За что сражаться, с кем, по какому поводу? На это совсем не было ответа у рабочего не интеллигентного, а рядового из массы, который собственно и значит все для движения. Да и не могло быть на это ответа, потому что экономическая основа движения была затемнена стремлением постоянно не забывать политического идеала; вопрос был поставлен так, что не давал сам по себе ответа, а раз'яснить каждому нет возможности, потому что обычные занятия обнимают сравнительно очень небольшой круг людей. Одним словом, можно сказать, что средний рабочий стоял вне движения.

Стачки 1896 года можно считать первым и пока единственным проявлением самостоятельной рабочей мысли, воплотившейся в стройные формы, если не считать прежде бывших стачек, возникших более или менее стихийно, взрывом, а не как борьба по обдуманному плану. Раз вопрос, за что бороться, ясен, раз враг перед глазами, русский рабочий умеет бороться, он уже доказал это.

Борьба за экономические интересы—самая жестокая, упорная борьба, самая сильная по количеству душ, которым она понятна, и по геройству, с которым самый обыкновенный человек отстаивает свое право на существование. Таков закон природы. Политика всегда послушно следует за экономикой и, в общем итоге, политические оковы разбиваются попутно. Борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на почве ежедневных, насущных интересов и стачки, как средство этой борьбы—вот девиз рабочего движения—эта борьба понятна всем, она закаляет силы и сплачивает рабочих. В ней каждый шаг вперед есть улучшение в жизни, есть новое средство к дальнейшим победам. Раз

привлечена вся масса рабочих, этим обеспечены средства к борьбе. Движение перестает быть нищим, живущим подачками со стороны. Средства должны давать сами бойцы, и каждый трудовой грош, вложенный в дело, будет дороже тысяч, данных со стороны. Стремление рабочих заводить кассы, знаменует переход к вполне сознательной эпохе движения. Эти кассы должны давать в будущем средства прежде всего не для занятий, не для книг, а для насущного хлеба во время разгара боя, во время стачек. Вокруг касс должны группироваться рабочие, и каждая из них дороже для движения, чем сотня других организаций. Конечно, и дело самообразования должно идти своим чередом, воспитывая интеллигентные единицы. Пусть рабочие ведут борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и для своих детей, пусть помнят, что каждая победа, каждая пядь, отбитая у врага, есть пройденная ступень лестницы, ведущей к их собственному благополучию; пусть имеющие силы призывают слабых к борьбе и строят их в ряды сами, не рассчитывая ни на чью помощь. Победа впереди, и только тогда верх будет одержан бойцами, когда девизом их будет: „рабочие для рабочих".

Здесь все характерно от начала до конца, начиная с утверждения, что массовый характер движения 90-х годов об'ясняется тем, что рабочий класс вырвал свою судьбу „из рук руководителей" и кончая превозношением рабочих касс перед всеми другими видами организации.

Не менее характерно и сожаление, высказываемое автором статьи о том, что „экономическая основа движения затемняется стремлением постоянно не забывать политический идеал".

Приведенная нами целиком статья является весьма характерной для „Рабочей Мысли" периода 1897—900 г. *), но этот первый номер далеко не являлся исключительным по подчеркиванию чисто экономического направления издания.

В многих последующих статьях „экономисты" пошли еще гораздо дальше и не стеснялись, напр., заявлять, что для рабочего класса „желательна та борьба, которая возможна, а возможна та, которая идет сейчас", т.-е. иными словами проповедовали полное приспособление соц.-демократических организаций к отсталым формам движения.

*) „Рабочая Мысль" начала выходить в октябре 1897 г.; первые два номера были отпечатаны на гектографе; несколько следующих номеров ее вышло за границей. Захончились она на № 17, вышедшем также за границей в конце 1902 г.

Когда в 1898 г. во время стачки на заводах Максвеля и Паля рабочие попытались оказать должное сопротивление неистовствам полиции, „Рабочая Мысль“ не одобрила подобной тактики, рекомендуя рабочим „побольше спокойствия, побольше хладнокровия“.

Вместо энергичного отпора, подсказанного рабочим массам пробуждавшимся в них революционным настроением, редакция советовала им отсиживаться по квартирам, ссылаясь на слова петербургского градоначальника Клейгельса, который в свое время заявлял на одном из совещаний, что он бессилен против рабочих, если они ограничиваются в своей борьбе мирной стачкой.

„Экономизм“ не ограничивался только одним Петербургом.

В других местах, правда, это же направление выявлялось в более умеренных формах, но оно почти повсюду было достаточно влиятельным и подчиняло себе большинство соц.-демократических организаций. Повсюду все внимание организаций поглощалось стачечной борьбой пролетариата и все силы их уходили на обслуживание этой борьбы, приковывая к ней и все мысли революционных работников и отодвигая в далекое будущее вопросы политической борьбы.

Отмеченное нами заострение ошибок „экономизма“, выдвигавшееся „Петербургским Союзом Борьбы“ и „Рабочей Мыслью“ об'яснялось тем, что именно здесь экономизм в России встречал наиболее сильное противодействие со стороны отдельных групп с резко выраженным политическим характером деятельности.

В 1898—99 г.г. в Петербурге от экономизма резко отмежевалась группа „Рабочего Знамени“, пытавшаяся создать даже особую партию; к ней действительно примыкало слишком много революционно-настроенных элементов, не склонных целиком перейти на точку зрения пролетариата и большинство из них кончило тем, что примкнуло к другим революционным партиям. В 1899 г. против „экономизма“ резко стали протестовать группы соц.-демократов, начавших работать в предыдущий период рабочего движения и теперь отбывавших ссылку.

В то же время на защиту „экономизма“ в России стали выступать сторонники оппортунистических течений марксизма, ухватившиеся за склонность русских соц.-демократов ограничить свои задачи руководством экономической борьбой пролетариата.

Представители этого течения были весьма склонны к закреплению подобного положения, при котором роль рабочих масс ограничивалась борьбой за осуществление экономических требований, руководство же политической борьбой перешло бы целиком в руки буржуазной демократии.

История сохранила в качестве документа одну из таких попыток подвести теоретическое основание под преклонение перед стихийными процессами борьбы русского рабочего класса.

Мы говорим о нашумевшем в свое время „Credo“, *) автором которой была Е. Д. Кускова. Но она в данном случае выражала не только свои взгляды, но формулировала пожелания определенного течения политической мысли, которое одно время доминировало среди легального русского марксизма.

Что же возвещал этот документ?

Он представлял собой попытку под видом об'ективной оценки как западно-европейского, так и русского рабочего движения протащить чисто оппортунистическую практику и попытаться подчинить деятельность соц.-демократических организаций руководству буржуазной демократии.

Аргументируя беглым обзором предшествующей эпохи развития рабочего движения на Западе, автор „Credo“ заявлял, что рабочий класс нигде не принимал участия в борьбе за демократические учреждения, но воспользовался уже добытыми буржуазией и городским мещанством политическими учреждениями для борьбы за свои права:

„Основной закон, который можно вывести при изучении рабочего движения—линия наименьшего сопротивления. На Западе такой линией являлась политическая деятельность, и марксизм в том виде, в каком он был формулирован в Коммунистическом Манифесте, являлся как нельзя более удачной формой, в которую должно было вылиться движение. Но когда в политической деятельности была исчерпана вся энергия, когда политическое движение дошло до такой напряженности, дальше которой вести его было трудно и почти невозможно (медленный рост голосов за последнее время, апатия публики на собраниях, унылый тон литературы), с другой стороны бессилие парламентской деятельности и выступление на арену черной массы — не организованного и почти не поддающегося организации фабричного пролетариата— создали на Западе то, что носит теперь название бернштейниады кризиса марксизма. Более логического хода вещей, чем период развития рабочего движения от Коммунистического Манифеста до бернштейниады трудно себе представить, и внимательное наблюдение всего этого процесса может с точностью астронома определить исход этого „кризиса“. Речь идет здесь, конечно, не о поражении или победе бернштейниады — это мало интересно

*) Credo по-русски „верую“—„символ веры“.

речь идет о коренном изменении практической деятельности, которое уже давно понемногу совершается в недрах партий".

И эти изменения рисуются автором „Credo", во-первых, как усиление внимания с.-демократических организаций в сторону экономической борьбы, а во-вторых как изменение прежнего исключительно критического отношения к остальным оппозиционным партиям. „Марксизм нетерпимый, говорит он, марксизм отрицающий, марксизм примитивный (пользующийся слишком схематичным представлением классового деления общества) уступит место марксизму демократическому, и общественное положение партии в недрах современного общества должно резко измениться. Партия признает общество, ее узко корпоративные, в большинстве случаев, сектантские задачи расширяются до задач общественных, и ее стремление к захвату власти преобразуется в стремление к изменению, к реформированию современного общества в демократическом направлении приспособительно к современному положению вещей с целью наиболее удачной, наиболее полной защиты прав (всяческих) трудящихся классов. Содержание понятия „политика" расширится до истинно общественного значения, и практические требования минуты получат больше веса, могут рассчитывать на большее внимание, чем это было до сих пор".

Эту же откровенно-реформистскую идеологию „Credo" стремилось навязать и русским с.-демократическим организациям. Незрелость большинства рабочих организаций превращалась при этом в лишнее доказательство того, что, исходя из него, нет смысла тратить усилия на создание самостоятельной рабочей партии:

„Линия наименьшего сопротивления у нас никогда не будет направлена в сторону политической деятельности, заявляло „Credo". „Невозможный политический гнет заставит много говорить о нем, именно на этом вопросе сосредоточивать внимание, но никогда не заставит он практически действовать. Если на Западе слабые силы рабочих, будучи вовлечены в политическую деятельность, окрепли в ней и сформировались, у нас—слабые силы эти, наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только не имеют практических путей для борьбы с ним, а, следовательно, и для своего развития, но даже систематически душатся им и не могут пускать даже слабых ростков. Если прибавить к этому, что рабочий класс наш не получил в наследие того организационного духа, каким отличались борцы Запада—то картина получится удручающая и способная повергнуть в уныние самого

оптимистического марксиста, верящего в то, что лишняя фабричная труба, уже одним фактом своего существования, несет великое благополучие.

„Трудна, бесконечно трудна и экономическая борьба, но она возможна, она, наконец, практикуется самими массами. Приучаясь в этой борьбе к организации и поминутно наталкиваясь в ней на политический режим, русский рабочий создаст, наконец, то, что можно назвать формой рабочего движения, создаст ту или те организации, которые наиболее подходят к условиям русской действительности. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что русское рабочее движение находится еще в амебовидном состоянии и никакой формы не создало. Стачечное движение, существуя при всякой форме организации, не может еще быть названо кристаллизированной формой русского движения, а нелегальные организации уже чисто с количественной точки зрения не заслуживают внимания"...

„Русский марксизм пока печальное зрелище. Его практические задачи в настоящем мизерны, его теоретические познания поскольку он пользуется ими не как орудием исследования а как схемой деятельности—не имеют цены для выполнения даже этих мизерных практических задач. Кроме того, эти схемы, взятые с чужого плеча, в смысле практики являются вредными.

„Забыв, что на Западе рабочий класс выступил уже на расчищенное политическое поле деятельности, наши марксисты более, чем это нужно, относятся с презрением к радикально или либерально оппозиционной деятельности всех других не рабочих слоев общества. Малейшая попытка сосредоточивать внимание на общественных проявлениях либерально-политического свойства вызывает протест ортодоксальных марксистов, забывающих, что целый ряд исторических условий мешает нам быть марксистами Запада и требует от нас иного марксизма, уместного и нужного в русских условиях.

Отсутствие у каждого русского гражданина политического чувства и чутья не может, очевидно, быть искуплено разговорами о политике или воззваниями к несуществующей силе. Это политическое чутье может быть дано лишь воспитанием, т.-е. участием в той жизни, как бы она ни была немарксистична, которую предлагает русская действительность. Насколько „отрицание" было уместно (временно) на Западе, настолько у нас оно вредно, потому что отрицание, исходящее от чего-то организованного и имеющего фактическую силу—одно, а отрицание исходящее

из бесформенной массы разрозненных личностей-другое. Для русского марксиста исход один: участие, т.-е. помощь в экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности".

.Таковы выводы, которые откровенно формулировались автором „Credo".

Было бы неправильно думать, что эта попытка русских последователей Бернштейна навязать исповедуемую ими тактику всему русскому рабочему движению встретила широкое сочувствие и получила распространение в России.

Этого безусловно не было. Но была несомненная опасность, что при наличии партийного разброда, при отсутствии твердой теоретической линии среди большинства тогдашних организаций, все отдельные промахи и ошибки могут в результате создать благоприятную почву для подмены революционного марксизма самым подлинным реформизмом, с отказом от самостоятельной политической борьбы.

То обострение и подчеркивание экономического уклона, которым выделялась „Рабочая Мысль" говорили за то, что опасность эта не выдуманная, а реально существующая и что с нею необходимо вести борьбу.

В России одним из первых на эту борьбу выступил В. И. Ленин, составивший от имени группы ссыльных резкий протест, против „Credo" и течений, обнаруживавшихся среди с-демократических организаций России.

Главная же борьба с экономизмом разгорелась за границей.

Против экономизма там выступила группа „Освобождение Труда", настаивавшая на усилении политического элемента в работе с.-демократических организаций и выступлении партии с общенародной агитацией против самодержавия. Первоначально эта группа ограничивалась указаниями на неправильность тактики усвоенной практиками в России и устами П. Б. Аксельрода советовала русским товарищам „раздвинуть рамки и расширить содержание нашей агитации".

Но когда из далекой ссылки стали поступать за границу протесты против принижения роли с-демократии в рабочем движении, эта борьба вспыхнула довольно ожесточенно.

Заграничный „Союз русских с.-демократов", пополнявшийся притоком эмигрантов из России, проникнутых „экономистскими" тенденциями, выступил на защиту экономизма на страницах своего органа „Рабочее Дело", заимствуя сплошь и рядом доводы в защиту своей тактики у западно-европейских ревизионистов.

Группа „Освобождение Труда“ выдвинула тогда против экономизма тяжелую артиллерию в лице Г. В. Плеханова, который опубликовал свою брошюру „Vademecum“ (Путеводитель) для редакции „Рабочего Дела“, в котором с фактами и документами в руках устанавливал оппортунистический характер воззрений своих противников.

В самом заграничном „Союзе“ на этой почве произошел раскол и более революционно настроенное меньшинство выделилось из него, образовав революционную организацию „Социал-Демократ“, поставившую своей целью широкую пропаганду идей ортодоксального марксизма и борьбу с его теоретическими и практическими искажениями.

Вскоре группа „Освобождение Труда“ получила новое подкрепление в лице вернушихся из ссылки и перекочевавших за границу В. И. Ленина, А. Н. Потресова и Л. Мартова, задавшихся целью наладить за границей издание независимой революционной с.-демократической газеты и теоретического журнала, с помощью которых должно было быть положено начало теоретическому и организационному об'единению партии.

Газета была названа „Искрою“; ее девиз: „Из искры возгорится пламя“ был взят из ответа декабристов Пушкину.

Ее программа выдвигала на первый план образование сильной революционной партии, способной руководить рабочими массами в борьбе с царизмом и обеспечить им поддержку широких кругов демократии.

Теоретический журнал стал издаваться под заглавием „Заря“.

Выступая на борьбу с экономизмом, „Искра“, появившаяся в 1900 г., сразу же заявила, что „прежде чем об'единиться, надо размежеваться“.

Уже одно превосходство крупных теоретических сил, об'единившихся вокруг „Зари“ и „Искры“ обеспечило им быстрый успех. Но еще больше этому успеху содействовал и перелом в настроении рабочих масс внутри России, вызванный наступившим в самом конце 90-х годов промышленным кризисом.

Широкая полоса экономических стачек средины 90-х годов, под влиянием этого кризиса, сперва сменилась временным затишьем и наглядно демонстрировала рабочим, как непрочны все их приобретения, купленные упорной экономической борьбой.

А вслед затем, среди более передовой части пролетариата стало наростать стремление к протесту, направленному против всего уклада русской жизни, поддерживающего нищету и каторжные условия существования пролетариата.

Ярко революционное и политическое направление „Искры“ как нельзя более соответствовало этому изменявшемуся настроению рабочих масс.

Под влиянием этого же нароставшего чувства революционного протеста внутри рабочего класса быстро стала меняться и тактика большинства с.-демократических организаций в России.

Не прошло и двух лет, как от прежнего увлечения экономической борьбой пролетариата и преклонения перед стихийностью рабочего движения остались одни воспоминания, и наоборот, приходилось говорить о перегибании с.-демократическими организациями палки в другую сторону, о чрезмерном увлечении их чисто политическими выступлениями во вред экономической борьбе и работе по организации рабочей массы.

Этот же быстрый переход большинства с.-демократических организаций внутри страны к политической агитации, явившийся не столько следствием победы „политиков“ внутри партии, сколько отразивший на себе результат роста революционности в рядах самого пролетариата, свидетельствовал о том, что прежний „экономизм“ подпольных с.-демократических организаций вытекал не из склонности руководителей движения к оппортунизму, а скорее всего являлся результатом незрелости самого движения.

Более правильной поэтому нам представляется оценка экономизма В. И. Лениным, как периода „отрочества“, когда „бывает так, что у человека ломается голос, вот и у русской с.-демократии этого периода стал ломаться голос, стал звучать фальшью“ *),— чем попытки отыскивать „социальные корни“ экономизма в рабочем движении.

Если бы действительно „экономизм“ имел под собою прочный социальный базис, борьба с ним, несомненно, должна была бы принять иной характер и победа над ним не была бы такой легкой.

Интересно здесь отметить, что как раз в рабочей среде проявление тех настроений, скептицизма и недоверия к интеллигенции, которыми нам приходилось выше характеризовать „Рабочую Мысль“, имели, по свидетельству одного из активных работников Петербургского „Союза Борьбы“, „зерно здорового классового недоверия, которое получило лишь неправильное развитие“ и выгодно отличалось от настроений большинства затронутых пропагандой рабочих, которые готовы были смотреть на „Союз

*) Н. Ленин, Собрание сочинений, т. V, стр. 268.

борьбы", как „на какую-то благотворительную организацию, которая почему-то желает добра рабочим" *).

К моменту разгара борьбы „Искры" с экономизмом большинство этих настроений в рабочей среде несомненно было изжито под влиянием изменившихся внешних условий и нарастания в массах политического брожения.

Тем не менее борьба с экономизмом как на страницах „Искры" и „Зари", так и в специальных брошюрах продолжалась сторонниками „искровского" направления в высшей степени страстно.

Экономисты из „Рабочего Дела" склонны были упрекать своих противников в том, что они без нужды разжигают полемику и палят из пушек по воробьям.

Но помимо ряда теоретических промахов и тактических ошибок, защищавшихся самим „Рабочим Делом", к резкой борьбе с экономизмом „Искру" вынуждала и та вполне возможная реальная опасность для рабочего движения, которая заключалась в широких массах демократической интеллигенции, выступавших на политическую авансцену.

В начале 90-х годов эта интеллигенция во время споров марксистов с народниками широкой волной стала вливаться в рабочее движение, расценивая последнее как силу, которая должна низвергнуть основы старого порядка.

С началом же общественного пробуждения эта самая интеллигенция стала чувствовать потребность в собственной самостоятельной организации.

Переоценивая свои собственные силы, она не прочь была считать себя застрельщиком в разгоравшейся борьбе и не могла мириться с ролью, которая отводилась ей рабочей партией.

Полемическая борьба „Искры" несомненно помогла этому размежеванию. Небольшая часть этой социальной группы, которая сумела всецело проникнуться интересами классовой борьбы пролетариата, отдала свои силы на организационное строительство рабочей партии, а вся остальная масса ее пошла своим путем, отыскивая более приемлемую для себя, чем революционный марксизм, программу и создавая ряд новых политических группировок.

„Искровское" течение, отвечавшее об'ективным условиям развития рабочего движения в России, без особого труда стало завоевывать позиции внутри страны и в каких-нибудь 2—3 года одержало полную победу над экономизмом.

*) «Красная Новь» 1921 г., № 3, ст. Б. Горева. Марксизм и рабочее движение в Петербурге четверть века назад.

Влияние „Искры" на дальнейшее развитие рабочего движения становится доминирующим, и повсюду, где только с.-демократические организации были связаны с рабочими массами, выступления последних начали приобретать резко выраженный политический характер.

К средине 1903 г. эта работа по созданию идейного единства рабочей партии и подготовке ее организационного об'единения была закончена и дала возможность закрепить их созывом второго с'езда партии.

На-ряду с идейным об'единением за эти годы следует отметить и значительный рост рабочих с.-демократических организаций в России: с 9 число их возросло до 36, т.-е. увеличилось в четыре раза, тем самым свидетельствуя о значительном росте всего рабочего движения.

XXII

Развитие массового рабочего движения в XX столетии

После блестящего расцвета, характеризовавшего вторую половину 90-х годов, в начале XX столетия вся русская промышленность снова попадает в полосу тяжелого застоя.

Ряд неурожаев, охвативших значительную часть России, в особенности ее южные, наиболее плодородные губернии, в 1897—1901 г.г., отразился не только непосредственно на широких массах крестьянства, но дал себя сильно чувствовать и всей обрабатывающей промышленности и в особенности больно ударил по пролетариату.

Первые признаки начинающегося промышленного кризиса стали обнаруживаться еще в 1899 г., преимущественно в северном и западном промышленных районах, в особенности среди текстильных предприятий, так как они первыми должны были почувствовать сокращение потребления продуктов их производства крестьянским населением. В Белостоке закрылись почти все фабрики; та же картина наблюдалась в Лодзи и Варшаве, где рабочие тысячами выбрасывались на улицу и оставались без куска хлеба; безработица достигла таких размеров, что наблюдались случаи смерти от голода и истощения на улицах.

Промышленный кризис быстро стал распространяться и на другие отрасли промышленности и постепенно охватывал и остальные промышленные районы России. В 1900 году его уже сильно почувствовала центральная промышленная область, где многие мелкие фабрики совершенно прекратили производство, и на более крупных часть рабочих была распущена и заработная плата понижена; так, напр., на одной Реутовской фабрике в Москве было тогда уволено 1.200 рабочих, на Прохоровской мануфактуре—900 человек; понижение заработной платы доходило до 30%; многие фабрики стали работать по 2—3 дня в неделю. Иваново-Вознесенский район целиком был охвачен разразившимся кризисом.

Почти та же картина наблюдалась и на юге России, и среди петербургской промышленности. На одном только Путиловском заводе в Петербурге было рассчитано более 4.000 рабочих;

в железоделательной промышленности юга России сокращение производства выразилось также в крупном масштабе, и безработные насчитывались десятками тысяч. Не избегло кризиса даже нефтяное дело в бакинском районе, где к 1901 году число занятых на нефтяных промыслах рабочих сократилось с 34.000 до 27.000 рабочих, притом с значительным понижением заработной платы (до 25%). Но особенно сильно промышленный застой отразился на Донецком районе, где развилась самая жестокая безработица.

Так продолжалось дело вплоть до зимы 1902—1903 г., когда во всей русской промышленности, почти после трех лет застоя, стало намечаться оживление.

Эти годы тяжелого экономического кризиса не могли не отразиться на настроении рабочего класса, но в то время, как в предшествовавший период, как мы указывали, годы кризисов, сопровождавшиеся попытками предпринимателей вознаградить свои убытки путем усиленной эксплоатации рабочих, были в то же время и годами усиления стачечной борьбы русских рабочих, протестовавших против новых прижимок, теперь картина резко изменилась. Число стачек за эти годы кризиса сильно сократилось:

	Число стачек на отдельных фабриках	Число участников.
1898 г.	215	43.150
1899 г.	189	57.498
1900 г.	125	29.389
1901 г.	164	32.218
1902 г.	123	36.671

Это доказывает, что русский рабочий, наученный предыдущим тяжелым опытом борьбы, теперь не спешил бросаться снова в бой при первом же наступлении капитала; напротив, он как бы стал учитывать шансы возможного исхода борьбы и старался отложить ее до более благоприятного момента. И действительно, 1903 год, когда русская промышленность стала оправляться от перенесенного кризиса, характеризуется самой упорной стачечной борьбой рабочих, которые, как бы пользуясь выгодной кон'юнктурой рынка и заинтересованностью предпринимателей возможно сильнее развить производство после застоя, спешат вернуть все отнятое в годы кризиса, а при возможности добиваются и нового улучшения своего положения.

Ниже мы еще вернемся к описанию картин героических схваток русского рабочего класса в этом году, здесь же следует отметить, что общее число забастовок в этом году сразу поднялось до 550.

На-ряду с выдержанностью и учетом сил в этот период рабочее движение в России делает еще один крупный шаг вперед, переходя от стачечных форм борьбы к открытым массовым выступлениям широких рабочих масс, являвшимся, в свою очередь, лишь преддверием открытой революционной борьбы русского пролетариата в 1905 году.

Подводя итоги рабочего движения в конце XIX столетия, мы уже указывали, что оно привело к известному улучшению экономического положения рабочего класса, содействовало поднятию его умственного уровня, сознания собственного достоинства, роста культурных потребностей и, что особенно важно, положило прочное основание сознанию единства рабочего движения и общности интересов рабочего класса.

Рабочие сознавали местами смутно, а местами, как, напр., в Петербурге, убедились в этом на собственном опыте, что добиться сколько-нибудь прочного улучшения для них возможно только путем совместных выступлений на борьбу огромных масс рабочего класса, что борьба рабочих отдельной фабрики очень часто бывает обречена на неудачу и никогда не может дать прочных завоеваний.

Преобладающим мотивом стачек продолжала являться борьба за заработную плату, сокращение рабочего времени, недовольство администрацией завода, и стачки продолжали носить характер экономической борьбы, но при большой интенсивности стачечного движения рассматриваемого периода и при росте классового самосознания рабочих масс отсутствие политической свободы так остро ощущалось участниками стачек, что для политической агитации развернулось самое широкое поле деятельности.

Промышленный кризис, показав наростание сознательности в рядах борющегося пролетариата, первоначально подействовал на рабочую массу скорее угнетающе, так как большинство улучшений условий труда, купленных дорогой ценой упорной борьбы, оказались весьма непрочными и были легко отняты капиталистами.

Но вслед за этим чувством угнетения в рабочих массах, в особенности в крупных промышленных центрах, стало пробуждаться острое чувство недовольства своим положением и наростал протест против значительно ухудшившихся условий существования и того общественного порядка, который обрекал рабочих на полное бесправие в борьбе.

Чувствовалось, что необходим только толчок, чтобы это недовольство широкой волной прорвалось наружу и направилось уже не только против отдельных капиталистов, но против всего самодержавного режима в целом.

Уже к концу предыдущего десятилетия всякий раз, как только стачка охватывала более или менее значительное количество рабочих, она неизбежно принимала „антиправительственный" характер, порою переходя непосредственно в открытые боевые выступления рабочего класса.

Так, напр., еще в 1898 г. во время забастовки на фабрике Максвеля в Петербурге, когда полиция задумала проникнуть в одну из фабричных казарм, чтобы арестовать нескольких участников стачки, рабочие оказали ей и вызванным казакам продолжительное и упорное сопротивление, а фабричому инспектору рабочие на-ряду с чисто экономическими требованиями заявили о необходимости свободы собраний и стачек.

Задачи, стоявшие перед рабочим классом к началу XX столетия, были так велики и грандиозны, что для осуществления их недостаточно было разрозненных выступлений рабочих масс какого-либо промышленного центра или района, а необходимо было организованное об'единение всего рабочего класса, и даже не его одного, а всех классов населения, заинтересованных в свержении самодержавного строя.

А вот этих-то предпосылок, без которых, казалось, немыслимым дальнейшее развитие движения, как-раз и не было на-лицо.

Все классы общества, начиная от рабочих и крестьян и до отдельных групп капиталистов и помещиков, чувствовали на себе тяжелую лапу самодержавной бюрократии, которая всюду давила свободу мысли и слова, стремилась все опекать, не признавала за населением прав на самоуправление, не разрешала организаций, не считалась с самыми жизненными интересами, как всего населения, так и отдельных классов, но требовала беспрекословного подчинения своим распоряжениям и не останавливалась перед суровыми репрессиями в отношении всех непокорных.

Но для борьбы с самодержавием за свои интересы остальные классы и группы общества были еще менее подготовлены, чем рабочий класс.

Рабочему классу поэтому пришлось стать застрельщиком в начинавшейся борьбе и своими выступлениями пробуждать и в остальных группах сознание неизбежности борьбы с самодержавным режимом и стремление принять в ней участие.

Но и сам рабочий класс далеко не был готов к этой борьбе.

В самом деле, предшествовавшие годы борьбы рабочих с классом капиталистов положили прочное основание организации

рабочего класса; вмешательство в эту борьбу полиции, войск, администрации и свирепые расправы со стачечниками вызывали справедливое озлобление в рабочих массах, направленное не только против слепых исполнителей этих расправ, но нередко и против самого политического строя. Более сознательных рабочих эта борьба воспитывала политически и вырабатывала из них стойких борцов за коренное переустройство существующего строя.

Наконец, пропаганда и агитация существовавших рабочих кружков и соц.-демократических организаций содействовали распространению в рабочих массах правильных социалистических и политических идей. Но было бы большой ошибкой думать, что все это достаточно подготовило весь рабочий класс к борьбе за социальное и политическое освобождение.

Политически достаточно развитыми были только верхи рабочего класса, т.-е. численно весьма ограниченный круг рабочих; вся же миллионная рабочая масса оставалась даже малограмотной, а частью и совершенно безграмотной не только в переносном смысле — безграмотной политически, но и прямо—в буквальном значении этого слова. В особенности это верно относительно тех слоев рабочих, которые из года в год десятками тысяч приходили к фабричным станкам прямо от сохи, еще не успев отрешиться от своих деревенских предрассудков и еще лично не изведав условий борьбы за собственные интересы.

Точно так же обстояло дело и с организацией рабочего класса. Под влиянием все расширявшейся экономической борьбы стремление к организации у рабочих было большое, но полицейские преследования мешали этому стремлению осуществляться; благодаря этому даже в экономических организациях рабочих— в стачечных кассах борьбы, которые были принуждены работать тайно, принимали участие только очень немногие, а о политических кружках и организациях рабочих не приходится и говорить. Суровые полицейские условия, грозившие ссылкой и каторгой за участие в партийной соц.-демократической работе, еще более затрудняли вступление рабочих в такие организации, и число членов их было еще более ограничено. В годы наибольшего расцвета такие крупные организации, как „Московский рабочий союз“ или „Петербургский союз борьбы“, насчитывали своих членов сотнями — и это считалось большим успехом организации, но, конечно, по сравнению с сотнями тысяч рабочего населения этих городов,— это было каплей в море. Вся остальная многотысячная рабочая

масса оставалась по существу совершенно неорганизованной *), а, между тем, потребность в таких самых широких организациях с каждым годом ощущалась все острее и острее.

Печальнее всего дела рвеолюционной рабочей организации к началу XX столетия обстояли именно в Москве, где, благодаря спехам провокаторской политики начальника московского охранного отделения, ни одна из с.-демократических организаций, начиная со средины 90-х годов, не могла пустить сколько-нибудь прочных корней. В 1899 г. за эту работу воссоздания московской организации принялся, было, „харьковский кружок пропагандистов", но и эта попытка потерпела крах, так как большинство участников немедленно же было из'ято охранным отделением. И когда в 1901 г. в Москву и Московскую губ. стали возвращаться соц.-демократы первых призывов (И. И. Степанов, Базаров и др.), успев уже перенести ссылку, и пожелали вновь принять участие в революционной работе, то первая же попытка их собраться вместе и обсудить план работы повела к провалу.

Вот в каких траги-комических тонах повествует об этом один из участников этой попытки:

„Предполагалось, что мы соберемся на солидной квартире, у какого-нибудь крупного „стачечного" адвоката. Но „сочувствующие" адвокаты в последний момент струсили. Я с удивлением узнал, что мы собираемся у Л. Л. Никифорова, за которым была великая слежка. Но делать было нечего. Никифоров занимал тогда маленькую комнату в доме по Косому переулку. Часам к восьми вечера у него собрались все приглашенные... Л. Л. Никифоров, который лежал на постели,—его обычное положение,—приподнявшись, заявил: „Товарищи, честь имею представиться: Московский комитет социал-демократической партии. Кооптирую вас всех". Таково было положение в Москве. От всего, что сделала харьковская группа „интеллигентов-пропагандистов", сохранился только Никифоров. В его лице был в е с ь тогдашний московский комитет. И совершенно естественно, приступая к расширению работы, этот комитет всех нас кооптировал... Недолго существовал наш комитет 1901 года. Прошло не более 1½ часов с момента нашей кооптации, как раздались сильнейшие звонки в парадную и черную двери, и в квартиру ввалилось целое воинство городовых и охранников ... "**)

*) Исключение в этом отношении к началу XX столетия составляли только Северо-Западный край и Царство-Польское, где среди польского и еврейского пролетариата успели сложиться более широкие организации.

**) И. Степанов. „Из воспоминаний" (Сборник „На заре рабочего движения в Москве", стр. 107).

Было бы, конечно, ошибочно только-что приведенную картинку попыток создания партийной соц.-демократической организации понимать в том смысле, что ими только и ограничивалась вся революционная работа в рабочей среде Москвы. Напротив, нам определенно известно, что именно в этот момент существовало несколько отдельных кружков и еще больше революционеров-одиночек, которые вели работу совершенно самостоятельно, но прочной организации в Москве долго не удавалось создать.

Любопытно, что в обывательской среде, не исключая и рабочих, представления о силе и мощи революционных соц.-демократических организаций были всегда преувеличены.

Такую же преувеличенную оценку этих организаций приходится встречать и в официальных документах департамента полиции: „Под влиянием усиленной тайной пропаганды,—писало министерство внутренних дел в 1903 г.,—в рабочей среде в настоящее время—особенно в промышленных центрах—быстро и широко развиваются рабочие организации. В Москве, в Петербурге и во Владимирском районе подпольная организация прочно укоренилась и, вероятно, в нее ныне входит $^{8}|_{10}$ всех рабочих".

Трудно допустить, чтобы вдохновители охранного дела в России верили всерьез своим собственным утверждениям; вернее всего, что в данном случае они попросту старались нарисовать страшную картину роста крамолы, чтобы тем легче было добиваться всяких сметных и сверхсметных ассигнований, наград и прочих материальных благ. Верить же им могли потому, что, не взирая на отсутствие прочных организаций, рабочее движение ширилось и росло.

Между тем, рабочее движение по существу своему со второй половины девяностых годов, под влиянием роста сознательности, с одной стороны, и усиления полицейских репрессий—с другой, становится все более и более политическим. Рабочие организации, руководившие прежде профессиональной борьбой рабочих, теперь оказались вынужденными руководить их политической борьбой, порою совершенно не обращая внимания на экономические столкновения рабочих с предпринимателями и не имея возможности уделять силы для руководства этой борьбой. И, более того, вследствие усиления полицейских преследований, политические организации среди рабочих стремятся теснее законспирироваться, замкнуться в узком круге людей испытанных и надежных и благодаря этому еще более отрываются от рабочей массы.

Политическое движение, выливавшееся, главным образом, в демонстрациях, могло привлекать к себе только более или менее сознательных рабочих, понимавших тесную связь политического строя с их экономическим положением; для более же отсталых слоев пролетариата, еще не успевших усвоить на горьком опыте эту связь, призывы к политической борьбе оставались часто непонятными, и они на них не откликались, а нежелание организации вникнуть ближе в их жизнь, в фабричные порядки, заинтересоваться их экономической борьбой и помочь в ней, создавали даже известную отчужденность между организацией и серой рабочей массой.

Таковы были условия дальнейшего развития рабочего движения в начале XX столетия. Мы нарочно более подробно остановились на них, так как без этого было бы трудно правильно оценить как силы рабочего класса и достигнутые им успехи в борьбе, так и теневые стороны движения.

К этому времени подавляющее большинство соц.-демократических организаций в России уже успело отказаться от узких взглядов на очередные задачи рабочего движения, завещанных „экономизмом", и повсюду в своей работе перешло в широких размерах к политической агитации, умело связывая последнюю со всеми, даже мелкими злободневными событиями.

Так как условия полицейского режима сильно затрудняли устройство многолюдных рабочих собраний, то агитация велась, главным образом, посредством прокламаций и листков, разбрасываемых по заводам, мастерским, а часто и по всему городу.

Начиная с 900-х годов, количество листков, выпускавшихся соц.-демократическими организациями в России, непрерывно возрастало, не взирая на самые свирепые преследования жандармов и полиции. Достаточно указать, что в одном только 1904 году была арестована 21 тайная соц.-демократическая типография! Но эти провалы отнюдь не останавливали революционной работы. На место арестованных печатных станков моментально появлялись новые, и новые листки как бы дразнили жандармов своим появлением.

Этому же делу широкой агитации служили и довольно многочисленные соц.-демократические местные органы. Так в Киеве с 1896 г. выходил „Вперед", в Петербурге с 1897 года—„Рабочая Мысль", в Харькове с 1900 г.—„Южный Рабочий", в Саратове с 1901 г.—„Рабочая Газета", в Нижнем-Новгороде—„Нижегородская Рабочая Газета", в Сибири—„Сибирский Рабочий". Однако,

большинство этих изданий было недолговечно и только „Рабочей Мысли“ удалось дотянуть до 17 номера.

Начало политическим демонстрациям XX столетия было положено не рабочими, а русским студенчеством. Эта общественная группа, как наиболее чутко воспринимавшая все недочеты тогдашней русской жизни, раньше остальных слоев русского общества выступила с открытым протестом против самодержавия.

Первые же демонстрации студентов произвели очень сильное впечатление на рабочих, в особенности на передовой слой рабочего класса, среди которого поднялись усиленные толки о том, „чего хотят студенты и за что их высылают“. Литература, в которой говорилось о студенческом движении, читалась рабочими нарасхват. Аресты студентов-демонстрантов, отправление их под конвоем в тюрьмы, проводы высылаемых, сопровождавшиеся призывными речами к борьбе,—все это захватывало рабочих, и они охотно собирались на вокзалах при проводах высылаемых, чтобы открыто выразить свое сочувствие студентам.

„И чего эти студенты к нам, рабочим, не обратятся? Мы бы их поддержали“,—говорили по поводу студенческих беспорядков рабочие г. Костромы.

Такое же впечатление на рабочих произвели студенческие демонстрации в Москве, Харькове, Казани и других городах.

В Харькове в 1901 г. студентами была организована демонстрация в день сорокалетия освобождения крестьян. Собравшиеся на демонстрацию студенты были избиты казаками и арестованы.

Когда весть об этом разнеслась по городу, на место демонстрации явилась масса рабочих, городских ремесленников, которые стали оказывать сопротивление полиции и казакам. Демонстрация продолжалась весь день до поздней ночи; рабочие защищались камнями; арестовано из них было более 200 человек.

1-го мая рабочие устроили самостоятельную демонстрацию.

Еще более активное участие в 1901 году приняли рабочие в студенческих демонстрациях в Москве. 24 февраля к студентам и курсисткам, собравшимся около университета и требовавшим возвращения товарищей, сданных в солдаты, примкнуло много рабочих. Казаки неоднократно атаковывали демонстрантов, били их нагайками и выхватывали из толпы отдельных лиц, но прекратить демонстрацию не могли. Особенно упорное сопротивление оказывали им рабочие; они пытались также освободить арестованных и заключенных в манеже студентов и уже выломали, было, двери, но должны были уступить перед нахлынувшими

эскадронами конных жандармов и казаков. На следующий день возбуждение достигло высшей степени: в демонстрации приняли участие десятки тысяч рабочих. Казаки оказались не в силах рассеять их; для противодействия натиску казаков, студенты быстро соорудили баррикады из бульварных скамеек и в течение всего дня успешно отбивались от казаков в разных частях города.

Начиная с 1900 года, в разных местах России рабочие пытаются и самостоятельно организовывать демонстрации; больше всего таких демонстраций было связано с попытками праздновать 1-е мая; но устройство демонстраций далеко не ограничивалось только этим днем и этим поводом. Постепенно рабочие организации научились использовать накоплявшееся в рабочей среде чувство протеста и назначали демонстрации при каждом сколько-нибудь крупном событии, задевавшем рабочее население. Такими поводами обычно являлись: расправа полиции со стачечниками, суд над рабочими, голодовки арестованных в тюрьме и т. п.

Иногда такие призывы находили отклик в самых широких слоях рабочего населения, и тогда успех демонстрации был обеспечен. Но так как социал-демократические организации в этот период становились все более оторванными от рабочих масс, то нередко случалось, что призывы их к протесту оставались непонятными рабочим, и в таких случаях демонстрации были обречены на неудачу и оканчивались ненужными жертвами.

Наиболее удачными были демонстрации, которые удавалось соединить с возникавшим стачечным движением рабочих.

Так, в Петербурге в 1901 году празднование первого мая привело к крупным столкновениям рабочих с войсками и полицией в двух разных частях города—на Выборгской стороне и Шлиссельбургском тракте.

На Выборгской стороне 4 мая началась забастовка ткачей на нескольких фабриках; когда же против стачечников, собиравшихся на улицах, были двинуты войска и полиция, рабочие забаррикадировались в двух переулках и долго оказывали сопротивление; выбитые, наконец, оттуда, они продолжали оказывать сопротивление полиции в своих квартирах.

На Шлиссельбургском тракте 3.000 рабочих Обуховского завода соорудили баррикады и встретили подошедшую роту солдат градом камней. Солдаты дали залп; 6 человек рабочих было убито, а 8—тяжело ранено; 37 рабочих было предано суду, из них 2 пошли на каторгу на 6 и 5 лет, 20 человек приговорены

арестантским ротам от 4—5 лет, 7—к тюремному заключению от 1½—4 лет и 8—оправдано.

Эта жестокая расправа привлекла к Обуховскому делу внимание не только русского, но и западно-европейского пролетариата: международное социалистическое бюро выразило горячие симпатии русским рабочим в их борьбе с самодержавием. Революционизирующее же влияние таких событий, как борьба обуховских рабочих, на всю пролетарскую массу в России и в особенности на передовой слой ее было огромно.

Вскоре после обуховских событий один петербургский рабочий писал своему товарищу по поводу прочитанного им номера „Искры":

„Я многим товарищам показывал, и весь номерок истрепался а он дорог, много дороже „Мысли", хотя и нет там наших строк. Там про наше дело, про все русское дело, которое копейками не оценишь и часами не определишь. Рабочий народ теперь легко может загореться, уже все тлеет внизу, нужна только искра и будет пожар. Ах, как это верно сказано, что из искры возгорится пламень. Раньше каждая стачка была событие, а теперь каждый видит, что одна стачка—ничего, теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее. Теперь уже нам не кассы нужны, не кружки, даже не книжки,—теперь просто учи, как в бой идти, как в бою воевать".

Еще более характерно для определения настроения рабочей массы появившееся на страницах той же „Искры" письмо работницы, потерявшей близкого ей человека во время столкновения на Самсониевском мосту.

„Видели, как он был впереди, это он крикнул: „да здравствует революция", и как потом упал..."

„Вы не знаете, как мне было обидно и это одинаково всем нам, всем очень хотелось пройти на Невский или в город, уж очень горько было умирать, как собакам, в углу, чтоб никто не видел даже этого. Вот что еще я хотел сказать вам: хоть и очень многих у нас взяли, может их нет больше совсем, и все-таки мы твердо стоять будем".

„Вы не смотрите, что за работу взялись, теперь такое время, что на бросании работы никто стоять не будет. Теперь всем нужно больше, всем на улицу хочется. Б. говорил, что жаль, что знамени у них не было. Другой раз и знамя будет, и пистолетов достанут: на камнях, да на ножах далеко не уедешь, как начнут штыками колоть".

Такой же бурный характер приобрело в это время рабочее движение на Кавказе. От мирной стачечной борьбы, сопровождавшейся значительными успехами, оно скоро перешло к борьбе политической. Местные рабочие организации пользовались довольно большим влиянием в рабочей среде, ими были организованы постоянные правильно функционировавшие кассы и они успешно руководили как экономическими, так и политическими выступлениями рабочих. Стачки и демонстрации, сменявшие друг друга, вскоре разлились по всему Кавказу, начавшись в 1901 г. в Тифлисе, где 3.000 рабочих с красными знаменами и пением революционных песен прошли через весь город и оказали энергичное сопротивление полиции. В следующем году к Тифлису присоединились Батум, Баку и даже такой захолустный город, как Кутаис.

Уже с 1898 г. в Тифлисе началось празднование рабочими 1-го мая; первые два года празднество происходило в тесном кругу из-за опасения провалов, но в 1900 году на маевку была привлечена рабочая масса, и праздник прошел с большим под'емом; собрание было устроено, правда, за городом и с соблюдением предосторожностей, на нем участвовало свыше 500 чел. и оно явилось поворотным пунктом к выступлению всего кавказского пролетариата на открытую политическую борьбу.

Особенно упорный характер приняла борьба рабочих в 1902 г. в Батуме.

Здесь в конце февраля 1902 г. началась стачка рабочих на заводе Ротшильда, вызванная попыткой администрации завода уволить несколько сот старых рабочих. В стачку не замедлила вмешаться полиция и арестовала „зачинщиков" стачки. Тогда, на следующий день, к полицейскому управлению явилась толпа рабочих в 400 человек и стала требовать освобождения арестованных товарищей или собственного ареста. Демонстранты были арестованы. Но на следующий день собралась уже толпа в несколько тысяч человек, окружила пересыльную тюрьму и пред'явила те же требования. Были вызваны войска, и в результате столкновений с ними на месте „боя" осталось 14 человек убитых и 60—80 раненых.

В Прибалтийском крае, где рабочее движение стало широко развиваться со средины 90-х годов и уже в 1897 г. подверглось сильному полицейскому разгрому, переход к массовой политической агитации осуществился еще в 1901 г., когда в Риге, Митаве и Либаве впервые были широко распространены призывы к празднованию 1-го мая.

Менее бурно проявлялось в этот период стачечное движение в остальной России, но стачечная борьба продолжалась почти повсюду, несмотря на тяжелый промышленный кризис, начавшийся с самого конца XIX столетия. Рабочие всюду оказывали довольно сильное сопротивление стремлению предпринимателей воспользоваться кризисом и отвечали стачками на все попытки возвратиться к старым вычетам, штрафам, понижению платы, установлению произвольных расценок, удлинению рабочего дня и т. п.

Политические выступления рабочих также не прекращались,—напротив, с осени 1901 г. они делаются все более и более обычным явлением русской жизни, и рабочие начинают прибегать к ним почти при каждом проявлении произвола со стороны местных властей. В особенности они участились на западе и юго-западе России среди еврейского пролетариата.

1-е мая 1902 г. было отпраздновано крупными политическими выступлениями в большинстве промышленных центров. В Саратове и Нижнем-Новгороде рабочие поплатились за эти демонстрации преданием суду, а в Вильне, Екатеринославе, Кременчуге и Минске к участникам демонстраций, попавшим в лапы полиции, была применена новая, до того неслыханная мера издевательства и унижения человеческой личности,—они были подвергнуты наказанию розгами.

Полиция рассчитывала этой мерой положить конец политическим выступлениям, но добилась только обратного. Вопль возмущения и озлобления пронесся по пролетарским рядам, заставляя сознательных борцов еще теснее сплотиться и готовиться к решительной схватке с насильниками.

Особенно широко развилось в этот период рабочее движение среди железнодорожных рабочих. Благодаря тому, что железнодорожные рабочие оказались гораздо менее остальных слоев пролетариата затронутыми кризисом, они не только оказали энергичное сопротивление ухудшению условий труда и усилению гнета со стороны администрации, но и могли выдвинуть целый ряд новых требований, добиваясь повышения расценок, сокращения рабочего дня до 8 часов, полной отмены штрафов и т. п.

Движение среди железнодорожников охватило почти всю Россию; оно не было об'единено организационно; выступления рабочих были разрознены, но требования, выставляемые ими, всюду были одни и те же.

Еще в конце 1898 г. на Закавказской железной дороге произошла крупная стачка вызванная тем, что, после выкупа дороги в казну, многие льготы, которыми пользовались рабочие, были у них отняты.

На ст. Михайлово недовольство рабочих выразилось в том, что они свои протесты стали заносить в жалобную книгу, а когда эта мера воздействия оказалась тщетной, — решили забастовать.

В Тифлисе прекратили работу крупные железнодорожные мастерские, в которых работало до 5.000 человек; забастовка стала распространяться по всей линии; прекратили движение товарные поезда.

В стачке приняли участие несколько тысяч рабочих железнодорожных мастерских, кондукторов, машинистов и др. Местная администрация сперва хотела свести стачку к подстрекательству армян, чтобы этим путем посеять среди рабочих рознь, но делегаты рабочих решительно отвергли эти происки администрации, заявив, что армяне тут не при чем, что все рабочие без различия национальностей одинаково недовольны новыми порядками и подстрекать кого-либо нет надобности. Местами стачки стали выливаться в шумные манифестации, против которых администрация пыталась двинуть войска. Благодаря вмешательству министра путей сообщения, требования рабочих были быстро удовлетворены, но наиболее активные рабочие подверглись все же арестам и высылкам.

В 1899 г. началась экономическая борьба рабочих железнодорожных мастерских в Красноярске и в Ростове-на-Дону. Из Красноярска рабочее движение распространилось по всей линии Сибирской жел. дор.

В 1900 г. волновались железнодорожные рабочие в Харькове, приняв участие в первомайской демонстрации.

В августе этого же года разразилась крупная железнодорожная забастовка в тифлисских мастерских, в которой приняло участие до 4.000 ч. Рабочие выставили требование 8-мичасового рабочего дня, повышения заработной платы на 30%, уничтожения сверхурочных работ, вежливого обращения и ряд других. Администрация решила не уступать и прибегла к массовым арестам. До 1.500 человек попало в тюрьму, и стачка окончилась поражением рабочих.

В 1901 г. стачки в железнодорожных мастерских происходили в Саратове, Тамбове, Тифлисе; в 1902 г. повторилась стачка в Красноярске; в 1903 г. стачки происходили в Варшавских железнодорожных мастерских в Петербурге и мастерских общества Юго-Восточных жел. дор. в Борисоглебске.

Не ограничиваясь устройством стачек для защиты своих экономических интересов, железнодорожные рабочие во многих

городах приняли активное участие и в общем движении пролетариата. Пробуждение железнодорожного пролетариата к сознательной политической жизни и участие его в экономической борьбе заставило русское правительство уже в конце 1902 года образовать „Особое совещание для обсуждения мероприятий к прекращению преступных покушений на безопасность движения на нашей рельсовой сети". Отдельные представители путейского ведомства, как, например, начальник Юго-Западных железных дорог Немешаев, высказывались при этом за удовлетворение важнейших требований железнодорожных рабочих: сокращение рабочего дня, сохранение полной поденной платы за время болезни, учреждение похоронных касс, улучшение быта ремесленных учеников и т. п. Совещание, однако, не пошло по пути удовлетворения этих справедливых требований железнодорожных рабочих. Констатировав, что „явления последнего времени показали, что беспорядки, отражавшиеся весьма неблагоприятно на правильности и безопасности движения, имели свой корень в среде железнодорожных рабочих",—совещание решило для борьбы с развивающимся среди железнодорожников рабочим движением попытаться развратить их, бросив подачку одной части рабочих.

Для осуществления этого было предположено „в целях создания среди рабочих более устойчивого кадра, могущего оказывать противодействие внешним неблагоприятным влияниям", из общего числа 125.000 железнодорожных рабочих выделить группу рабочих железнодорожных мастерских и паровозных депо числом до 40.000 человек, наделив их правами штатных служащих, чтобы они, „дорожа своей службой, давали бы отпор всем попыткам к нарушению правильности работ".

Но эта тонкая попытка расслоить рабочих успеха не имела, и успокоения среди железнодорожных рабочих не наступило.

Наконец, в начале XX столетия рабочее движение начало захватывать и группы рабочих, до того еще не затронутых движением, проникая во все уголки России, не исключая Сибири и Средне-Азиатских владений.

Так, напр., совершенно неожиданно в 1902 г. начало вспыхивать стачечное движение среди сельско-хозяйственных рабочих; особенно сильно оно разлилось летом 1902 г. на Кубани и, повидимому, явилось отзвуком весенних крестьянских волнений на юге и юго-востоке России. Движение это, благодаря низкому политическому уровню сельско-хозяйственных рабочих, приняло стихийный характер и было направлено, главным образом, против введения

сельско-хозяйственных машин, вызвавших сокращение спроса на рабочие руки.

Проснулся в это время, между прочим, и Донецкий район, где производство было децентрализовано, а среди рабочих преобладали недавние выходцы из деревень.

Рабочее движение в Донецком бассейне началось еще со средины 90-х годов и носило, как и всюду, первоначально стихийный характер. Стачки обычно проходили бурно, сопровождались порчей заводского имущества, разгромом зданий и т. п.

К началу XX столетия, когда промышленный кризис очень сильно захватил всю металлургическую и угольную промышленность, и положение рабочих еще более ухудшилось, бунты шахтеров приняли еще более грандиозные размеры.

В одной из шахт выведенные из терпения рабочие изломали вагонетки, сбили помпы, спустили машину, разгромили контору, а затем огромной толпой отправились по соседним шахтам и селам. Местные крестьяне, относившиеся весьма недружелюбно к шахтерам, как к элементу чуждому и очень неспокойному, выступили против них и „дубьем" помогали их усмирению.

Более мирные выступления рабочих, благодаря кризису, также не приносили рабочим победы, заканчиваясь зачастую вмешательством полиции и казаков, а эти вмешательства опять-таки толкали озлобленную рабочую массу на разгромы.

С начала нового столетия среди шахтеров началась планомерная социалистическая агитация, которая в этой забитой и измученной рабочей среде встречала повсюду сочувствие, но недостаток передовых рабочих и отсутствие местной интеллигенции мешали быстрому развитию и укреплению движения.

Но наиболее выдающимися событиями в истории рабочего движения в этот период являются, во-первых, стачка в Ростове на-Дону в конце 1902 г. и всеобщие стачки, охватившие летом 1903 года весь юг России и Кавказ.

Сам город Ростов-на-Дону вовсе не является центром фабрично-заводской промышленности. В описываемое время в нем вместе с Нахичеванью насчитывалось не более 10.000 рабочих, что составляло менее 10% всего населения. Преобладали мелкие заводы и мастерские, главным образом обслуживавшие нужды сельского хозяйства. Из более крупных заводов в городе были железоделательные, с более развитым составом рабочих, и табачные фабрики, на которых по преимуществу работали забитые, неграмотные и невежественные женщины. Наиболее же активным

элементом являлись рабочие железнодорожных мастерских как в самом Ростове-на-Дону, так и на прилегающих станциях. Когда в 1901 году здесь впервые появились листки с призывом праздновать 1-е мая, они были встречены по-разному: рабочие железоделательных заводов стали поговаривать о необходимости устроить демонстрацию, работницы же табачных фабрик стали ждать, что люди, выпустившие листки, позаботятся о них, сократят им рабочий день до 8-ми часов и позовут их в степь с красными флагами.

Весной 1902 года рабочее население прилегающих к Ростову на-Дону станиц и станции Тихорецкой было взволновано нашумевшим тогда на всю Россию делом Золотовой,—молодой девушки, которая подверглась, как утверждала всеобщая молва, изнасилованию казаками в сторожке при станции Тихорецкой и покончила там жизнь самоубийством. Начальство стремилось замять это дело, но рабочие Тихорецких железнодорожных мастерских поднялись на защиту поруганной чести девушки; к ним примкнули рабочие соседних станций, и движение закончилось разгромом станичного правления, железнодорожной станции, избиением полиции и казаков.

Это выступление рабочих заставило правительство произвести специальное расследование о причинах смерти Золотовой, и результаты расследования были опубликованы министерством юстиции.

Ростовская стачка, к описанию которой мы теперь перейдем, началась по следующему незначительному поводу.

2-го ноября в субботу забастовали котельщики железнодорожных мастерских; стачка была вызвана обсчитыванием со стороны мастера. Через два дня к стачке примкнули рабочие остальных цехов в количестве около 4.000 человек и выставили требования сокращения рабочего дня до 9 часов, повышения заработной платы на 20%, отмены штрафов за неявку на работу, вежливого отношения со стороны мастеров, устройства школы для детей абочих и ряд других.

На следующий день после об'явления забастовки в железнодорожных мастерских состоялась сходка, в которой приняли участие и посторонние рабочие; выступавшие на сходке ораторы призывали рабочих устроить демонстрацию, произносили речи на политические темы, но большинство собрания от устройства демонстрации пока уклонилось, а стачку решило продолжать. Более пожилые рабочие вначале протестовали даже против политических речей.

Местная социал-демократическая организация выпустила листки ко всему населению гор. Ростова с призывом поддержать железнодорожных рабочих и присоединиться к стачке. На этот призыв сразу же откликнулись железнодорожные рабочие соседних станций, Тихорецкой и Новороссийска, и примкнули к стачке.

На ст. Тихорецкой устроенный рабочими митинг был разогнан казаками, пустившими в ход оружие, причем 5 рабочих было убито и много тяжело ранено.

Рабочие самого г. Ростова вначале примыкали к стачке туго, но зато охотно посещали собрания в железнодорожном депо. К 8-му ноября число посетителей на этих собраниях возросло настолько, что депо уже не могло вместить всех желающих. Тогда решено было перенести сходки за город, в балку, расположенную за поселком Темерник. Там под открытым небом в течение 5 дней продолжались собрания, привлекавшие десятки тысяч слушателей, не только рабочих, но из всех слоев городского населения. Такие огромные собрания с откровенными речами на политические темы в то время были до того необычны не только для г. Ростова, но и для всей России, что на них стало стекаться все окрестное население. В самом Ростове в эти дни почти совершенно прекратилась торговля, закрылись ренсковые погреба, трактиры; весь город стремился принять участие в народных собраниях и жадно выслушивал политические речи.

Против движения были только фабриканты да купцы, но все их обращения к администрации с просьбами положить конец движению ни к чему не приводили, так как полиция чувствовала себя бессильной бороться с быстро разросшимся движением.

К 9-му ноября в Ростов прибыл наказной атаман с полком донских казаков, но и он не решился сразу принять строгие меры, а выразил желание принять делегацию рабочих для выяснения их требований. Когда же такая делегация, избранная на общем собрании в балке, была к нему направлена, он ей ответил что требования рабочих „незаконны“, а введение девятичасового рабочего дня—„несвоевременно“.

На следующий день собрание в балке было специально разрешено, чтобы делегация могла передать рабочим ответ атамана. Как-раз это пришлось на воскресный день, и за Темерником собралось до 30.000 народа; кроме населения гор. Ростова, присутствовали делегаты от рабочих из Батайска, Екатеринодара, Ставрополя, Таганрога, Тихорецкой и других окрестных городов, куда успели распространиться известия о ростовских событиях и где

рабочие также волновались и, не ограничиваясь посылкой делегатов, местными силами устраивали сочувственные забастовки. На собрании было вынесено решение на работу не идти и забастовку продолжать до полного удовлетворения требований.

На следующий день, по распоряжению атамана, балка с утра была занята казаками, но явившиеся на собрание рабочие оттеснили их, и сходка состоялась и в этот день.

Несмотря на вмешательство полиции и казаков, собрания рабочих продолжались и в следующие дни, но не такие уже многочисленные, так как городское население, напуганное столкновениями с казаками, перестало их посещать. Стачка также продолжала разрастаться; к бастовавшим примкнули работницы табачных фабрик, присоединились пекаря и другие ремесленники.

Тогда, наконец, по распоряжению атамана, были приняты самые решительные меры. С утра 15-го ноября Темерник был наводнен войсками и отрезан от города цепью казаков, никого туда не пропускавших. Затянувшаяся стачка стала затихать и 25-го ноября, когда принялись за работу рабочие железнодорожных мастерских, совершенно прекратилась.

Рабочие не добились выполнения выставленных ими требований, так как делать уступки стачечникам было строжайше запрещено администрацией, но тем не менее ростовские события имели огромное значение как для самого рабочего класса, так и для всей демократии России. В Ростове впервые широкие демократические массы примкнули к движению и убедились, что вместе с рабочим классом они являются грозной силой, с которой не может не считаться и всевластная администрация. В рабочем же классе эти демократические слои увидели наиболее преданного и самоотверженного борца за политическую свободу.

Сами же рабочие, в особенности на юге России, быть может, и смутно, но стали с этого момента сознавать, что вопросы экономического улучшения их положения тесно сплетены с вопросом политическим.

Поэтому, когда в 1903 году стали чувствоваться признаки оживления в промышленности, и для рабочих появилась возможность вернуть все то, что было отнято у них во время кризиса, они попытались своим выступлениям придать наиболее внушительный характер, об'единив во всеобщей стачке, разразившейся летом 1903 года на Кавказе и на юге России, все мелкие и частные поводы своего недовольства.

Стачечное движение началось на Кавказе с г. Баку, где в рабочей среде накопилось много горючего материала, с незначительной забастовки в мастерской Хатисова из-за повышения заработной платы. Владелец мастерской пообещал исполнить требования рабочих, но, когда те приступили к работам, отказался выполнить обещанное. Рабочие снова забастовали, а когда Хатисов передал свои заказы другим мастерским, обратились за поддержкой к рабочим этих мастерских.

Последние откликнулись на призыв; вспыхнул ряд новых стачек, и движение стало разрастаться с поразительной быстротой.

4-го и 5-го июля группа рабочих начала обходить заводы и фабрики с призывом присоединиться к стачке. Призыв этот всюду находил отклик, и вскоре весь город принял участие в забастовке. Остановилась конка, прекратила работу железнодорожная товарная станция, бросили работу типографские рабочие, перестали выходить газеты, остановилась электрическая станция, перестал действовать телефон между Баку и Балаханами... Утром 5-го июля толпа рабочих направилась в Балаханы—центр нефтяных промыслов, и в какие-нибудь 3—4 часа все промыслы с десятками тысяч рабочих были остановлены.

Общее число забастовавших достигало 45.000 человек. Несмотря на всеобщее возбуждение, стачка протекала вполне спокойно; рабочие вели себя в высшей степени выдержанно, и порядок во все время стачки не нарушался. Сохранению порядка много содействовало и то обстоятельство, что высшая администрация города совершенно растерялась перед стихийно разросшимся рабочим выступлением, а полиция и войска, вследствие слабости и малочисленности, были обречены на бездействие.

Как только стачка разрослась, тотчас же начались многочисленные собрания, устраиваемые под открытым небом, в которых, помимо рабочих, принимало участие и все население города. На собраниях все время открыто шла политическая агитация, но полиция не решалась вмешиваться и ограничивалась ролью пассивного зрителя.

Долее всех продолжали забастовку рабочие нефтяных промыслов, которые выставили целый ряд требований изменения условий найма и, главным образом, разрешения наболевшего у них жилищного вопроса. Заводские же рабочие, не выставлявшие никаких самостоятельных требований и примкнувшие к стачке исключительно из чувства общепролетарской солидарности, вновь возобновили работы.

На общем собрании рабочих нефтяных промыслов, происходившем 7-го июля, выступили члены Совета с'ездов нефтепромышленников и предложили рабочим свое посредничество по улажению конфликта, совместно с делегатами от рабочих. Рабочие пошли на это, но нефтепромышленники вскоре сами отказались от продолжения переговоров, когда прибыли в город новые войска и при их помощи было возобновлено движение конки и работы товарной станции. Только после этого спокойная и мирная стачка закончилась эксцессами: один за другим стали вспыхивать нефтяные промыслы. 18-го июля стачка окончательно прекратилась; рабочим не удалось добиться полного удовлетворения выставленных требований, но частичное удовлетворение их они все же получили. Значение же для всего рабочего населения Кавказа стачка эта имела огромное. Под ее непосредственным впечатлением, а отчасти и для поддержки бакинских товарищей, 14-го июля забастовали рабочие г. Тифлиса, 17-го прекратились работы в Батуме.

Для бакинских же рабочих она послужила началом создания настолько прочной организации, что уже в следующем, 1904, году бакинские нефтепромышленники принуждены были пойти на неслыханную до того в России вещь: согласиться на заключение коллективного договора.

Почти одновременно с бакинской стачкой вспыхнула забастовка в г. Одессе и носила в общем такой же характер. 1-го июля забастовали железнодорожные рабочие, затем 4-го июля к ним присоединились грузчики в порту, а с 6-го числа к стачке стали примыкать матросы, кочегары, угольщики; затем разрастание стачки пошло еще более усиленным темпом; группы рабочих, превратившиеся вскоре в толпы народа, заполнившие улицы полумиллионного города, переходили от мастерской к мастерской, от завода к заводу, всюду снимая рабочих с работы и прекращая производство.

Рабочие самых различных производств присоединялись охотно к стачке, и вскоре во власти ее оказалась вся Одесса. Точно так же, как и в Баку, начались многотысячные собрания под открытым небом. Рабочее население проявляло во все время стачки удивительную сдержанность и дисциплинированность. Невиданное оживление и воодушевление охватило все население юга России, спешившее принять участие в огромных народных митингах, на которых ораторы рабочей партии раз'ясняли значение развертывавшихся событий, смысл и значение борьбы рабочего класса,

и призывали всех граждан к продолжению борьбы за завоевание политической свободы. Как только слухи о событиях в Баку и Одессе распространились по соседним городам, всюду начались сочувственные стачки, прокатившиеся широкой волной по всему югу России.

Такие же стачки, местами принимавшие характер всеобщих забастовок, произошли в Киеве, Екатеринославе, Елисаветграде, Керчи, Николаеве, на ст. Михайловке и в других местах. Всюду рабочие поднимались по призыву организаций, а иногда и без такого призыва, при первых известиях о событиях в Одессе и Баку, и при этом обычно не выставляли даже никаких определенных экономических требований, а просто выступали из чувства солидарности и выражения сочувствия общему делу.

Несколько позднее эти стачки нашли отклик также в Москве и в Западном крае. В сентябре вспыхнула всеобщая стачка московских типографских рабочих. Дружно проведенная, она окончилась победой стачечников, добившихся значительного увеличения заработной платы, и привела к образованию „Московского союза типографских рабочих".

В конце 1903 года и начале 1904 года разразились политические стачки в Двинске и Белостоке, принявшие также всеобщий характер.

Во многих местах администрация для противодействия распространению стачки попыталась выставить против рабочих вооруженную силу, но это отнюдь не содействовало успокоению рабочих, но, напротив, заставляло их тем энергичнее проводить забастовку, а где появление войск приводило к человеческим жертвам, или к массовым избиениям, рабочие нередко давали отпор и проявляли наибольшую стойкость.

Так, во время стачки в Киеве было два столкновения рабочих с войсками: первое произошло 23-го июля, на третий день стачки, возле паровозного депо, где было убито 4 рабочих и ранено 20 человек. Рабочие ответили на это всеобщей забастовкой, причем даже наименее сознательные из рабочих так об'ясняли свое поведение:

„Вчера на вокзале стреляли, а сегодня мы не будем работать; как не бунтовать? На фабриках прижимки и обирательство, кругом всякое нахальство".

Вторично в Киеве войска стреляли 25-го июля, и опять 3 человека было убито и много рабочих ранено.

Были убитые и раненые также в Екатеринославе, в Керчи; на ст. Михайловка во время столкновения рабочих со стражниками

общее число жертв рабочих—убитыми и ранеными—достигло 36 человек.

В Киеве и Одессе для прекращения железнодорожного движения рабочие густыми рядами ложились на рельсы около паровозного депо, и власти оказывались бессильными против этой готовности тысяч рабочих своею жизнью заплатить за успех начатой борьбы. Только под нажимом из Петербурга всесильного временщика Плеве, требовавшего отправки поездов „хотя бы по трупам", удавалось администрации, применяя расправу нагайками и прикладами, выпускать хотя бы одни курьерские поезда.

Такими крупными жертвами заплатил рабочий класс за свои открытые политические выступления. Перечисленные нами случаи далеко не охватывают всех понесенных рабочим классом потерь; к ним надо прибавить результаты всех свирепых расправ правительства с рабочими при каждой малейшей попытке с их стороны к протесту и демонстрации; там также десятками насчитывались кровавые жертвы, сотнями и тысячами предавались участники демонстраций суду, заполняли тюрьмы, шли на каторгу, тысячами ссылались в административном порядке в отдаленные окраины России.

Но все эти жертвы не пропали даром.

Как показали только-что описанные нами всеобщие стачки на юге России, рабочий класс был ими разбужен для политической жизни и своими выступлениями он будил от сна все остальные демократические слои населения России.

Как быстро местами развивалось рабочее движение, можно видеть на примере г. Тифлиса, с разноплеменным составом рабочих, мирно сносивших свой жребий почти до самого конца XIX века. По свидетельству местного губернатора *), первая забастовка в Тифлисе была в августе 1899 года, на кожевенном заводе Адельханова; она окончилась успешно для рабочих и как бы открыла и остальным тифлисским рабочим глаза на безотрадность их положения и возможность улучшить его путем дружной борьбы. Уже в следующем 1900 г. в июле и августе, почти одновременно, возникло 7 стачек, сопровождавшихся выставлением определенных требований и также закончившихся успешно для забастовщиков. Отличительной чертой этих стачек от первой, по словам

*) „Освобождение", № 41. Если читатель помнит, стачечное движение в Тифлисе началось раньше, чем свидетельствует губернатор, но возможно, что первые стачки, прошедшие без вмешательства полиции, остались ему неизвестны.

того же авторитетного свидетеля, было то, что они сопровождались выпуском печатных прокламаций „К товарищам", в которых раз'яснялось значение и роль стачек вообще и содержался призыв упорно и дружно добиваться осуществления выставленных требований. Прокламации, однако, не содержали в себе никаких противоправительственных лозунгов и не указывали на принадлежность их составителей к какой-либо противоправительственной партии. Но уже в следующем году появились листки за подписями политических организаций; число стачек и размах стачечной борьбы увеличились и в этом же году в Тифлисе имела место, правда, немногочисленная по количеству участников, но все же резко политическая по своему характеру и выдвинутым лозунгам первая не только для Тифлиса, но и на Кавказе, и в Закавказьи,— демонстрация. С этого момента, по удостоверению тифлисского губернатора, стачки начинают превращаться в „революционные беспорядки", рабочим внушается девиз: „каждый за всех, все за каждого".

И действительно, в этот период стачки становятся столь частыми во всех отраслях труда на Кавказе, что было бы затруднительно их просто перечислять.

Стоит фабриканту уволить рабочего, как прекращается работа на всей фабрике, и товарищи добиваются возвращения уволенного обратно; в случае смерти кого-либо из рабочих, все остальные считают своим долгом проводить тело умершего товарища на кладбище; в случае же высылки кого-либо из рабочих— провожать его являются все, в каких бы отношениях они с ним ни стояли. Начиная с 1902 года, движение рабочих идет еще дальше в смысле революционности. Многочисленные волнения и рабочие выступления теперь уже сплошь и рядом носят исключительно политический характер. Бросая в условленное время работу, рабочие обычно со свистом и шумом уходят с фабрик, не пред'являя при этом предпринимателям никаких требований, собираются в группы и революционные толпы на улицах и вступают в схватки с полицией и дворниками. И, наконец, в 1903 году разразилась вышеописанная всеобщая стачка, приостановившая буквально всю жизнь крупного административного центра и ярко демонстрировавшая всю мощь и силу нараставшего рабочего движения. Так буквально в 3—4 года спавшие до того времени разноплеменные рабочие массы Кавказа не только пробудились от спячки, но и быстро усвоили все революционные методы пролетарской борьбы, чтобы нога в ногу с остальным пролетариатом

России принять участие в ближайшие годы в еще более решительных схватках.

Приближалось время более решительной всероссийской борьбы за завоевание политической свободы, и эти всеобщие стачки являлись, с одной стороны, как бы завершением всего предыдущего периода рабочего движения, которое от борьбы экономической постепенно перешло к борьбе политической, а с другой – они были как бы предверием тех более решительных схваток борьбы за демократизацию политического строя России, которая началась в 1905 году.

Эти выступления пролетариата отдельных городов и районов показали воочию всему рабочему классу России, какая могучая сила имеется в его руках, если он организуется и единодушно выступит на борьбу.

Вместе с тем, в этот период еще острее и рабочий класс в своей массе, и существовавшие соц.-демократические рабочие союзы и группы должны были чувствовать недостаточность прежних форм организации и об'единения.

Стремление рабочих масс к организации было настолько сильно и стихийно, что им поспешил воспользоваться департамент полиции, мечтавший создать „свои" организации и через посредство их подчинить дальнейшее течение рабочего движения своему руководству. Подробнее об этом мы остановимся в следующей главе.

Стремление же тайных рабочих соц.-демократических организаций к об'единению привело к созыву в 1903 году II с'езда российской социал-демократической партии, собравшегося за границей (в Брюсселе—Лондоне).

Созыву с'езда предшествовала конференция в Белостоке, состоявшаяся в апреле 1902 г. Первоначально в Белостоке предполагалось созвать общепартийный с'езд, но массовые провалы значительной части с.-демократических организаций помешали этому. Избранный на этой конференции организационный комитет также почти вслед за избранием подвергся разгрому: все его члены, за исключением одного, были арестованы в разных городах, куда поехали с докладами о конференции.

Понадобились новые усилия, чтобы воссоздать организационный комитет и приняться вновь за подготовку с'езда.

Но эта подготовка протекала уже в несколько иной обстановке. Проявлявшаяся раньше борьба экономистов с искровцами теперь почти повсеместно оказалась изжитой. Отзвуки политических выступлений ростовского пролетариата почти повсеместно

обеспечили победу „политическому“ направлению в партийных организациях и этим самым ускорили созыв с'езда.

На этом с'езде были представлены 4 заграничных и 22 русских организации (комитеты); сюда, кроме организаций крупнейших русских городов, вошли кавказские организации и „Бунд“; всего на II с'езде присутствовало 43 делегата с 51 решающим голосом и 14 лиц с правом совещательного голоса. „Социал-демократия Польши и Литвы“ также послала на с'езд делегатов для переговоров о вступлении этой организации в партию.

С'езд утвердил программу партии и выработал ряд руководящих резолюций по вопросам тактики, но вместо об'единения привел к расколу: из партии вышел „Бунд“ вследствие отказа с'езда признать его федеративной, а не автономной частью партии; „социал-демократия Польши и Литвы“ отказалась вступить в партию ввиду нежелания с'езда категорически высказаться против отделения Польши; остальные организации партии разбились на „большинство“ и „меньшинство“, разойдясь на с'езде по вопросу о будущем строении партии.

Теоретическая часть программы была построена в духе революционного марксизма; исходя из международного характера и великого освободительного движения пролетариата и признавая российскую социал-демократию одним из отрядов всемирной армии рабочего класса, она констатировала, что социализм, как конечная цель социал-демократии, неизбежно и необходимо вытекает из характера и хода развития современного буржуазного общества. Указывая далее на растущее расслоение общества на пролетариат и буржуазию, на непрерывный рост капиталистического способа производства, вытесняющего все остальные формы хозяйства, программа указывала, что в условиях буржуазного строя даже прогресс техники ведет лишь к усилению уровня эксплоатации наемного труда и замене труда мужчины трудом женщин и детей. Кризисы с безработицей еще более обостряют и ускоряют процесс расслоения общества. С ростом всех этих противоречий создаются и материальные силы, и психологические предпосылки для совершения рабочим классом социальной революции, необходимым условием которой является диктатура пролетариата. Но для достижения этого пролетариат должен организоваться в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем остальным буржуазным партиям, что является основной задачей революционной социал-демократии. Представляя осуществление подобной революции делом будущего, обусловленного об'ективным ходом

развития буржуазного общества, программа в качестве ближайших требований (программы-минимум) выдвигала борьбу со всеми пережитками до-капиталистического уклада, тормозящими капиталистический прогресс и мешающими всестороннему развитию классовой борьбы пролетариата, в том числе в первую голову— с самодержавным режимом, и ставила своей ближайшей политической задачей созыв учредительного собрания, установление полного народовластия, осуществление неприкосновенности личности и гражданских свобод, самоопределенне наций и проведение целого ряда мер по охране труда.

Из тактических вопросов с'езд рассмотрел следующие: об отношении к проявлениям чисто экономического рабочего движения, об отношении к либералам и социалистам-революционерам.

Резолюция о партии с.-р., составленная П. Аксельродом, говорила об утопической программе этой партии и авантюристском характере ее политики и признавала ее деятельность одинаково вредной, как с социалистической, так и с демократической точек зрения. Она требовала решительной борьбы с партией с.-р. и отвергала возможность каких-либо соглашений с ней в вопросах практической борьбы.

По вопросу об отношении к либералам с'езд принял две резолюции. Авторами одной были Н. Ленин и Г. В. Плеханов; она выставляла общий принцип с.-демократии - готовность поддерживать всякое оппозиционное движение против царизма, но на-ряду с этим выставляла контр-революционность организации „освобожденцев" и призывала организации на местах разоблачать все соглашательские шаги „освобожденцев".

Другая резолюция, поддержанная П. Аксельродом, Мартовым, Троцким и др., устанавливала те условия, при наличности которых возможно политическое соглашение с.-демократии с либералами. В качестве таких условий в резолюции было выставлено признание либералами всеобщего и равного избирательного права, отказ от поддержки реакционных требований и отказ от борьбы с революционным движением рабочего класса.

По вопросу об отношении к экономической борьбе рабочих с'езд рекомендовал продолжать борьбу с полицейскими методами развращения рабочего движения, но при этом советовал не противодействовать тем стачкам, которые организуются с ведома и благословения полиции.

В специальной резолюции по поводу закона о фабричных старостах организациям рекомендовалось использовать где

возможно этот закон, выдвигая кандидатами членов партии, но при этом обязательно раз'яснять рабочим массам полицейский характер самого закона.

Организационный устав, принятый незначительным большинством с'езда, был строго централистичен и превращал комитеты в тесные кружки, деспотически управлявшие местными организациями; меньшинство же требовало демократизировать комитеты и приблизить их к рабочим массам.

Позднее к этому организационному расхождению прибавились расхождения и принципиального характера, и все попытки прочно об'единить соц.-демократические организации остались бесплодными.

Литературным органом „меньшинства" вскоре стала перешедшая в его руки „Искра", взгляды же „большинства" последовательно защищали заграничные органы с.-д. „Вперед" и „Пролетарий".

XXIII.

Рабочее движение в России и полицейский социализм (зубатовщина).

Когда рабочее движение в начале XX столетия определенно вступило на путь политической борьбы, правительство ответило на него неслыханным усилением репрессий. Расстрелы участников рабочих демонстраций, массовые аресты и предания суду, ссылка в Сибирь, тюрьма и каторга, применение всякого рода издевательств, вплоть до сечения розгами участников демонстраций,— все эти способы воздействия на рабочую массу были использованы, но не только не привели к успокоению рабочего класса, а, наоборот, еще более озлобляли рабочих и содействовали дальнейшему росту движения.

Вся Россия была покрыта сетью охранных отделений, наводнена сыщиками и агентами департамента полиций, необычайно возросло число дел по политическим преступлениям и число лиц, привлекавшихся по этим делам, а движение продолжало расти и шириться.

В 1900 году, по данным министерства юстиции, далеко, впрочем, не полным, число таких дел равнялось 384, а число привлеченных по ним—1.580 человек; в 1903 году количество дел достигло 1.998, привлечено же по ним было 5.590 человек; за 10 лет, с 1894 по 1903 г., по „высочайшему повелению“ было выслано в Сибирь 1.941 человек, в отдаленные сибирские губернии— 1.250 человек; подчинено гласному надзору полиции—4.661 чел. подвергнуто тюремному заключению—1.739 человек, простому аресту—1.755 человек и 81 иностранец выслан из России без права возврата. Сюда, однако, не вошли дела, разрешавшиеся в „охранном порядке“ (в том числе все стачечные дела), число которых было также велико.

В общем итоге можно считать, что за упомянутое десятилетие преследованию за участие в рабочем движении подверглось не менее 40.000 человек, причем более половины этих жертв самодержавного режима падает на рабочих; начиная с 1900 г., число арестованных рабочих во всех русских тюрьмах было неизменно подавляющим, возрастая из года в год.

Главные руководители всей внутренней политики правительства—министерство внутренних дел и департамент полиции—должны были поэтому признать себя бессильными подавить рабочее движение одними репрессивными мерами.

И вот тогда внутри департамента полиции возник химерический план взять руководство рабочим движением в свои руки и направить его по руслу, наиболее желательному для правительства. Уже в записке Московского обер-полицеймейстера Трепова, поданной им в 1898 г. тогдашнему Московскому ген.-губернатору, проскальзывает сознание необходимости начать борьбу с революционным рабочим движением новыми методами.

„Пока революционер проповедует чистый социализм,—рассуждает полицейский публицист,—с ним можно справиться одними репрессивными мерами, но когда он начинает эксплоатировать недочеты существующего законного порядка, репрессивных мер мало, а надо немедля вырвать из под ног его самую почву...

„Весь интерес революции сосредоточен на фабрично-заводской среде, а где пристраивается революционер, там и обязана быть государственная полиция...

„Чем занят революционер, тем обязана интересоваться и полиция. Если в последнее время агитатор ведет свои происки на почве законности, эксплоатируя недочеты фабричной администрации, то, в интересах неотступного и безустанного создания преград его поискам, полиция принуждена зорко следить за порядками фабрично-заводских заведений и вообще за всем, что имеет касательство до личности и обихода рабочего“ *).

В этих рассуждениях в зародыше содержится основное ядро идеи полицейского попечения о благе рабочих масс, которая в своем дальнейшем развитии распустилась таким махровым цветом полицейского социализма.

Первоначально эта идея руководительства полиции рабочим движением зародилась в голове начальника московского охранного отделения Зубатова, благодаря чему и сама попытка насаждения полицейского социализма получила имя „зубатовщины“, но затем она была воспринята министерством внутренних дел и имела довольно широкое применение в разных местностях России.

В чем же заключался новый рецепт спасения России от рабочего движения?

Признавая рабочее движение фактом неустранимым, с которым не справиться никакими репрессивными мерами, департамент

*) Цит. по книге С. Айзафт „Зубатовщина и Гапоновщина“. 2-е изд. стр. 29.

полиции предполагал, что если ему удастся взять на себя руководство борьбой рабочих, то будет нетрудно отвлечь внимание рабочих от вопросов политической борьбы, направив в сторону борьбы экономической, как наименее затрагивающей основы самодержавного строя. Развития экономической борьбы предполагалось также, по возможности, избегать, использовав для этого влияние агентов департамента полиции на промышленников и заставляя их своевременно удовлетворять разумные требования рабочих и не допускать возмущавшего рабочих произвола.

По мысли Зубатова, правительство должно допустить легальные организации рабочих, в основу деятельности которых должны быть положены следующие начала: замена революционного учения эволюционным, выдвигающим постепенное улучшение быта рабочих при помощи мер, лишенных насильственного характера, и проповедь преимущества самодержавной формы правления перед всеми другими, как независимой от влияния отдельных общественных классов и потому беспристрастной.

В специальной записке, представленной Зубатовым и составленной для него известным ренегатом Л. Тихомировым, задачами руководства рабочим движением намечалась, с одной стороны, защита интересов рабочих, разумеется, в истолковании охранной полиции, а с другой—поддержание законности и порядка в отношениях рабочих к предпринимателям.

Для осуществления этих задач и выдвигались профессиональные союзы, которым предполагалось придать характер укрепления и поддержания существующего строя в противовес организации классовой борьбы, которая „навязывается“ таким союзам „школой Маркса и Энгельса и сродными ей фракциями новейшего социализма“. Выступая резко против идей Маркса и Энгельса, записка Зубатова и Тихомирова в противовес им подкрепляла свои доводы ссылками на Бернштейна и на ряд других буржуазных и оппортунистических исследователей рабочего вопроса.

Осуществлению этих полицейских планов сильно помогло то, что в рабочей среде было огромное стремление к организации, которая взяла бы на себя защиту их интересов, но создание таких организаций было запрещено законом. Существовавшие тайные рабочие организации, как мы указывали выше, не могли удовлетворить этой потребности вообще, а когда они должны были взять на себя руководство политической борьбой и все меньше и меньше уделяли внимания экономической борьбе рабочих, неудовлетворенность широких рабочих масс сказалась еще сильнее; они

немогли не сознавать, что многие из их потребностей остаются неудовлетворенными, благодаря отсутствию соответствующих организаций.

И вот, департамент полиции решил использовать это настроение рабочей среды, принявшись сам устраивать организации рабочих под руководством лиц, ему хорошо известных. При этом агенты департамента полиции, сплошь и рядом вербуемые из самих рабочих, старались не афишировать своей близости к охранному отделению. Для рабочей массы, не привыкшей разбираться в тонкой политической игре, возникновение таких организаций, которые для остальных смертных оставались под запретом, не показалось странным, а когда эти организации стали проявлять себя активно, вмешиваясь в экономическую борьбу и добиваясь удовлетворения требований рабочих, мало развитые слои рабочих стали охотно вступать в них.

Первая такая попытка была сделана в Северо-Западном крае, где еврейским рабочим движением успешно руководил „Бунд". Летом 1901 г. в г. Минске при содействии департамента полиции было положено начало организации „Независимой еврейской рабочей партии", ставившей своей целью: „поднятие материального и культурного уровня еврейского пролетариата посредством культурно-экономических организаций, как нелегальных, так и легальных по мере возможности".

На практике эта цель, согласно программе „независимцев", сводилась:

а) „к развитию широких экономических организаций (трэд-юнионов касс, клубов, ассоциации);

б) к развитию среди рабочего класса научных и профессиональных знаний и воспитанию его к коллективной жизни".

„Партия в целом, говорилось дальше в программе „независимцев", не выставляет себе никаких политических целей и задач. Партия об'единяет для экономической и культурной деятельности рабочих всяких политических взглядов и совсем без таковых".

„Организация партии демократическая, т.-е. управляется „снизу", а не сверху" *).

В комментариях к этой „программе", принадлежащих перу одного из видных деятелей „независимой рабочей партии"— Шаевича, действовавшего позднее на юге России, давались следующие пояснения значения подобной деятельности „для возрождения еврейского народа".

*) С. Айзафт. „Зубатовщина и Гапоновщина". II изд., стр. 75.

„Еврейской рабочей массе, помимо стачек, которые должны быть не целью, а лишь самым крайним вынужденным средством, ужны: общества взаимопомощи на случай безработицы и болезни... бюро труда для равномерного распределения рабочих рук, нужны профессиональные курсы для того, чтобы быть в состоянии конкурировать с христианином-рабочим, который всегда лучше знает работу".

„Еврейская независимая рабочая партия не верит в возможность близкой и полной санкции рабочих союзов, но если будет рабочая партия, которая на практике будет подобные союзы создавать, они, эти союзы, будут постепенно легализованы. Легализация профессионального рабочего движения, по взглядам ЕНРП, будет не событием, а процессом, может быть, весьма медленным.

„И для ускорения и облегчения этого процесса, помимо создания профессиональных союзов, нелегальных и полулегальных (но ничего общего с революционными не имеющих), необходима партия, которая будет представительствовать интересы рабочих", ибо „правительство борется с революцией, но оно принуждено столковаться с профессиональным движением"*).

Так как в это время в Западном крае пользовался большим влиянием на рабочие массы „Бунд", Зубатов, подготовляя почву для развращения еврейских рабочих масс и отвлечения их от участия в политической борьбе, имел в виду прежде всего выбить почву из-под ног у этой революционной организации.

И действительно, послушные его указаниям „независимцы", большинство которых сам Зубатов освободил из тюрьмы и вернул на родину, замяв возбужденные против них дела, тотчас же стали выступать с критикой политической и революционной деятельности „Бунда", заявляя, что последний „приносит материальные интересы рабочего класса в жертву таким политическим целям, которые ему в настоящее время чужды", и предлагая рабочим ступить на путь легальной борьбы „за хлеб и знания".

В цитированных нами выше комментариях Шаевича по этому пункту программы „независимцев" излагалось следующее:

„Отделить культурно-экономические союзы от „Бунда", как от революционной партии, необходимо еще и потому, что правительство, преследуя Бунд, как революционную организацию, свое преследование направляло и против экономических союзов". Но, не ограничиваясь таким чисто теоретическим обоснованием своего

*) ibid, стр. 7.

отрицательного отношения к „Бунду", независимцы вступали с последними и в более непосредственную борьбу, выступая против него на собраниях, в своих агитационных изданиях и т. п.

Они не только не стеснялись упрекать Бунд в том, что он „навязывает рабочим свои политические взгляды и стремления" и „игнорирует в своей экономической деятельности многие безусловно полезные для рабочей массы мероприятия", но шли гораздо дальше.

В своих агитационных листках, обращенных к еврейскому пролетариату, они не стеснялись упрекать бундистов в провоцировании кровавых расправ с рабочими.

„Господа социал-демократы,—читаем в одном из таких воззваний,—скажите поистине, положа руку на серце, где, кроме вашего воображения и пылкой фантазии, подымается рабочий народ для борьбы с правительством?...

„Златоустовская, Ростовская и Тихорецкая стачки были проблеском пробудившегося сознания (против) экономического гнета, а вы им воспользовались в ваших целях и вывели рабочих на выстрелы... И теперь справляете свой каннибальский пир, провозглашая всему миру о „могучих потоках" и „растущих силах" и пр." *)

Правда, что и сам „Бунд" не оставался в долгу перед „независимцами".

Он даже первым перешел в наступление и тотчас же после появления их в Западном крае и начала их агитации среди рабочих выступил со специальным листком, резко направленным против „независимцев" и их вдохновителя—Зубатова.

„Каждый революционер,—заявлялось в этом листке,—который входит в сношения с Зубатовым, или с подобными ему шпионами, вредит интересам рабочих и теряет право на звание революционера".

В начале деятельности „независимцев" в Минске и др. городах Западного края, еще до образования ими собственной организации, они вступали в местные организации „Бунд" и, таким образом, разлагали его изнутри, стараясь переманить на сторону своих воззрений возможно больше активных участников движения.

Трудно сказать, была-ли подобная тактика их собственным измышлением, или же и она была навязана первым зубатовцам начальником Московского охранного отделения; по крайней мере

*) Пережитое, Сборник т. III ст. Фрумкина: „Зубатов и еврейское рабочее движение", стр. 220.

в полицейских архивах не сохранилось указаний, которые дали-бы возможность более определенно ответить на этот вопрос.

Отчасти на такую тактику по отношению к „Бунду" зубатовцев первоначально толкало и то обстоятельство, что местные власти в лице начальников охранных отделений оказались совершенно нерасположенными поддерживать их опыты с легализацией еврейского рабочего движения.

Потребовалось опять-таки прямое вмешательство Зубатова, который, например, лично должен был ознакомить местного жандармского полковника Васильева с „видами правительства", чтобы убедить последнего стать на путь покровительства чисто экономической борьбы еврейского пролетариата и содействия организации „Еврейской независимой рабочей партии".

Сам Зубатов так повествует о первых шагах Минской охранки на новом поприще и о своем воздействии в этом смысле на полковника Васильева.

„В конце апреля минувшего года *) мне удалось лично познакомиться с проезжавшим через Москву начальником Минского жандармского управления полковником Васильевым и в следующие приезды сблизиться с ним на почве тождественного понимания современного, так называемого, рабочего движения". Поэтому, когда в мае 1901 г. в Минске началась стачка слесарей, охватившая сразу несколько сот рабочих, добивавшихся ограничения рабочего дня 12 законными часами вместо 14, полковник Васильев, следуя советам Зубатова, поспешил вмешаться в эту стачку, сразу став на сторону рабочих, и выразил желание видеть у себя депутатов забастовавших рабочих.

„Группа лиц, мне единомышленных,—продолжает излагать события сам Зубатов в вышецитированном своем письме в департамент полиции,—с Марией Вильбушевич во главе, повела агитацию и целыми днями до хрипоты стала доказывать всю полезность вмешательства полковника Васильева в стачку; с другой стороны, революционные агитаторы проявили такое ясное понимание вещей, что становились на дыбы и старались всячески запугать массу, опасаясь, как бы она не отозвалась на призыв жандармского полковника, который, между тем, каждый день продолжал посылать за рабочими, приглашая их явиться.

„Кончилось это все-таки тем, что рабочие устроили собрание, выбрали депутатов и отправили их по назначению.

*) Красная Летопись № 2—3. Письмо Зубатова в департамент полиции от 23 июня 1901 г. стр. 213.

„На примирительном заседании в жандармском управлении рабочим была выяснена вся неправильность самовольного оставления работ, а хозяевам—незаконность их требования, и тут же было предложено: первым стать на работу, а вторым—ввести законный рабочий день, о чем стороны и имеют быть официально извещены особым об'явлением Минского губернатора князя Трубецкого, которое будет вывешено во всех забастовавших мастерских".

Успех этого первого шага Минского жандармского управления руководить экономической борьбой рабочих был полный.

„Вследствие такого быстрого и благоприятного исхода дел,—злорадно сообщал Зубатов,—непримиримые агитаторы рвали на себе волосы, не будучи в состоянии вынести этой, как они сами выразились, „политической пощечины". С другой стороны, квартиры представителей мирной тактики стали одолеваться рабочими, являвшимися поговорить и познакомиться с новым способом действий".*)

Вслед затем деятельность „независимцев" в Минске развернулась во всю ширь, в особенности, когди жандармский полковник Васильев, действовавший сперва очень осторожно и старавшийся в своем заступничестве за интересы рабочих всегда опираться на старые законы, стал впоследствии выступать более энергично и просто вызывал к себе хозяев мастерских и фабрик и прямо принуждал их немедленно удовлетворять выставленные забастовавшими рабочими требования.

Вслед за стачкой слесарей „независимцами" было организовано движение среди приказчиков, затем стачка столяров, охватившая свыше 1000 ч. рабочих, и т. д. Вскоре в руках „Независимой рабочей партии" оказалось почти полное руководство экономической борьбой еврейской рабочей массы.

Движение ширилось и росло; оно стало распространяться далеко за пределы г. Минска и др. крупных центров деятельности „Бунда". „Независимцы" завели переговоры с руководителями самого сильного соц.-демократического союза щетинщиков, соблазняя их обещаниями Зубатова легализовать Союз и получить 20.000 руб. от охранного отделения на издание собственного органа.

Довольно быстро было организовано до 15 ремесленных союзов (ферейнов), которые и руководили стачечной борьбой.

Но руководство это было довольно своеобразным и целиком покоилось на том содействии, какое оказывало организации независимцев всесильное жандармское управление.

*) Ibid. стр. 214.

Как видно из жалоб, вскоре посыпавшихся на деятельность этих ремесленных союзов со стороны хозяев, они не ограничивались организацией забастовок, но присвоивали себе даже законодательные и судебные функции: устанавливали продолжительность рабочего дня в мастерских, издавали обязательные постановления, которые определяли взаимоотношения хозяев и рабочих, заставляли хозяев заключать с рабочими коллективные договоры, а в случае нарушения договоров приговаривали владельцев мастерских к штрафам и т. п.

Правда, во всех этих действиях ферейнов меньше всего было самодеятельности рабочих масс.

Содействие жандармов сводило самодеятельность рабочих к нулю. Даже более того: рабочая масса стала приучаться к мысли что стоит только той или иной группе рабочих обратиться за содействием к „независимцам", и последние немедленно же заставят предпринимателей пойти на уступки, избавив рабочих от необходимости вести упорную и длительную борьбу.

Не ограничиваясь исключительно стачечной деятельностью, „Независимая рабочая партия" начала в 1901 г. вести и культурно-просветительную работу на еврейском языке.

Был организован ряд лекций „без политики", и жажда знаний в еврейской рабочей массе была так велика и так мало удовлетворялась „Бундом", что даже такие оскопленные лекции имели большую притягательную силу и охотно посещались рабочими. К несчастью для „независимцев", они не смогли привлечь к этому делу достаточно интеллигентных сил, и даже первоначально привлеченные лектора вскоре, под давлением общественного мнения, стали отказываться от продолжения работы. Зубатов всячески покровительствовал и этой стороне деятельности своих учеников и даже стремился добиться ассигнования им средств на издание популярной периодической литературы на жаргоне, мотивируя свое ходатайство тем, что „Бунд" издает на еврейском языке целых 8 органов внутри России и 1 за границей и что „бороться с деморализирующей силой нелегальной литературы можно только путем легальной, преимущественно экономической литературы".

Завести такую легальную газету для рабочих „независимцам" так и не удалось, но они все же организовали нелегальную типографию и даже предприняли попытку издавать нелегально свой собственный периодический листок „Рабочий Рынок".

Сама организация „Независимой рабочей партии" была построена следующим образом.

В каждом ремесле организовывался профессиональный союз, а иногда даже несколько, в зависимости от рода профессий. Союз выбирал свой ремесленный совет, куда обычно попадали убежденные „зубатовцы". Совет же от себя посылал одного или нескольких представителей в комитет партии.

Организации отдельных городов об'единялись в главном комитете, каковым до первого с'езда считался Минский, состоявший из 10 представителей. Последний выделил из себя Исполнительное бюро из 6 человек, ведавшее всеми делами партии, сносившееся с местными организациями, рассылавшее агитаторов издававшее литературу и т. п.

В общем получалась довольно стройная организация, хорошо приспособленная к выполнению поставленной задачи, и до поры до времени охранная полиция и ее вдохновитель имели все основания быть довольными своим детищем.

Одно время казалось, что Зубатову удастся осуществить свой „план" отвлечения рабочих от революции. Он сам, по крайней мере, хвастался, что из 800 членов „союза щетинщиков"—600 человек ушли к „независимцам".

В других ремеслах дела независимцев, если судить по уцелевшим их письмам к Зубатову, обстояли еще лучше.

„Каменщики почти все наши, сообщается в одном из таких писем, переплетчики—тоже, слесаря—всей душой, столяров—половина, приказчиков—половина, жестянники—почти все".

Кроме того, недурно обстояли у них дела среди пекарей, белошвеек, чулочниц, модисток, сапожников, гильзовщиц, табачников, фотографов и ряда других профессий.

Организация „независимцев" мечтала перейти к широкой легальной массовой агитации, захватив в свои руки руководство всем рабочим движением в районе деятельности „Бунда" и уже начала с этой целью устраивать огромные собрания по 1000-1500 чел. Но успех этот оказался непрочным.

Во-первых, и „Бунд" тотчас же начал и все время энергично продолжал вести кампанию против „Зубатовщины", предостерегая рабочих против полицейской ловушки.

В конце-концов в лапы „независимцев" попадала, главным образом, наиболее серая рабочая масса; вся же сознательная часть еврейского пролетариата отнеслась к ней очень подозрительно и постаралась раскрыть истинную ее сущность.

Просуществовав около двух лет и не пустив глубоких корней среди еврейского пролетариата, „Независимая еврейская рабочая

партия" в 1903 г. прекратила свою деятельность, оказавшись не в силах, даже при содействии жандармов, провести в жизнь свою скромную программу.

Прекращение деятельности „независимцев" было, однако, вынужденным и вызвано было не чем иным, как потоком жалоб еврейских предпринимателей, которые первое время, будучи запуганы жандармами, мирились с необычным характером поведения власти, но довольно скоро опомнились и стали искать более могущественной защиты своих интересов.

Такую защиту они нашли в лице министерства финансов, которое не оказалось склонным разделять розовые надежды охранников, и в один прекрасный день сам Зубатов получил от своего непосредственного начальника, министра внутренних дел Плеве, приказание, без указания причин, „приостановить навсегда легальное еврейское рабочее движение".

Зубатов немедленно же передал это распоряжение „независимцам", и последние довольно послушно выполнили его, свернув свою организацию в черте еврейской оседлости.

Следует, однако, отметить, что в наиболее развитых пунктах еврейского рабочего движения, где пролетарские массы были уже достаточно политически грамотны, успехи „независимцев" были вообще незавидны.

Так, напр., все их попытки укрепиться в г. Вильне окончились полнейшей неудачей, и после почти года безуспешных попыток они должны были отказаться от мысли создать здесь сколько-нибудь прочную организацию.

Так же неудачна оказалась и попытка насаждения полицейского социализма в Петербурге, где агенты Зубатова натолкнулись на противодействие многочисленного слоя сознательных рабочих, сразу сорвавших с них маску рабочелюбия.

Значительно больший успех зубатовские организации имели в Москве и Одессе; кроме того, такие же организации зарождались в Киеве, Николаеве, Елисаветграде, Харькове, Костроме, Царицыне, Перми и других городах.

В Москве движение началось сперва среди рабочих механического производства, а затем распространилось среди ткачей, рабочих табачного производства, кондитеров, парфюмеров и ряда других.

Почву для распространения своего „полицейского социализма" Зубатов подготовил в Москве, как и в Западном крае, самолично.

Его собственное прошлое облегчало ему выполнение этих задач. Зубатов был сам участником целого ряда тайных обществ

и организаций сперва в г. Шуе, а потом и в Москве, где, между прочим, организовал нелегальную библиотеку. Став позднее предателем и сделав карьеру охранника, он мог использовать свою былую близость к революционным кругам, которые позволяли ему легко ориентироваться среди арестованных революционеров.

Обладая известной широтой взглядов и довольно хорошо разбираясь в вопросах социализма, он в своих сношениях с арестованными руководителями рабочего движения выставлял себя человеком идейным и умел оказывать на менее устойчивых из революционеров довольно сильное влияние.

После ряда крупных провалов 1895—1896 г.г., Зубатов сам вел переговоры с многими из арестованных, убеждая их отказаться на время от политической агитации, а вести только экономическую борьбу, обещая за это добиться легализации рабочего движения.

Сам Зубатов в следующих словах доносил по начальству о своей агитации среди арестованных социал-демократов.

„На допросах я раз'единяю противоправительственный элемент с массой с блестящим успехом,—могу сказать по совести.

„В русском движении, да, пожалуй, и в еврейском, я с успехом убеждаю публику, что рабочее движение—одно, а социал-демократическое—другое. Там целью является копейка, здесь—идеологическая теория.

„Рабочий должен стремиться к гражданскому уравнению с так называемыми привилегированными классами (что вовсе не требует ни социализма, ни политической свободы, а также ни ума, ни знаний, ни самодеятельности (?), социал-демократы же, игнорируя непосредственные его интересы, зовут его помочь „привилегированным классам" в достижении их интересов, совершить революцию, обещая после этого ему всяких благ.

„Очевидно, только глупость и серость делает их неспособными видеть передержку и, вопреки здравому смыслу, упуская синицу из рук, гнаться за журавлем в небе" *).

„Беседы о светлом идеале христианской монархии,—говорится в другом донесении Зубатова департаменту полиции,—о разнице между верховной властью и правительственной, между центральными органами и провинциальными представителями администрации, о разнородности понятий мирного рабочего движения и революционного, о противоположности интересов первого с интересами агитаторов, доходящей, в силу разности стремлений, до

*) „Красная Летопись".

эксплоатации последними рабочей массы, о неумении крайних элементов воспользоваться, в интересах этих масс, даже прямыми требованиями закона вроде установления 12-часового рабочего дня для ремесленных заведений, наконец, ознакомление по подлинным документам с практикой московской полиции об отношении к рабочим в духе принципов, изложенных в записке московского обер-полицеймейстера на имя его императорского высочества московского генерал-губернатора от 1898 г.,—оказали ошеломляющее влияние на арестованных как факты и соображения, совершенно противоречащие их представлению и понятиям, и среди них оказались лица, решившие твердо вступить на новый путь деятельности..." *).

„Продолжение моих разговоров с арестованными,—доносил некоторое время спустя искусный охранник,—дало прекрасные результаты: не только было сломлено крайне злобное настроение в отношении правительства, но люди решились переменить свои взгляды и тактику" **).

И действительно, многие неустойчивые члены с.-демократических организаций попались на эти приманки царского шпиона, вступили с ним в сношения, и через них тогда и начал действовать Зубатов.

Какое сильное впечатление беседы Зубатова производили на некоторых из заключенных, можно видеть на примере еврейской девушки М. Вильбушевич, которая настолько глубоко прониклась верой в возможность осуществить „идеальную христианскую монархию", что даже года три спустя после разгрома независимцев она продолжала носиться с этой идеей, обвиняла правительство в том, что оно „не чисто русское, а немецкое", и даже оправдывала революцию, как способ „очистить самодержавие" и сделать его „идеальным".

Раз удалось так прочно вбить в голову еврейской пропагандистки столь чуждую всей ее психологии идею,—можно себе представить, какую благоприятную почву находили остальные его поучения о возможности легально вести экономическую борьбу.

Среди недостаточно политически развитой рабочей массы гор. Москвы эти идеи должны были встретить особенно приятную почву.

Рабочие механического производства еще весной 1901 г. заручились согласием московского обер-полицеймейстера поддержать

*) „Красный Архив" т. I, стр. 293.
**) С. Айзафт. „Зубатовщина и гапоновщина", II изд. стр. 73.

перед министерством их ходатайство об утверждении устава общества, а до утверждения устава получили разрешение на устройство организационных совещаний.

К выработке устава, а также и к организации самой кассы взаимопомощи, рабочими были привлечены московские профессора, которые выступали на собраниях рабочих, читали рефераты, знакомили с положением рабочего вопроса в Западной Европе, обсуждали значение касс взаимопомощи, бирж труда, потребительных обществ и т. п.

Позднее лекторы стали давать программы вопросов, на которые предлагали рабочим давать мотивированные ответы. Для предварительного обсуждения этих ответов рабочие начали собираться по трактирам и пивным; совещания эти становились все многолюднее, стали носить характер правильных собраний и постепенно превратились в „Районные собрания", раскинутые по всей Москве. Во главе их стали выборные председатели, о месте и дне собраний извещалась администрация.

Для покрытия расходов, связанных с собраниями (на наем помещений, освещение и т. д.), был установлен определенный взнос; члены совещаний получали особые билеты на право посещения собеседований

Председатели районных собраний стали устраивать свои организационные заседания, которые допускались также беспрепятственно и получили название „Совета рабочих механического производства г. Москвы". Вскоре затем московской администрацией был утвержден устав как этого Совета, так и „Совета ткачей". На уставы обществ полиция, разумеется, наложила свою лапу; их членами не могли быть лица поднадзорные, утверждение Совета общества зависело от охранки и т. д. Рабочие стали смотреть на эти Советы, как на заступника от притеснений на фабриках и заводах, и стали подавать туда жалобы на нарушения фабричных законов, плохие санитарные условия, непрерывные штрафы и т. п.

В случаях нарушения действующих узаконений Совет производил расследование, извещал о результатах фабричную администрацию и просил принять меры к устранению замеченных нарушений. Влияние его постепенно расширялось и число членов росло.

Все это, разумеется, делалось с благословения и одобрения охранного отделения, которое через своих агентов направляло деятельность Совета и его районов и следило, чтобы движение не уклонилось в нежелательную сторону.

Участие московской профессуры, которая наивно не отдавала себе отчета в происходящем, было использовано охранным отделением для отвлечения рабочих от социализма.

Когда же общество достаточно окрепло и заручилось симпатиями рабочих масс, охранное отделение поспешило само отделаться от профессоров, которые мешали ему перейти к чисто-черносотенной агитации. С этой целью прежние лекции были заменены религиозно-нравственными собеседованиями, среди рабочих стало распространяться письмо рабочих генералу Богдановичу, составленное в истинно-русском духе, был устроен прием московских депутатов от рабочих разных цехов министром внутренних дел Плеве и, наконец, 19 февраля 1902 г. была инсценирована патриотическая манифестация 50.000 московских рабочих, собранных для того, чтобы возложить венок к подножию памятника Александра II.

Устав общества, к этому времени утвержденный администрацией, оказался страшно исковерканным по сравнению с первоначальным проектом и был проникнут сверху донизу духом полицейской опеки. Но это обстоятельство не остановило роста общества.

Члены общества из числа рабочих, состоявших на службе охранного отделения, получали от московского обер-полицеймейстера, как председателя столичного по фабричным делам присутствия, открытие листы, которые давали им право, вопреки запрету владельцев и фабричной инспекции, посещать фабрики и заводы и вступаться там за рабочих перед фабричной администрацией.

Такое вмешательство членов Совета во внутреннюю жизнь промышленных предприятий для защиты интересов рабочих, их неприкосновенность и результаты этого вмешательства, всегда благоприятные для рабочих,—все это необычайно импонировало рабочей массе, не задумывавшейся над истинными источниками силы и влияния руководителей Совета.

Предприниматели первоначально были сбиты с толку новым курсом правительственной политики в рабочем вопросе и не понимали ничего творящегося вокруг; большинство из них соглашалось решительно на все уступки, какие только были возможны. В умах же рабочих создалось непоколебимое убеждение, что Советы созданы высшим правительством с целью защиты их интересов против фабрикантов; все раз'яснения и обещания, исходившие от руководителей Советов, принимались рабочей массой со слепой верой в их правильность и осуществимость.

Казалось, задуманный департаментом полиции опыт насаждения полицейского социализма дли борьбы с влиянием на рабочую, массу социал-демократических организаций даст блестящие плоды.

Творцу этой системы—Зубатову—рисовались самые заманчивые перспективы. Помимо замедления превращения рабочего движения в движение политическое он рассчитывал, что успех созданных им организаций должен окончательно дискредитировать „революционных вожаков", а затем мало-по-малу путем административной расправы будет возможно удалить из рабочей среды все ее более сознательные элементы.

На одном из собраний московских фабрикантов, обеспокоенных непонятым для них новым курсом правительственной политики и поспешивших прибегнуть к заступничеству того же Зубатова,—шеф охранников раскрыл им свои планы и старался убедить их, что проводимая департаментом полиции политика окажется в конце-концов весьма выгодной и для предпринимателей.

Согласно этим планам Зубатова, предполагалось на каждой фабрике создать „свой" рабочий комитет, а общий надзор за комитетами сосредоточить в охранном отделении, которое для этой цели имеет особых агентов из среды опытных и благонадежных рабочих и которое будет нормировать все отношения между рабочими и предпринимателями без всякого вмешательства в это дело с чьей бы то ни было стороны...

Но этим утопическим планам Зубатова не суждено было осуществиться.

Предоставляя рабочим возможность собираться, столковываться, организовываться, пополнять свои знания, призывая их на демонстрации, носившие определенно политический характер, агенты Зубатова будили в рабочей массе такие настроения и стремления которые шли гораздо дальше желаний департамента полиции.

И так как эти стремления и настроения неизбежно встречали грозный окрик, то в результате разбитые надежды приводили рабочих к озлоблению и только взрыхляли почву для дальнейшего роста рабочего движения.

Кроме того, конкурируя с социал-демократическими организациями, искоренение которых ставилось основной целью нового курса, полицейские агенты в погоне за доверием рабочих масс сплошь и рядом принуждены были предпринимать такие шаги, которые шли прямо вразрез с целями, поставленными департ. полиции. Они не только вмешивались в стачки, значительно возросшие в это время в Москве под влиянием возбужденного

настроения рабочих, не только отстаивали требования последних, но не останавливались и перед прямыми угрозами неуступчивым капиталистам и перед призывами и подстрекательством рабочих к новым стачкам.

В результате всей этой деятельности, стачки рабочих в Москве значительно превысили обычную норму, необычайно возросло количество коллективных заявлений рабочих о неудовольствиях. Волнения рабочих охватили не только Москву, но стали быстро распространяться по уездам. Мало того: фабричный инспектор Владимирской губ. доносил, что „все успехи, достигнутые московскими рабочими, известны ковровским слесарям, усиленно ими обсуждаются и, видимо, их волнуют". Такое же положение создалось в Ярославской и Рязанской губерниях.

Как отражалась эта полицейская политика в умах серых рабочих, показывает история с рабочим-зубатовцем Янченковым, который при аресте заявил, что „рабочие об отводе им помещений для собраний не станут спрашивать разрешений ни в конторе, ни у хозяев, ни у станового пристава, а сами выберут подходящее помещение и там соберутся. Прошло время, когда были рабовладельцы и рабы и когда рабы уподоблялись пчелам и кормили своих господ задарма; теперь и рабы будут жить, как господа".

Многие из вовлеченных в зубатовские организации рабочих открыто проповедывали, что „скоро, мол, хозяев скрутят в веревочку, и тогда надо будет посмотреть, как они станут выколачивать с рабочих дивиденды; а потом и фабрики у хозяев отберут в казну, чтобы народу тесноты не было и была воля во всем".

По донесению фабричной инспекции, „в умах рабочих создалось непоколебимое убеждение, что эти (зубатовские) организации созданы высшим правительством с исключительной целью защиты интересов рабочих против фабрикантов, вследствие чего все раз'яснения и обещания, исходящие от главных деятелей этих организаций, принимаются рабочими со слепой верой, несмотря на явную иногда их нелепость".

Встревоженные не на шутку этим ростом движения и несклонные разделять радужных надежд Зубатова, фабриканты решились, наконец, открыто протестовать против всей новой политики, стремившейся отклонить неудовольствие рабочего класса от правительства на фабрикантов и желавшей купить спокойствие первого за их собственный счет.

Особенно взволновал их совершенно необычный в российских условиях инцидент на фабрике Гужона.

Несмотря на протесты фабричной администрации, главари зубатовского союза рабочих проникли на фабрику и побудили рабочих об'явить стачку, выставив требование значительно повысить заработную плату и уплатить рабочим за прошлое время 40.000 руб.

Когда владелец фабрики отказал в этом рабочим, в забастовку немедленно вмешалась полиция, угрожая Гужону немедленным арестом и высылкой из Москвы, если он не удовлетворит требований рабочих.

И только благодаря вмешательству французского посла, французскому предпринимателю удалось несколько ослабить нажим полиции.

После ряда неудачных ходатайств перед местной администрацией перепуганные предприниматели решили обратиться к своему постоянному покровителю и защитнику—министру финансов.

В записке, поданной ими министру финансов, фабриканты следующим образом возражали против целесообразности планов Зубатова: „если в предоставлении рабочим известной организации имеется в виду отвлечение их от участия в антиправительственной деятельности, то не менее опасным оказывается допущение их к деятельности анти-капиталистической, которая, несомненно, имеет одинаковое политическое значение, тем более, что справиться с массами, увлеченными каким-либо успехом в этом отношении, может впоследствии оказаться чрезвычайно трудным, если даже не совершенно невозможным".

Министерство финансов пошло навстречу желаниям фабрикантов и энергично вступилось за их интересы. Министерство внутренних дел также стало понимать свою ошибку, когда рабочее движение стало рвать полицейские оковы, а созданные с его благословения организации, пользуясь престижем правительственных органов, стали брать на себя защиту классовых интересов пролетариата.

Департамент полиции стал бить отбой. В августе 1902 г. Зубатов был переведен из Москвы, и с его от'ездом созданные им организации, не встречая прежней поддержки, стали хиреть, экономические завоевания рабочих брались назад, агитаторы стали высылаться из Москвы. Министр внутренних дел Плеве признал необходимым, чтобы устройство чтений для рабочих на будущее время допускалось не иначе, как под надзором местных властей, а кассы взаимопомощи разрешалось открывать только для отдельных фабрик, но не общие для нескольких.

Впереди, однако, инициаторов полицейского социализма ждало еще большее разочарование и неудачи. Самый тяжелый удар этой политике был нанесен летней всеобщей стачкой на юге России, в возникновении которой агенты Зубатова сыграли значительную роль.

Деятельность их на юге началась с Одессы с 1902 г. и особенно расширилась, когда в начале 1903 года туда прибыл некто Шаевич, которому было разрешено администрацией устраивать собрания рабочих. Под его председательством в особо нанятой квартире начались собрания рабочих, на которых раз'яснялось значение союзов и касс взаимопомощи для рабочего класса, был выработан устав подобного общества, избраны уполномоченные в совет союза. На собрания никто посторонний не допускался, а когда однажды нагрянул отряд полиции, по требованию присутствовавших на собрании он был удален из помещения.

Местная администрация, получившая соответствующие предписания от министерства внутренних дел, не чинила возникавшей организации никаких препятствий. Сам Шаевич заявлял, что он в своей деятельности будет руководствоваться не фабричным уставом, а „высшей справедливостью".

Любопытно отметить, что первоначально департамент полиции, очевидно, учитывая результаты Москвы и Минска, не решался открыто поддержать одесских независимцев. Поэтому в первом отношении на имя начальника одесского жандармского управления по поводу ходатайства „независимцев" о поддержке их работы было сказано, что „давать этим лицам официальное разрешение на устройство сходок, собраний и распространение воззваний, а равно оказывать им какое бы-то ни было содействие представляется неудобным, но тем не менее казалось бы возможным, не преследуя за означенные действия, отнестись к ним с терпимостью" *).

Вскоре, однако, это отношение изменилось, и одесская администрация получила уведомление, что деятельность „независимцев" „вполне соответствует видам правительства".

Условия работы „независимцев" в Одессе и вообще на юге России довольно резко отличались от Западного края.

В то время как там их агитация затрагивала почти исключительно ремесленный пролетариат, здесь им приходилось действовать преимущественно среди рабочих крупных промышленных предприятий.

*) „Былое" 1917 г., № 1 стр. 89.

В Одессе, напр., им довольно быстро удалось завязать прочные связи с рабочими железнодорожных мастерских, в порту на эллинге Русского Общества Пароходства и Торговли, на заводах Гени, Рестеля, Фендрих и др. Мелкие промышленные заведения, впрочем, также довольно скоро связались с „независимцами". „Была поднята,—вспоминает один из участников этого движения,—огромная серая масса русских рабочих, до того не знавшая, что такое организация... Позже мы начали организовывать матросов, наконец, портовых рабочих и пекарей; приходили прямо с работы, с тряпьем и хлебом под мышкой, с бутылкой в кармане, иногда—не трезвые. Собрания были огромные, затяжные. В этих массах вырастала огромная потребность в организации, и они наивно тянулись к ней" *).

Так как в Одессе в это время существовал целый ряд довольно крупных революционных организаций („Бунд", с.-р., русские с.-демократы) и общее число революционно-распропагандированных рабочих сами „независимцы" определяли цифрой до 3000 чел., им поневоле приходилось считаться с этим и программу собственной деятельности приспособлять к настроениям рабочей массы.

Настроение же последней, помимо воздействия революционных организаций, было повышенным также и потому, что в промышленности в этот момент после затяжного промышленного кризиса чувствовалось оживление, и рабочие стремились воспользоваться им, чтобы добиться возможно больших уступок со стороны предпринимателей.

Поэтому и „независимцам" волей-неволей приходилось выставлять в программе своей деятельности борьбу за сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы, создание боевых касс и т. п.

Организация стала быстро развиваться, число членов непрерывно росло. Были установлены единовременный (50 к.) и еженедельные (10 к.) членские взносы, и касса организации вскоре стала обладать крупными средствами.

Деятельность организации скоро перекинулась в соседние города: Елисаветград, Николаев, Херсон; в каждом из них организовывались профессиональные союзы рабочих, а во главе всех организаций каждого города был поставлен „Независимый рабочий комитет".

*) „Красный Архив", т. 1 стр. 320.

Первые месяцы деятельность всех этих комитетов шла очень гладко; Шаевич и его ближайшие помощники вмешивались в дела ремесленных мастерских, приглашали их владельцев для об'яснений и без особого труда добивались уступок для рабочих. Первое серьезное испытание произошло в мае 1903 г., когда комитет по настоянию рабочих решил назначить забастовку на механическом заводе Рестеля. Денег в это время в кассе комитета было много, и стачечникам аккуратно выдавались пособия; но стачка затянулась, забастовавшие рабочие были расчитаны, а на их место приглашены новые. Полиция считала своим долгом охранять штрейкбрехеров от „независимых". Последние обратились с жалобой к Шаевичу, но он предложил рабочим искать новые места, так как старые уже заняты. Вера рабочих в комитет поколебалась.

Но через некоторое время стачечное движение в Одессе охватило ряд профессий, среди которых было немало организованных „независимцев", исправно плативших взносы в кассу комитета. Последнему поэтому под напором рабочих волей-неволей пришлось снова вмешаться в стачку и взять на себя руководство ею.

В первые дни стачки Шаевич пытался было сокращать требования рабочих и препятствовать развитию движения, но на него набросились его же ученики, и ему пришлось уступить. А затем события стали развиваться с такой стремительной быстротой, что о руководстве стачкой, об ограничении требований, об устранении политики—не могло быть уже и речи.

Стачка стала всеобщей, перекинулась в соседние города: Екатеринослав, Елисаветград, Киев, Николаев, охватила весь юг, захлестнула все организации „независимцев" и опрокинула все расчеты творцов полицейского социализма; она сопровождалась грандиозными митингами с лозунгом „долой самодержавие" и повсюду носила ярко-политическую окраску. Шаевич растерялся, струсил, сказался больным, но и это его не спасло. Оправдаться перед департаментом полиции ему не удалось: его убрали из Одессы и сослали в Вологду.

Сам Зубатов тоже пострадал, впал в немилость после столь неожиданного крушения его планов, а созданные им организации частью захирели, лишившись покровительства охранных отделений, частью же вошли в общее русло пролетарского движения. Так закончилась эта попытка насаждения в России „полицейского социализма", но правительство и на этот раз не захотело окончательно отказаться от продолжения печальных опытов и в конце 1903 года решилось повторить эти опыты в Петербурге,

разрешив для этого священнику Георгию Гапону организовать там „Общество русских фабричных и заводских рабочих“ и заняться религиозно-нравственным воспитанием петербургского пролетариата. Чем закончилась эта последняя попытка министерства внутренних дел повлиять на направление рабочего движения, мы увидим в следующей главе.

XXIV.

Влияние рабочего движения на фабрично заводское законодательство.

Первые фабричные законы на Руси относятся еще к эпохе Петра I.

Это были большей частью отдельные указы и регламенты, касавшиеся определенных фабрик или, вернее, их владельцев, которым предоставлялись определенные льготы. Но на ряду со льготами владельцам, в этих указах часто встречались попытки регулировать рабочее время и устанавливать „достойную“ плату для рабочих.

Более общий характер носили регламенты Мануфактур-коллегии и Берг-коллегии, которые пытались возложить на последние некоторые обязанности по надзору за условиями труда на фабриках и заводах.

Это дало основание некоторым историкам фабричного законодательства в России чрезмерно превозносить заботливость Петра I о рабочих.

Но, не говоря уже о том, что характер надзора за фабриками, возлагавшийся на эти коллегии, оставался весьма неопределенным и предоставлял слишком большой простор усмотрению фабриканта,—более внимательное знакомство с законодательными актами Петра в отношении фабрик и заводов не оставляет никакого сомнения в том, что он меньше всего руководствовался при издании их интересами рабочих.

Главной целью устанавливаемого Петром I надзора являлось стремление добиться возможно большей производительности заводов и фабрик и обеспечить их постоянным и опытным кадром рабочих.

Этим же стремлением добиться во что бы то ни стало достаточной продуктивности фабричного труда и хороших качеств изготовляемых продуктов продолжали руководиться и преемники Петра I при издании последующих актов фабрично-заводского законодательства.

Так, напр., изданные в 1741 г. „работные регулы“ (правила) явились результатом работ особой правительственной комиссии,

выяснявшей причины медлительности фабричного производства и плохого качества отечественной продукции.

„Работные регулы" заставляли фабриканта исправно содержать фабричные здания, чтобы их состояние не отражалось на ходе работ; они заставляли его заботиться о своевременной заготовке сырья, дабы избежать остановок в производстве и уплаты рабочим за вынужденный простой.

И на ряду с этим они же предоставляли крепостнику-фабриканту полную возможность выжимать из рабочего maximum возможного, удлиняя рабочий день до 14 ч. в сутки (по указам Петра I работа не могла продолжаться дольше 12 ч. в сутки), вводя сдельную расплату за труд и жестоко карая штрафами и телесными наказаниями за прогулы.

Сравнительно незначительное проявление в этот период рабочих волнений и беспорядков не заставлял еще правительственную власть серьезно задумываться над урегулированием положения рабочих.

Наоборот, владельцам фабрик и заводов фактически был предоставлен широчайший простор эксплоатировать свою рабочую силу, так как даже те немногие ограничения, которые делались попутно в законодательных актах, были для них малообязательны при отсутствии постоянного надзора на местах.

И мы уже видели, до каких размеров местами доходила эта эксплоатация, результаты которой довольно скоро стали сказываться во все усиливавшихся рабочих волнениях.

Крепостной пролетариат России не мог, разумеется, вести сознательной и систематической борьбы за улучшение своего безотрадного положения.

Но его стихийная, все время возраставшая борьба, принимавшая порою весьма грозный характер, очень скоро уже стала пугать своими размерами и правящее поместное дворянство и самодержавное русское правительство.

Мы уже указывали, говоря о волнениях крепостных рабочих, как сама Екатерина II опасалась, что если Пугачеву удастся добраться до Москвы, то он легко „пакость какую ни на есть поделает... фабричными и барскими людьми".

Но даже еще и раньше, уже с первых лет царствования Екатерины II, усилившиеся фабрично-заводские беспорядки заставили, наконец, правительство обратить внимание на положение крепостного пролетариата и побудили его упорядочить положение крепостных рабочих.

Так еще в 1763 г., после волнений, происшедших на Ижевских и Воткинских заводах гр. Шувалова, Екатерина II сочла необходимым „вникнуть в причины сих беспорядков", поручила обследование положения рабочих специально посланным туда лицам и образовала комиссию, которая должна была озаботиться „о поправлении состояния заводских крестьян".

В результате работ этой комиссии на упомянутых заводах был установлен обязательный для их владельцев порядок работ, и рабочим предоставлено было право иметь своих выборных и самостоятельно разрешать всякие мелкие дела и споры.

Позднее этот же порядок был распространен и на все частные заводы.

Широкое участие крепостных рабочих в Пугачевском бунте заставило правительство еще более считаться с настроением крепостного пролетариата, и оно поспешило в 1774 г. пойти навстречу ему, более точно определив характер и размер работы приписных рабочих к горным заводам и увеличив им размер получаемой заработной платы вдвое. В 1788 г., опять-таки под влиянием рабочих волнений на казенных горных заводах, было признано необходимым особо оплачивать работу крепостных в праздничные дни.

В царствование Павла I усилившиеся волнения приписных рабочих послужили причиной к пересмотру законодательства о приписке к заводам крестьян и привели в конце-концов к изданию в 1807 г. закона о непременных работниках.

Хотя эта последняя мера была непосредственно продиктована интересами самих заводоуправлений, которым становилось все труднее содержать огромные кадры приписных вместе с их семьями, но тем не менее она улучшала и положение рабочего. При Александре I и Николае I фабрично-заводское законодательство делает некоторый дальнейший шаг вперед, устанавливая для отдельных групп рабочих ограничение рабочего дня до 12 и даже до 10 ч. в сутки, устанавливая обязательность повышения платы в зависимости от вздорожания жизни, обязывая фабрикантов и заводчиков организовывать лечебную помощь рабочим и уплачивать им пособия или же помещать их в богадельни при потере трудоспособности на работе и т. п.

Но при этом необходимо иметь в виду, что подобного рода новшества, особенно частые в царствование Александра I, вводились только на определенных заводах; когда же издавался общий закон, который должен был регулировать взаимоотношения труда и капитала на всех без исключения заводах, как, напр.,

при издании „Горного положения“ (в 1806 г.), правительство, видимо, не решалось эти льготы рабочим отдельных заводов распространять на все отрасли производства.

Но при Николае I правительство впервые должно было заняться вопросом о положении на русских фабриках и заводах вольнонаемного труда.

Последний к этому времени был настолько распространен и недоразумения вольнонаемных рабочих становились столь частыми, что во взаимоотношения их с заводоуправлениями пришлось вмешаться правительственной власти.

Первым фабричным законом, регулировавшим отношения владельцев фабрик к их вольнонаемным рабочим, было „Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму“, изданное еще в эпоху крепостного права, 24 мая 1835 г.

Этим законом рабочий обязывался не оставлять работы до истечения срока найма и не требовать прибавки задельной платы. Условия найма вписывались в особые расчетные листы, выдаваемые рабочим на руки; для записей расчетов с рабочими на фабрике заводились особые книги.

Владельцу фабрики предоставлялось право расчитать рабочего и до срока договора „по причине невыполнения им обязанностей или дурного поведения“, но при этом он обязывался предупредить рабочего об увольнении за 2 недели.

Уже и этот закон был вызван непрекращавшимися взаимными жалобами рабочих и фабрикантов друг на друга и теми рабочими волнениями, которые происходили в первой трети XIX столетия *). Вся же последующая законодательная деятельность правительства по урегулированию взаимоотношений труда и капитала происходила под еще более непосредственным влиянием усиливавшейся борьбы самих рабочих за улучшение своего положения.

Так, закон 7 августа 1845 г., запретивший ночную работу на фабриках малолетним до 12-летнего возраста, был издан под влиянием волнений, вспыхнувших в 1844 году в Дмитровском у., Московской губ., на огромной Вознесенской бумагопрядильне и потребовавших вмешательства войск для усмирения рабочих.

Расследование причин, вызвавших эти волнения, произведенное правительством, обнаружило, что на 23 бумагопрядильнях

*) Волнения происходили в 1800 г., 1806 г., 1815—1817 г. г., 1819 г., 1821—23 г.г. и 1834 г. См. об этих волнениях в главе I „Борьба крепостных рабочих“.

Московской губернии работало более двух тысяч детей, которые эксплоатировались капиталистами наравне со взрослыми рабочими.

Закон этот, однако, не имел никакого практического значения, так как не только не были указаны правила надзора за исполнением его, но даже не было определено никаких кар за его нарушение.

Уже при выработке положений 1835 и 1895 г.г. русское правительство, вынужденное серьезными рабочими волнениями приступить к урегулированию взаимоотношений вольнонаемного труда с капиталом, не забывало прислушиваться прежде всего к голосу представителей капитала, интересы коего ему, разумеется, были наиболее близки.

С заявлениями владельцев фабрик и заводов правительство считалось весьма сильно и в угоду им многие параграфы законов были сильно смягчены или же были изложены в такой форме, которая самый закон делала в конце-концов безвредным для предпринимателя.

Так, напр., при отказе рабочему от работы до истечения срока найма срок предупреждения был сокращен до 2 недель (вместо 1 месяца).

За несоблюдение владельцами фабрик и заводов требований закона о введении расчетных книг и выдаче рабочим на руки особых расчетных листов не было установлено никакого не только наказания, но даже штрафа, и потому эти пункты могли ими совершенно не соблюдаться.

С законом 7 августа 1845 г., кроме того, вышло еще довольно забавное, но тем не менее весьма характерное недоразумение, о котором нам приходилось уже упоминать и на котором следует остановиться здесь более подробно.

Будучи утвержден Николаем I и даже напечатанный в „Полном собрании законов", в „Свод законов", обязательный к исполнению (закон 7 августа 1845 г.), по неведомым причинам не попал и поэтому даже не мог применяться на практике, оставаясь вне действовавшего законодательства. Разгадку этих „неведомых причин" подобного отношения к законодательной охране детского труда легко отыскать, если познакомиться с тем противодействием, какое оказывали при прохождении этого закона владельцы фабрик и заводов.

Какие только доводы не приводились ими, чтобы сохранить за собою право бесконтрольно эксплоатировать труд малолетних: указывалось, будто ночная работа легче дневной, так

как менее продолжительна, что труд детей служит подспорьем для их родителей, что число малолетних на фабриках незначительно и т. п.

Неудивительно поэтому, что даже, будучи издан, этот закон остался без применения на практике. Впрочем, русские малолетки-рабочие в данном случае не одиноки: буквально та же история произошла в свое время и в Англии, где закон 1802 г. чуть ли не 30 лет не проводился в жизнь; то же самое повторилось во Франции с законом 1841 г. Все аналогичные случаи могут служить лишь иллюстрацией того положения, высказанного К. Марксом в первом томе своего „Капитала", согласно коему „установление нормального рабочего дня является продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом".

Такая же участь постигла и еще одно благожелательное бюрократическое начинание, имевшее место в царствование Николая I, так как, несмотря на издание закона 24 мая 1835 г., жалобы и недовольства рабочих не прекращались. Министром финансов Канкриным был выработан следующий маниловский проект улучшения быта рабочих, представленный на утверждение государя.

Предлагалось через московское отделение Мануфактурного Совета, представлявшего интересы фабрикантов, внушить всем содержателям фабрик в Москве и ее окрестностях следующее:

1) „Чтобы они пеклись о чистоте воздуха в мастерских и рабочих палатах, столь необходимого для сохранения здоровья; и для того, чтобы не дозволяли в оных оставаться рабочим на ночлег, имели бы для него отдельные покои".

2) „Чтобы мужчины и женщины имели для ночлега отдельные и не слишком тесные помещения, равно как и малолетние дети, если не живут с родителями".

3) „Чтобы на случай болезней, не требующих отправления в госпиталь, а более—успокоения, и на случай недостатка помещения в больницах, на заведениях, где рабочих до 50 человек, был особый покой с двумя кроватями и нужным прибором на сто человек с четырьмя, а буде можно—и более кроватями, и так далее. Причем, чтобы хозяева вообще прилагали старания о призрении и лечении больных, а особенно в случае прилипчивых и других опасных болезней".

4) „Чтобы малолетние дети не подвергаемы были изнурению слишком продолжительной дневной работой и чтобы хозяева, по мере удобности, пеклись об учении, состоянию их свойственном,

а особенно детей самих московских жителей, учреждением ли на самих фабриках небольших школ или уроков, или отправлением оных в другие заведения".

5) Чтобы фабриканты имели попечение, дабы артели работников получали свежую и добротную пищу".

6) „Чтобы хозяева старались воздерживать рабочих от неумеренного употребления крепких напитков,—особенно во время окончательного с ними расчета перед Пасхой, изыскивая притом способы, чтобы заработанные ими деньги доходили до семейств сих рабочих, наблюдая равномерно за нравственностью между рабочими на сих фабриках, и особенно там, где занимаются многие жены нижних военных чинов".

Хотя подобный наивный проект облагодетельствования рабочих и удостоился одобрения Николая I, но, разумеется, никакого практического применения он не получил.

Министр финансов, пересылая его в Мануфактурный Совет, сопроводил свое изобретение еще следующим рецептом осторожного его применения:

„Внушения сии члены московского отделения Мануфактурного Совета обязаны производить с кротостью и нужной осторожностью, дабы не возбудить в работниках преждевременных притязаний, духа неповиновения и ропота".

Члены же Мануфактурного Совета, разумеется, и не подумали выполнять навязываемые им благоглупости министра финансов; они поэтому ограничились простой рассылкой его „внушений" владельцам фабрик, и последние поспешили ответить, что у них все обстоит благополучно.

На этом дело и кончилось.

О необходимости заставить фабрикантов реально провести в жизнь хотя бы некоторые из высказанных Канкриным пожеланий никто не позаботился.

Вскоре эти маниловские правила были основательно забыты самими составителями их.

Зато в отношении рабочих волнений и стачек в том же 1845 году, при издании „Уложения о наказаниях", были выработаны специальные статьи, значительно ухудшавшие положение рабочих. Так, по ст. 1791 нового Уложения, „в случае явного неповиновения фабричных и заводских людей владельцу и управляющему заводом, оказанного целой артелью или толпой, виновные подвергаются наказаниям, определенным за восстание против властей, правительством установленных", а ст. 1792 того же Уложения впервые установила наказание рабочих за стачки.

Эти карательные меры, разумеется, не могли остановить дальнейшего развития рабочего движения.

Стачки и волнения рабочих, вызываемые глубокими экономическими причинами, не только не прекращались, но и усиливались с ростом промышленности, и вскоре же за изданием статей закона, наказывающего рабочих за стачки, правительство было вынуждено опять заняться упорядочением рабочего вопроса.

Целый ряд комиссий был занят составлением записок, посвященных вопросам об улучшении быта рабочих, об изменении санитарных и гигиенических условий труда на фабриках и заводах, об ограждении рабочих от несчастных случаев, об ограничении ночной работы для женщин и малолетних, об обеспечении рабочих врачебной помощью; проектировалось даже открытие школ для детей рабочих и курсов для рабочих.

Но все эти проекты обычно разбивались о сопротивление фабрикантов, которые высказывались против всяких нововведений, ограничивающих их права на эксплоатацию рабочего или же сопряженных для них с новыми расходами.

Правительство не решалось пойти против капиталистов, и благие пожелания комиссий, пройдя ряд инстанций, так и не получали осуществления.

К каким способам иногда не стеснялся прибегать класс капиталистов для отстаивания своих интересов, видно из следующего характерного случая:

Когда во второй половине 70-х годов Владимирское губернское земство заинтересовалось вопросом об охране труда малолетних на фабриках и заводах, к нему в изобилии посыпались протесты и доводы самих фабрикантов о нежелательности введения каких-либо ограничений в этой области.

Когда же и это не помогло, к давлению на земство были привлечены и сами рабочие.

От мастеровых и рабочих стеклянного завода Костыревых тогда поступило следующее заявление:

„Мы, нижеподписавшиеся, выслушав от конторы Мышеронского завода определение губернской земской управы о недопущении на работу наших детей, не достигших 14-летнего возраста, находим для себя неудобным, потому что стеклянное мастерство есть от прочих исключительное, требующее привычки к жару, особенного развития рук, особенных приемов, которые достигаются со временем и постепенно, и многое другое, что

непременно каждый должен знать с 14-летнего возраста, иначе он не будет иметь возможности быть мастером".

Интересно отметить, что даже среди фабрикантов находились целые группы, которые также высказывались за необходимость законодательной охраны труда рабочих.

Так, напр., все крупные петербургские фабриканты и фабриканты г. Лодзи являлись сторонниками отмены ночных работ на фабриках и законодательного ограничения продолжительности рабочего времени.

Капиталисты же центрального района России и провинциальные фабриканты являлись ярыми противниками подобных ограничений и энергично им противодействовали, поднимая вопли, что осуществление этих мероприятий погубит отечественную промышленность.

Было бы наивно думать, что в данном случае крупные капиталисты являлись наиболее гуманными или были более склонны защищать интересы рабочего класса.

Действиями их в данном случае руководили совершенно иные мотивы. Дело в том, что петербургским фабрикантам в то время приходилось испытывать недостаток рабочих рук. Значительная часть рабочего населения Петербурга были крестьяне отдаленных промышленных губерний, так как близлежащие губернии были населены сравнительно слабо.

Поэтому петербургским фабрикантам, чтобы привлечь на свои фабрики рабочих, приходилось назначать им более высокую плату, чем та, какую они получали у себя на родине.

Фабрики же центрального района России никогда не испытывали недостатка в рабочих руках и даже никогда не могли использовать целиком всего свободного населения, которое из этих губерний, не находя работы на месте, уходило на отхожие промыслы.

Поэтому заработная плата на фабриках Московской, Владимирской и др. центральных губерний была на одну треть и даже в полтора раза ниже, чем в Петербурге. Лодзинские фабриканты также должны были мириться с более высокой оплатой труда, так как культурный уровень польского рабочего был выше, чем в остальной России.

Такое различие в заработной плате, в свою очередь, неизбежно приводило и к различию в технике производства. Чем выше была заработная плата, тем выгоднее была для фабриканта замена рабочего машиной.

Поэтому лодзинские и петербургские фабрики предпочитали заводить у себя всякие усовершенствования и вводить новые машины, тогда как фабриканты центрального района России при существующей низкой заработной плате находили замену рабочего машиной для себя невыгодной.

По этим же причинам на московских фабриках, напр., всюду была распространена ночная работа, хотя она и менее продуктивна, чем дневная; для петербургских же и лодзинских фабрикантов, при дорогом рабочем труде, ночная работа являлась невыгодной, и там преобладал исключительно дневной труд.

Точно также для Петербургского района было даже выгодно заменить труд малолетних механическими приспособлениями к машинам, для центрального же района такая замена грозила крупным уменьшением прибыли.

Вот по этим-то причинам, а отнюдь не из гуманных соображений, капиталисты более развитых промышленных районов даже настаивали на ограничении законодательным путем продолжительности рабочего дня, запрещении ночной работы и прекращении эксплоатации малолетних.

Этим путем они надеялись уравнять условия конкуренции других промышленных районов, которые, пользуясь дешевым рабочим трудом и непрерывной работой в течение целых суток подрывали их собственное производство.

Но правительство, как уже указывалось выше, не склонно было долгое время вводить даже те ограничения эксплоатации рабочих, на которые соглашалась часть капиталистов.

По признанию одного из агентов царского правительства:

„Вместо того, чтобы идти навстречу справедливым желаниям рабочих получить некоторый голос и свободу в своих отношениях к хозяевам и вообще дать им мирным путем некоторые человеческие права (соглашения, коалиции и пр.), политика нашего министерства финансов всегда решительно становилась на сторону интересов хозяев, чем насаждала среди рабочих глухое недовольство и приводила к беспорядкам, а в конце-концов привела и к революции“ *).

Прошло более 20 лет со времени образования первых комиссий по рабочему вопросу, а результаты их работ, обыкновенно, погребались в недрах бюрократических канцелярий. И неизвестно, когда бы эти результаты увидели свет, если бы все более и более разраставшееся рабочее движение, которое, как мы видели,

*) И. Янжул. „Из воспоминаний“. СПБ., 1907 г., стр. 12.

к концу 70-х гг. приняло весьма крупные размеры и распространилось по всей России, не заставило правительство торопиться с осуществлением ряда наиболее неотложных мероприятий по охране труда на фабриках и заводах.

В 1859 г., ввиду участившихся несчастных случаев с рабочими, была образована первая такая комиссия, работавшая под председательством Штакельберга; затем ее сменили комиссии графа Игнатьева, гр. Валуева; специальная комиссия существовала также при Всероссийском техническом обществе. Вопросами о нормировке труда занимались также представители с'ездов крупных производств, напр., с'езд торговой промышленности в 1870 г., с'езд машиностроителей в 1875 г.

Работа комиссии 1859 г. совпала с эпохой либерализма начала царствования Александра II. Согласно духу эпохи выработанный ею проект правил „к ограждению рабочих от увечий и для облегчения работ малолетних" заключал в себе не мало либеральных новшеств, целиком заимствованных из иностранных законодательств.

Так, между прочим, по проекту комиссии требовалось, чтобы рабочих, перед допущением их к машинам, обязательно обучали обращению с ними, само собою предусматривалось устройство возможных приспособлений для ограждения наиболее опасных частей машины. Фабричные помещения должны быть светлы и просторны; температура воздуха в них не должна быть ниже 13—15° по Реомюру. Для малолетних до 12 лет работа воспрещалась вовсе, а до 16-летнего возраста воспрещалась ночная работа.

Для надзора за исполнением закона предполагалось ввести инспекторат. В случаях увечий проект возлагал на предпринимателей обязанность возмещать рабочим расходы по лечению и похоронам, а при утрате работоспособности не по вине рабочего выдавать вознаграждение соответственно размерам инвалидности. Нарушение „правил" фабрикантами каралось денежным штрафом.

Этот либеральный проект встретил, разумеется, противодействие со стороны предпринимателей и вскоре погиб в недрах бюрократических канцелярий.

Весь либерализм 60-х годов в области фабрично-заводского законодательства вылился лишь в издании временных правил о найме сельских рабочих в 1863 г., временного закона 1866 г. об организации врачебной помощи на фабриках, вызванного борьбой с холерой, да в издании в 1869 году дополнений к постановлениям о горнозаводском труде.

О временных правилах найма сельско-хозяйственных рабочих речь будет ниже.

Согласно же закону 1866 г., изданному в виде утвержденного положения комитета министров, на предпринимателей было возложено на всех крупных фабриках устроить больничные помещения из расчета 1 койка на 100 чел. рабочих.

Наконец, законом 1869 г. для горных заводов были введены рабочие книжки, воспрещена работа женщин внутри рудников и обеспечивалась рабочему медицинская помощь.

Если сравнить эти жалкие начинания рабочего законодательства либеральных 60-х годов с интенсивной законодательной деятельностью эпохи глухой реакции—80-х годов прошлого столетия, —зависимость фабрично-заводского законодательства от непосредственной борьбы рабочего класса не может не броситься в глаза.

Бесконечное топтание на месте специальных комиссий сменилось быстрой законодательной деятельностью только тогда, когда гулким эхом пронеслось по всей России массовое выступление рабочих против беззастенчивой эксплоатации. Пока же в 60-х годах на фабриках и заводах волнения рабочих носили случайный характер, об ограничениях этой эксплоатации правительственная власть не торопилась заботиться.

Точно также и в течение всех 70-х годов слабый еще пульс рабочего движения не мог заставить власть и имущественные классы считаться с нуждами пролетариата, а потому эти годы опять-таки характеризуются бесконечными заседаниями комиссий по рабочему вопросу и отсутствием реальных улучшений правового положения рабочего класса России.

Еще более характерны в этом отношении временные правила „о найме сельских рабочих“ 1863 г. Изданные по настояниям помещичьего класса, они более чем достаточно ограждали интересы землевладельцев.

Они требовали, чтобы при наймах на сельские работы обязательно пред'являлась рабочим его рабочая книжка, в которую вписывалось бы время работы и причины ухода; во время работ последняя должна была храниться у помещика, рабочему же на руки взамен ее выдавался расчетный лист.

Самовольный уход рабочего карался штрафом, согласно договора с ним, или денежным взысканием по решению суда.

Но помещикам всего этого казалось мало, и они почти тотчас же за изданием этих правил стали добиваться изменения их в смысле еще большего закабаления рабочего.

До чего при этом доходили порою их аппетиты, могут служить примером ходатайства зубров некоторых земств, которые предлагали, чтобы волостные власти подвергали приводу самовольно ушедших с работ рабочих и отвечали сами за неисполнение этого; при троекратном самовольном уходе с работ одно из земств требовало заключения таких рабочих в арестантские роты.

Самодержавное правительство не замедлило откликнуться на „нужды" помещичьего класса, и особой комиссии под председательством гр. Игнатьева было поручено пересмотреть „временные правила" 1863 г., а заодно—об'единить законодательство о личном найме вообще. Игнатьевская комиссия постаралась удовлетворить большинство из вожделений помещиков, высказавшись даже за принудительное водворение самовольно ушедших рабочих. Но так как на ряду с этим она признала кое-какие права и за рабочими (обеспечение выплаты заработка в срок, обязательная расплата деньгами и т. п.), то в конце-концов проект комиссии не удовлетворил дворянских притязаний и на помощь им выступило само министерство внутренних дел со своим контр-проектом, еще более откровенно и полно закабалявшим сельско-хозяйственного рабочего.

Тогда оба проекта—и Игнатьевский и министерства внутренних дел—были переданы в новую комиссию под председательством Валуева; которая и постаралась внести в работу Игнатьевской комиссии поправки в духе притязаний помещиков. Принудительный возврат самовольно ушедшего рабочего был оставлен в силе, а к нему добавлялась еще обязательная рабочая книжка, без которой никто не мог приниматься и поступать на работы. Достаточно было одного полицейского протокола, чтобы суд по требованию помещика выносил постановление о принудительном водворении ушедшего рабочего.

Казалось, все домогательства землевладельцев удовлетворены полностью и их интересы ограждены больше чем надо, но, к счастью для рабочих, прохождение Валуевского проекта каторжного закона о найме сперва затормозилось спором между помещиками и фабрикантами.

Отстаивая ревностно свои собственные интересы, землевладельцы не прочь были отыграться либеральными новшествами по отношению к фабрично-заводскому пролетариату.

Да не подумает читатель, что и в этом отношении они заходили слишком далеко,—речь шла всего-на-всего об ограничении эксплоатации труда малолетних; но и этого было достаточно,

чтобы фабриканты и заводчики поспешили мобилизовать свои силы и стали добиваться изменения стеснительных для них статей проекта закона.

На эти споры и домогательства успело уйти несколько лет, и когда, наконец, проект закона поступил на окончательное разрешение Государственного Совета, вся общественная обстановка так изменилась, что от издания каторжного закона пришлось отказаться вовсе.

К этому времени (1880 г.) начал пробуждаться рабочий класс, а революционное движение среди интеллигенции достигло в лице „Народной Воли" небывалой силы, и Государственный Совет должен был признать, что новый закон даст „многие поводы к недоразумениям и преувеличенным требованиям, которые могли бы вести к взаимному раздражению", а этого, по мнению Государственного Совета, „необходимо избегать в настоящее тревожное время, когда злоумышленники, стремящиеся к ниспровержению существующего государственного и общественного строя, как заявлено в заседании департаментов министром внутренних дел, постоянно возбуждают рабочих против нанимателей, об'ясняя первым отношения их к хозяевам в совершенно превратном смысле.

„При столь неблагоприятных обстоятельствах,—умозаключил Государственный Совет,—нельзя не опасаться, чтобы новый закон о рабочих, построенный на вышеуказанном начале, в случае его утверждения, не послужил поводом и средством к усилению, а, быть может, и к более успешным, нежели до сих пор, преступным попыткам означенного рода".

Так, несмотря на десять лет предварительной разработки, законопроект Валуевской комиссии и не увидел света.

Но как-раз вслед за этим сам рабочий класс своими пока стихийными выступлениями начал давать о себе знать,—и Государственному Совету, отказавшемуся от проведения закона о закабалении рабочих, вскоре в срочном порядке пришлось заняться рассмотрением ряда законопроектов, улучшающих положение рабочих и условия труда на фабриках.

Начиная с 80-х годов, правительством довольно спешно был издан целый ряд законов, направленных к урегулированию положения рабочего класса.

Этими законами были удовлетворены наиболее наболевшие из нужд русского пролетариата, которые в то время все чаще и чаще являлись непосредственными причинами волнений и стачек.

Но при этом, как увидим ниже, интересы фабрикантов не были забыты правительством и достаточно были ограждены их „священные“ права на эксплоатацию рабочей силы.

За рабочими каждый раз признавались лишь те права, отказывать далее в удовлетворении которых представлялось совершенно невозможным, так как это грозило еще большим распространением рабочих волнений и угрожало общественной безопасности.

Первым таким законом, изданным 1 июня 1882 года, был ограничен труд малолетних. Хотя этот закон как бы повторял только запрещения закона 1845 г., но он существенно отличается от последнего тем, что исполнение закона на этот раз было обеспечено особой карой: за неисполнение его фабриканты подвергались штрафу до 100 руб. или аресту до 1 месяца. Кроме того, надзор за выполнением этого закона был возложен на правительственных инспекторов.

Правда, таких фабричных инспекторов в то время на все необ'ятное пространство Российской империи было установлено всего 20 человек и, разумеется, они были не в силах не только уследить за всеми нарушениями закона, но даже хотя бы по разу посетить подведомственные им промышленные заведения.

В среднем, на одного фабричного инспектора приходилось по 1.300 промышленных предприятий с 44.000 рабочих; округа их деятельности достигали чудовищных размеров: самый малый—Варшавский округ—обнимал более 110.000 кв. верст, а некоторые достигали 500.000 кв. верст.

Да и самое наказание, какое закон налагал на предпринимателя, нарушавшего его постановления, было более чем ничтожно; для многих из них было выгодно до поры до времени сознательно нарушать закон, чтобы потом, когда это нарушение будет замечено фабричной инспекцией, уплатить ничтожный штраф.

Но, несмотря на эти недочеты, закон 1 июня 1882 г. имел важное значение, так как явился первой серьезной попыткой законодательным путем ограничить произвол фабрикантов в эксплоатации рабочего труда.

Он дал также возможность рабочим, в тех случаях, когда предприниматели стремились обойти закон, требовать его выполнения.

Сущность этого закона сводилась к следующему: дети моложе 12 лет к работам на фабриках и заводах вовсе не допускались; работа малолетних от 12 до 15 лет была ограничена 8 часами

в сутки, причем работа в ночное время и в дни праздников для этих подростков была совершенно запрещена.

Запрещено было также допускать малолетних к работам в производствах, которые по самому характеру своему признавались вредными или изнурительными для детского организма.

На владельцев фабрик, кроме того, было возложено предоставлять детям, не получившим первоначального образования, возможность посещать школу. Но, не говоря уже о том, что создание таких школ при фабриках не было сделано для фабриканта обязательным, самая возможность сколько-нибудь плодотворных занятий для ребенка, проработавшего 8 часов, должна быть поставлена под сомнение.

За законом 1882 г. вскоре последовал ряд других: 12 июня 1884 г. был издан закон о школьном обучении малолетних, работающих на фабриках и заводах; в этом же году министром финансов, по соглашению с министром внутренних дел, были составлены правила о производствах, в которых допускалась ночная работа малолетних, а также правила о производствах, в которых работа детей в возрасте от 12 до 15 лет воспрещалась безусловно.

В этом же году был издан закон о фабричной инспекции и утверждена инструкция чинам этой инспекции и правила относительно исполнения постановления закона владельцами промышленных заведений.

Все эти законы, однако, не затронули наиболее наболевших сторон фабрично-заводской жизни: произвольного понижения расценок, расплаты за работу товарами, произвольной системы штрафов; рабочие волнения в первой половине 80-х годов не только не прекратились, но еще более обострились под влиянием промышленного кризиса, и правительство сочло себя вынужденным еще более поспешить с изданием новых законов.

3 июля 1885 г. был издан закон, запрещающий женщинам и подросткам, не достигшим 17 летнего возраста, ночную работу на полотнянных, хлопчато-бумажных и шерстяных фабриках; несколько позднее действие этого закона было распространено также на льнопрядильные, льнотрепальные фабрики и на фабричные заведения, изготовляющие смешанные ткани.

Еще более важное значение имел для рабочих закон, изданный 3 июня 1886 г. Этим законом, наконец, было положено серьезное ограничение произволу предпринимателей на фабриках и заводах.

Согласно ему, фабриканты обязывались при найме рабочих снабжать их расчетными книжками установленного образца, в которых должны быть помещены все условия договора: срок, на который нанят рабочий, размер заработной платы, и перечислены случаи, за которые полагается штраф. Изменение этих условий договора до окончания срока найма запрещалось как рабочим, так и предпринимателям.

Расплата с рабочими должна производиться в сроки, указанные в расчетных книжках, и притом исключительно деньгами; фабрикантами было запрещено делать какие бы то ни было удержания из заработка рабочего, а также входить в разбирательство частных долгов рабочего.

Устройство лавок при фабриках допускалось лишь с разрешения фабричной инспекции, которая обязана была утверждать таксы на продаваемые в них продукты.

Инспекцией же утверждался весь внутренний распорядок на фабрике: продолжительность рабочего дня, распределение рабочего времени, расписание праздников, размеры и поводы наложения штрафов на рабочих и т. д.

При этом наложение штрафов было ограничено: их разрешалось взимать только в установленных размерах и лишь за неисправную работу, за прогулы или нарушение порядка на фабрике.

За нарушение постановлений закона фабрикантом последнему грозило денежное взыскание в размере до 300 руб.

Но, на-ряду с этими статьями закона, ограничивавшими прежнее беспредельное хозяйничанье фабрикантов на фабриках и заводах, новый закон все же оставлял рабочего далеко не в выгодном положении по сравнению с положением фабриканта. Так, рабочий сам не имел права расторгнуть договор найма, а мог только добиваться его расторжения судебным порядком.

Даже при наличности таких уважительных причин, как, например, смерть близких родных, неполучение причитающейся ему платы, разрушительное действие работы на его организм, даже оскорбления и побои со стороны фабричной администрации — не могли оправдать его самовольного ухода с фабрики.

И при наличности этих причин рабочий должен был предварительно обращаться в суд и терпеливо выжидать его решения, так как в противном случае ему грозил арест сроком до одного месяца.

А в то же время заведующему фабрикой или заводом тот же закон предоставлял право, в случаях неявки рабочего на работу

более 3 дней сряду или пропуска более 6 дней в месяц без уважительных причин, неявки рабочего более двух недель и по уважительным причинам, вледствие дерзости или дурного поведения, наконец, при обнаружении у рабочего заразительной болезни— нарушить договор найма и расчитать рабочего.

Такое несправедливое отношение закона к обеим договаривающимся сторонам, какими по существу являются фабрикант и рабочий при заключении договора найма, бьет прямо в глаза; оно усугубляется еще и тем, что в то время, как рабочему за нарушение этого договора грозит уголовная кара, фабрикант отделывается только гражданской ответственностью: закон предоставляет рабочему право, при увольнении его без всяких законных к тому причин, взыскивать причиненные ему предпринимателем убытки судом.

Эту разницу в отношении закон старается мотивировать „имущественной необеспеченностью рабочего". Но даже сами составители закона должны были признать, что эти статьи „противоречат основным началам уголовного права" и что „при всем старании нельзя отыскать достаточно основательных мотивов, которые оправдывали бы существование этих статей"..

Прибавьте к этому всю неопределенность таких терминов, как „дерзость", „дурное поведение", при проявлении коих со стороны рабочего закон предоставляет фабриканту право выбросить рабочего на улицу на самом законном основании, и вам станет тогда еще яснее, что при издании этого закона правительство достаточно позаботилось об интересах класса предпринимателей.

Интересы рабочих ограждены законом 1886 г.. лишь постольку, поскольку это было необходимо, чтобы водворить спокойствие и порядок среди волнующихся рабочих масс и предупредить на будущее время возможность их повторения.

Закон 3 июня 1886 г. был издан правительством под непосредственным впечатлением таких проявлений рабочего движения 1884—1885 г.г., как стачки на Жирардовской мануфактуре, на Вознесенской мануфактуре в Дмитровском уезде и на Никольской мануфактуре в Орехове-Зуеве, с которыми мы подробно познакомили читателя.

Об этом откровенно заявил министр финансов в своей записке о пересмотре статей закона, карающих забастовки, говоря, что „крупные беспорядки в Московской и Владимирской губ. послужили толчком к изданию специального закона 3 июня 1886 г."

Под влиянием этих серьезных волнений, потребовавших для их подавления вызова войск, правительством была образована комиссия под председательством тогдашнего директора департамента полиции, сенатора Плеве, которая убедилась, что волнения эти имели не случайный характер, а явились результатом самых возмутительных отношений фабрикантов к своим рабочим.

Вот какими чертами, между прочими, обрисовывал тогдашний министр внутренних дел, гр. Толстой, в своем письме к министру финансов существовавшие на фабриках взаимоотношения между трудом и капиталом, обосновывая необходимость издания нового закона.

„Исследования местными властями причин стачек рабочих (в Московской и Владимирской губ.) обнаружили, что они грозили принять размеры серьезных волнений и произошли, главным образом, вследствие отсутствия в нашем законодательстве общих постановлений, на основании коих могли бы определяться взаимные отношения фабрикантов и рабочих.

„Такой пробел в законодательстве, обуславливая разнообразные порядки на фабриках, открыл широкий простор произвольным, клонящимся к ущербу рабочих, распоряжениям фабрикантов и ставил первых в крайне тяжелое положение: несоразмерно высокие штрафы, ввиду временного упадка промышленности, часто служили в руках фабрикантов способом искусственного понижения заработной платы до того, что рабочий лишался возможности уплатить лежащие на нем повинности и прокормить свою семью; высокие цены в фабричных лавках и недобросовестность приказчиков вызывали справедливый ропот и недовольство рабочих, а недостаток точности при составлении условий с малограмотными людьми порождал постоянные споры в расчетах задельной платы...

„Совокупность всех изложенных и многих других причин влекли за собою, как показал опыт, возникновение беспорядков, а необходимость для их прекращения прибегать к содействию войска в достаточной степени свидетельствует о настоятельности приступить к составлению, в развитие действовавшего фабричного законодательства, таких нормальных правил, которые, ограничивая в известной степени произвол фабрикантов, способствовали бы устранению в будущем прискорбных случаев, имевших место в Московской и Владимирской губерниях“.

Еще определеннее и откровеннее изложены мотивы, побудившие царское правительство поспешить с изданием этого закона, в отчете Государственного Совета за 1886 год:

„Постепенно накопляющееся в классе фабричных рабочих недовольство,—говорится там,—делает его благоприятной, восприимчивой почвой для преступных учений, стремящихся к уничтожению государственного и общественного строя.

„Этим об'ясняется тот факт, что представители противоправительственной пропаганды сосредоточивают в последнее время свое внимание на фабричном населении и нередко скрываются в его рядах...

„Ввиду этого и в заботе о возможном устранении фабричных стачек и беспорядков, министерство внутренних дел признало необходимым без дальнейших промедлений приступить к пересмотру существующих постановлений устава о промышленности в смысле урегулирования взаимных отношений между фабрикантами и рабочими".

Таким образом, как видит читатель, сами творцы закона при издании его стремились лишь к ограничению произвола фабрикантов „в известной степени", отнюдь не желая ограничить их в этом отношении совершенно. В этом отношении закон 1886 г. вполне отвечал политике русского правительства во всем покровительствовать интересам капитала.

К тому же предприниматели довольно скоро научились обходить и те статьи закона, которые их наиболее стесняли.

Так, напр., аккуратнейшим образом записывая выдачи денег в расчетную книжку рабочего, на самом деле уплату денег фабриканты задерживали попрежнему и при расплате с рабочими товарами из фабричной лавочки отмечали эти выдачи в переводе на деньги; взамен штрафов, которые должны были поступать в особый штрафной капитал, рабочему записывалось неполное количество рабочих дней или же, вместо изготовленного рабочим количества товара одного сорта, в расчетную книжку записывалось такое же количество низшего сорта.

И, тем не менее, несмотря на все указанные недочеты, этот закон следует признать крупным завоеванием рабочих. Он во многом облегчил им дальнейшую борьбу, и, опираясь на него, рабочий класс России сумел рядом дальнейших стачек значительно улучшить свое экономическое положение.

Правда, одновременно с изданием этого закона, правительство, в тех же целях водворения порядка и спокойствия среди волнующихся рабочих, поспешило усилить наказание за стачки, повысив его для зачинщиков до 8 месяцев тюремного заключения, а при повреждении или уничтожении фабричного имущества даже

до 1 года 4 месяцев, для рядовых участников мирной забастовки до 4 месяцев; но эти наказания не смогли оказать сколько-нибудь существенного влияния на число и размер стачек.

С дальнейшим ростом промышленности последние продолжали даже разрастаться, хотя рабочие были прекрасно осведомлены о строгости наказаний, грозящих им за участие в стачке. Весьма возможно даже, что знание этих наказаний являлось для рабочих в последующий период их борьбы лишним побудительным мотивом втягивать во всякую возникавшую стачку возможно большее число фабрик: если и возможно было засадить в тюрьму десятки и сотни забастовавших рабочих, то для десятков тысяч стачечников не хватило бы никаких правительственных тюрем.

В том же 1886 г. были изданы правила о найме рабочих на сельско-хозяйственные работы, содержащие, на ряду с наказанием за стачки и самовольный уход, ряд карательных постановлений, ограничивавших права и свободу сельского пролетариата.

Но как ни суровы были эти правила для сельско-хозяйственного пролетариата, им все-же было далеко от крепостнических проектов Валуевской комиссии.

Помещикам пришлось отказаться от своих крепостнических притязаний на полное закабаление рабочего. В частности вопрос об обязательной рабочей книжке оказался к этому времени окончательно похороненным и уже больше не поднимался.

Вся вторая половина 80-х годов полна стачками рабочих, которые упорно добивались применения нового закона и энергично протестовали против всяческих обходов его предпринимателями. И последние вскоре должны были убедиться, что закон этот хотя и достаточно мягок для них, но в то же время дает и рабочим в руки сильное оружие для борьбы.

Поэтому к концу 80-х годов ими была предпринята целая организованная кампания за отмену этого „стеснительного“ для промышленности закона. Фабриканты открыто заявили, что „новые фабричные постановления составлены в духе неприязни... к высшему капиталистическому классу и в духе пристрастного покровительства нанимаемым, низшему рабочему классу“.

Защитником интересов капиталистов выступило сперва „Московское отделение общества для содействия промышленности и торговли“, а вслед затем—„всероссийское купечество“, с'ехавшееся на нижегородскую ярмарку.

Министр Бунге, которого капиталисты считали виновным в издании этих законов, подвергся обвинению „в непонимании

условий русской жизни, доктринерстве, в увлечении тлетворными западно-европейскими „теориями“ и должен был покинуть свой пост, а его преемник, Вышнеградский, пошел навстречу желаниям предпринимателей.

Любопытен, между прочим, обмен любезностями, который по этому поводу произошел между представителями русской промышленности и правительством во время пребывания Вышнеградского на нижегородской ярмарке.

Представители „всероссийского купечества“ подали там ему обширную записку о своих пожеланиях и нуждах, особенно напирая на те „недоумения и неприятности“, которые в их среде вызвал закон об учреждении фабричной инспекции.

„Русские промышленники—говорилось в этой записке,—оглядываясь на долгое спокойное и патриархальное прошлое русских производств, смеют думать, что они заслуживают у власти большего доверия, чем то, какое им оказано введением стесняющего как их, так и их рабочих, нового фабричного закона, отдающего часто целые предприятия на милость лица, в фабричном деле совершенно не компетентного и не имеющего ничего общего ни с интересами государства, ни с нуждами купечества. Ярмарочное купечество и производители не имеют ничего против вмешательства государства во взаимные отношения фабрикантов и рабочих; они готовы приветствовать закон, хорошо регулирующий эти отношения, и его истолкователей, стремящихся водворить мир, тишину и любовь в фабричной среде. Но они полагают, что существующий закон весьма мало приближается к этому идеалу, а его исполнители явно уклоняются в сторону, тенденциозно преследуя совершенно непонятные цели и только внося раздор и разлад в фабричную жизнь“.

— „С особенным вниманием,—отвечал фабрикантам и заводчикам Вышнеградский,—просматривая и исследуя все поступающие жалобы, я должен признать их основательность. В обширных и подробно мотивированных ходатайствах московскоto отделения Мануфактурного Совета и московского отделения для содействия промышленности и торговле, о которых говорится в записке, я был приятно поражен той умеренностью и справедливостью требований, которая там выражена, и той основательностью мотивов, по которым испрашиваются те и другие изменения в редакции закона. Я должен признать, что лица, составлявшие ходатайства, оставались на почве не только строгой практичности, но совершенного беспристрастия в ограждении интересов как фабрикантов, так и

рабочих. К чести промышленников, я не нашел ни одного требования, в котором сквозило бы эгоистическое желание расширить права хозяев в ущерб рабочим, и вот почему могу сказать совершенно открыто, что мною будут сделаны все усилия, чтобы вполне удовлетворить названые ходатайства".

И действительно, правительство поспешило пойти навстречу претензиям капиталистов, воспользовавшись первой же заминкой, наступившей в рабочем движении, благодаря надвигавшемуся промышленному кризису.

24 апреля 1890 года был издан новый закон, который делал известные послабления фабрикантам. Так, была разрешена на фабриках работа детей в течение 9 часов в сутки, но не более $4^1/_2$ часов сряду; вновь дозволена была ночная работа детей в стеклянном производстве; разрешение ночной работы женщин и подростков до 17 лет было предоставлено усмотрению фабричных присутствий и губернаторов; фабричной инспекции было предоставлено право разрешать воскресную и праздничную работу малолетних.

Таким образом, новым законом многое было предоставлено административному усмотрению, и в этом отношении этот закон, конечно, ухудшил положение рабочих, но на основы прежних законов правительство все же не рискнуло посягнуть, опасаясь повторения серьезных рабочих волнений.

Некоторые домогательства фабрикантов были настолько откровенны, что не встретили поддержки даже в Государственном Совете, хотя новый министр Вышнеградский их всецело поддерживал.

Они добивались, напр., разрешения эксплоатировать на фабриках труд детей 10—11 летнего возраста, заявляя, что к этому их побуждает вовсе не выгода, а исключительно чувство человеколюбия, так как де они считают своим долгом „призреть детей работающих у них лиц и не отказать в помощи им, где на то представляется необходимость".

На это даже Государственный Совет справедливо указал, что „фабричная работа является наименее удобной и желательной формой призрения малолетних" и что такое „призрение детей путем зачисления их в фабричные рабочие покупалось бы слишком дорогой ценой пожертвования их здоровьем и нравственным развитием".

Всеми перечисленными нами законодательными актами были разрешены, хотя и далеко в несовершенной форме, наиболее

наболевшие стороны фабрично-заводской жизни. Но одна из них— ограничение работы взрослых рабочих – продолжала оставаться неурегулированной.

Неоднократно вопрос об этом затрагивался в рабочих комиссиях, но каждый раз встречал упорное сопротивление со стороны предпринимателей, и правительство не решалось настоять на его осуществлении.

Сопротивление и по вопросу об ограничении работы взрослых рабочих исходило, главным образом, от фабрикантов центрального промышленного района, тогда как петербургские и лодзинские предприниматели были не только склонны пойти на такое ограничение и на практике часто вводили его, но и выступали даже с ходатайствами о законодательном осуществлении этого вопроса, чтобы уравнять свои шансы конкуренции с московскими фабрикантами.

При этом петербургские и лодзинские фабриканты, в особенности наиболее крупные из них, прекрасно понимали, что, отстаивая сокращение рабочего дня взрослых рабочих, они отнюдь не идут против своих интересов. Не только опыт западно-европейских государств, но и положение дела на их собственных заводах достаточно убеждало их, что существует известный предел, „за которым эксплоатация сил рабочего представляется бесполезной для фабриканта". Так, по заявлению одного из них, при 12½ часовом дне чрезвычайно трудно, а иногда и совершенно невозможно поддерживать в рабочих внимательное отношение к своей работе, и особенно трудно достигнуть выработки изделий высшего качества.

По свидетельству другого фабриканта, между производительностью труда рабочих, занятых 12 и 9 часов в сутки, не замечается большой разницы, так как сокращение продолжительности труда на три часа искупается большей интенсивностью работы при более коротком рабочем дне.

Неизвестно, как долго продолжалось бы сопротивление предпринимателей центрального района попыткам законодательного ограничения рабочего дня для взрослых рабочих, если бы ему не положило конец организованное выступление петербургского пролетариата в 1896—1897 г.г.

Еще незадолго перед этой стачкой работавшая при министерстве финансов комиссия находила, что „всякие уступки рабочим могли бы вызвать лишь распространение беспорядков", и находили необходимым „немедленно и решительно приступить к осуществлению карательных мер".

Когда же стачка разразилась и под руководством петербургского „Союза Борьбы“ приняла грандиозные размеры, а отзвук ее нашел отклик по всей стране, та же комиссия поспешила быстро изменить свое мнение и теперь определенно заявляла:

„Как бы сурово ни были подавлены нынешние стачки, едва-ли можно рассчитывать, что спокойствие на фабриках водворится на сколько нибудь продолжительное время; беспокойный элемент народится вновь: его немедленно создаст оставшаяся нетронутой наличность все тех-же суровых условий, которые создали из рабочих столь восприимчивую почву для зловредных течений. Нынешний рабочий уже не тот... Легко можно ожидать новых стачек, и притом все более и более трудных к разрешению, так как несомненно, что опыт будет сплачивать рабочих в лучше и лучше организованную массу. Единственно, что могло бы успокоить умы,—это устранить почву для недовольства“.

Министерство финансов поэтому приложило все усилия к тому, чтобы ускорить проведение закона 1897 г., но его представитель тщетно лез из кожи, чтобы убедить фабрикантов, что новый закон не причинит им никаких убытков, заявляя при обсуждении законопроекта:

„Предлагаемая нами норма 11½ часов в сутки и есть, по нашему крайнему разумению, тот предел, за которым эксплоатация сил рабочего представляется бесполезной для фабриканта“.

Большинство фабрикантов, в особенности фабриканты и заводчики московского района, где рабочий день был особенно длинен, и теперь продолжали упорно противиться всякому ограничению эксплоатации рабочей силы, пока петербургский пролетариат новой стачкой в январе 1897 г. не заставил правительство поторопиться с принятием закона об уменьшении рабочего времени.

Закон 2 июня 1897 г., спешно изданный правительством под напором описанных нами выше петербургских стачек, явился новым крупным завоеванием рабочего класса; выше, в главе о борьбе петербургских рабочих за сокращение рабочего дня, уже была приведена сущность этого закона. Не повторяя здесь ее снова, мы лишь укажем, что ограничение рабочего дня 11½ часами в сутки (рабочие добивались 10½ часов. дня) было опять-таки уступкой со стороны законодателя интересам фабрикантов.

Другим крупным недочетом нового закона была неопределенность его постановлений в области ограничения сверхурочных работ. И последующие циркуляры министров и практика самих

предпринимателей, которые под угрозой лишения места заставляли рабочих соглашаться на сверхурочные работы,—почти в корне подорвали это ограничение закона.

Фабриканты очень скоро нашли не мало способов для его обхода, а многие из них, чувствуя свою полную безнаказанность, стали и открыто нарушать его; фабричные инспектора под влиянием указаний свыше обычно смотрели на эти нарушения сквозь пальцы, обращая свое преимущественное внимание на то, чтобы на фабриках не велась противоправительственная пропаганда, чтобы при возникновении стачек рабочие как можно скорее возобновляли работу.

Так, напр., по данным фабричной инспекции, только за 1900—1902 г.г. было обнаружено 4.566 случаев нарушения предпринимателями закона 1897 г., и только в 150 случаях были фабричными инспекторами составлены протоколы для привлечения к ответственности предпринимателей.

Забегая несколько вперед, чтобы покончить с вопросом о законодательной охране труда в России, остановимся вкратце и на законах, изданных в последующие годы.

2 июня 1903 г. был издан закон „О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих", основания которого также обсуждались в разных комиссиях более двадцати лет, и опять-таки издание этого закона было ускорено под влиянием стачек, охвативших в начале XX столетия значительную часть рабочего класса России.

На этот раз правительство даже не скрывало тех целей, во имя которых издается новый закон.

В мотивах к нему определенно было указано:

„Осуществление предположенного узаконения о вознаграждении фабрикантами рабочих, лишившихся трудоспособности, несомненно, послужит одним из наиболее действительных способов к успокоению рабочего населения империи. Предоставление же этого рода вопросов естественному их течению, как тому бывали примеры и в истории других государств, нередко приводило к серьезным потрясениям общественного строя...

„Правительству приходится считаться с подпольной деятельностью лиц, которые избрали рабочих орудием для противоправительственной агитации. Издание обсуждаемого узаконения... может иметь последствием значительное уменьшение упомянутой агитации. Достижение же подобного результата мерами исключительно полицейской репрессии представляется вообще сомнительным".

Закон этот распространялся только на предприятия фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности и обеспечивал рабочему без различия пола и возраста при несчастных случаях вознаграждение со стороны предпринимателя за утрату трудоспособности от телесного повреждения, причиненного работами по производству предприятия или происшедшего вследствие таковых работ.

При временном лишении заработка, рабочему была гарантирована половина получаемой им платы во все время болезни до окончательного выздоровления или до выяснения вопроса о том, является-ли утрата трудоспособности временной или постоянной. В последнем случае рабочий мог требовать назначения себе пожизненной пенсии: при полной утрате трудоспособности—в размере двух третей его годового заработка, а при неполной утрате способности к труду — соответственно степени ослабления последней.

Закон также обязывал владельцев промышленных предприятий „пользовать" потерпевших увечье рабочих бесплатною врачебною помощью или возместить потерпевшему расходы на лечение... а в случае смерти потерпевшего, выдать на похороны 30 руб. для взрослого и 15 руб. для малолетнего.

Если последствием несчастного случая была смерть рабочего, вознаграждение выдавалось его семье: вдове назначалась пожизненная пенсия в размере трети годового жалованья мужа, а детям, а также братьям и сестрам—в размере одной четверти, если они оставались круглыми сиротами, и в размере одной шестой заработка умершего—если второй родитель оставался в живых.

По взаимному соглашению сторон, пожизненная пенсия могла быть заменена единовременным пособием, равным десятикратной годовой пенсии.

Основными недостатками этого закона являлось то, что он, во-первых, совершенно не обеспечивал рабочих в случаях несостоятельности предпринимателя, а, во-вторых, предоставлял сторонам о виде и размерах причитающегося рабочего вознаграждения входить в добровольное соглашение.

На практике это привело к тому, что рабочий под влиянием крайней нужды или вынужден был соглашаться на все условия, какие ему диктовал фабрикант, естественно заинтересованный в возможно большем уменьшении размера уплат, или же должен был для защиты своих прав обращаться к содействию суда и ожидать уплаты причитающегося вознаграждения иногда по нескольку лет.

Размер выдаваемой пенсии также был недостаточен, да, кроме того, закон этот распространялся далеко не на все разряды рабочих.

Но, несмотря на эти и массу других более мелких недочетов, в сравнении с тем, что было до него, закон принес рабочим все же известное улучшение в их положении.

Вслед за изданием этого закона в предпринимательских кругах поднялся такой же переполох, как в свое время при введении закона 1886 г. о найме рабочих. Целый ряд организаций предпринимателей: С'езд Горнопромышленников, Общество металлургов Северного и Прибалтийского районов, Петербургское общество для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности и др.—возбудили перед правительством ходатайства об отсрочке введения в действие закона 2 июня 1903 г.

Приблизительно в это же время был издан и другой закон „о введении фабричных старост", созданием какового института правительство надеялось парализовать стремленне рабочих к созданию организаций.

Но этот закон был настолько проникнут полицейским духом и так явно отдавал рабочих под опеку фабриканта и губернского начальства, что отношение рабочих к нему с самого начала сложилось определенно отрицательное, и он долгое время почти нигде не был использован.

Фабричные старосты, которых устанавливал этот закон 10 июня 1903 г., могли быть выбираемы рабочими не иначе, как с согласия заводоуправления, причем рабочие должны были выбирать только кандидатов, а уже заводская и фабричная администрация сама назначала из них старост. Старостам предоставлялось по закону право об'ясняться с предпринимателями исключительно по делам, касавшимся исполнения условий найма; но ни в коем случае не затрагивать вопроса об изменении этих условий. Губернатору, кроме того, было предоставлено право в любой момент сместить неугодных фабрикантам старост.

Идя на эти вынужденные опять-таки уступки разраставшемуся рабочему движению, представители правительства в своей об'яснительной записке к новому закону следующим образом аргументировали необходимость этого закона:

„Как справедливо и с особой силой указывали представители промышленников Московского района, недопущение собраний совершенно не достигает цели: рабочие собираются тайно; на эти собрания имеют доступ посторонние фабрике люди

с целью пропаганды; рабочие же наиболее сдержанные и благоразумные опасаются посещать эти собрания".

В качестве других мотивов издания этого закона министерством финансов указывалось также на „крайнюю трудность для фабричного управления и чинов правительственного надзора выяснения истинных желаний и нужд рабочих"...

„Задержки в удовлетворении, иногда вполне возможном, этих желаний и нужд, естественно, возбуждают глухое недовольство рабочих, проявляющееся затем часто по случайному, ничтожному поводу взрывом беспорядков, стачек и тому подобными действиями беспорядочной толпой".

И тем не менее, несмотря на всю убедительность этих доводов, несмотря на то, что закон о „фабричных старостах" настолько был проникнут полицейским духом опеки, что дальше, казалось, и идти некуда, несмотря, наконец, на явно выраженные в этом смысле пожелания московских промышленников и фабрикантов,— разработанный правительством проект закона о фабричных старостах сильно взволновал представителей петербургской промышленности, которые в поданной в министерство через своего председателя докладной записке пытались энергично бороться против предполагаемого нововведения.

Стремясь доказать в этой записке, подписанной 36 крупнейшими предпринимателями Петербургского района, что в организациях рабочих нет надобности, авторы ее не скрывали своих опасений, что данный закон является лишь первым шагом, за которым неизбежно последуют новые шаги по признанию за рабочим классом права на организацию.

„Никакой организованной систематической борьбы рабочих с предпринимателями,—заявляли авторы этой записки,—в России не было, и отдельные вспышки в большинстве случаев представлялись результатом случайных недоразумений или посторонних влияний".

Предостерегая далее правительство об опасности, с которой связано, по их мнению, осуществление данного законопроекта, составители записки заявляли:

„Довериться мечте, что рабочая организация непременно будет оставаться в каких-либо предписанных ей границах, было-бы большой ошибкой. Развитие ее будет совершаться, и чем дальше, тем труднее будет регулировать мощную силу рабочих масс, искусственно слитых в одно целое" *).

*) 10 июня 1903 г.

Отстаивая далее свое право бесконтрольно эксплоатировать рабочих, петербургские капиталисты заявляли в своей докладной записке:

„Фабриканты нанимают рабочего, но не союз рабочих... Каждый рабочий, недовольный условиями, может оставить работу... Нет вопросов, которые надо фабриканту обсуждать со старостами, так как нельзя же допустить, чтобы такому обсуждению подлежали вопросы о продолжительности рабочего времени и о заработной плате".

Как ни настоятельны были домогательства представителей петербургской промышленности, к которым поспешила присоединиться и часть московских фабрикантов, правительство, вынужденное чем-либо успокоить растущее недовольство рабочих масс, не решилось внимать этим заявлениям и поспешило с изданием этого закона.

Успехи рабочего движения в 1905 г. снова повлекли за собой лихорадочную законодательную деятельность правительства в области охраны труда. Уже 21 апреля 1905 г. секретным циркуляром было отменено преследование стачечников в административном порядке.

Сам комитет министров высказался за неотложную необходимость коренной реформы рабочего законодательства. Были созданы новые правительственные комиссии, которые очень быстро выработали целый ряд законопроектов, регулировавших условия найма, продолжительность рабочего дня, устанавливавших обязательное страхование рабочих от несчастных случаев, обеспечение от старости и инвалидности, учреждение промысловых судов, признававших необходимость мер поощрения устройства дешевых и здоровых жилищ для рабочих и т. п.

Но наступившая вскоре реакция задавила движение пролетариата и отодвинула осуществление всех этих начинаний, и только позднее, уже в 1912 г., были, наконец, изданы законы об обеспечении рабочих на случай болезни и о страховании рабочих от несчастных случаев.

Действие обоих законов распространялось на все промышленные предприятия за исключением казенных и железных дорог общего пользования, на которых число занятых рабочих достигает 20 человек (при отсутствии в предприятии машин или двигателей эта цифра повышается до 30).

Для обеспечения рабочих от болезни, в таких предприятиях учреждались больничные кассы, отдельные для более крупных

предприятий и общие для нескольких более мелких. Число членов отдельной больничной кассы не должно быть менее 200, и только с особого разрешения Присутствия по делам страхования рабочих разрешалось открыть кассу и при меньшем числе участников. Участие рабочих и служащих в больничной кассе являлось обяза тельным.

Кассы действовали на основании утвержденного устава, на средства, образующиеся из: а) взносов участников в размере 1—3% заработка; б) приплат предпринимателя в сумме $^2/_3$ всех взносов участников кассы, в) доходов с имущества, г) денежных взысканий, пени и других случайных поступлений.

Кассы устраивали и содержали собственные амбулатории, приемные покои, больницы, родильные приюты или же входили в сношения с городскими и земскими общественными управлениями и частными лечебными заведениями о предоставлении врачебной помощи их членам.

Врачебная помощь нуждающимся, в том числе и больничное лечение, предоставлялась всем участникам кассы за счет владельца предприятия и включала также и бесплатную выдачу лекарств, перевязочных материалов и других медицинских принадлежностей.

Больничные кассы выдавали участникам денежные пособия в случае болезни и утраты трудоспособности от увечья в размере от четверти до двух третей их заработка во все время болезни, но не долее 26 недель, а при повторных заболеваниях—до 30 недель в течение года.

Роженицам пособие оказывалось в размере от половины до полного заработка в продолжение 2 недель до родов и 4 недель после родов, причем правом на пособие пользовались только роженицы, состоявшие участницами кассы не менее 3 месяцев.

Пособие на погребение выдавалось кассой в размере $^2/_3$ или полного месячного жалованья рабочего.

Кроме того, касса могла распространять оказание врачебной помощи и выдачу денежных пособий также и на членов семейств участников

Обеспечивая таким образом рабочего на случай болезни, новый закон не нашел возможным передать управление делами этих касс целиком в руки рабочих, а вместо этого создал сложную систему опеки над рабочими в лице предпринимателя, фабричной инспекции и губернского начальства и этим в существенных чертах затронул интересы рабочих.

Управление делами кассы по закону было передано ведению: а) общего собрания, состоящего из уполномоченных, избираемых

участниками, в количестве не более 100 человек, и представителей владельца предприятия, обладающих двумя третями голосов присутствующих на собрании уполномоченных, и б) правления кассы.

Председательствование на общем собрании, а при желании и в правлении кассы, также принадлежало владельцу предприятия, или лицу, им назначенному.

Правление кассы состояло из нечетного числа членов, частью избираемых общим собранием, частью назначаемых предпринимателем; число избранных членов правления должно быть на одно лицо больше числа членов по назначению.

Правда, закон предоставлял владельцу предприятия право отказаться от всех этих прерогатив защиты его интересов и таким образом передать больничную кассу целиком в руки рабочих, но этот „благородный" жест законодателя не в силах был исправить самого закона.

Затем владельцу предприятия принадлежало также право не приводить в исполнение постановлений как правления кассы, так равно и общего собрания, а обжаловать его Присутствию по делам страхования рабочих, если он почему-либо находил, что эти постановления нарушают закон или устав.

Власть фабричной инспекции, Присутствия по делам страхования рабочих и губернатора, тяготеющая как над самой кассой, так равно и над членами правления ее, довершала собой систему надзора над предоставленной законом рабочим самодеятельностью в такой, казалось бы, узкой и специальной области...

Вторым законом 1912 г. о страховании рабочих от несчастных случаев были созданы страховые товарищества, участниками коих состоят владельцы предприятий.

Застрахованию подлежали по новому закону все, без различия пола и возраста, лица, которые служат в предприятиях по найму и получают содержания, включая сюда и довольствие натурой, не свыше 1.500 р. в год. Это страхование осуществлялось за счет владельцев предприятий, которые несли круговую ответственность по обязательствам страхового товарищества.

В случае утраты трудоспособности от несчастного случая, происшедшего при работе предприятия, рабочий или служащий предприятия получали от страхового товарищества: а) при временной потере трудоспособности—пособие в размере $^2/_3$ среднего поденного заработка и б) при постоянной—пенсию в размере $^2/_3$ годового содержания при полной утрате трудоспособности,

а при неполной—в уменьшенном размере, соответственно степени утраты способности к труду. В случаях сумашествия, полной слепоты, лишения обоих ног или рук—размер пенсий повышался до полного годового содержания потерпевшего.

Если последствием несчастного случая была смерть пострадавшего, последовавшая не позднее д в у х лет со дня происшествия, или же и позднее, если лечение продолжалось непрерывно, страховое товарищество было обязано: 1) возместить издержки по погребению умершего в пределах норм об обеспечении рабочих на случай болезни и 2) назначить пенсии членам семейства умершего в следующих размерах: вдове—в размере $^1/_3$ заработка пожизненно; законным, усыновленным и внебрачным детям, а также воспитанникам и приемышам, до достижения ими 15-летнего возраста, каждому в размере $^1/_6$ при жизни другого родителя и $^1/_4$—круглым сиротам; родственники по прямой восходящей линии—пожизненно, а также братья и сестры—круглые сироты—до достижения 15 лет получали также пенсии в размере $^1/_6$ заработка

Однако, общая совокупность пенсий, выдаваемых в случае смерти рабочего, не должна была превышать $^2/_3$ его заработка.

Таков был закон о вознаграждении увечных рабочих. Мы не имеем возможности подробно останавливаться на его критике; укажем лишь, что по сравнению с законом 2 июля 1903 г. он имел только одно преимущество: созданием страховых товариществ с круговой ответственностью участвующих в них предпринимателей он до известной степени придал правам потерпевших рабочих на вознаграждение ту обеспеченность, какой не мог дать предшествующий закон.

Отрицательные же стороны нового закона довольно разнообразны и вытекали из общей идеи, преследовавшейся при его проведении: „облегчить для владельцев промышленных предприятий несение возложенной на них обязанности по вознаграждению увечных рабочих и членов их семейств“ *).

В общем, как этот закон, так и закон об обеспечении рабочих на случай болезни отразили на себе то реальное соотношение общественных сил, какое сложилось в России к моменту их издания.

Правительство, с одной стороны, не могло забыть роли и значения рабочего класса в годы революции и опубликованием

*) Литвинов-Фалинский „Новые законы о страховании рабочих“, СПБ. 1912 г. стр. 55.

этих законов стремилось обеспечить себя от повторения взрывов недовольства пролетариата, которые грозили самым основам существующего строя, но, с другой стороны, рабочий класс в это время еще не успел достаточно оправиться от понесенных поражений; его сила сопротивления была подорвана, организации разбиты, и самодержавная бюрократия, бросая рабочему классу подачку в виде этих законов, стремилась опутать его своей опекой и не обижать при этом класса капиталистов.

XXV

9 января—17 октября 1905 года

„И вот настал великий год,
Когда фабричный наш народ
Поднялся дружно на борьбу
За жизнь, за лучшую судьбу".

А. Благов („Песни рабочего")

Уже в годы, непосредственно предшествовавшие 1905 г., в годы массового политического движения рабочий класс в лице своего передового отряда—соц.-демократии начинает играть в русской жизни все более и более заметную роль.

Выйдя в начале XX столетия из мрачных фабричных казарм на широкий простор улицы, в виде яркого политического протеста против векового бесправия, гнета и эксплоатации, российское рабочее движение становится уже крупным политическим фактором всей общественной жизни.

Почти не прекращавшиеся массовые демонстрации, происходившие как в крупных промышленных центрах, так захватывавшие сплошь и рядом самую глухую провинцию, пробуждали от политической спячки не только отсталые слои рабочего класса, но и остального, до того мирно дремавшего, российского обывателя, заставляя его задумываться о причинах, толкавших рабочих на эти выступления.

Для самого же рабочего класса эти годы активной политической борьбы передовых его слоев явились годами массового пробуждения к сознательной политической жизни и усвоения того положения, что для прочного улучшения своего экономического положения ему в первую голову необходимо добиваться для себя широких политических прав.

Русский рабочий в своей массе в эти недолгие годы как бы перерождается: это уже не забитый и безответный парий, молча сносящий все притеснения и издевательства администрации и хозяев; в нем уже проснулся борец против политического бесправия, тяготевшего над всей русской жизнью; он уже понял, что имеет такое же право быть гражданином, как и предприниматель-хозяин; он не склонен ни в чем давать себя в обиду и готов

защищать свою честь и человеческое достоинство от всяких посягательств на них.

Он начинает все больше интересоваться всей окружающей его политической обстановкой, его интересы уже не ограничиваются одной фабрикой и мастерской, эксплоатирующими его труд; его начинают возмущать не одни полиция и шпионы, мешающие проявлениям его общения с товарищами,—его интересует теперь жизнь и деятельность общественных организаций, борьба студенчества и либералов, вспыхнувшая война и далекие раскаты борьбы западно-европейского пролетариата.

Соц.-демократические организации, работавшие в подполье и мало приспособленные к широкой активной работе, оказывались сплошь и рядом бессильными справляться со всеми запросами пробуждавшихся широких рабочих масс.

В 1904 году началась война с Японией, которая еще более усилила промышленный кризис. В рабочем движении наступило затишье. Об экономических завоеваниях нечего было и думать. Особенно сильно сказался кризис в западных губерниях: летом 1904 г. в одной Лодзи насчитывалось до 60.000 безработных; в остальных промышленных центрах Западного края число безработных временами поднималось до 50% всего рабочего населения. С каждым днем увеличивалась безработица и в остальной России

Рабочий класс глухо волновался, сознавая, что кризис и безработицы вызваны, главным образом, войной. Когда от руки социалистов-революционеров пал всесильный министр внутренних дел Плеве и правительство изменило курс своей политики, оживив надежды либеральных кругов общества, в рабочих массах стала нарастать и крепнуть мысль о необходимости выступления с заявлением о своих нуждах.

Осуществилось это выступление на улицах Петербурга 9-го января 1905 года.

Январское движение петербургского пролетариата тесно связано с именем священника Георгия Гапона.

Гапон выступил на арену общественной деятельности в 1903 году, в качестве председателя „зубатовской" организации, основанной с благословения министра Плеве для „удовлетворения духовных и умственных интересов рабочих и отвлечения их от преступной пропаганды", как говорилось в правительственном сообщении.

Правительство и раньше пыталось насадить в Петербурге зубатовские организации, но сравнительно высокий уровень

развития петербургского пролетариата помешал этому; агенты полиции не находили для себя благоприятной почвы и должны были отказаться от этой затеи.

Тогда-то Зубатовым и была осуществлена новая попытка отвлечь петербургский пролетариат от участия в революционных организациях, воспользовавшись для этого услугами священника Г. Гапона.

Но хотя созданная Гапоном организация и явилась продолжением полицейского рабочего движения, развитие ее протекало довольно своеобразно, отражая на себе особенности местных условий и условий времени ее возникновения. Полицейский элемент в этом движении, проявив инициативу, по мысли самого Зубатова, должен был до поры до времени отойти почти совершенно в сторону, чтобы не отпугнуть петербургских рабочих от участия в новой организации.

Организация эта носила название „Собрания русских фабричных и заводских рабочих". Ближайшими помощниками Гапона, положившими начало этой организации, явились рабочие, по общим отзывам, люди искренно преданные делу рабочего класса, пользовавшиеся Гапоном, как орудием для легализации своей деятельности.

Устав Общества был разработан инициаторами его в сентябре—октябре 1903 г. и утвержден министром внутренних дел 15-го февраля 1904 г. Официальное открытие „Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Петербурга" состоялось 11-го апреля 1904 г.

Цели общества были формулированы в утвержденном правительством уставе следующим образом: „Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Петербурга учреждается:

а) для трезвого и разумного препровождения членами „Собрания" свободного от работ времени с действительной для них пользой как в духовно-нравственном, так и в материальном отношениях;

б) для возбуждения и укрепления в среде членов рабочих русского национального самосознания;

в) для образования и развития в них разумных взглядов на обязанности и права рабочих

и г) для проявления членами „Собрания" самостоятельности, способствующей законному улучшению условий труда и жизни рабочих".

Кружок рабочих, группировавшихся вокруг Гапона, состоял из лиц, прошедших ранее школу партийной подпольной

работы, но впоследствии отошедших в силу разных причин от революционного движения.

Большинство из них знало или только догадывалось о связи Гапона с охранным отделением, но так как формально созданная Гапоном организация была вполне независима от полиции, они решили использовать эту организацию в интересах рабочего дела, потребовав от Гапона прекратить совершенно сношения с охранкой.

Хотя Гапон довольно искренно обещал им выполнить это условие и даже стал посвящать их в собственные планы, расходившиеся с видами и намерениями Зубатова, а именно, вызвав широкое легальное рабочее движение, составить и подать самому царю петицию о неотложных нуждах рабочего народа,—в рядах ближайших сподвижников его до самого конца оставалось к Гапону неизжитое недоверие.

Они даже самым формальным образом продолжали следить за всеми его действиями и всегда оставались на стороже по отношению к Гапону. Что касается роли самого Г. Гапона в вызванном им движении, т.-е. вопроса о том, искренни ли были высказываемые им планы о создании широкого рабочего движения в интересах самого пролетариата, или же он был и оставался до конца лишь агентом охранного отделения, провокатором, лишь умело маскировавшим свою службу полиции,—окончательный ответ на эти вопросы еще не дан историей.

Некоторые факты, в том числе и опубликованная в настоящее время переписка Гапона с Зубатовым, говорят как бы за то, что Гапон еще в 1903 г. носился с мыслью о создании легального, но самостоятельного от полиции рабочего движения. Характерно также и стремление Гапона не ограничиться в своей деятельности Петербургом и его попытки создать подобные же организации и в других местах. Но все-таки всего этого мало для разрешения поставленного вопроса, ибо подобное намерение могло иметь своей целью вовсе не защиту интересов пролетариата, а одинаково могло явиться новой формой отвлечения рабочих масс от участия в революционном движении, согласно планам и намерениям департамента полиции.

Но какова бы ни была роль самого Гапона, не следует недооценивать в вызванном им январском движении петербургского пролетариата роли его ближайших сподвижников, которые, пользуясь своими связями в рабочей среде, сумели создать активную организацию, использовав накопившуюся в рабочих массах Петербурга жажду организации.

В эту группу, окружавшую Г. Гапона, входили И. Павлов, супруги Карелины, Иноземцев, Я. И—в и ряд других лиц.

„Общество" было официально открыто 11-го апреля 1904 г. и, казалось, не должно было внушать администрации никаких опасений: по единодушному требованию собравшихся была отправлена телеграмма министру внутренних дел с почтительной просьбой „повергнуть к стопам обожаемого монарха всеподданнейшие чувства рабочих, одушевленных ревностной любовью к престолу и отечеству".

Все собрание с громадным энтузиазмом троекратно пропело „Боже, царя храни", кричало „ура!" и т. п.

Затем „Общество" приступило к работе. В разных частях города стали открываться отделы „Общества". В отделах рабочие вели беседы о своих нуждах, устраивали библиотеки, семейные вечера с танцами и музыкальным отделением. Разговоры на политические темы по возможности устранялись, и руководители „Общества" прилагали все усилия, чтобы ни демократическая интеллигенция, ни революционно-настроенные рабочие не проникли в отделы.

Руководители „Общества" группировались вокруг Гапона и вместе с ним намечали план работ, затем этот план проводился в кружковых собраниях по отделам, куда допускались только более развитые рабочие, и, наконец, выносился на общие собрания отделов.

Вот какими простыми словами характеризовал деятельность „Общества" один из рядовых членов его, участник январского выступления:

„Говорили все больше о нуждах и интересах народа, еще говорили и о политической стороне, как образование и прочее, но очень мало. Ежели находились люди, которые, не вытерпев, начинали говорить все поголовно, таких людей через два дня забирали и сажали в казематку".

Первоначально деятельность „Общества" развивалась медленно, но, когда началось во второй половине 1904 года общее оживление в России, сразу оживилось и гапоновское „Общество". Быстро стали развиваться уже открытые отделы „Общества", открывались новые.

Так как революционная и даже просто радикальная интеллигенция чуждалась гапоновского „Собрания" из-за его полицейского происхождения, то для ведения пропагандистской работы руководители общества принуждены были вербовать силы из рабочей среды.

Особенно велика была потребность в таких силах, когда деятельность Общества со второй половины 1904 г. стала быстро расширяться и повсюду стали открываться и расти новые отделения Общества.

Тогда на квартире самого Гапона стали устраиваться собрания специально отобранных, наиболее сознательных и развитых рабочих, каких по всем отделам набралось человек 60—70. С ними велись систематические беседы по уяснению теоретических вопросов, ответа на которые требовала сама рабочая масса, а также и по вопросам чисто политическим. Между прочим, внимательно были разобраны конституции нескольких западноевропейских государств, знакомили с историей революционного движения в России, с борьбой русского пролетариата, а также и с иностранным рабочим движением.

Так как массовые собрания членов общества обычно происходили по воскресеньям, то обычно перед воскресными днями происходили собрания секретарей и председателей отделов для предварительной подготовки к проведению воскресника.

„Тут мы читали,—вспоминает один из активных сподвижников Гапона, Карелин,—что, нибудь, чаще всего нелегальное. В группе нашей был меньшевик Хадько; приносил он или я что, нибудь нелегальное, или статью в журнале... Все прочитанное мы обсуждали, приходили к одному мнению, в субботу еще подготовлялись, а в воскресенье после лекции вступали в разговоры с рабочими, советовали, что читать нужно“ *).

Этот-то характер работы гапоновской организации, созданной для „укрепления русского национального самосознания“, открытой с троекратным „Боже, царя храни“, пением молитв и посылкой верноподданнических телеграмм, помог ей в атмосфере нараставшего возбуждения рабочих масс сыграть решающую революционную роль.

Конечно, эту роль гапоновская организация могла проявить только при наличности боевого настроения самих петербургских рабочих, сама же создать это настроение она, разумеется, не смогла бы.

Влияние „Собрания“ на рабочие массы проявилось также не сразу.

К декабрю 1904 года число отделов „Общества“ достигло 11; они были организованы во всех частях Петербурга и даже

*) Красная Летопись, № 1 стр. 109.

в окрестностях, а число членов отделов доходило до 8 тысяч. Изменился также и характер деятельности отделов: стали допускаться обсуждения общих вопросов, прочитывались и обсуждались статьи газет на злободневные, волновавшие всех, темы.

Огромное политическое недовольство, зревшее и накоплявшееся в глубине рабочих масс, приведшее еще летом 1903 г. ко всеобщей забастовке, охватившей весь юг России, не только не уменьшилось с тех пор, но, наоборот, еще в сильной степени увеличилось, благодаря преступной войне с Японией, которую так легкомыслению затеяла царская камарилья. Связанная с этой войной острая безработица тяжелым гнетом легла на плечи всего рабочего класса России, усугубляла недовольство и возмущение рабочих, и недоставало только небольшого толчка, чтобы это возбуждение снова прорвалось наружу широким потоком.

Забастовка на нефтяных промыслах в Баку, разразившаяся в средине декабря 1904 г., которая, под влиянием агитации местной соц.-демократической организации, очень быстро из экономической стачки превратилась в открытое политическое выступление бакинского пролетариата, была той последней каплей, которая должна была переполнить чашу терпения петербургских рабочих.

Когда в конце декабря администрацией Путиловского завода были уволены 4 рабочих—членов „Общества", главным образом, за их принадлежность к нему,—было решено реагировать на вызов Путиловского завода самым энергичным образом.

В настоящее время уже вполне установлено, что это увольнение рабочих—членов общества было определенной провокацией со стороны предпринимателей, которым вовсе не по душе была новая организация рабочих, тем более, что последняя расширялась не по дням, привлекая в свои ряды сотнями и тысячами все новых и новых членов.

Администрация Путиловского завода так определенно и заявляла, что она стремится приостановить быстрый рост Нарвского отдела „Общества". Увольняя рабочих без всяких поводов, она определенно рассчитывала, что этим демонстративным действием толкнет рабочих на активное выступление, а последнее можно будет использовать, чтобы подорвать доверие правительства к Гапоновской организации.

И действительно, сгущенная и без того атмосфера толкнула рабочих на путь активного протеста, который в 2—3 дня разросся до небывалых размеров, положив начало настоящей революции.

Развернулись январские события следующим образом.

На Васильевском острове состоялось собрание представителей всех 11 отделов, были выработаны требования, во главе с Гапоном была направлена депутация к директору Путиловского завода, но заявленные требования не были уважены, и с 3-го января на Путиловском заводе началась стачка.

Ни руководители движения, ни администрация, продолжавшая покровительственно относиться к зубатовскому обществу,— никто не предполагал при начале стачки, во что может вылиться начавшееся движение.

Когда спрашивали об этом самого Гапона, он отвечал:—„Что выйдет?—а, ей богу, не знаю. Должно быть, что-нибудь здоровое (крупное), но что именно—не могу сказать. А, может быть, и ничего не выйдет—кто это теперь разберет!"

Забастовка Путиловского завода тотчас же всколыхнула всю массу петербургского пролетариата. По всем заводам и фабрикам Петербурга быстро распространилось движение в пользу всеобщей забастовки, и один за другим заводы стали присоединяться к стачке.

Одним из первых примкнул Семянниковский завод, прекратили работу многие заводы в других частях города; группы рабочих переходили с завода на завод, без всякого труда снимая мастеровых с работ. Движение распространилось со стихийной силой, и к 7 января бастовало уже до 140.000 рабочих.

Воодушевление, охватившее рабочих, возрастало с каждым часом, атмосфера становилась все более напряженной. С 4—5 января отделы „Общества", уже и раньше являвшиеся оживленными рабочими клубами, теперь превратились в центры, к которым неудержимо стекались десятками тысяч рабочие. Собрание сменялось собранием, на них открыто стали выступать ораторы всех партий.

Между тем, предприниматели не только не думали уступать рабочим, но проявляли определенное упрямство и в таком же духе оказывали воздействие и на правительство. И вот тогда среди руководителей стачки зародилась мысль итти к самому царю „добиваться правды".

На одном из собраний, уже 4 января, Гапон бросил эту мысль в рабочую массу, и она встретила общее сочувствие. Трудно сказать, верил ли сам Гапон в успех подобного обращения или же он с самого начала думал таким выступлением окончательно убить наивную веру в заступничество престола, еще гнездившуюся в малосознательной рабочей массе, как утверждал он

сам впоследствии. Носился же он сам с мыслью о подаче петиции еще задолго до начала путиловской стачки.

Как бы там ни было, было выработано обращение к царю, в которое на-ряду с экономическими требованиями рабочих были включены пункты о принятии необходимых мер против „нищеты народа", его невежества и бесправия и, наконец, пункт о созыве учредительного собрания.

Просительным пунктам-требованиям было предпослано следующее обращение к Николаю II:

„Государь! Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга разных сословий, наши жены и дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь. Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

„И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работы, пока они не исполнят наших требований. Мы немногого просим, мы желаем только того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсудили наши нужды. Но в этом нам отказали,—нам отказали в праве говорить о наших нуждах, находя, что этого права за нами не признает закон Незаконными также оказались просьбы: уменьшить число рабочих часов до 8-ми в день, устанавливать цену на нашу работу вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией заводов, увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до одного рубля в день, отменить сверхурочные работы, лечить нас внимательно и без оскорблений, устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить смерть от страшных сквозняков, дождя и снега.

„Все оказалось, по мнению наших хозяев и фабрично-заводской администрации, противозаконным, наша просьба—преступление, а наше желание улучшить наше положение—дерзость, оскорбительная для них.

„Государь! Нас здесь многие тысячи, и все это люди только по виду, только по наружности—в действительности же за нами

не признают ни одного человеческого права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать нужды, принимать меры улучшению нашего положения.

„Нас поработили с помощью твоих чиновников и при их содействии. Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса и народа, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку. Карают, как за преступление, за доброе сердце и отзывчивую душу. Пожалеть забытого, бесправного, замученного человека,—значит совершить тяжкое преступление. Весь народ рабочий и крестьяне отданы на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей, совершенно не только не заботящегося об интересах народа, но попирающего эти интересы. Чиновничье правительство довело страну до полного разорения, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведет Россию к гибели. Мы, рабочие и народ, не имеем отчета в расходовании взимаемых с нас огромных поборов. Мы даже не знаем, куда и на что деньги, собираемые с обнищавшего народа, уходят. Народ лишен возможности выражать свои желания, требования участвовать в установлении налогов и расходовании их. Рабочие лишены возможности организоваться в союзы для защиты своих интересов.

„Государь! Разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь? И разве можно жить при таких законах? Не лучше ли умереть—умереть всем нам, трудящимся людям всей России? Пусть живут и наслаждаются капиталисты-эксплоататоры рабочего класса и чиновники-казнокрады и грабители русского народа. Вот что стоит перед нами, государь, и это нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой.

„Ведь ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение. Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы: они направлены не ко злу, а к добру, как для нас, так и для тебя, государь. Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею.

„Необходимо народное правительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собою. Ведь ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивая его помощь, прими ее, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих. Пусть тут будут и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель,—пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей.

„Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания; для этого повели, чтобы выборы в учредительное собрание происходили при условии и всеобщей, и тайной, и равной подачи голосов.

„Это самая главная наша просьба; в ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для наших больных ран, без которого эти раны будут сочиться и быстро двигать нас к смерти. Но одна мера все же не может залечить всех наших ран. Необходимы еще и другие, и мы прямо и открыто, как отцу, говорим тебе, государь, о них от лица всего трудящегося класса России".

Эта петиция прочитывалась на собраниях отделов и подписывалась всеми рабочими, принимавшими участие в собраниях.

Невиданную в Петербурге картину представляли из себя в эти исторические дни помещения отделов гапоновского „Собрания".

„С раннего утра до поздней ночи в этих отделах толпились рабочие мужчины и женщины, старики и дети; масса народа не помещалась в зданиях, тысячные толпы стояли на улице.

„Внутри помещения руководители читали петицию, раз'ясняя ее рабочим.

„Когда одна толпа, наполнявшая зал, выслушивала петицию и об'яснения, какие давались ораторами, и выходила, ее сменяла другая, чтоб затем уйти, дав место третьей, и так иногда в течение круглых суток.

„Рабочие слушали, хором выражая свое согласие с теми требованиями и дополнениями, какие читались ораторами, вносили поправки и дополнения, и с каждым часом их настроение становилось все сознательнее, левее и решительнее" *).

В последние дни движения на собраниях стали выступать и представители революционных партий и легко добивались включения в петицию революционных лозунгов.

*) Красная Летопись, № 1, стр. 31 (из статьи В. Невского).

Было решено в воскресенье 9-го января всем рабочим отправиться крестным ходом на Дворцовую площадь, чтобы там заявить царю о своих нуждах.

Многие из рабочих действительно искренно верили в успех подобного обращения; они говорили:

— Пойдем к отцу и скажем ему, как мучают нас наши обдиралы. Скажем ему: отец, прими нас, мы пришли к тебе, помоги нам, т.-е. детям твоим; мы знаем, ты рад жизнь отдать за нас и только живешь для нас, но ты ничего не знаешь, как бьют и мучают нас, как мы голодаем, как всегда измучены и притом невежественны, подобны скотам, почти-что все неграмотны...

Размер, какой приобрело к этому времени движение, заставил и Гапона податься влево. Почувствовав, что положение правительства колеблется, что стачка, разросшаяся в грандиозное выступление народных масс, может окончиться революционным взрывом, Гапон стал сближаться с оппозиционными и революционными кругами, и, благодаря влиянию последних, в выработанную им петицию были включены пункты политических требований.

Начиная с 7 января, Гапон начал в своих выступлениях все чаще предупреждать, что быть может, народ не будет допущен и выслушан царем, и заканчивал свою речь следующими словами:

— ...и тогда нет у нас царя!„

— И тогда нет у нас царя!—единодушно подхватывало все собрание и в каком-то восторженном экстазе готово было итти за Гапоном до конца: „Все умрем. Клянемся стоять все за одного. Батюшка, благословляем тебя на подвиг. Веди нас!“

В таком же, если только не более решительном духе выступали и остальные руководители отделов.

Вот одна из картин, набросанных автором—очевидцем движения и появившаяся на страницах нелегальной газеты „Вперед“:

„Возбуждение страшное. Оратор-рабочий чуть ли не в 10-й раз читает петицию перед все меняющимися рядами слушателей (зал собрания вмещает до 700 человек и весь он набит битком) и обращается все с тем же вопросом:

„Смеют ли полиция и солдаты не пустить нас, товарищи?“

— Не смеют! гремит ему в ответ гул 700 голосов.

„Товарищи, продолжает оратор, лучше умереть нам за наши требования, чем жить так, как жили до сих пор!“

— Умрем! несется в ответ.

„Все ли клянетесь умереть?“

— Клянемся!

„Кто клянется—пусть подымет руку".

„Сотни рук подымаются в воздух.

„Товарищи, а тем, кто клянется умереть сегодня, а завтра струсит, не пойдет с нами..."

— Проклятие! гремит толпа".

Сам Г. Гапон, в эти дни подавшийся влево, решил вступить перед выступлением в сношения с революционными партиями.

Еще 7-го января Гапон устроил совещание наиболее ответственных руководителей „Собрания" с представителями с. демократических организаций и, изложив им план и цель шествия к царю с петицией, просил координировать с ним действия своей организации и, „пока все будет носить мирный характер петиции, не вносить ничего революционного, т.-е. флагов, возгласов. Но как только начнут бить, то всем развязываются руки".

Представители с.-демократических организаций одобрили это предложение, учитывая вполне мирное настроение рабочих масс

Во время дальнейшей совместной беседы подвергся обсуждению и вопрос о том, как же должна будет вести себя рабочая масса, если начнется избиение.

Здесь Гапон в свою очередь соглашался с доводами соц.-демократов, что тогда необходимо немедленно переходить к революционным действиям—разгрому оружейных магазинов, сооружению баррикад и т. п.

8-го января вечером все подготовительные действия к выступлению были закончены, все роли распределены.

Движение приобретало какой-то необычайный характер.

Взоры сотен тысяч народа, как завороженные, приковываются к необычайной, фантастической фигуре священника-вождя. Гапон обращается в диктатора, каждое самое простое слово которого делается в глазах народа законом, непреложной истиной.

Этот необычайный энтузиазм рабочих масс причудливо сплетался и вырастал из первых ростков сознания, разбуженного революционной агитацией, с одной стороны, и религиозного возбуждения, поднятого в них священником, ставшим во главе их движения,—с другой стороны.

Это уже не стачечное и не политическое движение,—это крестовый поход к царю, выставивший на своем знамени: „правды!"

Наступило 9 января. Шествие должно было открыться из всех 11 отделов „Общества" с таким расчетом, чтобы к 2 часам дня всем быть на площади перед Зимним дворцом.

Уже с утра к отделам стали стекаться отовсюду толпы народа; кроме рабочих, здесь были и студенты, радикально настроенная интеллигенция и представители социалистических партий, которые в последние дни приняли самое близкое участие в этом движении, и теперь, хотя и не верили в успех шествия, решили не покидать рабочих и быть с ними повсюду до конца.

Около полудня огромные массы народа двинулись из всех отделов по направлению к Зимнему дворцу. Гапон стал во главе рабочих, двигавшихся из самого многолюдного района—из-за Нарвской заставы.

В полном священническом облачении, с крестом в руках, с хоругвями, взятыми из ближайшей часовни, он предводительствовал огромной массой народа, которую многие из очевидцев определяли в десятки тысяч человек. Такие же огромные массы двигались и из всех остальных отделов. Впереди шли женщины, несли портрет государя...

Правительственные власти почти до самого последнего момента не отдавали себе отчета в происходящем движении. К начавшейся стачке правительство отнеслось вполне благодушно; полиция не вмешивалась даже и тогда, когда стачка стала стихийно распространяться.

И только с 7-го января, когда весь рабочий Петербург кипел, как в котле, энергично готовился к выступлению и атмосфера постепенно становилась революционной, правительство стало испытывать тревогу, заподозрив, что Гапон превращается в опасного революционера.

Но даже и тогда никто не отдавал себе ясного отчета во всем происходящем, и было решено и в данном случае ограничиться испытанными средствами вооруженного усмирения, допустив при этом даже известную провокацию: рабочей массе не препятствовали организозать шествие ко дворцу и в то же время готовили ей кровавую баню.

Неофициально весь город был поставлен на военное положение, наводнен войсками, разделен на участки; право стрелять предоставлено было усмотрению отдельных офицеров...

Но полиция продолжала оставаться пассивной, не препятствовала шествиям рабочих по улицам предместий, а низшие полицейские агенты нередко даже высказывали рабочим сочувствие и одобрение. Когда полицейскому начальству задавали вопрос: почему-же вы не остановите движения народа? Ведь могут быть несчастья, может быть, будут стрелять в народ у ворот?—оно

отвечало: „Нам приказано не препятствовать движению народа", и в то же самое время, когда полиции приказано было не препятствовать движению народных масс, другое ведомство—военное подготовляло расстрел...

У рабочих поэтому до последнего момента была глубокая уверенность, что никто не станет стрелять в их мирную, безоружную процессию, никто не посмеет помешать их шествию, направляющемуся к самому царю.

Действительно, возможность расстрела была так маловероятна, что даже крайний реакционер, член „Русского Собрания", д-р Дьячков, писал следующее:

„Картина была такова, что у меня, как у человека православного, преданного самодержавному государю, любящего родную историю и предания старины о единении самодержавного царя с преданным ему народом, не оставалось никакого сомнения, что стрелять не будут, стрелять не посмеют".

И, тем не менее, казавшееся таким чудовищным, нелепым и невозможным произошло... В двигавшихся со всех концов города тихо, торжественно, в религиозном экстазе, с горящими глазами и пылающими лицами рабочих были направлены ружейные дула.

„Всякий, для кого название петербургских площадей и улиц не простой отвлеченный термин,—писал В. Г. Короленко,—представит себе это кольцо, в которое стекались огромные безоружные рабочие массы, направлявшиеся от окраин к центру. Нетрудно также представить в воображении это море людей, двигавшихся нередко с женщинами и детьми... Местами впереди несли иконы и хоругви. И, в заключение ко всему этому кольцу, в разных местах вспыхнули огни ружейных залпов, и мостовая обагрилась родною кровью" *).

Особенно жестокий расстрел происходил у Нарвских ворот. Но участвовавший в этой процессии Гапон остался невредимым и возле Зимнего дворца.

На Васильевском острове толпа рабочих, которую войска не пропустили ко дворцу, под влиянием слухов о расстрелах в других местах, повалила телеграфные и телефонные столбы, соорудила ряд баррикад, разобрала мастерскую холодного оружия, захватила одну из типографий и уже приступила к печатанию воззвания, но подоспевшие войска помешали. На одной из баррикад был выброшен красный флаг; один из ораторов обратился

*) „Русское Богатство", январь, 1906 г.

с баррикады с речью к солдатам, но первый же залп выбил знамя из рук знаменосца социал-демократа и сразил на смерть выступившего оратора.

Сколько всего было убитых в этот исторический день, когда самодержавное русское правительство своею собственной рукой расстреляло наивную народную веру и тьму унаследованных предрассудков,—так и осталось невыясненным. Трупы прятались, погребались тайком, целыми грудами в общих могилах. Но так как расстрел рабочих происходил повсюду, а из одной только Обуховской больницы, например, было похоронено 11-12 января—54 трупа, то общее число жертв должно достигать нескольких сотен...

В течение нескольких дней Петербург продолжал напоминать военный лагерь. Стачка рабочих продолжалась, а озлобление рабочих масс прорывалось в насмешках и выкриках по адресу войск.

„Убийцы! палачи! кровопийцы!" раздавалось повсюду по адресу солдат, но безоружная толпа не решалась еще переходить к революционным действиям.

Тяжелые жертвы, понесенные рабочим классом в эти январские дни, не пропали для него даром. Выставленные петербургским пролетариатом требования стали теперь знаменем, освященным кровью самих рабочих, сплотили их всех воедино и предуказали путь всей дальнейшей борьбе. Петербургский пролетариат, а за ним и пролетариат всей России, на горьком опыте убедился в тщете всех надежд на заступничество сильных мира сего за его интересы и понял, что „освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих". Вместе с тем рабочий класс занял первое место в начинавшейся революции, и это право на почетное звание передового борца было признано за ним и всеми остальными классами и группами русского общества. Даже само правительство принуждено было отныне считаться с ним, как с крупной общественной силой, и признать его права на участие в общественной жизни России.

На январские события в Петербурге не замедлила ответить вся Россия; учащаяся молодежь, адвокаты, присяжные заседатели земства, городские думы, инженеры, местами даже фабриканты,—все, каждый по своему, спешили ответить протестом на неслыханную и ничем неоправдываемую жестокость правительственной расправы,—до того потрясающее впечатление произвели на всех события 9 января.

Но наиболее энергичным и серьезным был ответ всего рабочего, класса России: в течение января и февраля вся Россия от края

до края была наполнена непрекращавшейся борьбой рабочих, частью поднявшихся исключительно в знак протеста против расправы с петербургским пролетариатом, частью же всколыхнувшихся для борьбы за собственные требования.

Нет возможности даже перечислить подробно все стачки и рабочие выступления, предпринятые в связи с 9 января. Поэтому, предполагая в дальнейшем изложении остановить внимание читателя только на главнейших эпизодах этой борьбы, здесь мы отметим, что на окраинах России выступления польского, еврейского, латышского и кавказского пролетариата носили сперва характер бурных демонстраций и стачек-протестов, а в феврале сменились упорной профессиональной борьбой. В центральной же России политических выступлений рабочих было очень мало, но зато здесь сразу началось широкое экономическое движение, которое затем перешло в настоящую стачечную эпидемию.

В Прибалтийском крае началась 12 января стачка в Ревеле, где прекратили работу 15.000 рабочих местных фабрик, заводов, конки, типографии и грузчики. 13 января на железнодорожном мосту произошло бурное столкновение демонстрантов с войсками, повлекшее до 30 человеческих жертв. На похоронах одного из убитых произошла вторая грандиозная демонстрация рабочих. В гор. Риге рабочее движение достигло наибольшей силы и 13-го января закончилось кровавой драмой—расстрелом демонстрантов, выставивших на своих знаменах лозунги созыва учредительного собрания и установления в России республики. Всего в движении в Риге приняло участие до 60.000 раб. В ответ на расстрел рабочие ответили еще более дружной забастовкой. На похоронах жертв 13 января демонстрация повторилась, и в ней приняло участие до 40.000 рабочих. Правительство не решилось вторично применить вооруженную силу, и шествие прошло спокойно. 19 января, по постановлению социал-демократических организаций, забастовка прекратилась так же дружно, как и началась. Такими же бурными демонстрациями и вмешательством войск, но без человеческих жертв, ознаменовались стачки в Либаве, Пернове, Митаве и Виндаве.

В Царстве-Польском центром движения была Варшава. С 14 января в городе замерла вся промышленная жизнь, улицы наводнены войсками, которые получили приказ беспощадно расстреливать всякую толпу. За три дня с 14-го по 16-е января, по одним только официальным сведениям. было убито 64 человека и 69 человек ранено. Выступления рабочих сопровождались разгромом оружейных

магазинов, сооружением баррикад. По ночам народ громил винные лавки и уничтожал водку, но все попытки подонков Варшавы устроить погром сурово подавлялись самими рабочими. Стачка продолжалась с 14-го по 20-е января.

В Лодзи еще 13-го января вечером несколько сот человек рабочих направились в штаб полиции и вручили полицеймейстеру петицию, в которой заявляли о своем присоединении к требованиям петербургских рабочих. На следующий день дружно началась всеобщая забастовка, которая к 15-му января охватила весь Лодзинский район, т.-е. более 100.000 рабочих. 18-го и 19-го января состоялись демонстрации рабочих и столкновения с войсками, которые повлекли за собою до 15 человек жертв. А на похоронах убитых последовало новое столкновение и новые жертвы.

Стачки обошли всю Польшу, захватив, между прочим, и железные дороги. Бастовали рабочие Домбровского округа, Калишской, Петроковской, Люблинской, Радомской и Варшавской губ., а немного позднее стачки начались в губерниях Сувалкской, Плоцкой и Седлецкой, и почти во всех местах Царства-Польского земля была полита кровью рабочих...

Более спокойно январские дни прошли в Северо-Западном крае. Благодаря отсутствию крупной промышленности, выступления рабочих там не носили такого грандиозного характера, но, тем не менее, соц.-демократические организации „Бунда" приложили все усилия, чтобы протест еврейского пролетариата на петербургские события прошел единодушно и организованно и охватил даже наиболее глухие места.

На Кавказе стачечное движение вспыхнуло стихийно, но стараниями местных соц.-демократических организаций стачкам удалось придать политический характер. 13-го января в Тифлисе прекратили работу мастерские Закавказских железных дорог, механические заводы и частные типографии. Постепенно стачка разрасталась и 23-го вылилась во внушительную демонстрацию, во время которой войсками было убито и ранено до 60 человек. Тифлисский пролетариат ответил на это об'явлением всеобщей забастовки. Такие же стачки прокатились волной в Батуме, Кутаисе, Грозном, Поти и др. местах.

Рабочие г. Баку потому не примкнули к движению, что у них лишь накануне петербургских событий прекратилась их собственная стачка, начавшаяся 13-го декабря, т.-е. на другой же день после того, как был подписан указ о „незыблемости самодержавия", продолжавшаяся целых 22 дня и принявшая характер

всеобщей забастовки. Она очень сильно напоминала собой бурные события, разыгравшиеся на Кавказе летом 1903 года.

В некоторых местностях Кавказа в движении стало принимать участие, на-ряду с рабочими, и крестьянское население.

В Центральной России отклик на январские события имел место прежде всего в Москве, где уже 10-го января начались сочувственные стачки, а к 12-му января число забастовщиков достигло 40.000 челов., но дальнейшего распространения движение не получило. Крупные стачки были в Орехово-Зуеве и Ярославле, менее значительные—в Иваново-Вознесенске, Козлове и др. местах.

К февралю непрекращающееся забастовочное движение в Москве становится особенно интенсивным. Остатки зубатовских организаций добились при этом разрешения собраний рабочих во всех народных домах для выработки петиции к министру внутренних дел об улучшении положения рабочих, но сознательные рабочие, воспользовавшись этими собраниями, провалили повсюду вопрос о посылке петиции, а повели агитацию за созыв учредительного собрания.

На Юге на петербургские события откликнулся первым Екатеринослав, затем к нему присоединился Харьков; в Киеве забастовка прошла очень вяло, а Одесса и Ростов совершенно не примкнули к общероссийскому движению в январе, и стачки там начались только к концу февраля. В Поволжьи сочувственные стачки, однако, не носившие характера всеобщих, были в Самаре, Саратове, Царицыне и Казани. В Саратове в стачке приняли участие железнодорожные служащие и рабочие, добившиеся при этом значительного улучшения своего положения.

Февраль месяц вообще ознаменовался целым рядом забастовок на железных дорогах. 4-го февраля забастовала Московско-Виндавская линия, а ее примеру вслед затем последовали: Московско-Курская, Варшаво-Венская, Риго-Орловская, Московско-Казанская, Самаро-Златоустовская, Привислинские ж. д. и др., причем служащие и рабочие добивались повышения чрезмерно низкого вознаграждения и сокращения продолжительности рабочего дня.

7-го февраля на казенных ж. д. были введены некоторые улучшения: рабочий день в мастерских и депо сокращен до 9 час., учреждены выборные старосты от рабочих и допущено участие экспертов из более опытных рабочих при расценках. Для предотвращения дальнейшего распространения стачек на железных дорогах правительство поспешило распространить на них положение о мобилизации, но и эта мера не остановила рабочих.

На всех этих стачках, помимо их общего сочувственного характера петербургским событиям, влияние этих событий ярко отразилось выставлением требований петербургского пролетариата о 8-часовом рабочем дне и об установлении на фабриках конституционных порядков (участия представителей рабочих в установлении расценок, увольнениях, наложении штрафов и т. п.). Кроме того, общим явлением для всего движения было энергичное стремление рабочих к устройству массовых собраний; такие митинги, привлекавшие до 3—4 тыс. человек, стали устраиваться всюду, пока еще, главным образом, за городом, и проходили всюду очень оживленно, с участием политических ораторов.

Между тем, в самом Петербурге и по окончании стачки рабочие продолжали глухо волноваться, и правительство чувствовало, что для предотвращения нового взрыва ему необходимо предпринять определенные шаги.

Прежде всего был сделан нажим на заводчиков и фабрикантов, которые не были склонны пойти даже на частичные уступки рабочим.

Будучи сами недовольны результатами внутренней политики правительства, при которой всякая мирная забастовка рабочих, легко улаживаемая домашними средствами, превращается вдруг в бурное политическое выступление, петербургские предприниматели, вместо удовлетворения пред'явленных к ним требований, выступили сами с определенными политическими требованиями.

„Недовольство развито во всех слоях русского общества,— неожиданно заявила крупная промышленная буржуазия в одной из своих записок,—ни какие либо уступки рабочим по частным вопросам, ни пересмотр фабричного законодательства не могут вселить полного успокоения в тревожное состояние рабочих...

„Не мы, стало быть, повинны в тревожном состоянии рабочих, а между тем, вмешательство полиции и администрации, а равно чисто административное вмешательство министерства финансов поддерживают в рабочих нервность напряженных ожиданий, что им будут сделаны уступки под давлением правительственных органов...

„Лишь при других условиях государственной жизни,—говорилось дальше в этой-же записке, при гарантиях личности, при уважении власти к законам,—при свободе союзов... законное желание рабочих улучшить свое положение может вылиться в спокойные, законные формы борьбы, которые могут только содействовать расцвету промышленности, как это наблюдается в Западной Европе и Америке...“

Такое упорство предпринимателей было признано „несоответствующим положению вещей“, и министру финансов было поручено побудить их к уступчивости. Кроме того, было опубликовано извлечение из журнала комитета министров 24-го декабря 1904 г., свидетельствовавшее, что под председательством товарища министра финансов образована комиссия для разработки вопроса о страховании рабочих.

Вообще тотчас же вслед за бесчеловечным расстрелом рабочих на площадях и улицах Петербурга, правительство поспешило заговорить другим языком, иезуитски заявляя рабочим массам, что оно „всегда заботливо относилось к их нуждам, так относится к ним и теперь, готовое внимательно прислушиваться к их справедливым желаниям“.

Предлагая поэтому рабочим, которые еще продолжали стачку, „возвратиться к своему обычному труду, который столь же нужен государству, сколько и самим рабочим“, самодержавное правительство лицемерно заявляло:

„пусть знает трудящийся люд, что его нужды близки сердцу государя императора“.

Но на рабочих Петербурга теперь такие речи не производили никакого впечатления. Озлобление против царя и власти было так же велико, как и в первый момент после дикого расстрела, когда, по словам одного из активных участников движения, „люди не только молодые, а и верующие прежде старики топтали портреты царя и иконы. Особенно топтали и плевали те, которые в отделах заботились о том, чтобы перед иконами постоянно горели лампадки, масла в них подливали...“

Над об‘явлениями министра финансов и генерала Трепова, обещавшими им удовлетворение их нужд, рабочие теперь зло смеялись, заявляя, что не прекратят борьбы, пока не добьются своего.

Тогда 19-го января, по распоряжению вновь назначенного петербургского генерал-губернатора Трепова, от рабочих петербургских фабрик и заводов были вызваны 34 депутата для представления царю.

Эта встреча царя с „народом“ состоялась в Царском Селе, причем депутатам было указано на преступность „заявлять о своих нуждах мятежной толпой“ и было обещано, что все возможное для улучшения их быта будет предпринято.

Так как депутаты эти были избраны не самими рабочими, а фабричной администрацией и в число их попало несколько заведомых шпионов, то рабочая масса отказывалась признавать их.

Тогда же министр финансов подал царю записку о рабочем вопросе, в которой высказывался за предоставление рабочим некоторой свободы в экономической борьбе. Эта записка была рассмотрена комитетом министров 28—31 января, причем было постановлено:

„Определение отношений между фабрично-заводскими промышленниками и рабочими должно быть производимо не иначе, как в законодательном порядке, вследствие чего никакие организации сих отношений, не предусмотренные в законе, не должны быть допускаемы".

Этим постановлением как бы было вынесено окончательное осуждение попыткам насаждения зубатовских организаций.

Кроме того, на этом же заседании комитета министров министру финансов было поручено „приступить к безотлагательной выработке вопросов: а) об организациях для обсуждения и разрешения возникающих в промышленных заведениях на почве договора найма вопросов, а также для улучшения фабрично-заводского быта рабочих, б) о возможности дальнейшего, сравнительно с законом 2 июня 1897 г., сокращения рабочего времени, в) об изменении действующих постановлений о стачках и забастовках и г) об обеспечении рабочим больничной помощи, а равно и других вопросов, кои могут выясниться при обсуждении вышеозначенных мер, и в ряду их вопроса об об'еме прав и обязанностей фабричной инспекции".

Для спешной разработки всех этих вопросов были созданы специальные комиссии, а независимо от них, „для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в г. С.-Петербурге и его пригородах и изыскания мер к устранению таковых в будущем", 29-го января была образована еще особая комиссия под председательством сенатора Н. В. Шидловского, причем в ней должны были принять участие, на-ряду с представителями разных ведомств и фабрикантов, также выборные представители от рабочих.

В опубликовании высочайшего повеления 29-го января об образовании этой комиссии рабочие усмотрели ответ на свою петицию, придали ему расширительное толкование и, не дожидаясь дальнейших указаний, приступили на фабриках и заводах к выбору депутатов на основе всеобщего и прямого избирательного права.

Когда же 10 февраля был опубликован установленный порядок избрания представителей, рабочие лишь подтвердили свои

первоначальные выборы, а новые собрания использовали для обсуждения тех требований, которые должны были выдвинуть представители рабочих в комиссии Шидловского.

Среди этих требований неизменно повторялось: введение 8-часового рабочего дня, участие рабочих в установлении расценок, свобода слова, собраний, союзов и стачек.

Согласно установленному порядку выборов, на 208 казенных, общественных, частных и железнодорожных предприятиях Петербурга, с общим количеством 145.259 рабочих, было избрано всего 372 выборщика, которые должны были, разбившись на 9 групп, по производствам, выбрать отдельно установленное для каждой группы число представителей.

Но избранные рабочими выборщики решили не ограничиваться одним механическим избранием представителей, а попытались добиться права, предварительно обсудив свои требования, наметить кандидатов и добиться расширения рамок работ комиссии, которые бюрократия стремилась сузить, чуть ли не ограничив одними задачами анкетного характера.

Инициаторами выступили выборщики четвертой группы—металлического производства, пославшие к сенатору Шидловскому 4 х депутатов с следующим заявлением:

„Ввиду того, что всем депутатам необходимо обсудить сообща нужды рабочих и столковаться о них, мы, депутаты рабочих четвертой группы, заявляем, что до тех пор не можем приступить к выборам депутатов в комиссию, пока нам не дадут возможности собраться всем отделам вместе".

Когда же просимое разрешение было дано, на общем собрании всех выборщиков от имени рабочих всего г. Петербурга были выработаны следующие условия для участия рабочих в комиссии:

„1) немедленное открытие 11 фабрично-заводских отделов Собрания";

2) возможность представить в комиссии нужды рабочих правдиво и в полном об'еме, для чего необходимо:

а) чтобы депутаты все присутствовали на общих заседаниях комиссии, а не призывались по несколько человек для опроса;

б) чтобы депутатам была предоставлена полная свобода слова в заседаниях комиссии;

в) чтобы заседания были гласными, т.-е чтобы отчеты о них печатались в газетах без всякой цензуры;

3) гарантия неприкосновенности личности и жилища для всех рабочих

и 4) привлечение в комиссию представителей от рабочих мелких производств".

Необходимость открытия отделов «Собрания» выборщики мотивировали тем, что „только с открытием отделов мы, получив свободу собраний, сможем путем обмена мнений с рабочими разных фабрик и заводов выработать и об'единить все наши требования, и только в отделах наши депутаты могут давать отчеты о работах в комиссии своим товарищам-избирателям".

Сенатор Шидловский, которому выборщики пред'явили эти условия, заявил, что разрешение их не входит в его компетенцию.

Тогда рабочие-выборщики отказались от выборов депутатов и, вернувшись на заводы, прекратили работы по всем мастерским. Кроме того, ими было выпущено также заявление, в котором они давали отчет своим избирателям.

„Мы требовали,—писали они в этом заявлении,—свободы предвыборной агитации, мы хотели столковаться о наших нуждах. Нам этого не дали.

„Мы требовали освобождения наших депутатов,—этого требования не удовлетворили. Мы хотели прямых и честных выборов —их нам не дали".

В заключение выборщики рекомендовали петербургским рабочим самим добиваться осуществления своих требований: введения восьмичасового рабочего дня, учреждения фабричной инспекции из представителей рабочего класса, установления государственного страхования, немедленного прекращения войны, свободы собраний, свободы устного и печатного слова, свободы союзов и стачек, свободы совести, неприкосновенности личности и жилища, бесплатного всеобщего народного образования и широкого участия народа в управлении.

Трудно переоценить ту роль, какую сыграла эта комиссия в дальнейшем развитии рабочего движения не только в Петербурге, но и во всей России. Она прежде всего вовлекла в самом Петербурге в движение новые слои городских рабочих, затем она дала петербургскому пролетариату столь недоставшую ему организацию рабочих по заводам, очень приспособленную к задачам момента.

Созыв комиссии, кроме того, явился грандиозной демонстрацией, которая опровергла все утверждения правительства, будто движение рабочих 9 января было навязано рабочим злонамеренными лицами и выставленные от имени рабочих требования „ничего общего с их нуждами не имеют".

Он демонстрировал далее, что за истекший месяц рабочие Петербурга выросли политически: в то время, как в январе они только лишь соглашались подписывать эти требования, теперь, месяц спустя, эти требования вошли в плоть и кровь и были ими самостоятельно написаны для своих выборщиков в комиссию

Наконец, по отношению к остальной России комиссия Шидловского сыграла роль набатного колокола: о ее работах широко оповещала вся легальная печать, и рабочие самых отдаленных уголков России стали интересоваться ею; когда же стало известно о крушении комиссии, они стали при формулировании своих требований руководствоваться заявлением депутатов комиссии.

Влияние ее, между прочим, сказалось и в вовлечении в широкое рабочее движение таких слоев пролетариата, которые до того были очень мало затронуты движением: повсюду заволновались приказчики, рабочие мелких ремесленных мастерских, городские рабочие, судовые рабочие, грузчики, банщики, бондари, извозчики и, наконец, прислуга.

Нет никакой возможности даже перечислить все стачки этого периода среди перечисленных категорий рабочих.

Мы ограничимся поэтому только общей их характеристикой. Хотя все эти стачки носили чисто экономический характер, но они не были лишены и политического значения: вспыхивая в самых различных местах, перекидываясь из крупных промышленных центров в захолустные города и местечки, эти стачки, а равно и устраиваемые стачечниками собрания и манифестации будили самых инертных обывателей и вносили живую струю в такие уголки России, где раньше и не слыхали о рабочем движении. Кроме того, небывалый массовый характер всех этих многочисленных стачек, в связи с растерянностью администрации на местах, приводил и к новым завоеваниям рабочих: рабочим во многих местах удается довольно легко получать разрешение на устройство собраний для обсуждения своих дел, а там, где этому чинятся препятствия, собрания начинают устраивать самочинно.

Администрация принуждена была также санкционировать выбор депутатов от рабочих для переговоров с хозяевами, так как иначе нельзя было быстро ликвидировать возникавшие стачки; местами были узаконены третейские разбирательства спорных пунктов в требованиях рабочих и т. п.

Требования различных групп рабочих, выдвигавшиеся ими во время этой стачечной эпидемии, были также самые разнообразные, начиная от самых скромных, выдвигавшихся наиболее

отсталыми или инертными группами рабочих, каковы, напр., требования прислуги, добивавшейся, на-ряду с увеличением жалованья, „вежливого обращения", или требования московских приказчиков, которые в письменном обращении к городскому голове ходатайствовали об установлении „законного и ни для кого не обидного распределения времени труда и отдыха".

Требования же передовых слоев рабочих в высшей степени продуманы, детально разработаны и обнаруживают в их авторах вполне развитое классовое самосознание. В качестве примера требований последнего рода мы приведем здесь резолюцию передовой части петербургских типографских рабочих, принятую общим собранием членов о-ва тружеников газетного и печатного дела 25 марта 1905 года:

„Обсудив условия труда типографских рабочих, как одной из групп многомиллионной трудовой армии, собрание пришло к заключению:

1) Что вывести ее из настоящего экономического рабства возможно лишь путем полного, планомерного, стройного, охватывающего все сферы труда, фабричного законодательства.

2) Что в ближайшую очередь насущным и неотложным является проведение законодательным путем следующих мер:

а) сокращение рабочего дня до 8 час. в сутки и окончание работы под праздники и в субботу в 2 часа дня;

б) отмена всех праздничных и воскресных работ во всех отраслях производства;

в) празднование 1 мая;

г) безусловная отмена ночного труда;

д) безусловное запрещение сверхурочных работ как в будни, так и в праздники;

е) установление нормальной заработной платы, которая должна обеспечить здоровое человеческое существование и которая служит минимумом для всех производств данной местности;

ж) уплата заработной платы в сроки не менее 4 раз в месяц;

з) обязать промышленников и предпринимателей иметь при своих заведениях приемные покои и постоянных врачей. Приемные покои должны быть с процентным числом кроватей, соответственно количеству рабочих, и находиться под надзором выборных от рабочих. В производствах, где совместно с мужчинами заняты работой и женщины, иметь ясли, а при большом числе женщин— иметь постоянную акушерку;

и) женщины, работающие во всевозможных предприятиях по найму, в период беременности должны быть освобождены от работ за 3 недели до родов и 4 недели после родов, причем за все время отсутствия вследствие родов плата должна быть производима полная;

к) в случае профессиональной болезни, рабочие получают заработную плату полностью за все время болезни, а в случае непрофессиональной—две трети заработка;

л) отмена труда малолетних до 16 лет;

м) отмена штрафов;

н) выборы и увольнения рабочими мастеров;

о) учреждение во всех производствах комиссии из выборных представителей рабочих и администрации для рассмотрения жалоб, претензий рабочих и наблюдения за правильностью расценки работы;

п) участие рабочих в прибылях, получаемых от предприятий;

р) помощь государства в устройстве производительных артелей и всех видов ассоциаций;

с) государственное страхование на случай старости, инвалидности и безработицы;

т) учреждение биржи труда.

3) Что вывести рабочую массу из бесправного юридического положения возможно только при равных для всех граждан России законах, обеспечивающих свободное и полное развитие всех духовных сил личности.

4) Что для широкого развития ее духовных сил необходимо всеобщее, бесплатное, обязательное начальное, общее и профессиональное образование и устранение всех причин, затрудняющих доступ во все средние и высшие учебные заведения.

„Но, в виду того, что существующие органы власти не в состоянии провести этих требуемых жизнью реформ, собрание признает самой насущной потребностью момента созыв учредительного собрания на основах всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права без различия пола, национальностей и вероисповедания, при условии немедленной отмены положения об усиленной охране, немедленного об'явления свободы совести, слова, печати, сходок, собраний, союзов и стачек и амнистии пострадавших за политические убеждения.

5) Поручить правлению сообщить настоящую резолюцию совету министров, комитету министров, всем существующим в России однородным профессиональным обществам и будущему собранию народных представителей“ *).

*) „Общественное движение в России“, т. II стр. 202.

Не прекращалась в это время и борьба рабочих, уже принимавших участие в январско-февральском всероссийском выступлении пролетариата.

Едва оправившись от перенесенных стачек, они стремились вновь сорганизоваться для дальнейшей борьбы, используя для этого все возможности: местами записывались в существующие легальные общества, местами предпринимали хлопоты о разрешении новых обществ, а местами, как, например, было на Петербургском Невском судостроительном заводе, приступали явочным порядком к организации заводских и фабричных союзов взаимопомощи, ставивших целью „об'единением и просвещением сознания рабочих накоплять силы для окончательного освобождения рабочего класса от бедности и унижения".

В рабочих кругах не прекращались в это время толки о необходимости созвать с'езд существующих рабочих обществ взаимопомощи, поднятый харьковским обществом взаимопомощи.

В смысле создания стройных рабочих организаций и всероссийского об'единения их, дело мало подвинулось и теперь, ограничившись лишь отдельными попытками да созданием непрочных об'единений рабочих на местах в моменты упорной стачечной борьбы.

Существовавшие революционные организации, которые продолжали работать в условиях конспирации, оказались также не в состоянии пойти навстречу этому назревшему в рабочей среде стремлению к организации; их идейное влияние в это время на рабочие массы было велико, но организационное воздействие оставалось попрежнему ничтожным.

Как результат этого, являлась раздробленность и стихийность рабочего движения в самые ответственные моменты и почти полное отсутствие согласованности между отдельными частями пролетариата, между отдельными местностями. А это, в свою очередь, обрекало пролетариат на ненужную растрату революционной энергии по случайным поводам затягивало его борьбу, не принося крупных реальных результатов, и должно было сказаться роковым образом в момент окончательной схватки рабочего класса за свое политическое освобождение.

Вскоре же после ликвидации комиссии Шидловского заграничная с.-демократическая газета „Искра", учитывая, с одной сторонын, едостаточную организованность пролетариата для предстоящей революционной схватки с царизмом, а с другой— агитационный и организационный опыт с комиссией Шидловского,

бросила в русские рабочие массы ряд лозунгов о создании явочным порядком широких рабочих организаций. Рабочим фабрик и заводов при обострении борьбы рекомендовалось образовать собрание депутатов данного города для разрешения всех назревших местных вопросов. По мысли „Искры", такие организации должны были стать „центром тяготения широких рабочих масс и связать их с подпольной партией".*) Наконец, помимо создания таких организаций по отдельным городам, предполагалось об'единение их посредством с'езда для создания всероссийской широкой рабочей организации.

Благодаря этим лозунгам, в рабочую массу постепенно стала внедряться мысль о необходимости, для придания революционной борьбе организованности, создания массовых выборных органов. Наиболее ярко это движение осуществилось в октябрьские дни, но частично оно стало проявляться и раньше; так, напр., уже летом 1905 г. во время упорной борьбы иваново-вознесенских рабочих была создана первая такая организация, о которой более подробно будет сказано ниже.

Частичных же результатов рабочие продолжали добиваться и в это время; так, в мае месяце рабочие петербургских механических заводов начали борьбу за введение 9-часового рабочего дня. На заводах морского ведомства и во всех портовых мастерских им удалось довольно скоро добиться замены десятичасового рабочего дня девятичасовым; на остальных заводах рабочие также не пожелали отстать, и 9-часовой рабочий день был введен или явочным путем, или же после предварительной стачечной борьбы.

Показателем проявляемой рабочими энергии и упорства в борьбе за отстаивание своих прав могут служить, например, выступления иваново-вознесенских и лодзинских рабочих.

Среди иваново-вознесенских рабочих повышенное настроение наблюдалось с самого начала 1905 года.

— Вся Россия бастует, а нам что ли лучше других живется, чтобы терпеть по старому?—говорили рабочие.

К маю на большинстве фабрик наладились кое-какие организации, и представители решили собраться, чтобы сообща обсудить положение дел. Собрание состоялось 2-го мая за городом, в лесу; на нем было констатировано, что настроение рабочих в высшей степени приподнятое и грозит вылиться в забастовку по малейшему случайному поводу. Представители фабрик и заводов решили всячески сдерживать рабочих, чтобы предварительно

*) „Искра" 1905 г., № 101.

подготовиться к борьбе, придать ей организованный характер, и выработали общие требования. В число последних были включены: 8-часовой рабочий день, уничтожение сверхурочных и ночных работ, установление минимальной платы в 20 руб. в месяц, уничтожение фабричной полиции и арестных помещений при фабриках, а также признание за рабочими права в свободное от работы время читать газеты.

Затем эти требования были переданы делегатами на фабрики и заводы и там детально обсуждались в течение трех дней. Наконец, забастовка была решена и началась сразу 12-го мая на всех фабриках и заводах Иваново-Вознесенска. К 27 пунктам прежних требований, по настоянию самих рабочих, были добавлены еще следующие общие пункты: о постройке народного дома для собраний, устройство кассы взаимопомощи, празднование 19-го февраля и 1-го мая и выдача квартирных денег.

Вслед за об'явлением стачки начались ежедневные собрания рабочих на городской площади и за городом на р. Талке. Во время собраний на городской площади 14-го и 15-го мая, происходивших в присутствии владимирского губернатора, единогласно 50.000 рабочих и ремесленников приняли предложение о присоединении к принятым раньше требованиям еще одного: о созыве народного представительства, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Во время собраний на р. Талке Рабочие стали разбиваться по заводам и фабрикам для избрания депутатов и выработки частных требований по каждому отдельному промышленному заведению.

В результате ими была создана организация из 150 депутатов, которая и стала во главе стачки, приняв на себя ведение переговоров с предпринимателями, фабричной инспекцией и администрацией.

Но предприниматели категорически отказались обсуждать общие требования и предлагали, чтобы представители рабочих от каждой отдельной фабрики вели с ними переговоры исключительно по поводу частных требований. На это не пошли рабочие, и стачка затянулась.

Тогда к стачке примкнули каменщики, землекопы, рабочие мелких мастерских и ремесел, и вся рабочая жизнь Иваново-Вознесенска замерла совершенно, а вся масса рабочих, достигавших теперь до 70.000 человек, регулярно, изо дня в день, продолжала собираться на городской площади, где выслушивала депутатов, обсуждала дальнейший образ действий и внимала словам политических ораторов.

Когда администрация, наконец, запретила рабочим собираться на городской площади, собрания были перенесены за город. При этом рабочие приняли на себя охрану порядка во время собраний и в городе и организовали для этого свою собственную рабочую милицию.

Собрания на р. Талке после избрания депутатов стали ежедневными и происходили следующим образом.

С утра к 9 часам на лужайке у лесной сторожки собирались депутаты рабочих и представители партийных организаций; особые патрули следили, чтобы никто посторонний туда не проникал.

По окончании собрания депутатов, каковое можно рассматривать, как прообраз первого „совета рабочих депутатов", начиналось общее собрание рабочих.

Выступавшие ораторы знакомили собравшихся с ходом забастовки, сообщали о переговорах с фабрикантами, представителями власти и ставили на обсуждение назревавшие вопросы. Обсуждение заканчивалось определенными предложениями от имени совета депутатов, которые и ставились на голосование.

По окончании очередных дел начинались агитационные речи на тему об общем положении рабочего класса, о ходе революционного движения в России, о борьбе рабочего класса на Западе, о лозунгах политической борьбы и т. д. Заканчивались собрания обычно пением революционных песен.

Интересно отметить, что в начале рабочие были настроены против политической агитации. Когда один из ораторов закончил свое выступление возгласом: „долой самодержавие!"—среди присутствовавших началось глухое волнение, послышались крики:

— Довольно, не надо об этом!

— Мы не хотим политики, наша борьба экономическая.

И стоило больших трудов успокоить собравшуюся массу. Но чем дальше затягивалась стачка из-за упорства хозяев, политические настроения начали медленно, но верно внедряться в сознание бастующих рабочих. После же первого вмешательства в мирную стачку администрации, от чисто „экономического" настроения рабочих не осталось и следа.

Благодаря стараниям милиции и воздействию организации депутатов рабочих на всю остальную рабочую массу, порядок во все время затянувшейся стачки оставался образцовый: на улицах нельзя было встретить пьяных, не происходило драк, не слышалось криков, грубой ругани.

Так продолжалось до 3-го июня, когда иваново-вознесенские фабриканты решились было сделать рабочим кое-какие уступки,

а именно: повысить плату на 7—15%, освободить рабочих от платы за больничные билеты и выдавать пособия беременным работницам, а администрация решила воспретить продолжение рабочих собраний и за городом.

Об этом по всему городу были расклеены об'явления, а окрестности города были наводнены полицией, казаками и войсками.

Когда же рабочие, не взирая ни на что, попытались снова устроить очередное собрание на р. Талке, на них со всех концов набросились казаки и драгуны и обратили, после некоторого сопротивления, в бегство, причем войска продолжали расстреливать беззащитных рабочих по-одиночке. Число убитых рабочих достигло 28 человек, а раненых было гораздо больше.

Эти репрессии, однако, не сломили упорства рабочих: стачка продолжалась, и администрация для ликвидации ее волей-неволей должна была снова разрешить рабочим собрания за городом, поставив лишь условием, чтобы на собраниях не выступали ораторы с политическими речами.

Но рабочие не согласились и на это ограничение и настояли, чтобы при обсуждении вопросов, касающихся рабочего дела, их не стесняли в свободе слова. Вопрос о прекращении стачки на этих собраниях 11—13 июля был разрешен отрицательно, и рабочие постановили продолжать борьбу до получения существенных уступок. Предложенные фабрикантами уступки были решительно отвергнуты рабочими.

Между тем, положение рабочих становилось очень тяжелым: большинство из них, вследствие затянувшейся стачки, переживало страшную нужду; многие, чтобы спастись от голода и облегчить участь остальных, раз'ехались по деревням.

Предприниматели пользовались этим стесненным положением и 15-го июня в новых, развешанных по городу, об'явлениях заявили, что никаких других уступок они в данное время сделать не могут и требуют, чтобы рабочие вернулись к своим станкам к 18 июня, так как, в противном случае, заводы будут закрыты окончательно.

Начались новые переговоры, которые также ни к чему не привели, и 24 июня последовал новый отказ предпринимателей итти на какие бы то ни было дальнейшие уступки.

Тогда, на новом многолюдном собрании, рабочие вынесли резолюцию, в которой подчеркивали, что „фабриканты сами не хотят мирного разрешения стачки, и поэтому рабочие отныне слагают с себя данное раньше обязательство мирного течения стачки".

Депутаты рабочих тут же сложили свои полномочия, заявив, что дольше они не в состоянии сдерживать своих товарищей-рабочих.

Собрание закончилось бурными речами и действительно свидетельствовало о крайнем возбуждении рабочих. Почти тотчас же в городе начался разгром лавок и магазинов и продолжался в течение двух дней.

Но силы рабочих были окончательно подорваны, и 1 июля, т.-е. на 50-й день стачки, они решили сдаться.

На собрании было решено, что стачка должна окончиться так же единодушно, как и началась, и что для этого „все рабочие сначала соберутся на обычном месте сходок, на реке Талке, а потом, разбившись на группы по фабрикам, пойдут на работы; но прежде, чем приступить к работам, рабочими будет заявлено фабрикантам, что хотя они и вышли на работы, но не считают себя побежденными и не отказываются от мысли в удобный для того момент выйти из фабричных корпусов и снова пред'явить фабрикантам требования, оставшиеся неудовлетворенными" *).

Работам, однако, не суждено было возобновиться. Владельцы фабрик, чувствуя себя победителями, решили использовать свою победу до конца и потребовали от рабочих письменного заявления о своем согласии работать на прежних условиях и пред'явления паспортов как при новом приеме.

Рабочие, хотя и были уже окончательно истощены, но отвергли это унизительное условие, и стачка потянулась снова, и вместе с ней и тяжелые дни голода для рабочих.

18-го июля депутаты рабочих обратились за содействием к фабричному инспектору, чтобы он способствовал возобновлению работ на фабриках на прежних условиях. Но фабриканты отвергли и это посредничество, и только вмешательство министра финансов положило конец стачке.

Чтобы побудить администрацию и фабрикантов к уступкам, Совет депутатов организовал 23-го июля грандиозное демонстративное шествие по городу и митинг на городской площади. Стачка окончательно была ликвидирована 27-го июля, ввиду страшного голода среди рабочих, с одной стороны, и некоторых частичных уступок предпринимателей—с другой. По окончании стачки Совет депутатов самоупразднился, но отдельные члены его продолжали и в дальнейшем играть роль представителей рабочих.

*) „Общественное движение в России", т. II, стр. 219.

Такая упорная экономическая борьба разыгралась в России впервые. К самоотверженной и выдержанной борьбе иваново-вознесенских рабочих с затаенной тревогой прислушивались рабочие всего центрального района; в Костроме, Шуе, Орехове-Зуеве и других промышленных центрах рабочие также поднялись на борьбу и вели ее с изумительным упорством.

И та солидарность и готовность рабочих в течение многих месяцев переносить всяческие лишения, какие были проявлены в этой борьбе, сплоченность и единодушие рабочих, благодаря которым многотысячная рабочая масса приучалась жить одной жизнью, подчиняя свои частные интересы интересам общим,— проявление и развитие этих качеств являлось само по себе крупным завоеванием рабочего движения, несмотря на понесенные рабочими поражения.

Борьба лодзинского пролетариата носила более трагический характер, но отличалась такой же энергией и упорством. После крупных первомайских демонстраций, закончившихся столкновением с войсками, на большинстве фабрик и заводов стачки начались со средины мая и носили экономический характер.

Рабочие, прекратив работы, оставались на фабриках и днем, и ночью, опасаясь набегов полиции и арестов.

5-го июня в одном из предместий города Лодзи состоялась внушительная демонстрация польских и еврейских рабочих, собравшая несколько десятков тысяч человек, манифестировавших с развернутыми красными знаменами.

Против демонстрантов были двинуты конные воинские отряды; произошел ряд столкновений рабочих с войсками; несколько человек осталось на месте, а несколько десятков рабочих ранено.

На 7-е и 8-е июня были назначены похороны жертв этого столкновения. Для участия в похоронах за два часа до начала процессии были прекращены работы на всех заводах и фабриках, и 50.000 рабочих собрались отдать последний долг погибшим товарищам.

Снова были красные и черные знамена, но администрация не решилась вмешаться; зато она позаботилась предотвратить повторение демонстрации на следующий день, когда были назначены похороны еврейских рабочих, похоронив убитых тайком.

Собравшаяся на похороны толпа рабочих, численностью достигавшая 20.000 человек, решила двинуться в город.

При входе в город на демонстрантов снова набросились казаки; последовало ужасное избиение; было произведено несколько

залпов в толпу; 13 человек было убито, около 20 тяжело ранено из них многие вскоре умерли.

Трудно описать возмущение и озлобление лодзинских рабочих, вызванное этим повторным избиением. На следующий день, 9 го июня, остановилась жизнь всего города; по приглашению рабочих были закрыты все магазины, конторы; с 5 ч. вечера прекращено всякое движение.

Озлобление рабочих вылилось в актах мести, направленных против отдельных полицейских, жандармов, казаков; их убивали и избивали в течение всего дня, а вечером еврейские рабочие, устроив ложную тревогу и вызвав этим способом сильный отряд казаков, принялись расстреливать его с крыш домов.

Ночью предместья города покрылись сетью баррикад и заграждений, для преодоления которых власти пришлось двинуть внушительные наряды войск.

С раннего утра и до 2 час. дня рабочие защищали сооруженные ими баррикады, а когда вынуждены были, благодаря неравенству сил, оставить их, перешли в соседние дома, заняли чердаки, крыши и оттуда продолжали упорно отбиваться от наседавших войск.

В разных частях города были организованы партизанские выступления, громились и уничтожались казенные винные лавки, которых из общего числа их 54, имевшихся в городе, было уничтожено за три дня восстания рабочих — 35. Казаки и солдаты, обозленные в свою очередь упорным сопротивлением, расстреливали каждого, кто попадался на глаза.

Безумная паника охватила все мирное население Лодзи, и, оно тысячами спешило покинуть город. Восстание рабочих закончилось лишь после того, как город Лодзь был об'явлен на военном положении и в город прибыли новые войска. Общее число жертв раненых и убитых достигло 400 человек.

Лодзинское восстание было поддержано рабочими гор. Варшавы, где, при первых же известиях о лодзинских событиях, забастовало большинство фабрик и заводов, а с 11-го июня забастовка стала всеобщей и вылилась в бурные демонстрации, столкновения рабочих с войсками, с жертвами с обеих сторон, сооружения баррикад.

14-го июня на поддержку рабочих гор. Лодзи поднялось рабочее население гор. Ченстохова, не пред'явив никаких экономических требований; 15 июня всеобщая стачка, об'явленная в знак протеста, охватила Сосновицы; 20-го забастовали рабочие,

мастеровые и подмастерья в Кельцах; движение также вылилось в демонстрации, сопровождавшиеся столновениями с войсками; наконец, 21-го июня примкнули к протесту рабочие г. Белостока, остановился трамвай, прекратили работу все фабрики и заводы, забастовали извозчики, приказчики и т. п.

30-го июня белостокская забастовка закончилась расстрелом рабочих, причем последние также не остались в долгу и отстреливались из-за гребней крыш, из проходных дворов; убитых и умерших от ран рабочие похоронили 35 человек; кроме того, 25 человек было ранено.

Озлобление солдат было так велико против рабочих, что они докалывали и добивали раненых.

А в ответ на эту расправу снова поднялись варшавские рабочие.

По призыву революционных организаций, с 5-го августа прекратило работу большинство фабрик. 6-го августа толпа рабочих явилась в мастерские и депо станции Прага и добилась прекращения работ; были остановлены все паровозы, выпущен из них пар; на телеграфной станции толпа рабочих оборвала все провода, испортила аппараты, разогнала служащих. Был остановлен пассажирский поезд из Новогеоргиевска, которому так и не удалось дойти до Варшавы; та же картина повторилась и на других станциях Варшавского узла. К забастовке примкнули машинисты, и движение поездов по некоторым линиям было совершенно прекращено.

С 9-го августа все фабрики, заводы, мастерские Варшавы и ее окрестностей приостановили работы; на улицах происходили демонстрации, столкновения с казаками, за городом—грандиозные митинги.

Лодзь и Ивано-Вознесенск с районами, примкнувшими к их выступлениям, были лишь наиболее яркими фактами революционной борьбы рабочих в описываемый период.

Кроме того, крупные забастовки, разраставшиеся во всеобщие, происходили в это время в Екатеринославе, где во второй половине июня были прекращены работы и остановлено движение поездов; с 20-го июня всеобщая забастовка была об'явлена в Тифлисе и затем распространилась на гор. Гори, ст. Михайлово, Кутаис, Батум, Чиатуры, Шаропань, Самтреди и др.; в конце июня крупные забастовки протекали в Минске и Харькове.

9-го июня вспыхнула демонстративная забастовка на сормовских и других заводах в Нижнем-Новгороде, в память полугодовщины выступления петербургских рабочих; выступление

сормовских рабочих сопровождалось погромом темной толпы, натравленной полицией на рабочих и интеллигенцию, и многими жертвами; на похоронах последних участвовало до 15.000 рабочих.

В первой половине июля стачка охватила Владикавказскую жел. дорогу с ветками на Ростов-на-Дону, Ставрополь, Царицын, Новороссийск и Петровск и заставила замереть жизнь во всем огромном крае от гор. Баку до Черного и Азовского морей, по побережью Каспийского моря и по низовьям Волги.

В Ростове и Новороссийске эта стачка сопровождалась вмешательством войск и кровавыми жертвами со стороны рабочих. В первой же половине июля стачки происходили на Урале, на Мотовилихинском заводе.

В конце июля резко-революционное движение вспыхнуло в Прибалтийском крае и сопровождалось рядом демонстраций, революционных выступлений рабочих в лютеранских церквах; стачки рабочих происходили в Риге и Ревеле; там же рабочими была отпразднована полугодовщина выступления в январе 1905 года. Всеобщей забастовкой ответили ковенские рабочие на убийство их двух товарищей...

Мы перечислили только наиболее крупные выступления пролетариата, для перечисления же всех более мелких стачек, демонстраций и других проявлений рабочего движения потребовались бы целые главы.

Не надо при этом забывать, что выступления рабочих происходили в атмосфере всеобщего возбуждения самых различных слоев населения России, которые часто сами поднимались для борьбы, а частью, будучи разбужены революционной борьбой пролетариата, ограничивались лишь выражением сочувствия и некоторой поддержкой борющимся рабочим. Но рабочий класс попрежнему продолжал итти впереди движения.

К каким неожиданным результатам могло привести такое солидарное выступление различных революционно и оппозиционно настроенных групп населения вместе с рабочим классом,—примером тому может служить одесская стачка, вызванная попыткой полиции арестовать собрание „уполномоченных“ рабочих, выбранных местными фабриками и заводами для руководства стачечным движением.

„Возбужденная и возмущенная этим толпа рабочих осадила полицейский участок, где были заключены арестованные, и принудила захваченную врасплох полицию освободить товарищей. Но 12-го июня „уполномоченные“ были снова арестованы. Это

окончательно раздражило рабочую массу, и 13-го и 14-го июня улицы Одессы были переполнены толпами бурно настроенных рабочих. Эти толпы кидались от одного завода к другому и всюду останавливали работу.

Стачка быстро разрасталась во всеобщую. Все чаще происходили столкновения с полицией и войсками. Кое-где по толпе уже производились залпы.

„Но весть об убитых и раненых еще больше возбуждала рабочие массы. На улицах устраивались импровизированные митинги. Атмосфера с каждой минутой накалялась все более. 14-го город принял уже совсем необычный, тревожный вид; закрылись магазины, банки и др. учреждения.

„Кое-где при столкновении рабочие пытались строить баррикады, сваливая на рельсы вагоны городской дороги и натаскивая другие тяжелые вещи. Народ, рассеиваемый конницей и тотчас же вновь собиравшийся, вслух толковал об оружии... На следующий день все ожидали решительных и, как всегда, кровавых событий" *).

Но совершенно неожиданно на помощь рабочим пришел... восставший броненосец „Потемкин-Таврический".

Матросы броненосца поспешили немедленно завязать связи с революционными организациями рабочих, а администрации направили письмо, в котором требовали прекращения бесчинства полиции и казаков под угрозой бомбардировки города.

Все происшедшее было так необычно, что администрация совершенно растерялась и почувствовала себя беспомощной. Были моменты, когда город был совершенно во власти рабочих.

Но ни рабочие организации, руководившие их борьбой, ни, наконец, матросы с восставшего броненосца не оказались в состоянии справиться с выпавшей на их долю задачей.

Они не сумели взять в свои руки власть, выпавшую из рук перепуганной администрации, а наступившим безвластием поспешили воспользоваться темные элементы; в порту вспыхнул пожар, сопровождавшийся грабежами и разбоями и заставивший растеряться самих руководителей движения.

Упоминая о широком сочувствии, какое встречала революционная борьба рабочих в это время, спешим оговориться, так как на ряду с сочувствием русскому пролетариату приходилось довольно часто сталкиваться также и с озлоблением и противодействием.

Мы уже упоминали выше об озлоблении казаков и солдат, когда последние встречали со стороны рабочих организованный

*) Общественное движение в России, т. II, стр. 66.

отпор; также вскользь нам пришлось упомянуть и о противодействии, оказанном выступлению нижегородских рабочих темной толпой.

Но такого рода выступления были далеко не единичны. Администрация, которая все чаще оказывалась бессильной подавить выступления рабочих, особенно охотно прибегала к натравливанию на рабочих всех реакционных элементов общества, не останавливаясь для этого и перед разжиганием национального шовинизма.

И, по мере того, как все выше и выше поднимались волны рабочего движения, все чаще рабочим приходилось наталкиваться на прямую черносотенную опасность.

Более сознательные из рабочих довольно скоро поняли, какими тяжелыми последствиями для развития рабочего движения грозит подобная агитация, и поспешили сами выступить открыто против участников погромов, опубликовав в печати ряд писем.

Вот с каким письмом обратилась группа керченских рабочих в редакцию газеты „Южный Курьер".

„Люди, которым это, очевидно, выгодно, распускают слухи о том, что участники дикого отвратительного погрома в Керчи 31-го июля и 1-го августа были русские рабочие.

„Мы, русские рабочие, настоящим письмом заявляем, что это —наглая ложь.

„Мы, русские рабочие, — люди, которые не имеют никакой связи ни с теми хулиганами, ни с черносотенцами. Они, руководимые, видно, опытными вожаками и поощряемые другими, производили в эти дни разгром еврейского имущества.

„Русские рабочие не могут питать ненависти и племенной вражды к евреям, потому что за рабочим станком, изо дня в день, мы трудимся в поте лица вместе с товарищами-евреями. Вместе с ними одинаково испытываем мы нужду, вместе боремся против гнета капиталистов и с ними же, рука об руку, надеемся достичь намеченных рабочим классом целей"...

С подобным же письмом выступили в печати 60 человек екатеринославских рабочих по поводу еврейского погрома в Екатеринославе:

„Товарищи, — писали они, — пора положить конец этому позору. Заявим же громко, что евреи—наши братья, что мы возмущаемся несправедливыми и гнусными насилиями над ними. У нас есть честь,—рабочая честь! Мы не только не обесславим себя участием в этой гнусной травле, но настоящим своим заявлением покажем, что русские рабочие — не на стороне хулиганов и других темных сил".

К сожалению, все эти призывы не в состоянии были ослабить все усиливавшуюся среди малосознательных масс черносотенную агитацию, которая привела к ужасным октябрьским погромам, ознаменовавшим первые дни русской революции.

Новая волна общественного движения начала подниматься в сентябре месяце.

На-ряду с рабочим классом, к решительной схватке с самодержавным режимом готовились студенчество и все слои радикальной интеллигенции, успевшей за предыдущие месяцы об'единиться в ряд крупных союзов.

Студенчество решило воспользоваться „дарованной" высшим учебным заведениям автономией и, отказавшись от своей прежней тактики—закрывать учебные заведения и раз'езжаться по домам, использовать свое завоевание, открыв широко двери своих аудиторий для народных масс. Значение этого решения студенчества, подсказанное ему руководителями социал-демократической рабочей партии, было огромно. 30-го сентября происходили первые свободные народные митинги в высших учебных заведениях Петербурга. Рабочий класс тотчас же поспешил ухватиться за открывшуюся перед ними возможность живого и свободного общения. В Петербурге и Москве, а затем и в провинции, во всех университетских городах рабочие огромными массами стали заполнять аудитории высших учебных заведений, жадно впитывая в себя речи представителей революционных партий, бросаемые ими лозунги борьбы и стремясь использовать эту внезапно полученную свободу собраний для создания собственных прочных организаций.

Стремление рабочих к созданию организаций и к устройству собраний в этот момент стало сказываться настолько сильно, что никакие полицейские рогатки и запреты не в силах были остановить его.

Когда во второй половине сентября в Москве вспыхнула стачка типо-литографских рабочих, начавшаяся у т-ва Сытина 19-го сентября и сразу охватившая всех рабочих печатного дела, так что прекратился выход всех московских газет,—для руководства ею забастовавшая 10-тысячная масса рабочих немедленно выбрала из своей среды депутатов.

Эти депутаты, избранные рабочими всех 110 принимавших участие в стачке типографий, по одному от каждых 20 рабочих, образовали многолюдный „совет депутатов", который энергично руководил всей стачкой, имел регулярные, правильно организованные заседания, вел во время стачки все переговоры с предпринимателями и администрацией.

Постановления его были обязательны для всех участников забастовки. Рабочие—типографские рабочие—потребовали сокращения рабочего времени и повышения сдельной платы с 1.000 букв, не исключая и знаков препинания.

„Это маленькое событие, — говорит один из историков 1905 года *),—открыло собою не более и не менее, как всероссийскую политическую стачку, возникшую из-за знаков препинания и сбившую с ног абсолютизм".

Если прибавить, что все это делалось хотя и без разрешения администрации, но у нее на глазах, явно, открыто,—станет ясно, что наступала пора, когда необычайное упорство, стремительность и сила рабочего движения должны были преодолеть все противодействия всесильной бюрократии.

Как бы смеясь и издеваясь над всеми ее потугами сдержать его мощь и силу, рабочий класс рвал все сковывавшие его путы и неудержимо рвался к широкому простору политической свободы.

Лишенные возможности собираться легально для обсуждения своих нужд, забастовавшие типографщики волей-неволей принуждены были устраивать свои собрания хотя бы на улице.

Разумеется, полиция не допускала подобных собраний, но, разогнанные в одном месте, рабочие немедленно собирались в другом. Не помогало и вмешательство войск и даже расстрелы, которые только озлобляли рабочих, рождали в них желание ответить на насилие силой и еще более наэлектризовывали атмосферу участников стачки.

В конце-концов и в этом вопросе о собраниях рабочих администрация должна была пойти на уступки, разрешив общие собрания стачечников и смотря сквозь пальцы на регулярные заседания „совета депутатов".

Движение московских типографских рабочих вскоре перекинулось в Петербург, где с 3 октября наборщики и печатники организовали 3 дневную демонстративную забастовку для выражения солидарности москвичам.

В Москве с 25 сентября к забастовке типографских рабочих неожиданно присоединились булочники, стачка которых приняла сразу бурный характер, благодаря вмешательству войск.

Когда возле булочной Филиппова отряд казаков оттеснил забастовавших рабочих, последние бросились внутрь громадного филипповского дома, взобрались на чердак и там, несмотря на обстрел, выдержали длительную осаду.

*) Л. Троцкий—1905 год, стр. 28.

Вслед затем рабочее движение в Москве как-бы прорвалось и стало быстро шириться и разрастаться.

Стачка следовала за стачкой, и к вспыхнувшему движению примыкали все новые и новые отрасли производства и районы: 27-го прекратили работы рабочие мастерских Брестской железной дороги.

В Петербурге рабочее движение также стало крепнуть и распространяться. 4 октября к демонстративной забастовке петербургских типографских рабочих неожиданно примкнули рабочие экспедиции заготовления государственных бумаг, для усмирения которых была двинута военная сила.

В тот же день началась стачка и на другом конце Петербурга —за Невской заставой забастовал Невский судостроительный завод; здесь также происходили столкновения рабочих с войсками и также рабочие понесли жертвы.

Тотчас же к забастовке примкнул ряд соседних заводов, и в атмосфере всеобщего обсуждения, какая в это время царила в Петербурге и поддерживалась непрекращавшимися митингами в университетских аудиториях, возбуждение рабочих масс, взволнованных этими новыми проявлениями дикой расправы, было готово вылиться каждую минуту в самые активные формы протеста.

Наконец, к этим тревожным настроениям и разгоравшейся борьбе рабочих в Петербурге и Москве с напряженным вниманием прислушивалась вся остальная Россия, готовая откликнуться по первому же зову.

Во главе октябрьского выступления петербургского пролетариата шли металлисты и печатники, которые первыми ринулись в открытый бой и наиболее резко и отчетливо формулировали политические лозунги и очередные задачи движения.

„Мы об'являем политическую забастовку,—говорилось в резолюции рабочих Обуховского завода,—и будем до конца бороться за созыв учредительного собрания... для введения в России демократической республики".

Рабочие печатного дела, посылая 14-го октября своих депутатов в совет, признавали недостаточность одного прекращения работ и пассивной борьбы; учитывая решающий момент революционной схватки народа с царизмом, они постановили:

„Обратить армию забастовавшего рабочего класса в армию революционную, т.-е. немедленно организовать боевые дружины. Пусть эти боевые дружины позаботятся вооружением остальных

рабочих масс, хотя бы путем разгрома оружейных магазинов и отобранием оружия у полиции и войск, где это возможно".

Трудно сказать, какие результаты дала бы эта новая вспышка борьбы, если бы в этот момент нараставшая волна рабочего движения не получила колоссальной поддержки во внезапно и стихийно вспыхнувшей железнодорожной забастовке, охватившей всю Россию и давшей пролетариату в руки новое могучее средство борьбы.

В первых числах октября многочисленные стачки в Москве и Петербурге начали даже утихать, начали вновь выходить газеты, ряд наиболее крупных заводов постановил прекратить забастовку, как вдруг движение получило новый могучий толчок.

В это время в Петербурге происходил с'езд железнодорожных, служащих, созванный правительством для пересмотра устава пенсионных касс.

Половину участников этого с'езда составляли выборные от служащих, а вторую половину—заведующие кассами. И вот этому-то с'езду, созванному бюрократией с целью незначительными уступками затушить опасное брожение на железных дорогах, суждено было сыграть крупную роль.

С'езд начал с того, что об'явил себя „первым делегатским с'ездом представителей железных дорог" и предоставил право решающего голоса только выбранным членам.

Этот революционный шаг встретил полное сочувствие железнодорожников на местах и сразу об'единил вокруг с'езда всю, 800-тысячную армию железнодорожных служащих и рабочих.

Отовсюду посыпались приветственные телеграммы, обращения и обещания поддержки.

Перед угрозой такой поддержки, которая могла повлечь за собой приостановку всего жел.-дорожного движения, должно было спасовать само правительство, которому оставалось только признать с'езд.

Между тем, вся жел.-дорожная армия продолжала напряженно прислушиваться к голосу с'езда, нервно реагируя на все тормозы, которые ставились его работе, и в особенности волнуясь за свободу своих делегатов.

6—7 октября, сперва в Москве, а затем в Харькове и других местах, неожиданно разнесся слух, будто делегаты жел.-дорожного с'езда арестованы. Это известие было искрой, которая воспламенила весь накопившийся горючий материал.

В тот же день приостановили работу машинисты Московско-Казанской железной дороги, прекратив товарное движение. На

следующий день к забастовке присоединились служащие управления дороги, прекратил работу жел.-дорожный телеграф, остановились жел.-дорожные мастерские, и, наконец, остановились пассажирские поезда.

Тщетно сам с'езд, считавший забастовку преждевременной, пытался остановить начавшееся движение и опровергал слухи об аресте делегатов.

Забастовка неудержимо разрасталась и буквально в несколько дней охватила всю нашу жел.-дорожную сеть.

С 8-го октября к движению примкнули Московско-Курская, Нижегородско-Муромская, Рязано-Уральская и Ярославская железные дороги.

Группы забастовавших служащих и рабочих, быстро разраставшиеся в огромные толпы, стали снимать всех с работы, останавливали паровозы и даже готовые к отправке поезда. По телеграфным линиям понеслись известия о начавшейся забастовке, с призывами присоединиться к ней.

10-го октября было прекращено движение на Московско-Брестской, Московско-Виндавской и Николаевской железных дорогах.

„.. После бурного пятитысячного собрания во дворе управления Курской дороги, толпы забастовщиков с трех сторон предприняли правильное военное наступление на наиболее важную и сильнее всех охранявшуюся Николаевскую дорогу.

„Ворвавшись на вокзал, забастовщики выпустили пары из всех паровозов, и почтовый поезд, стоявший наготове, уже не мог отойти. Тысячная масса бросилась по линиям...

„И когда она, отхлынув, исчезла вдали, телеграфные и телефонные провода висели оборванными, а линейные служащие—все до последнего стрелочника—были поглощены и унесены этим человеческим потоком“ *).

С этого момента всеобщая стачка стала разрастаться еще стихийнее.

Вся Москва бурлила и клокотала, как никогда ранее. С 11-го октября к жел.-дорожной забастовке стали стремительно примыкать одна за другой фабрики и заводы; 12-го прекратил работать почтамт, забастовали телеграфные служащие, стала центральная электрическая станция и трамвай.

Забастовка с самого начала носила ярко выраженный политический характер.

*) „Общественное движение в России“ т. II, стр. 79.

Основным лозунгом ее выставлялось непризнание законосовещательной думы, закон о которой был опубликован в конце августа, и борьба за созыв учредительного собрания.

На громадных митингах, происходивших в аудиториях высших учебных заведений и в других местах, эти лозунги жадно подхватывались тысячами слушателей, наэлектризовывали всех и побудили примкнуть к забастовке такие слои наемного люда, которые обычно оставались в стороне от движения: банковские служащие, служащие земской управы, фармацевты, учащие в низших и средних школах, даже адвокаты примкнули к движению и прекратили работу.

Между тем, железнодорожная забастовка не только по рельсам, но и по проволоке, стала быстро распространяться по всей России и так же быстро всюду превращалась во всеобщую забастовку и политический протест против изжившего себя самодержавного режима.

К 9 октября жалезнодорожная стачка охватила Калугу, Тулу, Нижний-Новгород; 1-0го числа прекратилось железнодорожное движение в Екатеринославе, Киеве, Курске, Полтаве, Саратове, Симбирске, Харькове и ряде других городов.

К 12 октября забастовал Петербургский железнодорожный узел дороги Царства-Польского и Полесские.

В Петербурге одновременно же началась и всеобщая стачка на заводах и фабриках, и через день остановилась вся обычная деловая жизнь миллионного города.

Та же картина, впрочем, наблюдалась и повсюду, куда докатывалась волна железнодорожной забастовки: к прекращавшей работу рабочей массе тотчас же примыкали служащие, учащиеся, банки, конторы, даже суды и бюрократические канцелярии; замолкала печать, обрывались всякие телеграфные и телефонные сношения... Всюду обычная, нормальная жизнь сменялась бурным возбуждением и лихорадочным стремлением почти всех групп населения присоединить и свой голос к всероссийскому протесту.

К 13 октября движение успело уже докатиться до окраин России: о железнодорожных забастовках сообщали из Севастополя, Симферополя, Челябинска; стала вся Либаво-Роменская жел. дорога. 14-го прекратилось движение в Прибалтийском крае, на Оренбурго-Ташкентской жел. дор., в Тифлисе, Златоусте и Красноярске. 15-го октября забастовали все Средне-Азиатские жел. дороги, а 16-го—Закавказская и Владикавказская жел. дороги.

В течение какой-нибудь недели остановилась вся огромная сеть русских железных дорог, и вместе с ней замерла и вся трудовая жизнь.

Так как не работал даже телеграф, вся огромная страна как бы распалась на части, совершенно не связанные между собой.

В особенности отрезанными оказались обе столицы—Петербург и Москва. Сообщение между ними еще поддерживалось железнодорожным батальоном, но о том, что творилось в остальной России, само правительство оказалось совершенно неосведомленным.

В его распоряжении оставалась вся вооруженная сила, но ею часто нельзя было воспользоваться; только случайные известия, да еще более тревожные слухи попадали в столицы и еще более увеличивали растерянность правительства.

Между тем, по всей России события нарастали с каждым днем. 10-го октября началась всеобщая политическая стачка в Москве, Ревеле и Харькове; 11-го—в Екатеринославе, Козлове, Лодзи и Смоленске; 12-го—в Белгороде, Курске, Полтаве, Самаре, Саратове; 13-го — в Кременчуге, Минске, Орше, Петербурге и Симферополе; 14-го—в Гомеле, Иркутске, Калише, Ростове-на-Дону и Тифлисе; 15-го – в Батуме и Вильне; 16-го—в Оренбурге; 17-го—в Витебске, Юрьеве.

Кроме того, почти полная забастовка охватила Белосток, Варшаву, Двинск, Златоуст, Ковно, Казань, Либаву, Мариуполь, Николаев, Полоцк, Полтаву, Псков, Ригу, Ченстохов и ряд других городов.

Поднялась на борьбу вся городская Россия; к рабочему классу, шедшему попрежнему впереди, примыкали все демократически настроенные слои населения; кое-где начинала примыкать к движению и деревня.

Администрация на местах, отрезанная от центров, не получая руководящих указаний, совершенно терялась и инстинктивно сознавала, что настоящее движение не похоже на предыдущие и что с выступлением всего народа не справиться силами полиции и штыков.

Тем не менее, по инерции оружие применялось для подавления выступления рабочих, и во многих местах в эти исторические дни улицы городов снова обагрились народной кровью.

В тех городах, где власти пытаются силой противодействовать политической стачке, они встречают резкий отпор со стороны рабочей массы.

Так было в Харькове, где после митинга 10-го октября толпа овладела оружейным магазином, а 11-го возле университета принялась за постройку баррикад.

В Екатеринославе в эти же дни, после предательского расстрела казаками мирной толпы, на улицах быстро появилось 6 баррикад, обведенных по сторонам канавами и с проволочными заграждениями впереди.

Сотни участников уличной борьбы защищали каждую баррикаду; в наступавших казаков с соседних домов были брошены 2 бомбы, и только к вечеру баррикады были заняты войсками.

16-го октября дело до баррикад дошло в Одессе, где на Ришельевской и Преображенской улицах были опрокинуты вагоны трамвая, снесены соседние скамейки и ворота и вырублены деревья, так что улицы в четырех местах были прегражденны во всю ширину.

Но, на-ряду с этим, в эти же дни в провинции было немало случаев капитуляции власти перед требованиями рабочих масс.

Так, например, в Харькове был образован „комитет общественной безопасности", выпустивший воззвание, в котором говорилось, что „бессильные охранять порядок власти передают охрану города народу".

В Ревеле, еще 15-го октября, губернатор был принужден пойти на уступки рабочим и освободил политических заключенных.

Наконец, 17-го октября капитулировало и само самодержавное правительство, в последние дни растерянно метавшееся, пробовавшее грозить свирепыми расстрелами.

И оно должно было, наконец, признать за народом право на политическую свободу и под угрозой собственному существованию согласилось издать манифест, об'явивший конституцию.

Правда, это согласие было вынужденным и неискренним; давая его одной рукой, самодержавная бюрократия другой рукой подписывала распоряжения о продолжении свирепых преследований рабочих и стремились натравить на них темные массы.

Начиная с 18-го октября, т.-е. с первого дня празднества торжествовавшей революции, улицы многих городов и местечек стали обагряться невинной кровью жертв черносотенных выступлений.

Общая картина всех этих погромов, направленных в одних местах против евреев или армян, в других— против интеллигенции вообще, в третьих—против земцев, в четвертых—против учащейся

молодежи, рабочих или ссыльных, не оставляет никаких сомнений, что в организации и устройстве их принимала участие сама правительственная власть. В лице своих местных представителей она повсюду спешила приветствовать процессии погромщиков и старалась оправдать их зверства, она подготовляла почву для расправы с ненавистными ей элементами и заботилась о том, чтобы обеспечить громилам безнаказанность и безопасность во время выполнения ее замыслов.

Теперь уже вполне определенно доказано, что штаб этих черносотенных погромов, прокатившихся в октябрьские дни кровавой волной по всей России, находился в министерстве внутренних дел и возглавлял его сам ген. Трепов.

Более, чем в 100 местах России, тотчас же по опубликовании манифеста, разразились такие погромы и оставили после себя около 4.000 жертв убитыми и до 10.000 изувеченными.

Наиболее крупные погромы произошли в Архангельске, Баку, Белостоке, Гомеле, Екатеринославе, Казани, Калуге, Киеве, Кишиневе, Минске, Новгороде, Одессе, Ростове-на-Дону, Севастополе, Твери, Томске, Туле, Феодосии и Ярославле.

Вот какими красками описывается картина этих погромов одним из историков 1905 г. в России:

„...Охраняемая спереди и с тылу солдатскими патрулями, с казачьей сотней для рекогносцировки, с полицейскими и провокаторами в качестве руководителей, с наемниками для второстепенных ролей, с добровольцами, вынюхивающими поживу, банда носится по городу в кроваво-пьяном угаре...*).

„Свои боевые фаланги старый порядок набрал всюду—во всех углах, норах, трущобах.

„Здесь — мелкий лавочник и оборванец, кабатчик и его постоянный клиент, дворник и шпион, профессиональный вор и грабитель-дилетант, мелкий ремесленник и привратник дома терпимости, голодный мужик и вчерашний выходец деревни, оглушенный грохотом фабричной машины. Озлобленная нищета, беспросветная тьма и развращенная продажность становится под команду привилегированного своекорыстия и сановной анархии**).

„Босяк царит. Трепещущий раб, час тому назад затравленный полицией и голодом, он чувствует себя сейчас неограниченным деспотом. Ему все позволено, он все может, он господствует над

*) Л. Троцкий—„1905 год", стр. 131.

**) Ibid, стр. 129.

имуществом и честью, над жизнью и смертью. Он хочет—и выбрасывает старуху с роялем из окна третьего этажа, разбивает стул о голову грудного младенца, насилует девочку на глазах толпы, вбивает гвоздь в живое человеческое тело.... Истребляет поголовно целые семейства; обливает дом керосином, превращает его в пылающий костер, и всякого, кто выбрасывается из окна, добивает на мостовой палкой. Стаей врывается в армянскую богадельню, режет стариков, больных, женщин, детей... Нет таких истязаний, рожденных горячечными мозгами, безумными от вина и ярости, пред которыми он должен был бы остановиться. Он все может, все смеет... „Боже, царя храни!“ Вот юноша, который взглянул в лицо смерти—и в минуту поседел! Вот десятилетний мальчик, сошедший с ума над растерзанными трупами своих родителей! Вот военный врач, перенесший все ужасы порт-артурской осады, но не выдержавший нескольких часов одесского погрома и погрузившийся в вечную ночь безумия. „Боже, царя храни!...“ Окровавленные, обгорелые, обезумевшие жертвы мечутся в кошмарной панике, ища спасения. Одни снимают окровавленные платья с убитых и, облачившись в них, ложатся в груду трупов,—лежат сутки, двое, трое... Другие падают на колени перед офицерами, громилами, полицейскими, простирают руки, ползают в пыли, целуют солдатские сапоги, умоляют о помощи. Им отвечают пьяным хохотом: „Вы хотели свободы, — пожинайте ее плоды“.*).

В самом Петербурге погрома не произошло, хотя открытая подготовка к нему была у всех на глазах, и не произошло именно потому, что за самооборону от хулиганов и погромщиков, открыто натравливаемых полицией на избиение студентов, депутатов Совета, евреев и т. п., взялась сама рабочая масса. Как только слухи о готовящемся погроме стали более определенными, и даже были случаи частичных налетов на отдельных депутатов Совета и членов Исполнительного комитета, подвергавшихся открытому нападению в самом центре города, могучий порыв охватил петербургский пролетариат: все бросились вооружаться, чем только возможно; во всех заводах и мастерских, где имелось железо или сталь, с утра до

*) „Во многих случаях сами полицейские чины направляли толпы хулиганов на разгром и разграбление еврейских домов, квартир и лавок, снабжали хулиганов дубинами из срубленных деревьев, сами, совместно с ними, принимали участие в этих разгромах, грабежах и убийствах и руководили действиями толпы“. (Всеподд. отчет сенатора Кузьминского об одесском погроме).

поздней ночи шла лихорадочная работа по изготовлению холодного оружия. По сведениям, опубликованным вскоре после этого в „Правительственном Вестнике“, число вооруженных таким способом рабочих достигало 6.000 чел., и уже опубликование одной этой цифры, вместе с известиями, что рабочие наиболее крупных заводов поклялись подавить погром при первой его вспышке, было достаточно, чтобы расхолодить черносотенную гвардию и парализовать активных рядовых погромщиков“ *).

Совет рабочих депутатов, обсудив вопрос о предотвращении готовившегося погрома, принял следующую резолюцию:

„Производимые по всей России полчищами черной сотни при содействии явной и тайной полиции еврейские погромы, избиения рабочих и интеллигенции являются новой формой борьбы с общественными группами, завоевавшими для России свободу, а потому Совет рабочих депутатов решительно заявляет, что русский пролетариат будет бороться всеми доступными ему средствами со всеми попытками черносотенцев и их вдохновителей путем насилия, убийств и грабежей остановить великое и грозное шествие его к желанной свободе“ **).

Непосредственно в рабочих кварталах рабочие организовали довольно внушительную милицию, которая взяла на себя охрану всего города. Она организовала патрули, обходы; номера телефонов и районных штабов были опубликованы для всеобщего сведения в газетах и по первому вызову отряды рабочей милиции немедленно появлялись для предотвращения погрома.

Впоследствии само министерство внутренних дел, в лице директора департамента полиции Лопухина, официально заявило, что погром в Петербурге был предотвращен исключительно благодаря мерам, предпринятым Советом рабочих депутатов.

Для охраны самого Совета был создан специальный отряд милиции, прекрасно вооруженный, и когда 13 ноября 1905 г. одна из черносотенных банд, сформированных для погрома, попыталась после специального митинга только приблизиться к зданию Вольно-экономического общества, в котором заседал Совет, она

*) В Москве первые дни свобод омрачились убийством во время демонстрации черносотенцем любимого и популярного вождя московских рабочих Н. Баумана. На это каиново дело московский пролетариат ответил грандиозной строго организованной, до того совершенно небиданной в Москве, манифестацией, в которой приняло участие свыше 150.000 человек с массой революционных знамен и плакатов.

**) „Известия Совета“ № 4, 1905 г.

неожиданно натолкнулась на такую встречу, что тотчас же показала пятки и больше своих попыток не возобновляла.

Лицемерие правительства и в первую голову самого Николая II, открыто принимавшего депутации черносотенных организаций, чувствовалось на каждом шагу и демонстрировалось многочисленными правительственными актами.

Уже 20-го октября начавшие выходить „Известия Совета Рабочих Депутатов" правильно отметили всю призрачность дарованных свобод: „Итак, конституция дана. Дана свобода собраний, но собрания оцепляются войсками. Дана свобода слова, но цензура осталась неприкосновенной. Дана свобода науки, но университеты заняты войсками. Дана неприкосновенность личности, но тюрьмы переполнены заключенными. Дан Витте, но оставлен Трепов. Дана конституция, но оставлено самодержавие. Все дано и не дано ничего..."

„Они ждут успокоения,—его не будет. Пролетариат знает, чего он хочет и чего он не хочет. Он не хочет ни полицейского хулигана Трепова, ни либерального маклера Витте; ни волчьей пасти, ни лисьего хвоста. Он не желает нагайки, завернутой в пергамент конституции" *).

Что касается экономических завоеваний, достигнутых рабочими за этот год, то следует, прежде всего, отметить значительное сокращение рабочего дня. Огромное большинство рабочих Московского текстильного района добилось 10-часового и даже 9-часового рабочего дня с соответствующим повышением расценок на 5—20%. Десятичасового же рабочего дня добилось большинство рабочих Лодзи, Сосновиц, Риги, Ковны, Ревеля, Юрьева, Минска, Харькова, Одессы, Кишинева и целого ряда других.

Рабочие механических и судостроительных заводов г. Николаева получили в результате борьбы $9^1/_2$-часовой день.

Девятичасового рабочего дня добилось большинство рабочих городов Варшавы и Бердянска, рабочие военного и морского ведомства, рабочие жел.-дорожных мастерских и, как только-что было указано, значительная часть текстильщиков Московского района.

Крючники Петербургского порта завоевали себе $8^1/_2$ часовой рабочий день. Для сахарных заводов южного района совещанием сахарозаводчиков, по требованию рабочих, был установлен 8-часовой рабочий день.

*) „Изв. Сов. Раб. Деп.", 1905 г., № 3.

Что касается повышения заработной платы, то и в этом вопросе рабочим удалось добиться многого; сплошь и рядом в результате борьбы заработная плата поднималась на 10—20%, часто доходя даже до 50%, а в отдельных случаях, как, например, в гор. Воскресенске, рабочим удалось даже удвоить размер заработной платы.

По данным официальной статистики, из каждых 100 стачек, направленных в 1905 г. на сокращение рабочего дня, победой рабочих оканчивались 79 стачек и только в 21 случае рабочие потерпели поражение.

В отношении повышения заработной платы 81% всех стачек, в которых выставлялось это требование, окончился в пользу рабочих и только в 19% победили предприниматели.

Наконец, когда борьба шла за улучшение правовых условий жизни и труда рабочих, им удалось добиться выполнения своих требований в 64%.

XXVI.

Советы рабочих депутатов.

Революционные события 1905 г. создали особую организацию пролетарских масс, которой суждено было сыграть решающую роль в революции 1917 г.—Советы. Первые попытки создания рабочими подобных организаций имели место, как указывалось выше, в Иваново-Вознесенске во время летней стачки 1905 г. и во время сентябрьской забастовки типографских рабочих в Москве, но окончательно новая форма рабочей организации выявилась в Петербурге. В октябрьские дни в Петербурге руководство всем рабочим движением взял на себя „Совет рабочих депутатов"—революционный рабочий орган, избранный рабочими фабрик и заводов, примкнувшими к стачке, и сразу ставший центром и средоточием революционной энергии и признанным вождем всего рабочего класса.

Мы уже не раз указывали, каким крупным недостатком рабочего движения в России было отсутствие прочных и широких организаций. Революционные кружки и союзы рабочих, малочисленные в силу конспиративных условий, не могли восполнить этого недостатка. Легальные союзы, созданные Зубатовым, потерпели крах, как только попытались перейти от слов к делу. Потребность же рабочих масс в организации возрастала вместе с ростом движения и к 1905 году стала буквально неотложной задачей. Не будет большим преувеличением, если сказать, что, обладай рабочий класс сколько-нибудь значительной организацией, он сберег бы значительную часть своей энергии и сил, которые были растрачены в разрозненных выступлениях, и добился бы более крупных завоеваний.

К средине 1905 года самые отсталые слои рабочих начали сознавать необходимость создать собственные организации и приступали к устройству профессиональных союзов или выбирали делегатов для руководства своей борьбой. Так было, например, в Иваново-Вознесенске, Одессе, Саратове и многих других городах, а также среди гурийского крестьянства, которое под влиянием с.-демократической агитации начало организовывать „революционное

самоуправление". Во время октябрьской стачки типографских рабочих в Москве был сделан дальнейший шаг в этом направлении в смысле создания более правильного представительства и придания самой организации большей определенности.

Наконец, в Петербурге новый тип широкой революционной организации рабочего класса получил свое завершение. Призыв социал-демократов *), предложивших рабочим перед началом всеобщей забастовки образовать, путем всеобщих выборов по заводам, революционный рабочий комитет, нашел быстрый отклик в рабочей среде.

Постоянные трения двух одинаково сильных фракций социал-демократии между собой и борьба обеих фракций с социалистами-революционерами, по мнению Л. Троцкого, „делали абсолютно необходимым создание беспартийной организации; чтобы иметь авторитет в глазах масс, она должна была быть организована на началах самого широкого представительства" **).

Кроме того, с началом всеобщей забастовки и прекращением работ на фабриках и заводах сам собой должен был возникнуть вопрос о живом общении представителей отдельных предприятий для взаимного осведомления и поддержки хотя бы в отдельных районах города, а тем более удовлетворяло этой потребности создание общегородской организации.

О том, насколько сильна была такая потребность и тяга рабочих масс к организации, вообще, видно из следующего примера: рабочие Обуховского завода еще 12-го октября избрали на митинге особых старост, которым поручили отправиться в город и там разыскать рабочий комитет. Те двинулись на разведки и случайно наткнулись в Технологическом институте на заседавший там уже Совет рабочих депутатов. Рабочие завода Геслера, присоединяясь к октябрьской забастовке, также постановили избрать депутатов в „стачечный комитет, действующий по уполномочию всех рабочих".

Уже 13-го октября состоялось первое заседание Петербургского Совета рабочих депутатов в здании Технологического института, на котором присутствовали представители 40 фабрик и заводов. Было вынесено решение немедленно же призвать пролетариат

*) Лозунг создания широкой рабочей организации в Петербурге во время октябрьской стачки был брошен Петербургской группой Р.С.-Д.Р.П. (организацией „меньшинства"), чтобы дать выход настроению пролетарских масс и использовать октябрьскую стачку.

**) Л. Троцкий—„1905 год", стр. 106.

столицы к всеобщей политической забастовке и к выборам депутатов. Тут же было выработано воззвание, в котором говорилось, что рабочий класс „прибег к последнему могучему средству всемирного рабочего движения—к всеобщей стачке... В ближайшие дни в России совершатся решительные события. Они определят на долгие годы судьбу рабочего класса; мы должны встретить эти события в полной готовности, в полном сознании".

Первоначально вновь возникшая организация называлась не Советом, а „Общим Рабочим комитетом Петербурга" и только позже, когда она окончательно оформилась, была переименована в „Петербургский Совет рабочих депутатов".

Цель новой организации при ее возникновении была формулирована следующим образом:

„Нельзя допустить, чтобы забастовки то вспыхивали, то потухали по отдельным фабрикам и заводам.

„Поэтому мы постановили об'единить руководство движением в руках общего рабочего комитета... Этот комитет, об'единив наше движение, придаст ему организованность, единство, силу. Он явится представителем нужд петербургских рабочих перед остальным обществом, он определит, что нам делать во время забастовки, и укажет, когда прекратить ее" *)...

Выборы делегатов были приурочены к производственным ячейкам—фабрикам и заводам и, по примеру выборов в комиссию сенатора Шидловского, было предложено посылать одного делегата в Совет от каждых пятисот рабочих; мелкие промышленные заведения соединялись для выборов в группы; профессиональные союзы и партии получали самостоятельное представительство в Совете. На следующий день представители были избраны уже от 90 фабричных учреждений, и Совет, окончательно сконструировавшись, открыто стал во главе рабочего движения в Петербурге.

Постепенно к нему примкнули все промышленные заведения, значительное число торговых заведений и профессиональные союзы, так что общее число рабочих депутатов в середине ноября достигло 562 чел. и в Совете были представлены 147 фабрик и заводов, 34 мастерских и 16 профессиональных союзов. По производствам состав Совета распадался в это время на следующие группы: от рабочих, занятых обработкой металлов,—351 чел.; по обработке волокнистых веществ—57; рабочих бумажного и печатного

*) „Известия Петерб. Совета" № 1.

производства—32 чел.; по обработке дерева—23 чел.; резинового, сапожного и кожевенного производств—15 чел.; табачного—13 чел.; приказчиков и служащих в экспедиции газет—12 чел.; рабочих производства взрывчатых веществ—11 чел.; рабочих, обслуживающих пути и средства сообщения—11 чел.; рабочих по обработке химических продуктов—9 чел.; конфектных фабрик—7 чел.; осветительных предприятий—7 чел.; лиц, занятых в конторах и аптеках—7 чел.; рабочих стеклянного производства—3 чел.; изготовляющих белье и платье—2 чел.; рабочих часового и ювелирного производства—2 чел.

Совет рабочих депутатов являлся в одно и то же время и политической, и экономической организацией петербургского пролетариата. Его задача состояла в том, чтобы придать единство революционной борьбе пролетариата. Тайна его могущественного влияния была в том, что он, будучи естественным органом пролетариата, сознательно боровшегося за завоевания политической свободы, являлся фокусом всех революционных сил страны в момент наибольшего напряжения революционной борьбы. В первые дни октябрьской забастовки он взял на себя функции комитета, руководящего политическим выступлением всего петербургского пролетариата, организовал начавшееся выступление рабочих, предпринял ряд практических шагов, чтобы политическая стачка немедленно приняла характер всеобщей, и действительно добился этого, призывая на митингах и в бюллетенях небастующих рабочих к стачке, командируя депутатов Совета с призывом к стачке к рабочим и к владельцам фабрик с требованием немедленно приостановить производство.

Как выполнялись распоряжения Совета, даже его отдельных депутатов, показывает следующий случай:

„Шел я мимо фабрики Пеклие,—докладывал Совету один из депутатов,—вижу: работает. Позвонил. Доложите: депутат от Рабочего Совета. „Что вам нужно?“ спрашивает управляющий.—От имени Совета требую немедленно закрытия вашей фабрики.—„Хорошо, в 3 часа прекратим работы“.

К 17 октября, благодаря эти мерам, в Петербурге остановилась почти вся промышленная жизнь, и из крупных предприятий к забастовке не примкнули только: сахарный завод Кенига, водопровод и Финляндское пароходное общество.

Вся рабочая масса Петербурга, разумеется, высоко ценила свой Совет. Революционные организации должны были с ним

считаться; рядовой же обыватель, мало причастный к политике, относился к Совету „полудоброжелательно, полуподобострастно. Когда он боялся, что в пути его застигнет железнодорожная стачка, он заходил за справкой в бюро Совета. Сюда же он приходил сдавать свою телеграмму во время почтово-телеграфной забастовки, и, если бюро признавало телеграмму достаточно важной, она отправлялась. Так, вдова сенатора Б., тщетно обегав канцелярии министров, в конце-концов, обратилась по поводу важной семейной телеграммы к содействию Совета.

„Его письменный ордер освобождал обывателя от выполнения законов. Граверная мастерская согласилась сделать печать для нелегального почтово-телеграфного союза, только получив письменное „разрешение" Совета. Северный банк учел Совету просроченный чек. Типография морского министерства запрашивала, бастовать ли ей? К нему же обращались в опасные минуты, ища защиты от частных лиц, чиновников и даже от правительства... В помещении Совета всегда толпились всевозможные просители, ходатаи, жалобщики, обиженные; чаще всего рабочие, прислуга, приказчики, крестьяне, солдаты, матросы... У них было совершенно фантастическое представление о могуществе Совета и о его методах. Так, один слепой инвалид, участвовавший в русско-турецкой войне, весь в крестах и медалях жаловался на горькую нужду и просил, чтобы Совет „нажал на самого" (т.-е. на царя*)".

Авторитет Совета стоял настолько высоко, что некоторые правительственные органы беспрекословно исполняли все его предписания. Так, например, полиция по получении требований Совета немедленно освобождала арестованных; по предписанию Совета отпускалось электричество в типографию, где печатались „Известия" Совета. Собрания Совета происходили открыто; о заседаниях заранее публиковалось в газетах; полиция проверяла билеты у входа в здание Вольно-экономического общества, где обычно заседал Совет. Петербургский градоначальник Дедюлин, когда ему жаловались на неправильные действия полиции, запрещавшей и даже разгонявшей силой собрания, но не чинившей препятствия заседаниям Совета, ответил: „Совет рабочих депутатов — другое дело".

Многие, в том числе и реакционное суворинское „Новое Время", называли Совет „пролетарским правительством", и он,

*) Л. Троцкий—„1905 г.", стр. 210—211.

действительно, являлся зародышевым органом власти, осуществляя ее, поскольку это обеспечивала за ним революционная мощь рабочих масс и кварталов, при наличии общей слабости и деморализованности старой власти *).

Совет рабочих депутатов был фактически властью, поскольку он имел возможность распоряжаться частью материального аппарата государственной власти, как телеграф, железные дороги и т. п. Во время стачек само официальное правительство в лице гр. Витте было вынуждено обращаться к содействию Совета для срочной отправки его распоряжений.

Петербургский Совет до конца своих дней оставался беспартийной организацией, построенной по принципу массового представительства, об'единяющего подавляющее большинство пролетариата в единую боевую организацию.

Между тем, с.-демократические организации Петербурга очень долго не могли понять, что вся сила, значение и могущество Совета покоятся на его массовом представительстве, которое в свою очередь основывается на беспартийном характере организации; это звучит странно, но вполне отвечает действительности.

Как представители меньшинства, которым принадлежит инициатива создания Совета, так и группы большинства с.-демократической партии тотчас же после организации Совета, как только он поднялся во весь рост, стали высказывать опасения, что Совет может конкурировать с партийными организациями и даже заслонить их собою.

С.-демократические публицисты допускали, что Совет может руководить определенными выступлениями пролетариата, может взять на себя проведение активных массовых действий, но, не будучи партийной организацией, он не может руководить классовой политикой.

---

*) „Новое Время" устами Меньшикова заявляло: „До сих пор Россия испытывала удовольствие иметь одно плохо устроенное правительство. Теперь мы имеем два плохих. На-ряду с нашей древней и от старости одряхлевшей исторической властью сложилась другая, которая сердится и покрикивает, и мы по привычке повинуемся ей с трогательной покорностью".

„Империя на протяжении нескольких тысяч верст с тревогой ждет что повелит кучка пролетариев — работать или бастовать" („Н. В." 8/XI 1905 г.). В другой статье та же газета писала: „Теперь у нас в Петербурге — два правительства: одно, снабженное громадными полномочиями, но не имеющее никакого влияния — это правительство графа Витте; другое — не имеющее никаких прав, но которого все слушаются, это — Совет рабочих депутатов".

„Чтобы быть политическим руководителем, надо иметь ясно выраженную программу, точно поставленные цели", писала „Новая Жизнь" *) (орган большевиков), задаваясь вопросом, „может ли Совет быть политическим руководителем рабочих масс", и приходила к выводу, что для того, чтобы Совет рабочих депутатов стал таковым руководителем, необходимо „определенное заявление со стороны Совета, руководство какой политической партии признает он, к какой политической платформе примыкает" **).

Орган меньшинства партии„—Начало", хотя и не ставил так резко вопроса о беспартийности Совета и считал возможным мириться с ним, но находил необходимым, чтобы с.-демократическая партия подчинила своему „не только идейному, но и организационному руководству рабочие массы, сплоченные в Советах"***). „Начало" устами т. Мартынова высказывалось против принятия Советом с.-демократической платформы, но исключительно потому, что партия „не может переварить такую организацию, как Совет". Тот же автор находил, что „Совет и партия—это две самостоятельные пролетарские организации — одновременно существовать длительно не могут" ****).

В результате этих неправильных оценок Совета и близорукого подхода к его роли в революционной пролетарской борьбе, по инициативе представителей с.-демократической партии, в самом Совете 29 октября был поднят вопрос о необходимости выявить его политическую физиономию.

Теперь, оглядываясь с высот исторической перспективы назад, для нас вполне ясно, что подобная постановка вопроса грозила Совету полнейшим самоубийством в смысле потери авторитета и влияния на широкие рабочие массы.

И Петербургский Совет рабочих депутатов поступил вполне правильно, решив голосами представителей фабрик и заводов просто снять этот вопрос с обсуждения.

Но тогда для многих это было далеко не ясно.

Вынести резолюцию о признании с.-демократической программы для Совета формально, разумеется, не представляло особых трудностей, так как подавляющее большинство депутатов были или членами с.-демократических организаций, или примыкали к ним.

*) „Новая Жизнь" 1905 г. № 5.

**) Ibid. № 5.

***) „Начало" 1905 г. № 2.

****) Ibid. № 2.

Но надо помнить, что и в рядах депутатов было не мало беспартийных, были и представители других партий (соц.-революционеры), а еще больше таких лиц, которых партийность Совета могла отпугнуть. Превращение Совета при таких условиях в партийную организацию было равносильно отстранению от него всей широкой рабочей массы, которая еще не доросла до принятия с.-демократической программы.

Борьба за партийность петербургского Совета не кончилась, однако, тем, что вопрос был снят самим Советом с обсуждения.

Вокруг этого вопроса разгорелась оживленная полемика; партийные организации стали выносить по этому вопросу свои довольно резкие решения, наконец, вопрос стал выноситься для обсуждения на широкие рабочие собрания и митинги, причем на них довольно часто проводились резолюции с требованием, обращенным к Совету, принять с.-демократическую платформу.

Одно время вопрос этот стоял настолько остро, что грозил распадом самому Совету и ослаблением разгоравшейся революционной борьбы рабочих масс.

Но значение Совета тогда настолько недооценивалось, что возможное ослабление Совета не только не пугало, но чуть ли не признавалось желательным.

Так, напр., Невский районный комитет (большевиков) стоял вообще за превращение Совета в технический орган при партийной организации; другие считали возможным его сохранить лишь как чисто профессиональную организацию пролетариата, и большинство даже полагало, что, „в случае принятия Советом партийной платформы, его необходимо в наикратчайший срок распустить“ *).

В качестве наиболее веского аргумента за такое разрешение вопроса приводились статьи из „Новой Жизни“, доказывавшие, что беспартийность Совета чревата многими неожиданностями, легко может толкнуть его на путь оппортунизма, и Совет может стать лазейкой для буржуазных партий, стремящихся влиять на рабочий класс в интересах буржуазии. Из руководителей большинства партии тогда был только Н. Ленин, прибывший в Россию в средине ноября 1905 г. и поспешивший лично познакомиться с работой Совета; он более или менее правильно сразу оценил его роль и значение в революционной борьбе, как нарождающегося

*) И. Бабаханн—„Советы 1905 г.“, стр. 83.

органа новой народной власти, и призывал партийные организации поддерживать Советы, заботясь лишь об усилении влияния партии внутри Советов.

Но разноголосица мнений продолжалась еще и после выступлений т. Ленина и, напр., на конференции Северных комитетов большевиков, происходившей 21—23 ноября 1905 г., принята была резолюция, гласившая, что „Советы рабочих депутатов необходимо создавать только там, где организация иным путем не может руководить массовыми выступлениями пролетариата, или там, где необходимо отколоть массу, попавшую под руководство буржуазных партий".

Только полгода спустя, когда Советы давно успели прекратить свое существование, во время Стокгольмского об'единительного с'езда Р.С.-Д.Р.П. окончательно определилось правильное отношение к Советам, как к органам, об'единяющим широкие пролетарские массы при боевых выступлениях и являющихся зачатками революционной власти.

С первых же шагов своей деятельности Совет рабочих депутатов расширил рамки задач, которые намечались при его возникновении, начав руководить всеми политическими выступлениями рабочих. Еще 14-го октября он пред'явил ряд требований петербургскому городскому самоуправлению: об отводе помещений для митингов, об урегулировании продовольствия рабочих и прекращении довольствия полиции и жандармов, об удалении войск с городского водопровода и выдаче средств для вооружения рабочих.

„Переворот, совершившийся в России, — заявил в свой речи к членам петербургской думы оратор депутации Совета т. Радин, (Кнунянц),—есть переворот буржуазный,—он в интересах и имущих классов. В ваших собственных интересах, господа, чтобы он скорее совершился. И если вы способны быть хоть сколько-нибудь дальнозоркими, если вы действительно широко понимаете выгоды вашего класса, то должны всеми силами помочь народу в целях скорейшей победы над абсолютизмом. Нам не нужно от вас ни резолюций сочувствия, ни платонической поддержки наших требований. Мы требуем, чтобы свое содействие вы оказали рядом практических действий...

„Нам нужны средства для продолжения стачки,—ассигнуйте же городские средства на это, а не на поддержку полиции и жандармов!

„Нам нужно оружие для завоевания и отстаивания свободы,— отпустите средства для организации пролетарской милиции!“ *).

Совет при этом прекрасно учитывал настроения буржуазно-дворянской городской думы:

„Мы пришли к вам, заявил тот же т. Радин гласным думы, чтобы узнать, с кем вы: с народом против абсолютизма, или с абсолютизмом против народа, против свободы. Мы не пришли к вам предложить присоединиться к нашим боевым лозунгам, бороться рядом с нами. Мы хорошо знаем, что вы по своему социальному положению никогда бороться за наши лозунги не будете...“

Городское самоуправление не рискнуло удовлетворить все эти революционные требования, но и отказать прямо рабочим оно тоже побоялось и постаралось оттянуть ответ и отмолчаться.

17-го октября Совет рабочих депутатов решил выбросить лозунг осуществления свободы печати явочным порядком. В резолюции, принятой им по этому поводу, говорилось: „только те газеты могут выходить в свет, редакторы которых игнорируют цензурный комитет, не посылая своих номеров в цензуру, вообще, поступают так, как Совет депутатов при издании свой газеты“. Типографским рабочим было разрешено приступить к работе лишь в тех издательствах, которые согласятся осуществлять явочным порядком свободу печати.

Эта резолюция Совета была тотчас же проведена в жизнь, и к ней примкнули даже такие реакционные газеты, как „Новое Время“ и „Свет“.

Всесильный Трепов, наделенный диктаторской властью, мечтал затопить движение в крови и вел планомерную подготовку кровавой расправы. 17-го октября он попытался разогнать Совет депутатов, но тот собрался в новом месте и продолжал руководить борьбой.

В этом заседании Совет рабочих депутатов принял резолюцию, в которой говорилось:

„Принимая во внимание, что, во-первых, настоящая забастовка имеет не местный характер, а всероссийский, во-вторых, что борьба пролетариата всей России в настоящей всеобщей забастовке может дать решительный удар падающему самодержавию, в-третьих, что во многих городах волна пролетарского движения растет, а прекращение забастовки в Петербурге, ввиду важности последнего, может затормозить рост всероссийского движения,—

*) „Известия Петерб. Совета“, 1905 г., № 1.

Петербургский Совет рабочих депутатов постановляет забастовку продолжать" *).

Растерянность в правительстве достигла высшей меры, и оно решило итти на уступки революции, хотя бы временные. Царем был подписан манифест, и к власти был призван Витте.

18-го октября, когда все население Петербурга праздновало победу народа над самодержавием и заполнило манифестациями все улицы столицы, Совет рабочих депутатов решил стать во главе уличных выступлений и вести народ к тюрьме с требованием освобождения политических заключенных. Через весь город к тюрьмам двинулась 50 титысячная толпа в стройном порядке с сотнями красных флагов, с пением революционных песен. Депутаты Совета направились к Витте и добились от него обещания освободить заключенных на следующий день.

Вечером того же 18 октября на своем очередном заседании Совет подчеркнул свое недоверие дарованной царем конституции, высказавшись за необходимость реальных гарантий обещанных свобод, и выставил следующие требования: 1) немедленное удаление из города войск и выдача пролетариату оружия, 2) полная амнистия по религиозным и политическим преступлениям, 3) отмена всяких чрезвычайных и усиленных положений и 4) немедленный созыв Учредительного Собрания.

21-го октября был, наконец, издан указ об амнистии, но многие категории политических заключенных были обойдены этим указом.

Так как к этому времени из провинции стали поступать сведения, что стачечное движение начинает ослабевать, что даже в Москве забастовка прекратилась и движение грозит превратиться в ряд разрозненных партизанских схваток, 19-го октября Совет, считаясь с утомлением рабочих, постановил всеобщую забастовку с 12-ти часов дня 21-го числа прекратить, призывая рабочих, „опираясь на достигнутые победы, организоваться наилучшим образом и вооружиться для окончательной борьбы за созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для достижения полного народовластия".

Решение прекратить стачку не сразу и возобновить работу не в обычное время было продиктовано стремлением демонстрировать правительству организованность и дисциплину петербургского пролетариата. И стачка действительно закончилась в указанное Советом время, в полном боевом порядке.

*) „Известия Петерб. Совета", № 2, 1905 г.

На 23-е октября были назначены торжественные похороны жертв революции, и Совет рабочих депутатов, организуя это выступление, направил к гр. Витте депутацию с заявлением, что он „устраивает похороны убитых товарищей; за порядком наблюдает сам Совет; войска и полиция должны быть убраны с пути“ *); но когда правительство, в лице петербургского генерал-губернатора Трепова, решило прибегнуть к решительным мерам для противодействия демонстрации, Совет отменил свое решение, заявив, что „петербургский пролетариат даст правительству последнее сражение не в тот день, который изберет Трепов, а тогда, когда это будет выгодно вооруженному и организованному пролетариату“.

На-ряду с этими политическими выступлениями Совет рабочих депутатов взял на себя и руководство экономической борьбой рабочих, которая продолжалась и после окончания всеобщей забастовки и даже расширялась, захватывая все новые и новые слои рабочих.

Он помогал рабочим организовать профессиональные союзы, частью же заменял таковые, принял на себя миссию примирительной камеры в столкновениях между трудом и капиталом, содействовал открытию заводов и обратному приему рабочих и стремился обслуживать целый ряд повседневных нужд рабочей массы. Для более быстрого удовлетворения этих нужд организация Совета была разбита на районы, соответственно естественным группировкам рабочей массы, а также при нем вскоре был организован ряд отделов и комиссий по специальным отраслям деятельности.

Одной из таких крупных отраслей явилась борьба с безработицей, вскоре принявшей грозные размеры. Для организованной поддержки армии безработных Советом была учреждена специальная комиссия, организованы сборы в пользу голодающих рабочих и устроены в разных районах города столовые для рабочих.

Совет также взял на себя задачу содействовать всероссийскому об'единению рабочего класса и с этой целью им был разослан ряд делегатов по крупным промышленным центрам для пропаганды такого об'единения и подготовки его осуществления; он поддерживал живые связи с другими однородными организациями рабочего класса России и, наконец, постарался организовать выступления петербургских рабочих по поводу репрессий правительства над польским пролетариатом и в защиту восставших солдат и матросов в Кронштадте.

*) „Известия Петербургского Совета“, 1905 г. № 3.

Обе эти задачи—об'единение в одну мощную организацию пролетариата всей России и демонстрирование готовности пролетариата вступиться за участь солдат и матросов с целью приобщить и армию к делу революции—являлись важнейшими задачами Совета для дальнейших завоеваний.

Петербургский Совет рабочих депутатов это прекрасно сознавал и приложил все усилия к осуществлению обеих задач. Но для осуществления их требовалось время, более длительное, чем вся короткая жизнь Совета. Невозможно было в каких-нибудь 2—3 недели создать прочные организации пролетарских масс по всей России и об'единить их организационно.

Всероссийского об'единения, поэтому, Совету рабочих депутатов не удалось достигнуть, и его деятельность в этом направлении ограничилась лишь первыми шагами в смысле пропаганды идеи такого об'единения и установления прочных связей с наиболее крупными промышленными центрами.

Не вполне удалось Совету и организованное им выступление рабочих масс с протестом против введения в Польше военного положения и назначения военно-полевого суда над кронштадтцами. Советом была принята по этому вопросу после долгого обсуждения, во время которого делегаты фабрик и заводов оглашали многочисленные резолюции рабочих собраний о необходимости во что бы то ни было спасти матросов от казни, следующая резолюция:

„Царское правительство продолжает шагать по трупам. Оно предает военно-полевому суду смелых кронштадтских солдат армии и флота, восставших на защиту своих прав и народной свободы. Оно закинуло на шею угнетенной Польше петлю военного положения. Совет рабочих депутатов призывает революционный пролетариат Петербурга посредством общей политической забастовки, уже доказавшей свою грозную силу, и посредством митингов протеста проявить свою братскую солидарность с революционными солдатами Кронштадта и революционными пролетариями Польши".

Петербургский пролетариат сперва энергично откликнулся на призыв Совета, но зато в остальной России это выступление не встретило отклика, да и в Петербурге выступили только одни рабочие; все остальные слои населения остались почти безучастны к этому протесту. Забастовка продолжалась несколько дней и охватила 452 промышленных заведения

с 105.000 рабочих. Рабочие других городов не примкнули к этой борьбе отчасти вследствие того, что сама забастовка была об'явлена внезапно и довольно быстро прекратилась, отчасти же благодаря отсутствию прочных организационных связей у Петербургского Совета с рабочими остальной России. Только рабочие городов Ревеля и Рыбинска немедленно откликнулись на призыв петербургского пролетариата и примкнули к демонстративной стачке в знак протеста против введения военного положения и действий военно-полевых судов.

В остальной России эта стачка не нашла отклика, но, тем не менее, она произвела на правительство довольно сильное впечатление, и оно поспешило выступить с раз'яснением, что кронштадтские матросы предаются не военно-полевому, а военно-окружному суду. По вопросу о Польше правительство также пошло на уступки, об'явив, что военное положение в губерниях Царства Польского будет скоро снято, и, действительно, к 12 ноября исполнило это обещание. Кроме того, министр-председатель гр. Витте обратился к рабочим с воззванием, в котором пытался уговорить рабочих не примыкать к политической забастовке:

„Братцы-рабочие,—писал он,—встаньте на работу, бросьте смуту, пожалейте ваших жен и детей. Не слушайтесь дурных советов. Государь приказал нам обратить особое внимание на рабочий вопрос. Для этого его императорское величество образовал министерство торговли и промышленности, которое должно установить справедливые отношения между рабочими и предпринимателями. Дайте время—все возможное для вас будет сделано. Послушайте совета человека, к вам расположенного и желающего вам добра" *).

Совет рабочих депутатов с достоинством ответил на эти заигрывания правительства, заявив, что он выражает „свое крайнее изумление по поводу бесцеремонности царского временщика, позволяющего себе называть рабочих „братцами"; пролетарии ни в каком родстве с гр. Витте не состоят".

Далее Совет заявлял:

„1) Гр. Витте призывает нас пожалеть наших жен и детей,—Совет рабочих депутатов призывает в ответ подсчитать, сколько вдов и сирот прибавилось в рядах рабочих с того дня, как Витте взял в свои руки государственную власть.

*) „Известия Петерб. Совета", 1905 г., № 6.

„2) Граф Витте указывает на милостивое внимание государя к рабочему народу,—Совет рабочих депутатов напоминает петербургскому пролетариату о кровавом воскресеньи 9-го января.

„3) Граф Витте просит дать ему время и обещает сделать „все возможное“,—Совет рабочих депутатов знает, что Витте нашел уже время для того, чтобы отдать Польшу в руки военных палачей, и Совет рабочих депутатов не сомневается, что граф Витте сделает „все возможное“, чтобы задушить революционный пролетариат.

„4) Граф Витте называет себя человеком, расположенным к нам и желающим нам добра,—Совет рабочих депутатов заявляет, что рабочий класс не нуждается в расположении царских временщиков. Он требует народного правительства на основе всеобщего, равного, тайного и прямого голосования“ *).

Но и независимо от раз'яснения Совета, воззвание гр. Витте не произвело никакого впечатления на рабочих. Одна небольшая фабрика, прочитав обращение Витте, отправила ему следующую телеграмму: „прочитали и забастовали“.

Эта стачка, подчеркнувшая еще раз оторванность петербургских рабочих от пролетариата всей России, должна была побудить Петербургский Совет рабочих депутатов направить новые усилия на установление связи с рабочими организациями других городов. Он, действительно, предпринял ряд шагов в этом направлении, направив делегатов на юг России и стремясь завязать сношения с революционными рабочими организациями, возникавшими в это время повсюду, но достигнуть сразу такого об'единения было трудно, тем более, что очередные задачи рабочего движения поглощали значительную часть сил, а правительство и капиталисты стремились всячески ставить помехи дальнейшему развитию движения и старались использовать каждый промах рабочих.

Другое, пожалуй, еще более важное значение ноябрьской забастовки—в ее революционизирующем влиянии на солдатские массы. Одним ударом она всколыхнула широкие круги армии. Заронила в это темное царство искры симпатии и сочувствия к борющемуся рабочему классу и дала мощный толчок к освобождению солдатской массы из-под растлевающего влияния казармы и опеки офицерства. В казармах петербургского гарнизона начались митинги, а в Совет

*) „Известия Петерб. Совета“, 1905 г., № 6.

рабочих депутатов стали являться как отдельные солдаты, так и солдатские делегаты, требуя поддержки, литературы и т. п.

В воззвании к солдатам, выпущенном Советом, развивалась та же мысль, что рабочий класс всегда поддержит борьбу честных солдат:

„Дело матросов и солдат—наше дело, сказали рабочие и забастовали. Дело рабочих—наше дело, скажите вы и присоединяйтесь к борющемуся народу".

Вскоре даже буржуазная пресса, считая и заграничную, должна была признать, что заступничество рабочих за „кронштадтских бунтовщиков" оказало печальное моральное влияние на солдат".

Правительство к этому времени успело уже вполне оправиться от поражений, которое оно потерпело в октябре, и только выжидало удобного случая, чтобы окончательно расправиться с поднявшим голову рабочим классом и, в первую голову, с его организациями. Не решаясь пока открыто выступить против рабочих организаций и, в первую голову, против Петербургского Совета рабочих депутатов, оно на каждом шагу стремилось урезать захватно полученные рабочими права.

Капиталисты были окончательно восстановлены против петербургских рабочих их упорной борьбой за введение 8-часового рабочего дня.

Требование 8-часового рабочего дня, составлявшее один из основных пунктов с.-демократической программы, неоднократно уже выставлялось и поддерживалось рабочими в России в 1905 г. Оно занимало центральное место в знаменитой петиции рабочих к царю 9-го января. Оно же опять выплыло при обсуждении программы деятельности комиссии Шидловского. Наконец, при многочисленных повсеместных стачках с января по октябрь 1905 г. оно выставлялось бесконечное число раз и местами привело к завоеванию рабочими 9-ти часового рабочего дня.

Когда же в октябре революционная борьба рабочих закончилась частичным поражением царизма и завоеванием минимальных политических прав, рабочие массы полагали, что этим же революционным путем им удастся добиться и осуществления 8-часового рабочего дня.

Борьба за осуществление этого требования началась на петербургских фабриках и заводах тотчас же после октябрьской победы.

Первыми осуществили у себя 8-часовой рабочий день заводы Обуховский, Семянников и Александровский, которые ввели его

еще 28 октября. На другой день к ним присоединились заводы Нобеля, Лесснер, Растеряева и др.

На многих казенных заводах рабочие ввели 8-часовую смену революционным путем, и многим тогда казалось, что этим же путем легко добиться введения 8-часового рабочего дня и по всей России.

В самом деле, разве не революционный путь привел повсеместно рабочих к свободе стачек, собраний, к свободе слова? Но при этом упускалось совершенно из виду, что до сих пор борьба велась с одним врагом—самодержавным правительством, которое было достаточно обессилено единодушным натиском на него всех слоев населения; в вопросе же о 8-часовом рабочем дне придется сразу столкнуться с новым противником—классом капиталистов, которые не так-то охотно захотят отказаться от своих привилегий и барышей.

Об этом в дни революционного под'ема никто не думал, и этот шаг петербургских рабочих, поддержанный Советом рабочих депутатов, оказался роковой ошибкой, подорвавшей силы петербургского пролетариата.

Когда на очередном заседании Совета в конце октября депутаты Обуховского, Александровского и других казенных заводов сообщили о введении на этих заводах революционным путем 8-часового рабочего дня, все собрание встретило это сообщение шумными аплодисментами и тотчас же, почти без прений и обсуждения, было решено вводить 8-часовой день повсюду.

Тщетно один из депутатов пытался возражать против общего настроения и под'ема, говоря, что рискованно „начать борьбу с капиталистами, не покончив с абсолютизмом", тщетно другой депутат вполне резонно старался обратить внимание Совета на то, что „введение 8-часового рабочего дня не может быть делом рук одного петербургского пролетариата". В атмосфере общего под'ема эти трезвые соображения не встретили поддержки, и введение 8-часового рабочего дня было декретировано Советом с 31-го октября. „Совет рабочих депутатов,—говорилось в резолюции,—приветствует тех товарищей, которые революционным путем ввели у себя на заводах 8-часовой рабочий день. Совет рабочих депутатов считает, что повсеместное введение 8-часового рабочего дня требует соответственного увеличения расценок, дабы заработная плата осталась по меньшей мере на прежнем уровне".

После принятия этой резолюции стремление к введению 8-часового рабочего дня стало всеобщим и энергично проводилось по всем районам Петербурга.

Обычно отработав 8 часов, рабочие наиболее крупных заводов и мастерских с красными знаменами и пением революционных песен покидали стены фабрики и выходили на улицу, по пути снимая с работы продолжавшие работать мелкие заведения.

На отдельных фабриках вопрос о сокращении рабочего дня предварительно ставился на закрытое голосование, причем неизменно подавляющее большинство рабочих высказывалось за ограничение работы 8 часами в день, даже когда капиталисты угрожали закрытием фабрики.

К 10 ноября на 25 наиболее крупных и передовых заводах Петербурга, несмотря на упорное сопротивление со стороны фабрикантов и заводчиков, фактически был введен 8 часовой рабочий день. Введение его всюду сопровождалось огромным энтузиазмом рабочих, так как им казалось, что, наконец, осуществляется одно из заветных пожеланий пролетариата всего мира. Но, к сожалению, одного энтузиазма рабочих оказалось недостаточно.

Как и следовало ожидать, проведение в жизнь этого постановления привело немедленно к целому ряду упорных конфликтов с предпринимателями, которые сумели быстро об'единиться и стали угрожать рабочим поголовным локаутом. Правительство также примкнуло к владельцам петербургских фабрик и заводов, поспешило закрыть казенные заводы, а в помощь частным предпринимателям на их заводы послало войска и казаков. Закрылись также и многие частные заводы и фабрики, и безработица среди петербургского пролетариата стала принимать огромные размеры.

Десятки тысяч рабочих оказались выброшенными на улицу, и как Совету, так и революционным партиям пришлось спешно заботиться о помощи безработным.

Но оказать сколько-нибудь значительную помощь они были не в силах. Рабочая масса, значительно истощенная всей предыдущей борьбой, могла потерять свою последнюю сопротивляемость в этой вынужденной безработице. Было ясно, что эта тактика массового локаута, осуществляемая капиталистами под руководством правительства, является явно провокационной и рассчитана на то, чтобы окончательно обессилить рабочих.

Уже неделю спустя после принятия декрета о введении 8-часового рабочего дня революционным путем Совет рабочих

депутатов должен был сознаться в допущенной ошибке, должен был признать, что „для осуществления этой меры безусловно необходима широкая массовая организация петербургских и вообще российских рабочих и профессиональные союзы“, и рекомендовал рабочим „приложить все усилия к скорейшему созданию союзов и всероссийских с'ездов, которые могут выработать практический способ для осуществления 8-часового рабочего дня“. А еще через неделю Совет был вынужден окончательно „приостановить немедленное и повсеместное захватное введение 8-часового рабочего дня“, так как, говорилось в резолюции Совета от 12-го ноября, „правительство графа Витте, которое стремится сломить силу революционного пролетариата, выступило на защиту капитала и этим сразу превратило вопрос о 8-часовом рабочем дне в Петербурге в вопрос общегосударственный, а это привело к тому, что петербургские рабочие, отдельно от рабочих всей страны, не могут сейчас осуществить постановление Совета“.

Кроме того, Советом рабочих депутатов были выставлены следующие требования:

1) Все закрытые заводы должны быть открыты и рассчитанные товарищи — приняты обратно.

2) В случае отказа в этом требовании—обратиться к всероссийскому пролетариату с призывом к общей политической забастовке.

Заседание Совета 12-го ноября было одним из самых драматических. Пролетариат уперся в отвесную стену; отступление стало неизбежным, но значительная часть рабочих не хотела об этом и слышать. Особенно резко против делегатов, выступивших за прекращение борьбы, говорила делегатка с фабрики Максвеля:

„Вы приучили своих жен сладко есть и мягко спать и потому вам страшно остаться без заработка. Но мы этого не боимся. Мы готовы умереть, но добиться 8 часов работы. Мы будем бороться до конца. Победа или смерть! Да здравствует 8-часовой рабочий день!“

Таким образом, эта борьба за введение 8-часового рабочего дня не увенчалась успехом; во многих местах рабочие были принуждены вернуться к работе на старых условиях, а в целом ряде предприятий работы не возобновились и после отказа рабочих от осуществления их требования,—и десятки тысяч рабочих оказались выброшенными на улицу и обреченными на голод и длительную безработицу.

Хотя эта попытка Совета рабочих депутатов завоевать революционным путем 8-часовой рабочий день и потерпела неудачу, но значение этого выступления все же было огромно.

„Это факт, который должен быть отмечен в летописях не только русского, но и всемирного рабочего движения“,—писала „Новая Жизнь“ в номере от 31 октября 1905 г.

И докладчик Исполнительного Комитета Совета, Л. Троцкий, мотивируя необходимость отмены постановления, правильно отметил:

„Если мы не завоевали 8-часового рабочего дня для масс, то мы завоевали массы для 8-часового рабочего дня“.

Все усилия Совета рабочих депутатов притти организованно на помощь безработным товарищам могли только частично ослабить ужасы безработицы, но не ослабили значения этого поражения рабочих.

Последнее же наносило тяжелый удар рабочему классу не только тем, что обессилило его экономически, но еще более было пагубно тем, что толкнуло в об'ятия правительства, до того совершенно изолированного, класс перепугавшихся капиталистов, содействуя таким образом возобновлению между ними союза и укреплению политического режима.

По поводу начавшегося массового локаута т. Ленин на страницах „Новой Жизни“ писал:

„Заговор составлен. Петербургский пролетариат, истощенный предыдущей борьбой, хотят провоцировать на новую борьбу при условиях, самых невыгодных для него.

„Союзу самодержавия и буржуазии мы должны противопоставить союз социал-демократии и всей революционной буржуазной демократии.

„Социалистический пролетариат протягивает руку борющемуся за свободу крестьянству и зовет его к общему, согласованному натиску во всей стране“ *). К сожалению, этот призыв не нашел мощного отклика в 1905 г. ни среди революционной демократии, ни среди крестьянства.

Совет рабочих депутатов и сами рабочие вскоре поняли свою ошибку, но исправить ее они были уже бессильны, а правительство поспешило воспользоваться этой ошибкой, чтобы, обессилив рабочий класс, нанести ему новое поражение.

Но перед поражением Совету рабочих депутатов удалось одержать еще одну, если и не крупную, то достаточно красочную победу.

*) „Новая Жизнь“, 1905 г., 15 ноября.

В разгар стихийно разразившейся почтово-телеграфной забастовки из далекой Кушки пришла тревожная телеграмма о смертном приговоре инженеру Соколову и еще нескольким железнодорожным служащим, вынесенном военно-полевым судом за революционную агитацию.

Приговор должен был состояться 23-го ноября в 12 час. ночи. Железнодорожная армия требовала пред'явления правительству срочного ультиматума.

И ультиматум был пред'явлен.

По соглашению с Исполнительным Комитетом Совета, министерству путей сообщения было заявлено: если к 8 часам вечера не будет отменен приговор, все железные дороги прекратят движение.

В назначеный срок от министра была получена телеграмма о том, что исполнение приговора приостановлено, а на следующий день об этом было распубликовано в правительственном сообщении.

Но это была уже последняя победа революции.

Все усилия Петербургского Совета добиться всероссийского об'единения пролетариата остались неосуществленными. Но во многих местах, в особенности в крупных промышленных центрах, рабочий класс, стихийно стремившийся к организации, успел положить начало такому об'единению путем создания местных Советов рабочих депутатов. В отдельных случаях эти Советы возникали в результате соответствующей агитации делегатов Петербургского Совета, но чаще всего они создавались под напором самой рабочей массы для удовлетворения назревшей потребности оформить пробуждающееся классовое самосознание в процессе разгоравшейся революционной борьбы и в особенности для отпора надвигавшейся реакции.

Одним из первых возник Совет рабочих депутатов в Новороссийске; начало его организации относится еще к концу октября, но расцвет его деятельности относится к средине ноября. Об'единив в своих руках волю 15-титысячного населения Новороссийска, Совет постепенно стал осуществлять свое влияние на все стороны местной жизни, организовал из рабочих ряд боевых дружин, умело провел агитационную кампанию среди местного гарнизона и в конце-концов добился того, что в решительные дни декабрьского выступления пролетариата в его руки перешла вся власть в городе и окрестностях.

Немного позднее, уже в ноябре, Советы рабочих депутатов возникли в Ростове, Одессе, Таганроге, Николаеве и Баку. Ни одному из них не пришлось брать в свои руки власть, но влияние их как на рабочий класс, так и на остальные демократические слои населения этих городов было огромно.

Еще позднее стали образовываться Советы рабочих депутатов в Донецком бассейне, на Севере России — в Твери, Костроме; наконец, уже в самый разгар наступившей реакции Советы стали возникать в среднем Поволжьи—Саратове, Самаре, в Екатеринославе и вдоль Сибирской ж.-дорожной магистрали.

Деятельности некоторых из этих Советов нам еще придется коснуться в следующей главе; здесь же следует отметить, что недолговечность большинства Советов затрудняет характеристику их работы и дает возможность только подчеркнуть, что все они, являясь массовыми рабочими организациями, неизбежно отражали настроения рабочей массы и состояние рабочего движения данного района. Попытка превратить Совет рабочих депутатов в чисто партийную с.-дем. организацию имела место только в г. Твери: местный Совет довольно единодушно признал над собой идейное политическое руководство с.-демократии; во всех же остальных городах Советы продолжали до конца своих дней оставаться беспартийными организациями широких рабочих масс, и хотя фактически их работа направлялась с.-дем. партийными комитетами, формально они не считали возможным выносить подобные решения, не желая отпугивать мало сознательные еще слои пролетариата.

XXVII.

Декабрьское выступление пролетариата.

Правительство прекрасно понимало, что дальнейшие отсрочки дадут рабочему классу возможность сорганизоваться, укрепиться и вооружиться для борьбы и поэтому в конце ноября решило перейти в наступление. Для этого оно воспользовалось постановлением Совета от 22-го ноября, которым предлагалось рабочему классу и всем беднейшим слоям населения выбирать свои вклады из сберегательных касс ввиду предстоящего правительственного банкротства и требовать при всех расплатах уплаты звонкой монетой. Это постановление Совета было ответом на арест правительством еще 14-го ноября московского бюро Всероссийского крестьянского с'езда.

На это постановление Совета правительство ответило арестом председателя Совета Хрусталева и вслед затем открыто уже перешло в наступление.

Еще 24 ноября появилось „правительственное сообщение", раз'яснявшее, что все законы, изданные до манифеста 17-го октября, остаются в силе. 28-го ноября весь Прибалтийский край был об'явлен на военном положении; министерство внутренних дел предложило начальникам полиции на местах „выяснить всех главарей, подстрекателей и руководителей политического и аграрного противоправительственного движения" для немедленного ареста и заключения в тюрьму; ген.-губернаторам, губернаторам и градоначальникам было предоставлено право, в случае прекращения железнодорожных, почтовых и телеграфных сообщений, собственной властью вводить усиленные и чрезвычайные охраны; в Царском Селе стали открыто приниматься делегации „союза русских людей", „монархической партии" и др. черносотенных организаций...

Наконец, 2-го декабря был издан каторжный закон о стачках и были конфискованы все революционные газеты.

Совет рабочих депутатов прекрасно понимал, что правительство сознательно провоцирует рабочий класс на борьбу, он сознавал также, что рабочий класс далеко не подготовлен к оконча-

тельной схватке с правительством и что поэтому борьба в таких условиях неизбежно должна окончиться поражением рабочих.

Поэтому, обсуждая на заседании 25 ноября создавшееся положение, Совет признал, что в данный момент он не может еще дать „сигнала к решительному общему наступлению".

Но обстоятельства складывались так, что уже не давали выбора, и приходилось принимать вызов, сознавая, что борьба обречена на неудачу и поражение. Если теперь легко говорить об „ошибках" Совета, то далеко не так обстояло дело в момент самой революционной схватки, когда момент требовал определенных действий, не позволяя раздумывать и часто толкая на них. Прав поэтому один из активных участников Совета рабочих депутатов, Л. Троцкий, когда говорил: „Совет с часа своего возникновения и по час своей гибели стоял под могучим давлением революционной стихии, которая самым бесцеремонным образом опережала работу политического сознания.

„Каждый шаг рабочего представительства был заранее предрешен; „тактика" была очевидна. Методов борьбы не приходилось обсуждать,—еле хватало времени их формулировать" *).

На арест своего председателя Совет ответил призывом к подготовке вооруженного восстания. 2-го декабря, совместно с главным комитетом Крестьянского союза и центральными комитетами партий соц.-дем., соц.-рев. и польской социалистической партии, Совет опубликовал финансовый манифест, в котором был дан анализ правительственной политики, ведущей страну к неминуемому краху, вследствие крайней бесхозяйственности, увеличения долгов, расхищения государственных средств на субсидии помещикам. Приостановить это финансовое и хозяйственное разорение, по мнению Совета, можно только низвергнув самодержавие и созвав Учредительное Собрание; для этого необходимо отнять у правительства последний источник существования—финансовые доходы, а потому Совет предлагал населению „отказаться от взноса выкупных и всех других казенных платежей, требовать при всех сделках, при выдаче заработной платы и жалованья уплаты золотом, а при суммах меньше пяти рублей—полновесной звонкой монетой, брать вклады из сберегательных касс и из государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом...

На следующий день, 3-го декабря, Совет рабочих депутатов, продолжавший открыто собираться, был окружен военной силой

*) Л. Троцкий—„1905 год", стр. 107—108.

и арестован. На его место петербургским пролетариатом был немедленно избран новый состав Совета, который стал готовиться к борьбе и уже к 8 декабря призвал все население Петербурга к всеобщей забастовке.

Но это выступление петербургских рабочих оказалось еще более неудачным, чем ноябрьская политическая забастовка.

Оно, правда, в той или иной мере было поддержано почти всей рабочей Россией, но оно заранее было осуждено на неудачу, так как рабочий класс не успел еще как следует сорганизоваться и об'единиться для всероссийского выступления; во многих местах рабочие еще были обессилены предыдущими выступлениями; наконец, самое время для выступления—перед рождественскими праздниками и очередной получкой заработной платы—также было неудачно, так как обрекало рабочих на голодовку. Но в данном случае менее всего приходилось винить Петербургский Совет рабочих депутатов: выступление было навязано самим правительством, которое открыто перешло в наступление, арестовав прежний состав Совета, и для рабочих не оставалось иного выбора, как принять бой в невыгодных условиях.

Новый состав Совета мог действовать только нелегально. После паники и неразберихи, последовавших вслед за разгромом первого Совета, новому составу депутатов довольно долго не удавалось собраться в полном составе и только в средине декабря состоялось пленарное заседание его в Териоках.

К этому времени декабрьская забастовка уже шла на убыль, революционное настроение рабочих масс упало, а с отливом движения и Совет перестал играть прежнюю роль. Избранный Советом на Териокском собрании новый состав Исполнительного Комитета оказался также бессильным предпринять что-либо для под'ема движения и скоро был полностью арестован.

В самом Петербурге стачка прошла далеко не единодушно. В первые дни стачки к ней, правда, примкнуло до 90.000 рабочих, но уже через два-три дня число это стало быстро падать, с 12-го декабря стачка пошла определенно на убыль и к 17-му декабря продолжало бастовать только 17.000 рабочих.

Самым печальным событием этого выступления явилось то, что петербургский железнодорожный узел не примкнул к стачке. Это не могло не отразиться на развитии жел.-дорожной забастовки по всей стране и, прежде всего, дало возможность правительству использовать Николаевскую жел. дорогу для переброски в Москву

вооруженной силы для подавления рабочих, поднявших знамя вооруженного восстания.

16-го декабря рабочими из Твери была разрушена часть жел.-дорожного пути, чтобы помешать отправке войск в Москву, но было уже поздно: Семеновский полк успел пройти.

Наиболее энергично проявили себя во время декабрьского выступления Москва, юг России и часть окраин.

Во многих городах России ко времени декабрьского выступления успели образоваться Советы рабочих депутатов, организованные по образцу Петербургского, или аналогичные революционные организации рабочих. Они довольно удачно руководили местной борьбой рабочих, но оказались недостаточными для проведения планомерного всероссийского выступления.

Кроме того, почти повсюду во время этого выступления рабочий класс оказался окончательно изолированным от остальных классов населения, и это одиночество уже само по себе обрекало его на поражение. Все попытки рабочих организаций привлечь на свою сторону крестьянство и воинские части в большинстве случаев кончались неудачами. Только на Кавказе, в Сибири и в Прибалтийском крае события сложились несколько иначе, но изменить общей картины они не могли. Всего приняло участие в декабрьской забастовке 33 города, тогда как в октябре бастовало 39.

Наибольшего размаха декабрьские революционные события достигли в Москве, где настроение среди рабочих было особенно приподнятым и где рабочая масса была менее всего обессилена предыдущими выступлениями.

В Москве также был организован Совет рабочих депутатов, но создан он был несколько иначе, чем в Петербурге: в то время, как в Петербурге первоначально был создан центральный орган, который только впоследствии стал распространять свои разветвления на периферию, в Москве сперва были созданы прочные районные организации, которые потом об'единились в общегородской Совет.

4-го декабря Московский Совет рабочих депутатов присоединился к „финансовому манифесту". 6-го декабря, под влиянием начавшихся крупных волнений в московском гарнизоне, Совет постановил вместе с революционными партиями об'явить с 7-го декабря всеобщую политическую забастовку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание. Собравшаяся в это время в Москве конференция делегатов 29 железных дорог

присоединилась к постановлению Совета; такое же решение вынес и почтово-телеграфный с'езд.

Когда 7-го декабря в Москве началась политическая стачка, охватившая почти мгновенно большинство производств, местная администрация во главе с ген.-губернатором Дубасовым совершенно растерялась; имея серьезные основания опасаться революционных вспышек среди гарнизона, она сочла за лучшее сразу же прибегнуть к самым суровым репрессивным мерам, вплоть до артиллерийского обстрела города.

В первые же дни стачки были подвергнуты разгону и обстрелу собрания рабочих в „Аквариуме", „Олимпии", на Страстной площади, сопровождавшиеся многими жертвами, а против собравшихся в доме Фидлера железнодорожников и дружинников была впервые двинута артиллерия.

Эти свирепые меры привели к диаметрально противоположным результатам: вместо паники они вызвали всеобщее возбуждение и до крайности накалили и без того революционное настроение рабочих. Возбужденные репрессиями массы бросились сооружать баррикады, разоружать полицию, стали организовывать партизанские нападения на отряды войск и т. д.

В это же время в Гнезниковском пер. было взорвано здание Московского охранного отделения. Взрыв произвели двое юношей—студент и рабочий, которые пешком приблизились к окнам охранного отделения, держа каждый под мышкой по фитилевой бомбе, а во рту по папироске. Когда они подошли к самым окнам охранного отделения, их окликнул городовой, дежуривший возле ворот. Не отзываясь на этот окрик, оба юноши зажгли фитили и бросили бомбы в окна. При этом один из них, при нервной поспешности, уронил свою бомбу к ногам, но имел достаточно мужества поднять ее и вновь бросить. Оба бомбиста бросились тотчас же удирать; им вдогонку началась стрельба, но через несколько секунд два страшных взрыва (в каждой бомбе было по 8 фунтов динамита) заглушили все.

Когда же 10-го декабря артиллерия получила приказ обстреливать улицы города, эта безумная и ничем невызванная мера, направленная к тому же не столько против забастовавших рабочих, сколько против всего московского населения, естественно вызвала возмущение широких народных масс, до того не принимавших участия в движении. Десятки тысяч москвичей самого различного социального положения примкнули к вооруженному

восстанию рабочих и стали оказывать им всякое содействие, главным образом по сооружению баррикад. Благодаря их содействию, вся Москва оказалась быстро опутанной целой сетью довольно прочных сооружений, которые служили надежной охраной для немногочисленных сравнительно дружин рабочих, продолжавших вести партизанскую борьбу с полицией и войсками.

Это участие широких масс населения в декабрьском восстании московского пролетариата выгодно выделяет московское движение среди борьбы рабочих в остальной России, где рабочий класс в декабре оказался совершенно изолированным. С.-демократической боевой организацией было издано и расклеено по улицам Москвы воззвание, содержавшее ряд технических указаний для восставших. „Главное правило, гласило это воззвание, не действовать толпой. Действуйте небольшими отрядами человека в 3—4, не больше. Пусть только этих отрядов будет возможно больше, и пусть каждый из них научится быстро нападать и быстро исчезать".

„Полиция старается одной сотней казаков расстрелять тысячные толпы. Вы же против сотни казаков ставьте одного-двух стрелков. Попасть в сотню легче, чем в одного, особенно, если этот один неожиданно стреляет и неизвестно куда исчезает".

„Кроме того, товарищи, не занимайте укрепленных мест. Войско их всегда сумеет взять, или просто разрушить артиллерией. Пусть нашими крепостями будут проходные дворы и все места, из которых легко стрелять и легко уйти. Если такое место и возьмут, то никого там не найдут, а потеряют много".

Но и московское восстание рабочих, будучи оторванным от остальной России, не встретив деятельной поддержки даже со стороны петербургского пролетариата, было осуждено на неудачу. И, действительно, как только московская администрация получила подкрепление из Петербурга, она тотчас же перешла в наступление и быстро справилась с рабочими дружинами.

Дольше, чем в других местах, восставшие продержались на окраинах Москвы, в особенности на Пресне, где упорно сопротивлялись рабочие Прохоровской мануфактуры. Против них пришлось предпринять правильные военные действия, с артиллерийской подготовкой, обстрелом улиц из пулеметов и последующими атаками созданных рабочими прикрытий.

Пресня представляла в это время особый мир, отгороженный от остальной Москвы густой сетью баррикад и живший

вполне самостоятельно. Во главе движения стал местный районный Совет рабочих депутатов, в руки которого быстро перешла вся власть; полиция была разоружена, отряды войск вынуждены были совершенно покинуть эту часть города, хотя общее число дружинников, защищавших Пресню, было уж не так велико—всего около 200 человек.

К 18 декабря, наконец, и Пресня, стиснутая со всех сторон плотным кольцом войск, окутанная заревом пожаров, возникших в результате обстрела, принуждена была сложить оружие, и московское восстание таким образом было ликвидировано. Дружинники из Пресни успели благополучно скрыться, смешавшись в общей массе населения. Вообще, надо отметить, что революционные организации рабочих во время московского восстания понесли сравнительно немного жертв, общее же число жертв среди населения убитыми и умершими от ран достигало по далеко неполным подсчетам до 1.059 человек, в том числе 86 чел. детей, в их числе и грудные младенцы.

Особой свирепостью отличались действия солдат-семеновцев, которым был отдан приказ: „арестованных не иметь, действовать беспощадно". Среди расстрелянных ими пал и машинист Ухтомский, в память коего переименована теперь одна из подмосковных станций Казанской жел. дороги, умчавший на паровозе от преследований боевую дружину, развив под выстрелами пулеметов бешеную скорость. Ухтомский был задержан случайно возле ст. Люберцы, в трактире, где он остановился, собираясь уехать на лошадях. Его задержали солдаты из отряда полковника Римана. При нем был найден револьвер, его задержали и отправили к офицеру отряда на станцию. На допросе Ухтомский отказался назвать свою фамилию. Просматривавший список разыскиваемых революционеров офицер наткнулся на его фотографическую карточку и вскрикнул:

— Вот—машинист Ухтомский, вы будете расстреляны!

— Я так и думал, хладнокровно ответил Ухтомский. Вместе с тремя задержанными рабочими Люберецкого тормозного завода его повезли на расстрел.

По дороге он обратился к офицеру со следующими словами:

„Я знал, что, если попадусь в ваши руки, вы расстреляете меня; поэтому я так спокойно чувствую себя, так как был ежеминутно готов к смерти. Теперь перед смертью я скажу вам, кому вы обязаны, что поезд с дружинниками благополучно ушел из

Москвы, спасая главных участников и главарей—дружины и членов стачечного комитета.

„Когда все дороги в Москве были захвачены войсками, я вывез их, несмотря на то, что около станции Сортировочной, на огородах, вы угрожали мне пулеметами.

„В этом опасном месте, на большой кривой и совершенно открытой местности, удобной для обстрела пулеметами, я развил скорость поезда до 70 верст в час. Я сам управлял паровозом. Давление пара в котле я довел до 15 атмосфер, до предела взрыва котла. Нам грозила опасность не от пулеметов, а от возможности взлететь на воздух, и вот, когда наш поезд стремглав летел вперед, стрекотали ваши пулеметы, они не были для нас опасны, потому что нам сильнее грозил взрыв котла и возможность слететь вниз головой с насыпи. Но тут помогла опытная рука машиниста, управляющая паром и вместе судьбой преследуемых вами людей. Вы ранили тогда 6 человек, но ни одного не убили. Все спаслись, вам не достать их!“

В остальной России декабрьское выступление рабочих протекало следующим образом.

Как уже упоминалось нами, наиболее энергично проявил себя юг России: в Новороссийске, Ростове-на-Дону, Пятигорске, Николаеве, Луганске и по всей Екатерининской жел. дороге выступления рабочих носили ярко революционный характер, а администрация, сперва терявшаяся, затем обрушилась на них со всей жестокостью, не останавливаясь перед свирепыми расстрелами и применением артиллерии.

Почти во всех названных городах и на крупных станциях, где существовали депо, были организованы Советы рабочих депутатов, одни еще в октябре—ноябре, другие, как, например, в Новороссийске—перед самой декабрьской забастовкой.

Эти организации всюду становились во главе движения и придавали ему стройный и выдержанный характер. Во всех местах создавались немедленно боевые дружины, которые брали в свои руки охрану города; всюду закрывались винные лавки, разоружалась полиция и жандармы, велась систематическая борьба с проявлениями хулиганства и грабежами.

В Николаеве и Новороссийске Советам удалось оказать серьезное воздействие на городские думы и принудить их ассигновать средства для оказания помощи безработным. На короткий промежуток времени вся власть в городе переходила в руки Советов,

которые пытались устанавливать контроль над частной торговлей, боролись с черносотенной агитацией, организовывали народный суд и т. п. Но распыленность декабрьского движения и отсутствие единого центра, прочно организационно связанного с отдельными городами, были причиной того, что нигде успехи рабочего выступления не привели к прочным завоеваниям. Сравнительно быстро растерявшаяся администрация приходила в себя, спешила вытребовать себе подкрепления и затем обрушивалась жестокими репрессиями на рабочие организации, оторванные друг от друга и совершенно бессильные помешать переброскам войск.

Местами, правда, революционными организациями предпринимались некоторые шаги для организационного об'единения. Так было, например, на группе Минеральных вод, где пятигорской организации удалось прочно связаться с организациями в Кисловодске, Железноводске, Ессентуках, Минеральных водах и друг. и приходить в случае нужды на помощь друг другу, но и опыт такого об'единения показал, что его недостаточно, а необходимо единение всероссийское.

На Екатерининской жел. дороге станции Гришино и Авдеевка были забаррикадированы и укреплены рабочими в целях задержания войск, могущих явиться из Екатеринослава, но большого значения такие частичные меры, разумеется, иметь не могли.

Особенно была богата драматическими эпизодами борьба ростовских рабочих, которых владычествовавший в Ростове полковник Макеев подверг бессмысленному расстрелу, сопровождавшемуся сотнями ни в чем неповинных жертв. Прилегавший к Ростову Темерник оказался во власти рабочих и их немногочисленных дружин, которые в течение нескольких дней успешно отражали натиск войск и налеты казаков, захватывая последних даже в плен.

Во время одной из таких схваток рабочие потеряли несколько человек убитыми и ранеными, в том числе члена исполнительного комитета Совета рабочих депутатов, молодого рабочего Анатолия Сабино, который все время самоотверженно стоял в передних рядах и упал без единого стона, пронзенный в сердце предательской пулей. Тогда к трупу подошел отец павшего, молча поднял выпавшую из его рук винтовку и сказал:

— Товарищи, не отчаивайтесь, я умею стрелять так же метко, как и мой единственный сын.

Из других городов внутри России во время декабрьского выступления выделились: Харьков, где пушечному и ружейному

обстрелу подвергся завод Гельферих-Саде, в Сормове забастовка также почти в самом начале превратилась в вооруженное столкновение рабочих с войсками; в Мотовилихе (близ Перми) забастовка привела к сооружению баррикад и вооруженному сопротивлению рабочих.

Но нигде рабочие не были в состоянии оказывать длительного сопротивления войскам.

Довольно дружно протекла декабрьская забастовка в Киеве, Одессе, Костроме, Смоленске. По призыву социал-демократических организаций и Советов рабочих депутатов рабочие прекращали работы, устраивали митинги и демонстрации, но, благодаря массе войск, собранных в этих городах, нигде не было попыток захватить в свои руки власть.

В Ярославле, Рязани, Воронеже, Туле, Твери и ряде других городов настроение рабочих масс к началу декабря под влиянием предшествовавшей борьбы уже упало, и поэтому политическая забастовка прошла далеко не единодушно. В большинстве же мест, под влиянием начавшихся репрессий, стачка к 20 декабря закончилась. Вслед за поражением всюду начиналась свирепейшая реакция: рабочие организации уничтожались, а участники их тысячами арестовывались и ссылались, во славу торжествовавшей победу бюрократии.

На окраинах России—в особенности на Кавказе и Прибалтийском крае — революционное движение пролетариата в декабре месяце приобрело характер упорной борьбы с надвигавшейся реакцией. Здесь пролетариат не был так одинок в своей борьбе, как в остальной России; вместе с ним на защиту завоеванных с таким трудом и жертвами вольностей поднимались также значительные массы иного, в особенности крестьянского населения. Поэтому борьба не концентрировалась в городах, но охватывала и сельские местности; войска часто оказывались бессильными против выступлений революционных организаций, которые зачастую сами переходили в наступление, требуя удаления реакционно-настроенных войск, обезоруживая их и т. п.

По призыву революционных организаций, а часто просто по набатному звону, для отпора надвигавшейся реакции поднималось буквально все окрестное население и с оружием в руках отстаивало созданные им органы демократического самоуправления и завоеванные кровавой борьбой права на свободу слова, собраний, союзов, стачек и т. п.

В Сибири революционные выступления рабочих были поддержаны манчжурскими войсками, жаждавшими возвращения на родину. Организации железнодорожных служащих и рабочих, считаясь с создавшимся положением, приложили все усилия к тому, чтобы обеспечить озлобленной солдатской массе возможность своевременно выбраться из Сибири; благодаря их усилиям, перевозка воинских частей не только не прерывалась в периоды забастовок, но даже была значительно усилена провозоспособность Сибирской жел. дороги. Благодаря этому им удалось не только дискредитировать в глазах солдат правительственную власть, которая оказалась неспособной сама наладить движение, но и содействовать сближению и слиянию армии с освободительным движением. В наиболее крупных жел.-дорожных пунктах Сибири — Чите, Харбине, Иркутске, Красноярске и др. — уже с ноября месяца успешно действовали Советы рабочих депутатов и другие рабочие организации, включившие в свой состав также и представителей от солдат, а в Чите в декабре месяце образовался даже особый „Совет солдатских и казацких депутатов".

Когда в декабре 1905 года последовал призыв Петербургского и Московского Советов к решительной борьбе с надвигавшейся реакцией, все эти организации доказали, что они пользуются прочным и широким влиянием; им в большинстве случаев удавалось брать в свои руки всю власть на местах. Но, увы!.. не надолго.

Реакция уже надвигалась во-всю, и на окраины России, ввиду их особой революционности; она двинула специальные „карательные экспедиции", стяжавшие себе громкую известность своей свирепой расправой с освободительным движением.

Карательные отряды Алиханова—на Кавказе, генерала Орлова—в Прибалтийском крае, Меллер-Закомельского и Ренненкампфа—в Сибири, буквально залили кровью эти окраины России, без суда и следствия, а часто и без всякого к тому повода, расстреливая, вешая, избивая палками, засекая розгами тысячи революционно-настроенных крестьян и рабочих.

В одних только Прибалтийских губерниях в течение двух месяцев, по неполным сведениям, было казнено 749 человек, столько же, если не больше, засечено плетьми и сожжено более 100 усадеб. Еще большее число участников революционного движения было подвергнуто административным высылкам, попало в тюрьму, на каторгу...

По подсчетам „кадетского“ историка русской революции 1905 года В. Обнинского, одними судами было приговорено к разным наказаниям, в том числе и к смертной казни, около 7.000 человек и около 70.000 было арестовано, сослано, томилось по тюрьмам...

Большинство рабочих организаций, в особенности же „Советы рабочих депутатов“, еще не успевшие как следует окрепнуть за короткий период своего существования, были уничтожены восторжествовавшей реакцией. Опытные руководители их оказались в тюрьме, частью поспешили скрыться, рядовые же работники были сами запуганы свирепой расправой и оказались не в состоянии восстановить деятельность этих организаций. Отсутствовало также и основное условие возобновления прежней революционной деятельности: революционное настроение рабочих масс, утомленных всей предыдущей борьбой, быстро шло на убыль и сменялось апатией и стремлением отойти в сторону от политической жизни.

Этому содействовала также и вся окружающая обстановка; рядом с политической реакцией на рабочий класс надвинулась волна ужасной безработицы, обрекшая сотни тысяч рабочих на ужасы недоедания и настоящего голода. А безработица, в свою очередь, не могла не отразиться на экономическом положении всего остального пролетариата. Приходилось забыть о новых завоеваниях и все усилия направлять только на то, чтобы сохранить, если возможно, прежние условия труда. Предприматели же, с своей стороны, поспешили воспользоваться затруднительным положением рабочего класса и, где только было возможно, стремились вернуться к старым порядкам беззастенчивой эксплоатации рабочей силы, не останавливаясь при этом и перед об'явлением рабочим открытой борьбы.

Для успешного противодействия этим стремлениям предпринимателей рабочие инстинктивно ухватились за создание своих собственных профессиональных союзов, начало которым было положено еще ранее; теперь же, под влиянием безработицы и натиска капиталистов, количество союзов и число членов в них стало быстро расти.

XXVIII.

Рабочее движение в период первой и второй Думы.

„По силе стачечного движения,—говорит обозреватель официальной статистики экономической борьбы рабочего класса, Варзар,—Россия в 1905 г. превзошла в 5 раз Америку и Германию и в 10 раз Францию, и абсолютный под'ем стачечного возбуждения превзошел в 2 раза общую сумму числа рабочих, бастовавших, например, в 1900 г. в семи государствах мира с наиболее развитой промышленностью".

Действительно, общее число предприятий в России в 1905 г., охваченных стачками, составило, по подсчетам того же Варзара, 13.110, т.-е., другими словами, стачки происходили на 93,2% всех предприятий страны.

В это движение было вовлечено 2.710.000 рабочих и цифра участников этого движения более чем в $1^1/_2$ раза (169%) превысила общее количество рабочих, числившихся на фабриках и заводах России, т.-е. в среднем на половине фабричных предприятий стачки происходили по 2 раза.

Наибольшего обострения эта борьба достигла в месяцы наивысшего под'ема революционной волны—в октябре—ноябре 1905 года.

Декабрьское поражение пролетариата и связанное с ним торжество реакции, которая стремилась расквитаться с своим смертельным врагом, беспощадно разрушая пролетарские организации и свирепо расправляясь с руководителями этих организаций,—разумеется, не могли не отразиться на дальнейшем развитии рабочего движения.

Но было бы неправильно видеть основную причину снижения рабочего движения в 1906—07 г г. в свирепостях правительственной реакции, ибо она сама явилась прежде всего следствием обособления и ослабления рабочего движения, которое неизбежно должно было наступить после напряженной, почти безостановочной борьбы рабочих масс в течение всего 1905 г.

Колоссальное напряжение революционной энергии, проявленное пролетариатом крупнейших промышленных центров России в течение всего этого года, как мы видели, в несколько раз

превышало размеры нормальной борьбы пролетариата наиболее передовых стран.

Оно же было связано для рабочих масс с значительными материальными лишениями, для которых даже в обстановке под'ема революционной борьбы есть свои определенные пределы.

Уже поражение рабочего класса в декабре в известной степени зависило от того, что энергия рабочих масс была подорвана предыдущей борьбой, в особенности длительным локаутом, которым правительство и капиталисты ответили на попытку пролетариата ввести революционным путем 8 часовой рабочий день.

В известной доле эти же причины повлияли на ослабление рабочего движения в 1906—07 г.г. Но основными причинами, обусловившими перелом в рабочем движении и снизившими его размах после 1905 г., были другие.

Прежде всего промышленная буржуазия, фрондировавшая перед самодержавием в период 1904—05 г. в надежде добиться для себя определенных уступок от самодержавия, теперь, испуганная характером рабочего движения, спешила заключить с правительством оборонительный союз, готова была помириться на достигнутом и, кроме того, сама стала спешно организовываться, чтобы оказать возможно большее сопротивление стремлениям рабочих уменьшить размеры ее прибыли.

Рабочие массы, достаточно обученные уже предыдущей борьбой, не могли не учесть этого изменения в условиях своей экономической борьбы; во многих случаях им приходилось теперь сознательно воздерживаться от наступательной тактики, а порою даже переходить от предполагаемых нападений на капитал к стойкой обороне и защите завоеванного.

В этом же смысле влияла и усиливавшаяся безработица, как результат прекращения японской войны с одной стороны и недородов — с другой.

Уцелевшие после декабрьского поражения рабочие организации стали быстро оправляться от нанесенных им ударов и пытались по мере сил сплачивать и подготовлять пролетариат к продолжению дальнейшей борьбы и противодействовать отрицательным условиям, в которых эта борьба должна была протекать.

Следует в особенности отметить работу союзов и уцелевших соц.-демокр. организаций по борьбе с возраставшей безработицей *).

*) К апрелю 1906 года число безработных в Петербурге превышало 20.000 ч., в Москве было зарегистрировано свыше 25.000 ч., в Одессе—13.000 ч. и т. д.

С этой целью в Петербурге был организован „Союз безработных“, в состав которого вошли безработные всех районов, избиравшие представителей по 1 на 150 человек.

„Союз безработных“ взял на себя подыскание работ для безработных, их регистрацию и, в первую голову, поднял вопрос об организации общественных работ в Петербурге.

12-го апреля 1906 г. депутация от безработных в количестве 87 чел. явилась в заседание городской думы, выставив требования: 1) чтобы все городские заказы остались в городе и были переданы безработным, 2) чтобы всем безработным была доставлена работа и 3) чтобы немедленно была учреждена комиссия из равного числа гласных думы и представителей от безработных, которая разработала бы в недельный срок вопрос об организации работ и передаче их безработным.

Такая комиссия была создана думой, на организацию работ было ассигновано 500.000 рублей авансом, но в дальнейшем развитии этого дела выросли препятствия как со стороны городской думы, так и со стороны министерства внутренних дел, испугавшихся движения безработных.

Отчасти в этих препятствиях был повинен и сам „Союз безработных“, который неправильно учитывал политическую обстановку момента, рассчитывая на под'ем рабочего движения и выдвигая неосуществимое требование предоставить работу „всем безработным“. Но к заслугам его следует отнести то, что делу организации общественных работ он оказал существенную пользу, сразу придав им рациональную постановку: был установлен 8 час. рабочий день, минимальная заработная плата и выборная организация рабочих, занятых на общественных работах. Приблизительно так же обстояло дело с организацией помощи безработным в Москве и целом ряде городов России. В провинции оно обстояло даже несколько лучше, так как там, во-первых, безработица не достигала таких крупных размеров, как в центре, а, во-вторых, там организации безработных, не задаваясь политическими задачами, стремились создать между безработными и существующими профессиональными организациями рабочих более прочную связь, позволившую подготовить постепенный переход безработных в эти более постоянные организации.

Гораздо труднее обстояло дело с противодействием спешившему об'единиться капиталу.

Уже 12—14 января 1906 г. в Петербурге предпринимателями был созван с'езд „Союза промышленных и торговых предприятий Российской Империи". Не выжидая создания на местах прочных организаций, промышленники спешили об'единиться во всероссийском масштабе, чтобы противопоставить борьбе рабочих свою собственную об'единенную организацию.

Но создание местных союзов предпринимателей также не заставило себя ждать и уже в июне 1906 г. такая организация возникла в центральном промышленном районе.

Согласно принятому ею уставу предприниматели центрального района обязывались для борьбы с забастовками собрать только в качестве единовременных вступных взносов 1.500.000 руб. Этот „Союз" вменял своим членам в обязанность „отклонять неосновательные притязания рабочих" и для того, чтобы реально добиться этого, выработал следующую систему борьбы. Каждый случай пред'явления рабочими требований должен восходить на предварительное рассмотрение союза предпринимателей.

Если „Союз" находит данные требования рабочих несправедливыми, то в случае забастовки он возмещает пострадавшему фабриканту 75% понесенных последним от стачки убытков.

Но если бы даже „Союз" признал требования рабочих достаточно обоснованными, а предприниматель все-таки откажется эти требования рабочих выполнить, „Союз" и в этом случае возмещает ему 50% возможных убытков.

Этим самым „Союз" как бы поощрял отдельных заводчиков и фабрикантов отказывать рабочим в удовлетворении даже таких требований, которые признавались справедливыми большинством остальных предпринимателей.

Так как главной задачей „Союза" предпринимателей являлось стремление сломить боевую силу и сопротивление рабочих, то в соответствии с этим устав воспрещал своим членам „прямую или скрытую уплату за дни забастовок", а равным образом не допускал „вмешательства рабочих депутатов в установку расценок, наем и увольнение рабочих" и т. п.

„Союз" запрещал также своим членам „самовольное изменение продолжительности нормального рабочего времени, установленного Союзом для однородных производств в определенном районе", и грозил им за нарушение этих постановлений исключением из состава членов Союза с потерею всех своих взносов.

Уставом предусматривался ряд предупредительных мер против забастовок, обязательных для всех членов Союза, а для борьбы с забастовками не исключался и локаут, т.-е. закрытие всех фабрик и заводов однородного производства во всем районе.

Такие же боевые союзы предпринимателей по примеру Москвы стали быстро возникать и в других местах — в Варшаве, Петербурге, Риге, Лодзи и т. д. и вскоре покрыли почти все промышленные районы России.

„Время не терпит" — писалось по поводу этих выступлений об'единяющегося российского капитала в его прессе:

„Надвигающаяся опасность слишком близка и слишком очевидна...

„Нет никакого основания предполагать, что начавшееся рабочее движение может замереть; есть, напротив, все данные за то, что, если промышленники будут являть из себя ту же разрозненную, лишенную всякого взаимодействия массу, то движение это будет расти и вширь и вглубь" *).

И наступательная борьба капитала не замедлила проявиться в довольно крупных размерах.

С.-демократические организации и профессиональные союзы должны были затратить массу энергии и сил, чтобы помочь рабочим массам противостоять натиску класса капиталистов и все-таки эта борьба обходилась пролетариату очень дорого, обрекая порой целые районы на невероятные лишения и страдания.

Мы упомянем здесь только о наиболее крупных локаутах, разразившихся в 1906—1907 г.г.

Первые столкновения предпринимательских союзов с организациями рабочих начались в Северо-Западном крае и в Польше.

Еще в марте 1906 года работницы лодзинских ленточных фабрик выставили требование уравнения заработной платы на всех фабриках.

Союз фабрикантов в ответ на это предложил рабочим принудить работниц возобновить работу на прежних условиях, угрожая в противном случае немедленным увольнением всех. Когда же рабочие ответили отказом, эта угроза была приведена в исполнение.

Во время этого конфликта лодзинских рабочих энергично поддерживали их варшавские товарищи, но вот в мае варшавские ленточные фабриканты неожиданно потребовали от своих рабочих, чтобы те отправили своих делегатов в Лодзь и склонили своих

*) Биск. Экономич. и политич. борьба стр. 93.

товарищей возобновить работу; варшавские рабочие отказались выполнить это требование и в знак протеста об'явили забастовку, выставив ряд собственных требований.

Со стороны владельцев фабрик последовали массовые увольнения рабочих, закрытие фабрик, обращение к содействию вооруженной силы, и рабочие в конце-концов были принуждены сдаться.

Еще более крупный локаут разразился в той же Лодзи осенью 1906 г. Союз хлопчато-бумажных фабрикантов решил отнять у рабочих все завоевания 1905 — 1906 г.г. и с этой целью воспользовался первым же подвернувшимся поводом — оскорблением рабочими фабрики Познанского одного из инженеров.

Владелец фабрики потребовал увольнения каждого пятого рабочего того отделения, где произошло оскорбление, и восстановления обысков. Когда же рабочие, возмущенные подобным требованием, бросили работу, последовал расчет всех 30.000 рабочих хлопчато-бумажного производства.

Борьба продолжалась четыре месяца, потребовав от рабочих величайшего напряжения сил.

Рабочие всей России приняли горячее участие в судьбе лодзинских товарищей, но размеры нужды были так огромны, что эта помощь была не в силах остановить страшное развитие смертности от истощения и голода.

Рабочие распродали все, что могли. Тысячи их рассеялись по городам и местечкам, усиливая нужду там и не находя себе работы.

Многочисленные попытки различных общественных организаций вмешаться в эту борьбу и добиться примирения не приводили ни к чему.

Лодзинские капиталисты были упорны в своем желании „проучить" рабочих и в ответ на указания, какие лишения терпят от локаута десятки тысяч рабочих, они цинично заявляли:

„История локаутов учит, что только второй и третий локаут делают рабочих покорными". При этом они не стеснялись раскрывать настоящий смысл начатой ими борьбы с рабочими, развивая настоящую капиталистическую философию.

„Мы решили закрыть фабрики, отвечали они Обществу Польской Культуры, пытавшемуся стать посредником в конфликте труда и капитала,—чтобы ясно показать рабочим, что при настоящем общественном строе управлять на фабриках желаем мы сами и не допустим на них господства рабочих.

„Поэтому мы ухватились за первый повод и поставили такие условия, которые наглядно показали бы наше решение, что рабочие не могут распоряжаться на фабриках, не могут оскорблять руководителей, действующих от нашего имени, и тем подрывать авторитет их".

И предприниматели упорно продолжали доказывать рабочим свое право на эксплоатацию пролетариата буквально ценою жизни последнего.

К концу локаута почти ежедневно десятки людей падали от истощения на улицах; стал замечаться сильный рост заболеваний на почве длительной голодовки; участились нападения на частную собственность, преимущественно на с'естные припасы: картофель, капусту, черный хлеб.

Страдания рабочих не поддаются описанию, но они продолжали стойко держаться до последней крайности.

Наконец, окончательно истомленные нуждой и голодом, они готовы были подчиниться всем пред'явленным им требованиям, но не могли согласиться на увольнение своих товарищей, на чем упорно продолжал настаивать фабрикант Познанский.

Тогда в дело вмешалась буржуазная польская партия национал-демократов, которая через ксендзов стала убеждать рабочих Познанского, предназначенных к увольнению, добровольно отказаться от места; большинство рабочих согласилось; сопротивление остальных было сломлено агитацией среди их товарищей.

Капитал, таким образом, победил, и фабрики были снова пущены в ход.

Крупный локаут разразился приблизительно в то же время в Одессе против рабочих пароходных команд и также окончился поражением рабочих.

Рабочие там были организованы в союз пароходных команд, известный под именем „Регистрации"; против этого-то союза и были направлены все усилия предпринимателей.

Совместно с администрацией они добились изменения устава союза и пред'явили рабочим ряд условий: отмену 8-часового рабочего дня, отмену платы за сверхурочные работы и уничтожение третейского суда.

На случай стачки команд были заготовлены целые кадры штрейкбрехеров, главным образом, из состава членов „союза русского народа", которыми и стали заменять забастовавших.

Пришлось пережить длительные локауты и рабочим кожевенного и щетинного производства в Польше и Литве.

Целый ряд довольно крупных локаутов был направлен против хорошо организованных рабочих типографского труда в самых различных городах России: Москве, Риге, Киеве, Саратове, Минске, Тифлисе, Таганроге, Житомире и друг.

Киевский локаут длился более 10 недель, и борьба рабочих отличалась особенным упорством.

Отметим также довольно крупный локаут 5.000 рабочих Брянского завода в Екатеринославе; локауты спичечных фабрикантов в Минской губ.; табачных и папиросных фабрик в Бердичеве.

Локауты на заводах Крейтона, Эриксона и Атласа в Петербурге были направлены против союза рабочих по металлу, который только недавно был организован, но все же помог рабочим оказать упорное сопротивление вплоть до организации активного бойкота работы и добиться от предпринимателей хотя бы частичных уступок.

Пришлось пережить локауты и рабочим сапожного и портняжного производств в разных городах России, рабочим колбасных заведений, перчаточных мастерских и целого ряда других.

Предприниматели всюду упорно добивались возвращения к положению до революции 1905 года и в особенности стремились к разрушению рабочих союзов, верно учитывая, что без этих организаций им будет гораздо легче сломить сопротивление распыленной рабочей массы.

Добиться этих результатов в 1906 году фабрикантам и заводчикам не удалось.

Новая волна общественного под'ема, вызванная новыми выборами и работой II думы, опять позволила рабочим организациям свободно вздохнуть и приняться за выравнивание своих расстроившихся рядов.

Профессиональные организации начинают снова свою прерванную организационную работу и помогают рабочим оказать сильное сопротивление предпринимателям.

Рабочие массы стали сознавать, что только прочные организации дадут им в руки надежное оружие для борьбы с локаутами, и это сознание толкало рабочих укреплять свои союзы и всячески содействовать их развитию и росту.

В свою очередь и профессиональные союзы, почуяв укрепляющуюся связь с широкими слоями пролетариата, начали развивать самую интенсивную работу, постепенно расширяя свое

влияние, укрепляя свои позиции и пуская глубокие корни в рабочих массах.

К этому периоду относится также широкое развитие культурно-просветительной деятельности в рабочих массах.

Профессиональные организации, идя навстречу пробудившейся в массах жажде знания и стремлению к образованию, уделяли достаточно внимания этим запросам, но, благодаря недостатку в них интеллигентных сил, не всегда были в состоянии справиться с этими задачами.

На помощь им в этом вопросе пришли тогда общества самообразования, начавшие возникать в крупных промышленных центрах, в особенности в Петербурге и Москве. Эти общества, возникавшие исключительно благодаря самодеятельности рабочих, устраивали лекции, литературные и музыкальные вечера, открывали библиотеки и читальни, организовывали экскурсии и т. п.

Экономическая борьба рабочих в этот период характеризуется осмотрительной тактикой и сдержанным настроением.

Рабочие учитывали надвигавшийся кризис, непрекращавшуюся безработицу и стремление предпринимателей повсюду переходить в наступление путем об'явления локаутов.

Удачно прошли стачки иваново-вознесенских рабочих, пред'явивших требование о повышении заработной платы; выступление нефтепромышленных рабочих в Баку закончилось завоеванием 42-часового недельного отдыха, повышением платы и признанием промысловой комиссии.

Частных уступок добились рабочие судовых команд Каспийского торгового флота и горнорабочие Донецкого района.

Напротив, рабочим, занятым в кожевенной промышленности и по обработке металла, пришлось пережить не мало локаутов и массовых увольнений, вызванных сокращением заказов в этих отраслях труда.

Точно также и в целом ряде других производств, в том числе и в текстильном, замечалось все усиливающееся наступление со стороны предпринимателей и переход рабочих к чисто-оборонительной борьбе, а часто и к прямому отступлению.

Удачно в это время окончилась борьба петербургских булочников, в числе 6.000 человек выброшенных на улицу, благодаря локауту хозяев.

Благодаря стойкости рабочих и поддержке союза, рабочие добились, наконец, признания хозяевами прежнего договора.

Так же поучительна борьба Московских печатников против стремления предпринимателей удлинить рабочий день.

Наступление начал типограф Яковлев, поддержанный всем союзом предпринимателей.

Борьба велась более 1½ месяцев; когда же союз типографов решил выполнить заказы Яковлева в других типографиях, союз рабочих наложил на них бойкот, об'являя забастовку всюду, где хозяева настаивали на выполнении этих заказов.

Предприниматели ответили на это локаутом, грозя выбросить на улицу 7.000 рабочих, но в решительный момент принуждены были пойти на уступки.

Общий размах рабочего движения в 1906-07 г. все-же заметно сузился.

В то время как в 1905 г. в стачках принимало участие до 3.000,000 чел., в 1906 г. это число упало уже до 1.000.000 раб. и в следующем 1907 г. оно опустилось еще ниже, дойдя всего до 740.000 чел.

— —

Подобно экономической борьбе, и политическое движение пролетариата не сразу замерло после декабрьского поражения в 1905 г. Политическое оживление в рабочих массах стало обнаруживаться в связи с выборами в государственную думу, а в особенности ярко оно проявилось в праздновании 1-го мая.

Почти во всех крупных промышленных центрах и во многих даже маленьких городишках этот день был отпразднован пролетариатом в 1906—1907 г.г. с поразительным единодушием. Правда, рабочие почти повсюду ограничивались прекращением работ, воздерживаясь от устройства специальных демонстраций, но первомайская забастовка повсюду проходила так единодушно, что сама по себе представляла внушительную демонстрацию революционности рабочих масс и мобилизации пролетариатом своих сил.

Угрюмо молчали пустые корпуса петербургских фабрик, от которых как будто отлетела их обычная жизнь; рабочие стекались на митинги и собрания, где раздавались вдохновенные речи о значении рабочего праздника, международной солидарности рабочих, об очередных задачах рабочего движения в России и о необходимости организовываться для дальнейшей борьбы.

Прекращение работ было всеобщим, охватывая не только фабрики и заводы, но и магазины, трамваи и т. п., в Одессе,

Ростове-на-Дону, Москве, Екатеринославе, Нижнем-Новгороде, Киеве, Баку, Керчи, Саратове, Елисаветграде, Астрахани, Екатеринодаре, Бердянске, Владикавказе, Воронеже, Армавире и целом ряде других городов. В остальных местах бастовала значительная часть рабочих, преимущественно все крупные заводы и типографии.

Под влиянием поражения, понесенного рабочим классом в декабре, с одной стороны, и проникавшаго в рабочие массы сознания грандиозности задач, стоящих на очереди,—с другой, из низовых организованных рабочих ячеек все громче и громче стали раздаваться призывы к об'единению партийных социал-демократических организаций.

Местами уже с 1905 г. такое об'единение начало осуществляться, и в 1906 г. для завершения его решено было созвать „Об'единительный с'езд" в Стокгольме.

Полного об'единения этот с'езд, однако, не принес, но зато содействовал оформлению рабочей партии и расширил ее рамки, включив в нее на правах автономных организаций „Бунд", социал-демократию „Польши и Литвы" и „Латышскую с.-демократическую партию".

В с'езде приняли участие 57 местных организаций со 111 делегатами.

С'езд вынес авторитетное решение об участии социал-демократии в избирательной кампании в Гос. Думу и принял новую аграрную программу, в основу которой был положен проект П. П. Маслова.

С'езд осудил также участие с.-демократов во всякого рода партизанских выступлениях и экспроприациях, которые к этому времени стали определенно вырождаться в уголовщину.

Мобилизация сил пролетариата при выборах в первую Думу прошла далеко не единодушно, вследствие тактики бойкота выборов, проводившейся революционными партиями.

Передовые слои пролетариата в большинстве местностей России восприняли эту неправильную тактику и бойкотировали выборы, менее же сознательные рабочие массы в выборах все-таки приняли участие и пошли в хвосте буржуазных партий, в лучшем случае отдавая свои голоса трудовой группе.

Крестьянская же и городская демократия вместо того, чтобы поддержать бойкот социалистических партий, сплотилась вокруг либералов (кадет) и этим наглядно показала всю ошибочность тактики бойкота.

Состав уполномоченных и выборщиков от рабочих, благодаря этому, получался повсюду серый, мало сознательный, а местами, как, например, в Петербурге, даже и прямо черносотенный.

Только по Москве, Московской губ. и в Екатеринославской губ. рабочие отнеслись к выборам более сознательно и послали в Думу социал-демократов. В ряде других губерний: Пензенской, Костромской, Воронежской, Харьковской, Херсонской, Киевской, Казанской и Пермской—прошли депутаты, более или менее тяготевшие к социал-демократии.

Наконец, на Кавказе и в Сибири, где выборы происходили позднее, в них приняла участие соц.-демократическая партия, признавшая на с'езде в Стокгольме ошибочность прежней бойкотистской тактики, — в ряде избирательных округов выборы закончились решительной победой рабочей партии.

В результате в Думе образовалась соц.-демократическая фракция, состоявшая из 18 депутатов, часть же рабочих избранников примкнула к трудовой группе.

Соц.-демократическая фракция выступила в Думе с особой декларацией, в которой звала Думу на борьбу против старого порядка, обещая ей поддержку широких народных масс, требовала предания суду всего состава кабинетов Витте и Горемыкина при обсуждении запросов о седлецком и белостокском погромах и настаивала на отказе правительству в кредитах на продовольственную помощь голодающему населению, предлагая вместо этого Думе образовать собственные комитеты на местах для оказания помощи населению.

Вне Думы фракция стремилась организовать периодические совещания с делегатами от рабочих отдельных фабрик и профессиональных союзов как в Петербурге, так и в провинции. Депутаты фракции выезжали на места своего избрания, делали там доклады о своей деятельности и обсуждали тактику фракции.

С мест не замедлил последовать отклик, и в рабочую фракцию Думы стали стекаться со всех сторон жалобы с изложением чисто-экономических, профессиональных нужд и просьбами притти на помощь.

Особенно характерно обращение рабочих г. Архангельска, где бастовали 15 лесопилок, землечерпательный караван и ряд других предприятий. Так как предприниматели упорствовали в удовлетворении справедливых требований рабочих, последние обратились к екатеринославскому рабочему депутату Михайличенко со следующим обращением:

„Товарищ! Скажи им (министрам), что здесь, в Архангельске, из 30.000 жителей бастуют 11.000. Бастуют потому, что, благодаря произволу и насилию, они сидят с семьями голодные, ютятся в разных лачугах. Они отказались от непосильной работы за грошевую плату и все, как один, оставили работу... Скажи ты, если они сами этого не понимают, что голодные, измученные борцы страшны будут произволу. Им, ведь, терять нечего—они сейчас готовы на все. Дай им, товарищ, практический совет, что с огнем шутить опасно!"

Еще более политически-определенно прошла следующая избирательная кампания. К моменту выборов во вторую Думу тактика бойкота была почти совершенно изжита как в рабочей среде, так и среди революционных партий, и огромное большинство промышленного пролетариата вполне сознательно приняло участие в выборах.

Профессиональные союзы, сохраняя свою беспартийность также приняли деятельное участие в избирательной кампании и энергично агитировали за то, чтобы ни один голос сознательного рабочего не пропал даром.

В результате рабочие повсюду проявили громадный интерес к выборам, и местности, где в выборах принимало участие менее половины рабочих, составляли редкое исключение.

Руководящую роль на этих выборах сохранила соц.-демократическая партия, но местами довольно видную роль в рабочей среде играли социалисты-революционеры, получившие в Петербурге и Петербургском уезде до 40% голосов рабочих. В Москве и Одессе значительное число рабочих отдало свои голоса более умеренным левым партиям, но главенство с.-демократической рабочей партии сохранилось и здесь.

Число голосов, собранных правыми партиями, было повсюду совершенно ничтожно.

Что влекло рабочих в ряды партии социалистов-революционеров,—увлечение ли их боевой тактикой и террористическим партизанством, или же их аграрная программа, обещавшая уравнительное землепользование—сказать трудно. Повидимому, влияло и то и другое, в связи с наступавшей реакцией, которая отражалась на массовом рабочем движении, с непрекращавшимся экономическим кризисом и связанной с ним безработицей.

По отчету партии с.-р., представленному Штутгардтскому конгрессу, в ее организациях числилось до 20.000 рабочих; число же сочувствующих партии было значительно выше.

Эти цифры интересно сравнить с влиянием и ростом с.-демократической партии, которая на состоявшемся в конце апреля 1907 года Лондонском с'езде представляла 149.000 организованных рабочих, из них 25.000 ч. приходилось на Бунд и польскую с.-демократию, 13.000 на латышскую с.-демократию и 84.000—на собственно-русскую часть партии.

На выборах во II думу соц.-демократия одержала крупную победу, проведя туда 64 депутатов, из которых 53 составили соц.-демократическую думскую фракцию, а 11 примыкали к ней, не вступая формально в ее состав, как избранные независимо от партийных организаций.

Работа с.-д. думской фракции во второй Думе, руководимая депутатами Церетелли, Джапаридзе, Мандельбергом, Озелем и др., протекала настолько ярко, что не на шутку стала тревожить правительство и реакционные круги.

Целый ряд политических выступлений депутатов Церетелли, Зурабова и др., развивавших основные положения соц.-демократии с думской трибуны, встречал широкий отклик по всей стране.

В самой Думе значение фракции также упрочилось, и она постепенно стала превращаться в центр, к которому тяготели все демократические элементы оппозиции.

Правительство поэтому поспешило воспользоваться первым же подходящим случаем, чтобы свести счеты с пугавшей его фракцией. Благодаря содействию полицейской провокации, было создано дело о „военном заговоре", которое дало возможность пред'явить Думе требование о выдаче всей с.-д. фракции и об аресте 12 с.-д. депутатов.

Вторая Дума была распущена, большинство депутатов с.-д. фракции тотчас же было арестовано и предано Верховному Уголовному Суду, который приговорил часть депутатов к ссылке на поселение, часть—в каторжные работы на 4—5 лет.

В день суда над фракцией петербургскими рабочими была проведена довольно дружная однодневная забастовка.

Депутаты Джапаридзе и Джугели умерли в тюрьме, остальные же из осужденных на каторгу, кончив срок, перешли на поселение и были амнистированы только в 1917 году.

XXIX.

Рабочее движение в период реакции 1907—1910 г.г.

Разгон второй Думы и изменение избирательного закона, в связи с воцарившейся надолго реакцией, роковым образом отразились и на партийных рабочих организациях. Большинство их тотчас же было разгромлено; вся политическая пресса партии—уничтожена.

К моменту открытия II Думы в Петербурге выходили „Русская Жизнь“ (орган меньшинства партии, замененный после закрытия сперва „Народной Думой“, потом „Народной Газетой“) и „Новый Путь“ (орган большинства, заменившийся затем „Истиной“ и „Нашим Эхо“). В Москве выходило „Дело Жизни“, в Екатеринославе—„Наш Путь“, в Вильне—„Volks-Zeitung“. Все эти газеты были немедленно же уничтожены восторжествовавшей реакцией. Такому же разгрому подверглось подавляющее большинство профессиональных и просветительных организаций пролетариата.

Почти полное уничтожение реакцией открытой общественной деятельности, в связи с усталостью, охватившей рабочие массы после трехлетней напряженной борьбы, роковым образом отразилось на настроении пролетариата.

Этот период характеризуется также почти полным отходом от рабочего движения социалистической интеллигенции, которая, под влиянием идейного и морального кризиса, дезертировала из рядов рабочей партии, в лучшем случае уйдя в культурную работу. Той атмосферы широкого сочувствия и поддержки со стороны демократической интеллигенции, среди которой протекало рабочее движение в предыдущее десятилетие, уже не наблюдалось и при возрождении его в 1912 году.

В выборах в III Думу с.-демократия все же приняла участие и, невзирая на все репрессии и ограничения нового избирательного закона 3 июня, провела 18 депутатов, но к прежней широкой политической деятельности вернуться сразу оказалось невозможным.

Первоначально, правда, в рядах с.-демократии по отношению к Думе воскресли, было, старые бойкотистские настроения, разделявшиеся почти всеми лидерами большинства, но на специально

созванной по этому вопросу партийной конференции победила все же более правильная тактика участия в выборах, к которой присоединился и В. Ленин.

Что касается политических организаций пролетариата за эти годы, на положении их, прежде всего, отразилось угнетенное состояние рабочих масс, которое приходится рассматривать, как естественную реакцию после ряда бурных революционных лет, потребовавших от пролетариата колоссального напряжения энергии, принесения бесчисленных материальных жертв, зачастую обрекавших на голодовку десятки и сотни тысяч семей и лишивших рабочий класс многих десятков тысяч бойцов, которые частью ценою жизни заплатили за верность исповедуемым убеждениям, а частью томились по царским казематам и далеким ссылкам. Еще более угнетающе действовал на рабочий класс усилившийся промышленный кризис, вызвавший снова массовую безработицу и снова бросавший огромные массы пролетариата в об'ятия нужды и лишений.

Мстительная тактика предпринимателей, стремившихся использовать благоприятную кон'юнктуру и по возможности вернуть обратно все уступки, вырванные рабочим классом в годы революционного под'ема,—довершала общую картину положения пролетариата. Теперь уже ничто не сдерживало натиска предпринимателей, и они открыто ставили своей задачей возврат к старым порядкам, существовавшим на фабриках и заводах до 1905 г. Победа контрреволюции выдавала рабочих с головой во власть капиталистов.

Повсюду начался необузданный разгул хозяйской эксплоатации, шло значительное снижение заработной платы, увеличение рабочего дня, полное пренебрежение к правам и личности рабочего, игнорирование самых элементарных его нужд.

Уничтожение большинства профессиональных организаций сопровождалось в эти годы реакции сильнейшим противодействием капитала малейшей попытке рабочих вновь об'единиться для совместного отстаивания своих интересов.

Даже наиболее сильные и прочнее других организованные категории рабочих к средине 1909 г. были уравнены в бесправии с остальной рабочей массой, так как не в состоянии были противостоять свирепым гонениям на их организации.

Существование политических организаций пролетариата в подобной обстановке общественной апатии и вакханалии реакции становилось почти немыслимым.

Но тем не менее в крупных промышленных центрах они все же сумели уцелеть и даже пытались вновь налаживать работу в широком масштабе.

После закрытия всех легальных газет в марте 1908 г. в Москве возобновился выход подпольного соц.-дем. журнала; сперва частной группой, а затем партийным комитетом выпускалось „Рабочее Знамя", первоначально в количестве 3.000 экз., но вскоре тираж его дошел до 12.000. Через этот орган, распространявшийся по всей России, Москва связалась организационно с Харьковом, Екатеринославом, Баку, Уралом, Красноярском и др. городами, где велась соц.-дем. работа. Провал типографии в октябре 1908 г. прекратил это издание.

Но это была одна из последних попыток об'единения политической работы на местах. После нее большинство с.-демократических организаций вплоть до нового под'ема, наступившего в 1911—1912 г.г., или совершенно прекратило свое существование, или же должны были еще более сузить свою работу.

Непрекращавшиеся провалы теперь в особенности были чувствительны для подпольных организаций, так как приток новых работников почти приостановился.

Затем, несомненно, влиял также и тот идейный разброд, который обнаружился за эти годы среди социал-демократии. Помимо прежнего деления на „большевизм" и „меньшевизм", появились самостоятельные течения в их недрах. Собравшийся в Лондоне в мае 1907 года пятый с'езд соц.-демократической партии передал власть партии в руки „большинства", но избранному им ЦК, с одной стороны, отказывалась подчиниться думская соц.-демократическая фракция, состоявшая из представителей меньшинства, а с другой—он сам, при отсутствии массового рабочего движения, был почти бессилен и постепенно распался.

На почве этих разногласий среди самого „большинства" партии создалось три самостоятельных течения: „отзовисты", требовавшие отозвания соц.-демократических депутатов из государственной думы; „ультиматисты", заявившие, что фракция должна или подчиниться ЦК партии, или сложить свои полномочия; наконец, третье течение, во главе с Лениным, высказывалось за сохранение рабочего представительства в Думе и нелегальной партии.

Среди „меньшинства" также образовалось несколько течений: одно высказывалось за ликвидацию вообще прежней нелегальной партии и за замену ее легальной широкой рабочей партией; оно

получило кличку „ликвидаторства". Против „ликвидаторства "выступили „большевики", с Лениным во главе, к которым по вопросу о сохранении нелегальной партии пролетариата присоединился Г. В. Плеханов.

Оценивая теперь эти течения партийной мысли, нетрудно убедиться, что самым правильным из них было именно то, которое с самого начала выдвинул В. И. Ленин и к которому вскоре же примкнул Г. В. Плеханов, поспешивший разорвать с меньшевиками, когда среди последних стали доминировать настроения, порвавшие с основами партийной программы и стремившиеся заменить старые лозунги с.-демократии урезанными формулами опортунизма.

Но в период расцвета жестокой реакции и упадка широкого рабочего движения, наступившего как-то сразу после эпохи революционных бурь и мощного пролетарского натиска, уходить снова в подполье было, конечно, не легко.

И ликвидаторство, как протест против узких рамок подпольной работы, как попытка отыскать и в условиях реакции возможность продолжать широкую работу по организации рабочего класса,—имело свои основания в психологии части партийных работников.

Точно такое же основание имело и противоположное течение—„отзовистов", которые, после бурно-пламенной деятельности с.-демократической фракции II-й Думы, будившей своими выступлениями самые отсталые слои пролетариата и демократии, не могли примириться со скромной ролью десятка рабочих депутатов в обстановке III-ей Думы.

Ошибка и того и другого уклона партийной мысли заключалась в том, что они свои чисто суб'ективные положения положили в основание дальнейших выводов, не подвергнув их критике диалектического марксизма.

Подобная критика застраховала бы их от дальнейших ошибок и уклонов и указала бы единственно правильный путь, который заключался в том, что с.-демократия с одной стороны и в условиях злейшей реакции не должна отказываться от малейших возможностей использовать доступные формы легального рабочего движения, не поступаясь при этом чистотой своих основных положений, а с другой—во имя сохранения тех же принципов и правильности дальнейшего развития рабочего движения не должна отрекаться и от подполья, если нет иных возможностей.

Бесспорной заслугой В. Ленина и Плеханова в эти годы глухой реакции и разброда партийной мысли было то, что они сразу же взяли верный курс и повели энергичную борьбу со всеми вредными уклонами, сплачивая вокруг себя стойкое ядро уцелевших партийных работников и подготовляя почву для возсоздания партийной работы при малейшем изменении общественной обстановки в России.

Между тем, под влиянием реакции политическая деятельность и политические выступления рабочего класса почти совершенно замерли на целое пятилетие.

Тучи реакции, казалось, с каждым годом сгущались над головой пролетариата и не было видно никакого просвета.

Выступления с.-деморатических депутатов в Государственной Думе, тщетно пытавшихся разоблачить эгоизм буржуазии и помещичьего класса, казались звучащими в пустом пространстве и встречались хохотом их классовых противников.

В 1908—09 г. на заводах и фабриках были уничтожены последние намеки на самоуправление рабочих, еще кое-где уцелевшие до этого времени.

Так в эти годы должны были погибнуть под натиском предпринимателей автономные комиссии печатников, закрылись заводские и промысловые комиссии рабочих на нефтяных промыслах.

На петербургских казенных заводах органы внутреннего самоуправления рабочих, просуществовавшие там по несколько лет, теперь презрительно стали именоваться „Заводскими Думами“ и постепенно также были разогнаны.

В г. Вильне, где рабочие пытались в 1908 г. оказать некоторое сопротивление попыткам отмены фабричного самоуправления, предприниматели ответили на эти попытки форменным массовым локаутом и все-таки добились своего.

То же самое происходило и на юге России; там расправа с остатками прежних „вольностей“ выливалась даже в еще более циничные формы: по доносам предпринимателей депутаты рабочих арестовывались, подвергались высылке, или же им рекомендовалось записываться членами черносотенных организаций „Союза Русского Народа“. Из профессиональных организаций рабочего класса за эти годы реакции уцелели от разгрома лишь весьма немногие, и притом наиболее мирные и не подававшие и без того почти никаких признаков жизни.

Меньше других в эту мрачную эпоху русской общественности пострадали кооперативные ячейки рабочего класса.

История этих организаций в России была такова:

С 1897 г., когда вышел нормальный устав потребит. обществ и в связи с этим открытие их перестало тормозиться бесконечной полицейской опекой и бюрократической волокитой, рабочие приняли живое участие в организации кооперативных лавок и к 1905 г. таких рабочих фабрично-заводских кооперативов уже насчитывалось 173, с общим количеством участников до 150.000 ч., считая и членов семей.

Но, правда, значительная часть этих кооперативов была организована весьма неудовлетворительно, они подпадали под власть фабричной администрации и часто служили лишь ширмой для последней наживаться при помощи такой лавочки на рабочих. Этим об'ясняется, почему во время беспорядков недовольство рабочих направлялось и против фабрично-заводских кооперативных лавок и последние подвергались разгрому. Но с ростом сознательности в рабочих массах, изменялось и их отношение к участию в кооперативном строительстве.

В 1907 году, в связи с наблюдающимся ростом цен на предметы первой необходимости, среди петербургского пролетариата возникло течение—для борьбы с надвигавшейся дороговизной организоваться в кооперативные, чисто рабочие, союзы.

В результате этого движения в Петербурге возник кооператив „Трудовой Союз", который в начале стал быстро развиваться и расширять свою деятельность, но в конце-концов оказался недолговечным и распался на ряд более мелких потребительских обществ.

Почти одновременно такие же общества стали возникать и в других местах, и вскоре это движение получило такое распространение, что приходилось уже говорить о нарождении у нас независимой рабочей кооперации.

Помимо организации своих собственных кооперативных союзов, местами рабочие стремились взять в свои руки ведение дела в обществах фабрично-заводских, находившихся в большей или меньшей зависимости от фабрично-заводской администрации.

Временные неудачи, вроде той, какую пришлось прережить петербургскому „Трудовому Союзу", конечно, отражались на общем развитии кооперативного движения среди рабочих масс, но оно продолжало безостановочно, хотя и медленно, развиваться как в годы политической реакции, так равно и при новом под'еме рабочего движения.

К 1917 г. уже насчитывалось до 100 независимых рабочих кооперативов, не считая кооперативов фабрично-заводских *).

Некоторые из них, как, напр., Иваново-Вознесенский кооператив „Единение—сила“, успели стать прочно на ноги, превратились в экономически мощные рабочие организации, обзавелись собственными зданиями, мастерскими, библиотеками.

Создавая свои самостоятельные, „независимые“ кооперативы рабочие стремились придать им новый характер деятельности и вкладывали новый смысл в организацию кооперативных потреб. обществ.

Для защиты и пропаганды выдвинутых рабочим классом кооперативных идеалов стали издаваться журналы „Трудовой Союз“, „Труженик“, содействовавшие расширению и углублению этого движения.

Уже на первом Всероссийском кооперативном с'езде в Москве в 1908 г. рабочая кооперация образовала особую группу, хотя и малочисленную.

Начало также осуществляться стремление рабочих кооперативов к районному об'единению.

Об'единились рабочие кооперативы Кинешемского района, кооперативные общества Петербурга, Московского района...

Но и кооперативные организации пролетариата испытывали на себе всю тяжесть реакции и были осуждены на работу без широкого размаха.

Наконец, стачечная борьба рабочих под влиянием усиливавшегося кризиса и открытого наступления предпринимателей в эти годы также почти совершенно приостановилась.

Уже в 1907 г., как указывалось выше, число стачек по официальным данным упало до 3.573 с 740.000 участников. В 1908 г. борьба рабочих еще более сократилась и продолжала понижаться и в следующие годы:

	Число стачек	Число бастовавших рабочих:
1908 г.	892	176.000 ч.
1909 „	340	64.000 „
1910 „	222	46.000 „
1911 „	422	256.300 „

Таким образом к 1910 году экономическое движение русского пролетариата почти совершенно замерло, достигнув

*). Последних насчитывалось до 600.

приблизительно того уровня, на котором оно стояло в десятилетие, предшествовавшее революционному 1905 г.

Но, как видно из этих же цифр, реакция, к счастью, продолжалась недолго. Уже в 1911 г. наметился перелом в экономической кон'юнктуре, а вместе с ним началось и пробуждение пролетариата.

Годы реакции не только не убили в русском рабочем классе воли к борьбе, но были годами накопления и собирания энергии и сил к предстоящим боевым столкновениям.

Разбуженные предыдущим революционным периодом, пролетарские массы со стиснутыми зубами молча переносили дикий разгул произвола, становились сами более зрелыми политически и более готовыми к решительным схваткам.

XXX.

Новый под'ем рабочего движения перед мировой войной.

Некоторое оживление рабочего движения после трех лет реакции начало наблюдаться с 1910 г.; появилась сперва еженедельная с.-д. газета „Звезда" (превратившаяся затем в ежедневную „Правду", „Луч" *) и другие; но окончательное пробуждение широких масс от охватившей их реакции определилось только в 1912 году, в связи с разыгравшимися Ленскими событиями.

В начавшемся политическом оживлении с.-д. фракция в Государственной Думе, несмотря на свою относительную слабость, сыграла крупную и выдающуюся роль.

При значительном расстройстве профессиональных организаций, при почти полном отсутствии организаций политических, она становилась естественным центром, вокруг которого стремилась сплотиться пролетарская интеллигенция и к которому направлялись политические симпатии широких рабочих масс.

Своими выступлениями в Думе, постоянно подчеркивавшими классовый характер третье-июньского представительства и разоблачавшими все махинации имущих классов, направленные во вред народу и рабочим массам, с.-дем. фракция немало посодействовала политическому воспитанию пролетариата и правильному направлению вновь возродившейся борьбы.

А своими запросами по каждому, даже мелкому факту грубого произвола, откровенной эксплоатации, нарушения действующего закона или вмешательства администрации в борьбу рабочих фракция хотя была бессильна воспрепятствовать этим правонарушениям, но зато, приковывая ко всем таким фактам внимание рабочих масс, тем самым толкала их на борьбу за отстаивание своих прав.

*) „Звезда" сперва издавалась соц.-дем. думской фракцией и затем перешла в руки группы „большинства"; этой же группой издавалась „Правда" и ряд других газет, последовательно ее заменявших, и в Москве—с осени 1913 г. „Наш Путь"; „Луч" был органом ликвидаторского течения.

Наибольшим распространением в рабочих кругах и широкой популярностью пользовалась „Правда".

Эта же работа соц.-демократической фракции продолжалась и в четвертой Думе, куда рабочие провели 14 своих депутатов.

Начавшийся под'ем рабочего движения значительно облегчал задачи фракции и позволял ей выступать не только в качестве представительницы и защитницы интересов рабочего класса и носительницы его идеологии, но и в качестве его организатора.

В своей декларации соц.-демократическая фракция определенно заявляла, что она, „чувствуя и поддерживая свою органическую связь с рабочим классом, стоящим во главе движения всех демократических слоев населения... будет стараться своей думской работой поддерживать и расширять проявление его организованной самодеятельности".

Одной из своих ближайших задач фракция поставила также содействие об'единению различных течений соц.-демократической партии, самостоятельное организационное существование которых вредно отражалось и на развитии самого рабочего движения.

Но вместо осуществления этой последней задачи, соц.-демократической фракции пришлось самой пережить процесс распадения на два враждующие течения. Крупную, если не решающую роль в этом расколе сыграл депутат Малиновский, который позднее неожиданно, но вдруг покинул фракцию, а еще позднее оказался агентом департамента полиции.

Работа соц.-демократической фракции, нарушенная расколом еще в 1913 году, в 1914 году, в связи с войной, еще более ослабела, после того, как осенью того же года правительство поспешило расправиться с депутатами, наиболее активно демонстрировавшими свою верность заветам Интернационала.

Пять из них: А. Е. Бадаев, М. Муранов, Г. И. Петровский, Ф. Самойлов и Н. Шагин,—все члены группы большинства,—были сосланы в Сибирь на поселение, официально за принадлежность к соц.-демократической партии, и получили возможность вернуться обратно только после революции 1917 г.

От этой тяжелой страницы в истории нашего рабочего движения вернемся снова к прерванному нами изложению повседневной борьбы пролетариата. Как мы видели уже из таблицы, приведенной выше, в 1911 году наступил перелом в стачечном движении.

Перелом этот совпал с окончанием промышленного кризиса, который сменился под'емом и оживлением промышленности, а это позволило и рабочим снова от обороны перейти к нападению и начать прежнюю борьбу за улучшение своего положения.

В связи с этим под'емом настроений в рядах самого рабочего класса и даже несколько раньше, чем этот под'ем стал очевиден для всех, а именно уже к концу 1910 года, повеяло новым духом и в рядах соц.-демократических организаций.

К этому времени значительная часть разногласий была изжита и явилась возможность приступить к изданию легального органа, договорившись относительно состава редакции его.

Таким органом, как упоминалось выше, явилась еженедельная газета „Звезда", начавшая выходить в Петербурге 16 декабря 1910 года.

В передовой статье редакция заявляла, что „основой жизнепонимания" для нее является марксизм, а очередным программным требованием — „последовательный социальный и политический демократизм" *).

Далее она отмежевалась как от „отзовизма", так и от „ликвидаторства", заявляя: „мы не можем ни отзывать себя из круга борющихся в России общественных групп, ни ликвидировать себя в чаянии какого-то лучшего будущего".

Уже 1911 год отметил значительное оживление стачечной борьбы; в следующем же 1912 году рабочий класс окончательно оправился от нанесенных ему поражений, всколыхнулся снова по всей России от края до края, и размах стачечного движения почти достиг размеров 1906—1907 годов.

Ближайшим толчком к новым политическим выступлениям пролетарских масс по всей России послужила кровавая Ленская трагедия.

В конце февраля 1912 года на далеком Андреевском прииске, раскинутом в таежной пустыне, в 7000 верст от Петербурга, за 2000 верст от железной дороги и в 500 верстах от реки Лены, в Бодайбо, принадлежавшем Ленскому золотопромышленному товариществу, прекратили работу 900 человек, вследствие грубого обращения служащих, недоброкачественной пищи, недостаточной медицинской помощи, неправильностей при расчетах и ряда других нарушений условий найма.

Через несколько дней к этой забастовке примкнули также и все рабочие остальных приисков Ленского товарищества, выставив следующие требования: установление 8-часового рабочего дня, увеличение заработной платы от 15 до 30 процентов, удаление ряда

*) Таким „эзоповским" языком приходилось соц.-демократической газете говорить в эти годы реакции с читателем, так как иначе ее ждали конфискации, штрафы и даже закрытие.

служащих приискового управления и ограничение права управления рассчитывать рабочих в зимнее время.

Забастовка протекала первое время в высшей степени организованно и мирно.

Местная администрация, в лице иркутского губернатора, хорошо осведомленная о положении дел на приисках товарищества, должна была признать, что жалобы рабочих на нарушения доогвора найма вполне основательны.

Иркутское горнозаводское присутствие, куда рабочие направили свои жалобы, также должно было удостоверить, что договор нарушен не рабочими, а Ленским товариществом; иркутский губернатор на основании этого телеграфировал в Петербург в департамент полиции, что единственным выходом из создавшегося положения он считает „немедленное удовлетворение справедливых и закономерных требований рабочих".

Но такой исход стачки конечно, не улыбался товариществу, которое привыкло извлекать из своего предприятия колоссальные барыши.

У него нашлись в Петербурге влиятельные защитники, которые вскоре добились, чтобы руководство борьбой с забастовавшими рабочими было из'ято из рук иркутского губернатора и было передано непосредственно жандармским властям.

Последним же также из Петербурга были даны категорические инструкции во что бы то ни стало ликвидировать забастовку, начав с ареста стачечного комитета.

В ночь с 3-го на 4-е апреля стачечный комитет был действительно арестован, и этот арест, естественно, вызвал у рабочих взрыв возмущения.

Но они и на этот раз проявили полную сдержанность, не позволяли себе никаких эксцессов, решив отправиться всем вместе к товарищу прокурора с прошениями в руках и добиваться освобождения арестованных.

Но, по распоряжению жандармского ротмистра Трещенко, прославившегося, благодаря этому кровавому делу, на всю Россию, путь рабочим был прегражден воинской командой; по приказанию того же Трещенко, в совершенно безоружную толпу рабочих был дан ряд залпов, ничем не вызванных, почти без всякого предупреждения.

Результаты этих залпов оказались прямо невероятными: по официальным данным местной кладбищенской церкви, было погребено 170 жертв 4-го апреля; число же раненых было еще больше, но точно не было установлено.

Громовым эхом разнеслась весть о событиях на Ленских приисках по всей России и от края до края всколыхнула широкие рабочие массы.

Всюду начались рабочие митинги, об'являлись забастовки в знак протеста против чудовищного расстрела. В Петербурге состоялась демонстрация, в которой приняло участие до 7000 чел. Соц.-демократической фракцией был внесен в Думу срочный запрос по поводу Ленских событий.

Выступление министра внутренних дел Макарова с ответом на этот запрос, обмолвившегося фразой, которая стала исторической, „так было, так будет" *), еще более усилило возбуждение среди рабочего класса, и протесты против ленских зверств продолжались в 1912, 1913 и даже 1914 годах.

Стачки и резолюции протеста по поводу этих событий неслись буквально со всех концов России. Не было ни одного сколько-нибудь крупного промышленного центра, где бы рабочие не волновались. А в Петербурге и в Москве возбуждение рабочих было, можно сказать, всеобщим.

Эти забастовки-протесты как бы окончательно разбудили рабочий класс России, и с этого момента стачечная борьба начинает подниматься все выше и выше, постепенно распространяясь по всей России.

Ответ пролетариата на ленский расстрел по своему единодушию, характеру и формам протеста как бы воскресил в памяти всех былой период всеобщего возбуждения после 9-го января 1905 года. Для всех стало ясно, что революционная мощь русского пролетариата вновь возрождается.

Вслед за забастовкой по поводу Ленских событий могучими волнами прокатилось по всей стране празднование 1-го мая, в котором приняли участие многие сотни тысяч рабочих. Не ограничиваясь прекращением работ на фабриках и заводах, рабочие Петербурга в этот день попытались устроить ряд манифестаций на Невском проспекте, Гороховой ул. и Петербургской стороне, но мобилизованная полиция быстро рассеивала демонстрантов.

Все попытки предпринимателей не допускать празднования приводили только к обратным результатам; угрозы расчетами и штрафами не останавливали рабочих принять участие в майской забастовке.

---

* То-есть, что агенты самодержавного правительства и впредь будут вмешиваться в мирную экономическую стачку и отвечать расстрелами на законные требования рабочих.

Так, С.-Петербургское Общество фабрикантов и заводчиков первоначально заявило, что „все участники майской стачки будут рассчитаны и впредь ни на один завод не приняты".

Когда же в праздновании 1-го мая в Петербурге приняла участие значительная часть пролетариата, так что приведение в исполнение этой угрозы было бы равносильно закрытию большинства фабрик и заводов, общество фабрикантов и заводчиков решило наложить на всех рабочих и работниц, принимавших участие в майской стачке, штраф.

Но наложение этих штрафов вызвало со стороны рабочих целый ряд ответных стачек с требованием снятия штрафа. Особенным упорством отличалась борьба рабочих на ряде заводов за Московской заставой.

Благодаря малой организованности, рабочие не всегда выходили победителями из этой борьбы, но урок этот не прошел бесследно, и всюду, вслед за поражением, шло сознание рабочими всей трудности борьбы с об'единенным капиталом и возникало стремление создать или упрочить свои собственные профессиональные организации.

Возникшая из-за этих же штрафов стачка на заводах Сименс-Гальске, продолжавшаяся целых 13 недель, вызвала широкое сочувствие остальных рабочих Петербурга, и на помощь бастовавшим из-за майского штрафа откликнулись десятки тысяч рабочих других фабрик и заводов и собрали в их пользу 12.000 рублей.

Эта стачка, правда, также закончилась не полной победой рабочих, благодаря вмешательству полицейской силы, но для всего петербургского пролетариата, считавшего поддержку этой стачки своим кровным делом, эта упорная борьба имела огромное значение.

Рост сознательности рабочих масс прекрасно иллюстрируется следующим случаем во время этой стачки. Когда однажды полицией была арестована часть собрания, причем захвачены были как-раз наиболее передовые рабочие, кто-то предложил прекратить стачку, „так как-де все вожаки сели".

Но большинство рабочих Сименс-Гальске с негодованием отвергло это предложение: „не на вожаках держится масса, а вожаки на массе", говорили рабочие и тут-же почти единогласно высказались за продолжение стачки.

За весь 1912 год фабричная инспекция зарегистрировала 2.032 забастовки с 725.000 участников.

В следующем 1913 году и в первую половину 1914 года забастовочное движение среди русских рабочих продолжалось с неослабевающим упорством.

Все усилия администрации, штрафы, угрозы и локауты об'единенных промышленников были бессильны остановить это движение.

Рабочие, правда, и теперь далеко не всегда выходили победителями из этой борьбы; очень часто они отваживались на нее, не соразмерив своих сил, за что им и приходилось часто платиться долгими месяцами безработицы, отчаянных лишений и голода.

Но борьба, тем не менее продолжалась и даже ширилась, захватывая все новые и новые слои пролетариата. Самые поражения учили рабочих, как надо вести борьбу, и выковывали стойких борцов для будущего.

В 1913 году общее число забастовок достигло 2.142, а число участников их поднялось до 861.000.

В особенности следует отметить стачку на заводах Лесснера, вызванную грубостью мастера Лауля, который обвинил в воровстве неповинного рабочего Стронгина и этим толкнул его на самоубийство.

Товарищи неповинно потерпершего вступились за честь и память погибшего Стронгина и немедленно прекратили работы, выставив требование убрать зарвавшегося мастера.

Сотни собраний, резолюций и различных приветствий и тысячи по грошам собранных рублей были ответом поднявшимся на борьбу лесснеровским рабочим.

Не только в Петербурге, но и в самых отдаленных уголках России это товарищеское выступление за честь и человеческое достоинство рабочего встретило живой отклик, и эта стачка явилась ярким показателем неудержимого и стремительного роста классового сознания русских рабочих*).

По этим же мотивам, в знак протеста против кулачной расправы, бастовали рабочие Путиловского завода; с целью же протеста против избиения полицией рабочих вспыхнула стачка 7.000 рабочих в Николаеве.

Локаутное движение среди работодателей, проявлявшееся и в предыдущем году, в 1913—1914 г.г. развернулось во-всю, приняв определенный характер вполне организованного выступления

*) На заводе „Старый Лесснер"—стачка длилась 67 дней, а на заводе „Новый Лесснер"—102 дня. Помимо помощи деньгами, во время этой стачки рабочими стал практиковаться новый способ поддержки забастовавших путем отдачи детей стачечников в семьи рабочих других фабрик.

класса капиталистов против политического и экономического раскрепощения рабочих масс.

Об'единенные в боевые организации, промышленники обсуждали „планы кампаний", вырабатывали „меры борьбы" с растущим рабочим движением и в особенности ополчались против стачек рабочих по чисто-политическим поводам, не только угрожая, но и отвечая на них штрафами и массовыми расчетами рабочих.

То обстоятельство, что подобные меры борьбы не ограничивались отдельными фабриками или даже районами, а охватывали буквально всю Россию, ясно говорило рабочим, что в данном случае они имеют дело со всероссийским об'единением капитала, и заставляло и их самих все серьезнее думать об упрочении собственных организаций *).

Во многих отраслях труда действительно замечалось стихийное стремление рабочих масс к созданию организаций, но рабочее движение в этой области повсюду наталкивалось на неустранимые препятствия и противодействие администрации.

Рабочим не только затрудняли открытие новых союзов, но на каждом шагу мешали деятельности уже сложившихся профессиональных союзов, не останавливаясь даже перед закрытием их, и как-раз именно в моменты наибольшего напряжения борьбы между трудом и капиталом.

Так, например, совершенно незаконно был закрыт профессиональный союз лодзинских текстильщиков и именно в момент наибольшего обострения кризиса и борьбы рабочих против понижения расценок.

Та же судьба постигла и Петербургский союз металлистов и опять-таки в самый разгар экономической борьбы рабочих.

Всего за один 1912 г. было закрыто до 20 профессиональных союзов и свыше 50 союзам было отказано в регистрации.

Администрация прямо-таки изощрялась в изобретении всевозможных способов препятствовать нормальному развитию деятельности союзов: усиленно запрещались общие собрания, чинились препятствия выборам и созыву делегатов, не разрешались заседания правлений, запрещалось обсуждение самых различных вопросов, устройство лекций, чтений, концертов, сборов и т. п.

И делалось все это в то время, когда организации предпринимателей открыто обсуждали и проводили в жизнь свои

*) Сведения об угрозах локаутом за политические забастовки и применении этой меры к бастовавшим рабочим в 1913—1914 г.г. имеются из Вильны, Риги, Екатеринослава, Московского района, Петербурга, Баку и ряда других мест.

мероприятия по борьбе с рабочим движением То что, свободно разрешалось одному общественному классу, строго преследовалось и запрещалось другому.

Вполне ясно, как подобная классовая политика должна была действовать на самих рабочих.

Под влиянием повседневной агитации рабочей печати, которая умудрялась выходить, не взирая на все преследования, эта близорукая политика находила себе должную оценку в рабочих массах, еще более возбуждала их и толкала на борьбу даже в таких условиях, когда у рабочих, казалось, не могло быть никакой надежды на успех.

И по иронии судьбы получилось так, что именно ужасающие условия бесправного существования рабочих масс, в которых русское самодержавие стремилось все время держать рабочий класс, являлись одной из главных причин безостановочного развития и роста рабочего движения.

Без оформленных политических организаций, лишенные возможности сорганизоваться даже на почве защиты чисто профессиональных союзов, без достаточно мощных касс борьбы, без средств, под угрозой каждую минуту очутиться на улице без куска хлеба и заработка, рабочие упорно продолжали начатую борьбу; недостаток организации возмещался их единодушным протестом и самопожертвованием и сплошь и рядом разрушал все рогатки и препятствия, которые воздвигались администрацией и организациями об'единенных промышленников.

Так, например, окончилась попытка правительства бороться со стачками путем судебного преследования.

Первая же попытка подобного воздействия (суд над обуховскими рабочими) вызвала столь сильное возбуждение среди петербургских рабочих, отметивших день суда грандиозной забастовкой, в которой участвовала до 100.000 чел., и целым рядом митингов, на которых выносились резолюции с требованием свободы коалиций, что сразу же показала всю тщетность надежд побороть подобным образом стачечное движение.

Так же безрезультатны были в общем и попытки промышленников путем штрафов и локаутов бороться с политическими выступлениями рабочих масс.

Ни угрозы, ни даже приведение их в исполнение не останавливало рабочих, и они в 1913 – 1914 г.г. еще более отзывчиво, чем в предыдущем году, откликались на призывы отпраздновать память жертв 9 января, 4 апреля (день Ленской трагедии), 1 мая и т. п.

В эти дни во всех крупных центрах стачки рабочих если и не были всеобщими, то, во всяком случае, были настолько грандиозны, что разрушали всякую возможноеть какого бы то ни было преследования.

Так, в праздновании 1-го мая в 1913 г. в одном Петербурге приняло участие свыше 220.000 рабочих; так же единодушно был отпразднован день 1-го мая почти во всей остальной России, доказав, что русский рабочий класс глубоко чтит этот всемирный пролетарский праздник.

Русская же жизнь в это время как бы на-зло бюрократии и об'единенному капиталу чуть ли не на каждом шагу рожала события, вызывавшие естественное чувство протеста в рабочих массах и становившиеся вместе с тем новыми поводами для борьбы и демонстраций.

Взрывы в шахтах, сопровождавшиеся человеческими жертвами, массовые отравления работниц на резиновых и табачных фабриках в Петербурге и Риге, преследования соц.-демократических депутатов, закрытие рабочих газет,— все это находило отклик среди пробудившихся рабочих масс, горячо ими воспринималось и выливалось в обычные формы протеста.

Эта волна политических и экономических стачек безостановочно продолжала подниматься и в 1914 году, особенно усилившись к лету этого года.

Для всех было явно, что остановка рабочего движения с началом войны 1914 года—явление временного порядка, вызванное надвинувшейся войной, также как и то, что эта война должна будет принести с собой и разрешение всех противоречий русской жизни и выведет, наконец, и русский рабочий класс на широкий простор организованного массового движения.

Помимо отмеченных нами уже выше форм этого сплочения в виде разного рода стройно проведенных кампаний-протестов, следует отметить, что вообще в эти годы русское рабочее движение, продолжая развиваться усиленным темпом, значительно усложнилось и разветвилось, стало многообразным в своих формах и проявлениях.

Особо следует отметить здесь осуществленную рабочим классом кампанию в связи с проведением в жизнь законов о страховании от несчастных случаев и об обеспечении на случай болезни.

Правильно оценив значение этих новых законов в смысле возможности использовать их для организации сил всего рабочего класса, руководившие движением организации направили все

усилия к сохранению за рабочими массами влияния на создаваемые страховые учреждения и к созданию самых этих учреждений по плану, наиболее удовлетворяющему нужды рабочего класса.

Повсюду рабочие оказывали упорное сопротивление попыткам администрации заменить выборное представительство рабочих в страховых присутствиях назначением по собственному усмотрению. Путем настойчивой борьбы рабочие иногда добивались того, что эти назначенные администрацией представители слагали с себя навязанную им роль и заявляли, что они не могут быть представителями рабочего класса, не имея на то полномочий.

Так же энергично продолжалась борьба рабочих и против так-называемых „немых" выборов; отвергая их, рабочие добивались устройства митингов и собраний, на которых детально знакомились с новыми страховыми законами и сознательно намечали своих представителей.

Так же единодушно выступали рабочие и по вопросу о создании общегородских или групповых больничных касс, противопоставляя их стремлению предпринимателей организовывать самостоятельные кассы по отдельным заводам.

Благодаря об'единенным усилиям и сознательному отношению к начатой борьбе, во многих местах рабочим удалось добиться почти полностью осуществления намеченного плана. В особенности стройно прошла страховая кампания в Петербурге и Царстве-Польском.

Еще более поучительна кампания, проведенная торгово-промышленными служащими в защиту своего права на отдых.

Как-раз перед выборами во вторую Государственную Думу правительством с определенной политической целью—привлечь на свою сторону торговых служащих — был издан закон 15 ноября 1906 г. об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах, устанавливавший для этой категории пролетариата воскресный отдых.

Но уже в следующем году, разочаровавшись в приказчиках, которые в массе сочувствовали левым политическим партиям, правительство поспешило исправить в угоду хозяевам торговых заведений свою ошибку; была издана поправка 12 ноября 1907 г., уничтожавшая даже и то немногое положительное, что имелось в законе 15 ноября 1906 года, и соответствующий законопроект был внесен в третью Думу.

Третье-июньская Дума, как верная выразительница классовых интересов русской буржуазии, добавила к этому законопроекту еще кое-что от себя, так что принятый ею проект закона по

существу оказался лишь призраком защиты труда торговых служащих, так как не обеспечивал им ни нормального рабочего дня, ни воскресного отдыха, ни даже обеденного перерыва.

Рабочий день установлен был в 12—15 часов, да еще к этому в течение 40 дней в году разрешалось хозяевам вводить сверхурочную работу, а сверх этого времени еще предусматривалась возможность привлекать служащих к исполнению „случайных и неотложных" работ. Полный воскресный отдых как будто бы предусматривался думским проектом, но при этом вводилось столько ограничений, что в действительности он обращался в фикцию. В таком же духе были составлены и остальные статьи этого проекта. Достаточно указать, что Дума не пожелала оградить от эксплоатации торгового капитала даже малолетних, привлекаемых им в качестве учеников и мальчиков: законопроект не только не устанавливал никакого предельного возраста для них и разрешал принимать в торговое заведение даже детей 8—9 лет, но и не ограничивал для них длины рабочего дня...

Но государственному совету, в который поступил думский законопроект, показалось и этого всего мало, и он с своей стороны решил увеличить торговлю по будням до 14—17 час. в сутки и разрешил всем без исключения торговым заведениям торговать в праздничные дни по 5 часов. Уже и основные положения думского законопроекта сильно взволновали приказчичий мир-когда же стали известны постановления комиссии государственного совета, весь торговый пролетариат поднялся на ноги.

Не осталось, кажется, ни одного в России сколько-нибудь значительно населенного пункта, где бы торговые служащие не подняли голоса в защиту своих прав. В Петербург со всех сторон полетели протестующие телеграммы и заявления, адресованные в государственный совет, во фракции Думы и на имя отдельных министров. Министр торговли и промышленности позднее удостоверял, что ни по одному вопросу он не получал такого обилия прошений и заявлений, как по данному.

Приказчики организовали, кроме того, целый ряд делегаций, которые тщетно обивали пороги министерств и государственного совета. В последнем вопрос был уже предрешен, и никакие доводы рабов прилавка не могли переубедить членов комиссии совета, что проектированные ими изменения законопроекта создают невыносимые условия труда.

Министры даже старались казаться либеральнее членов государственного совета и стремились подчеркнуть, что и они против

непомерного удлинения рабочего дня и уничтожения воскресного отдыха, да ничего не могут поделать.

Тогда торговые служащие стали добиваться разрешения созвать четвертый с'езд приказчичьих обществ. После долгих мытарств, новых делегаций и настояний с'езд этот был, наконец, разрешен и состоялся в июле 1913 г., по страшно сокращенной и урезанной министерством программе, с устранением, между прочим, из порядка дня с'езда вопроса об организации центрального органа.

Но даже и в этих рамках с'езду не удалось закончить своих работ; пять дней делегатам приказчиков удавалось обходить все полицейские рогатки, но на шестой день с'езд был закрыт распоряжением министра внутренних дел.

Практических результатов, благодаря этому, с'езд не дал, но делу сплочения торгового пролетариата и росту классового самосознания среди приказчиков он посодействовал немало. Проведенная же стройно кампания борьбы за нормальный рабочий день и праздничный отдых научила рабов прилавка действовать и в будущем так же организованно и солидарно.

Целый ряд других выступлений рабочего класса мог бы еще более подтвердить, как далеко он ушел вперед по сравнению с 1905—1906 г.г.

Не имея возможности остановиться на них подробнее, мы ограничимся лишь перечислением этих выступлений.

В ряде городов рабочими были проведены дружные кампании с требованиями и петициями в городские думы об организации помощи безработным, о понижении трамвайного тарифа и т. п.; по всей России осуществлялась товарищеская поддержка жертв локаута.

Деятельное участие принял рабочий класс в поддержке „женского дня", чтобы этим путем содействовать пробуждению и организации многочисленного женского пролетариата; дружно откликнулся русский рабочий на призыв поддержать борьбу бельгийских товарищей, которые всеобщей стачкой добивались осуществления избирательной реформы, и охотно делился последними грошами своего скудного заработка во имя международной солидарности рабочих всех стран.

Годовщина смерти Карла Маркса, смерть Августа Бебеля давали русским рабочим также повод к организованным выступлениям и лишний раз свидетельствовали о росте их политической сознательности.

Быть может, самым показательным в этом отношении является отзывчивость, проявленная пролетариатом России к судьбам своей рабочей печати.

Уже самое возникновение первых рабочих газет после реакции 1907—1910 годов было возможно только при дружной поддержке их широкими рабочими массами.

И петербургские рабочие поддерживали „свою“ печать не только подпиской на газеты, бойкотом тех чайных и пивных, хозяева которых отказывались выписывать крамольные издания, но и непосредственным участием в создании паевого капитала издания.

Уже издание еженедельной „Звезды“ не обошлось без прямой и энергичной поддержки рабочих. Когда же появился призыв к созданию ежедневной рабочей газеты („Правды“), поток рабочих пожертвований превзошел все ожидания. Правда, собранная сумма была не так уже велика (всего 4.288 р. 84 к.), но она составилась буквально из рабочих грошей и в накоплении ее приняло участие 504 рабочих группы со всех концов России, не считая гораздо более многочисленных единоличных пожертвований.

Этой тесной связью с обслуживаемой рабочей массой была сильна и жива редакция рабочей газеты во все время ее существования. Она позволила ей мужественно переносить все мытарства и гонения и стойко держать знамя борьбы за „Правду“. В течение первого года издания газета подверглась 41 раз конфискации, была оштрафована на 7.800 руб. и 3 редактора подверглись аресту без замены штрафом. Когда же и это все не доканало газету и она продолжала выходить попрежнему, ее стали конфисковывать по 10 и более раз в месяц, и, наконец, на 356 номере совсем закрыли.

Но и закрытие не помогло делу. Закрытая „Правда“ почти тотчас же стала выходить под названием „Рабочей Правды“; „Рабочую Правду“ последовательно сменяли: „Северная Правда“, „Правда Труда“, „За Правду“, „Пролетарская Правда“, „Путь Правды“, и, наконец, „Трудовая Правда“, закрытая перед самым началом европейской войны.

За второй год издания газета подверглась еще большим репрессиям: из 270 вышедших номеров 116 подверглись конфискации, штрафов было наложено 8.700 р.; против редакторов было возбуждено 36 судебных дел, да, кроме того, в административном порядке им пришлось отбыть 47½ месяцев тюрьмы. Но все эти невзгоды искупались тем, что этой ценой создавалась впервые

в России настоящая рабочая газета, прочно связанная с широкими рабочими массами, близкая им и ценимая ими. Достаточно отметить то бесконечное обилие рабочей хроники, материал для которой в большинстве случаев доставлялся группами рабочих (за один только год существования „Правды“ таких заметок было помещено более 11.000), чтобы понять, какая масса самих рабочих принимала участие в газете. Материальная помощь изданию со стороны рабочих во второй год существования „Правды“ также была не малой: ими было собрано „в железный фонд газеты“ чтобы укрепить ее положение на будущее время—18.000 руб.

22 апреля 1914 года по всей России был организован „день рабочей печати“, всюду прошедший с под'емом и значительным успехом. Сотни тысяч рабочих приняли участие в этих сборах и по грошам собрали десятки тысяч рублей на поддержание рабочих газет.

Благодаря этой широкой поддержке, реакции не удалось убить рабочую печать, несмотря на самые жестокие преследования, несмотря на сотни арестов и самих газет, и редакторов их.

Когда же в том же 1914 г. на рабочую печать был предпринят новый поход с явной целью добиться во что бы то ни стало полного уничтожения ее, рабочие решили выступить на защиту своей печати более энергично и организовали ряд демонстративных стачек-протестов.

Начавшаяся в середине 1914 года всемирная война временно приостановила развитие и этих форм рабочего движения, но она не могла уничтожить накоплявшейся в рабочих массах революционной энергии, а только отсрочила проявление ее.

XXXI.

Профессиональное движение русского пролетариата.

Нам уже приходилось упоминать о возникновении в рабочей среде первых ячеек профессионального об'единения рабочих.

В Северо-Западном крае, в Царстве-Польском и в Прибалтийском крае чисто профессиональным рабочим организациям предшествовали разного рода об-ва взаимопомощи, братства, похоронные кассы и т. п., получившие там широкое распространение и об'единявшие мастеров и подмастерьев.

Значительно менее были распространены такие же общества в остальной России, но и здесь также среди ремесленников уже с 60 г. прошлого столетия было заметно стремление к образованию подобных касс.

К началу XX столетия таких обществ взаимопомощи в коренной России, не считая упомянутых выше окраин, было не более сотни, в том числе 74 общества взаимопомощи приказчиков и около 15 вспомогательных касс типографских рабочих. Кроме того, среди горнорабочих Польши, Урала и Кавказа существовало до 40 таких обществ и 13 на разных фабриках и заводах, не считая многочисленных обязательных касс, с принудительным вычетом из заработной платы определенного процента, созданных в Варшавской и Гродненской губерниях и по железным дорогам.

Число членов таких касс часто достигало значительных размеров. У приказчиков, например, в среднем на 1 кассу приходилось 275 членов, причем на 8 человек действительных членов приходился 1 почетный член, или член-соревнователь, так как элемент благотворительности в этих учреждениях взаимопомощи играл видную роль. В кассе белостокских суконщиков в 1885 году состояло свыше 1.000 чел.; в 15 горнозаводских кассах Урала, Кавказа и Олонецкой губ. насчитывалось в 1891 г. около 8.000 членов.

Обществам взаимопомощи приказчиков удалось даже об'единиться и устраивать общие с'езды*), на которых на ряду с вопросами взаимопомощи обсуждались и вопросы чисто профессионального характера, главным образом, о регулировании рабочего

*) Первый такой с'езд состоялся в 1896 г. в Н.-Новгороде.

времени, но в общем ходе развития рабочего движения роль всех этих обществ была совершенно ничтожна.

Будучи связано узкими рамками полицейских уставов, большинство обществ ограничивало свою деятельность узким кругом своих членов, а участие во многих из них хозяев-предпринимателей в качестве почетных членов или членов-соревнователей накладывало на их деятельность особую печать благотворительности и препятствовало им даже в годы расцвета рабочего движения превратиться в профессиональные организации с боевыми задачами.

Одним из редких исключений в этой области является деятельность „Харьковского общества взаимопомощи лицам, занимающимся ремесленным трудом". Возникнув в 1898 году, это Общество, благодаря тому, что во главе его стала группа рабочих, глубоко преданных рабочему движению, а утвержденный устав гарантировал от вмешательства полиции, быстро развилось и завоевало широкие симпатии в рабочих массах. Своей целью оно ставило развивать деятельность не только в области взаимопомощи, но и в деле борьбы за улучшение условий труда всех рабочих вообще. В 1904—1905 г.г. Общество приняло живое участие в освободительной борьбе рабочего класса, руководило массовой экономической борьбой харьковского пролетариата и даже выступило инициатором созыва всероссийского рабочего с'езда.

Огромное большинство легальных рабочих обществ оказалось не в состоянии пойти по этому пути и застряло в узких рамках благотворительной деятельности.

Поэтому об их влиянии на развитие рабочего движения не приходится и говорить; только на западных окраинах, где широкое распространение таких обществ приучило ремесленников к идее организации, они облегчили возникновение первых нелегальных профессиональных союзов.

Такие союзы и профессиональные кассы борьбы, как мы уже упоминали, среди польского и еврейского пролетариата стали возникать и развиваться уже в 90-х годах прошлого столетия. Постепенно расширяясь, к началу XX столетия союзы еврейских ремесленников местами уже об'единяли до 40 – 60% всех рабочих данной отрасли труда и стали на путь об'единения отдельных профессиональных ячеек, разбросанных по всему краю.

В остальной же России развитие нелегальных профессиональных союзов шло еще медленнее, и эти организации почти нигде не охватывали широких рабочих масс. Постоянные полицейские преследования мешали их нормальному развитию и сплошь и рядом

губили организацию в самом начале ее деятельности. Даже развитию легальных касс и обществ, о которых упоминалось выше и из уставов которых было вытравлено все, хоть отдаленно угрожавшее общественному спокойствию, администрация крайне не сочувствовала и старалась всячески их тормозить, не останавливаясь зачастую и перед репрессиями. Так было поступлено, между прочим, с группой петербургских рабочих по Шлиссельбургскому тракту, которые, заинтересовавшись деятельностью немецкого ремесленного общества „Пальма", подали заявление петербургскому градоначальнику ген. Грессеру о разрешении им основать подобное же общество. Вызвав инициаторов этого заявления, градоначальник подробно расспросил их о причинах такого ходатайства и предложил собрать и представить ему список лиц, выразивших желание стать членами общества. А когда это требование было исполнено рабочими, все подписавшие заявление, в том числе и многосемейные рабочие, были арестованы и высланы из столицы. К попыткам же организации нелегальных касс правительство относилось уже прямо жестоко, карая даже за попытку их организации. Поэтому такие попытки были на-лицо лишь там, где рабочая масса, воспитанная предыдущей борьбой, переставала считаться со всемогуществом полицейской опеки самодержавия.

Но эта картина резко меняется в 1905 году. Бурное развитие рабочего движения стало быстро ломать все полицейские рогатки, и стихийное стремление рабочих масс к созданию организаций, которые защищали бы их интересы и руководили их борьбой, выразилось в об'единении по предприятиям и профессиям.

Рабочие начинают пользоваться каждым удобным случаем, чтобы строить свои организации: выборы в комиссию Шидловского, избрание заводских старост, выборы делегатов для переговоров во время стачек – служили для рабочих поводом создавать, если не профессиональные союзы, то своеобразные агитационные центры, вокруг которых пошло об'единение рабочих масс. Вся предшествовавшая борьба рабочих помогла им в этом строительстве, создавая организационные навыки и даже зародыши будущих мощных профессиональных союзов.

С весны 1905 года в Петербурге начинает открыто функционировать союз рабочих печатного дела, сложившийся под влиянием соц.-демократической организации еще в 1903 году, союз конторщиков и полулегально союзы портных, сапожников, приказчиков, часовщиков, фармацевтов и др.

Примеру Петербурга следовали Москва, Харьков и целый ряд других городов.

Но настоящая эпоха строительства профессиональных организаций началась в сентябре—октябре 1905 года, когда для рабочих собраний широко открылись двери аудиторий высших учебных заведений. Туда по вечерам стекались десятки тысяч рабочего люда, по большей части таких, до которых еще не достигало свободное революционное слово.

Призыв организоваться в профессиональные союзы в этой пробудившейся рабочей массе нашел живой отклик, и в октябре—ноябре в Петербурге возникло 44 отдельных профессиональных организации, об'единявших до 35.000 рабочих. Правда, все эти так быстро создавшиеся союзы были далеко не прочны и представляли из себя скорее организации для агитации и пропаганды широкого профессионального движения, чем настоящие боевые организации пролетариата. Но все-таки многим из них удалось принести существенную пользу в непрекращавшейся экономической борьбе пролетариата. Так, например, саратовским печатникам удалось еще в сентябре 1905 г. добиться заключения коллективного договора со своими предпринимателями. Немного позднее такие же договоры стали входить в практику профессиональных союзов в Петербурге и Москве, хотя особенно широкого распространения они не получили.

Еще большую роль должны были сыграть профессиональные союзы в организации и проведении стачек, в борьбе с начавшимися локаутами предпринимателей. Правда, на первых шагах их практической деятельности у профессиональных союзов было не мало и промахов, но эти неизбежные промахи служили уроком для будущего и отнюдь не могли умалить огромного значения профессиональных союзов в деле организации рабочего класса России.

Дальнейшая судьба первых профессиональных союзов действительно подтвердила, что они еще не успели пустить прочные корни в рабочих массах. Наступившая вслед за недолгими месяцами свободы свирепая реакция смела почти без остатка большинство союзов как в Петербурге, так и в Москве, где насчитывалось до 50 союзов с 25.000 членов, и по остальной России. Помещения их были разгромлены и опечатаны, книги и должностные лица были арестованы.

От этого разгрома уцелели только отдельные союзы, успевшие укрепиться в дни свободы, да местами сохранились центральные бюро профессиональных союзов, которые были созданы для

об'единения деятельности союзов в крупных промышленных центрах и после разгрома принялись тотчас же вновь налаживать разрушенные организации.

В феврале 1906 года московским центральным бюро профессиональных союзов была созвана конференция [1]) уцелевших и возродившихся организаций, которая подвела итоги всей прежней работы и постаралась наметить общие принципы профессионального движения.

На конференции было решено использовать всевозможные способы легальной организации союзов и в том числе ожидавшийся закон 4 марта об обществах и союзах, причем конференция определенно подчеркнула, что целью нового закона является, если не задавить в корне, то основательно изуродовать профессиональные организации и заклеймила чисто полицейский характер этого закона.

Опубликование этого закона, а также наступившее вскоре общественное оживление в связи с созывом первой государственной думы,—вызвали новое оживление в деятельности профессиональных союзов. Одни за другим стали быстро воскресать прежние об'единения рабочих, преодолевая все преграды, которые пыталась ставить им полиция.

Хотя по закону 4 марта союзы рабочих были признаны, но на местах не так-то легко оказалось добиться выполнения этого закона. Так, например, кременчугский генерал-губернатор „признал образование профессиональных союзов несвоевременным". И так поступал далеко не один кременчугский помпадур. Рабочие типографского дела справедливо жаловались на своей конференции, что „практика применения закона 4 марта по России представляет самую пеструю картину: все зависит от местного градоначальника, а подчас и пристава". Бесконечные мытарства приходилось преодолевать рабочим также в присутствиях по делам об обществах, где не стеснялись по несколько раз исправлять уставы союзов, каждый раз внося все новые и новые поправки. Но даже и утверждение устава часто не спасало рабочих от попечительной опеки: запрещалось созывать общее собрание, высылались должностные лица, конфисковывалось имущество и книги союза и т. п.

[1]) Это была вторая по счету конференция профессиональных союзов. На первой конференции, состоявшейся в Москве, накануне всероссийской октябрьской забастовки, решено было созвать в декабре общий с'езд, но осуществить это постановление так и не удалось, вследствие разгрома большинства организаций.

И тем не менее, невзирая на все эти препятствия, профессиональное движение рабочих за короткое время существования первой Государственной Думы успело возродиться и значительно упрочить свои организации.

Когда, вслед за разгоном думы, снова наступила полоса реакции, обрушившейся тотчас же и на профессиональные организации рабочего класса, ей уже не удалось совершенно задавить движение: большинство союзов, правда, полулегально, продолжало существовать и работать.

В особенности успели укрепить свои позиции профессиональные союзы рабочих по металлу и по обработке волокнистых веществ.

Организации металлистов в это время стали возникать во всех сколько-нибудь крупных промышленных центрах. В Петербурге учредительное собрание союза рабочих по металлу состоялось 30 апреля 1906 года; город был разделен на районы, в которых начали работать временные организационые бюро. В результате этой работы к середине июня в союзе числилось уже свыше 9.500 членов и союз принял деятельное участие в разгоравшейся стачечной борьбе. Союз металлистов в Москве насчитывал в своих рядах до 4.000 чековек, да еще в открытых им отделениях в центральном промышленном районе состояло более 1.000 членов. В Одессе профессиональное общество машиностроительных рабочих открыло свои действия весной 1906 года и сразу привлекло более 1.000 членов, а к сентябрю месяцу увеличилось, благодаря удачно проведенной стачке механиков и машинистов Российского общества пароходства и торговли,— до 3.000 человек. Бакинский союз металлистов об'единял до 2.500 рабочих. Екатеринославский союз рабочих по металлу насчитывал в своих рядах до 1.500 членов и помог возникнуть целому ряду профессиональных организаций среди заводских рабочих Донецкого района.

Менее крупные организации, но достаточно укрепившиеся, были созданы металлистами в Астрахани, Иваново-Вознесенске, Саратове, Самаре, Витебске и целом ряде других городов.

Также интенсивно развивались и профессиональные организации текстильных рабочих. В Москве возникло за этот период три союза—по обработке волокнистых веществ, аппретурно-красильный и ткацко-вязальный; в Иваново-Вознесенске—два: по обработке волокнистых веществ и ситце-печатников. Довольно сильные организации существовали также в Лодзи, Твери, Кинешме, Костроме, Орехово-Зуеве, Обираловке, Павлове-посаде и др.

Значительно усилились и окрепли в это время и профессиональные организации в остальных отраслях труда.

На-ряду с созданием профессиональных союзов, организовывавших пролетариат как бы в вертикальном направлении, начиная с осени 1905 года в России было уже заложено прочное начало и, так сказать, горизонтальному об'единению различных союзов отдельных отраслей труда, ввиде создания центральных бюро труда или Советов профессиональных союзов, стремившихся на-ряду с профессиональным об'единением олицетворить собою принцип пролетарского единства. Первое такое бюро было организовано в Петербурге, а вслед за ним такие же бюро были созданы в Москве, Харькове, Екатеринославе, Киеве и друг. городах.

Пользуясь опытом Западной Европы, наши центральные бюро должны были избегнуть возможных ошибок, но зато организация их не была зачастую основана на прочных нуждах еще не успевшего окрепнуть профессионального движения, благодаря чему периоды торжества реакции отражались на работах центральных бюро. Большинство из них распалось, и только Петербургское сумело сохранить остатки своей организации и в годы глухой реакции и дотянуло до начала войны, когда оно было уничтожено вместе со всеми профессиональными союзами, уцелевшими в столице.

Дабы в двух словах охарактеризовать назначение и работу этих учреждений, достаточно будет указать, что, например, Петербургское центральное бюро ставило своей целью „об'единять деятельность профессиональных союзов, стоящих на почве современного рабочего движения, и содействовать развитию профессионального движения петербургского пролетариата". С этой целью оно брало на себя оказание технической помощи отдельным союзам по подысканию помещений, по приисканию работы, стремилось организовать юридическую и медицинскую помощь, производство статистических обследований, обслуживание культурно-просветительных запросов, содействовало отдельным союзам в проведении стачек и бойкота, организовывало сборы для оказания поддержки безработным, стремилось положить начало профессиональному об'единению рабочих в тех отраслях труда, где такового еще не существовало, и, наконец, осуществляло представительство общих интересов профессиональных союзов перед государственными и общественными учреждениями. Представительство отдельных союзов в центральном бюро было построено

по германскому типу: союз, насчитывавший до 500 членов, посылал 2 делегатов, до 1.000—3 и на каждую тысячу сверх—по одному, но в общей сумме не более 7 человек.

Для удовлетворения насущных нужд так быстро развивавшегося профессионального движения не замедлил возникнуть целый ряд профессиональных органов, на страницах которых разрабатывались и усиленно дебатировались все вопросы, занимавшие умы профессиональных работников.

Большинство из этих изданий было очень недолговечно, но на место погибших тотчас же возникали новые. Наиболее долго просуществовали: издававшийся в Петербурге „Профессиональный Союз", прекратившийся на 21 номере, московский „Рабочий Союз", приостановленный на № 10, московские же „Семь Дней", которых успело выйти двадцать номеров и воронежский „Голос Труда", прекратившийся после № 7.

Особенно важным для союзов оказалось существование профессиональной пресы в период полулегального существования организаций после разгона первой думы.

Рабочие издания продолжали выходить всякими правдами и неправдами и в это тяжелое время и оказали большую услугу профессиональному движению, содействуя не только агитации, но и чисто организационной работе союзов. Создавалось такое положение, что закрытые администрацией союзы продолжали свою работу, издавали свои органы, печатали в них отчеты, звали членов к напряженной совместной работе...

Работа же профессиональных союзов в это время далеко не ограничивалась узкими рамками экономической борьбы.

Русская действительность на каждом шагу заставляла их расширять эти рамки и, на-ряду с руководством разгоравшейся профессиональной борьбой, брать на себя также руководство борьбой с черной сотней, организовывать празднование первого мая, призывать рабочих к участию в выборах в государственную думу и т. п

Сильно также проявилось в это время стремление профессиональных организаций к об'единению. Первые шаги в этом направлении были сделаны, как мы указывали, еще раньше, теперь же разрозненные попытки к установлению прочных связей между одноименными союзами разных городов привели к созыву целого ряда конференций и с'ездов, на которых обсуждались организационные, политические и экономические вопросы, занимавшие в это время умы передовых рабочих, и вырабатывалась

общая тактика союзов по всем злободневным вопросам профессионального движения.

Наиболее крупными из таких конференций и с'ездов, состоявшихся в первой половине 1907 года, были следующие:

На первой всероссийской конференции печатников, собравшейся в апреле 1907 года в Гельсинфорсе, присутствовало 72 делегата от 57 союзов из 43 городов, об'единивших 29.179 рабочих печатного дела. Конференция высказалась за замену сдельной заработной платы повременной и рекомендовала союзам на местах приступить к проведению в жизнь этого принципа; она рекомендовала также направить усилия на проведение по всем областям минимума заработной платы, причем этот минимум должен быть установлен соответственным областным центром, и стремиться к заключению временных тарифных соглашений с предпринимателями.

По вопросу о борьбе с безработицей и помощи безработным конференция печатников признала необходимым установить для членов союзов дорожную помощь и производить при союзах регистрацию безработных как членов, так и не членов, и во время массовой безработицы и массового расчета рабочих с разрешения общих собраний выдавать пособия всем безработным независимо от того, состоят ли они членами союза.

По вопросу об ограничении доступа в ремесло конференция отвергла все меры, направленные к ограничению ученичества и единственно правильным средством борьбы с эксплоатацией учеников признала проведение в жизнь требований об улучшении их положения; она установила также равноправность женского труда и решительно высказалась против противодействия рабочих введению наборных машин.

На конференции союзов рабочих по металлу, созванной в Москве в феврале 1907 года, присутствовало 29 делегатов из 18 союзов с общим числом членов 27.431. Эта конференция решительно высказалась по вопросу о партийности союзов против всякого дробления сил рабочих в области экономической борьбы против попыток использовать профессиональные организации для дискуссий партийно-политического характера и рекомендовала рабочим организовать для осуществления своих задач профессиональные союзы независимо от национальности, религиозных и политических убеждений. По мнению конференции, только создание таких сильных профессиональных организаций и об'единение их в областные профессиональные союзы, при полной согласованности действий экономической и политической организаций

рабочего класса, будет в состоянии обеспечить успех борьбы рабочих против организованных капиталистов с их тактикой локаутов. Остановив затем свое внимание на ряде подготовлявшихся правительственных законопроектов по рабочему вопросу, конференция выразила против них свой протест, как против попытки „создать фабричное законодательство, не опирающееся на самодеятельность рабочего класса и идущее рука об руку с уничтожением его профессиональных организаций".

Рабочие текстильного производства имели в этот период две свои областные конференции, соответственно главным центрам этого производства. На одной, представлявшей наш центральный район, присутствовало 16 делегатов от 13 союзов, об'единявших около 10.000 рабочих; на второй были представлены профессиональные организации Царства Польского, пославшие 17 представителей от 25.000 рабочих.

Под влиянием пережитых ужасов лодзинского локаута, текстильщики центрального района поставили на очередь выработку мер практической борьбы с локаутной тактикой капиталистов. Не ограничиваясь принятием по этому вопросу резолюций принципиального характера, они высказались за удержание рабочих от частичных забастовок в целях подготовки всеобщей областной стачки в ответ на возможное об'явление локаута.

В этот же период состоялись конференции и с'езды рабочих организаций, представлявших следующие отрасли труда: с'езд кожевников С.-Западного края, с'езд обществ взаимопомощи лиц частного служебного труда, фактически превратившийся в конференцию профессиональных союзов торговых служащих, с'езд рабочих сахарного производства Царства Польского, конференция профессиональных союзов портновского цеха, конференция рабочих архитектурно-строительного дела, конференция рабочих чайных развесок, областная конференция по изготовлению одежды Поволжья и Урала, областная конференция торговых служащих и портных Московского района, конференция техников и целый ряд других. Таким путем одновременно с об'единением во всероссийском масштабе шло и областное строительство, причем областные конференции иногда предшествовали всероссийским, а чаще созывались по инициативе последних. Помимо упомянутых выше, областные конференции имели место у текстильных рабочих Московского района, у булочников; на всероссийской конференции печатников были представлены вполне оформленные областные союзы печатников Прибалтийского края и литографов Царства Польского.

Помимо конкретных вопросов, затрагивавших интересы данной профессии, почти на всех конференциях выдвигался и ряд общих вопросов рабочего движения: о заработной плате, о безработице, об организационном об'единении союзов и т. д.

По последнему вопросу большинство конференций высказалось за немедленное создание всероссийского об'единения профессиональных организаций. Но при тогдашнем развитии профессионального движения на местах, при отсутствии прочных областных об'единений, — стремление к созданию всероссийских союзов неизбежно должно было остаться висящим в воздухе.

Наиболее правильно к разрешению этого вопроса подошли лишь рабочие по металлу и печатники. Первые—попросту отложили этот вопрос, признав, что первоначально необходимо создать лучшие формы организации на местах, и занялись детальной разработкой этого дела. Печатники же признали всероссийское об'единение преждевременным, постановив начать работу по организации прочных областных союзов не по определенному шаблону, а сообразуясь с местными условиями. Но на-ряду с этим конференция печатников наметила ряд мер для практического об'единения отдельных отраслей союзной деятельности, в первую голову правильной постановки дорожной помощи.

В общем, все профессиональное движение русского пролетариата в целом в эти годы (1905—1907 г.г.), не взирая на постоянные препятствия и бесконечные полицейские препоны, шло ускоренными шагами, и если бы не новая длительная полоса реакции, наступившая после разгона второй Думы, это движение путем дальнейшего органического развития создало бы мощные пролетарские организации.

К середине 1907 года, по далеко неполному обследованию профессиональных союзов [1]), по всей России насчитывалось 652 союза с 245.555 членами. Лучше всего оказались организованными печатники, у которых союзы охватили 43% общего числа рабочих; у них насчитывалось 72 союза с 28.654 членами.

Затем следуют металлисты, имевшие 81 союз с 54.173 членами, но по отношению к общему числу рабочих, занятых обработкой металла, организованные рабочие составляли всего 8,6%.

---

[1]) В этот подсчет не включены профессиональные союзы Прибалтийского края, Сибири и Средней Азии; сведения о профессиональных организациях Кавказа и Царства Польского также неполны. Общее число организаций в этих областях достигало 150 с 33000 членов.

Среди рабочих, занятых производством питательных продуктов, организовано было всего лишь 7,2% общего числа, среди кожевников—7,1%, среди текстильщиков—3,9%; в остальных отраслях труда дело обстояло еще печальнее. В среднем же по России в профессиональных союзах состояло только 3,5% всего наличного числа рабочих [1]).

В общем, как эти годы, так и последующий период еще более жестокой реакции, мало благоприятные для широкой экономической борьбы, были для профессионального движения в России годами напряженной и плодотворной деятельности по выработке форм союзного строительства.

В эти годы широкие массы пролетариата, путем длительной и неустанной пропаганды, усвоили наиболее совершенные формы организации, выработанные рабочим классом Западной Европы, и наиболее обеспечивающие успех в экономической борьбе: организацию по производствам, а не по профессиям, добровольность участия, демократический централизм, подчинение взаимопомощи боевым задачам, участие в культурно-просветительной работе среди рабочих масс. Все это, как и многое другое, прочно вошло в сознание активных участников профессионального движения, и, несомненно, содействовало пышному расцвету его в 1917 г., дав возможность немедленно приступить к созданию массовых организаций, не тратя времени и сил на поиски лучших организационных форм.

С роспуском второй Думы не только прекратилось дальнейшее развитие строительства профессиональных союзов, но и многое из созданного рабочими за период 1905—1907 г.г. так основательно оказалось разрушенным наступившей реакцией, что можно было ожидать почти полного прекращения профессионального движения.

Но этого, однако, не произошло. Несмотря на всю свирепость реакции, на самое грубое нарушение закона 4 марта, отнять у рабочих завоеванное право коалиций торжествующая реакция оказалась не в силах.

Самые жестокие удары по профессиональному движению не оторвали уцелевших союзов от классового движения пролетариата, не угасили духа борьбы и братской солидарности среди уцелевших участников союзов и не принизили последних до миролюбивых обществ взаимопомощи.

Все последующее десятилетие наполнено непрекращающейся борьбой самодержавия с уцелевшими профессиональными союзами.

[1]) Следует также иметь ввиду, что из общего числа 245.555 членов рабочих, организованных в союзы, приблизительно только половина регулярно платила ежемесячно взносы.

Оно систематически преследовало каждую ячейку профессиональных организаций, стремилось систематически разрушать их, но на обломках разрушенного тотчас же возникали новые ячейки; на место арестованных и сосланных работников профессионального движения становились их уцелевшие товарищи и вновь воссоздавали разрушенную организацию.

На-ряду с реакцией надвинулся на рабочих и жестокий промышленный кризис со всеми ужасами массовой безработицы и с одновременным стремлением промышленной буржуазии окончательно ликвидировать все завоевания рабочего класса в 1905 г.

Прежде всего реакция свирепо набросилась на существующие рабочие организации и произвела среди них настоящее иродово избиение.

В 1907 году было закрыто 159 профессиональных союзов; в следующем году погиб еще 101 союз; в 1909 году—96 союзов; в 1910 году – еще 88 союзов!

Кроме того, за пять лет реакции было отказано в регистрации 604 рабочим союзам. Помимо профессиональных союзов за эти же годы погибли все рабочие клубы и большинство просветительных обществ и кружков самообразования рабочих.

Та же участь постигла и профессиональную печать: за пять лет было уничтожено и закрыто свыше 100 рабочих изданий. Про общеполитические рабочие газеты не приходится и говорить. Они все были закрыты.

С оживлением рабочего движения в 1911—1912 г.г., начали оживать тотчас же и профессиональные союзы.

Рабочий класс, инстинктивно чувствуя потребность в создании прочных организаций для успешной борьбы с об'единенным и прекрасно вооруженным капиталом, тотчас же принялся за воссоздание своих профессиональных организаций.

Но он продолжал и теперь наталкиваться при этом на сильное противодействие как своих классовых врагов, так и самодержавной власти.

Мы уже указывали выше, как затруднялась в эти годы рабочим возможность открывать новые союзы и каким преследованиям подвергались уцелевшие профессиональные организации пролетариата, раз только они начинали руководить разгоравшейся вновь экономической борьбой рабочих масс.

Но никакие репрессии и изощрения администрации не могли остановить этой жизненной потребности российского пролетариата в воссоздании необходимых ему организаций.

Несмотря на все оказываемые противодействия профессиональные союзы, начиная с 1912 года, быстро воссоздавались, и закрытые так же быстро возрождались под новыми названиями.

К началу войны, однако, эти организации еще далеко не достигли тех размеров, какие они имели в революционный период.

Число, например, рабочих, об'единенных в профессиональные союзы в Петербурге в 1914 г., не превышало 25.000, тогда, как в 1906 г. их числилось свыше 45.000 человек. Да кроме того, из этих 25.000 человек, числившихся в 18 профессиональных организациях, регулярно платили членские взносы всего лишь 45—50% общего числа записавшихся; таким образом, цифра действительно организованных рабочих для всего Петербурга должна быть еще более понижена и едва ли превышала 15.000.

Разумеется, что такие результаты организационного сплочения пролетариата нельзя было считать удовлетворительными. И это в таком крупном промышленном и идейном центре рабочего движения, каким являлся Петербург. Об остальной Росси и, за исключением, правда, окраин, где пролетариат и теперь, как и раньше, был лучше организован, не приходится и говорить.

В связи с гонениями, обрушившимися на рабочий класс с началом войны, число их профессиональных организаций еще более сократилось и к началу февральской революции по всей России уцелело 2—3 десятка союзов, главным образом, наиболее политически благонамеренных, насчитывавших с своих рядах десятки, в лучшем случае сотни членов.

В этой малой организованности рабочего класса несомненно таилась уже пережитая однажды опасность бесполезного распыления рабочего движения, ненужной траты революционной энергии и невозможности в решительные моменты борьбы быстро и планомерно об'единять силы рабочего класса во всероссийском масштабе.

Но было бы, конечно, большой ошибкой односторонне измерять политическую и организационную зрелость русского пролетариата состоянием его организаций накануне 1917 года. Эти организации, как профессиональные, так еще более политические, отражали на себе все особенности господствовавшего политического режима. В силу условий, созданных этим режимом, сплочение рабочих масс и в особенности сплочение рабочей интеллигенции шло иными путями и проявлялось в самых разнообразных формах, определенно свидетельствовавших, что рабочий класс в 1912—14 г. значительно ушел вперед по сравнению с 1905—07 г.

XXXII.

Рабочее движение в годы мировой войны.

Волны рабочего движения в 1914 г. поднимались с каждым месяцем все выше и выше; настроение рабочих масс становилось все более революционным.

Это не был „стачечный азарт", как казалось первоначально некоторым из сторонников более мирных и легальных форм рабчего движения.

Это многомиллионный пролетариат России, продолжавший возростать численно, накопивший за годы реакции достаточно энергии и выросший за предыдущий революционный период политически, начинал расправлять свою спину, протестуя против безудержной эксплоатации и требуя признания за собой гражданских прав.

Уже в самом начале 1914 г. прошла целая полоса „страховых" стачек, вызванная недовольством рабочих масс новыми страховыми законами, уменьшившими их и без того скудный заработок.

Рабочие во многих местах требовали, чтобы расходы по страхованию целиком были переложены на предпринимателей. Местами волнения возникали из-за арестов и увольнений уполномоченных страховых касс, наиболее энергично отстаивавших интересы своих доверителей.

Затем, с весны началась вторая еще более мощная волна забастовок и протестов, вызванных массовыми заболеваниями рабочих на почве антисанитарных условий труда.

Началось движение это среди рабочих резинового производства (фабрики „Треугольник"—в Петербурге и „Проводник"—в Риге), где впервые были обнаружены случаи массовых отравлений ядовитыми газами из-за плохой вентиляции, но затем к борьбе рабочих отдельных фабрик стали примыкать из сочувствия и для поддержки сотни тысяч остального пролетариата крупнейших промышленных центров.

Предприниматели ответили на этот протест рабочих массовым локаутом, выбросившим на улицу свыше 70.000 рабочих, администрация спешила помочь капиталистам подавить движение; закрывая и распуская профессиональные союзы.

Затем началось такое же сильное движение среди текстильщиков московского промышленного района, охватившее также многие десятки тысяч пролетариев, которые выставили требования улучшения гигиенических условий труда, усиления медицинской помощи, увеличения заработной платы, выдачи квартирных денег, ослабления фабричного режима, системы штрафов и т. п.

Волна первомайских стачек и выступлений в этом году также достигла небывалой высоты, охватывая самые темные и захолустные углы необ'ятной России.

Несмотря на то, что царская охранка старалась возможно основательнее „почистить" перед первым мая революционные организации, помешать пролетарскому единению в этот день она не могла.

Впереди всех и на этот раз шел Петербург, где в первомайских забастовках участвовало в этом году до 300.000 рабочих. Праздник прошел в высшей степени организовано. Рабочие собирались с утра по заводам, но к работам не приступали, ожидая сигнала. Затем, по сигналу открывался митинг, произносились речи, раз'ясняющие значение этого праздника для всего борющегося пролетариата, и затем всей массой, с революционными песнями и флагами, рабочие высыпали на улицу, пытаясь демонстративно пройти в центр города.

За Петербургом шла Варшава, где для борьбы с первомайской рабочей манифистацией пришлось наводнить весь город войсками.

Крупные первомайские забастовки происходили также в Закавказье, Москве, Харькове, Нижнем, Риге, Ревеле, Николаеве, Одессе, Киеве, Твери, Перми и ряде др. мест.

На-ряду с этим шла довольно упорная борьба отдельных групп пролетариата за признание со стороны капиталистов права рабочих на профессиональную организацию.

Типографские рабочие многих городов требовали, чтобы наем на работу происходил исключительно через их профессиональные союзы. Рабочие ювелирных фабрик Петербурга боролись за удаление рабочих, не принимавших участия в праздновании 9 января, и штрейкбрехеров.

Новая, еще более мощная, волна стачек и протестов стала вздыматься как раз накануне об'явления мировой войны.

Началась грандиозная стачка бакинского пролетариата, который летом 1913 года упорной борьбой добился повышения заработной платы на 20—25%.

Теперь они выдвинули требования установления 8-часового рабочего дня, нового увеличения заработной платы, отмены наградных, которые действовали развращающе на часть рабочих, установления обязательного месячного отпуска, устройства за счет предпринимателей рабочих поселков, переложения на их же счет всех страховых взносов, организации центральной больничной кассы с участием выборных от рабочих в организации медицинской помощи.

Кроме того, они требовали признания рабочих организаций, заключения коллективного договора, легализации празднования первого мая и. т. д.

Борьба эта отличалась упорством с обеих сторон.

Нефтепромышленники, опираясь на силу своей организации и содействие полицейских властей, склонны были вызвать рабочую массу на эксцессы, чтобы затем легче было обрушиться на нее репрессиями и подавить стачку. Такие эксцессы действительно начались на ряде промыслов.

Но неистовства полиции, обрушившейся на рабочих массовыми обысками и зверскими расправами, привели лишь к тому, что движение стало еще более расширяться, охватывая рабочих самых различных предприятий, и начались забастовки протеста в крупнейших промышленных центрах.

Вслед за этим рабочее движение перекинулось в Петербург, где 4 июля полиция совершила зверское нападение на рабочих Путиловского завода.

В тот же день сведения о том, что при этом столкновении несколько рабочих было убито, облетели весь Петербург, и рабочая масса глухо заволновалась. В разгоряченную и без того атмосферу всеобщего возбуждения этот факт дикой расправы добавил еще новую дозу возмущения, и на многих фабриках уже в этот день правильный ход работ был нарушен, и рабочие стали собираться для обсуждения форм протеста.

С утра же следующего дня волнения охватили уже большинство фабрик и заводов Петербурга. Повсюду шли митинги, а при попытках полиции и казаков разгонять их, рабочие толпы устремлялись на улицу, соединяясь по районам, останавливая трамваи, пытаясь вооружиться, воздвигая баррикады.

Нарастая со дня на день это движение уже к 6-му июля приняло в Петербурге характер всеобщей стачки и продолжалось до 12-го числа; в особенности накаленная атмосфера создалась

в Выборгском районе, где рабочие загнали полицию в участок и успешно отбивались от наездов казачьих отрядов.

В воздухе определенно начинало пахнуть революционным взрывом. Попытки предпринимателей ответить на эти стачки локаутом могли послужить именно таким толчком, тем более, что движение петербургского пролетариата на этот раз нашло широкий отклик по всей России, и это поддерживало революционную энергию борцов.

Какой размах получило рабочее движение в первой половине 1914 г., можно видеть из далеко не полных официальных статистических данных, отметивших 3.543 забастовки с 5.700.000 участников (из них свыше 2.500 сочувственных стачек и стачек протеста).

Но внезапно надвинувшаяся война сразу же оборвала это движение.

Еще до об'явления войны правительство заставило предпринимателей отказаться от об'явленного ими локаута, и все рабочие бастовавших фабрик были приняты обратно.

Затем последовал период мобилизаций, временная пертурбация всех общественных взаимоотношений внутри страны, почти полная изоляция страны от остального внешняго мира; ярко вспыхнули патриотические настроения, причем ими на время оказалась зараженной и часть рабочего класса; правительство с своей стороны поспешило немедленно же по об'явлении войны наложить лапу, буквально, на все рабочие организации: политическая и профессиональная пресса была немедленно закрыта, союзы и существовавшие общества рабочих разгромлены.

Мобилизация оторвала от станков местами до 40% наличного кадра рабочих. Правда, часть квалифицированных рабочих в особенности на металлических заводах скоро была возвращена обратно на заводы, так как без них заводы не в состоянии были выполнять срочные заказы, но, тем не менее, ряды рабочего класса в связи с войной сразу же сильно ослабели.

Затем, первые месяцы после об'явления войны большинство промышленных отраслей испытывали сильную депрессию, и сами значительно сократили производство.

Позднее, приблизительно на втором году войны, промышленность, начавшая перестраиваться для обслуживания нужд войны, начала снова гигантски расширяться, но состав рабочих пополнялся преимущественно новыми элементами, еще не прошедшими строй прежней боевой школы.

Все это неизбежно должно было отразиться на настроениях рабочего класса, и, если сама мобилизация в крупных промышленных центрах еще проходила с известным революционным под'емом и рабочие шли из фабрик к воинскому участку под звуки революционных песен и крики „долой войну", то позднее рабочему классу России пришлось пережить довольно длительный период растерянности и колебаний, прежде чем в его среде окончательно сформировалось и окрепло отрицательное отношение к мировой бойне, и он сам стал подниматься на борьбу с преступной империалистической политикой.

Как экономическая, так и политическая борьба рабочих масс отразили на себе эти настроения.

Внутри самой с.-демократической фракции, представлявшей рабочий класс в цензовой Государственной Думе четвертого созыва, боролись два течения по вопросу об отношении к войне.

И, хотя фракция в целом воздержалась при голосовании военного бюджета, довольно резкое расхождение отдельных рабочих депутатов сильно парализовало работу фракции.

Правительство же Николая II поспешило еще более ее ослабить, воспользовавшись первым подходящим случаем для расправы с наиболее последовательными противниками империалистической бойни из рядов с.-д. фракции, предав их суду.

Эта расправа еще более ослабила силы фракции, и ее роль как политической представительницы рабочего класса была сведена к минимуму.

В среде самого рабочего класса первые месяцы после об'явления войны чувствовалась определенная растерянность.

Особенно тяжело переживали сознательные рабочие измену заветам Интернационала со стороны германской с.-демократии, которая в течение десятилетий перед войной являлась для них образцом и идеалом рабочей организации.

Полная оторванность от Западной Европы, скудость и явная подтасовка сведений, просачивавшихся оттуда через буржуазную печать, еще более затрудняли для сознательной части русского пролетариата возможность быстро ориентироваться в создавшейся обстановке и усвоить правильное отношение к войне. Но уже и тогда „оборончество" части русской с.-демократии вызывало со стороны рабочих поправки в смысле необходимости продолжения борьбы с русским правительством и защиты пролетариатом своих классовых интересов и во время войны.

Но на-ряду с этим встречались в рабочей массе самые разнообразные уклоны мысли, начиная от определенно „пораженческих", вплоть до откровенно патриотических.

Довольно распространенным, напр., было соображение, что русский рабочий класс не может относиться к судьбам своей родины иначе, чем германский рабочий.

А на-ряду с этим, в укромных уголках заводов появлялись следующие характерные надписи:

„Товарищи, если Россия победит, нам лучше не будет, нас будут еще сильнее давить!"

На экономической борьбе пролетариата России война отразилась также очень сильно. С момента об'явления войны сразу же оборвался рост забастовочного движения в России. С августа 1914 г. по конец года была зарегистрирована всего 41 стачка с 9.500 участниками.

Но уже со следующего года положение стало изменяться.

Затяжной характер войны, начавшаяся дороговизна жизни, ухудшение условий труда, каковые предприниматели усиленно осуществляли на каждом шагу, благочестиво прикрываясь патриотическими лозунгами „защиты родины", а когда нужно и угрожая непокорным отправкой в войска, усиление правительственных репрессий—все это не могло не волновать притихнувшую было рабочую массу и привело к новому оживлению экономической борьбы.

Уже в июле 1915 г. на всех крупных заводах и фабриках Петербурга прошли значительные стачки из-за повышения заработной платы.

Тщетно администрация фабрик и заводов угрожала рабочим отправкой их в действующие войска; рабочие не испугались этих угроз даже и тогда, когда их подтвердил начальник военного округа.

Во время стачек в Иваново-Вознесенске и Костроме, вызванных также тяжелым материальным положением рабочих, для подавления волнений, которые под конец приняли резко антиправительственный и антивоенный характер, администрации пришлось прибегать к вооруженной силе.

Рабочие Сормова поднялись в количестве 12.000 человек на защиту двух товарищей, от которых администрация завода хотела отделаться, сдав их в солдаты.

Было несколько случаев, когда правительство, стремясь запугать рабочих и наказать за участие в забастовках, действительно приводило в исполнение свои угрозы и отправляло их тысячами на фронт; так, напр., поступили с рабочими фабрик „Скороход"

и „Феникс", но даже и эти угрозы оказывали слабое воздействие и, наоборот, побуждали рабочий класс лишь расширять рамки борьбы, так как тогда эти угрозы делались бессмысленными.

Пробудившееся в рабочих массах стремление протеста против, все усиливавшейся эксплоатации и чувство товарищеской солидарности начинали снова, как и в довоенные годы, толкать пролетариат крупных промышленных центров на выступления для поддержания борьбы рабочих других фабрик и даже других городов.

Такие забастовки-протесты прошли, напр., широкой волной после упомянутых выше стачек в Костроме и Иваново-Вознесенске, где войска стреляли в рабочих.

На этой же почве протеста в сентябре 1915 г. по призыву с.-демократической организации на три дня прекратил работу Путиловский гигант-завод, собравший в свои стены десятки тысяч рабочих.

Когда же в ответ на забастовку командующий петербургским военным округом стал угрожать рабочим военно-полевым судом, рабочие, намеревавшиеся было закончить стачку в заранее назначенный срок, решили продолжать ее, желая наглядно демонстрировать, как мало они боятся подобных угроз.

В 1916 г. боевое настроение рабочих масс продолжало нарастать; общее число стачек в этом году уже достигло 1.400, и в борьбу было вовлечено свыше миллиона рабочих.

Дружно протекла стачка рабочих трамвайных парков в Петербурге, к которой поспешили примкнуть рабочие городской электрической станции, и окончилась победой рабочих.

В феврале этого же года снова повторилась стачка на Путиловском заводе, повлекшая за собой даже временное закрытие завода.

Длительную и упорную борьбу пришлось в этом году выдержать рабочим Донецкого бассейна, которые в количестве 50.000 человек на двух десятках предприятий прекратили работу,, добиваясь повышения заработной платы на 50 процентов.

Тщетно администрация принимала всевозможные меры чтобы сломить упорство рабочих, вплоть до применения вооруженной силы; в конце концов рабочие добились частичного удовлетворения выставленных ими требований.

С весны этого года упорную борьбу должны были выдержать также рабочие завода „Новый Лесснер" в Петербурге, требовавшие повышения заработка для чернорабочих.

Затянувшаяся стачка, отчасти вследствие неумелого руководства ею, окончилась поражением рабочих: свыше 2.000 человек было выброшено на улицу, попало в „черные списки“, а многих, кроме того, отправили в войска, но тем не менее эта упорная борьба лесснеровцев произвела огромное впечатление далеко за пределами Петербурга, повсюду повышая настроение пролетариата.

Этот рост революционного настроения рабочих масс ярко выявился уже в праздновании 1 мая 1916 г.

Несмотря на жесточайшие преследования и многочисленные аресты, этот день был отмечен забастовками и массовыми собраниями рабочих во многих местах России, а в Петербурге и Москве он прошел особенно шумно. В праздновании приняли участие не только рабочие частных предприятий, но и военные заводы.

Рабочие не ограничивались устройством митингов и во многих местах отказывались в этот день производить работу.

После летняго перерыва, начиная с сентября, революционное настроение рабочих масс снова начало наростать и вылилось в ряде выступлений, свидетельствовавших, что долготерпению рабочих масс наступает конец и приближается час решительной схватки с царизмом.

В Петербурге на этот раз стачки начались сразу на многих заводах, часто даже без призыва рабочих организаций, и постепенно начали переходить в открытые уличные столкновения.

При этом все чаще и чаще рабочая масса убеждалась, что выдвигаемая против нее военная сила далеко не так единодушно, как раньше, выполняет распоряжения администрации, но порой готова даже повернуть свое оружие против общих угнетателей.

Еще весной 1916 г. во время усмирения волнений донецких шахтеров солдаты неоднократно отказывались применять оружие против бастовавших рабочих, и хотя в конце концов во время этой стачки дело дошло до кровавых столкновений, но для правительства уже тогда стало ясным, что оно не может определенно рассчитывать при борьбе с „внутренним врагом“ на темноту солдатской массы, ибо среди мобилизованных солдат значительный процент составляли прежние рабочие, достаточно просветившиеся политически за предыдущие годы упорной борьбы.

В рабочих же массах такое поведение войск, наоборот, пробуждало бодрость и надежды, что в решительную минуту борьбы сердце пролетария, одетого в серую солдатскую шинель, подскажет ему, против кого надо обратить свое оружие.

В этом отношении особенно показательно было поведение солдат во время стачки на заводе Рено в Петербурге в октябре 1916 г.

Об'явив стачку и прекратив работы, рабочие всей массой пошли снимать другие заводы.

Тотчас же появились отряды полиции, стремившиеся разогнать стачечников. Особенно свирепо полицейский отряд набросился на толпу рабочих, собравшихся возле завода „Новой Лесснер", пустив в ход нагайки и шашки.

Рядом же с этим заводом находились казармы одного из запасных пехотных полков, и солдаты, находившиеся на дворе наблюдали всю сцену дикой расправы полиции с рабочими.

Когда полиция пустила в дело шашки, солдаты, страшно возмущенные этой расправой, вдруг повалили забор и бросились на выручку рабочих. Полиция в один момент была смята и обратилась в бегство.

Уже выступление рабочих Рено было чисто политической демонстрацией и протестом рабочих масс против произвола администрации и тягот войны; рабочие не выставляли никаких экономических требований и прекратили работу после того, как на заводе был распространен листок с.-демократической организации, даже не содержавший призыва к стачке, а лишь об'являвший „войну войне".

Еще более энергично вскоре откликнулся петербургский пролетариат на другой призыв с.-демократической организации— протестовать против военного суда над моряками балтийского флота, участвовавшими в революционной организации.

В день суда над матросами 26 апреля 1916 г. 13.000 петербургских рабочих единодушно прекратили работы, демонстрируя свою солидарность с революционными работниками флота.

А когда заводчики, возмущенные этим внезапным трехдневным перерывом эксплоатации рабочей силы, желая наказать бастовавших, об'явили локаут, настроение еще более повысилось и грозило вылиться во всеобщую стачку.

И только вмешательство правительства, прекрасно осведомленного о настроениях рабочей массы и боявшегося шутить с огнем, которое потребовало от предпринимателей немедленного прекращения локаута, на время отсрочило всеобщее выступление петербургского пролетариата.

Но вся окружающая общественно-политическая обстановка в стране была такова, что эта отсрочка не могла быть сколько-нибудь длительной.

Тяготы войны, расстройство всей экономической жизни, рост дороговизны, начавшиеся перебои в продовольствии—возрастали буквально с каждым днем.

Бессильное же справиться со всей надвинувшейся на страну разрухой правительство судорожно металось от одной паллиативной меры к другой, не только не улучшая создавшегося положения, но еще более затягивая неразрешимый узел общественных противоречий своей близорукой политикой.

Пытаясь спасти основы абсолютной монархии и отвергая вследствие этого какое бы то ни было соглашение, даже с цензовым представительством страны в лице IV Государственной Думы, правительство Николая II тем самым восстановляло против себя самые умеренные группы населения и создавало вокруг себя абсолютную пустоту.

Разложение двора, распад царствовавшей камарильи, ярко выразившиеся в распутинской истории, довершались в последние месяцы существования монархии бесконечной министерской чехардой, во время которой чуть ли не с кинематографической быстротой одна политическая бездарность сменяла другую, чтобы вслед за тем уступить место еще большему убожеству.

А на фоне неизбежной, приближавшейся гигантскими шагами гибели монархии, привилегированные классы—дворянство и буржуазия всячески изощрялись, чтобы возможно прибыльнее для себя использовать на редкость выгодную кон'юнктуру разорявшей страну войны и общественной разрухи. Буржуазия во-всю спекулировала исчезавшими с рынка товарами, грабила казну на военных заказах, выжимая в то же время каждый лишний грош у эксплоатируемой рабочей массы.

Помещики в свою очередь стремились использовать в своих интересах продовольственные затруднения, фрондируя при малейших попытках власти нормировать цены и тем самым положить предел их алчным аппетитам.

Революционные выступления пролетариата временами пугали его классовых противников, но не могли заставить их отказаться от политики группового эгоизма во имя оздоровления всей общественной обстановки. Некоторое сплочение либеральных слоев буржуазии, проявившееся особенно сильно к концу 1916 г. и выразившееся в ряде с'ездов общественных организаций, в значительной степени отражало на себе этот испуг перед ростом революционных настроений в общественных низах и в особенности среди пролетариата. Еще и до этих с'ездов наиболее дальновидные

представители отечественной промышленной буржуазии предприняли попытку привлечь рабочий класс к сотрудничеству во имя „спасения родины".

В результате этой попытки при военно-промышленных комитетах были организованы „рабочие группы", задачей которых промышленники довольно откровенно ставили „выяснение условий повышения производительности заводского труда" и содействие более успешной работе на оборону страны.

Правда, сама рабочая группа, входившая в состав Центрального Военно-промышленного комитета, пыталась определить свои задачи по иному, намечая, на-ряду с содействием мобилизации промышленности, также урегулирование продовольственного вопроса, продвижение социального законодательства, организацию охраны труда, активное участие в создании рабочей кооперации, содействие организации профессиональных союзов, бирж труда и т. д.

Но, к сожалению, в самой основе программы деятельности „рабочей группы" лежал ложный принцип классового сотрудничества, который сводил на нет все ее попытки активного и всестороннего вмешательства в хозяйственную и промышленную жизнь страны.

Само создание „рабочей группы" не обошлось без борьбы внутри рабочего класса, значительная часть которого под влиянием агитации с.-демократического комитета партии считала „принципиально недопустимым участие представителей пролетариата в организации, каким-либо образом способствующей войне".

И при первоначальном собрании уполномоченных представителей фабрик и заводов Петербурга, происходившем 27 сентября 1915 г., решено даже было совершенно воздержаться от вхождения в Военно-промышленный комитет. Но затем, после соответствующей подготовки, на втором собрании уполномоченных, состоявшемся 29 ноября того же года, вопрос был перерешен и разрешен в утвердительном смысле.

Борьба, однако, против участия рабочих представителей в Военно-промышленных комитетах не прекращалась, а когда достаточно выяснилось, что „рабочие группы" совершенно бессильны в деле защиты реальных интересов пролетариата, от них отошло и большинство их прежних сторонников.

Когда же сама „рабочая группа" при Центральном Военно-промышленном комитете попыталась выступить более активно, она немедленно была арестована.

К концу 1916 и началу 1917 г. настроение рабочих масс было уже определенно оппозиционным по отношению к войне и воззвания Петербургского комитета и других организаций соц.-дем. партии, направленные против империалистической бойни, встречали в рабочих кругах все больше и больше сочувствия.

Выступления рабочих масс не только не ослабевали, но все больше и больше усиливались.

За январь и февраль 1917 года было зарегистрировано 1.330 отдельных стачек с числом участников до 700.000 рабочих; огромное большинство этих выступлений носило ярко политический характер.

Рабочий класс во всех последних выступлениях демонстрировал свою готовность к решительной схватке, по мере сил и возможности готовился к ней, ожидая только повода, который бы возможно глубже всколыхнул народные массы и толкнул их на последнюю и решительную схватку с царизмом.

Но не надо забывать, что к этому новому этапу своего развития русский рабочий подходил так же мало организованным, как и в предыдущую бурную эпоху 1905 года.

XXXIII.

Рабочий класс в февральской революции.

Февральский переворот был осуществлен петербургским пролетариатом при поддержке некоторых частей местного гарнизона, также значительно пополненного мобилизованными рабочими.

Разложение изжившей себя окончательно монархии к этому моменту дошло, как мы указывали выше, до таких пределов, что у нее почти совершенно не оказалось приверженцев и прогнившее насквозь здание абсолютизма, созданное и поддерживаемое столетиями, рухнуло на глазах всего мира в каких-нибудь два—три дня.

Петербургский переворот был поддержан единодушно всей страной и всей армией, и в защиту Николая II выступала на местах только полиция, да отдельные представители власти, бессильные противостоять общенародному движению.

Как тогда говорилось с легкой руки либеральной прессы, февральская революция осуществилась в стране бескровно; по отношению к остальной России, которой пришлось считаться уже с фактом свержения самодержавия в столице империи, поддержанным армией, стоявшей на фронте, это было, пожалуй, верно, но в самом Петербурге рабочий класс добыл свою победу ценою довольно значительных жертв.

Умиравший абсолютизм, сознававший, что он не может рассчитывать всемерно даже на защиту войска, попытался в последний раз дать решительный бой, безнадежно мечтая в потоках народной крови утопить волю к свободе и к жизни своего смертельного врага—пролетариата.

Правительство Николая II уже со средины 1916 г. усиленно готовилось к подавлению революционных выступлений, обучая для этого полицейские кадры, снабдило их с явным ущербом для действующей армии огромным количеством пулеметов и разработало детальный план обороны Петербурга на случай восстания рабочих масс.

Весь город был разделен на районы и участки, во главе каждаго были поставлены особо назначенные, ответственные лица, к каждому участку были прикреплены специальные полицейские

резервы, наконец, повсюду были выбраны наиболее удобные пункты, с которых наиболее легко можно было бы пулеметным огнем расправляться с восставшими народными массами.

Но все эти меры оказались бессильными против напора революционной стихии, опрокинувшей все расчеты реакционной власти.

Поднявшийся на последнюю борьбу с самодержавием в исторические дни 26—28 февраля (ст. стиля) петербургский пролетариат своим героизмом сумел заразить и часть петербургского гарнизона, и это сразу же решило судьбу монархии.

Все судорожные попытки ее сторонников спасти свое положение привели лишь к тому, что в эти дни решающего выступления пролетариату пришлось понести достаточно жертв, и его победа была куплена достаточно дорогой ценой.

Вряд ли можно петербургские февральские события рассматривать, как вполне организованное выступление пролетариата на решительную борьбу, как это изображается в некоторых воспоминаниях и описаниях.

Во всем движении преобладал несомненно стихийный элемент, почти полумилионная рабочая масса Петербурга всколыхнулась на почве продовольственных неурядиц, недостатка хлеба, ограничения его выдачи. Но это был именно только толчок, только последняя капля, переполнившяя чашу народного долготерпения и давшая возможность вылиться наружу целому морю негодования и возмущения, накопленного рабочими массами за годы бесправия, войны и разрухи.

Роль существовавших в тот момент, как подпольных, так и легальных рабочих организаций в февральском движении была очень скромна. Было бы неправильно отрицать за ними какое бы то ни было значение, но они несомненно не в силах были не только руководить движением, но даже правильно его оценить.

О легальных организациях пролетариата, уцелевших в период войны не приходится и говорить: почти все они, немногочисленные вообще, влачили жалкое существование и о руководящей роли не могли и мечтать.

Но даже и действовавшие в то время нелегальные организации, пользовавшиеся известным влиянием в рабочих массах, могли вести работу в довольно узких рамках и не могли охватить всего движения в целом.

В то время в Петербурге действовало по меньшей мере три: более или менее крупных с.-демократических организации 1) Петербургский комитет с.-демокр. партии (большевистский),

2) инициативная группа соц.-демократов меньшевиков и 3) междурайонный комитет.

Наиболее мощным и активным был несомненно Петербургский комитет, но и он склонен был в решительные дни ограничить выступление рабочих масс трехдневной забастовкой. И только активное вмешательство представителей бюро центрального комитета партии помешало осуществлению этого неверного шага.

Точно так же и в призывах Петербургского комитета, изданных им в момент решающих событий, не чувствовалось ясного понимания всей окружающей обстановки.

Листок, редактированный комитетом 25 февраля, в обычных энергичных выражениях громил царизм и буржуазию, но не давал настоящаго лозунга дня.

„Поднимайтесь все!—говорилось в нем.—Организуйтесь для борьбы! Устраивайте комитеты Российской социал-демократической рабочей партии по мастерским, по заводам, по районам, по городам и областям, по казармам, по всей России. Это будут комитеты борьбы, комитеты свободы. Об'ясняйте крестьянам, горожанам, солдатам, что их спасение только в победе социал-демократов".

Ясно, что авторы листка предвидели довольно длительный период борьбы и агитации и не представляли себе, что уже через день им предстоит решать самим вопрос о власти и быть свидетелями победы революции.

К тому же и технические и материальные средства, которыми располагали подпольные с.-демократические организации были очень скромны и даже мизерны. Притока сил и средств в организации, наблюдавшегося в 1905 г., теперь почти совершенно не было.

Большинство агитационной литературы печаталось в очень ограниченном количестве экземпляров, совершенно недостаточном для вовлеченных в движение рабочих масс. Только в одном отношении несомненна в эти исторические дни заслуга и роль с.-демократических организаций и, в первую очередь, Петербургского комитета партии.

Когда движение стало разростаться, охватывая весь рабочий Петербург, среди рабочих масс зародилась мысль, что для отпора полиции боевой задачей дня должна быть организация вооруженных рабочих дружин. Представители заводов буквально начали засыпать подобными требованиями Петербургский комитет партии.

Но последний в ответ на эти требования настойчиво указывал, что одни боевые дружины рабочих не смогут противостоять вооруженной силе войска и полиции, что необходимо во что бы то ни стало использовать колеблющееся настроение казарм усилением до возможных пределов агитации среди солдат, чтобы побудить последних стать сознательно на сторону революции, так как только присоединение армии в состоянии обеспечить победу народа.

Эти настойчивые указания организации в конце концов возымели свое действие. Проникнув в сознание широкой рабочей массы, эта идея вовлечения в движение и армии нашла в рядах пролетариата десятки тысяч агитаторов, стремившихся всеми возможными способами войти в общение с казармами. Успех этой агитации и решил судьбу революции.

Хронологически развертывание февральской революции происходило следующим образом.

Уже подготовка к празднованию 9 января и выступление петербургского и московского пролетариата в этот день свидетельствовали о повышении революционного настроения рабочих масс. В особенности это ясно чувствовалось в Петербурге, где в движении приняло участие до 300.000 рабочих; в некоторых рабочих районах, как, напр., Выборгском, за Невской заставой, удалось осуществить всеобщую приостановку работ. Бастовали все наиболее крупные заводы столицы, большинство типографий, благодаря чему на следующий день не могли выйти газеты. По заводам повсюду оживленно проходили митинги, несмотря на противодействие полиции.

В Москве в этот день стачка охватила до 30% всего рабочего населения, приостановив также работу наиболее крупных заводов и фабрик.

Помимо митингов, в Москве в этот день были многочисленные попытки устройства демонстраций с революционными возгласами, красными знаменами, и некоторые из них были удачны.

Вслед за этим выступлением оборонческие группы, и в первую очередь—„рабочая группа“ Военно-промышленного комитета, начали широкую агитацию за поддержку рабочими борьбы прогрессивной части Государственной Думы с правительством.

Это новое выступление приурачивалось ко дню открытия Думы 14 февраля, и уже с начала февраля агитационная кампания за стачку и организацию рабочей манифестации к Таврическому дворцу развернулась во всю.

Часть с.-демократических организаций, в том числе и бюро центрального комитета партии, решали поддержать эти выступления, приняв участие в движении, но выдвинув одновременно свои собственные, более решительные революционные лозунги.

Межрайонный комитет и инициативная группа с.-демокр. меньшинства были против выступления.

Но Петербургский комитет партии, соглашаясь на выступление, в тоже время желал отмежеваться от оборонцев не только лозунгами, но и днем выступления. С этой целью он выпустил листки, призывавшие рабочих, вместо хождения к Думе 14 февраля, ознаменовать стачкой и демонстрацией день годовщины суда над с.-демократическими депутатами, сосланными в 1915 г. в Сибирь—10 февраля. Рабочие массы призывались к выступлению не к Таврическому дворцу, а на Невский проспект.

К сожалению, эта дата была выбрана более чем неудачно, так как приходилась на масленицу и на день выдачи заработной платы.

В результате этой разноголосицы с.-демократических организаций единодушного выступления пролетариата в эти дни не получилось. Но на многих заводах Петербурга все же были стачки, устраивались митинги; всего в движение было вовлечено до 80.000 рабочих. Рабочие, однако, не пошли ни к Думе, ни на Невский.

Некоторый отклик это движение нашло и в Москве: еще 13—14 февраля прекратили работу заводы Динамо, Бари, Сокольничьи мастерские военного снаряжения и ряд других.

Для большинства работавших в то время в рабочей среде с.-демократических организаций, хотя и было ясно повышение революционного настроения рабочих масс, но близость решающих событий ускользнула от их внимания.

Отказ петербургского пролетариата поддержать призыв комитета партии выступить открытой демонстрацией на Невском проспекте, казалось, говорил за то, что настроение рабочих масс еще недостаточно созрело для активных выступлений.

А между тем не прошло и десятка дней, как тот же пролетариат мощно стал рвать сковывавшие его цепи, разрушая вековое здание абсолютизма.

Об'ективно разбираясь в этих событиях теперь нельзя поэтому не прийти к выводу, что уже и в средине февраля решающее революционное выступление пролетариата имело бы место, если бы этому не помешала с одной стороны фракционная борьба с.-демократических организаций, и если бы, с другой, лозунгом

борьбы было выставлено то, что наиболее сильно затрагивало и волновало рабочие массы.

18 февраля неожиданно вспыхнула забастовка в одной из мастерских Путиловского завода.

Причиной стачки, как и в 1905 г., было увольнение администрацией нескольких рабочих. Тотчас же по всем мастерским этого завода-гиганта состоялись митинги протеста, на них была избрана делегация, направленная к администрации с требованием немедленного возвращения уволенных.

В волнениях и переговорах прошло несколько дней; администрация не уступала и даже решила проучить рабочих.

Когда 22 февраля рабочие решили уже было приступить к работам, неожиданно был об'явлен расчет всем рабочим завода.

Это событие заставило путиловцев обратиться к поддержке остального пролетариата столицы, и стачка стала быстро разростаться.

На следующий день — 23 февраля — на ряде заводов были намечены митинги в честь „женского дня" или „дня работницы".

Все они под влиянием неожиданно вспыхнувшей и распространявшейся стачки прошли с большим под'емом и содействовали дальнейшему распространению движения.

А так как во многих районах в эти и предшествовавшие дни отсутствовал хлеб и исчезали другие продукты питания, почва для волнения и выступлений рабочей массы еще более расширялась, охватывая самые темные и робкие слои рабочего населения столицы.

Уже 23 февраля стачки и волнения приняли довольно внушительные размеры, начались уличные столкновения, и рабочие стремились из окраины в центр города, чтобы открыто заявить свой протест.

К 24 февраля движение еще более расширилось; в стачке уже принимало участие около 200.000 петербургских рабочих, и мобилизованная полиция не в силах была сдерживать напор рабочих манифестаций, стремившихся по зову районных соц.-демократических организаций прорываться в город на Невский проспект.

На помощь полиции появились отряды войск и казаков, но действовали нерешительно.

Напряженность общественной атмосферы передавалась и солдатам, и даже казачьи раз'езды вели себя сдержанно.

Вот какую картину рисует один из очевидцев и участников февральских событий А. Шляпников в своих воспоминаниях о 1917 годе.

„Движение трамваев, извозчиков и автомобилей сокращалось с каждой минутой. Улицы были полны только пешеходами, собиравшимися в кучки.

„Кучки эти росли, превращались в громадные, останавливающие всякое движение толпы.

„Одна такая группа, возникшая по Невскому проспекту недалеко от Литейного, быстро выросла во всю ширину улицы. Появился над толпой оратор.

„Это был первый открытый митинг на Невском. Оратор призывал граждан к борьбе с самодержавным правительством, к борьбе со всеми бедствиями, которые несла и порождала война.

„Во время речи на толпу шагом двигался взвод казаков.

„Толпа не дрогнула, только лица, стоявшие близко от тротуаров, потеснилась ближе к домам.

„Оратор смолк; все ждали, как поведут себя казаки.

„Наступила глубокая тишина, раскалываемая звоном конских подков.

„Тысячи глаз следили за каждым движением под'езжавших казаков. Как будто инстинктивно все придавали этой встрече рабочих с казаками определяющее значение не только сегодняшняго дня.

„Казаки—это была часть армии, наиболее чуждая рабочему классу и революционному движению. Понятен был всеобщий интерес к этой небольшой, но многозначительной встрече.

„Не знаю, что подействовало на казаков — передалось ли им напряженное состояние тысяч устремленных на них молчаливых, но много говорящих взглядов, или то был сознательный шаг, но только взвод тихим шагом рассыпным строем, разделившись одиночно, но порядком, прошел через толпу.

„Может быть, это была их казачья воля, их решение избегать столкновений,—испуга ни с той ни с другой стороны не было здесь. Для многих тротуарных зрителей этот маленький исторический эпизод был нечто вроде красивого жеста казаков, который заслуживал театрального одобрения.

„С тротуаров последовали возгласы браво и аплодисменты.

„Но в густой толпе к этому отнеслись иначе. Там почувствовали, что и под казачьим мундиром бьется недовольное, возмущенное царистской политикой сердце.

„Армия с нами“,—пронеслось по толпе. Рабочие вновь сомкнулись; оратор продожал свою речь о вовлечении армии в революционную борьбу“ *).

К 25 февраля стачка в Петербурге приняла характер всеобщей. К движению примкнули самые отсталые заводы, трамвайные парки, типографии, мелкие мастерские и торговые заведения. Остановился трамвай, перестали выходить газеты.

Вся полиция была снята с обычных постов и размещена по охране правительственных зданий, при переходах из окраин в город и появлялась только целыми отрядами.

По всем рабочим районам с утра шли митинги, собирались в кучки и толпы и повсюду из уст в уста передавалось: „Сегодня к Казанскому собору!“

Власти деятельно готовились к отпору демонстрантам; на полицейских участках и на многих высоких зданиях открыто, на глазах у всех, устанавливались пулеметы.

Все улицы в центре города, в особенности Невский, Литейный пр. и прилегающие к ним, а также Казанская и Знаменская площади были заняты полицией, жандармами и войсковыми частями, и весь город принял вид военного лагеря.

Но, несмотря на все принятые полицией меры, к полудню в центр города стало проникать все больше и больше рабочих.

Они проникали повсюду, где только являлась малейшая возможность; прокладывали новый путь по льду, умело обходили полицейские заслоны, а порой и опрокидывали их.

Вскоре все центральные улицы оказались заполненными десятками тысяч пролетариев.

Под натиском вооруженных полицейских сил толпы рабочих переливались с одного места на другое, рассыпаясь при приближении полицейского отряда и, пропустив его, смыкались снова.

Порою полиция бросалась на толпу в атаку, встречая не менее серьезный отпор со стороны рабочих. Присутствующие на улицах войска в этих стычках участия не принимали. Солдаты стояли молча, угрюмые и недовольные.

К концу дня атаки полиции усилились; во многих местах в городовых и жандармов сыпались камни, палки, осколки льда. Полиция открывала беспорядочную стрельбу по безоружной толпе, были уже убитые и раненые.

---

*) А. Шляпников. Семнадцатый год. стр. 88—89.

По отношению к войскам рабочая толпа вела себя как бы инстинктивно иначе, всячески избегая столкновений и, наоборот, стремясь вступить с ними в общение.

Неоднократно демонстрантам, несмотря на противодействие офицерства, удавалось разрывать стройную шеренгу солдат, смешиваясь с ними и вступая в споры и беседы.

Особенно бесстрашно вели себя женщины, когда по команде офицера, при приближении толпы, солдаты брали ружья на перевес, женщины бросались вперед, хватались за солдатские винтовки и приводили солдат в полное смущение.

На Знаменской площади рабочие особенно энергично сопротивлялись попыткам полиции их разгонять. Здесь больше всего было кровавых стычек, и был случай, когда на защиту рабочих, подвергшихся зверскому разгону полиции, выступил казачий отряд. Между казаками и полицейскими произошла настоящая стычка, энергично поддержанная рабочими, восторженно приветствовавшими казаков. Во время этой схватки довольно серьезно был ранен шашкой один полицейский офицер.

Только поздним вечером полиции удалось справиться с демонстрантами и постепенно очистить от них город, но рабочая масса уходила с поля битвы не как побежденная, а как победительница. Сопротивление, оказанное ею полиции в течение стольких часов, колеблющееся настроение войск и казаков, вселяли в сердца рабочих бодрую уверенность, что еще один могучий напор, и движение приведет к победному концу.

Расходясь по своим районам с демонстрации, рабочие призывали друг друга на завтра явиться снова с еще большими силами.

Десятки тысяч из них с утра следующего дня повели у себя по районам могучую агитацию еще больше усилить борьбу, призывая самых отсталых и темных товарищей примыкать к движению.

Другие тысячи отдали свою энергию агитации среди расквартированных по окраинам города войсковых частей, призывая и их примкнуть к движению. Этот же лозунг возможно более широкой и энергичной агитации среди солдат был поддержан и с.-демократическими организациями.

Полиция между тем так же энергично готовилась к новым столкновениям и успела за ночь произвести массу арестов, захватив, между прочим, весь состав Петербургского социал-демократического комитета.

Уже с ранняго утра Петербург принял необычный вид.

Весь центр города был заполнен отрядами полиции, пешей и конной, жандармскими эскадронами и войсковыми частями, выведенными из казарм в значительно большем числе, чем накануне.

Все проходы и переправы из районов охранялись полицией с удвоенной силой.

Рабочие же районы с ранняго утра наполнялись празднично одетой пролетарской толпой, возбужденно спешившей пробраться к центру.

Целыми толпами двигались рабочие по льду Невы, обходя, где можно, заставы, скапливались возле солдатских цепей, вступая с последними в разговор и зачастую в конце концов прорывая блокаду.

К полудню на Невском проспекте в разных местах начались манифестации, появились красные знамена, раздались звуки революционных песен, стали выступать ораторы.

Полиция сразу же стала применять оружие против демонстрантов. В 3 часа дня на Невском пали первые жертвы этого дня.

Демонстрировавшая толпа отвечала энергичным отпором; кое-где из толпы раздавались револьверные выстрелы в ответ на полицейские залпы.

Когда выяснилось, что одними усилиями полиции рассеять демонстрантов не удастся, в помощь пешей и конной полиции выступили полицейские пулеметчики, начавшие сверху расстреливать безоружную толпу.

Революционная толпа быстро очистила средину улицы, прижалась к стенам домов, но улиц не покидала.

Войска и в этот день вели себя сдержанно, стремясь нигде не принимать активного участия в подавлении движения, но в отдельных местах начальство все же заставило солдат пустить в ход оружие. Соприкосновение же их с рабочей массой происходило во многих пунктах; рабочие повсюду, где только было возможно, вели среди солдат агитацию, заражая и их чувством протеста.

Солдатская масса чутко воспринимала эти рабочие речи и местами выражала явное сочувствие демонстрантам.

Это же поведение солдат заражало демонстрировавших рабочих небывалым воодушевлением и энтузиазмом.

Когда же к вечеру среди демонстрантов из уст в уста стали передаваться сведения, что одна из воинских частей перешла на сторону народа, ликованию рабочих не было конца.

Сотнями жертв заплатил петербургский пролетариат за этот день своего революционного выступления, но добиться решительной победы самостоятельно ему никак не удавалось и для всех сознательных рабочих становилось ясно, что необходимо еще более усилить агитацию среди войск, чтобы окончательно переломить их колеблющееся настроение.

Тут же на площадях и улицах Петербурга от группы к группе передавалось решение продолжать борьбу и в следующие дни, удесятерив агитацию среди воинских частей, дабы толкнуть и их на решительное выступление, а через них получить оружие и для рабочих.

Между тем, в казармах действительно было не спокойно. Солдатская масса, среди которой было немало недавно мобилизованных рабочих, столкнувшаяся лицом к лицу с рабочими демонстрантами, глухо волновалась, протестуя против попыток навязать ей роль усмирителя.

Агитация рабочих доходила до казармы многочисленными путями и усиливала и без того возбужденное настроение солдат; офицерство учитывало эти настроения солдатской массы, терялось само и в большинстве случаев стремилось воздерживаться от активного вмешательства в подавление демонстраций, так как не было уверено в исходе их.

Казалось, что необходим только толчок, чтобы колеблющееся настроение войск перешло в активную помощь демонстрантам.

И таким толчком послужили первые же попытки привлечь солдат к расстрелу рабочих демонстраций.

Первыми заволновались солдаты Павловского полка, возмущенные тем, что одна их рота приняла участие в стрельбе по рабочим.

Павловцы успели даже выступить из казарм, но выступили почти безоружными; прорваться в центр города им не удалось, и их ожидала бы суровая кара, если бы вслед за ними не поднялись другие полки.

Более удачным оказалось выступление Волынского полка.

26 февраля отдельным ротам этого полка пришлось активно выступать против демонстрантов, солдаты старались стрелять поверх толпы, но все-таки никак не могла примириться с мыслью, что они являются палачами рабочей массы.

Всю ночь после этого в казарме шли разговоры о пережитом, и большинство солдат высказывалось в том смысле, что больше никогда не поднимут оружия против рабочих.

На утро, за час до назначенного выступления в одной из рот полка состоялся солдатский митинг, на котором окончательно было решено перейти на сторону народа, чтобы загладить свое вчерашнее поведение.

Вся рота, как один человек, тотчас же вооружилась и двинулась поднимать остальные роты и команды полка.

Через несколько минут колючая щетина солдатских штыков покрыла весь двор Волынских казарм.

Перед вооруженным полком выступил один из унтер-офицеров т. Кирпичников, произнесший небольшую речь и предложивший солдатам немедленно же идти поднимать соседние Преображенский и Литовский полки.

Оба полка немедленно присоединились в восставшим. Настроение солдатской массы повсюду было очень возбужденным и достаточно было только примера волынцев, чтобы полк за полком неудержимо начал переходить на сторону народа.

Сопротивление полиции солдаты преодолели шутя.

Многотысячной лавиной, но стройными рядами и в боевом порядке выливалась восставшая солдатская масса на Литейный проспект.

Здесь ей пришлось преодолеть новое сопротивление, так как с той стороны Литейного моста засела полицейская застава и все время трещал пулемет.

Но скоро и это сопротивление было сломлено. К восставшим после небольшого колебания присоединился Московский полк, и в ряды солдат стали вливаться тысячами рабочие, которые также приняли участие в дальнейшей вооруженной борьбе, раздобыв для себя оружие из солдатских цейхгаузов.

Отсюда вооруженные отряды рабочих и солдат стали направляться во все части города, повсюду преодолевая сопротивление полиции и жандармов, захватывая в свои руки склады оружия и средства передвижения.

Еще быстрее их весть о переходе войск на сторону народа разнеслась по всему городу и облегчила восставшим завершение победы над старой властью.

Никто не управлял, не руководил деятельностью вооруженных отрядов рабочих и солдат, но они сами умело справлялись с последними попытками сторонников самодержавия удержать уходившую из их рук власть и усмирить восставшую стихию.

Первые отряды направились на штурм тюрем и полицейских участков и без особого труда овладели ими, освобождая повсюду заключенных.

Весь день 27 февраля до поздней ночи продолжалась вооруженная борьба. Один район города за другим переходил в руки восставшаго пролетариата, и к вечеру оставались не захваченными лишь Зимний дворец, Адмиралтейство, в котором укрылось большинство министров царского правительства, да Петропавловская крепость.

Вскоре сдались и эти последние убежища приверженцев старой власти, и с 9 часов вечера того же 27 февраля в залах Таврического дворца стали собираться первые депутаты победившего пролетариата, чтобы положить начало новой революционной власти в лице Совета рабочих и солдатских депутатов.

XXXIV

От февральской революции к Октябрьской.

После победы пролетариата в Петербурге в каких-нибудь несколько дней власть самодержавного правительства была ликвидирована по всей России.

Пролетариат повсюду, по примеру Петербурга, немедленно же приступал к созданию Советов, в которых помимо рабочих получили представительство и солдатские массы. Скоро вся страна покрылась густой сетью таких Советов, являвшихся фактически органами новой революционной власти на местах.

В Петербурге же, на-ряду с Советом, в первые же дни революции Государственная Дума выделила из себя особый Временный Комитет, который в момент революционного переворота пытался взять в руки имущих классов ускользавшую от самодержавия власть.

В этот Комитет вошли лидеры всех думских партий, но доминировали в нем и задавали тон деятели прогрессивного блока Думы.

Еще до формального образования этого Комитета будущий председатель его М. В. Родзянко в качестве председателя Думы 26 и даже 27 февраля пытался сохранить самодержавие от неминуемой гибели, срочно донося в ставку Николаю II о серьезном положении в столице и настоятельно советуя монарху сделать уступки народу, чтобы спасти собственное положение.

„Положение серьезное,—гласила его первая телеграмма в ставку,—в столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Частью войска стреляют друг друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца".

На следующий день, когда петербургский пролетариат уже шел к окончательной победе, Родзянко предпринял вторично попытку спасти погибавшую монархию. Еще в более энергичных выражениях он сообщал в ставку:

„Положение ухудшается. Надо принять немедленно меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии".

Но царская власть оставалась глуха к советам председателя верноподданной Думы. Николай II отказался сделать тот шаг о котором его так умолял во имя спасения монархии Родзянко. И Временному Комитету Государственной Думы пришлось, благодаря этому, взять на себя самостоятельно почин в разрешении вопроса о власти.

28 февраля им были назначены особые комиссары из членов Думы во все министерства, а вслед затем был выдвинут вопрос о создании Временного Правительства.

Последнее окончательно было сконструировано 2 марта во главе с Г. Е. Львовым, причем буржуазные партии усиленно добивались участия в нем и представителей революционных партий Совета.

Но соц.-демократические организации, представленные в Совете, категорически отказались принять участие во Временном Правительстве, исходя из принципиальных соображений.

В состав Временного Правительства вошел только соц.-революционер Керенский, бывший в это время уже членом Исполнительного Комитета Петербургского Совета. Хотя формально Петербургский Совет и не давал своего согласия на такое вхождение, но фактически он его одобрил, приветствовав сообщение об этом самого А. Ф. Керенского дружными аплодисментами.

Но хотя Временное Правительство было образовано с согласия детища революции—Петербургского Совета, который в лице своего Исполнительного Комитета принял участие даже в выработке программы новой власти, тем не менее, как сам Петербургский Совет рабочих и солдатских депутатов, так тем более большинство провинциальных Советов вовсе не думали отказываться от власти.

А это сразу же повело к двоевластию, которое родилось вместе с февральской революцией и сопутствовало ей вплоть до Октября.

Советы рабочих и солдатских депутатов, являясь политическими организациями восставшей против царизма и победившей массы, продолжали проявлять свою волю к власти на местах и вовсе не склонны были ограничивать свою роль целями контроля общереспубликанского буржуазного правительства.

Столкновения их с буржуазией, стремившейся во что бы то ни стало сохранить все свои классовые привилегии и обуздать стихию революции, началось на второй же день после революции.

Петербургский Совет поспешил властно вмешаться в попытку думского Временного Комитета, еще раз договориться с павшей царской властью о сохранении монархии, заменив Николая II регентством Михаила Романова. И под влиянием этого вмешательства надежда буржуазии сохранить монархию отпала окончательно.

Также властно было вмешательство Совета в вопрос о судьбе самого Николая II и его семьи, которые по постановлению Совета были подвергнуты аресту.

Следующим крупным конфликтом Совета с буржуазной властью был опубликованный им приказ № 1 к солдатам, формулировавший гражданские права последних, изданный в противовес стремлениям буржуазии восстановить в войсках прежнюю дисциплину казармы и попытаться опереться на контр-революционное офицерство.

Быть может, в критике этого приказа было кое-что и верное, так как он действительно и вырабатывался и был издан в спешном порядке первых дней революции, но сама сущность его, заключавшаяся в признании за солдатом, активно решившим судьбу февральской революции, общегражданских прав, являлась неизбежным и логическим выводом из изменившихся общественных отношений, которые принесла с собою революция.

Мы не станем далее шаг за шагом следить за развертыванием событий февральской революции и непрекращавшейся борьбой общественных сил, ограничив свою задачу фиксированием внимания читателя лишь на главнейших событиях этой эпохи, выявивших борьбу рабочего класса.

Во главе Советов в этот период революции почти повсеместно оказались соц.-демократы-меньшевики и соц.-революционеры, которые вначале вообще были против участия во Временном Правительстве, исходя из оценки февральской революции, как чисто буржуазной, хотя и совершенной руками рабочего класса при поддержке армии.

Свою задачу в революции, не принимая участия во власти, они определяли необходимостью постоянно подталкивать буржуазию влево, чтобы обеспечить для рабочего класса и крестьянства максимум политических и экономических завоеваний и противодействовать всем возможным контр-революционным попыткам буржуазных партий.

Фактически при этой политике поддерживалась все время система двоевластия в стране, пагубно отражавшаяся на всем состоянии ее и усиливавшая внутреннюю разруху.

Соц.-демократы же большевики во главе с В. И. Лениным, прибывшем в начале апреля 1917 г. из-за границы, почти с самого начала революции выдвинули лозунг, чтобы вся полнота власти была взята революционной демократией, представленной в Советах.

Так как в начале революции это течение располагало в Советах слишком незначительным представительством и не могло поэтому оказать решающего влияния на судьбу вопроса о власти, соц.-демократы-большевики, правильно учитывая взаимодействие заложенных в Советах революционных возможностей и неизбежное обострение борьбы между Советами, как органами демократии и буржуазией, прекрасно использовали свое положение критикующей оппозиции. В защиту своего основного лозунга — передачи всей власти Советам, они повели неутомимую агитацию и постепенно стали завоевывать одну позицию за другой.

Об'ективно оценивая теперь существовавшую в то время общественную ситуацию, нельзя не признать, что в позиции соц.-демократов-большевиков, настаивавших на передаче всей полноты власти революционным организациям демократии, было более здоровое ядро, чем в противоположных попытках сохранения двоевластия.

К началу апреля уже вся страна была покрыта густой сетью Советов рабочих и солдатских депутатов, об'единявших до 20.000.000 человек, из которых около $^3/_4$ приходилось на армию, и таким образом рабочий касс растворялся в деклассированной солдатской массе, задававшей основной тон дальнейшему развитию революции. Решающую роль в движении стали, благодаря этому, играть вопросы о войне и земле.

Соц.-демократы-меньшевики и соц.-революционеры, руководившие деятельностью Советов первого созыва, исходя из основного своего положения о буржуазном характере революции, по обоим этим вопросам вскоре оказались позади настроений революционных масс.

Хотя происходивший в июне Всероссийский С'езд Советов оставил еще до поры до времени руководство в их руках, но уже определенно чувствовалось, что на смену им должна прийти новая партия в лице социал-демократов-большевиков (позднее изменившая свое название на „коммунистическую партию"),

выдвигавшая наиболее удовлетворявшее революционные массы разрешение основных вопросов революции.

По вопросу о земле, стремясь „развязать аграрную революцию" и учитывая настроения и чаяния крестьянства-соц.-демократы-большевики, порывая с прежним подходом рабочей партии к разрешению этого вопроса, выдвинули радикальное изменение своей программы, заменив ее формулировкой социализации земли, заимствованной ими у партии социалистов-революционеров, и дополнив последнюю требованием немедленной экспроприации всей земельной собственности.

Настроениям солдатских масс отвечал выдвинутый большевиками безоговорочный лозунг „Долой войну!", который и обеспечил довольно скоро за ними все симпатии солдатской части Советов.

В самом рабочем классе в дальнейшем развитии революции также нарастала неудовлетворенность достигнутыми результатами, так как экономическое положение его, вследствие усиливавшейся разрухи не могло значительно улучшиться, а промышленная буржуазия, привыкнув за годы войны к колоссальным прибылям, очень неохотно шла на уступки, всячески саботируя борьбу рабочих и порой даже не останавливалась перед сознательным стремлением временно вообще сократить производство.

Попытки общественного контроля над производством также не приносили реальных результатов.

Благодаря этому, в рабочих массах постепенно нарастало недовольство и в них все больше находили себе живой отклик выдвигавшиеся будущей коммунистической партией лозунги осуществления чисто рабочего контроля и национализации промышленности.

Первое серьезное столкновение пролетариата с Временным Правительством произошло в Петербурге уже в двадцатых числах апреля 1917 года.

19 апреля Временное Правительство опубликовало свою ноту к союзникам, в которой подтверждало все прежние договоры царского правительства и выдавало уже от своего имени обязательство довести мировую войну до решительной победы. Как только эта нота была опубликована, петербургский пролетариат ответил на нее 20 и 21 апреля грандиозной демонстрацией протеста. Петербург эти два дня буквально кипел. На Невском проспекте происходили столкновения рабочих и солдат, выступавших против Милюкова со сторонниками Временного Правительства. Буржуазия вынуждена была пойти на уступки, и Милюков должен был выйти в отставку.

Вместе с тем само Временное Правительство, почувствовав, что без поддержки Совета, почва у него ускользает из-под ног, стало настойчиво требовать, чтобы революционные партии, руководившие деятельностью Советов, приняли участие в работах Временного Правительства.

Так как соц.-демократы-меньшевики и соц.-революционеры не сразу согласились на этот шаг, создался временный правительственный кризис, затянувшийся до 5 мая, когда это решение было санкционировано решением Центральных Комитетов обеих партий и обставлено соблюдением всех требований, выставленных Амстердамским конгрессом Интернационала.

В основу деятельности созданного таким образом коалиционного министерства, в котором социалистическим министрам было предоставлено 4 места, Исполнительным Комитетом Петербургского Совета были положены следующие четыре пункта:

1) проведение активных мероприятий по прекращению войны на основе манифеста Петербургского Совета от 14 марта,

2) проведение финансовых реформ, облегчающих положение демократических слоев населения за счет имущих классов и регулирование промышленности,

3) ускорение созыва Учредительного Собрания и

4) осуществление подготовительных мер к разрешению рабочего и аграрного вопросов.

От партии с.-д.-меньшевиков в состав коалиционного Временного Правительства вошли: И. Церетелли в качестве министра почты и телеграфа и Скобелев—министром труда; от партии социалистов-революционеров—Чернов—министром земледелия и Керенский в качестве военного и морского министра.

Но коалиция буржуазии с демократией не внесла ничего нóвого. Буржуазия по прежнему не желала ничем поступаться и лишь пытáлась всячески использовать коалицию в своих интересах, оттягивая осуществление радикальных мероприятий, посягавших на ее карман, а за кулисами подготовляла силы для контрреволюционных авантюр. Министры-социалисты, даже опираясь на Советы, оказывались бессильными противодействовать всем этим махинациям.

К середине июня недовольство рабочих и солдатских масс политикой Временного Правительства снова прорвалось наружу. Во время демонстрации, инициатива которой исходила от большевиков, но организация была осуществлена Всероссийским С'ездом Советов, хотя большинство самого С'езда продолжало

поддерживать соц.-демократов-меньшевиков и соц.-революционеров, настроение демонстрантов в Петербурге уже определенно стало переходить на сторону большевиков.

Вместо выдвинутого С'ездом Советов лозунга демонстрации „Доверие Временному Правительству", на демонстрации доминировали знамена с возгласами „Долой министров-капиталистов!" и „Вся власть советам!"

3—5 июля демонстрация протеста рабочих и солдатских масс против коалиционной политики была повторена, на этот раз по почину бурлившей недовольством солдатской массы, а руководство ею взяла партия большевиков. В демонстрации приняло участие до 600.000 солдат и рабочих, требовавших, чтобы Центральный Исполнительный Комитет рабочих взял власть в свои руки.

Но последний, представленный партиями, которые не разделяли этого лозунга, ответил отказом, и движение революционных масс, благодаря этому, уперлось в тупик.

Такое расхождение между настроением рабочих и солдатских масс с одной стороны и их политическим представительством в советах находит свое об'яснение в том, что большинство советов, избранных в первые недели революции, перестало к этому моменту отражать успевшее измениться сознание своих доверителей.

Косвенным доказательством этого служили факты, показывавшие, что организации, сложившиеся несколько позднее, более верно отражали перемену настроений среди солдат и в особенности пролетариата.

Так, напр., ряд конференций фабрично-заводских комитетов, созданных на основе изданного Временным Правительством закона 23 апреля 1917 г., уже определенно становился в оппозицию политике Советов первого созыва и открыто примыкал к платформе с.-демократов-большевиков.

Не так ярко, но достаточно показательно это же самое явление иллюстрировала и III Всероссийская конференция профессиональных союзов, которые хотя и начали возрождаться с первых же дней революции, но успели оформиться только значительно поздней.

И на этой конференции, представлявшей свыше 1.000.000 организованных рабочих, также уже ясно намечался отход широких рабочих масс от партии с.-демократов-меньшевиков; почти половина делегатов конференции поддерживала платформу будущей коммунистической партии.

Дальнейшее течение событий революционного дооктябрьского периода по существу не внесло ничего нового в достаточно ясно наметившийся уже к июлю месяцу перелом настроений пролетариата, хотя и было богато разного рода драматическими эпизодами. Временное Правительство, пережившее несколько „кризисов власти", тщетно пыталось удержать в своих руках ускользавшую от него все больше и больше реальную власть.

Хотя выборы в городские и земские самоуправления, а равно и более поздние выборы в Учредительное Собрание, происходившие на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, продолжали сохранять иллюзию власти за партиями с.-д.-меньшевиков и соц.-революционеров, реальная сила активно-революционных масс все более и более определенно продолжала переходить в руки партии большевиков.

Поведение буржуазии, которая открыто становилась на сторону контр-революции, целым рядом кампаний пыталась противодействовать всем попыткам рабочего класса ограничить ее самодержавие в сфере промышленного производства и пред'являла ультиматумы капитала, угрожая закрытием фабрик и заводов, только ускоряли этот процесс обострения классовых противоречий, который на данной ступени развития рабочего класса должен был получить свое разрешение на путях Октябрьской революции.

Уже во время июльской демонстрации настроение петербургских рабочих масс было резко оппозиционно деятельности тогдашнего Петербургского Совета.

Вот, напр., какую сцену рисует в своих „Записках о революции" Н. Суханов:

„На заседание Питерского Совета вошла группа вооруженных рабочих. Один из них, путиловец, перед самым носом Чхеидзе выскочил с винтовкой на ораторскую трибуну и гневно закричал:

„Долго ли нам, рабочим, терпеть предательство? Вы собрались тут, разсуждаете, заключаете сделки с буржуазией. Так знайте, рабочий больше не потерпит.

„Нас тут, путиловцев, 30 тысяч. Мы добьемся свой воли. Никакой чтоб буржуазии! Вся власть Советам!"

А между этими полюсами непримиримых классовых настроений—приостановки производства, с одной стороны, и устранения буржуазии—с другой, тщетно металось Временное Правительство, возглавляемое социалистом-революционером Керенским.

Попытка Временного Правительства загнать партию большевиков после июльских дней в подполье, не только не дала

желательных результатов в смысле прекращения их агитации, но привела к прямо противоположным результатам.

Еще более обострив недовольство рабочих и солдатских масс, она толкнула большевиков на путь подготовки революционного захвата власти.

Контр-революционное выступление Корнилова, который накануне выступления вел какие-то, оставшиеся неясными, переговоры с главой Временного Правительства Керенским, также содействовало изоляции Временного Правительства, а быстрая ликвидация этого выступления, осуществленная инициативой самой революционной массы, предрешала уже тогда исход борьбы между сторонниками коалиции и приверженцами передачи власти Советам.

Вскоре настроение всего петербургского пролетариата и гарнизона окончательно определилось, как большевистское, во главе переизбранного Петербургского Совета стал Л. Д. Троцкий и партия с.-д.-большевиков, опираясь на волю революционных масс, стала открыто готовиться к перевороту, который и был осуществлен ею 25 октября 1917 г. накануне созыва Второго Всероссийского С'езда Советов.

БИБЛИОГРАФИЯ
по рабочему движению в России.

Сочинения общего характера и охватывающие историю рабочего движения в России в целом.

Аксельрод, П.—История революционного движения в России. М. „Борьба". 1906 г.

Ангаретис.—История революционного и рабочего движения в Литве. Т. I. Изд. „Библиотека Коммуниста". 1921 г.

Батурин.—Очерк истории с.-дем. в России. М. 1906 г.

Балабанов, М.—Очерки по истории раб. класса в России. Т. I. и II. Киев. 1924 г.

Библиотека общественных движений в России. Вып. I—III.

Биск.—Экономическая и политическая борьба рабочего класса в России. „Нов. Библиотека", № 20.

Бочкарев.—Очерк истории революционного движения в России. Изд. „Русский Книжник". М. 1918 г.

Бубнов, А.—Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России. Могилев. 1921 г.

Булкин.—Рабочий класс и рабочая партия. СПБ. 1914 г.

Вардин.—Краткая история партии коммунистов. Омск.

Вологдин, А.—Революционное движение в России. СПБ. 1906 г.

Гриневич.—Профессиональное движение в России.

Зиновьев.—Из истории нашей партии. СПБ. 1917 г.

Зиновьев и Ленин.—Против течения. СПБ. 1918 г.

Зиновьев, Ильин, Каменев.—Марксизм и ликвидаторство. СПБ. „Прибой". 1914 г.

Идельсон, А. Д.—Двадцать лет Бунда. 2-е изд. СПБ. 1918 г.

Ильин, В.—Развитие капитализма в России. СПБ. 1918 г.

История России в XIX веке. Изд. т-ва Гранат.

Календарь русской революции. Под ред. Бурцева.

Каменев, Л.—История партии коммунистов в России и Ленин. 1919 г.

Каменев, Л.—Ко дню 50-летия со дня рождения В. И. Ленина. Москва. 1920 г.

Ключевский.—Курс русской истории.

Линдов.—Краткий очерк истории Росс. с.-дем. рабочей партии Изд. „Муравей". Петр. 1917 г.

Ленин, Н.—Собрание сочинений. Гос. Изд.

Левицкий, В.—Исторический очерк развития Рос. с.-дем. рабоч. партии. М. 1917 г.

Луначарский.—Великий переворот. Петр. 1919 г.
Лядов, М.—История Рос. с.-дем. рабочей партии, ч. I. Изд. „Колокол" СПБ., ч. II. Изд. „Зерно" СПБ.
Мартов, Л.—История российской с.-дем. 1918 г.
Его же.—Красное знамя в России. Изд. II. 1905 г.
Его же.—Пролетарская борьба в России.
Его же.—Развитие крупной промышленности и рабочего движ. в России.
Материалы к истории еврейского рабочего движения в России „Трибуна" СПБ. 1906 г.
Невский, В.—Очерки по истории РКП. „Прибой". 1924 г.
Неманов, Л.—Экономическое положение еврейского пролетариата в России. Изд. „Донская Речь".
Никодимов.—Сельские рабочие, их жизнь и борьба. СПБ. 1917.
Общественное движение в России в XIX ст. под редакцией Л. Мартова, П. Маслова и Потресова, Т.т. I—IV. Издание „Общ. Польза".
Озеров, проф.—Политика по рабочему вопросу за последние годы.
Пажитнов.—Рабочее движение в России. СПБ. Изд. „Н. Мир".
Его же.—Положение рабочего класса в России. СПБ. „Н. Мир".
Его же.—Развитие социалистических идей в России. Том I. Харьков. 1916 г.
Плеханов, Г.—За 20 лет. Сборник статей. СПБ. 1906 г.
Плохоцкий, Л.—Современная Польша и ее современное развитие. 1906 г.
Покровский, М.—Русская история с древнейших времен. Т. I—IV.
Его же.—Очерк истории русской культуры.
Поссе, В.—Рабочие стачки. Очерк IV, Россия. Петр. 1906 г.
Прокопович, С.—К рабочему вопросу в России. СПБ. 1908.
Его же.—К истории стачек в России. „Вестн. фабричн. законодат." за 1905 г. № 3.
Рафес, М.—Очерки по истории Бунда. М. Изд. „Московский Рабочий". 1923 г.
Рожков, Н.—Обзор русской истории с социалист. точки зрения. СПБ. 1903—1905 г.г.
Его же.—Русск. история в сравнит. историч. освещении. Изд. „Книга".
Его же.—Экономич. развитие России в перв. пол. XIX в. Изд. Гранат.
Святловский.—Фабричний рабочий. Варшава. 1884 г.
Его же.—Профессиональное движение в России. СПБ. 1907 г.
Его же.—Указатель литературы по профессиональному движению. 1917 г.
Серафимович.—Рабочее движение в России. Издание „Книга и жизнь". М. 1917 год.
Сибиряк, Н.—Рабочий пролетариат в России „Труд и Воля". 1906 г.
Спиридович.—Росс. с.-демокр. рабоч. партия. 1914 г.
Стеклов, Ю.—Борцы за социализм. М. 1914 г.

Его же.—Историч. подготовление русской с.-демократии. СПБ. Изд. „Свободный Труд". 1906 г.
Суханов, Н.—Записки о революции. СПБ. 1919 г.
Туган-Барановский, М.—Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПБ. 1907 г.
Тун.—История революц. движения в России.
Фриче, В.—Рабочее движение в России. Изд. „Денница"
Череванин, Меч, Горн.—Борьба общественных сил в русской революции.
Чернышев.—Памятная книжка марксиста. Издание II. „Жизнь и Знание". 1917 г.
Шелавин.—Рабочий класс и его партия. Петр. 1923 г.
Шилов.—Что читать по истории револ. движения.
Янжул.—Детский и женский труд в России и Англии. „Отеч. Зап.". 1880 г.

Возникновение крупной промышленности в России.

Балабанов, М.—Очерки по истории рабочего класса в России. Том I.
Зак.—Промышленный капитализм в России.
Залкинд.—История русской фабрики „Колокол". 1906 г.
Ключевский.—Курс русской истории.
Костомаров.—Очерк торговли Московского государства в XVI—XVII в. СПБ. 1862 г.
Кулишер, И. проф.—История русской торговли до XIX века. СПБ. 1913 г.
Лаппо-Данилевский.—Русские промышленные и торговые кампании в первой половине XVIII в.
Милюков, П.—Государственное хозяйство в России и реформа Петра I. СПБ. 1892 г.
Покровский, М.—Русская история с древнейших времен.
Рожков, Н.—Город и деревня в русской истории 1904 г.
Туган-Барановский, М.—Русская фабрика в прошлом и настоящем.
Его же.—Краткий очерк истории русской промышленности. Изд. „Скирмунта". 1906 г.
Фирсов, Н.—Русские торгово-промышленные кампании в первой половине XVIII в.

Появление рабочего класса в России.

Балабанов, М.—Очерки по истории рабочего класса в России. Т. I.
Введенский, А.—Заметки по истории труда на Руси 16—17 в. „Арх. Ист. Труда". Кн. 3.
Гессен, Ю.—Принудит. обращение помещичьих крестьян в горнозаводские рабочие. „Арх. Ист. Труда". Кн. I.

Туган-Барановский, М.—Крепостная фабрика „Великая Реформа". Т. 3.
Погожев.—Вотчинные фабрики и их фабричные „В. Европы" 1889 г. № 7.
Пичета проф.—История крестьянских волнений в России. Минск. 1923 г.
Семевский, В.—Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. I и II.
Его же.—Крестьянский вопрос в России в XVIII в. СПБ. 1888 г.
Шебалов, А.—Материалы для истории рабочих на горных заводах „Арх. Ист. Труда". Кн. I.

Рабочее движение в эпоху крепостного права.

Айзенберг, А.—К трагедии горнозав. крестьян в Оренб. крае „Архив Ист. Труда" № 6—7.
Бестужев, М.—Записки „Р. Старина". 1881 г. Т. XXXII.
Введенский, А.—Заметки по истории труда на Руси 16—17 в. „Арх. Ист. Труда" Кн. III.
Гессен, Ю.—Принудит. обращение помещичьих крестьян в горнозаводские рабочие „Арх. Ист. Труда" Кн. I.
Дукин.—Бунт в Кунавине. „Наша Старина" 1917 г. № 2.
Ельницкий, А.—Первые шаги рабочего движении в России. СПБ. 1906 г.
Каргин, Д.—Рабочие на постройке Петерб.-Москва ж.-д. „Арх. Ист. Труда". Кн. III и V.
Мартов.—Пролетарская борьба в России. СПБ. 1907 г. Издание Глаголева.
Мурзанова, М.—На Московско-Новгородской парусной фабрике „Арх. Ист. Труда". Кн. II.
Туган-Барановский, М.—Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПБ. 1900 г.
Его же.—Крепостная фабрика „Великая реформа". Т. III.
Оглоблин, А.—Рабочие на Топальской мануфактуре в 1771 г. „Арх. Ист. Труда" Кн. 6—7.
Попов.—Горнозаводский Урал. „Отеч. Зап." 1874 г. № 12.
Пажитнов, К.—Рабочая дисциплина на фабриках и заводах при крепостн. праве. „Арх. Ист. Труда" Кн. V.
Его же.—Рабочие волнения в царствование Александра I. „Арх. Ист. Труда" Кн. V.
Его же.—Положение рабочих в горнозаводской промышл. при крепостн. праве. „Архив Ист. Труда" Кн. IV.
Его же.—Волнения среди фабрично-заводских рабочих „Архив Ист. Труда". Кн. I и II.
Его же.—Рабочее движение при крепостном праве. М. Изд. „Красная Новь". 1923 г.
Его же.—Возмущение рабочих Ревдинского завода „Арх. Ист. Труда". Кн. 6—7.

Его же.—Возмущение крестьян на фабрике кн. Гагарина „Былое“ 1923 г. Кн. 20.
Погожев.—Вотчинные фабрики и их фабричные „В. Европы“. 1889 г. № 7.
Пичета проф.—История крест. волнений в России. Минск, 1923 г.
Посадский, Я.—Как добывали себе волю казанские суконщики. Сборник „Перв. Шаг“. Казань. 1876 г.
Свербеев.—Записки. Т. II. М. 1899 г.
Семевский, В.—Крестьяне в царствование императ. Екатерины II. Т. I и II.
Его же.—Крестьянский вопрос в России в XVIII в. СПБ. 1888 г.
Его же.—Рабочие на сибирских золотых промыслах.
Шебалов, А.—Материалы для истории рабочих на горных заводах. „Арх. Ист. Труда“. Кн. I.
Юдин.—О заводском бунте на Урале „Русск. Старина“. 1894 г. № 12.
Якушкин, И.—Записки. СПБ. 1905 г.

Развитие капитализма в России.

Балабанов, М.—Промышленность России в XX веке „Обществен. Движ. в России“. Т. I. 1909 г.
Блиох, И.—Финансы в России в XIX в. СПБ. 1882 г.
Балабанов, М.—Очерки по истории рабочего класса в России. Т. II.
В. В.—Судьбы капитализма в России. СПБ. 1883 г.
Его же.—Наши направления. СПБ. 1893 г.
Гурвич, И.—Переселения крестьян в Сибирь. М. 1889 г.
Дементьев, Е.—Фабрика, что она дает населению и что у него берет. М. 1897 г.
Донецкий бассейн за XXV лет. Харьков. 1899 г.
Зак.—Промышленный капитализм в России.
Залкинд.—История русской фабрики „Колокол“. 1906 г.
Ильин, В.—Развитие капитализма в России. СПБ. 1908 г.
Карышев, Н.—Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Т. I и II.
Кауфман, И.—Статистика русских банков. СПБ, 1875 г
Кулишер, И. М., проф.—История русской торговли до XIX в. СПБ. 1923 г.
Ковалевский.—Экономический строй России. Изд. Сойкина.
Костомаров.—Очерк торговли московского государства в XVI—XVII стол. СПБ. 1862 г.
Ламанский.—Опыт описания крестьянск. промышл. Калужской губернии „Журн. мин. гос. им.“ 1860 г. № 1.
Лаппо-Данилевский.—Русские промышл. и торгов. камп. в первой половине XVIII в.
Ленин, Н.—Аграрный вопрос в России к концу XIX в. „Жизнь и Знание“. 1918 г.
Лосицкий, А.—О выкупной операции „Тр. В.-Эконом. О-ва“ 1904 г.

Люксембург, Р.—Промышленное развитие Польши. Издание „Знание“ 1904 г.
Маслов, П.—Аграрный вопрос в России. Т. I. М. 1917 г. Изд. V.
Мартов, Л.—Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России. Изд. „Книга“. 1923 г.
Матвеев, П.—Очерк южно-русской промышленности в России „Вестник Финансов“. 1906 г.
Мигулин.—Наша банковая политика 1904 г.
Милюков, П.—Государственное хозяйство в России и реформа Петра I. СПБ. 1892 г.
Н—он.—Очерки нашего пореформен. общественного хозяйства. СПБ. 1893 г.
Его же.—Нечто об условиях нашего хозяйств. развития „Р. Бог.“ 1894 г. №№ 4 и 6.
Его же.—Апология власти денег, как признак времени „Р. Бог.“. 1895 г. №№ 1 и 2.
Общественное движение в России в начале XX в. Т. I. (Статьи П. Маслова, В. Мукосееева, М. Боголепова).
Пичета, В. И., проф.—История народного хозяйства в России. М. 1923 г.
Постников, В.—Южно-русское крест. хозяйство. 1891 г.
Развитие русской жел.-дор. сети. „Тр. В.-Экономического О-ва“. 1898 г. № 2.
Рожков, Н.—Город и деревня в русской истории. 1904 г.
Его же.—Экономическое развитие в России в первой половине XIX века.
Струве, П.—Критические заметки об экономическом развитии России.
Семенов, А.—Изучение историч. сведений о российской внешней торговле и промышленности.
Середа, Н.—Пугачевский бунт „Вестн. Европы“. 1870 г. № 6.
Скворцов, П.—Распределен. крест. земельн. собствен. в Европейской России „Юрид. Вестник“. 1892 г. Т. X.
Скворцов, А. И.—Влияние паров транспорта на сел. хозяйство.
Туган-Барановский, М.—Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПБ.
Его же.—Краткий очерк истории русской промышленности. Изд. Скирмунта. 1906 г.
Тройницкий.—О числе крепостных людей в России „Журн. мин. вн. дел“. № 30.
Фабрично-заводская промышлен. и торговля в России. СПБ. 1896 г.
Флоровский.—Из истории Екатерин. законод. комис. Одесса. 1910 г.
Финн-Енотаевский, А.—Современное хозяйство России. Изд. Семенова. 1910 г.
Фирсов, Н.—Русск. торг.-пром. камп. в первой половине XVIII в.
Шрейдер.—Очерки горной промышленности „Р. Мысль“. 1889 г. № 10.
Шульце-Геверниц, Г.—Очерки обществ. хозяйства и экономич. политики России. СПБ. 1901 г.

Появление современного пролетариата в России.

Балабанов, М.—Очерки по истории рабочего класса в России. Т. I.
Залкинд.—История русской фабрики „Колокол". 1906 г.
Колодуб, Е.—Труд и жизнь горнорабочих на Грушевск. антрацит. рудн. М. 1905 г.
Каутский, К.—Американский и русский рабочий. Изд. „Утро" 1906 г.
Лохтин.—Безземельный пролетариат в России. М. 1905 г.
Погожев, А.—Учет числен. и состава рабоч. в России.
Плеханов, Г.—Русский рабочий в революц. движении.
Сергеев, А.—К истории рабочего класса в России „Кр. Архив". 1922 г. № 2.
Туган-Барановский, М.—Русская фабрика в прошлом и настоящ.

Рабочее движение 60—70 годов.

Богучарский, В.—Активное народничество. М. 1912 г.
Гессен, Ю.—К истории стачек среди фабрич. рабочих в начале 70-х годов „Арх. Ист. Труда". Кн. 3.
Кантор.—Жандармерия и первые рабочие стачки „Арх. Ист. Труда". Кн. 3.
Крапоткин, П.—Записки революционера. СПБ. 1906 г.
Попов.—Из Истории рабочего движения 70-х год. „Голос минувш." 1920—21 г.г.
Попов, Р.—Кустарная пром. в России „Отеч. Зап." 1875 г., № 3.
Плеханов, Г. В.—Русский рабочий в революционном движении.
Революционное движение среди евреев. Материалы по истории еврейского рабочего движения. Вып. I. „Наша Трибуна". СПБ. 1906 г.
Сидоров, И.—Материалы для истории стачек в начале 70-х годов. „Арх. Ист. Труда" кн. 5.

Начало социалистической пропаганды среди рабочих масс.

Александров, М.—Группа народовольцев „Былое". 1906 г. № 11.
Его же.—Из прошлого. М. 1919 г.
Аптекман, О.—Из истории революц. народничества „Рус. Ист. Библиот.". № 19.
Его же. Из прошлого. М. 1919 г.
Его же.—Записки семидесятника „Совр. Мир". 1913 г., № 4 и 1914 г. 1922 г.
Ашенбреннер, М.—Воспоминания „Былое", 1907 г. № 4—6.
Его же.—Военная организация „Народной Воли" „Былое". 1907 г. № 4—7.
Ашешов, Н.—А. И. Желябов. СПБ. 1919 г.
Его же.—Софья Перовская. СПБ. 1920 г.
Бах.—Н. И. Рысаков. Госиздат. 1920 г.
Его же.—Воспоминания народовольца „Былое". 1907 г., № 1.

Богданович.—Хождение в народ. Петр. 1917 г.
Его же.— Революц. попытки 60-х годов. Петр. 1917 г.
Богучарский, В.—Активное народничество. М. 1912 г.
Его же.—Из истории политической борьбы в 70—80 г.г. Партия Народной Воли. Изд. „Р. Мысль". 1912 г.
Его же.—За сто лет. Лондон. 1897 г.
Брешковская, Е.—Из воспоминаний пропагандистки. «Р. Ист. Б». № 5.
Ее же.—Из воспоминаний «Гол. Мин.». 1908 г. № 10—12.
Ее же.—Ипполит Мышкин и Арханг. Кружок. М. 1906 г.
Берви, В.—Краткая автобиография «Р. Мысль». 1905 г. № 5.
Васильев, Н.—В семидесятые годы «Мир Божий». 1906 г. № 6—7.
Витязев, П.—П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский. Петр. 1917 г.
Владыченко, П.—Памяти учителя и погибших друзей. «Кат. и Ссылка» 1923 г. № 5.
Волков, Н.—Народовольческая пропаганда среди московских рабочих „Былое". 1906 г. Кн. 2.
Его же.—Из жизни саратовских кружков „Рус. Ист. Библ." № 5.
Его же.—Отрывки одной человеческой жизни „Современ." 1911 г. № 4.
Геккер, Н.—„Наша Юность". Журн. „Заветы". 1913 г. № 7.
Гильом Д. Ж.—М. А. Бакунин. Биограф. очерк „Былое" 1906 г.
Герасимов, В.—Рабочие социалисты. Жизнь русск. рабоч. полвека тому назад „Былое", 1906 г. № 6.
Государственные преступлениия в России в XIX в. Изд. Парамонова. Ростов-на-Дону. 1906 г.
Горев, Б.—М. А. Бакунин. М. 1919 г.
Данилов, В.—Из воспоминаний. „Былое" 1907 г. № 8.
Дебогорий-Мокриевич.—Воспоминания. СПБ. 1906 г.
Джабадари И.—Процесс 50-ти „Былое", 1907 г. № 8—10.
Дейч, Л.—Молодость Плеханова „Былое". 1918 г. Кн. 13.
Его же.—Один из последних семидесятников „Голос. Мин." 1914 г. № 6.
Его же.—В. И. Засулич „Гол. Мин.". 1917 г. № 5—12.
Его же.—Русск. революц. эмиграция Петр. 1920 г.
Его же—Лопатин. „Гол. Мин.". 1919 г. № 5—12.
Его же.—На рубеже „Вестн. Европы" 1912 г.
Его же.—Баловень судьбы „Ист.-Рев. Библ.". Госиздат. 1920 г.
Дело о преступной пропаганде среди петербургских рабочих „Былое" 1917 г. № 1.
Ельницкий, А.—Северн. союз русск. рабочих. Ст. Халтурин. „Библ. Вел. Рус. Револ.". СПБ. 1917 г.
Жебунев С.—Отрывки из воспоминаний „Былое". 1917 г. Кн. 5.
Засулич. В.—Воспоминания „Былое". 1919 г. № 17.
Записки министра юстиции Палена. Успехи револ. пропаганды „Былое". 1907 г. № 9.
Иванчин-Писарев, А.—Из воспоминаний о хождении в народ. Изд. „Заветы". 1914 г. СПБ.
Иванов-Разумник.—История русск. обществ. мысли. Петерб. 1918 г.

Ковалик, С. ф.—Движение 70-х годов по большому процессу „Былое". 1906 г. № 10—12.
Корнилов, А.—Обществ. движение при Александре II. СПБ. 1909 г.
Кропоткин, П. А.—Записки революционера. СПБ. 1906 г.
Его же.—Пропаганда среди петерб. рабочих в начале 70-х годов „Былое". (Загр.). № 1. (Перепечатано в „Русск. Ист. Библ.". № 4).
Куклин, Т.—Итоги революц. движения за 40 лет. Женева. 1903 г.
Лавров, П. Л.—Народники-пропагандисты. СПБ 1906 г.
Лемке, М.—Очерки освобод. движения. СПБ. 1908 г.
Лопатин, Г.—Автобиограф. показания. „Ист. Рев. Библ." Петр. 1921 г.
Люботович, О.—Далекое и недавнее „Былое". 1918 г. № 13.
„Литература партии Народной воли". Приложен. к сборн. „Государств. преступления". Ростов-на-Дону. 1907 г.
Майнов, И.—Революц. кружки в Саратове 1870—1880 г.г. СПБ. 1906 г.
Его же.—На закате народовольчества „Былое". 1917 г. № 5—6.
Мартов, Л.—Обществ. и умств. течения 70-х годов в „Ист. русск литературе XIX в." „Мир". Т. IV.
Морозов, Н.—Повести моей жизни. 1916—1918 г.г. 4 т.
Его же.—Возникновение „Народной Воли". „Былое". 1906 г. № 12
Новорусский, М.—Воспоминания „Былое". 1906 г. №№ 4, 6—12 и „Совр. Мир" 1906 г., № 10 и 1908 г., № 1
Его же.—Записки шлиссельбуржца. Изд. „Рев Библ.". Петр. 1920 г.
Нетлау, М.—Жизнь и деятельность Бакунина. Петр. 1920 г.
Огарева-Тучкова, Н. А.—Воспоминания. М. 1903 г.
Панкратов, В.—Из деятельности среди рабочих „Былое" 1906 г. № 3.
Пажитнов, Н.—Развитие социалистич. идей в России. Т. I.
Перрис, Д.—Пионеры русской революции. Сборн. „Освобод. Библ.". № 1. 1906 г.
Плеханов, Г.— Русский рабочий в революционном движении. СПБ. 1907 г.
Полонский, В.—М. А. Бакунин. Госиздат. М. 1922 г.
Его же.—Материалы для биографии М. Бакунина Госиздат. 1923 г.
Попов, М.—Н. П. Щедрин „Былое". 1906 г. № 12.
Его же.—Из моего революционного прошлого „Былое". 1907 г. № 5—7.
Его же.—К биографии И. Н. Мышкина „Былое", 1906 г. № 2.
Его же.—Военный суд в Киеве. Сборн. „О Минувшем". СПБ. 1909 г.
Его же.—„Земля и Воля". Накануне Воронежского с'езда „Былое". № 2, 1906 г.
Его же.—Л. А. Волкенштейн. „Гол. Минувшего". 1918 г. № 4—6.
Потресов, П.—П. Б. Аксельрод. 45 лет общественной деятельности. СПБ. 1917 г.
Плеханов, Г.—Наши разногласия.
Пропаганда среди рабочих в Ростове-на-Дону. „Русск. Ист. Библ.". № 5.

Процесс 50-ти. Речи и биографии П. А. Алексеева и др. Изд. Саблина. М. 1907 г.
Рабочий.—Воспоминания о С. М. Кравчинском. „Русск. Истор. Библ.“, № 4.
Революционное движение среди евреев. Материалы по истории еврейского рабочего движения. Вып. I. „Наша Трибуна“. СПБ. 1906 г.
Рязанов.—Г. В. Плеханов и группа Освобожд. Труда. Петр. 1918 г.
Его же.—Предисловия к I—IV т.т. собр. сочин. Г. В. Плеханова.
Его же.—Две правды. Народники и Маркс. П. 1918 г.
Его же.—Перв. рабоч. социалистич. организац. в Одессе. Одесса. 1921 г.
Соболев.—Таможенная политика в России до 2-й половины XIX века Томск. 1911 г.
Синегуб.—Воспоминания чайковца „Былое“ 1906 г., № 8—10, „Р. Мысль“. 1907 г., № 9—11.
Его же.—М. А. Бакунин. М 1920 г.
Его же.—Историч. подготовл. русск. с.-дем. М. 1918 г.
Его же.—Борцы за социализм.
Серебряков, Е.—Очерки по истории „Земли и Воли“. СПБ. 1906 г.
Его же.—Революционеры во флоте. П. 1920 г.
Стефанович, Я.—Дневник карийца, СПБ. 1906 г.
Тютчев, Н.—Разгром „Земли и Воли“ в 1878 г. „Былое“ 1918 г. № 2.
Фрумкин, Б.—Из истории револ. движения среди евреев в 1870 годах „Еврейская Старина“. 1911 г. Вып. II и IV.
Фроленко.—Воспоминания о движен. 70-х и 80-х годов. „Современник“ 1913 г. № 11.
Его же.—Липецкий и Воронежский с'езды „Былое“. 1907 г., № 1.
Фигнер, В.—Запечатленный труд. Т.т. I и II. М. 1922 г.
Цинберг, С.—Первые социалистические органы в еврейской литературе. Сборн. „Пережитое“. Т. I. СПБ. 1908 г.
Шилов, А.—Последн. страница из деятельн. „Северного русск. рабочего союза“. „Кр. Лет.“. 1922 г. № 2—3.
Шехтер, А.—Из далекого прошлого „Кат. и Ссылка“. 1923 г. № 5.
Шишко, Л.—Собрание сочинений. Т. IV. С. М. Кравчинский. Из воспомин. прошлого. Изд. „Рев. Мысль“. Петр. 1918 г.

Стачечная борьба конца 70-х годов.

Богучарский, В.—Активное народничество. М. 1912 г.
Бурцев, В.—За сто лет. Лондон. 1897 г.
Герасимов, В.—Рабочие социалисты. Жизнь русских рабочих пол века тому назад „Былое“ 1906 г., № 6.
Государственные преступления в России.—Издание Парамонова. Ростов н/д. 1906 г.
Дейч, Л.—Русские рабочие революционеры „Рабочий Мир“. 1919 г. Кн. 10—12.

Корнилов, А.—Общественное движение при Александре II. СПБ. 1909 г.
Куклин, Т.—Итоги революц. движ. за 40 лет. Женева. 1903 г.
Лемке, М.—Очерки освободительного движения. СПБ. 1908 г.
Плеханов, Г.—Русский рабочий в революц. движении.
Пропаганда среди рабочих в Ростове н/д. „Р. Ист. Биб.". № 5.
Сквери, М.—Первые рабочие социалист. организации в Одессе. Одесса. 1921 г.

Южно-русские союзы рабочих.

Ковальская Е.—Южный русский рабочий союз. „Русск. Ист. Библ.". № 5.
Коробков.—О Южно-русском союзе рабочих. Статья в сборнике. „Южн.-Русск. раб. Союзы".
Молинари.—О Южном рабочем Союзе „Былое" (загр.). № 6.
Невский, В.—Статья „О Южно-русском рабочем Союзе" в сборнике „Южн.-русск. раб. Союзы". М. 1923 г.
Приговор по делу Южн.-русского Союза рабоч., напеч. в книге Государст. Преступл. в России.
Сквери, М.—Южно-Российский Союз в Одессе, „Каторга и Ссылка". 1923 г., № 5.
Южно-Русские Раб. Союзы.—Сборник „Центр. Арх.". М. 1923 г.

Северный союз русских рабочих.

Бурцев, В.—Северный Союз русских рабочих „Былое". 1906 г. № 1.
Боренцова, О.—Северный рабочий Союз „Пролетарская революция". 1922 г. Кн. 9.
Типография северного рабочего союза.—„Пролетарская революция". 1922 г. № 3.
Шилов, А.—Последняя страница из деятельности Северн. союза русск. раб. „Кр. лет.". 1922 г. № 2—3.
Ельницкий, А.—Первые шаги рабочего движения в России. СПБ. 1906 и 1917 г.
Невский, В.—Очерки по истории РКП. Т. I.

Борцы за социализм из рабочей среды в 70-ые годы.

Волховский, С.—Ткач П. А. Алексеев. СПБ. 1906 г.
Государственные преступления в России в XIX в.—Изд. Парамонова. Ростов. 1906 г.
Джабардари, И.—Процесс 50-ти „Былое". 1908 г. № 8—10.
Дейч, Л.—Русские рабочие революционеры. В. Обнорский. „Раб. Мир". 1919 г. Кн. 10—12.
Его же.—В. Обнорский. „Пр. рев.". 1922 г., № 3.
Ельницкий, А.—Северный союз русских рабочих. Ст. Халтурина. „Библ. Вел. русск. рев." СПБ. 1917 г.
Кантор.—На грани смерти. Из биогр. раб. народов. П. Алексеева. „Былое". 1922 г. Кн. 19.
Кравчинский-Степняк.—Степан Халтурин. Собр. соч. Т. V.

Маркушевич, Д.—Детство и отрочество С. Халтурина. „Пролетарская револ.“. 1922 г. № 5.
Пекарский, О.—Рабочий П. Алексеев „Былое“. 1922 г. Кн. 19.
Стеклов, Ю.—Русский ткач Петр Алексеев М. 1918 г.
Его же.—Степан Халтурин.
Халтурин, И.—Семейные воспоминания о С. Халтурине „Былое“. 1921 г. № 16.

Рабочее движение в 80-ые годы.

Александров, М.—Группа народовольцев „Былое“. 1906 г., № 11.
Б-в. В.—Воспоминания Петербуржц. о 80-х годах „Минувшие годы“. 1908 г. № 10—11.
Балабанов, М.—Очерки по истории рабочего класса в России. Том II.
Безобразов.—Народное хозяйство в России. СПБ. 1882 г. Ч. I.
Блюменфельд.—Отчет фабричн. инспекц. Варшавского окр. за 1885 г.
Верещинский.—Рабочий шахтер в Донецк. бассейне. 1892 г.
Волковичер.—Стачки 1883 г. в Жирардове „Пролетарск. Револ.“. 1923 г. № 6—7.
Волков, Н.—Народовольческая пропаганда среди московских рабочих в 1881 г. „Былое“. 1906 г. Кн. 2.
Власова, О.—Материалы для истории рабочего движения „Кр. Летоп.“. 1923 г. № 5—7.
Гарелин, Я.—Город Иваново-Вознесенск. 1885 г.
Голубев, В.—Страничка из истории рабочего движения „Былое“. 1906 г. № 12.
Гешин, Е.—Шелгуновская демонстрация „Мин. Годы“. 1908 г., ноябрь.
Гурвич, В.—Первые еврейские рабочие кружки „Былое“ 1907 г. № 6.
Дело о преступной пропаганде в среде петерб. рабочих (1881 г.) „Былое“. 1907 г., январь.
Иваново-Вознесенские календари за 1919, 1920 и 1921 г.г.
Кулишер, И., проф.—История русской торговли. Изд. „Атеней“.
Мартов, Л.—Развитие крупной промышленности и рабочего движения до 1892 года. „История России XIX в.“. Изд. т-ва Гранат. Т. VI.
Материалы по истории революц. движения, под редакц. Илларионова, В. Т. I. Н.-Новгород. 1920 г. (Революц. хроника сормовск. рабочих).
Невский, В.—Очерки по истории РКП. Т. I.
Его же.—К истории партии русск. соц.-дем. „Пролетарск. Рев.“. 1922 г. № 5.
Новицкий.—Отчет фабричн. Инспект. Киевского округа за 1885 г.
Обнинский.—Стачечное движение в конце 80-х годов „Юрид. Вестн.“. 1887 г. Кн. 4.

Общая сводка—по санитарн. исследов. фабричн. завед. Московской губ. с 1879—1885 г.г. Т. I—IV.
Панкратов, В.—Из деятельности среди рабоч. в 80—84 г.г. „Мол. Россия". 1906 г.
Путь к Октябрю. Сборн. М. 1923 г.
Погожев, А.—Фабричный быт в Германии и России. М. 1882 г.
Прокопович, С. Н.—К рабочему вопросу в России 1905 г.
Пропаганда среди рабочих в Ростове-на-Дону в 1882—1884 г.г. „Былое". (Загр.), № 5.
Святловский, В.—Фабричный рабочий. 1889 г.
Святловский.—Отчет фабричн. инсп. Харьковского окр. за 1885 г.
Его же.—Санитарн. полож. фабричн. рабоч. в „Прив. Крае" и Малороссии. 1889 г.
Своды отчетов фабричных инспекторов.
Свирский.—Фабр.-заводск. и проч. промышл. заведения Владимирской губ. 1890 г.
Семевский, В.—Рабочие на Сибирских золотых промыслах. СПБ. 1898 г.
Тучапский, П.—Из пережитого. Одесса. 1923 г.
Фирсов.—Крестьянские волнения XIX в. Сборн. „Велик. Реф.". Т. II.
Фрумкин, Б.—Очерки по истории еврейского рабочего движения в России. „Евр. Старина" 1913 г. Вып. I и II.
Щербина.—Рабоч. на Кубани. Журн. „Дело". 1884 г. Кн. 4.
Шидловский.—Отчет фабр. инспект. Казанского окр. за 1885 г.

Морозовская стачка.

Балабанов, М.—Очерки по истории рабочего класса в России т. II.
Валк, С.—К истории Морозовской стачки. Изд. „Гл. Укр. Архив. Дел.". Вып. I.
Виноградов.—Личные впечатления свидетеля Морозовской стачки. Сборн. „Путь к Окт.". М. 1923 г.
Десятилетие Морозовской стачки.—Изд. „Искра", 1901 г.
Калинин М.—38-летний юбилей Морозовской стачки. Сборник „Путь к Октябрю". М. 1923 г.
Кантор, Р.—Морозовская стачка 1885 года. „Архив Института Труда". Кн. II.
Мартов, Л.— Развитие крупной промышл. и раб. движ. до 1892 г. „Ист. России XIX в." изд. Гранат. Том VI.
Моисеенок.—Воспоминания о стачке 1885 года. Сборник „Путь к Окт.". М. 1923 г.
Морозовская стачка 7—13 января 1885 г. Сб. статей под ред. и с предисл. Д. Рязанова. М. 1923 г.
Невский, В.—Очерки по истории Р. К. П. Т. I. „Неделя" 1886 г. № 25 „Никольская мануфактура Морозова".
Путь к Октябрю.—Сборник. М. 1923 г. Русские ведомости за 1886 г. № 38, 40, 140—144.

Рабочее движение во вторую половину 80-х годов.

Б—в, В.—Воспоминания петербуржца о второй половине 80-х годов. „Мин. Годы“ 1906 г. № 10—11.
Балабанов, М.—Очерки по истории рабочего класса в России. Том II.
Власова, О.—Материалы для истории рабочего движения „Кр. Лет.“ 1923 г. № 5—7.
Мартов, Л.—Развитие крупной промышленности и раб. движения до 1892 г. „Ист. России XIX в.“.
Невский, В.—Очерки по истории Р. К. П. Т. I.
Путь к Октябрю—Сборник. М. 1923 г.
Святловский, В.—Фабричный рабочий. 1889 г.
Его-же.—Санитарное положение фабр. рабоч. в Прив. крае и Малороссии. 1889 г.
Фрумкин, Б.—Очерки по истории евр. раб. движ. в России „Евр. Ст.“ 1913 г. В. I и II.

Появление первых соц.-демократических рабочих кружков.

Брейтерус, А.—Точисский и его кружок. „Кр. Лет.“ 1923 г. № 7.
Гурвич, В.—Первые евр. рабочие кружки „Былое“ 1907 г. № 6.
Доклад департамента полиции мин. внутр. дел. (О кружке Точисского). „Кр. Лет.“. 1923 г. № 7.
Книпович, Н.—О группе Благоева. „Пролетарская Революция“. 1922 г., № 5.
Кольцов, Д.—Конец „Народной Воли“ и начало соц.-дем. Прил. к „Ист. рев. движ.“ А. Туна.
Мартов, Л.—Развитие крупной промышленности и рабоч. движения до 1892 г.
Невский, В.—Очерки по истории Р. К. П. Т. I.
Его-же.—К истории партии русских соц.-дем. „Пролетарск. Рев.“. 1922 г. № 5.
Николаевский, Б.—Программа первого в России соц.-дем. кружка. „Былое“. 1918 г. № 13.
Путь к Октябрю.—Сборник. М. 1923 г.
Перазич, В.—Еще о Харьковском рабочем кружке конца 80-х г. „Кр. Лет.“ 1922 г. г., № 4.
Его-же.—Ю. Мельников и Харьковский рабочий кружок „Еженед. Правды“. 1921 г. № 14.
Сергиевский, Н. О кружке Точисского. „Кр. Лет.“. 1923 г. № 7.
Точисский, Павел.—Некролог в сборнике „Братская могила“. Изд. „Московск. Рабочий“, 1923 г.

Первые соц.-дем. организации среди рабочих и рабочее движение в 90-е годы.

Александров, М.—Группа народовольцев „Былое“. 1906 г. № 11.
Аркомед, С.—Рабочее движение и соц.-демокр. на Кавказе. Госиздат. 1923 г.

Акимов-Махновец, В.—Очерк развития соц.-дем. в России. Издан. О. Н. Поповой. СПБ. 1906 г.
Его-же.—Первый с'езд Росс. соц.-дем. Рабочей Партии „Мин. Годы". 1908 г. № 2.
Его же.—Строители будущего „Образование". 1907 г. № 4—6.
Астров, В.—„Экономисты"—предтечи меньшевиков. М. 1923 г.
Аксельрод, П.—Рабочий класс и револ. движ. в России. Издан. „Общ. Польза". СПБ. 1907 г.
Его же.—Рабочее движение и социал-демократия. Женева. 1884 г.
Его же.—Борьба социалист. и буржуазн. тенденций в русском революционном движении. СПБ. 1907 г.
Его же.—Пережитое и передуманное. Берлин. Издание Гржебина. 1923 г.
Его же.—К вопросу о современных задачах и тактике русских соц.-дем. Женева. 1898 г.
Его же.—Задачи рабочей интеллигенции в России. Женева. 1893 г.
Аллилуев, С.—Мои воспоминания. „Кр. Лет.". 1923 г. № 5.
Базаров, В.—Пионеры марксизма „Русск. Литер. XX в.", под редакцией С. Венгерова. Т. I.
Бухбиндер, Н.—К истории соц.-дем. движения в Киевской губ. „Кр. Лет.". 1923 г. № 7.
Бруснев, М.—Возникновение первых соц.-демокр. организаций. „Прол. Револ.". 1923 г. № 2.
Богданов.—Воспоминания. „Осв. Тр.". 1918 г. №№ 2, 4, 7.
Болдырева, А.—Минувшие годы „Текстильщик". 1923 г. М. № 1—2.
Быков, В.—Из жизни Уральских орган. Екатер. 1923 г.
Батурин, Н.—Очерк истории соц.-дем. в России. М. 1906 г. (2-ое изд. с доп. М. Ольминского в 1918 г.).
Бетерсон, А.—Бакинские нефтяные промыслы в санитарном отношении 1897 г.
Бобровская.—Записки рядового подпольщика. Издан. Истпарта. 1922 г. Ч. I и II.
Бубнов, А.—Основные моменты в развитии Коммунистич. Партии в России. М. 1921 г.
Бухбиндер, Н.—Материалы для истории еврейск. рабочего движения в России. П. 1923 г.
Его же.—Разгром еврейского рабочего движения в 1898 г. „Кр. Летопись". 1922 г. Кн. 4.
Воронин, А.—Кружок на заводе Гретеры Кривонека. Сборн. „К 25-летию I С'езда". М. 1923 г.
Василевский, Л.—Подпольная соц.-рев. партия „Пролетариат" „Былое". 1906 г.
Ваганьян, А.—Г. В. Плеханов.
Варзар.—Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895—1904 г.г. СПБ. 1905 г.
Винокуров, А.—Воспоминания о партработе в Екатеринославе. „Лет. Рев." № 2. Укризд.
Винокуров, А.—Воспоминания о партработе в Екатеринославе. „Прол. Рев.". 1921 г. № 1.

Валк, С.—Материалы к истории 1 мая в России „Кр. Летопись". 1922 г. № 4.
Власова, О.—Материалы для истории рабочего движения „Кр. Лет.". 1923 г. №№ 5 и 7.
Волгин (Г. Плеханов).—Основание народничества в трудах В. В.
Голубев, В.—Страничка из истории рабочего движения „Былое". 1906 г. № 12.
Группа „Освобождение Труда". Сборн. Комитета по увековечению памяти Плеханова.
Горев.—Рабочее движение в Петербурге в 90-х г.г. „Кр. Новь". 1921 г. Кн. 2.
Гринченко, М.—Киевский рабочий в соц.-дем. движении 90-х г.г. Киев. 1923 г.
Гиршманович, Д.—О М. В. Лурье. Сборн. „К 25-летию I С'езда Партии".
Гусевская.—Организация Р. С.-Д. Р. П. Владимир. 1923 г.
Д. Б.—К истории возникн. Р. С.-Д. Р. П. Сборник „Наша Страна". 1907 г. № 1.
25 лет Р. К. П. Изд. Истпарта. М. 1923 г.
Дейч П.—От народничества к марксизму „Современный Мир". 1914 г. № 1—2.
Его же.—Как Плеханов стал марксистом „Пролетарская Революция". 1922 г. № 7.
Его же.—Г. В. Плеханов. Материалы для биографии „Новая Москва". 1922 г.
Его же.—Молодость Плеханова „Былое". 1918 г. № 13.
Его же.—Примечан. к письмам Г. В. Плеханова к П. Лаврову. „Дела и Дни". 1921 г. № 2.
Его же.—Когда я стал революционером „Гол. Мин.". 1919 год. № 5—12.
Его же.—16 лет в Сибири. СПБ. 1906 г.
Его же.—На рубеже. Из воспоминаний „Вестник Европы". 1921 г., № 7.
25 лет Р. К. П.—Воспоминания Ив.-Вознесенского подпольщика. Ив.-Возн. 1923 г.
Диброва, И.—Из истории рабочего движения на юге России „Былое". 1907 г. № 8.
Доклад о русском соц.-дем. движении междунар. соц. Конгресса в Париже. Женева. 1901 г.
Енукидзе, А.—История организ. и работ нелегальн. типографии на Кавказе „Прол. Рев.". 1923 г. № 2.
Егоров, А.—Зарождение политич. партий и их деятельность „Общественн. движ. в России в начале XX в.". Кн. 1—2.
Елизарова, А. И.—Страничка воспоминаний. „Прол. Революция". 1923 г. № 2.
Ее же.—О жизни В. И. Ленина „Пути Рев.". 1922 г. № 2.
Забрежнев, В.—Первые годы моей партийной работы „Пролет. Рев." 1923 г. № 10.
Засулич, В.—Воспоминания „Былое". 1914 г. № 14.

Зеликсон-Бобровская.—Записки рядового подпольщика. 1922 г.
Залежский, В.—Мои первые шаги. Сборник Истпарта № 1. Тат. обл. ком. РКП.
Зиновьев, Г.—Из истории нашей партии. Изд. коммун. союза Сев. обл. Петр. 1919 г.
Иванов, Б.—Записки прошлого. Повесть из воспоминаний детства и юности рабочего социалиста. М. 1920 г.
Ильинский, Л.—Семейство Ульяновых „Красн. Летопись". 1923 г. № 1. Изд. Симбирского Истпарта.
Иваново-Вознесенский календарь на 1919, 1920 и 1922 г.г.
Из истории рабочего и комм. движения в городе Ярославле. Яросл. 1922 г.
Из рабочего движения в Одессе и Николаеве. Ж. 1900 г.
Ильин, В. (Н. Ленин).—Экономич. этюды. СПБ. 1899 г.
Его же.—Что такое друзья народа и как они воюют против соц.-демокр. М. 1923 г.
Его же.—Нов. хозяйст. движ. в крестьянск. жизни. В сборнике Истпарта „К 25-летию 1 С'езда Партии". М. 1923 г.
Из партийного прошлого. Сборн. воспоминаний. Калуга. 1921 г.
Карелин, А. В.—На заре рабочего движения в Петербурге „Кр. Летоп.". 1922 г. № 4.
Канатчиков, С.—К 25-летию Российской Коммунистической Партии „Прибой". П. 1923 г.
Каменев, Л.—История партии коммунистов в России и В. Ленин. М. 1919 г.
К. П.—Революц. соц.-дем. в Прибалтийском крае. Издание Щетинина. 1907 г.
Колпинский, В.—Рабочее движение в 90-х г.г. и меры правительств. борьбы с ним. „Кр. Лет.". 1922 г. № 2—3.
Кольцов, Д.—Рабочие в 1890—1904 г.г. „Общее движение в России". Т. I.
Колычев, А.—Рабочие на приисках в Сибири. СПБ. 1904 г.
К возникновению группы „Освобождение Труда". (Письма Засулич, Лаврова и др.) „Прол. Рев.". 1923 г. № 4.
Красин, Л. Б.—Дела давно минувших дней „Прол. Революция". 1923 г. № 3.
Кускова, Е.—Реценз. на кн. Махновца „Былое". 1906 г., № 5.
К 25 л. I С'езда Партии. Сборник Госиздат. 1923 г.
Линдов, Г.—Краткий очерк истории Рос. Соц.-Дем. Рабочей партии. Изд. „Муравей". Петр. 1917 г.
Лившиц, С.—Очерки истории казанск. соц.-дем. „Пути Революции" 1922 г. № 1, Казань.
Левицкий, В.—Историческ. очерк развития Р. С.-Д. Р. П. Изд. „Новая Россия" М. 1917 г.
Лепешинский, П. На повороте. Петерб. 1922 г.
Лядов, М.—История Р. С.-Д. Р. П. Ч. I. СПБ. 1906 г.
Мазовецкий.—Процесс „Пролетариата" „Нов. Библ." № 3.
Материалы по истории револ. движ. под редакц. В. Илларионова. I—IV т. Н.-Новгород. 1921 г.—1922 г.

Мартов, Л.—Пролетарская борьба в России. Изд. Н. Глаголева. СПБ. 1906 г.
Его же.—Рабочее дело в России. Женева. 1903 г.
Его же.—Развитие крупной промышленности и рабочего движения с 1893 по 1903 г.г. „История России XIX в.“ Изд. т-ва Гранат. Т. VIII.
Его же.—Красное знамя в России.
Его же.—Записки соц.-демократа. Изд. Гржебина. Берлин.
Митревич, А.—Воспоминания о рабочем революционном движении. „Пр. Рев.“ 1922 г. Кн. 3.
Мартынов, А.—Главные моменты в истории русского марксизма. „Общ. движ. в России в начале XX ст.“. Кн 4.
Материалы по истории рев. соц. движения в Воронежской губ. Под редак. М. Лызлова. Вып. I и II.
М. В.—Дерпт. группа марксистов.
Мицкевич, С.—На заре рабочего движения в Москве. Сборн. „Текущ. Момент“. М. 1906 г.
Его же.—О работе В. И. Ульянова-Ленина „Пр. Рев.“ 1922 г., № 2.
Его же.—Казанцы в Нижнем „Пути Рев.“. 1922 г. № 2.
Его же.—На заре раб. движ. в Н.-Новгороде в сборн. „Материалы по истории рев. движ. в Н.-Новгороде“. 1922 г.
Его же.—На грани двух эпох „Пр. Рев.“ 1923 г. № 2.
Могилянский, М.—В девяностые годы „Былое“ 1913 г. № 23.
На заре рабочего движения в Москве. Иллюстр. сборн. под ред. Н. Овсянникова. М. 1919 г.
Новополин, Г.—Из истории раб. движ. „Лет. Рев.“. № 2. Укризд.
Его же.—Первые беспорядки горнораб. „Лет. Рев.“ № 2. Укризд.
Невский, В.—Южно-русский рабочий союз в Николаеве в 1897 г. С прилож. письма Л. Троцкого. М. 1922 г.
Его же.—К 25-летию партии „Пр. Рев.“ № 14. 1923 г.
Его же.—К вопросу о I С'езде Р. С.-Д. Р. П. „Пр. Рев.“ 1921 г. № 1.
Норинский, К.—Мои воспоминания. Сборн.—„От гр. Благоева к Союзу Борьбы“. 1921 г.
Об агитации. Женева. 1896 г.
Овсянников, Н.—Особенности московского движения. Сборн. „На заре рабочего движения в Москве“.
Ольминский, М.—Из прошлого. (Золотой век народничества и марксизм). М. 1919 г.
Его же.—Группа народовольцев „Былое“. 1906 г. № 11.
Орловский, П.—„Коммунистич. манифест“ и его судьба в России. „Образование“. 1907 г. № 4.
Его же.—К истории марксизма в России. Сборн. „Памяти Карла Маркса“. Петр. 1918 г.
От группы Благоева к Союзу Борьбы. Госиздат. 1921 г.
Партия на Кавказе. Тифлис. 1923 г.
Пажитнов, К.—Эволюция русского марксизма „Вестник Знания“. 1914 г., № 1.
Павлов, Б.—Пролетарская борьба в России до 1905 г. М. 1919 г.

Петров, А.—В Нижегородском подполье 90-х г.г. „Прол. Рев.". 1923 г. № 6—7.
Его же.—Первые соц.-демократ. кружки в Архангельске „Прол. Рев." № 10.
Петровский, Г.—Воспом. о рабоч. на Брянском заводе в 90 г. „Летоп. Револ.", № 2.
Письма Г. В. Плеханова к Энгельсу и Фишеру „Под знаменем Марксизма". 1923 г. № 11—12.
Плеханов, Г.—Собр. сочин. Т. I. Ч. 1—2 и предисловие к русск. изд. О социальн. демократии в России. Прилож. к „Ист. Рев. Движен." **А. Туна.**
Его же.—От обороны к нападению.
Петров, А.—Воспоминания „Прол. Рев.". 1923 г. № 18.
Его же.—Первые соц.-демократич. кружки в Казани „Пр. Рев.". 1923 г. № 2.
Потресов, А.—Эволюция общ.-политической мысли в предреволюц. эпоху „Общ. движение в России". Т. I.
Путь к Октябрю. Сборн. М. 1923 г.
Португалов, В.—Идейные вожди соц.-демократии „Нов. Россия". Петр. 1917 г.
Рабочее движение в Иваново-Вознесенске. Ж. 1900 г.
Рабочее движение в Екатеринославе. Ж. 1900 г.
Рабочее движение в Харькове. Ж. 1900 г.
Речи рабочих на первомайском собрании.
Рябинин, А.—Из истории рабочего движения в Ив.-Вознесенском пром. районе „Мин. Годы". 1908 г., № 5—6.
Его же.—Р. М. Стенчиков.
Рязанов, Д.—Г. В. Плеханов и гр. „Освобождение Труда" Петр. 1918 г.
Его же.—Обуховское дело. Петр. 1918 г.
Его же.—Группа „Освобождение Труда".
Растопчина, М.—Очерки по истории револ. движения в Костроме. Костр. 1922 г.
„Революционное Былое". Изд. Тульского Истпарта.
Социал-демократический календарь. Изд. гр. „Борьба" Женева. 1902 г.
Самонлов, Ф.—Воспоминания об Ив,-Вознесенск. рабоч. движении. Изд. Истпарт.
Саар, Г.—Саратовск. организ. Р. С.-Д. Р. П. „Вестн. Сарат. Губкома". 1923 г. Юбил. номер.
Его же.—Сарат. с.-д. орган. в 1898—99 г.г. „Вестн. Сарат. Губкома". 1923 г. № 5.
Святловский, В.—Из истории касс и обществ взаимопомощи рабочих „Арх. Ист. Труда". Кн. 4.
Его же.—На заре рос. соц.-демокр. „Былое" № 19.
Его же.—К истории 1-го мая „Былое". 1921 г. № 16.
Смирнов, А.—Воспомин. о первом кружке с.-д. раб. партии в Екатеринославе. „Лет. Рев." № 2. Укр. изд.
Семенов, К.—Первый год Петербургской раб. организации „Мин. Годы". 1908 г. (Дек.).

Стасквий, И. и **Васильченко, С.**—Первый бой (к 10-летию Ростовской стачки, 17 ноября 1902 г.). М. 1922 г.
Семашко, Н. А.—Казанская соц.-дем. группа „Пути Рев.“. 1922 г. № 2.
Стеклов, Ю.—Историч. подготовление соц.-дем. в России. Изд. „Свободн. Труд“. СПБ. 1906 г.
Его же.—Материалы по истории русск. соц.-дем. „Борцы за социализм“. М. 1918 г.
Его же.—Из воспомин. о соц.-дем. движении среди Одесских рабочих „Мин. Годы“. 1908 г. № 9.
Стопани, А.—Первые шаги соц.-дем. работы в Ярославской губ. „Пр. Рев.“. № 4.
Его же.—На заре соц.-дем. в Казани. „Пр. Рев.“. 1923 г. № 2.
Стефанович, Я.—Дневник карийца. СПБ. 1906 г.
Его же.—Чигиринское дело. Прилож. к загр. изд. А. Туна.
Стратен, В.—Николаевский Южно-Русский рабочий союз. „Пр. Рев.“ 1922 г. № 4.
Его же.—К истории рабочего движения на юге „Пр. Рев.“ 1923 г. № 9.
Старый товарищ А. П. Столяренко.—Сб. статей. М. 1922 г.
Стачки жел.-дор. рабочих в Ростове-на-Дону в 1894 г. „Былое“. 1922 г.
Сергиевский, Н.—О Федосеевском кружке „Кр. Лет.“. 1922 г. № 5 и 1923 г. № 7.
Суханов, Н.—Наши направления. Петр. 1916 г.
Тахтарев, К.—Очерк Петерб. рабоч. движен. 90-х годов „Жизнь и Знание“. Петр. 1918 г. (III изд.).
Торсуева, Е.—Восп. работницы табачн. фабрики. Сб. „К 25 лет. 1-го С'езда“. М. 1923 г.
Тигранов.—Кассы взаимопомощи рабоч. частн. горных заводов и промыслов в Царстве-Польском. 1900 г.
Его же.—Горнозаводские т-ва.
Тобейко, А.—Из прошлого т. Ленина „Пути Рев.“. 1923 г. № 3. Казань.
Фарфоровский, С.—Жизнь рабочих на Кренгольмской мануфактуре, „Арх. Ист. Труда“. Кн. II.
Федосеев, Николай Евграфович.—Сборн. воспом. Гос. изд. 1923 г.
Фишер, А.—В России и в Англии. Гос. изд. М. 1922 г.
Шаповалов, А.—Воспоминания. Гос. изд. М. 1922 г.
Шаповалов.—По дороге к марксизму. Воспомин. рабочего револ. Истпарт. 1923 г.
Шепелев С.—Воспоминания о Саратове „Вестн. Сар. Губкома“, 1923 г. № 6.
Шелгунов, В.—Воспомин. о Петерб. рабоч. движ. перв. половины 90-х г.г. „Творчество“. 1920 г. № 7—10.
Его же.—Воспоминания в сборн. „От гр. Благоева к Союзу Борьбы“.
Шестаков, А.—На заре рабочего движения в Донбассе „Пр. Рев.“. 1921 г.

Я. К.—Первые шаги воспомин. бывш. члена Петерб. „Союза Борьбы". „Былое". 1907 г. № 9.
Эйдельман, Б.—К истории возникновения Рос. соц.-дем. рабоч. партии. „Прол. Рев." 1921 г. № 1.

Борьба петербургского пролетариата за сокращение рабочего дня.

Акимов, В. (Махновец).—Очерк развития соц.-дем. в России СПБ. 1906 г.
Его же.—Первый с'езд Рос. Соц.-Дем. рабочей партии „Мин. Годы". 1912 г. № 1—2.
Ангарский, Н.—Петербург. „Союз Борьбы за освобожд. рабочего класса". „Творч.". 1920 г. № 7—10.
Андреев, Я.—1897—98 г.г. в Колпине „Прол. Рев." № 2. 1923 г.
Валк, С.—К документальной истории „Рабочего знамени". „Кр. Лет.". 1922 г. № 2—3.
Горев, Б.—Рабочее движение в Петербурге в 90-х годах. „Кр. Новь". 1921 г. № 2.
Доклад по делу о возникн. в Петербурге в 1894 и 95 г.г. преступных кружков лиц, именующих себя соц.-демократами. Сборн. матер. и статей. Гос. изд. 1921 г.
Даргольц, М.—Одесская рабоч. гр. средины 90-х годов. Сборн. „К 25 лет. I С'езда Партии".
Крупская, Н.—Союз борьбы за освобожд. рабоч. класса „Творчество". 1920 г. № 7—10.
Его же.—К вопросу о первом с'езде Р. С.-Д. Р. П. „Прол. Рев." 1922 г. № 11.
Колпенский, В.—К истории рабочего движения в Петербурге в 1896 г.
Его же.—Рабоч. движ. 90-х годов и меры правит. борьбы с ним. „Кр. Лет.". 1922 г. № 2—3. „К 25-летию I С'езда Партии". М. 1923 г.
Кремер, А.—Основание „Бунда". „Пр. Рев.". 1922 г. № 11.
Лепешинский, П.—И дешево и сердито „Прол. Рев.". 1921 г., № 2.
Его же.—На повороте. П. 1922 г.
Манилов, В.—Очерк из ист. с.-д. движ. в Киеве. „Лет. Рев.", № 4.
Малинин, В.—К истории возникновения соц.-демокр. движения в Киеве. К. 1923 г.
Мартов, Л.—Записки соц.-демократа. Изд. Гржебина. Б. 1922 г.
Его же.—История рос. с.-дем. раб. партии. СПБ. 1918 г.
Его же.—Развитие крупн. промышленности и рабочее движение в России. Изд. Гранат.
Митревич, А.—Воспоминания о рабочем револ. движ. 1895—96 г.г. „Пр. Рев.". 1922 г. № 4.
Мицкевич, С.—О работе В. И. Ульянова-Ленина: „Что такое друзья народа". „Пр. Рев.". 1923 г. № 2.
Новополин, Г.—Из истории рабоч. движ. (1880—1903 г.г.). „Лет. Рев.". Укр. Изд. 1923 г. № 2.

Н—ский, Б.—Письмо Г. В. Плеханова в ред. „Рабочей Газеты“ „Лет. Рев.“. Берлин. 1921 г.
Невзорова-Кржижановская, З.—Наброски воспомин. о „Союзе борьбы за освобожд. рабочего класса“. „Творч.“. 1920 г. № 7—10.
Обзоры важнейших дознаний по госуд. преступлениям (за 90-е г.г.).
Ольминский, М.—Черный гектограф. „Прол. Рев.“. 1921 г. № 2.
Невский, В.—К вопросу о первом с'езде рос. соц.-дем. раб. парт. „Прол. Рев.“. 1921 г. № 1.
Его же.—Южно-Русский рабочий союз в Николаеве в 1897 г. М. 1922 г.
Его же.—К 25-летию партии „Прол. Рев.“. 1923 г. № 2.
Тахтарев.—Очерк Петерб. рабоч. движ. П. 1918 г.
Финн-Енотаевский.—К вопросу о первом с'езде Р. С.-Д. Р. П. „Пр. Рев.“. 1922 г. № 6.
Шаповалов, А.—По дороге к марксизму. Изд. Истпарта.
Шелгунов, В.—Воспомин. о петерб. раб. движ. перв. половины 90-х г. „Творч.“. 1920 г. № 7—10.
Шрейбер, С.—От кружк. пропаганды к 1-му с'езду Р. С.-Д. Р. П. „Пути Рев.“. 1923 г. № 1. Киев.
Шотман, А.—Записки старого большевика „Прол. Рев.“, № 9.
Эйдельман, Б. К истории возникн. Рос. С.-Д. Раб. Пар. „Прол. Рев.“. 1921 г. № 1.
Его же.—Именины Рос. Ком. Парт. Сборн. „К 25-летию первого с'езда“, М. 1923 г.
Его же.—О первом партийном с'езде. „Правда“. 1919 г. № 55.
Его же.—Письма в ред. „Прол. Рев.“. №№ 6, 8 и 9.

От кружковой работы к массовой агитации.

Акимов-Махновец. В.—Очерк развития соц.-дем. в России. Изд. Поповой. СПБ. 1906 г.
Аксельрод Б.—Рабочий класс и рев. движение в России. Изд. „Общ. Польза“. СПБ. 1907 г.
Его же.—К вопросу о современных задачах и тактике русских соц.-дем. Женева. 1898 г.
Бухбиндер, Н.—К истории соц.-дем. движения в Киевской губ. „Кр. Лет.“ 1923 г. № 7.
Батурин, Н.—Очерк истории соц.-дем. в России. М. 1906. (2-е изд. с дополн. М. Ольшинского в 1918 г.).
Бубнов, А.— Основные моменты в разв. коммун. партии в России М. 1921 г.
Валк, С.—Материалы к истории 1-го мая в России. „Кр. Лет.“ 1922 г. № 4.
Горев, Б.—Рабочее движение в Петербурге в 90-х годах.
Гринченко, М.—Киевский рабочий в соц.-дем. движении 90-х годов. Киев. 1923 г.
Д. Б.—К истории возникновения Р. С.-Д. Р. П. Сборн. „Наша Старина“. 1907 г. № 1.

25 лет РКП.—Изд. Истпарта. М. 1923 г.
Зиновьев, Г.—Из истории нашей партии. Изд. Союза коммун Северн. Обл. Петр. 1919 год.
Каменев, Л.—История партии коммунистов в России и В. И. Ленин.
Линдов, Г.—Краткий очерк истории Р. С.-Д. Р. П. Изд. „Муравей" Петр. 1917 г.
Лядов, М.—История Р. С.-Д. Р. П. Ч. I. СПБ. 1906 г.
Об агитации.—Женева. 1896 г.
От группы Благоева к Союзу Борьбы. Госиздат. 1921 г.
Путь к Октябрю.—Сборник. М. 1923 г.

Первые попытки об'единения рабочих кружков.

Батурин.—Очерк истории соц.-демократии в России. Первое изд. 1906 г. Второе изд. 1918 г.
Бубнов, А.—Основные моменты в развитии коммунистической партии в России. Изд. Истпарта.
Горев.—Марксизм и рабочее движение в Петербурге четверть века назад. „Красная Новь" № 3. 1921 г.
Егоров, А.—Зарождение политических партий и их деятельность.
Ельницкий, А.—История рабочего движения в России. Ч. Петербург. 1918 г.
Зиновьев.—Из истории нашей партии.
Каменев.—В. И. Ленин и история компартии.
Кремер.—Основание Бунда. „Пролетарская революция" № 11 1922 г. Москва. Истпарт.
Крупская.—Союз борьбы за освобождение раб. класса. „Творчество" № 7—10. 1921 г.
Ее же.—К вопросу о первом с'езде Р. С.-Д. Р. П. „Пролетарская революция" № 11.
Линдов.—Краткий очерк истории рос. соц.-дем. раб. партии.
Левицкий.—Исторический очерк разв. рос. соц.-дем. раб. партии Москва. 1917 г.
Ленин.—„За 12 лет". „Задачи русских соц.-дем." и „Что делать"
Манифест и постановления с'езда. „Листок работника". № 8.
Луначарский.—Великий переворот. Москва.
Лядов.—История Рос. соц.-дем. раб. партии.
Мартов.—История Рос. соц.-дем. раб. партии.
Махновец.—Первый с'езд Рос. соц.-дем. раб. партии. „Минувшие годы" № 1—2. 1908 г.
Его же.—Очерк развития соц.-дем. в России. Петербург. 1906 г.
Невский.—К вопросу о первом с'езде Рос. соц.-дем. раб. партии „Пролет. Рев." № 1.
Его же.—Южно-русский рабочий союз в гор. Николаеве в 1897 г.
Его же.—К 25-ти летию партии. „Пролет. Рев." № 14.
Его же.—Харьковское дело Ювеналия Мельникова и других. Сборн. Истпарта. „От группы Благоева к Союзу борьбы.

Н—ский.—Письмо Плеханова в редакцию „Рабочей Газеты". „Летопись революции". Берлин—Петербург—Москва.
Новополин.—Из истории рабочего движения. (1880—1903 г.). „Летопись революции" № 2. Екатеринослав. 1923 г.
Перазич.—Ювеналий Мельников и Харьковский рабочий кружок. Еженедельн. „Правда" № 14. Москва 1921 г.
Его же.—Еще о Харьковском рабоч. кружке конца 80-х годов. Красная Летопись" № 4. Петроград.
Спиридович.—Революционное движение в России. Выпуск I. Петербург. 1914 г.
Его же.—История большевизма в России. Париж. 1922 г.
Тахторев.—Очерки Петерб. раб. дв. в 90-х годах. Издан. Г-ы Петербург. 1918.
Тучапский.—Из пережитого. (90-ые годы). Одесса. 1923 г.
Фин Енотаевский.—К вопросу о первом С'езде Р. С.-Д. Р. П. „Пролет. Рев.". № 6.
Эйдельман.—К истории возникн. Российск. С.-Дем. Раб. Партии. „Прол. Рев.". № 1,
Его же.—Письмо в редакцию. „Прол. Рев.". № 6.
Его же.—Письмо в редакцию. „Прол. Рев.". № 8.
Его же.—Письмо в редакцию. „Прол. Рев.". № 9.
Его же.—О партийном архиве. „Правда". № 23. 1919 г.
Его же.—О партийном архиве. „Правда". № 41 1919 г.
Его же.—О первом партийном с'езде. „Правда". № 55. 12—III 1919 г.
Эрде.—Первый с'езд Р. С.-Дем. Рабочей Партии. 1921 г.
„Русский Рабочий". № 1. Октябрь. 1898 г.
Валк. К документальной истории „Рабочего Знамени" „Красная Лет.". № 2—3.

Первое мая в России.

Акимов-Махновец, В.—Первое мая в России. „Былое". 1906 г. № 10—12.
Батурин, Н.—Очерки истории С.-Дем. в России.
Вардин, И.—Майский праздник коммунизма „Московский Рабочий". 1923 г.
Виктор.—Первое мая в Москве. Сборн. „На заре рабоч. движ." ГИЗ. М. 1918 г.
Валко.—Материалы к истории первого мая в России. „Красн. Летоп.". 1922 г. № 4.
Ельницкий, А.—Первое мая в России. Издание „Пролетарий". Харьков. 1925 г.
Ерманский, А.—„Первое мая—день борьбы за мир". Петербург. „Книга". 1918 г.
Зиновьев, Г.—Пролетарский праздник первое мая. Изд. Петроград. Сов. 1918 г.
Зорин, С.—Первое мая в прошлом и настоящем. ГИЗ. Петроград. 1921 г.
Кон Ф.—Первое мая. „Красная Новь". 1924 г.

Ленин, Н.—Работа первомайского субботника „Ком. Интерн.„ № 510. 1920 г.
Его же.—Собр. соч. Т. 4.
Линдов, Г.—Краткий очерк истории Российск. С.-Демокр. Рабоч. Партии. Петербург. 1917 г.
Лядов М.—История Р. С.-Дем. Рабоч. Партии. Ч. 1 и 2.
Митрофанов, А.—Что за праздник первое мая. М. Гиз. 1920 г.
Плеханов, Г.—Ежегодный всемирный праздник рабочих. П. 1906 г.
Рязанов, Д.—„Обуховское Дело". ГИЗ. 1919 г.
Равич Черкасский.—1 мая. Укр. ГИЗ. 1923 г.
Святловский, В.—К истории первое мая „Былое". 1921 г. № 16.
Сверчков. На заре революции.
Шелавин, К.—К 1 мая в России. Изд. „Прибой". 1923 г.

„Экономизм" и борьба за единство партии.

Астров, В. „Экономисты"—предтечи меньшевиков. М. 1923 г.
Батурин, Н. Очерки по истории социал-демократов в России.
Ваганьян, А.—Г. В. Плеханов.
25 лет Р. К. П. Изд. Истпарта М. 1923 г.
Зиновьев, Г. Из истории нашей партии. СПБ. 1917 г.
Кольцов, Д. Рабочие в 1890—1904 годах „Общественное движение в России". Т. I.
Ленин, Н. (В. Ульянов). Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. Собр. соч. Т. 5.
Линдов, Г.—Краткий очерк истории Российск. соц.-демокр. раб. Партии. Изд. „Муравей". 1917 г.
Лядов, М. История Р. С.-Д. Р. П. Ч. I. СПБ. 1906 г.
Мартов, Л.—Истор. Российск. Соц.-Дем. 1918 г.
Его же. Записки социал-демократа. Издание Гржебина. Берлин.
Павлов П. Пролетарская борьба в России до 1905 г. М. 1919 г.
Путь к Октябрю. Сборник. М. 1923 г.

Развитие массового рабочего движения в XX ст.

Акимов-Махновец, В.—Первое мая в России „Былое". 1906 год. № 10—12.
Аксельрод, П.—Революционные партии в России. Ростов-на-Дону. 1906 год.
Аркомед, С. Т.—Рабоч. движ. и соц.-демокр. на Кавказе (с 80 г.г. по 1903 г.). Гос. изд. М. 1923 г.
Балабанов, М.—Промышленность 1904—1907 г.г. „Общее движ. в начале XX ст.". Т. IV.
Батумская бойня. Обв. акт по делу Батумской рабоч. боевой организации. 1902 г.
Бендер, И.—Стачечное движение на юге России в 1903 г. „Арх. Ист. Тр.", кн. 6—7.
Его-же.—Из стачечного движения на Кавказе „Арх. Ист. Тр.", кн. 5.
Его же.—Златоустовская забастовка. „Арх. Истор. Труда", кн. 4.
Бобровская.—Записки рядового подпольщика. Изд. Истп. 1922 г.
Бранская, Е.—На Баланинских промыслах. „Современный Мир". 1912 г. № 6—7.
Бухбиндер, Н. А.—Евр. рабочее движение в Гомеле (1890—1905). „Кр. Лет.". 1922 г. № 2—3.

Его же.—Еврейск. раб. дв. в Минске (1893—1905) „Кр. Летоп.". 1923 г. № 5.
Бухарин.—Классовая борьба и революция в России. Государст. Издат. М.
Варзар.—Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895—1904. Изд. „Отд. Пром. и Торг.". СПБ. 1905 г.
Васильченко и Ставский.—Первый бой. (К 20-летию годовщины Ростовской стачки 1902 г.). Изд. „Моск. Рабоч.". М. 1922 г.
Виктор.—Первое мая в Москве. Сборн. „На заре рабочего движения". М. 1919 г.
Войтинский, В.—На партийной работе. Из восп. „Современника" 1914, № 3.
Дан, Ф.—Из истории рабочего движения и социал-демократов в России (1900—1904). Издание 2, Ростов-на-Дону. Издание „Донская Речь".
Ельницкий, А.—Первое мая в России. Изд. „Темы Жизни", 1906 г., № 6.
Залкинд, С.—Воспоминания об Урале (1902—1906). „Прол. Рев.". 1923. № 15.
Записки директора департамента полиции Лопухина о стачках в июле 1903 г. „Кр. Лет.". 1922 г. № 4.
Ильин, Б. (Ленин Н.).—За 12 лет. Сборн. статей. СПБ., 1919.
„Искра" за 2 года. СПБ., 1906.
История екатериносл. с.-дем. организации. Восп. и матер. под ред. Рубача. Екат. 1923 г.
Калантадзе и Мхеидзе.—Очерки революцион. движен. в Гурии. СПБ., 1906.
Кольцов, Д.—Рабочие в 1890—1904. „Общее движение в начале XX ст.". Т. I.
Колпинский, В.—1 мая в России. „Арх. Ист. Тр.", кн. 1.
Ларин.—Крестьянин и рабочий в рус. революции, Гос. Изд. М.
Ленин, Н.—Сбор. соч. Т. IV. М. Гос. Изд. 1920—1921 г.
Лепешинский П. Н.—„На повороте". Воспоминания (1890—1905). Изд. „Истпарт".
Мартов, Л.—Пролетарская борьба в России, Изд. 1906.
Мицкевич, С.—На грани двух эпох. „Пролет. Рев.". 1923 г. № 2.
Морр, Н. проф.—Из Гурийских наблюдений (по поводу Бакинск. событий). СПБ. 1905 г.
М. С.—На заре рабочего движения в Москве. Сб. „Текущ. момент". М. 1906.
Моршанская.—Эпизод из истории рабоч. движения в Костроме. (1903 г.). „Пролет. Рев.", 1923 г., № 6—7.
Новик, Ю.—К демонстрации в Ростове-на-Дону (1903 г.). „Кр. Лет.", 1923, № 5.
Норинский.—Екатеринославская забастовка в 1903 г. „Пр. Рев." 1922 г. № 7.
На заре рабочего движения в Москве. Сборник. М. 1919 г.

Обзор важнейших дознаний, произв. в жанд. упр. за 1901 г. (Р. Ист. Библ. № 20).
Обзор важнейших дознаний, произ. в жанд. упр. за 1902 г. (Ростов-на-Дону. 1906 г.).
Обществ. движение в России в нач. XX ст. (под ред. Мартова, Маслова, Потресова). Т. I—IV.
Озеров, И.—Нужды рабочего класса в России. Записка, поданная Витте в 1902 г. М. 1905 г.
Павлов, Б.—Пролетарская борьба в России до революции 1905 г. М. Изд. В. Ц. И. К. 1919 г.
Пономарев.—Пролетариат на Кавказе. СПБ. „Темы Жизни".
Раевский, А.—История первого мая в России. М. 1923 г.
Ратова, С. А.—Всеобщая стачка в 1903 г. на Кавказе и Черномор. побережье. „Былое". 1907, № 6.
Революционное движение в России в докладах мин. Муравьева, с предисл. Л. Мартова, СПБ. 1907 г.
Рязанов.—Обуховское дело. СПБ.
Самойлов, Ф. Н.—Воспомин. об Ив.-Возн. рабочем движ. (1903—1905). Изд. „Истпарт".
Сверчков.—На заре революции. Воспоминания (1903—1905). Изд. „Истпарт".
Скопин (Зиновьев).—25-летие пролет. праздника „Просвещение" 1914 г. № 4.
Стеклов Ю.—Майский праздник в России. М., 1918. „Борцы за социализм".
Сулимов.—Воспоминания обуховца (1900—1903) „Прол. Рев.", 1922 г. № 12.
Тигранов.—Горнозаводские товарищества. СПБ. 1903 г.

Рабочее движение в России и полицейский социализм (зубатовщина).

Бухбиндер, Н.—О зубатовщине. „Кр. Лет.". 1922 г. № 4.
Его же.—Независ. евр. раб. партия. „Кр. Лет.". 1922 г. № 2—3.
В. Н.—Библиография о зубатовских союзах. „Кр. Лет.". 1922 г. № 1.
Григорьевский. В. Полицейский социализм в России (что такое зубатовщина). СПБ. 1906.
Гольцев. В.—Первый арест. Знакомство с Зубатовым. „Рус. Мысль" 1906 г. № 10.
Гоц. М.—С. В. Зубатов. Странички из пережитого „Былое" 1906 г. № 9.
Заявления Григория Гершуни Зубатову. „Былое". 1918 г. Кн. 9.
Заславский, Д.—Зубатов и Маня Вильбушевич „Былое". 1918 г. Кн. 9.
Зубатовщина. „Былое". 1917 г. № 4.
Как устраивали в Москве рабочий вопрос? „Русское Дело" 1905 год. №№ 3, 4, 5.
К истории зубатовщины. История легализации рабочего движения „Былое". 1917 г. № 1.

Колпенский, В.—Рабочее движение 90-х годов и меры правит. борьбы с ним. „Кр. Лет.“. 1922 г. № 2—3.
Кольцов, Д.—Рабочие в 1890—1904 г.г. „Общ. движ. в России в начале XX ст.“ Т. I.
Лунц, М. Г.—Что такое зубатовщина? М. 1909 г.
Мицкевич, С.—„Зубатовщина“. Сборник „На заре рабочего движения в Москве“. М. 1909 г.
Морской, А.—Зубатовщина. М. 1913 г.
Новое о зубатовщине. (Воспомин. А. Чемериского, М. Рафеса и М. Фрумкиной). „Кр. Лет.“. 1922 г. № 1.
Озеров, И. Х.—Политика по рабочему вопросу за последние годы. М. Сытин. 1906 г.
Письмо С. В. Зубатова. „Вестник Европы“. 1906 г. № 3.
Полицейский социализм и с.-д. „Жизнь“, № 2. 1902 г.
Ратаев, Л.—Письмо С. В. Зубатову. (1900—1903 г.г.) „Голос Минувшего“. 1922 г., № 1.
Святловский, В.—Профессион. движение в России. СПБ. 1907 г. Гл. III.
Терешкович, К.—Московская молодежь 1880 г. и С. Зубатов. Из воспоминаний „Минувшие Годы“. 1908 г. № 5—6.
Фрумкин.—Зубатовщина и еврейское рабочее движение „Пережитое“. Т. 3.
Штейн, В.—Неудачный опыт. Зубатовщина. „Ист. вестник“. 1912 г. № 7.
Айнзафт, С.—Зубатовщина и гапоновщина. Изд. ВЦСПС. 1922 г. (Есть второе издание).

Влияние рабочего движения на развитие фабрично-заводского законодательства.

Александровский.—Закон о страховании рабочих от несчастных. случаев. СПБ. „Книжное дело“. 1918 г.
Астров, В.—Юридические предпосылки рабочего права. М. 1911 г.
Его же—Государственное страхование и гражданское право. М.. 1911 г.
Балицкий, Г.—Фабричное законодат. в России. М. Изд. „Труд и Воля“ 1906 г.
Б. Г., Д.—Страхование рабочих по закону 1912 г. СПБ. 1913.
Быков, А.—Страхование рабочих, как фактор промышленности, и русские страховые законы. СПБ. „Обществ. Польза“ 1913 г.
Его же.—Фабричное законодательство и развитие его в России. СПБ. 1909 г.
Варзар.—Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах.
Его же.—Статистич. сведения о результатах применения закона 2-го июля 1903 г. СПБ. 1908 г.
Догадов.—Отчет фабричн. инспект. СПБ. округа за 1885 г.
Доклад по делу обеспечения рабочих на случай болезни. М. 1912 г.

Грановский, Л.—Страхование рабочих на случай болезни и городское самоуправление. (Труды секции по страхованию рабочих).
Дементьев, Е.—Закон 2 июня 1903 г. СПБ. 1904 г.
Дементьев Е. и Эрисман.—Общая сводка по санитарным исследованиям фабричных инспекторов Московск. губ. 1879 и 1885 г. (Сборник статистич. сведений по Моск. губ. Т. IV и II).
Ежов, В.—Больничные кассы. СПБ. „Накануне" 1914 г.
Ионас, Д.—Новый закон о вознаграждении пострадавших железнодорожных служащих и рабочих. М. 1912 г.
Ксуров, П.—Вознаграждение увечных рабочих по закону 2 июня 1903 г. М. 1908 г.
Его же.—Страхование рабочих и служащих. М. 1910 г.
Колпенский, В.—Фабрично-заводские волнения и фабричное законодательство „Архив Ист. Труда", кн. II.
Литвинов-Фалинский.—Новое законодат. о страхов. рабочих. СПБ. 1912 г.
Лунц, М.—Сборн. статей. Из истор. фабричн. законодат. фабричн. инспекции и рабоч. движен. в России. М. 1909 г.
Его же—Фабричн. законодат. в России. „Образов.". 1906 г. № 3—4.
Материал по изданию закона 2 июня 1897 г. Изд. Мин. Фин. 1905 г.
Микулин, А.—Фабричная инспекция в России. Киев 1906 г.
Его же.—Сверхурочн. работы в пром. зав. Киевск. окр. К. 1894 г.
Ниселович, Л.—История фабрично-заводского законод. в России.
Обнинский.—Стачечное движение в конце 80-х г.г. „Юрид. Вестн.". 1887 г. Кн. 4.
Озеров, И.—Политика по раб. вопросу за последние годы. М. 1906 г.
П. В.—Новый закон 23 июня 1912 г. Страхование рабочих от болезни. Саратов. 1913 г.
Погожев, А.—Фабричный быт в Германии и России. М. 1882 г.
Песков.—Фабричный быт Владимирской губ.
Пажитнов, К.—Положение рабочего класса в России. СПБ. 1906 г.
Свод отчетов фабричных инспекторов за 1900 г., 1901 г. и т. д.
Полянский, Н.—Стачки рабочих и уголовных закон. СПБ. 1907 г.
Свод отчетов фабричных инспекторов за 1900 г., 1901 г. и т. д.
Святловский, В.—Современ. законодат. о проф. союзах. СПБ. 1907 г.
Тютрюмова, Р.—Фабричное законодательство в России.
Таль, Л.—Очерки промышленного права.
Янжул, И.—Воспоминания о пережитом и виденном. Вып. I и II СПБ. 1910—1911 г.г.
Его же.—Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора. СПБ. 1907 г.
Его же.—Фабричный быт Московской губернии.

9 января—17 октября 1905.

Авис, В.—Памятные дни „Историч. Вестник". 1911 г. № 3.
А. С.—Из заграничных встреч. Г. Гапон. „Русское Богатство". 1909 год. № 1.

Бабахан, Н.—Советы 1905 г. М. „Моск. Рабочий". 1923 г.
Бернштам, В.—За право. Изд. „Библ. для всех". СПБ. 1905 г.
Бухбиндер.—Еврейское рабоч. движ. в 1905 г. „Красн. Летоп.". 1923 г. № 7.
Его же.—Еврейское рабоч. движение и 9 января. (По неиздан. арх. матер.). „Кр. Лет.". 1922 г. № 1.
Его же.—Из жизни Гапона. (По неизд. матер.). „Кр. Летопись". 1922 год. № 1.
Его же.—К истории собр. русских фабричн. рабочих СПБ. „Красная Лет.". 1922 г. № 1.
Воробьев, Н.—Из жизни Ив.-Вознесенск. рабочих. „Образование". 1906 г. № 3.
Его же.—Стачка Ив.-Вознесенских рабоч. 12 мая—2 июля 1905 г. М. 1907 г.
„Вперед". 1905 г. № 4—7. Женева.
Г.—Георгий Гапон. „Истор. Вести.". 1912 г. № 6.
Гапон Георгий Александрович.—Энц. словарь „Брокгауза и Эфрона. СПБ. Т. XII.
Гапон.—Записки. М. 1918 г.
Горбачев.—9 января и декабрьские дни 1905 г. Изд. „Петрогубполитпросвет". СПБ. 1922 г.
Гуревич.—Народное движение в Петербурге 9 января 1905 года. „Былое". № 1.
Его же.—9 января по данным анкетной комиссии. „Тема жизни". 1906 г. О. Н. Попова.
Горький, М.—9 января. Очерк. Госиздат. 1920 г.
Горн, В., Череванин, Меч, В.—Общественные силы и их борьба в русской революции. М. 1907 г.
Д.—1905 и 1906 г.г. в петербургском университете. Сходки и митинги. СПБ. 1907 г.
Давыдов, О.—Два дня. Хроника из октябрьских дней. Издание „Вперед". СПБ. 1906 г.
Дан, Ф.—Армия с 9 января 1905 года. „Книжка за книжкой". 1906 г. № 1.
Девятое января 1905—1906 г.—„Книжка за книжкой". С.-Петербург. 1906 г.
Дейч, Л.—Герой на час. Из воспоминаний о Гапоне. „Совр. Мир". 1909 г. № 1.
Доклад присяжн. повер. о событиях в Петербурге 9 января 1905 г. „Кр. Лет.". 1922 г. № 1.
Дунин, А.—Взятие народного дома в Самаре „Историч. Вестн.". 1911 г. № 4.
Ж. Жорес.—Смерть царизма.
Зайцев.—Общественное движение в Сибири „Образование". 1906 г. № 3.
Записки Г. Гапона.—М. 1918 г.
Замятин.—„Политич. пустоцвет". „Мол. Россия". 1906 г. № 1.
Ивинский, М.—„Первый день революцион. эпохи". „Всемирный Вестник". 1906 г. VI.

И. Г.—Гапон и его газета. „Ист. Вестн.“. 1912 г. VI.
Изгоев, А.—Общественное движение в России. „Русская Мысль“. 1907 г. № 1—3.
Исаев, А.—Характер русской революции, СПБ. 1906 г.
„**Искра**“, №№ 84, 85, 86.
Короленко, В.—Хроника внутренней жизни. „Русск. Богатство“. 1906 г. № 1.
Кубиков, И.—9 января. „Ист.-Рев. Бюл.“. 1922 г. № 2—3.
Кармен.—Потемкинские дни. СПБ. „Глобус“. 1907 г.
Карелин, А.—Девятое января и Гапон. „Красная Летопись“. 1922 г. № 1.
Каутский.—Движущие силы и перспективы русской революции.
Кирилл.—Одиннадцать дней на „Потемкине“ СПБ. 1907 г.
Коваленко—„11 дней на броненосце „Кн. Потемкин-Таврич.“. „Былое“. 1907 г., январь—февраль.
Короленко.—Хроника внутренней жизни 9-го января. „Русское Бог.“. 1905 г. № 1.
Кольцов, Д.—Один из „эпизодов революции. „Искра“ за 2 года. СПБ. 1906 г.
Котякевич.—Из прошлого Олонецкой организации 1905—1908 г.г. „Прол. Рев.“. 1922 г. № 6.
Котов, Г.—Мои воспоминания. „Прол. Рев.“. 1922 г. № 4.
Кунгуров. П.—Записки рабочего. „Прол. Рев.“. 1922 г. № 4.
Кранихфельд, В.—Кровавое воскресенье“. „Мир Б.“ 1906 г. № 1.
Его же.—Под красным знаменем. Октябрьские события. „Мир. Б.“. 1905 г. № 11.
Кропоткин—Революция в России. СПБ. 1905 г.
К биогр. Гапона.—(из арх. „Бунда“). „Мин. Годы“. 1908 г. № 7.
Курджинский М.—Владивосток в 1905 году. „Мин. Годы“. 1908 г. Кн. 4—7.
Кузьмин-Караваев.—Из эпохи освободительного движ. ч. 1 и 2.. СПБ. 1907 г.
К—в, П.—Красноярск в конце 1905 г. „Былое“. 1907 г.
Л.—Что вызвало августовские дни в Баку? „Правда“. 1905 год. № 9—10.
Лавринович.—Итоги 17 октября. „Образование“. 1906 г. № 11.
Ландер. К.—Очерки из истории латышского народа. „Русская Мысль“. 1906 г. № 6—8.
Лаврский.—По России. Волнения в городах, деревнях и армии. „Мир Б.“. 1906 г. №№ 4, 5—6.
Ленин, Н.—Собрание сочинений. Т. V. Революция 1905—1906 г.г. Ч. I и II.
Его же.—Рабочее движ. в России в эпоху первой революции. М. „Нов. Москва“. 1923 г.
Леонтьев, В.—Стачки 1905 года в Петербурге. „Русск. Богатство“. 1907 г. № 6.
Л—й, И.—Банкетная кампания в Саратове. „Мин. Годы“. 1908 г. № 12.
Луначарский, А.—„Опять 9 января“. „Пламя“. 1919 г. № 38.

Лемке, М.—9 января 1905 г. „Кр. Лет.“. 1922 г. № 1.
Лопухин.—Доклад дир. департ. полиции о январских событиях. „Кр. Лет.“. 1922 г. № 4.
Его же.—Записки о стачках в июле 1905 г. в Одессе, Киеве, Николаеве. „Кр. Лет.“. 1922 г. № 4.
Лицинский, Н.—Работа соц.-дем. в Ставрополе-губ. „Пролетарская Револ.“. 1924 г. № 4.
Львович, А.—Требования рабоч. Балтийского и друг. заводов в январские дни 1905 г. „Арх. Ист. Труда“. 1922 г. Кн. 4.
Маевский, Е.—1905 год. Очерк революционного движения. П. „Скоб. Ком.“. 1917 г.
Его же.—Массовое движение с 1904—1907 г.г. „Обществ. движ. в начале XX ст.“. Т. II. ч. I.
Малишевский.—Роль соц.-дем. в освобод. движен. „Осв. библ.“. № 1. СПБ. 1906 г.
М. Б.—Очерки по истории железнодорожных забастовок в России. М. 1907 г.
М—ов, Л.—Соц.-демократия 1905—1907 г.г. Общественное движ. в начале XX ст. Т. III.
Мартов, Л.—9 января. „Книга за книгой“. 1906 г. № 1.
Мартынов.—Священник Гапон и петербургские рабочие. „Кн. за кн.“. 1906 г. № 1.
Матюшинский.—„За кулисами гапоновщины“. Исповедь. „Красное Знамя“. 1906 г., май.
Материалы: доклад директора департамента полиции о январских событиях.
„ 9 января. Отрывок из мемуаров Витте.
„ Доклад прис. пов. о событиях в СПБ., 9 янв. 1905 г. „Кр. Лет“. 1922 г. № 1.
Милюков, П. Н.—Год борьбы. Публицист. хроника. СПБ. 1907 г.
Михайлов.—Рабочая революция 1905 г. М. 1919 г.
Мицкевич (Капсукас).—1905 год в Литве. „Пролетарская Рев.“. 1922 г. № 11.
Морской, А.—Исход Российской Революции. 1905 г. и правительство Носаря. М. 1911.
Невский, В.—Выборы в комиссию Шидловского. „Арх. Ист. Тр.“. Кн. 3.
Его же.—Январские дни в Петрограде в 1905 г. „Кр. Лет.“ 1922 г. № 1.
Его же.—Январские дни в Москве в 1905 г. „Кр. Лет.“. 1922 г № 2—3.
Его же.—Январские дни 1905 г. в провинции. „Кр. Летоп.“ 1922 г. № 4.
Его же.—Январские дни 1905 г. в Екатеринославе и Дон. бассейне. „Пр. Рев.“. 1923 г. № 15.
Его же.—Январские дни на Кавказе. „Прол. Рев.“ 1924 г. № 4.
Его же.—Декабрьская забастовка в Баку в 1904 г. „Прол. Рев.“. 1924 г. № 2.
Никифоров.—Правда о свящ. Гапоне. СПБ. 1906 г.

Обнинский, В.—Летопись Русской Революции. М. 1907 г.
Его же.—Полгода Русской Революции. М. 1906 г.
Овчинникова, В.—„Воспоминание". „Рус. Раб." 1905 г. № 3.
Орлов, П.—Русская рев. 1905—1906 г.г. Давос. 1906 г.
Очерк забастов. движения бакинских рабочих за 1903—1906 г.г.
„Освобождение". 1905 г. № 64—67. Париж.
Павлов.—Из воспоминаний о „Рабочем Союзе" и свящ. Гапоне. „Мин. Годы". 1908 г. март—апрель.
Памяти Гапона. „Русская Мысль". 1907 г. № 5.
Парвус.—Россия и революция. СПБ. Изд. Глаголев.
Его же.—Что дает нам 9 января. Сб. „Рос. и Рев.". СПБ. 1906 г.
Перрис, Д.—Пионеры русской революции. VI. Свящ. Гапон. СПБ. 1905 г.
Пестковский, С.—Борьба партий в рабочем движении в Польше в 1905—1907 г.г. „Пролет. Рев.". 1922 г. № 11.
Его же.—1905 г. в Польше. „Кр. Лет.". 1923 г. № 5.
Петров, О. П.—Правда о Гапоне. СПБ. 1906 г.
Петр. Ю.—„Кровавое воскресенье". „Пламя". 1919 г. № 38.
Пионтковский, С.—9 января 1905 г. П. 1924 г.
Павлов, И.—Из воспомин. о „рабочем союзе". „Мин. Годы". 1908 г. № 3—4.
Пискарев.—Воспоминания рабочего о 9 янв. 1905 г. „Кр. Балтиец". 1921 г. № 1.
П. К.—Революционная соц.-дем. в Прибалт. крае. СПБ. 1906 г.
Послание к русскому крестьянству и рабочему народу от Георгия Гапона. 1905 г. СПБ.
Последние минуты Гапона, восп. очевидца „Былое". Париж. № 11.—12.
„Последн. известия". 1905 г. № 210—215. Лондон. Изд. загр. ком. „Бунда".
Подвойский, Н.—Первый совет рабоч. депутатов. „Ист.-Револ. Бюлл.". 1922 г. № 2—3.
Познер, С.—Воспоминание о 9 январе 1905 г. „Красн. Летоп." 1922 г. № 1.
Пестковский, С.—1905 г. в Польше „Кр. Лет.". 1922 г. № 5.
Письмо работницы о 9 января 1905 г. „Кр. Лет.". 1922 г. № 1.
Протопопов, Д.—Из недавнего прошлого. Самара в 1904—1905 г.г. „Рус. М.". 1907 г. № 11—12.
„Рев. Россия". 1905 г. №№ 58—60. Лондон.
Рожков.—Судьбы русской революции. СПБ. 1907 г.
Равич, А.—1905 г. в Лодзи „Прол. Рев. ". 1922 г. № 2.
Романов.—Движение среди служащих и рабочих жел. дорог в 1905 г. „Образ.". 1906 г. № 10.
Ростоцкая, Н.—Потемкинские дни в Одессе. СПБ. „Наш Голос".
Рутенберг, П.—Дело Гапона. „Былое". 1917 г. Кн. 2.
Самойлова, Ф.—Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабоч. движении 1903—1905 г.г. М. 1922 г.
Святловский, В.—Професс. движение рабочих в 1905 г. „Кр. Лет.". 1922 г. № 2—3.

Сементковский, Р.—Современная Россия в дни революции. СПБ. 1911 г.
Серебров, В.—Январские дни 1905 г. „Пролет. Револ.“. 1922 г. Кн. 5.
Симбирский, Н.—„Правда о Гапоне и 9 янв.“. СПБ. 1906 г.
Сомов, С.—Из истории соц.-дем. движения в СПБ в 1905 г. „Былое“. 1907 г., IV—V.
Старосельский, В.—Дни свободы в Кутаисской губ. „Былое“. 1907 г., июль.
Стеклов, Ю.—Памяти пионеров. „Изв. ВЦИК“. 19 января 1922 г.
Стрельский.—Очерк истории рабочего движения в 1905—1906 г.г. „Образ.“. 1906 г. Кн. 12.
Его же.—Партии и революция 1905 г. Изд. „Молот“.
Строев.—Дело Георгия Гапона. Гапоновцы. Письмо Гапона. Кто такой Матюшинский? „Огни“. 1906 г. № 1.
Сухонин, С.—9 января 1905 г. „Всем. Вестн.“. 1905 г. № 12.
Танаевская. В.—Администр. приемы успокоения „Вестн. Европы“. 1906 г. № 9.
Тимофеев, Е.—Лики отошедших „Кат. и Ссылка“. 1922 г. № 3.
Томские дни. Хроника октябрьских событий. Томск. 1906 г.
Тотомианц, Б.—Стачки в России „Мир Б.“. 1906 г. № 2.
Троцкий, Л.—Наша революция. СПБ. Изд. Глаголева. 1906 г.
Троцкий, Л.—1905 год. М. Госиздат.
Его же.—Наша революция. Изд. Глаголева. СПБ. 1906 г.
Его же.—Из истории одного года. Изд. „Н. Мир“. СПБ. 1907 г.
Урусов.—„Дни свобод“ в Севастополе „Вестн. Европы“. 1909 г. № 2.
Феликс, Г.—Гапон и его обществ.-политическая роль. СПБ. 1906 г.
Филиппов, Ал.—Несколько слов о Гапоне „Нов. Жур. для всех“. 1913. VI.
Его же.—Странички минувшего. О Гапоне „Библ. для всех“. СПБ. 1914 г.
Его же.—Странички прошлого. Несколько слов о Гапоне „Новый Журнал для всех“. 1913 г. № 6.
Фролов, Д.—Пробуждение. Воспоминание рядового рабочего. Харьков. 1923 г.
Цеткина, К.—Роза Люксембург и русская революция. Изд. Б. „Кр. Новь“. М. 1923 г.
Черномордик, С.—Убийство Баумана. „Пролет. Рев.“. 1922 г. № 9.
Что читать о 9 января 1905 г. Указатель литературы под редакц. О. Э. Вольценбурга. СПБ. 1922 г.
Шляпников, А.—Красные дни в захолустье „Пролетарск. Револ.“. 1922 г. № 8.
Шахназарьянц, М.—Крестьянское движение в Грузии и соц.-демократия. Изд. „Колокол“. СПБ. 1906 г.
Южаков, С.—1905 г. „Современник“. 1906 г. № 1.
Ярославский, Е.—Страничка воспоминаний (1905 г.). „Пролетарск. Револ.“. 1922 г. № 6.

Советы Рабочих Депутатов

Александрова, Н.—Артем (биографический очерк). М. 1923 г.
Альбовский, Е.—6 месяцев в Курляндии. „Рус. Стар.“. 1912 г., № 5; 1913 г. №№ 6—8, 10—12, 1914 г., № 4.
Бабахан, Н.—Советы 1905 г. „Моск. Рабоч.“. М. 1923 г.
Баранский, Н.—В рядах сибирского соц.-дем. союза. Новониколаевск. 1923 г.
Большевистские тайные типографии в Москве и Московской губ. Госиздат. 1923 г.
Витте, С. Ю.—Из мемуаров. „Кр. Лет.“. 1922 г. № 1.
Горбачев.—9 января и декабрьские дни 1905 г. СПБ. 1922 г. Изд. „Петрогубполитпросвет“.
Горев, Б.—Осколки первой революции в Бутырках. „Каторга и ссылка“. 1922 г. № 3.
Горин, П.—Очерки по истории Совет. рабочих депутатов. М. 1925 г.
Г. П.—Очерки по истории Кр. гвардии. Изд. „Факелы“. М. 1919 г.
Д. Г.—Ноябрьские политич. забастовки в СПБ. „Правда“, 1905 г. № 12.
Дело Совета Рабочих Депутатов. Екатеринослав. 1906 г. Изд. „Товарищ“.
Евгений.—Петерб. Сов. Раб. Деп. „Откл. Совр.“. 1906 г. № 5.
Ежов, Н. М.—Русские метаморфозы. „Ист. Вестн.“. 1910 г. № 1—5.
Кийнов, А.—Из былого Урала. Уфа. 1923 г.
Клейнборт.—Первый Совет Раб. Депутатов. СПБ.
Климов, В.—Расправы и расстрелы. М. 1906 г.
Кольцов, И.—Памяти павших. М. 1906 г.
Кузнецов, П.—Красноярск в конце 1905 г. „Былое“. 1907 г. № 6.
К истории карат. экспедиции в Сибири. „Кр. Арх.“. 1922 г. № 1.
Котов, Г.—На Урале. „Пр. Рев.“. 1922 г. № 2.
Лебедев, П.—Красные дни в Нижнем-Новгороде. „Былое“. 1907 г. № 5.
Лучинин.—Сов. Раб. Деп. (13 окт.—3 дек.) 1905 года. „Жизнь Конторщ.“. №№ 1 и 2.
Обвинительный акт Сов. Раб. Депутатов. СПБ. 1906 г.
Ольшанский, Н.—Кронштадтск. восстание 1906 г. „Кр. Лет.“ 1922 г. № 5.
Переверзев, П.—Карательная экспедиция г.-л. Ренненкампфа в Забайк. обл. „Былое“. 1907 г. Кн. 4.
Перес, Б.—К истории Петерб. 2-го Сов. Раб. Депутатов (1905 г.). „Пролет. Револ.“. 1922 г. № 5.
Пестковский, С.—Борьба партий в рабочем движении в Польше 1905—1907 г.г.
Подвойский, Н.—Первый Совет Раб. Депутатов. „Ист.-Рев. Бюл.“. 1922 г., № 2—3.
Потанин, Г.—Из недавнего прошлого. „Сиб. Зап.“ 1916 г. № 1.

Пролетарская революция на Дону. Сб. I (1905 г.). Ростов-на-Дону. 1922 г. Истпарт.
Процесс Сов. Раб. Депутатов. С пред. Эсперова. СПБ.
Рабочий ежегодник. 1906 г.
Радин.—Первый Сов. Раб. Депутатов. „Образование". 1906 г. Кн. 5.
Ровинский, П. В.—В Нерчинской сатрапии. Харбин. 1906 г.
Сверчков, Д.—Сов. Раб. Депутатов по данным охр. отделения. „Былое". (загр.) № 8.
Семенов, К.—Первый год Петерб. рабочей организации. „Мин. Годы". 1908 г., декабрь.
Совет рабоч. депут. в Одессе 1905 г. „Прол. Рев.". 1924 г. № 1.
Стеклов, Ю.—Сов. Раб. Депутатов в СПБ. Сб. „Борцы за социализм". М. 1918 г.
Сульжинов, А.—Смутное время в Ромнах. „Ист. Вестн.". 1914 г. № 2—3.
Текущий момент.—Сборник. М. 1906 г.
Троцкий, Л.—Наша революция. СПБ. Изд. Глаголева.
Троцкий, Л.—Итоги суда над Сов. Раб. Депутатов, б. о. г.
Его же.—1905 г.
Томский, Н.—„Красноярская Республика". „Ист. Вестн. "1913 г.№11.
Туккумская революция. Ноябрь—декабрь 1905 год. Выпуск I. Митава. 1913 г.
Туннель.—Накануне суда. (Очерк экономич. и политич. борьбы почт.-телегр. служащ. в России). М. 1908 г.
Фрезе, Г.—Конституционный строй на фабриках. М. 1906 г.
Ярцев, П.—Красные дни. „Правда". 1905 г. № 11.

Декабрьское выступление пролетариата

Ал.—Странички из истории декабр. событий. „Рус. Богат." 1908 г. № 6.
Александров, Н.—Артем (биографический очерк). М. 1923 г.
Альбовский, Е.—6 месяцев в Курляндии. „Рус. Стар." 1912 г. № 5. 1913 г. № 6—8, 10—12. 1914 г. № 4.
А. С.—Внутреннее обозрение. (Восстание конца 1905 г.) „Р. Мысль". 1906 г. 1—3.
Б. Л.—Декабрьские дни. М. 1906 г.
Б. Н.—„Бутырки" в дни декабр. восстания 1905 г. „Кат. и Ссылка". 1922 г. кн. 3.
Бузескул, В.—Дни баррикад в Харькове в 1905 г. „Гол. Мин." 1917 г. № 7—8.
Васильев (Южин), М.—Из воспом. о Московском восстании 1905 г. „Прол. Рев." 1920 г. № 5.
Владимиров, В.—Карат. экспед. отряд л.-гв. Семеновского полка в декабр. дни на Моск.-Каз. жел. дороге. М. 1906 г.
Вооруженное восстание в Москве.—К. Н. Л. Москва. 1906 г.
Глинский, Б.—Развенчанный герой революции Г. С. Хрусталев-Носарь. „Ист. Вест." 1913 г. № 6—12.

Горбачев.—9 января и дек. дни 1905 г. СПБ. 1922 г. Изд. „Петрогубполитпросвет".
Г. П.—Очерки по истории Кр. гвардии. Изд. „Факелы". М. 1919 г.
Декабрьские дни в Москве.—СПБ. „Земля и Воля". 1906 г.
Декабрьское восстание в Москве.—1905 г. М. Госиздат. 1919 г.
Ежев, Н. М.—Русские метаморфозы. „Ист. Вестн." 1910 г. № 1—5.
Климов, В.—Расправы и расстрелы. М. 1906 г.
Козырев, Н.—„Пыталовская ветка в 1905 г." „Ист. Вестн." 1912 г. № 3.
Кольцов, И.—Памяти павших. М. 1906 г.
Кохманский, М.—Москва в декабре 1905 г. Изд. 1906 г.
„Красная, Пресня".—Сборник, посв. дек. восстанию. М. 1920 г.
Кузнецов, П.—Красноярск в конце 1905 г. „Былое". 1907 г. № 6,
Кутепов, Л.—Из личных кишиневских впечатлений 1905 г. г. Харьков. 1907 г.
Лебедев, П.—Красные дни в Нижнем-Новгороде. „Былое". 1907 г. № 5.
Ленский, З.—Московские дни. „Правда". 1905 г. № 9—10.
Его же.—Моск. восстание. „Правда". 1905 г. № 12.
М.—Из декабрьских дней (Эпизод из Моск. восстания). „Рус. Мысль". 1906 г. № 12.
Мальгрен.—Туккумская революция. „Ист. Вест." 1913 г. № 3.
Москва на баррикадах.—М. 1906 г.
Московское вооруж. восстание по данным обвинит. актов и судебных приговоров. Выпуск I. Изд. „Летопись". М. 1906 г.
Н. В. Ш.—Московское восстание. СПБ. 1907 г.
Немчинов, Т.—Декабрьское вооруж. восстание 1905 г. в Москве. „Кр. Балтиец". 1921 г. № 1.
Николаев, Н.—„Москва в огне". М. 1908 г.
Переверзев, П.—Карат. экспедиция г.-л. Ренненкамфа в Забайк. обл. „Былое". 1907 г. кн. 4.
Потанин, Г.—Из недавнего прошлого. „Сиб. Зап." 1916 г. № 1.
Пролетарская революция на Дону.—Сб. I (1905 г.). Рост.-на-Дону. 1922 г. Испарт.
Ровинский, П.—В Нерчинской сатрапии. Харбин. 1906 г.
Семенов, К.—Первый год Петерб. рабочей организации. „Мин. Годы". 1908, дек.
Сторожев.—Декабр. восстание (по арх. материалам). Б. О. М. и Г.
Сульжинов, А.—Смутное время в Ромнах. „Ист. Вест." 1914 г. № 2—3.
Текущий момент.—Сборник. М. 1906 г.
Троцкий, Л.—Наша революция. СПБ. Изд. Глаголева.
Его же.—1905 г.
Томский Н.—„Красноярская Республика". „Ист. Вест." 1913 г. № 11.
Туккумская революция.—Ноябрь-декабрь 1905 г. Вып. I. Митава. 1913 г.
Туннель.—Накануне суда (Очерк экон. и полит. борьбы почт.-тел. служащих в России). М. 1908 г.

Ужасные дни в Москве.—Записки дружинника. „Земля и Воля“ СПБ. 1906 г.
Яковлев, М.—Харьковское лихолетие. „Ист. Вестник“. 1910 г. № 11—12.
Ярцев, П.—Красные дни. „Правда“. 1905 г. № 11.

Рабочее движение в период первой и второй Думы

Александров, Н. Соц.-дем. фракция в III Гос. Думе.
Аксельрод, П.—Две тактики. „Н. Мир.“. СПБ. 1907 г.
Акимов.—Очерки рабочего социал. движения в России. М. 1917 г. „Начало“.
Аникин, Т.—По родным местам. Из набл. бывш. депутата. „Рус. Богат.“. 1906 г. № 11. 1907 № 1.
Б—ов и Дан, Ф.—Рабочие депутаты в 1-й Гос. Думе. СПБ. Глаголев.
Бородин, И.—Гос. Дума в цифрах. Изд. „Общ. Польза“. 1906 г.
Брусяник, В.—Судьба первых депутатов. Изд. „Современник“. СПБ. 1906 г.
Голубев, В.—Первая Гос. Дума. „Былое“. 1907 г. № 2.
Гольдберг.—После бури. Рабоч. вопрос в России после 1905 г. „С. Мир“. 1910 г. № 7.
Горн, В.—Избирательный закон 3 июня. „Совр. Мир“. 1907 г. № 8.
Его же.—Прогноз и действительный исход третьих выборов „Сов. Мир“ 1907 г. № 11.
Д.—Июльские дни в СПБ. „Сев. Зап.“ 1914 г. № 7.
Дан, Ф.—Общая политика правительства и изменения в госуд. организации в период 1905—07 г. „Общ. движ. в России“. Кн. 6—7.
Деятельность с.-д. фракции во II Думе.—П. О. М. Ком. соц.-дем. фракции.
Жбанков, Д.—Смертные приговоры и казни в 1905—06 г.г. „С. Мир“. 1911 г. № 4—5.
Езерский, И.—Гос. Дума 1-го созыва. Пенза. 1907 г.
Залкинд, С.—Воспоминание об Урале. (1906—07). „Прол. Рев.“ 1923 г. № 16.
Зубелевич.—Кронштадт в 1906 г. „Кр. Сов. Раб. и Кр. Деп.“ Часть I и II.
Зурабов, А.—2-я Гос. Дума. Впечатления. СПБ. 1908 г.
Ленин, Н.—Победа кадетов и задачи рабочего класса.
Его же.—Роспуск Думы.
Его же.—Выборы в СПБ. и лицемерие 31 меньшевика. СПБ. 1907 г.
Его же.—Доклад об об'единен. с'езде Р. С.-Д. Р. П. 1906 г. М.
Ленин и Дан.—Гос. Дума и соц.-дем. 1906 г.
Никитин, К. и Степанов, И.—Деятельность II Гос. Думы. М. 1907 г.
Остроухова, Г.—Соц.-дем. и выборы в III Гос. Думу. „Пр. Рев.“ 1924 г. № 2.

Орловский, П.—Итоги I-й Думы. „Образование". 1906 г. № 9.
Цитрон, А.—103 дня II-й Думы. СПБ. 1907 г.
Его же.—72 дня первого русского парламента. СПБ. 1906 г.

Рабочее движение в период реакции 1907—10 г.

Абрамович, И.—Революционное подполье и охранное отделение. Изд. „Набат." 1917 г.
Боевский.—История рабочей печати в России. 1923 г.
Вентин, Л.—К статист. летописи совр. репрессий в России. „С. Мир". 1910 г. № 4, 10.
В. Н.—Летопись 1910 г. (К статист. смерт. казней, штрафов и т. д.). „Звезда". 1911 г. № 4.
Германов.—Из партийной жизни в 1910 году. „Пр. Рев." 1922 г. Кн. 5.
Гольдберг.—Стачечное движ. раб. в России. „В. Евр.". 1910 г. № 7.
Его же.—После бури. Рабочий вопрос в России после 1905 г. „С. Мир". 1910 г. № 7.
Короленко, В.—Черты военного правосудия. „Р. Богат." 1910 г. № 10.
Ларский, И.—Русские стачки последних лет. „С. Мир". 1909 г. Кн. I.
Малиновский, И. Кровавая месть и смертная казнь. Вып. 1—2. Томск. 1908—1909 г.
Меерсон, Г.—Промышл. депрессия в России 1906—09 г.г. „В. ком. Ак." 1924 г. № 9.
Сапожников, Н.—Из истории ижевской соц.-дем. группы 1902—09 г. „Пр. Рев." 1924 г. № 1.
Сафонов, С.—Административная ссылка после конституции. „В. Евр." 1909 г. № 12, 1910 г. № 7.
Фролов, В.—Забаст. бак. нефтепром. раб. в 1907 г. Баку. 1908 г.
Его же.—Забаст. бак. нефтепром. раб. в 1908 г. Баку. 1909 г.
Фроммет, Б.—Полит. ссылка в России. „Соврем." 1912 г. № 11.

Новый под'ем рабочего движения перед мировой войной

Водовозов, В.—По поводу ленских событий. „Совр." 1912 г.
Волковичер, И.—Отклики ленских событий в Москве. „Пр. Рев." 1923 г. № 15.
Дан, Ф.—Поле „Лены". „Наша Заря". 1912 г. № 4.
Из эпохи „Звезды" и „Правды".—Сборник I и II.
К. З.—Стачечное движение в 1911 году. „Дело жизни". 1911 г. № 9.
К—ий, А.—О том, что было. (Ленские события). „Заветы". 1912 г. № 5.
Клейнборт, Л.—Забастовочная волна. „Н. Жизнь". 1911 г. № 10.
Кесперт, Н.—Из истории возн. и изд. Эстонской рабоч. газеты „Кийр" (1912—14). „Пр. Рев." 1922 г. кн. 12.

Ларский, И.—Солидарность. „С. Мир". 1912 г. № 5.
Его же.—Вопросы тек. жизни. Стач. движ. в 1911 г. „С. Мир". 1911 г. Кн. 12.
Левин, Ш.—К истории забаст. на ленск. зол. приисках. „Былое". 1922 г. Кн. 20.
Лелевич, Г.—Ленский расстрел. „Пр. Рев." 1922 г. кн. 5.
Марксизм и ликвидаторство.—Сборн. статей „Прибой". 1924 г.
Мартов, Л.—Борьба обществ. сил в 1913 г. „Наша Заря". 1914 г. № 1.
Его же.—Итоги последн. дней. Полит. забаст. „Совр.". 1914 г. № 6.
Митревич, Л.—Заметки по раб. движ. с 12 г. „Пр. Рев.". 1923 г. № 3.
Его же.—Воспом. о рабочем рев. движ. „Пр. Рев." 1922 г. № 4.
Наумов, Г.—Стачечное движение. „С. Мир". 1912 г. № 7.
Невский, Б.—Ленские события и их причины.
Его же.—К десятилетию ленского расстрела. „Кр. Лет." 1922 г. № 2—3.
Петрищев, А.—Хроника внутр. жизни. Ленские события. „Рус. Богат". 1912 г. № 5.
Плетнев, В.—Лена, очерки по истории ленских событий.
Поссе, В.—Воспоминания. 1905—917 г.г. „Мысль". 1923 г.
Правда о ленских событиях.—Изд. „Баташева". 1913 г. М.
Ростов, И.—Новое о ленских событиях (по данн. арх. ирк. жанд. упр.). „Былое". 1922 г. кн. 20.
Тюшевский, А.—К истории забастовок и расстрелы на ленских приисках. СПБ. Гиз. 1921 г.
Ольминский, М.—Из эпохи „Звезды", „Правды" и „Прибой". 1923 г.

Профессиональное движение

Акимов.—Очерки рабоч. социал. движ. в России. М. 1917 год „Начало".
Асин, Т.—К статистике арестован. и ссыльных. „Русск. Бог." 1906 г. Октябрь.
Баевский, Д.—История рабоч. печати в России. 1923 г.
Булкин, Ф.—Союз металлист. и деп. полиции. „Кр. Летопись". 1922 г. № 5.
Б—ов.—Очерки по ист. жел.-дор. забастов. в России. Издан. „Тов-тво". М. 1907 г.
Белин, А.—Проф. движение торг. служащих в России М. „Об'единение Труда". 1906 г.
Беляевский, Ф.—Очерки по истории проф. движения в России. М. 1918 г.
Богучарский, В.—„Кровавый Синодик". Издание „Голос". С.-Петербург. 1906 г.
Василевская, В.—Забастовочное движение в СПБ, по агентурн. данным (1914—1916 г.г.). „Пр. Рев." 1923 г. № 13.
Васильев.—Издание газеты в 1907 г. „Пр. Рев." 1922 г. № 5.

Вентин, Л.—К статист. летописи совр. репрессий в России. „Совр. Мир." 1910 г. №№ 4—10.
Винокуров.—Рабочее страхование. М.
В. Н.—Летопись 1910 г. (К статистике смертн. казни, шрифтов и т. д.). „Звезда". 1911 г. № 4.
Войтинский.—Примирит. камеры в России. Библ. Моск. Ун-та.
Вторая конференция проф. союзов.—СПБ. 1906 г.
Гольдберг.—Стачечное движение рабочих в России. „В. Евр." 1910 г. № 7.
Его же.—После бури. Рабоч. вопрос в России после 1905 г. „Совр. Мир". 1910 г. № 7.
Гриневич.—Очерк развития проф. движения в СПБ. „Образов." 1906, № 8—10.
Его же.—Профессиональное движение рабочих в России. Издание ВЦСПС, 1922.
Его же.—Организация и задачи Цент. Бюро Профсоюзов в России. 1906. СПБ.
Д.—Июльские дни в СПБ. „Сев. Зап." 1914, № 7.
Дан, Ф.—Общая политика правительства и изменения в государств. организации в период 1905—07. „Общее движение в России". Кн. 6—7.
Дмитриев, К.—Из практики проф. движения в России. Одесса. „Осв. Труда". 1907.
Его же.—Проф. союзы в Москве. „Нов. Мир". СПБ.
Жбанков, Д.—Смертные приговоры и казни в 1905—06 г. „Совр. Мир". 1911. № 4—5.
Его же.—Смертные приговоры и казни в 1910—12 г.г. „Совр. Мир". 1912. Кн. 12.
Залкинд, С.—Воспоминания об Урале (1906—07) „Пролет. Рев." 1923, № 16.
Зиновьев, Г.—Итоги и перспективы. Стачки в 1913 г. „Просв." 1914. № 1—2.
Зиновьев, Г. и Ленин, Н.—Из истории рабоч. печати в России. СПБ. „Прибой".
Зубелевич.—Кронштадт в 1906 г. „Кр. Сов. Раб. и Кр. Депут." Ч. I и II.
Ильин, В.—О статистике стачек в России. „Мысль". 1911 год. № 1—2.
Каменев, Ю.—Десять лет. рабоч. движ. теперь и 10 л. тому назад „Просв." 1913 г. № 10.
Кантор, Р.—Первые шаги легализов. проф. движ. в России. „Арх. Ист. Тр." кн. 2.
Канун революции.—Из ист. раб. движ. накануне революции 1917 г. СПБ. 1918 г.
К. З.—Стачечное движение в 1911 г. „Дело жизни". 1911. № 9.
Клейнборт.—Профес. союзы в России. Петр. 1917 г.
К. и Х.—Обзор проф. движения за 1906 г. „Вестн. Фин." 1907 г. № 37 и 42.
Колокольников, П.—Профес. движение и союзы в России.

Комаровский.—Проф. союзы рабочих в России. „Пром. и Торг." 1910 г. № 19.
Ларин, Ю.—Рабочие нефтяного дела. М., 1909.
Ларский, И.—Солидарность. „Совр. Мир", 1912, № 5.
Его же.—По России. Казни. „Мир Бож.", 1906. № 2.
Его же.—Русские стачки последних лет. „Совр. Мир". 1909, кн. 1.
Его же.—Вопросы текущей жизни. Стачечн. движение в 1911 г. „Совр. Мир". 1911 г., кн. 12.
Линдов.—Кооперативы и Профсоюзы. „Ген. Жизнь". СПБ., 1908.
Маевский.—Канун революции. П. 1918 г.
Малинин, А.—Стачки и условия труда русск. рабочих в 1910 г. „В. Евр." 1912, № 1.
Материалы по проф. движен. рабочих. Выпуск I. „Муз. Сод. Труду", 1906.
Материалы военно-промышл. комитетов. М. 1916 г.
Материалы об экономич. положении и проф. организ. петербургск. рабочих по металлу. СПБ. 1907 г.
Его же.—Итоги последних дней. Политическая забастовка. „Соврем.", 1914, № 6.
Меницкий, И.—Завод „Динамо" в 1915 г. „Пролетарск. Револ." 1923, № 13.
Его же.—Русское рабочее движение и Р. С.-Д. Р. П. накануне революции. М. 1923 г.
Меркалов.—Движение сезонных рабочих на Кавказе с 1915 г. Тифл. 1916.
Меерсон, Г.—Промышл. депрессия в России 1906—1909 г.г. „В. Ком. Ак.". 1924 г. № 9.
Митревич, Л.—Заметки по рабоч. движению с 1912 г. „Пр. Рев." 1923, кн. 3.
Его же.—Воспомин. о рабочем револ. движении. „Прол. Рев." 1922 г. № 4.
Мельничук.—Воспомин. матроса. „Прол. Рев.". 1922 г. № 2.
Наумов, Г.—Стачечное движение. „Совр. Мир". 1912, № 7.
Нестрипке, З.—Профессиональное движение. Т. I и II. Изд. ВЦСПС. Москва.
Новорусский, М.—Рабоч. группа военно-пром. комитета. „Ист.-Рев. Бюлл." 1922 г. № 2—3.
Озеров, И.—Фабричные комитеты. М. 1906 г.
Пажитнов, К.—К вопросу об образовании общекооперативного центра. 1918.
Первый Всеросс. с'езд проф. союзов в 1918 г. (7—14 января). М. ВЦСПС. 1918 г.
Пименова, Э.—Борьба труда с капиталом. Проф. движение. П. 1917.
Попов, Ал.—Забастовка в 1914 г. в Баку.
Поссе, В.—Воспоминания 1905—1917 г.г. Петроград. изд. „Мысль", 1923 г.
Прокопович.—Кооперативное движение в России.

Протоколы первой Всер. конференции союзов рабоч. печат. дела. Спб., 1907.
Рабочие стачки.—Под ред. Поссе. Вып. IV. СПБ., 1906 г., изд. „Библ. рабочего".
Рапопорт, С. и **Якуб, Р.**—Систем. указатель литературы по проф. движ. в России. М., В. Ц. С. П. С., 1923.
Сборник статей. „В помощь рабочему" (по проф. движ.). М., 1907. Вып. I.
Святловский, В.—Проф. движение в России. Изд. Пирожкова СПБ. 1907.
Его же.—Пресса пролет. союзов. „Вестн. Литер.". 1914 г., № 4—5.
Его же.—Периодич. пресса проф. союзов. СПБ. 1919.
Его же.—Указатель литературы по проф. движению. 1917 г.
Его же.—Проф. рабоч. союзы и учреждения, ими созданные. СПБ., 1908.
Его же.—Профессиональное движение рабочих в 1905 г. „Кр. Лет." 1922 г., № 2—3.
Союзное дело.—Сборник по вопросу проф. движ. и кооперации. № 1—2, М., 1907 г.
Стрельский, П.—Год борьбы. Очерк ист. раб. движ. 1905—06 г. „Образование", 1906 г., № 12.
Томский, М.—Очерки проф. движения в России. М., ВЦСПС, 1923.
Торгашев, Б.—Проф. движ. и с.-д. М. „Союз". 1907.
Тотомианц.—Свод сведений о деятельности потребительских обществ в России. 1905.
Тюрин.—Московское Центр. Бюро Проф. Союзов. М. 1913.
Уральский, А.—Рабочее движение на Урале. „Минувш. Годы". 1908, № 11.
Фролов, В.—Забастовки бакинских нефтепром. рабочих в 1907 г. Баку, 1908.
Его же.—Забастовки бакинских нефтепром. рабочих в 1908 г. Баку, 1909.
Хесин, М.—Рабочее движ. в России. Изд. „Муравей". СПБ., 1907.
Цыперович, Г.—Задачи проф. движения. П. 1918 (П. С. П. С.).
Шер.—История проф. движения рабочих печат. дела в Москве. „Наука". М., 1911.
Шляпников.—1917 год. М., 1923 г.
Яроцкий, В.—Теория, история и практика профессионального движения. Вып. I и II. Изд. ВЦСПС. Москва.

Рабочее движение в годы мировой войны

Зиновьев, Г. и **Ленин, Н.** Против течения.
Иванов, Ал.—На Путиловском заводе во время войны. „Красн. Лет." 1923 г. № 9.
Иоффе.—Крах меньшевизма. СПБ. „Кр. Мысль". 1917 г.
Канун революции.—Из ист. рабочего движения накануне революции 1917 года. СПБ. 1918.
Маевский.—Канун революции. П. 1918 г.

Материалы военно-промышленных комит. М. 1916 г.
Меницкий.—Завод „Динамо“ в 1915 г. „Пр. Рев.“ 1923 г., № 13.
Его же.—Русское рабочее движение и Р. С.-Д. Р. П. накануне революции. М. 1923 г.
Его же.—Рабочее движение и социал-демократич. подполье Москвы в воен. годы. М. 1923 г.
Меркалов.—Движение сезонных рабочих на Кавказе с 1915 года. Тифлис, 1916 г.
Памятники агитац. литературы Р. С.-Д. Р. П. Т. VI. (Период войны).
Шляпников, А. Канун 1917 г. М. Гиз. 1920 г.
Юренев, И.—Межрайон. (1911—1917 г.г.). „Пролетарская Революция“. 1924 г. № 1—2.

Рабочий класс и февральская революция. От Февраля к Октябрю

Авдеев, Н.—Революция 1917 г. Гиз. М. 1923 г. Т. I и II.
Антокольский.—Революция и РКП (б.) (Хрестоматия).
Владимиров, В.—Революция 1917 г. Гиз. М. 1923 г.
Пионтковский.—Октябрьская револ. в России.
Рид-Джон.—„10 дней, которые потрясли мир“.
Сафоров, Г.—Тактика большевизма.
Троцкий, Л.— Октябрьск. револ. М. „Коммунист“.
Ленин, Н.—Собр. соч. Т. XIII, XIV ч. I и II.
Суханов, Н. Записки о революции.
Луначарский.—Великий переворот. П., 1919

АЛФАВИТНЫЙ ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамович — революционер 80-х годов—217
Авгорский завод—стачка 1858 г.—69.
Агапов—ткач революц. 70 годов—114.
Акель—иностранец-заводчик Москов. губ.—33
Аксельрод П. Б.—революционер-147, 208
Александровский завод—стачка 1882 г.—187, стачка 1885 г.—200, забастовка 1896 г.—281, 284
Александр I—14
Александр II—204
Александров А.—революционер 70 г.—114
Алексеев П.,—революционер 70 год. ткач.—114, его биография—172
Алепаевский завод—беспорядки—32
Алексей Михайлович—5
Алиханов—карательный отряд на Кавказе—519.
Анна Леопольдовна—13
Ангельский Владислав—каменщик—306 участник международного конгресса умер на каторге 1899 г.—236
Анненский завод,—первые волнения—38
Архангельск—погром 1905 г.—482
Армавир—демонстрация 1 мая 1906—1907 г.—531
Астрахань—демонстрация 1 мая 1906—1907 г.—531, хлебный бунт 1891 г.—242.
Афанасьев Ф.—с.-демократ 90 г.—272.
Афанасьев Е.—с.-демократ 90 г.—272.
Бабкины—купцы—52.
Бадаев А. Е.—депутат с.-д., сосланный в Сибирь 1914 г.—544.
Базунов—золотопромышленник, стачка 1882 г.—188.
Бакунин—революц.-народник—95.
Баку—забастовка 1905 г.—471, погром 1905 г.—482, 1 майская демонстрац. 1906—1907 г.—531.
Баландин — промышленник — волнения 1837 г.—62.
Бамбин—участник Сев. союза русских рабочих—155.
Басков—купец—волнения 1837 г.—62
Баранов—фабрикант—стачка 1882 г.—188.
Бардин—революционер 70 г.—111.
Бардовский—революционер, казненный 1885 г.—231.
Баташевский завод—50 в 1816 г.—54.
Батум—1-е мая 1905 г.—333, борьба раб. 1902 г.—362. Забастов. 1905 г.—470, политич. стачки 1905—480.
Бахмутский уезд—стачка 1885 г.—200.
Бачин—участник сев. союза русск. раб.—155.
Белосельская—кн., стачка 1856 г.—56.
Белосток—стачка на ткацкой фабр. 1870—98. Стачка 1882 г.—189, стачки 1903—1904 г.—372. Конференция Р. С. Д. Р. П. 1902 г.—375, забастовка 1905 г.—470, политич. стачка 1905 г.—480, погром 1905 г.—482.
Белград—политич. стачка 1905 г.—480.
Бек—мастер—1870 г., виновник раб. восстания—98.
Беккер—фабрикант, стачка 70 годов—126.
Беневоленский—студент, сосланный на поселение 1863 г.—109.
Бердянск—1 мая демонстрации 1906—1907 г.—531.
Березовский казенный завод—забастовка 1799—61.
Бибиков—приговоривший к наказанию плетью 500 чел. раб.—39.
Бестужев—декабрист—18.
Благоев Д. И.—организатор группы с.-д.—212.
Болотный—фабрикант 1737 г.—36.
Богданов—с.-д. 90 годов—269, 272, 309.
Борисоглебск—стачки на ж. д. 1883 г.—190.
Бостантонио—фабрикант стачки 1883 г.—189.
Богданов—генерал 1902 г.—393.
Брестская—ж. д. забастовка 1880 г.—187, 188, стачки 1883 г.—190.
Бровкин—фабрикант, волнения 1880 г.—181.
Бромлей—завод. стачка 1883 г.—189 1894—243.

Брейтфус—революц. 80 год.—216.
Брянск—стачка 1883 г.—189, бунт 1897 г.—249, локаут—528.
„Бунтари"—кружки 70 г.—111.
„Бунтари землевольцы"—рев. группа Петербург—112.
„Бунд"—Евр. раб. союз 1897 г.—228, 293.
Бруснев с.-д.—90 г.—272—291, ссылка на каторгу 1892 г.—275
Бруснева—кружок 90 г.—272, 291.
Бурлаков—участник рабоч. восстан.—41.
Валовский—участн. орг. Р. С.-Д. Р. П.—298.
Валуев—председ. комиссии по нормир. труда 1859 г.—411.
Васильев—полковник, помощник Зубатова—385.
Варшава—1-е мая 1898 г.—315, 1 мая 1904 г.—333, стачка 1905 г.—451, политич. стачка 1905—480, 1 мая 1914 г.—573, стачка 1870 г.—98, стачка 1882 г.—187, стачка 1883 г.—190, стачка 1891 г.—236.
Варынский—революц., 1885 г.—231.
Вейхельт—фаб., стач. движ. 1895 г.—243.
Верхнеудинск—1-е мая 1904 г.—331.
„Вестник Народной Воли", 209.
Вигдорчик Н. А.—революцион. 90 год.—246, участник организации Р. С.-Д. Р. П. 1898 г.—298.
Вильковышки—1-е мая 1898 г.—315.
Вильбушевич М.—сподвижница Зубатова 1896 г.—355.
Вильно—стачка 1875 г.—106,—1-е мая 1895 г.—314, политич. стачка 1905 г.—480.
Виндава—стачка 1905 г.—451.
Виноградов—участн. Сев. Рус. Союза—155.
Витебск—политич. стачка 1905 г.—480.
Витте—его деятельность в 1905 г.—500, 501, 505.
Владивосток—1 мая 1905 г.—333.
Владимирская губ.—стач. движ. 90 г.—245.
Владикавказ—стачка 1905—471, ж.-д. стачка 1905 г.—479, 1-е мая демонстрация 1905—7 г.г.—531.
Волков—участник Сев. Рус. Союза—155, организ. Морозовской стачки—192.
Волховский Ф.—рев. деятель г. Одессы 70 г.—112.
Вологда—стачка 1870 г.—99.
Военно-промышленный комитет—582.
Волнения рабочих—Анапаевский зав.—32, Анненский завод—38, купец Басков—1837 г.—62, Батум 1902 г.—362, Брянск 1897 г.—249; Бровкин фабрикант 1880 г.—181; Вильковышки 1898—315; Вильно 1895 г.—314; Владивосток 1905 г.—333. Волынский полк 1917 г.—594; Воронеж 1905—1907 г.—531; Выровский завод—40; Гагарин фабрикант—1826 г.—74-76. Гаренин фабрикант—52, Генкле 1824 г.—53. Гороблагодатский завод 1812 г.—39,61. Гродно 1905 г.—333, Грязецарицынская ж. д. 1882 г.—177, Демидовские заводы—40, 42, 43, 57, 1865—97, 1812—61, Екатеринослав 1894—328 1905 г.—333, 416, 1906, 1907—531. Екатеринодар—1906, 1907 г.—531. Елисаветград 1905 г.—333, Закавказская жел. дор. 1905 г.—479; Згерж 1904 г.—333; Зельцер завод 1825 г.—62. Златоуст 1905 г.—479; Иваново-Вознесенск 1879—136, 1885 г.—191; Ижевские заводы 1763 г.—403, Илевские заводы 1891—5, 8; Ильинский завод—40; Иркутск 1904—331; Каверин 1888 г.—188; Кавказ 1898 г.—318; Калуга—479, Казань 1905 г.—333; Калиш 1905 г.—333; Киев 1879 г.—136; 1894 г.—248; Кыштымский завод—40, 48; 1760—43; Кшеленский завод 1760 г.—43; Козлов-фабрикант—1816 г.—54; Кострома 1905 г.—468; Красносельская фабрика 1777 г. 1802 г.—70. Кронштадт—1871 г.—103; 1905 г.—498, 499; Курск 1877 г.—136; Липецкие заводы—40, 44; Лодзь 1904 г.—436; Манухин.-фабр. 1858 г.—58; Невьянский—40, 43; Нижнетагильский зав.—40, 39; Новороссийск 1905 г.—516; Одесса 1877 г.—136. Орел 1905 г.—518; Оренбург 1875 г.—106; Орехово-Зуево 1865 г.—97; 1871 г.—100; 1876—117; Покровская слобода—242; Пугачевский бунт—40, 45; Пятигорск 1905 г.—514; Репненский завод 1761 г.—44; Ростов н/Дону 1877 г.—136; 1905 г.—516; Промышленник Рязанов 1837 г.—62; Собашникова (прииски) 1873—104; Саратов 1891—242. Семянниковский завод 1894 г.—276. Серпухов 1879 г.—136; Собашников, владелец приисков 1873 г.—104. Сухозанет—генерал 1865—97. Тальская фабрика 1845 г.—58. Томск 1904—331. Треугольник фабрика 1914 г.—372; Херсон 1894—95 г.—248. Халуницкий завод 1865 г.—97; Цареворикалаевск 1858 г.—67. Царицын 1891 г.—242; Эгансон фабрикант 1830 г.—51; Юз фабрикант 1875 г.—106; Юзовка 1892 г.—249; Юрезанский завод—39; Яковлев.

фабрикант 1812 г.—61, Яковлев типография—530.
Волынский полк—восстание 1917 г.—594
Воронеж—стачки 1821, 1851 г. г.—56, 1-е мая 1905-7 г.—531.
Воронина фабр.—стачка 1898-99 гг.—255,—1894-95 г. стачки—277.
Воронцов—заводчик—42-49.
„Вперед"—орган киевской группы с.-д. 1896—355.
Временное правительство—598.
Всероссийский с'езд советов—600.
Вяземский, князь—притеснение рабоч.—21-22, наказание рабочих розгами—39-40.
Выровский завод—волнения—40.
Вышний Волочек—от 1894 г.—244, стачка 1898-1899 г.
Гаврилов—255 участ. сев. русск. союза—155.
Гагарин—фабр. волнения 1826 года—74-76.
Гайзер—фаб. в г. Лодзи стачка 1882 года—188.
Гапон—Георг. свящ. 1905 г.—436.
Гаренин—фабрикант—беспорядки—52.
Герасимов—участник и организ. раб. восстания—58. Социалист 70 г.—114.
Генин—генерал, получивш. приписн. рабоч. от Петра I—21.
Гельферих-Саде завод—декабрьская стачка 1905 г.—518.
Геникс—фабр., волнения 1824 г.—53.
Голицын, князь—московский генерал-губерн.—18.
Гольденберг—с.-д. 90 г.—246.
„Голос труда"—орган Петербур. проф. союза—565.
Голубев В. С.—революционный деятель 90 г.—273.
Гомель—политич. стачка 1905 г.—480, погром 1905 г.—482.
Горелины братья—фабрик., стачка 1884 года—189.
Гори—забастовка 1905 г.—470.
Гороблагодатский завод—первые беспорядки—39, волнения 1812 г.—61.
Горное положение—1806 г.—404.
Гофман С.—с.-д. 90 год.—276.
Грезон—завод в Ивано-Вознесенске стачка 1882 г.—186.
Грессер—стачка 1894 г.—243.
Гречина заводчик—стачка 1882 г.—186.
Григорьев М.—с.-д. 90 год.—270.
Гродно—1-е мая 1905 г.—333.
Груздев—помещик—18,51.
Группа „освобождения труда"—167.
Грязе-Царицынская жел. дор.—волнения 1882 г.—187.
Губина завод—стачка 1842 г.—62.
Гужон завод—стач. движ. 1894 г.—243.
Гук завод—стачки 1898-99 г.—255.
Гусев—участн. северн. союза русск. раб.—155.
Давыдов—молотобоец, делегат—44.
Дан Ф. И.—с.-д., его участие в группе «стариков» 90 г.—275.
Двинск—стачка 1903-4 г.—372. Стачка 1905 г.—480.
Дворянская фабрика—11.
Демидовы фабриканты—21,37.
Демидовские заводы—волнения—40, 42, 43, 57, 1812 г.—61, волнения; и 1865 года—97.
Дербенев—стачка 1882 г.—186.
Дейч Л.—208.
Джабодари—революц. 70 г.—111.
Джапаридзе—депутат Госуд. Думы—умер в тюрьме—534.
Джугели—депутат Государств. Думы—умер в тюрьме—534.
Дмитриев—солдат, организатор восстания—41.
Добров—заводчик, стачка 1895 г.—243.
Долгоруков—московск. ген.-губ.—189.
Демонстрации рабочих-Астрахань 1 мая 1906-7 г.—531. Баку 1906, 1907 г.—531. Батум 1905 г.—333. Бердянск 1906, 1907 г.—531. Варшава 1898 г.—315, 1904 г.—333, 1914 г.—573. Владикавказ 1905—1907 г.—531. Екатеринослав 1905 г.—479. Казань 1901 год.—333. Москва 1901 год.—359. Харьков 1901 г.—359.
Долгушин—революционер 1870 г.—111.
Домбровская стачка 1891 г.—236, 1897 год.—238.
Донецкий бассейн—стачка 1916 г.—578
Евграфов—с.-д. 90 г.—272.
Егорьевск—стач. движен. 1894 г.—246.
„Единение-Сила"—коопер. раб.—541.
Екатеринодар—1-го мая демонстрации 1906—1907 г.—531.
Екатерина II—8, 10, 14, 18, 25, 34, 38, 39 .44, 49, 50.
Екатеринослав—стачка 1896—1897 г.—249; стачки 1898—1899 г.—255; 1-е мая 1894 г.—328; 1-е мая 1905 г.—333; стачка 1904 г.—372; забастовка 1905 г.—470; октябрьские дни 1905 года—479; политич. стач. 1905 г.—480; погром 1905 г.—482; декабрьск. восстание 1905 г.—416; локауты—528; 1-е мая 1906—1907 г.—531.
Елисаветград—1-е мая 1905 г.—333.
Ефимовы—купцы—12.
Ефимов—рабоч. умер от наказан.—54.
Жбанков—доктор—89.
Желябов—народник—166.
Жирардовск. мануфактура—стачк. 1883 года—189; стачки 1891 г.—236; кровавое столкновение с войсками 1883 г.—190.
Житомир—локауты—528.
„Заводские думы"—539.

Закавказская ж. д. — октябрьские дни 1905 г.—479.
Закон 1835 г.—разрешение фабрикантам пользоваться вольнонаемным трудом—65.
Закон 1884 г. 12-го июня о школьном обучении малолетних работ. на предприятиях—416.
Закон 3-го июня 1886 г.—о введении на предприятиях расчетных книжек—416.
Закон 3-го июля 1885 г.—запрещение женщинам и подросткам до 17-тилетнего возраста производить ночную работу—416.
Закон 2-го июля 1903 г.—о вознаграждении потерпевшим вследствие несчастных случаев—426.
Закон 1912 г.—о страховании рабочих—430.
Запорожец—с.-д.—275.
„Заря"—орган с.-д.—347.
„Заря Рабочего"—орган „Север. Союза Русск. Раб.—"165.
Заславский Е.—организатор „Южн. Союза Русск. Рабоч."—289.
Засулич В.—революц. народница позднее с.-д.—208; участн. Лондонск. конференции—268.
„Звезда"—орган с.-д. 1910 г.—543, 545.
Згерж—стачечное движение 1891 г.—236; 1-е мая 1904 г.—333.
Зельцер—заводчик, волнения 1825 г.—62.
„Земля и Воля"—революцион. организация—171, 206.
„Зерно"—орган «чернопередельцев»—166.
Златоуст—октябрьские дни 1905 г.—479
Золотова—изнасилованная солдатами отряда.—367.
Зотов—фабрикант, стачка 1885 г.—201.
Зубатов—начальник Московск. охран. отделения—380.
Зубатовщина—386—400.
Зубкова—фабрика—стачка—1831 г.—186.
Зурабов—депутат Государств. Думы, с.-д.—534.
Иванов—участник Морозовск. стачки—192.
Иванов—с.-д. 90 г.—270.
Ивановознесенск—волнения 1879 г.—136; стачка 1882 г.—186; волнения 1885 года—191; стачка 1905 г.—464.
„Ивановознесенский рабочий союз"—90 г.—244.
Игнатов—революционер—208.
Игнатьев—граф—411; пересмотр «временных правил»—1863 г.—413.
Ижевские заводы—волнения 1763 г.—403.
„Известия Сов. Раб. Депутатов"—орган 1905 г.—485
Илевские заводы Нижегородск. губ.—волнения 1891 г.—58.
Ильинский завод—волнения—40.
Илекский завод—стачка 1882 г.—188
Иноземцев Я. И.—соучастник Гапона—439.
Иркутск—рабоч. движен. 1904 г.—331, политич. стачка 1905 г.—480.
Кабальные рабочие—20.
Каверин—фабр. волнения 1888 г.—188.
Кавказ—стачечное движ. 1894, 1895 г.—250; 1-е мая 1898 г.—318; декабрьск. стачка 1905 г. 518, 452.
Калуга—стачки 1814, 1821 г.—56; октябрьские дни—479.
Казань—1-е мая 1905 г.—333; студенческая демонстрация 1901 г.—333; политстачка 1905 г.—480; погром—482.
Калинкинская фабр.—забастовки—281.
Калиш—политич. стачка 1905 г.—480; 1-е мая 1905 г.—333.
Калистрат-Емельянов—ходок к Екатерине II 1761 г.—34.
Каминский—революц. 70 год.—111.
Каменщиков Феод.—рабочий, принимавший участие в Пугачевском бунте и рабочих восстаниях—48.
Каретников—фабрич. стачка. 1884 г.—189.
Каракозовцы—социалистич. общество 1863 г.—109.
Карелины—супруги—соучастники Гапона—439.
Кац Ш.—организатор Р. С.-Д. Р. П.—298.
Кельцы—забастовка 1905 г.—470.
Кениг—фабр., стачка 70 г.—127; забастовка 1896 г.—281.
Керенский—воен. и морск. министр при времен. правительстве—598, 602.
Керчь—стачка 1904 г.—372; 1-ое мая демонстр. 1905-7 г.—531.
Киев—волнения 1879 г.—136; волнения 1894 г.—248; организация раб. комитета 1895 г.—248; 1-ое мая 1894 г.—328; стачки 1894 г.—372; октябрьские дни 1905 г.—479; погром 1905 г.—482; декабрьские дни, восстание 1905 г.—498—499; 1-е мая 1914 г.—573; 1-е мая 1905 г.—531.
Кыштымский завод—волнения—40, 48; волнения 1760 года—43.
Кинешма—стачки 1898-1899 г.—255.
Киселев—министр 40 годов—11.
Кисленский завод—волнения 1760 г.—43.
Кирицкий завод—забастовка 1797 г.—53
Климанов Е. А.—революц. 80 г.—216.
Кишинев—погром 1905 г.—317.
Кноп фабр.—стачка 1883 г.—189.
Ковальская Е.—участница Киевского рабоч. союза—148.

Ковно—политическая стачка 1905 г.—480; стачки 1898, 1899 г. г.—255; 1-ое мая 1898 г.—315.
Кожевникова—фабр.-стачки 1898, 1899 год.—255.
Козлов—фабр. волнения 1816 г.—54; политич. стачка 1905 г.—480.
Козмин Иван—организатор волнений—37.
Кольбе—директор Кренгольмской фабрики—101.
Колыванско-Воскресенский завод—место ссылки рабочих—43.
Кон—польский революц. 1885 г.—231.
Конференция печатников 1907 г.—566.
Корнилов—контр-революц. поход—605.
Кострома—экономич. борьба 1905 г.—468; стачка 1905 г.—518.
Коченков—рабоч.-революц. 1863 г.—109.
Коробков—помещик, убитый рабочими—151.
Красин Л. Б.—рев. деят. 90 год.—276.
Красин Б. Б—рев. деят. 90 год.—276.
Красносельская фабр.—рабоч. волнения 1777 г., 1802 г.—70.
Красноярск—(проведение ж. д. 1897 г., первая стачка 1899 г., первое мая 1901 г.)—331; стачка 1899 г.—364; стачка 1902 г.—364; октябрьские дни 1905 г.—479.
Кремер—с.-д. 260, 271, 298. 301.
Кржижановская З.—революц., с.-д. 90 г. 246, 275.
Креславка Вит. губ.—1-е мая 1898 г.—315.
Кременчуг—стачка 1905 г.—480.
Кронштадт—стачка 1871 г.—103, восстание 1905 г.—498, 499.
Кроше—управ. фабрик., убитый рабочими—262.
Кропоткин—революц. 70 год.—109.
Крестовоздвиженские—золото промышлен. стачки 1884 г.—67.
Креков—раб., сосланный в Сибирь—41.
Крупская Н. К.—с.-д. 90 г.—275.
Крушеван—организ. погрома в Кишиневе—317.
Кубань—стачка 1902 г.—368.
Кузнецов—владелец, стачка 1881 г.—186.
Куликов—участник волнения, рабочий—37.
Куницер—фабр. стачка 1893 г.—238.
Куницкий—революц., казнен в 1885 г.—231.
Куприянов—организатор стачки—44.
Курск—волнения 1877 г.—136, стачка 1905 г.—480; октябрьские дни 1905 года—479.
Кускова Е. Д.—литератор—343.
Кутаис—стачка 1905 г.—470.
Кушников—воевода—38.
Лавровцы—революц. группа 70 год.—112.
Лазарева—революц. 80 г.—216.
Лазарев—революц. 80 г.—216.
Лазарев—заводчик, волнения 1863 г.—97; волнения 1874 г.—104.
Ламздорф—усмиритель раб. волнения 1771 г.—35.
Лопухин—директор департамента полиции—484.
Лаунь—мастер завода Леснера—549.
Лаферм—фабрикант, стачка 90 год.—278.
Лебедев—фабрик., 1896 г.—281.
Ленин—его участие в группе «Стариков» 1894 г.—275; литературная деятельность—279; его арест—280; его протест против „Кредо"—346; руководитель большевистской партии—494; его деятельность в 1905 г.—506; его приезд в Россию 1917 г.—600.
Ленская—трагедия—544.
Леснер—заводчик, стачка 1913 г.—549.
Либава—стачки 1899 г.—250; стачка 1905 г.—451, 479, 480.
„Ликвидаторство"—538.
Липецкие заводы—волнения—40, 44.
Литва—стачки, локауты—527.
Литовская раб. партия 1895 г.—314.
Лодзь—стачка 1891 г.—236; 1-ое мая 1892 г.—312; 1-ое мая 1905 г.—333; стачки 1905 г.—452, 469; беспорядки 1904 г.—436; политич. стачка 1905 года—480.
Локауты—г. Баку—550; Брянск—528; Вильно (1913-1914 г.)—539, 550; Екатеринослав—528, 550; Житомир—528; Киев—528, Литва—527; Лодзь—525, 527; Минск (1906 год.)—528; Одесса—527; Петербург—528, 529, 550; Рига—528, 550; Тифлис—528.
Ломжа—1-ое мая 1905 г.—333.
Лондонский—с'езд 1907 г.—534.
Лоцманов Андрей—сын заводск. приказчика, революц., сослан на каторгу—72.
Лурье—участник в группе «Стариков»—276.
„Луч"—орган с.-д.—543.
Ляховский—участник в группе „Стариков"—276.
Львов Г. Е.—глава „Временного Правительства".
Макаров—министр. внутр дел—547.
Максвель—заводчик, стачки 1898, 1899 год.—255-189-201.
Малиновский—социалист 70 г.—114.
Мануфактурный—совет—407.
Малина—фабрикант, забастовка 1815 года—53.
Малиновский—депутат, агент департамента полиции—544.

Маньковский—революц. в 1885 г.—231.
Мандельберг—депутат Государ. Думы—534.
Манухин—фабр. волнения 1858 г.—58.
Мариуполь—стачки 1905 г.—480.
Марчков—участник «Южно-Русского союза»—141.
Мартов Ю. О.—с.-д.—260, 271; организатор газеты «Искра»—346.
Маслов П. П.—с.-д.—270.
Мелер-Закомельский—карательный отряд 1905 г.—519.
Мельников Ю.—рев. деятель—260, 218.
Мертваго—помещица—50.
Милюков—1917 г.—601.
Мингалев—ходок 1812 г. в г. Томск—61.
Минск—образование Р. С.-Д. Р. П. 1898 года—298; праздн. 1-го мая 1895 г.—314; 1-ое мая 1905 г.—333; стачка 1905 г.—470; погром 1905 г.—482; локауты 1906 г.—528.
Минеев—помощник Пугачева—47.
„Мирская изба"—выборные из рабочих—77.
Мирчи—фабрикант, стачка 70 год.—127
Михаил—священник, сослан за моление о даровании рабочим хорошей жизни—75.
Митава—1 мая 1905 г.—333, стачки 1905 г.—451
Михайлов Тимофей—народник—166.
Михин—фабрикант, стачка 1873 г.—103.
Михайлово—станция, забаст. 1905 г.—470.
Мицкевич—парт. раб. 90 г.—246.
Могилев—1 мая 1905 г.—333.
Мойсеенко—организатор Морозовской стачки—192, 248.
Морозов Афанасий—революционер—78.
Морозовская—стачка 1865—1871 г.—192.
Марселиус—иностранец-заводчик Моск. губ.—33.
Москва—1-е мая 1905 г.—333, студенческая демонстрация 1901 г.—359; политическая стачка 1905 г.—480; октябрьские события 1905 г.—478; организация рабоч. союза—285; декабрьские дни 1905 г.—512, 514, локауты 1906 г.—528; общество самообразования—539; 1-е мая 1906—1907 г.—531; 1 мая 1914 г.—573; 1-е мая 1916 г.—579; февральские дни 1917 г.—588.
Мутник—организат. Р. С.-Д. Р. П. 1898 г.—298.
Муранов—депутат, сослан в 1914 г.—514.
Мясников—революционер—78
„Набат"—рев. газета, издав. за границей—160.
Наволаки—Костромской губ. 1898—1899—255.
Надель М.—с.-д. 90 г.—276.
Нанемушкин—участник «Сев. Союза Русск. Рабоч.»—155.
„Народная Воля"—революц. организ.—166—204.
„Наше дело"—революц. с.-д. журнал 1897 г.—248.
Небурчилов владелец фабрики—стачка 1888—186.
Невзорова З. П.—с.-д. 90 г.—275.
Невская—мануфактура 1898—1899 г.—стачки—255.
Невьянский завод—волнения—40, 43.
Независимая—еврейская рабоч. партия 1901 г.—382.
Нечаев С.—1869 г. пропагандист—109.
Нижне-сергеевск—стачка 1838 г.—56.
Нижне-тагильские завод.—волнения—40 32, стачка 1897—248.
Нижнеднепровск—стачки 1898—1899 г.—255.
„Нижегородская Раб. Газета"—орган с.-д. 1900—358.
Нижний-Новгород—праздник 1-е мая—330, забастовка 1905 г.—470, октябр. дни 1905 г.—479; 1 мая 1906—1907 г.—531; 1 мая 1914 г. 573; стачки 1893, 1894, 1896 г.г.—246.
Никифоров Л. Л. с.-д.—90 г.—356.
Николаев—стачка 1882 г.—187, стачка 1883—189; стачки 1898, 1899 г.г.—255; политическая стачка 1905 г.—482; октябрьское восстание 1905 г.—516; 1 мая 1914 г.—573.
Николай II—письмо рабочих к царю 1905 г.—443.
Николай I—его приезд в Казань—78, жалобы рабочих—55.
Нобель—стачка 1882 г.—187.
Новая жизнь—орган большевиков—493.
Новгород—погром 1905 г.—482.
„Новое Время"—правая газета—491.
Новоторговый устав—5.
Новороссийск—стачка 1905 г.—470, декабрьское восстание—1905 г.—516.
Обнорский Викт., народник—организатор Сев. Русск. Раб. Союза—155, 175, 176
Овсяно-перовский завод—41, 42
Одесса—стачка извозчиков 1871 г.—100; волнения 1877 г.—136; стачка 1896 г.—248; 1-е мая 1894 г.—328; погром 1905 г.—482; локауты—527.
Озоль—депутат Госуд. Думы—534.
Олонецкий казенный завод—34.
Ольшинский—ходок в Томск в 1812—61.
Орел—декабрьское восстание 1905 г.—518.
Оренбург—стачка 1829 г.—56, волнения 1875 г.—106; забастовка 1905 г. и октябрьские дни 1905 г.—480.

Орехово-Зуево—стачки 1905 г.—468; волнения 1865 г.—97; 1871 г.—100; 1876—117.
Орлов—генерал, карательный отряд 1905 г.—519.
Орша—политическая стачка 1905 г., октябрьск дни—480.
„Освобождение труда"—революционная с.-д. группа—208.
Оссовский—польский революционер, казненный 1885 г.—231.
Осокинский завод—3; стачка—78, волнения 1796, 1800, 1817, 1819, 1834, 1836 г.г.—54.
Ожорин—ткач—революц. деятель—78.
Павел I—разбор жалобы рабочих—54.
Павлов—участник Сев. Союза Русск. Раб.—155.
Павлов И.—участник гапоновщины—439.
Павловский полк—восстание 1917 г.—594.
Паль—фабрик., стачки 1898—1899 г.—255.
Пальников—рабочий, убивший пристава—67.
Паносов Петр—организатор революц. общества—73
Паходяшин—заводчик—38, 42.
„Партия черного передела"—207.
1 мая—Батум 1905 г.—333; Варшава 1898 г.—315, 1904 г.—333; Верхнеудинск—1904 г.—331; Вильковышки 1898 г.—315; Владивосток 1905 г.—333; Владикавказ 1905—1907 г.—531; Воронеж 1905—1907 г.—531; Гродно 1905 г.—333; Екатеринодар 1906—1907 г.—531; Екатеринослав 1894 г.—328, 1905 г.—333; 1906, 1907 г.—531; Елисаветград 1905 г.—333; Казань 1905 г.—333; Керч—1905—1907 г.—531; Киев—1894 г.—328, 1905 г.—531, 1914 г.—573, Ковно 1898 г.—315; Красноярск—1901 г.—331; Креславка 1898 г.—315; Лодзь—1892 г.—312, 1905 г.—333; Ламта—1905 г.—333; Минск—1895 г.—314, 1905 г.—333; Митава—1905 г.—333; Могилев 1905 г.—333; Москва—1905 г.—333, 1906, 1907 г.—531, 1914 г.—573; Нижний—Новгород—333, 1906, 1907 г.—531, 1914 г.—573; Николаев 1914 г.—573: Одесса 1894 г.—328; Пермь—1914 г.—573; Поволжье 1897 г.—319; Прибалтийский край 1901 г.—362; 1898 г.—298; Ревель 1905 г.—333, 1914 г.—573; Рига 1898 г.—318, 1904—318, 1914 г.—573; Ростов н/Дону 1894 г.—328, 1905 г.—333; 1906, 1907—531; Самара 1902 г.—330; Саратов 1906—07 г.—531; Сибирь 1897 г.—319, 1902 г.—330, 1905 г.—518; Сморгонь 1895 г.—314; Тверь 1914 г.—573; Тифлис—1898, 1900 г.—362; Урал—319; Уфа—392; Харьков—1894 г.—328, 1905—333, 1914 г.—573; Чита 1905 г.—331.
Парижская международная конференция—1889 г.—236.
Первые фабрики в России—7—17.
Первые русские фабриканты—16.
Пермский завод—стачка 1882 г.—186.
Пермь—стачки 1828-29 г.—56; 1-ое мая
Пернов—стачка 1905 г.—451. 1914 г.—573.
Петербург—стачка портных—1870 г.—99; массовая забастовка 1896 г.—283; 1-ое мая 1905 г.—333; 1-ое мая 1901 г.—360; 9-ое января 1905 г.—436; октябрьские события 1905 г.—479; политические стачки—480; декабрьские стачки 1905 г.—514; локауты—528; общество самообразования—529; 1-ое мая 1913 г. 552; всеобщая стачка 1914 г.—574; 1-ое мая 1913 г.—579, февральские дни 1917 г.—588.
Петербургский союз борьбы—за освобождение рабочего класса—280.
Петерсон—участник Северн. Союза Русск. Раб.—155.
Петров—рабочий невинно-пострадавший—51.
Петровск—стачка 1905 г.—452.
Петровский Г. И.—депутат, сослан в Сибирь 1914 г.—544.
Петрусевич К. А.—один из организаторов Р. С.-Д. Р. П. 1897 г.—298.
Петрусинский—революционер, казнен в 1885 г.—231.
Петр I—3, 7, 8, 9, 16, 17, 21, 22, 26, 401.
Петр III—46.
Печаткин—фабр., стачка 1898-99 г.—255.
Плеханов Г. В.—с.-д., рев. деятель—118; его воспоминания о революц. движении—93; редактор „Земля и Воля"—171.
Плеве—317; министр внутрен. дел—389.
Побиянницы—стачка 1891 г.—236.
Поволжье—1-ое мая 1897 г.—319.
Погромы—482.
Познанский—фабрикант, стачка 1905 года—518.
Покровская слобода—хлебный бунт—242.
Полежаев Н.—рев. деят. 90-х годов—272; 279.
Полтава—стачка 1905 г.—480; стачка 1883 г.—190.
Полесская ж. д.—стачка 1905 г.—479.
Полоцк стачка 1905 г.—480.
Польша—локауты—528; стачки 1905 года—452.

Польская социалистическая партия—1893 года—234.
Посессионные рабочие—22.
Попов—рабочий сослан, 1837 г.—62.
Потапов—участн. демонстрации 1876 года—118.
„Потемкин Таврический" — восстание 1905 г.—472.
Потресов А. Н. — один из участников организации газеты „Правда"—347.
„Правда" — орган Р. С.-Д. Р. П.—543.
„Проводник"—стачка 1914 г.—572
„Прибалтийский край"—стачка 1905 г.—479, 518; 1-ое мая 1901 г. - 362; 1-ое мая 1898 г.—298.
Приписные рабочие—90.
„Пролетариат"—орган польских социалистов—230. 231.
„Профессиональное движение"—558.
„Профессиональный союз"—орган Петербургского Профессионального союза—565.
„Процесс 50"—168.
Прохорова фабр.—стачки 1898 и 1899 года—255.
Псков—политическая стачка 1905 г.—480.
Пугачевский бунт—40, 45.
Путиловский завод - в Петербурге—207; стачка 1905 г.—442; стачка 1913 года—549.
Пухевич—революционер 1885 г.—231.
Пятигорск—восстание 1905 г.—514.
„Работник"—журнал 70 год.—112.
„Рабочее Знамя"—1908 г. журнал с.-д.—537.
„Рабочий Союз"—орган Петербургских Профессиональных союзов—563.
„Рабочий"—орган с.-д. 1885 г.—213.
«Рабочее Дело»—орган с.-д.—295.
«Рабочая Газета»—орган с.-д.—297.
«Рабочая Газета»—орган Саратовских с.-д.—358.
«Рабочая Мысль»—орган с.-д.—339.
Радин—депутат «Совета Рабоч. Депутатов»—495.
Радина Е. П.—с.-д. 90 год.—275.
Радченко С. И.—с.-д. 90 г.—275, 276, 298.
Радченко Л. Н.—с.-д. 90 год.—276.
Ревель—1-ое мая 1905 г.—333; стачки 1905 г.—451; политич. стачки 1905 года—480; 1-ое мая 1914 г.—573.
Рейнштейн - предатель—166.
Рененкампф - карательный отряд 1905 года—519.
Репненский завод—волнения 1761 г.—44.
Репнин—камер-юнкер заводчик—40.
Рыбинск—стачка 1881 г.—186.
Рига—стачка 1899 г.—250, 255; 1-ое мая 1898 г.—318; 1-ое мая 1904 г.—318; стачка 1905 г.—451; политическая стачка 1901 г.—480; локауты—528; 1-ое мая 1914 года—573.
Рылеев—декабрист—73.
Римин - полковник—515.
Роза Люксембург—революционер 80 г.—217.
Родзянко М. В.—председатель IV Гос. Думы—597.
Романов Михаил—599.
Ростов н/Д.—волнения 1877 г.—136; 1-ое мая 1894 г.—328; 1-ое мая 1905 г.—333; стачка 1899 г.—364; стачка 1905 г.—471; политическая стачка 1905 г.—480; погром 1905 г. 482; декабрьское восстание 1905 г.—516; 1-ое мая 1906-1907 г.—531.
Росторгуев—забастовки 1822 г.—56.
Руднев (Базаров)—с.-д. 90 г.—270.
Румянцев—с.-д. 90 год.—270.
Рыбицкий - организатор Южно-Русск. Рабоч. союза—141.
Рязанов—промышленник, волнения 1837 года—62.
Рязанов—революционер 80 г.—217.
Ряжско-Вяземская ж. д. — стачка 1881 года—186.
Сабашников—Нерчинские прииски. Волнения 1873 г.—104.
Сабино, А.—раб. чл. исп. ком. С. Р. Д. убит во время декабр. восстания 1905 г.—517.
Сальников - раб.—36.
Самарин Ю. Ф.—славянофил.—27.
Самара—полит. стачка окт. 1905 г.—480.
Самара—праздн. 1-го мая 1902 г.—330.
Самарский Вестник—газета 90 г. С.-Д.—270.
Самойлов, Ф.—депутат с.-д. IV Думы—544.
Самтреди—забастовка 1905 г.—470.
Санин—с.-д. 90 г.—270.
Саратов—окт. дни 1905 г.—479.
Саратов—полит. заб. окт. 1905 г.
Саратов—локауты—528.
Саратов—первом. демонстр. 1906-7 г.—531.
Саратов—холерный бунт 1891 г.—242.
Саратов - стачки 1907 г.—364.
Свод законов—закон 7 авг. 1895 г.—405.
Святловский, В. В.—деят. рев. движен. 90 г.—272.
Сев.-Зап. край—стачки 1905 г. 452.
Съезд Р. С.-Д. Р. П. - второй 1903 г.—375.
Севастопольский—погром 1905 г.—482.
«Северная Пчела»—1862 г.—108.
Семянниковский завод—раб. волнения 1894 г.—276.
„Семь дней"—орган. проф. союзов. Петрог.—565.

Серпухов - стачки 1898—99 г.—255.
Серпухов—стачка 1875 г.—106.
Серпухов—волнения 1879 г.—136.
Сестрорецк—оруж. зав. забаст. 1896 г.—281.
Сетунов—стачка 1870 г.—98.
„Сибирский Рабоч."—орган с.-д. Сибири 1900 г.—358.
Сибирь—праздн. 1 мая 1897 г.—319, 1 мая 1902 г.—330, раб. движение 1905 г.—518.
Симбирск - октябр. дни 1905 г.—479.
Симферополь — политическая стачка 1905 г.—480.
Синегуб—революционер 70 г.—93.
Сквери - участник Южн.-Русск. Раб. Союза - 141.
Скворцов И. Н.—с.-д. - 90 г.—270, один из первых русских марксистов—219.
Скоболев—министр труда—602.
Смирнов—участн. Сев. Союза Русск. раб. - 155.
Смоленск—политич. стачка 1905 г.—480, декабрьское восстание, стачка 1905 г.—518.
Сморгонь—праздник 1 мая 1895 г.—314.
Соболев К.—рабочий, вручивший Екатерине I прошение—34—35.
Собашников—нерчинские прииски, волнения 1873 г.—104.
Собрание русских фабричн. и завод. рабоч. 1903 г.—437.
Советы—рабочих депутатов—487.
Совет—раб. депут. в России 1905 г.—509.
Сормово—стачка 1905 г.—518.
Соколов—заключенный в тюрьму за восстание—54.
Соколов—приговорен к смерти 1905 г.—507.
„Союз безработных"—523.
„Союз борьбы"—293.
„Союз русского народа"—черносотенная организация—539.
Союзов—рев. 70 г.—114.
Степняк—рев. 70 год.—109.
Ставрополь—стачка 1905 г.—471.
Стандер В. Д.—рев. деят. 90 г.—272.
Старков—с.-д.—рев. деят. 90 г.—275.
Стачки—Авгорский завод 1858 г.—69; Александровский завод 1882 г.—187, 1885 г.—200, 281, 284: завод Базунова 1882 г.—188; Баранов—фабрикант—1882 г.—188, стачка 1905 г.—480; Баку 1905 г.—470, Бахмутский уезд 1885 г.—200, княгиня Белосельская 1856 г.—56, Белосток 1870 г.—98, 1882 г.—189, 1903, 1904 г.—372, 1905 г.—470, 480, Белград—1905 г.—480; Березовский завод 1779 г.—61; Беккер фабрикант 70 г.—126; Борисоглебск 1883—190; Бостанженио, фабрикант 1883 г.—187, 188, 189; Брестская жел. дор. 1883 г.—190; Бромлея завод 1883 г.—189, 1894 г.—243; Брянск 1883 г.—189; Варшава 1905 г.—451, 480, 1870 г.—98, 1882 г.—187, 1883 г.—190, 1891 г.—236; Вейхельт 1895 г.—243; Вильно 1875 г.—106, 1905 г.—480; Виндава 1905 г.—451; Витебск 1905 г.—480; Владимирская губ. 90 г.—245; Владикавказ 1905 г.—471, 478; Вологда 1870 г.—99; Воронеж. стачка—1821, 1851 г.г.—56; Воронина фабрик. 1898-1899 год.—255; 1894, 1895 г.—277; Вышний Волочок 1894 г.—244; 1898, 1899 г.—255; Гайзер, фабр. 1882 г.—188; Гельферих -Саде 1905 г.—518; Гомель 1905 г.—480; Гори 1905 г.—470; Горемыкины, братья фабрик. 1884 г.—199; Грезон - фабр. 1882 г. в Ивано-Вознесенске—186; Грессер 1894 г.—243; Гречина заводчик 1882 г.—186; Губин, заводчик, 1842 года—62; Гужен завод 1894 г.—243; Гук 1898, 1899 г.—251; Двинск 1903, 1904 г.—372; 1905 г.—480; Дербенев 1882 г.—186; Добров заводчик 1895 года—243; Домбровская 1891 г.—236; 1897 г.—238; Донецкий бассейн 1916 г.—578; Егорьевск 1894 г.—246; Екатеринослав 1896, 1897 г.—249; 1898, 1899 г.—255; 1904 г.—372; 1905 г.—470, 480; Жирардов 1883 года—189; 1891—236; Згерж 1891 года—236; Зотов-фабрикант 1885 г. 201; Зубков-фабрикант 1881 г.—186; Ивановознесенск 1882 г.—186; 1905 года—464; Илекские заводы 1882 г.—188; Иркутск 1905 г.—480; Кавказ 1894, 1895 г.—250; 1905 г.—518, 452; Калуга 1814-1821 год.—56; Казань 1905 г.—480; Калиш 1905 г.—480; Калинкинская фабр.—281; Каретников зав. 1884 г—189; Кельцы 1905 г.—470; Кениг 70 г.—127; 1896 г.—281; Керчь 1904 г.—372; Киев 1894 г.—372; 1905 г.—479, 498, 499; Кинешма 1898, 1899 г—255; Кирицкий завод 1797 г.—53; Кнопп-фабрик. 1883 г.—189; Ковно 1905 г. 480; 1898, 1899 год.—255; Кожевников фабр. 1898, 1899 год.—255; Козлов 1905 г.—480; Кострома 1905 г.—518; Красноярск 1899 г—331; 1899 г.—364; 1902 г.—364; 1905 года—479; Кременчуг 1905 г.—480; Крестовоздвиженские золот. промыслы 1884 г.—67: Кубань 1902 г.—365; Кузнецов, фабр. 1881 г.—186; 1885 г.—231; Кушицер фабрикант 1893 г.—238; Курск 1905 г.—480,

479; Кутаис 1905 г.—470; Лаферм 90 год.—278; Леснер-заводчик 1913 года - 549; Либава 1899 г. — 250; 1905 г.—451, 479, 480; Литва—527; Лодзь 1891 г.—236; 1905 г.—452, 469, 480; Максвеля завод.—1898, 1899 г.г.—255, 189, 201; Малина, фабр. 1815 г.—53; Мариуполь 1905 г. 480; Минск 1905 г.—470; Мирчи-фабрикант, стачка 70 г.—127; Митава 1905 г.—451; Михин фабрикант, 1873 г.—103; Михайлово, станция 1905 год.—470; Морозов фабрикант 1865, 1871 г. г.—192; Москва 1905 г.—480, 478, 512; 1917 год—588; Нарвский завод 1898, 1899 г.г.—255; Небурчилов, фабр. 1888 года—186; Нижнесергеевск 1838 г.—56; Нижнеднепровск 1898, 1899 г.—255; 1897 г. 248, Нижний-Новгород 1905 г.—470, 479; 1893, 1894, 1896 г.—246; Николаев 1882 г.—187; 1883 г.—189; 1898, 1899 г.—255; 1905 г.—482, 516; Нобель 1882 года 187; Новороссийск 1905 г.—470, 516; Одесса 1871 г.—100; 1896 года—248; Оренбург 1829 г.—56; 1905 г.—480; Орехово-Зуево 1905 год.—468; Орша 1905 г.—480; Осокинский завод—78; 1796, 1800, 1817, 1819, 1834, 1836 г.—54; Паль фабрикант 1898, 1899 г. 255; Перново 1905 г.—451; Пермский завод 1828, 1829 г.—56; Петербург 1870 г. 99; 1896 г.—283; 1905 г.—479, 480, 514; 1914 г.—574; 1917 г.—588; Петровск 1905 г.—452; Печаткин фабрикант 1898, 1899 г.—255; Побияниц 1891 года—236; Познанский фабрикант 1905 г.—518; Полтава 1905 г.—480; 1883 г.—190; Полесская ж. д. 1905 года—479; Полоцк 1905 г.—480, Польша 1905 г.—452; «Проводник» завод 1914 г.—572; Прибалтийский край 1905 г.—479, 518; фабрики Прохорова 1898, 1899 год.—255; Псков 1905 г.—480; Путиловский завод 1905 г.—442, 1913 г.—549; Ревель 1905 г.—451, 480; Рыбинск 1881 г.—186; Рига 1899 г.—250, 255; 1905 г.—451, 480; Ростов на Дону 1899 г. 364; 1905 г.—471, 480; завод Расторгуева 1822 г.—56; Рижско-Вяземская ж. д. 1881 г.—186; Самара 1905 г.—480; Самтреди 1905 года—470; Саратов 1905 г.—479, 528; 1907 г.—364; Сев.-Зап. край 1905 г.—452; Серпухов 1898, 1899 года—255; 1875 г.—106; Сестрорецк 1896 г.—281; Сетунов 1870 г.—98; Симбирск 1905 г.—479; Симферополь 1905 г.—480; Смоленск 1905 года 480, 518; Сормово 1905 г.—518; Ставрополь 1905 г.—471; Сураж 1882 г.—188; Сытин владелец типографии 1905 г. — 474; Таганрог 1885 г.—200; Тамбов 1905 г.—564. Тверь 1885 г —200; 1898, 1899 г.—255; Тифлис 1901 г —364; 1899 г.—373; 1905 г.—470, 479; Тихорецкая станция 1902 г.—367; Томашево 1891 г.—236; Томск 1882 г.—188. Тортон фабрикант 1891 г.—273; фабрикант Третьяков 1873 г.—103; Тула 1905 г.—479; Тулинов фабрикант 1815 г.—53; Тулинский завод—38, 43; Тяпкинская фабрика 1881 г.—186; Устюг 1872 г.—103; Харьков 1898, 1899 г.—328; 1905 года—470, 479, 480, 518; Херсон 1885 г.—200; Чешера 1898, 1899 г.—255; Чиатуры 1905 г.—470; в Шарлын фабрикант 1884 г.—189; Шапшал фабрикант 70 годы—126; Шибаевы фабриканты 1874 г.—105; Шуя 1885 г.—190. 245; 1893 г.—245; 1905 г.—468; Юрьев 1905 г.—480; Ярославль 1806, 1816, 1817, 1823 г. г.—57; 1882 г.—244; 1895 г.—246.

Стокгольм—об'единен. с'езд Р.С.-Д.Р.П. 491.

Струве П. Б.—составитель «Манифеста партии» - 302.

Сураж—стачки 1882 г.—188.

Сухазанет—генерал-фабрикант, волнения 1865 г.—97.

Сытин—забастовка 1905 г.—474.

Таганрог—локауты—528, стачка 1885 года—200.

Тальская фабр.—волнения 1845 г.—58

Тамбов—стачка 1901 г.—564.

Танский—рабочий революц. 1889 г.—234.

Тараканов—рабоч. революц.—64

Тахтарев—организатор студ. кружка—276.

Твердыменский завод—помогавший Пугачеву—47.

Тверь—стачка 1885 г.—200; стачка 1898 и 1899 г.—255; погром 1905 года—482; 1-ое мая 1914 г.—573.

Тейтельбаум—революц. 89 г.—216.

Тевтун—70 г.—114.

Тифлис—1-ое мая 1898, 1900 г.—362; стачка 1901 г.—364; забастовка 1899 г.—373; забастовка 1905 г.—470; локауты—528; октябрьские дни 1905 г.—379.

Тихорецкая ст.—стачка 1902 г.—367.

Толстой—министр внутрен. дел 1886 года—319.

Томашево—стачка 1891 г.—236.

Томск—стачка 1882 г.—188; раб. движ. 1904 г.—331.

Торговый капитал—4-5-6.

Торнтон, фабр.—стачка 1891 г.—273.

Точисский—организатор группы с.-д 1885 г.—215; его биография—215.
Точисская М.—революционер. 80 г.—216.
Трепов—обер-полициймейстерг Москвы 1898 г.—380; петербургский генерал-губернатор—455; его деятельность в 1905 г.—498.
Третьяков.—фабр. стачка 1873 г.—103
Трещенко—жандармский ротмистр—раб. движение,—546.
Треугольник—1914 г.—572.
Трифонов—рабочий революц., подвергшийся наказанию розгами—109.
Трофимов—рабочий ходок к Екатерине II—34.
Троцкий Л Д.—его деятельность в 1905 году—506 и в 1917 г.—605; его деятельность в 1898 г.—248.
Трубецкой кн.—минский губернатор—386.
«Трудовой союз»—рабочий кооператив—540.
«Труженик»—рабочий коопер. 541.
Туган-Барановский - 3.
Тула—октябрьские дни 1905 г.—479; погром 1905 г.- 482
Тулинов—фабр. забастовка 1815 г.—53
Туринский завод—стачки 38—43.
Тучапский—участник в организ. Р. С.-Д. Р. П. 1898 г.—298.
Тяпкинская фабр.—стачка 1881 года—186.
Угодатский завод—33.
Уложенне—о наказаниях 1791 г.—407.
Ульянов—см. Ленин.
Урал—1-ое мая—319.
Урусов—усмиритель волнений рабочих олонецких заводов—35.
Успенский Глеб—181.
Устав «Совета ткачей»—392.
Устюг—стачка 1872 г.—103.
Уфа—1-ое мая—392.
Ушаков—офицер-пропагандист—109.
Ухтомский—раб. машин.—515.
Федосеев—организатор с.-д. рабочей группы в Казани—219.
Феодосия—погром 1905 г.—482.
Федоров—революц. 70 г.—111.
Фигнер—революц. 70 г—111.
Фроленко—революц. 70 г.—93.
Халтурин Степан—народник 70 г.—113, организатор Сев. Союза Русских Раб.—155, его биография—168; его революционная деятельность—170; подготовка к покушению на Александра II—172.
Харьков—стачки 1898—1899 г.—328; 1-ое мая 1894 г.—328; 1-ое мая 1905 г.—335; студенческая демонстрация 1901 г.—359; забастовка 1905 г.—470, 479, 480, 518; 1-е мая 1914 г.—573.
Хвалынск—хлебный бунт 1891 г.—242.
Херсон—стачка 1885 г—200; волнения 1894—1895 г.—248.
Хибаров Василий—ходок к Екатерине II-й—35.
Хлебниковы—купцы—12.
Хлебников—генерал, владелец мельницы—70.
Хомяков—бригадир, предавший огню деревню—41.
Холуницкий завод—волнения 1865 г.—97.
Хохряков—революционер, сосланный на 9 лет в 1863 г.—109.
Царство-Польское—октябрьские дни—479.
Царево-Николаевск—волнения 1858 г.—67.
Царицын—хлебный бунт 1891 г.—242; стачка 1905 г.—471.
Цедербаум Ю. О—(Мартов) см. Мартов.
Центральный Комитет—Р. С.-Д. Р. П. 1898 г.—300.
Церетелли—депутат Госуд. Думы—534; министр почт и телеграф—602.
«Чайковцы»—кружок—109.
Ченстохов—политич. стачки 1905 г.—480.
Чернов—министр земледелия—602.
Чернышев—владелец Анненского завода—42.
«Черный Передел»—организация народников—166.
Чернышев Н.—участник организации с.-д. группы «Молодых»—276.
Чемера завод—стачки 1898—1899 г.—255.
Чиатуры—забастовка 1905 г.—470.
Чита—праздник 1-ое мая 1904 г.—331.
Шагин Н.—депутат IV Гос Думы 1914 г. сосл. в Сибирь—544
Шаевич—один из участников «Зубатовщины»—397.
Шалаевский—революц. 80 г.—216.
Шаригин—фабр. стачка 1884 г.—189.
Шарапань—забастовка 1905 г.—470.
Шапшал—фабр. стачка 70 г.—126.
Шау—стачки 70 г.—130.
Шелгунов В. А.—революцион. 80 г.—216—272.
Шелухин—участн Морозовск. стачки—192.
Шереметьев кн.—приписавший к своей фабрике тысячи рабочих.
Шибаевы фабр.-стачки 1874 г.—105.
Штакельберг—председатель комиссии по нормированию труда 1859 г.—411
Шуя—стачк. 1885 г.—190, 245; стачка 1893 г.- 245; экономическая стачка 1905 г.—468.
Щедрин—участник Киевского рабоч. союза—148.

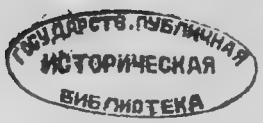
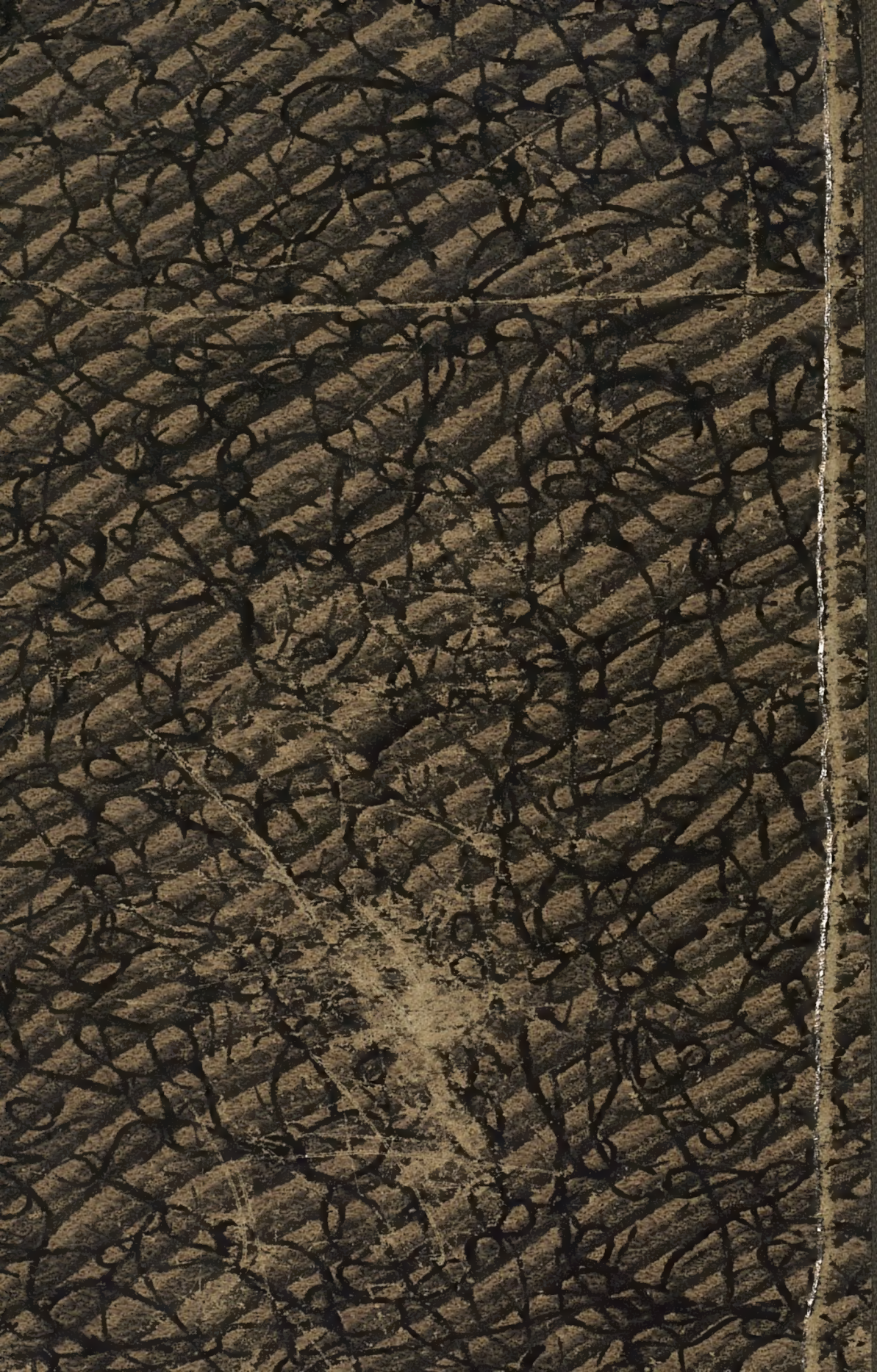
Щербаков князь—сторонник применения вольного труда на фабриках—10.
Эгансон,—фабр. волнения. 1830 г.—57.
Эйдельман Б. Л.—участник организац Р. С.-Д. Р. П. 1898 г.—298; его арест 1898 г.—301.
„Южный Рабочий»—орган Харьковск. с.-д. 1900 г.—358.
Южно-Русский Рабочий Союз—1873 г.—141.
Юз—беспорядки 1875 г.—106.
Юзовка—беспорядки 892 г.—249.
Юрезанский завод—волнения 1859 г.—68.
Юрьев—политическая стачка 1905 г.—480.
Ягутинский завод—беспорядки—39.
Яковлев—фабрикант, волнения 1812 года—61.
Яковлев—типография, волнения—530.
Янович—революционер 1885 г.—231.
Янсон профессор—исследователь положения рабочих на фабриках и заводах—89.
Японская—война 1914 г.—436.
Ярославль—стачки 1816, 1816, 1817, 1823 г. г.—57; стачка 1882 г.—244, стачка 1895 г.—246; погром 1905 года—482.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
I. „Насаждение“ крупной промышленности в России.	3
II. Появление рабочего класса в России	15
III. Рабочее движение в эпоху крепостного права:	31
А) Борьба крепостного пролетариата в XVII и XVIII веках	33
Б) Участие крепостных рабочих в Пугачевском бунте	45
В) Борьба крепостного пролетариата в XIX веке.	50
Г) Попытки создания организаций для руководства борьбой пролетариата в крепостной России	69
IV. Развитие капитализма в России	81
V. Появление современного пролетариата в России	88
VI. Рабочее движение в 60—70 годы	96
VII. Начало социалистической пропаганды среди рабочих масс	108
VIII. Стачечная борьба рабочих в конце 70-х годов	115
IX. „Южно-русские“ союзы рабочих	141
X. „Северный союз русских рабочих“	152
XI. Борцы за социализм из рабочей среды в 70-ых годах	168
XII. Рабочее движение в 80-ые годы	177
XIII. Морозовская стачка	192
XIV. Рабочее движение во вторую половину 80-х годов	199
XV. Возникновение первых соц.-дем. рабочих кружков	204
XVI. Первые с.-дем. организации и рабочее движение начала 90-х годов	224
XVII. От кружковой работы к массовой агитации	257
XVIII. Борьба Петербургского пролетариата за сокращение рабочего дня	272
XIX. Первые попытки об'единения рабочих организаций	289
XX. Первое мая в России	306
XXI. „Экономизм“ и борьба за единство партии	335

Стр.

XXII. Развитие массового рабочего движения в начале XX столетия 351
XXIII. Рабочее движение и „зубатовщина“ 379
XXIV. Влияние рабочего движения на фабрично-заводское законодательство 401
XXV. 9-ое января—17 октября 1905 г. 435
XXVI. Советы рабочих депутатов 487
XXVII. Декабрьское выступление пролетариата 509
XXVIII. Рабочее движение в период первой и второй Думы . 521
XXIX. Рабочее движение в период реакции 1907—1910 г.г. 535
XXX. Новый под'ем рабочего движения перед мировой войной 543
XXXI. Профессиональное движение 558
XXXII. Рабочее движение в годы мировой войны 572
XXXIII. Рабочий класс и февральская революция 584
XXXIV. От Февраля к Октябрю 597
Библиография по рабочему движению в России . . 607
Алфавитный предметный указатель 651



ЕКАТЕРИНОСЛАВ, ТИПОГРАФИЯ ИМ. 25-ЛЕТИЯ РКП ПОЛИГРАФТРЕСТА, № 2579—15000. РУП № 1766—29/IX—24 года.